

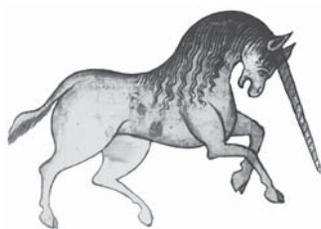


ПОЛЬША
и
РОССИЯ

*в первой трети
XIX века*



Российская академия наук
Институт славяноведения



Российская академия наук
Институт славяноведения

ПОЛЬША
и
РОССИЯ
в первой трети
XIX века

Из истории автономного
Королевства Польского
1815—1830



Москва «ИНДРИК» 2010

УДК 94 (438)
ББК 63/3(0)52
II 53

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 09-01-16154д)

Ответственный редактор
доктор исторических наук *С.М. Фалькович*

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. — М.: «Индрик», 2010. — 584 с.

В монографии впервые в российской и польской историографии комплексно исследуется история конституционного Королевства Польского 1815–1830 гг. в составе Российской империи. Рассмотрены основные тенденции экономического, общественного и политического развития польского государства, фундаментальные процессы трансформации польского общества первой трети XIX в. и его социальных и политических институтов во взаимодействии с соответствующими институтами Российской империи. Особое внимание уделено конституционному устройству Королевства, общественному движению и конспирации. Широко представлено развитие польской национальной культуры в эпоху, предшествовавшую восстанию 1830–1831 гг. Рассмотрены также проблемы взаимного восприятия и формирования национальных стереотипов поляков и россиян во взаимоотношениях общества России и Польши.

Poland and Russia in the First Third of the Nineteenth Century. From the History of the Autonomous Polish Kingdom. 1815–1830 is the result of a scholarly research carried out by a group of experts in the history of Russia as well as Poland and dealing with such critical issues for our times as those of constitutionalism, autonomy, differentiation of authorities between the centre and local structures, particularly when the latter have specific national features. The analysis of the historical experience of Russia and Poland in 1815–1830, when the autonomous Polish Kingdom was a part of the Russian empire, makes it possible to introduce some additions into a theoretical survey of these problems, which is important for political practice as well. The authors of this collective work have conducted a comparative study of the state and socio-political systems of the Polish Kingdom and Russia, juxtaposing two different models — constitutional and autocratic, and arrived at the conclusion of their incongruity. The book offers the history of the formation of that singular symbiosis; it shows inner and outer factors that caused it. The authors analyse various aspects of political, economic and social life in Poland and Russia, revealing common or specific features. The book demonstrates the mechanism of functioning of the Polish constitution under the conditions of the tsarist autocracy; the policy of tsarism in the Polish Kingdom is also presented. Great attention is paid to the problem of the development of Polish patriotic movement; the genesis and activity of clandestine societies in the Polish Kingdom, preparations for the armed uprising are thoroughly explored. The writers give a positive answer to the question whether the revolt of 1830 was inevitable. The book poses the question of the Russian society's views toward the Polish autonomy and constitution, tracing Polish political institutions' impact on the growth of liberal thought in Russia and the Russian liberation movement. The book emphasises the significance of the years of 1815–1830 as a milestone in the development of the relations between Russians and Poles, that left its mark on forming national consciousness and national stereotypes by both peoples.

ISBN 978-5-91674-087-5

© Авторский коллектив, текст, 2010
© Издательство «Индрик», оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>С. М. Фалькович</i>).....	7
Глава 1. Россия и создание конституционного Королевства Польского (<i>Г. В. Макарова</i>) Польский вопрос во внешней политике России накануне Отечественной войны 1812 года. Княжество Варшавское, Литва и Россия в период военных действий. Вопрос о Польше на Венском конгрессе. Создание Королевства Польского и подписание «Основ конституции»	11
Глава 2. Социальный строй Королевства Польского (<i>Б. В. Носов</i>) Территория и население. Социальные слои и группы. Армия в социальной организации Королевства Польского. Таблицы I–VII.....	109
Глава 3. Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в. (<i>Л. П. Марней</i>) Политика кредитования промышленности. Обеспечение промышленности рабочей силой и квалифицированными специалистами. Развитие горнорудной и металлургической промышленности. Особенности развития текстильного производства. Курс на развитие машиностроения. Закупка иностранных машин и поддержка изобретений. Пищевая и другие отрасли промышленности: новое и традиционное. Организация промышленных выставок. Развитие путей сообщения. Ярмарочная торговля. Создание и поддержка объединений предпринимателей. Развитие торговли: политика протекционизма. Специальное и профессионально-техническое образование.....	195

Глава 4. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского (<i>Б. В. Носов</i>)	
Политика Реставрации и определение принципов государственного устройства Королевства Польского. Конституция 1815 г. «Народное представительство» и судебная система. Смена политических элит.....	247
Глава 5. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) (<i>С. М. Фалькович</i>)	
Начало конституционной жизни: настроения общества и позиции властей. Развитие конфронтации между властью и обществом: патриотические выступления и конспирация. Нарастание революционной ситуации; формирование повстанческой идеологии и структуры.....	331
Глава 6. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) (<i>О. С. Каиштанова</i>)	
Просвещение, наука, литература и театр (от Речи Посполитой к Королевству Польскому). Музыкальная культура, изобразительное искусство и зодчество: традиции и их развитие в Королевстве Польском.....	429
Глава 7. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. (<i>Н. М. Филатова</i>)	
Конституционное Королевство Польское глазами русского общества. Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения.....	469
Заключение (<i>С. М. Фалькович</i>)	519
Приложение	
Конституционная Хартия Царства Польского	527
Основные источники и литература.....	541
Указатель имен.....	573

ВВЕДЕНИЕ

История польского народа в Новое время была драматической — 123 года он не имел своей государственности, находился под чужеземной властью, был разделен на части, как и его территория. Это случилось в конце XVIII в., после того как Польша, являвшаяся в Средние века крупным и сильным региональным государством с развитой национальной культурой, в результате социально-экономического отставания ослабела и сделалась добычей разделивших ее соседей — России, Пруссии и Австрии. В эпоху наполеоновских войн «польский вопрос» стал объектом международной политики, а польская территория, по которой прокатились военные бури, превратилась в предмет торга европейских держав. В соответствии с их интересами возникали планы формирования на части польских земель сателлитных государственных образований. Таковым, в частности, было созданное французским императором в 1807 г. Княжество Варшавское, закончившее свое существование вместе с падением Наполеона. Его победители собрались в 1815 г. на конгресс в Вене. Это стало моментом рождения нового исторического явления — впервые концерт европейских держав выступил вершителем судеб народов Европы, занялся совместным перекраиванием ее карты. Была, таким образом, заложена традиция, развивавшаяся затем в течение XIX–XX вв., а в наши дни достигшая наивысшего выражения. Венский конгресс определил новую форму существования польского народа на части его территории: было провозглашено создание Королевства Польского, которое вошло в состав Российской империи как автономное конституционное образование во главе с российским самодержцем Александром I в качестве польского короля.

В XX и XXI вв. стали весьма актуальными вопросы, связанные со сложными многонациональными образованиями. Проблемы конституционализма, централизма, автономии, взаимоотношений

центра и местных структур, разграничения их полномочий и функций, особенно при наличии национальной специфики на местах, стали не просто объектом исследования теоретиков: необходимость их решения остро ощущается в сегодняшней политической практике. Поэтому попытки разрешения этих проблем в прошлом, исторический опыт ряда стран привлекают внимание как ученых, так и политиков. В этом плане результат изучения истории взаимоотношений России и Польши на довольно коротком временном отрезке 1815–1830 гг., когда возникла перспектива сосуществования двух моделей государственного устройства — конституционного и абсолютистского, самодержавного, может быть весьма поучительным и полезным. Насколько такая перспектива была реальной, могли ли быть обеспечены автономия и конституция в рамках абсолютизма, как столь экзотический симбиоз должен был отразиться на развитии всех сторон общественной жизни, на экономике и культуре русского и польского народов, на их взаимоотношениях, — все эти вопросы требуют для ответа комплексного изучения, всестороннего сопоставительного исследования.

Как в российской и польской, так и в западной историографии исторический опыт взаимоотношений России и Польши 1815–1830 гг., представляющий собой уникальное явление, не рассматривался до сих пор с точки зрения совместимости разных форм правления и общественных структур, а исследовался преимущественно в плоскости развития польского освободительного движения и его связей с революционным движением в России. Польские историки немало писали об этом периоде, но интересовались им прежде всего как этапом подготовки восстания 1830–1831 гг., которое положило конец «сожителству» конституционной и самодержавной модели. В российской исторической литературе период существования Королевства Польского был слабо освещен и рассматривался главным образом под углом развития русско-польских революционных контактов. Поэтому при его комплексном изучении решение теоретических вопросов непременно должно сочетаться с конкретно-историческим исследованием, причем довольно подробным, так как история Королевства Польского недостаточно известна российскому читателю.

Такое исследование предпринял коллектив ученых — специалистов по истории России, Польши, польской культуры, русско-польских отношений. В соответствии с комплексным характером исследования была разработана структура коллективного труда: изучению различных сторон жизни русского и польского народов были посвящены отдельные главы.

Так, большой интерес представляло сопоставление и сравнение государственного и социального строя Королевства Польского и России, а также исследование соотношения между социальным строем и государственной системой самого Королевства, являвшейся плодом совместных русско-польских политических комбинаций по решению «польского вопроса».

Важной задачей являлось определение уровня экономического развития России и польских земель к моменту создания Королевства Польского. Нужно было проследить особенности экономической политики России в первое 30-летие XIX в., проанализировать значение предоставленных конституцией Королевства возможностей экономического роста с учетом, с

одной стороны, широких просторов российского рынка, а с другой — рамок системы государственного регулирования имперского центра. Большое значение также имело изучение роли экономических рычагов в развитии политического процесса в Королевстве Польском.

В задачи исследователей входило определение степени влияния материальных и политических интересов на позиции основных классов польского общества по отношению к центральной власти, а также выявление их отношения к институтам автономии, к конституционному строю в целом. Авторы коллективного труда стремились выяснить возможность функционирования политических институтов и степень реализации конституционных свобод и прав под «крылом» самодержавия. В центре их внимания находились вопросы динамики политического и идеологического развития польского общества. В связи с этим необходимо было рассмотреть патриотические проявления различных общественных групп, выявить наличие в обществе оппозиционных элементов и формирование политической оппозиции, проанализировать ее идеологические обоснования, учитывая при этом роль исторических и культурных традиций, национального менталитета.

Для решения исследовательских задач требовалось представить политику царизма в Польше, проследить ее эволюцию на разных этапах, обращая внимание на административную практику. С другой стороны, стояла задача изучить реакцию польского общества как на ужесточение политики царизма во второй половине 20-х гг. XIX в., так и на политические события, происходившие в это время в России, Королевстве Польском и за границей.

Оценка значения периода 1815–1830 гг. предполагала необходимость анализа позиции русского общества в вопросе польской конституции и автономии. Важно было выявить, как опыты конституционализма и парламентаризма в Королевстве Польском отражались в российских либеральных изданиях, воздействовали на формирование политических взглядов деятелей русского общественного движения, в частности, как они стимулировали позицию декабристов. Авторам предстояло также выяснить, как отношение русского общества к польской автономии повлияло на развитие национального самосознания русских и на формирование их представлений о Польше и поляках.

В решении этих исследовательских задач авторы коллективного труда опирались на историческую литературу, преимущественно русскую и польскую, а также на материалы источников, как опубликованных, так и хранящихся в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы. Были использованы материалы разнообразного характера — официальные документы, мемуары, переписка, агентурные донесения и пр. Привлекались также материалы публицистики и периодики.

В частности, изучался текст конституции Королевства Польского, законодательные акты Российской империи, документы Польского сейма, официальная и неофициальная корреспонденция как между Варшавой и Петербургом, так и между самими польскими политическими деятелями. В книге рассмотрены концепции национального развития Польши, содер-

жащиеся в сочинениях польских идеологов этого времени, представлены программы польских конспиративных организаций и обществ, о которых, в частности, дает представление агентурная переписка царских властей и прилагавшиеся к ней документальные «улики». Использование этих материалов позволило выявить эволюцию общественного мнения в Королевстве, изменения в настроениях и взглядах польского общества, в том числе на соотношение конституционных норм и неограниченной власти. Такой анализ лег в основу формирования выводов о значении конституционного периода в истории Польши как в плане экономического, социального и культурного развития, так и в плане национального самосознания и идейного созревания польского народа, подъема национального движения, формулирования национально-освободительных программ. Он должен был дать ответ на вопрос, возможно ли существование автономной конституционной части в недрах абсолютистского целого, насколько оно зависит от национальной специфики, исторических традиций, является ли крах польской автономии, обозначенный восстанием 1830 г., частным случаем, фатальным сочетанием ряда факторов или же проявлением общей закономерности.

Выяснение этого вопроса имеет не только конкретно-историческое, но и теоретическое значение. В то же время весьма важным в практическом плане является вывод о том, какое влияние оказала эпоха польской автономии на взаимоотношения русского и польского народов, что принесла она в плане революционного сотрудничества, идейной переклички, культурного сближения, с одной стороны, и какую роль сыграла в усилении русско-польского антагонизма и конфронтации, с другой. Это дает возможность оценить значение периода первой трети XIX в. в процессе формирования у русских и поляков национального самосознания, выработки ими национальных стереотипов и в результате лучше понять современные тенденции в развитии отношений обоих народов.

ГЛАВА 1. Россия и создание конституционного Королевства Польского

1. Польский вопрос во внешней политике России накануне Отечественной войны 1812 года

В результате разделов в конце XVIII в. Польское государство перестало существовать. Земли Речи Посполитой оказались включенными в состав трех соседних держав: Австрии, Пруссии и России. Однако поляки, прежде всего политически активные силы польского общества, не утратили надежды на восстановление Польши. Специфическая социальная структура, в частности наличие многочисленного слоя польского дворянства (магнатории и шляхты), исторические традиции, выражавшиеся как в длительном существовании собственного независимого, могущественного и имевшего по европейским меркам огромную территорию («от моря до моря» — от Балтики до Черного моря) государства, так и в своеобразном политическом устройстве — республиканской монархии, — все это вело к возникновению определенного типа идеологии, складыванию своеобразной модели национального самосознания и особой национальной психологии. В центре общественного внимания и интереса образованных слоев польского общества находились проблемы восстановления независимого польского государства, воссоздания его целостности, национальной самоидентификации. Предпринимавшиеся в конце XVIII в. усилия по проведению реформ: созыв и работа Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.), принятие Конституции 3 мая 1791 г., так же как и попытки вооруженной борьбы (восстание Тадеуша Костюшко 1794 г.), оказались безрезультатными и не смогли предотвратить окончательного падения Речи Посполитой. К России отошли литовские, белорусские, украинские земли, значительную долю населения которого составляли поляки, прежде всего польская шляхта. В результате состоявшегося в 1795 г. последнего раздела польского

государства — Речи Посполитой — с политической карты Европы исчезло слово «польский», название «Польское королевство» упразднилось «раз и навсегда». Оно появилось вновь спустя два десятилетия, когда было воссоздано польское государство под исторически традиционным названием «Королевство Польское». Определяющая роль в его восстановлении принадлежала России, лично российскому императору Александру I. Екатерина II, во время царствования которой произошли разделы Польши, с особым вниманием относилась к воспитанию и образованию будущего наследника престола. Готовя его к занятию императорского трона, видя в нем своего политического преемника, императрица стремилась дать ему, а также его брату великому князю Константину, на которого также возлагались большие надежды, широкое европейское образование. Для занятий с ними в Петербург был приглашен швейцарский генерал, республиканец по убеждениям Ф. Ц. Лагарп. Он оказал большое влияние на формирование политических взглядов и вообще на становление личности будущего российского императора. Вторым лицом, чье влияние на Александра I было не менее сильным, стал поляк Адам Ежи Чарторыйский.

После разделов Речи Посполитой в пределах Российской империи оказались значительные земельные владения польских аристократов. В их числе были и земли Чарторыйских, богатой и влиятельной «фамилии», имевшей родственные связи с последним польским королем Станиславом Августом (Понятовским). Крупный польский магнат и активный политический деятель Адам Казимеж Чарторыйский, претендовавший даже на занятие трона, но отказавшийся в пользу своего двоюродного брата Станислава, стал австрийским подданным, поскольку имел земельные владения и в той части Речи Посполитой, которая вошла в состав империи Габсбургов. Именья Чарторыйских, находившиеся в пределах Российской империи на Волыни и в Подолии, после третьего раздела Польши были конфискованы российскими властями¹, и австрийский император Франц II² обратился к Екатерине II с просьбой об их возвращении. Обеспокоенные судьбой своих земель в России, Чарторыйские пытались найти выход из сложной ситуации, чтобы сохранить свои владения. По совету хорошо знакомого им Н. В. Репнина, ранее, в 60-е годы XVIII в., бывшего полномочным послом в Польше, а к тому времени занимавшего пост литовского и виленского генерал-губернатора, А. К. Чарторыйский решил направить своих сыновей Адама Ежи и Константыя Адама в Петербург³, с целью подчеркнуть свою лояльность императрице. Екатерина II сочла это возможным при условии, что они поступят на русскую службу. Пребывание братьев в Петербурге способствовало изменению их представлений о русских, которые вначале были крайне негативными. В своих мемуарах А. Чарторыйский писал: «Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловредных и кровожадных, с которыми мы готовились избегать всякого общения, с которыми не могли также встречаться без отвращения, — что эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие, что между ними есть умные молодые люди, люди вежливые, приветливые, на словах, по крайней мере [...], что в общем можно жить

в их обществе, не испытывая чувства отвращения, что даже можно иногда считать себя обязанным питать к ним дружбу и чувство благодарности»⁴. Постепенно между великим князем Александром и А. Чарторьским, который был на 7 лет старше, начали складываться доверительные дружеские отношения. Чарторьский был хорошо образован, имел уже определенный опыт в политических делах. Он путешествовал по европейским странам, некоторое время жил в Англии, где изучал, в частности, ее конституцию.

Последовательная позиция Чарторьского по польскому вопросу, его твердая убежденность в необходимости возрождения польского государства оказала влияние на становление взглядов будущего императора, прежде всего по вопросу о Польше. Неоднократно описанная в исторических трудах знаменательная прогулка Александра с польским приятелем явилась одним из кульминационных эмоциональных моментов в их отношениях. Однажды, весной 1796 г., когда Екатерине II жить оставалось всего лишь полгода, Александр, гуляя с Чарторьским по саду Таврического дворца, сказал, что он «совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора, что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы». Великий князь заметил, что его «симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы». По свидетельству Чарторьского, Александр «признался, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся». Таким образом, внушенные Лагарпом принципы проявились в мировоззрении будущего наследника российского престола. Это заявление Александра произвело огромное впечатление на Чарторьского. Много лет спустя он написал в своих мемуарах, что этот день «имел решительное влияние на большую часть его жизни и на судьбы его отечества». «С этого дня и после этого разговора, — откровенно заявлял он, — началась моя преданность великому князю, я могу сказать, наша дружба»⁵.

Однако с восшествием на престол Павла I в судьбе Чарторьского произошел резкий поворот. Его дружбу с великим князем новый император посчитал вредной, и польского аристократа отправили послом на Сардинию. Несколько лет спустя, как только Александр стал императором, он сразу же возвратил Чарторьского в Петербург. Император предложил ему пост товарища (заместителя) министра иностранных дел. По свидетельству самого Чарторьского, он долго отказывался, объясняя отказ тем, что его назначение «возбудит удивление и недовольство русских», что его чувства к Польше не могут измениться и потому могут войти в противоречие с обязанностями возлагаемой на него службы. Убеждая его принять предложение, Александр I приводил следующие аргументы: во-первых, в настоящий момент такого рода затруднений он не видит, а во-вторых, Чарторьский всегда может подать в отставку. В мемуарах Чарторьский постоянно подчеркивал неизменность своей позиции относительно Польши. Этот акцент нельзя, по-видимому, рассматривать как более поздний «отпечаток», как результат его изменившегося впоследствии отношения к России: письма Чарторьского того времени, источник более объективный, подтверждают слова о тех трудностях, которые тревожили его при раздумьях о предложении Александра I. «Принимая место, — писал он в

одном из писем, — я решил не делать ничего, что могло бы неблагоприятно повлиять на будущее моего отечества»⁶. Предвидение Чарторьского оправдалось: назначение его товарищем министра иностранных дел было отрицательно воспринято русским обществом и стало, по его собственному выражению, «предметом непрерывных нареканий и постоянной критики» в адрес Александра I. Чарторьский следующим образом охарактеризовал отношение к себе окружающих: «Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий и чувств русского общества»⁷. Польский князь остро ощущал и на своем личном опыте осознавал, какую важную роль приобретало общественное мнение.

Международные отношения в Европе начала XIX в. отличались чрезвычайной сложностью и подвижностью, политические союзы и ориентации изменялись непрерывно. Активная агрессивная внешняя политика Наполеона, хотя и проводившаяся под освободительными лозунгами, вела как к территориальным изменениям, так и к нестабильности позиций великих и малых европейских государств. Все страны опасались угрозы со стороны Франции, в то же время они не желали и усиления России. При этом они полагали, что в случае их неверных политических шагов могут начаться военные действия, прежде всего со стороны Франции или России, а вследствие этого они могут потерять часть своих территорий или даже утратить свою независимость.

В определении внешнеполитической линии России А. Чарторьский занимал заметное место. Назначенный Александром I в 1802 г. товарищем министра иностранных дел, фактически он оказался главой ведомства. Значительная часть русского общества с неодобрением относилась к пропольским настроениям молодого императора, так же как и к выдвижению Чарторьского. Заняв высокий пост в российской внешней политике, Чарторьский «льстил себя надеждой создать политическую систему, которая, основываясь на принципах справедливости, могла бы со временем оказать счастливое влияние на судьбы Польши». «Я уже предвидел разрыв с Францией, — вспоминал он об этом времени. — Русские всегда подозревали меня в желании склонить русскую политику к тесной связи с Наполеоном, но я был далек от этой мысли, ибо для меня было очевидным, что всякое соглашение между двумя этими государствами было бы гибельным для интересов Польши»⁸.

С самого начала внешнеполитической деятельности Чарторьского его планы были направлены на то, чтобы польское государство «восстанавливалось бы под скипетром России»⁹. В частности, Чарторьский направил русскому представителю в Вене А. К. Разумовскому указание поставить в известность об этих планах австрийский двор. Австрия не возражала против них, но при условии сохранения прежних границ Галиции¹⁰. В это время и Англия обещала дать свое согласие на восстановление Польши.

Основная линия позиции А. Чарторьского относительно Польши — делать все возможное для восстановления польской государственности — на протяжении всей его жизни оставалась неизменной, но в зависимости от конкретных условий и обстоятельств его взгляды претерпевали неко-

торую трансформацию, а отношение к форме их реализации менялось коренным образом.

Еще в 1804 г. в его «Записке об устройстве европейских дел, в случае удачного окончания войны» излагался следующий план: «Русский император, приняв титул царя польского, получает все земли, принадлежавшие Польше до ее первого раздела, включая и так называемое Прусское королевство», потери же Пруссии будут компенсированы ей другими территориями¹¹. С началом наполеоновских войн Чарторьский попытался активнее влиять на внешнеполитический курс Александра I. В одной из записок 1806 г., представленной императору, он отрицательно оценивал его политику, характеризуя ее как «пассивную», и предупреждал, что если так будет продолжаться, то Наполеону удастся «похитить» и «превратить в свою собственность» те народы, которые «считают русских своими братьями». Он высказывал также опасение, что Наполеон может отдать польскую корону кому-либо из представителей королевского дома Пруссии¹².

В 1806 г. Чарторьский представил Александру I еще один документ — «Записку о мерах, которые необходимо принять по отношению к бывшим польским провинциям»¹³. Речь шла о польских землях, вошедших в состав России. В «Записке» явно просматривалась «обида» князя на императора. Документ является любопытным доказательством достаточной простоты и неофициальности их отношений, которые сложились к этому времени. «В настоящей записке я не имею в виду давать советы и не собираюсь предлагать никаких способов действий», — писал Чарторьский. Эта записка, замечал он, — «простой набросок первых попавшихся мыслей», и с этими первыми пришедшими на ум мыслями он мог позволить себе обратиться к императору. По его мнению, для того чтобы удержать польские провинции, надо «вызвать энтузиазм и любовь к нам [России. — Г. М.] жителей», следует также удержать и польские провинции Пруссии, всячески оберегать «наши» польские провинции от смуты и избегать там проявлений излишней подозрительности и «неуместной строгости». Чарторьский объективно стоит на позициях России и защищает ее интересы, причисляя к ней и самого себя: «мы» — это российские власти, т. е. Чарторьский мыслит как представитель российской администрации. Таким образом, перед угрозой со стороны возможных соперников-неприятелей российские и польские интересы переплетались, а во многом и совпадали. В записке Чарторьский вновь обращал внимание императора на необходимость считаться с польским общественным мнением и оказывать на него воздействие в нужном направлении. Для этого Александр I должен обратиться с воззванием к населению западных провинций, стараясь пробудить в поляках «чувство того древнего родства, которое должно объединять между собою все славянские нации». Чарторьский предлагал также использовать и другие способы: «поместить в газетах и в периодических изданиях разные статьи или издать их отдельными брошюрами и памфлетами, чтобы направлять общественное мнение и разрушать действие тех обращений, которые появятся от имени врага».

Князь подчеркнул, что в случае если Александр I решит объявить себя польским королем (в тексте записки эта мысль сформулирована весьма

изысканно: «если обстоятельства приведут Ваше величество к решению [...]»), то нужно будет разработать план, в соответствии с которым при прочной централизованной власти потребуется дать новому королевству конституцию, «способную примирить права неограниченной монархии с учреждениями и формами», которые Польша получит «под отеческою властью Вашего величества». Необходимо опередить Бонапарта, пробудить в поляках надежду на «новое существование»¹⁴. Из «Записки» следовало, что с самого начала разговоров и размышлений относительно восстановления Польши выявлялось то противоречие, которое с неизбежностью возникнет при соединении либерально устроенного автономного (в большей или меньшей степени) государственного образования и центральной власти — неограниченной монархии, а также обнаруживалось и понимание того, что каким-то образом это противоречие необходимо снять.

В конце 1806 г. Чарторьский подал Александру I специальную записку о Польше¹⁵. «Польша, — отмечалось в ней, — в силу сложившихся обстоятельств, сделалась главным центром интересов двух столкнувшихся держав [России и Франции. — Г. М.] [...]. Именно Польша служит Бонапарту основной базой для борьбы с Россией и средством проникнуть вплоть до ее старых границ». В Польше, писал князь, Наполеон «встретит население, легко возбуждающееся и способное быстро осваиваться с военным делом, найдет храбрых и опытных офицеров, деньги и съестные припасы и страстное желание защитить существование и свободу своего отечества». Он характеризовал такими словами отношение русских к полякам: для России поляки являются «постоянной причиной беспокойства и подозрений», «тщетно Польша предлагает все силы для доставления средств к войне и для защиты русского трона». «Правительство, — писал он, — боится воспользоваться этими средствами, чтобы не вызвать неудовольствия русского населения, оно боится вовлекать в войну поляков, чтобы они не обратили своего оружия против России же». Чарторьский продолжал настаивать: чтобы привлечь поляков на сторону России, по его мнению, существует единственное средство — следует объявить Польшу королевством, а ее наследственными королями провозгласить русского императора и его наследников. Тогда Польша станет барьером, преграждающим путь Наполеону: «Россия, присоединив к себе Польшу, создаст себе в ее лице аванпост», «создаст оплот, недоступный никакому прямому захвату, и этим положит начало той счастливой связи, которая должна будет когда-нибудь объединить вокруг нее все разрозненные ветви древней славянской семьи». В этих словах, несомненно, слышны отзвуки славянофильства, идеи славянской общности, даже панславизма, несмотря на то, что ни в начале XIX в., ни позднее в Польше не пользовалась популярностью мысль об объединении славянских народов под главенством России. Вероятно, на «пророссийской» ориентации Чарторьского сказались влияние его русского окружения. Настаивая на реализации своих планов в отношении Польши, он пытался представить различные аспекты тех выгод, которые получит Россия. Но, предвидя возможную реакцию со стороны русского общества, он предлагал Александру I готовые ответы на вероятные вопросы и возражения, которые могли бы возникнуть у представителей просвещенной элиты. Чар-

торьский предлагал парировать опасения, что «восстановление Польши равносильно отделению от государства одной из его составных частей», следующим образом: «Ведь отделение это лишь внешнее. Польская корона осталась бы неразрывно связана с русским тронem». Чарторьский постоянно балансировал на грани: с одной стороны, он выступал за восстановление Польши как отдельного государства, а с другой — считал, что «новая Польша» будет «неразрывно связана с Россией», тем самым признавая, что самостоятельность ее будет весьма ограничена¹⁶.

В «Записке» шла речь не только о возрождении польского государства, но и о том, каким должно быть его политическое устройство. Чарторьский высказывал императору свои соображения, как следует действовать: «[...] чтобы зажечь энтузиазм поляков, нужно дать им управление, соответственно с их желаниями и их старыми законами [...]. Нужно, чтобы милости императора превосходили предложения и соблазны Бонапарта. Благодаря этим же милостям связь между империей и польской нацией станет только крепче». Стремясь убедить императора, Чарторьский в качестве примера ссылаясь на венгерско-австрийские отношения, установившиеся внутри империи Габсбургов: «[...] с каких это пор автономная конституция стала менее надежной гарантией постоянной и полной покорности? Венгерское королевство, несмотря на предоставленные ему свободы и прерогативы, уже целые века служит примером верности и самой надежной поддержкой Австрии». «Записка» содержала также обширные рассуждения Чарторьского относительно того, каким образом можно было бы нейтрализовать недовольство Пруссии и Австрии, компенсировать их территориальные потери, неизбежно возникшие бы при объединении польских земель, и какие следовало бы предпринять в связи с этим дипломатические шаги. В заключительной части документа Чарторьский еще раз делал акцент на вопросе о внутреннем устройстве Польши: надо, «наконец, немедленно разработать в необходимых деталях план будущей внутренней организации нового королевства, в котором должны быть согласованы неотъемлемые права государя с учреждениями и порядками, которыми дорожит польский народ и большая часть которых была им сохранена под отеческим владычеством Вашего императорского величества»¹⁷.

Таким образом, еще задолго до восстановления Польского королевства, до введения конституции, было уже очевидно, что соединение государства с монархическим, абсолютистским типом правления и автономного государственного образования, имеющего конституцию и парламент, — дело чрезвычайно сложное, требующее серьезной предварительной разработки государственно-правовых основ.

Подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. * мирный договор между Россией и Францией определял и судьбу части польских земель.

* В данной главе даты приводятся с учетом обозначения в историческом источнике. Европейские события, как правило, датируются по новому стилю; в российских источниках для датировки обычно используется старый стиль. В тех случаях, когда речь идет о международных событиях с участием России, дается двойная дата.

Условиями мира предусматривалось образование из польских владений Пруссии Княжества (Герцогства) Варшавского. Оно включалось в наполеоновскую политическую систему, и на него распространялось действие Кодекса Наполеона. Французский император отдал вновь образованное Княжество саксонскому королю Фридриху-Августу I, который к недавно полученному королевскому титулу присоединил и титул герцога Варшавского. Таким образом, «барьер» между государственно-политическими пространствами двух империй — России и Франции — перестал существовать: Княжество Варшавское становилось аванпостом военных сил французского императора. Однако России необходимо было обезопасить свою западную границу, для чего следовало попытаться согласовать с Францией позиции относительно польского вопроса. Россия опасалась восстановления польского государства, которое находилось бы полностью в орбите французского влияния. Начались переговоры и длительная дипломатическая переписка по подготовке конвенции, которая должна была определить будущую судьбу поляков.

Ни сам Наполеон, ни министр иностранных дел Франции Ж. Б. Шампаньи не выражали прямого согласия на подписание конвенции о Польше. Эта неопределенность вызывала раздражение у российских властей, поскольку «польский вопрос» продолжал оставаться одним из центральных в российской внешней политике. Точка зрения Александра I по этой проблеме была изложена французским послом в Петербурге А. О. Коленкурром в его донесении Наполеону. В апреле 1809 г., когда шли военные действия между Францией и Австрией, он сообщал о позиции российского императора: «Если Австрия должна быть разгромлена, она [Россия, выступавшая на стороне Франции. — Г. М.] не потерпит, чтобы Галиция вся или часть ее попала в другие руки, а не в ее, потому что, если бы что-нибудь отошло от Галиции к Герцогству Варшавскому, то это было бы шагом вперед к реставрации Польши и поэтому совершенно против главных интересов России»¹⁸. По мнению великого князя Николая Михайловича, профессионально как историк занимавшегося изучением взаимоотношений между Россией и Францией этого периода, поляки при разгроме Австрии могли бы потребовать восстановления Польского королевства. Тогда бы на западных границах России возникла Польша, явно ей враждебная, «покорная послушница Наполеона, на которого и без того возлагались все надежды поляков»¹⁹. В случае разрыва России с Францией поляки, уже служившие в рядах наполеоновской армии, примкнули бы к Наполеону, «агенты которого и без того наполняли все Варшавское Герцогство и Саксонию»²⁰.

Российские политики уделяли пристальное внимание тем настроениям, которые существовали среди поляков по отношению к России. Об этих настроениях, и в частности о позиции князя Ю. Понятовского, писал в донесении от 24 мая (5 июня) 1809 г. барон А. Ф. Розен. Возвращаясь в Россию из Австрии через Польшу, он сообщал главнокомандующему Молдавской армией А. А. Прозоровскому: «Во время моего пребывания у князя Понятовского его дежурный генерал фон Фишер неоднократно внушал мне, что Польша очень хотела бы, чтобы император всероссийский принял предложение, сделанное поляками в 1805 году»²¹, что они повторяют теперь свое

предложение и хотели бы на деле это доказать, как только сам государь прокламацией или другим удобным для него способом провозгласит себя королем Польши; что этот акт не только будет принят и признан с величайшим энтузиазмом, но и что все состоящие до сих пор в иностранных армиях и соединениях присоединятся к русской партии. Для осуществления всего этого достаточно будет даже небольшой помощи со стороны русских войск. По его словам, тогда все поляки стали бы единокорольными. Если бы Польша с помощью России возродилась бы в качестве королевства, пропала бы всякая привязанность к Франции». Далее приводились слова Понятовского, сказанные Розену при отъезде его из Варшавы: «Князь Понятовский сам сказал, что он и все поляки хотят убедить нашего монарха в том, как страстно хотят они вернуть с его помощью своей нации независимое существование и быть объединенными с Россией в качестве государства польского, что это не только возможно, но и необходимо для блага России». Такое объединение, заключал он, стало бы преградой на пути агрессивной Франции, дало бы возможность заключить выгодный мир с Англией, и в итоге «Россия превратилась бы в сильнейшую державу на континенте»²².

Немного позже Александр I через канцлера Н. П. Румянцева получил записку главнокомандующего армией в Галиции С. Ф. Голицына, специально посвященную настроениям поляков. Она являлась приложением к его письму из Люблина от 4 (16) июня 1809 г. «Нет ни единого поляка, — писал Голицын, — который не бредил бы восстановлением отечества своего, что и весьма естественно, ибо кто не пожелает, чтобы земля та, на коей родился, принадлежала одной власти, и предками признаваемой. Польское королевство, разделенное между тремя державами, оставило в недрах своих многих из довольно знатных жителей, потерпевших от сего раздела и в рассуждении имений, и также по личным почестям. Многие даже оставили свое отечество и в надежде восстановления оно жертвовали и жертвуют не только последним имуществом, но и жизнью чужой державе, подающей им к тому надежду. Все таковые употребляют разные способы уверять народ в событии пламенного их желания, а от того возникают при малейшем случае мятежи. Чтобы все умы привести в равновесие, чтобы водворить повсюду спокойствие, необходимо нужен им король, но король не из их среды себе избираемый, могущий быть вассалом сильной какой-либо державы, а владетель, по достоянию своему и по влиянию на всю Европу имеющий все способы сделать королевство сие почтенным». Общий вывод автора записки был следующим: «Истинно все благомыслящие поляки жаждут о той минуте, в которую провозглашен будет их королем Александр, император всероссийский». Голицын полагал, что королевство останется, «только под иным видом, не иным чем, как российскою провинциею». По его мнению, российский император, приняв на себя «достоинство короля польского», должен установить на «вечные времена, что российские государи суть рожденные короли польские, имеющие право назначать вместо себя для управления сим королевством наместников, управляющих именем и властью государей всероссийских». Относительно размера территории королевства Голицын писал, что оно «составилось

бы из всей прежде бывшей Польши, исключая Белоруссию и отошедшее к составлению Киевской и Подольской губерний»²³.

15 (27) июня 1809 г. Н. П. Румянцев сообщил С. Ф. Голицыну, что «государь император с благоволением изволил принять изложение мыслей вашего сиятельства по предмету восстановления бывшего Королевства Польского и присоединения оногo на вечные времена к Российской империи». Далее он передавал соображения императора по «польскому вопросу», сделанные «в полной откровенности». В отношении территории будущего польского государства явное сомнение вызывала целесообразность воссоздания его в границах, существовавших до разделов: «С восстановлением королевства Польского в первобытном его состоянии не должны ли отойти от России разные области, прежде сего Польше принадлежавшие?» Объединение с поляками, считал император, было бы чревато конфликтами в будущем. Излагая собственную позицию, Румянцев писал: «Можно ли положиться на постоянство польской нации, и под самым видом пылкого их желания соединиться ныне под скипетром его величества не кроется ли больше умысла, чтобы тем удобнее возвратить ту часть Польши, которая России досталась, и потом вовсе отмежиться от нас?» В качестве примеров, «сколь слаба и ненадежна связь между соединенными под одною властью, но под разными именами и на особых правах государствами», он приводил Венгрию и Ирландию. Он полагал, что вряд ли России стоит идти по такому пути. Румянцев не видел «причины не надеяться», что со временем польские провинции, присоединенные к России, могли бы сделаться «совершенно русскими», «особливо же когда минет то поколение, в глазах коего совершились последние происшествия и еще мечтается блеск престола самодержавного»²⁴.

Вопрос о Польше рассматривался российской правящей элитой в широком международном масштабе. Присоединение Польского королевства к Российской империи, подчеркивал Румянцев, будет иметь негативные последствия для всей сложившейся расстановки сил в Европе, поскольку в этом случае «связь между державами, по разделу Польши естественно [за]интересованными друг друга поддерживать, тогда совершенно рушится». В итоге вывод был таков: император желает видеть Польшу «в настоящем ее положении и присоединения Польши в прежнем составе ее не изволит признавать полезным для империи», тем более что восстановление Польского королевства могло бы грозить отторжением от Российской империи «края Белорусского и участков, отошедших к составлению Киевской и Подольской губернии». Это были политические соображения стратегического характера. В то же время в письме содержались и конкретные инструктивные указания тактического плана. Изложены они были достаточно витиевато, в целом же смысл их заключался в том, что действия, предпринимаемые российской стороной, ни в коем случае не должны были оттолкнуть ориентировавшиеся на Россию польские круги. «Его императорское величество, — отмечалось в нем, — приемля в уважение, с одной стороны, представление Вашего сиятельства, что, льстя надеждам поляков о восстановлении их отечества к общему их желанию быть под скипетром его величества, можно удержать их в спокойствии и восстановить между

ими тишину и повиновение, а с другой, чтоб в противном случае и преуспев, может быть, в продолжение нынешней войны оказать важную услугу Франции, они обратятся к императору Наполеону с домогательством о составлении особого царства из Герцогства Варшавского и Княжеств Галицийских, что нам весьма невыгодно, государь император соизволяет, чтобы Ваше сиятельство, удостовераясь в полной мере, что магнаты варшавские и галицийские прямое и твердое имеют желание поступить под скипетр его императорского величества, употребили между ними под рукою и в виде собственного побуждения Вашего внушения, что ежели они действительно намерены, составя из Герцогства Варшавского и Княжеств Галиции особое царство под именем королевства Польского, вверить скипетр оною на вечные времена государю императору и его преемникам, то Вы почти уверены, что таковой подвиг их и предложение о том не останутся безуспешны и что Вы, с Вашей стороны, приемлете на себя быть в сем деле ревностным ходатаем, обещая донести о таковом их желании государю императору со испрошением все милостивейшего соизволения, чтоб им было позволено отправить к высочайшему двору на тот конец депутацию»²⁵.

В письме от 5 (17) сентября 1809 г. С. Ф. Голицын еще раз возвращался к польским делам. На этот раз он писал непосредственно императору: «[...] мыслил я, что доколь бывшая Польша останется в настоящем положении, все будет камнем преткновения и яблоком раздора. Враги наши употреблять будут воспаленное воображение поляков в свою пользу, и Россия вечно с сей стороны не будет обеспечена». Он вновь предлагал решение «польского вопроса», отличавшееся от мнения императора: «Одно только представляется уму моему, то есть, чтобы остатки Польши присоединить на вечные времена к Российской державе». «[Ваше величество] соизволили, — обращался Голицын к Александру I, — изъявить некоторым образом согласие на восстановление Польского королевства под скипетром Вашего императорского величества, из обеих Галиций и Герцогства Варшавского состоять имеющего, лишь бы изъявили они на то собственное согласие». В результате усилий, предпринятых им для выяснения общественного мнения поляков по этому вопросу, Голицын пришел к выводу, что «ныне не токмо все благомыслящие обыватели того желают, но и войско готово дать в верности Вашему величеству присягу, коль скоро соизволите принять на себя достоинство польского короля. Сие мне известно от многих высших чиновников варшавской армии». Голицын настоятельно советовал императору не упустить подходящий, по его мнению, момент: «Если в план вашего императорского величества входит корона польская, то настоящая эпоха самая к тому способнейшая. Надобно пользоваться временем и общественным мнением». Он считал, что Наполеон должен на это согласиться, «ежели союз с Россией расторгнуть не пожелает». Должна была согласиться на такие действия России и Австрия, так как «императору австрийскому [чем] лишиться обеих Галиций, гораздо приятнее видеть их во владении Вашего величества, нежели отдать в удел кому-либо из дома императора Наполеона»²⁶.

Во время переговоров между Францией и Австрией об условиях заключения мира в конце августа 1809 г. в Вену прибыл флигель-адъютант полковник А. И. Чернышев. Через него Александр I передал послание На-

полеону. В нем, в частности, российский император напоминал «об интересах России относительно вопроса о „бывшей Польше“, о которых он заявлял еще в Тильзите и Эрфурте»²⁷. Чернышев сообщал Александру I свое мнение, которое сложилось у него относительно позиции Наполеона, а также о тех внешнеполитических шагах, которые безотлагательно должны быть предприняты Россией: «Хотя Наполеон им [европейским правительствам. — Г. М.] и показывает себя миролюбивым, но это притворство: его честолюбию и захватам нет пределов. Во Франции всеобщее неудовольствие вследствие несчастной войны испанской, прекращения торговли, банкротств, деспотизма. Нужно поскорее заключить мир с Турциею, снестись с Австриею и Швециею, первой обещать часть Валахии и Сербию, второй — Норвегию, войти внезапно в Герцогство Варшавское и императору Александру провозгласить себя королем польским. Участь поляков печальна: налоги, лишения всякого рода; они все это сносят в надежде сделаться нацией, и если император Александр осуществит эту надежду, то поляки примут сторону русского императора против французского»²⁸.

Примерно в это же время французский посол А. О. Коленкур писал в Париж о настроениях русского общества в Петербурге: «Беспокойство и брожение умов достигло здесь высшей степени [...], всякий говорит со мною и даже атакует меня по польскому вопросу». Общее мнение таково, передавал он, «что надо всем пожертвовать, только не допускать присоединения Галиции к Великому Герцогству, это даже повторяется постоянно императором и графом Румянцевым»²⁹.

14 октября 1809 г. в Шёнбруннском дворце в Вене был подписан мирный договор между Францией и Австрией, по которому Австрия утрачивала значительные территории с населением 3,5 млн. человек. Королю Саксонскому как герцогу Варшавскому отходила часть Галиции с населением 1,5 млн. человек, а к России — территория с 400 тыс. жителей. В итоге территориально Польша была воссоздана почти в своих этнических границах: в состав Княжества Варшавского входили Варшава, Познань, Краков³⁰. Таким образом, настойчивые пожелания России, чтобы результаты войны не привели к усилению Княжества Варшавского, оказались проигнорированными. Правда, Наполеон поспешил заверить российское правительство в сохранении дружественных отношений и поручил министру иностранных дел Ж. Б. Шампаньи написать Румянцеву, что позиция, занимаемая Францией по польскому вопросу, не противоречит интересам России. 20 октября 1809 г. Шампаньи писал из Вены российскому канцлеру: «Император не только не желает вызвать мысль о восстановлении Польши, которая так далека от его видов, но он готов содействовать императору Александру во всех тех мерах, которые могли бы истребить навсегда воспоминания о ней и ее прежнем населении. Его величество соглашается на то, чтобы слова „Польша“ и „поляк“ не только бы исчезли из всех политических договоров, но даже из истории». Далее заявлялось: «Император Наполеон готов всеми средствами содействовать всякой мере, которая бы обеспечивала спокойствие и покорность старых поляков, и он полагает, что им же может принести пользу, избавив их от новых несчастий, подчиняя их более мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга»³¹.

Российские власти сочли, что соображения Наполеона по польским делам не должны оставаться тайной для поляков, и с письмом Шампаньи был ознакомлен, в частности, А. Чарторьский. В разговоре с Александром I он признавался, что читал его с грустью. При этом польский князь упрекал российского императора в уклонении от прежних намерений в отношении Польши: «Торжество, с которым здесь было объявлено об отнятии у поляков всякой надежды, кажется мне способным скорее послужить на пользу Наполеону, чем во вред, так как благодаря этому все, что есть в подобном образе действий позорного, падет всецело на русского императора». Александр I объяснял свои дипломатические шаги невозможностью действовать в прежнем русле³². Пытаясь смягчить ситуацию, император еще раз повторил, что в настоящее время он не видит возможности осуществить свой план в отношении Польши и что пока единственно возможным считает «создание особого управления в польских провинциях, принадлежащих России». Однако, добавил он, по его мнению, и этот план «встретит противодействия со стороны русских»³³. В ответ Чарторьский заявил, что он не может не принимать самого живейшего участия в делах своей родины. «В этой новой стране, — сказал он, — живут мой брат, мои сестры, вся моя семья, и это причина не брать здесь [в России. — Г. М.] на себя какое-либо дело»³⁴. Еще в 1806 г. А. Чарторьский уволился из министерства иностранных дел и оставил за собой только должность куратора Виленского учебного округа, который он возглавлял с 1804 г.

Российский посол в Париже А. Б. Куракин был чрезвычайно обеспокоен тем, как развивались события. В донесении Александру I от 21 октября (2 ноября) 1809 г. он акцентировал внимание императора на опасном для России усилении на ее границах Княжества Варшавского: «Герцогство Варшавское, после присоединения Новой Галиции и территории вокруг Кракова, а также округа Замостья, входящего в Старую Галицию, и вследствие совместного с Австрией использования соляных копей Велички, становится крупной державой второго ранга с населением около 5 млн.» Оно намерено «держат постоянно под ружьем 80 тыс. отборных войск, уже имеющих боевой опыт, обученных французскими генералами и унтер-офицерами» и благодаря Франции снабженных необходимым вооружением. «Герцогство Варшавское, чья мощь и военные силы столь значительно возросли в результате присоединения части обеих Галиций, — считал Куракин, — представляет для нас другую, несравненно большую [чем иллирийские провинции. — Г. М.], опасность, являясь еще одной точкой соприкосновения [...], ибо оно ставит нас лицом к лицу с Францией». По мнению посла, Княжество Варшавское — «это ядро, вокруг которого готовится объединение всех частей бывшей Польши», оно «сеет семена недовольства и мятежа во владениях Вашей империи, бывших некогда польскими и ожидающих лишь сигнала Франции, чтобы взбунтоваться». Куракин подчеркивал негативные результаты Венского договора для России: теперь Франция будет оказывать «полное и неоспоримое влияние» на весь континент. Посол полагал, что одной из внешнеполитических целей Наполеона станет задача направить против России Швецию, для чего ей будет обещано возвращение Финляндии, а другой — приобретение при-

балтийских провинций. Куракин считал необходимым для России немедленно отреагировать на сложившуюся ситуацию: следует «уже сейчас расположить вдоль наших границ от Балтийского до Черного моря армию по меньшей мере в 200 тыс. человек, способную сдержать, подавить смуту, которую стараются посеять в наших провинциях, бывших ранее польскими». Однако при этом не должно быть нанесено «ни малейшего ущерба» союзу России с Францией³⁵.

Весьма чувствительным для русского правительства был вопрос о так называемых смешанных подданных, то есть о поляках, имевших земельную собственность в разных государствах, поскольку они «безнаказанно могли вредить России, имея постоянный доступ в ее владения и разнося повсюду волнения или вступая в службу Герцогства Варшавского»³⁶. А. Б. Куракин в своем донесении графу Румянцеву от 21 октября (2 ноября) 1809 г. писал, что считает необходимым обратить его внимание «на ревность, с которою поляки — владельцы имуществ, находящихся в областях, принадлежащих нашему правительству, и потому его подданные, стремятся вступать на службу Герцогства Варшавского». Среди них он называл, в частности, князя Д. Радзивилла, почти все имения которого находились в пределах России и который прибыл в Варшаву с целью «составить целый полк конницы», князя А. Сапегу, графа В. Потоцкого. Он убеждал канцлера обратиться к Александру I и «испросить повеление», которое «могло бы положить конец этому злу»³⁷. Мнение Куракина не было единичным в русском обществе, например, Румянцев также разделял его. Когда Куракин писал канцлеру, он еще не знал об указе императора, данном 24 августа 1809 г. Сенату относительно жителей пограничных губерний. Александр I заявлял, что, как ему стало известно, «некоторые из поселян и обывателей пограничных губерний [...] отлучаются без ведома начальства их и за границу, предаваясь в своей простоте ложным и неосновательным слухам». Нарушителей порядка приказывалось «ловить» и пойманных из них «годных» отдавать в солдаты, а «негодных» — в крепостные работы. Основная цель указа была заключена в статье о дворянах: «Если бы паче чаяния и из дворян и помещиков кто-либо был обличен в таковом преступлении, или же в попущении, подговоре, а паче в доставлении каких-либо способов к вооружению, каковых имения немедленно конфисковать, а самих их предавать суду по всей строгости законов»³⁸. Некоторое время спустя это положение, вызывавшее недовольство поляков, было отменено³⁹.

В одной из бесед, состоявшихся в конце 1809 г. между Александром I и А. Чарторыским, князь упрекнул императора в нарушении прав польского дворянства, сказав, что «все русские дворяне имеют право вступать в иностранную службу и не подвергаются конфискации имущества». Позиция Чарторыского определялась и собственными интересами, поскольку значительная часть земельных владений «фамилии», как отмечалось выше, находилась на российской территории, и вопрос о земельном имуществе был для него чрезвычайно важным. Александр I, почти оправдываясь, объяснял, что таково было мнение его министров, что земли были секвестрированы у тех поляков, которые, находясь в Париже, «позволяли себе устраивать всякие демонстрации против русского правительства», что «бывают

обстоятельства, когда безопасность государства вынуждает к исключению из правил». В заключение разговора, после долгого молчания, император произнес наконец слова, которые так хотелось услышать Чарторыскому: надо вернуться к старому плану — «дать конституцию и самостоятельное существование» Королевству Польскому и принять титул короля польского. Однако Александр I сразу же сделал оговорку: необходимо подождать, пока Австрия вновь не окажется в разрыве с Францией⁴⁰.

Решение вопроса о судьбе Польши Чарторыский рассматривал главным образом в контексте взаимоотношений между Россией и Францией. Территориальные интересы Австрии и Пруссии, на его взгляд, можно было достаточно легко удовлетворить. Александр I смотрел на польский вопрос в ином масштабе: он должен был держать в поле зрения весь комплекс внешнеполитических проблем, стоявших перед Россией, и наряду со сложной европейской ситуацией учитывать также задачи «восточной» и «азиатской» политики. Нельзя было настраивать против России Австрию и Пруссию, следовало поддерживать нейтральные отношения с Англией, закончить войны со Швецией и Турцией, не слишком провоцировать на антирусские выступления Наполеона, оттянуть начало назревавшего вооруженного столкновения.

Отношения России с Францией продолжали осложняться: 26 октября 1809 г. в Вене Франция и Австрия подписали военную конвенцию, в которой войска саксонского короля назывались «польскими войсками» и говорилось о «польской армии». В польских газетах появились статьи, поддерживавшие надежды поляков на восстановление Польши, разнеслась весть, что дочь саксонского короля выходит замуж за Понятовского, которому, вероятно, предназначается польская корона⁴¹.

После неоднократных обращений российского правительства к Франции относительно заключения конвенции о Польше и продолжительной переписки по этому вопросу между дворами Шампаньи сообщил русскому послу в Париже Куракину, что Коленкур, французский представитель в России, получил, наконец, полномочия заключить конвенцию. Она должна была базироваться на следующих условиях: в конвенции следовало выразить мысль, что Польша не будет восстановлена и что Княжество Варшавское не увеличится территориально; раздел Польши должен быть признан «оконченным делом», в тех границах, какие утверждены Венским миром в октябре 1809 г. Должно быть оговорено, что будет уничтожено само имя Польши и поляков, что Княжество Варшавское никогда не получит независимого существования, а составит одну из областей Саксонии. Польские ордена будут отменены, и поляки — русские подданные — не смогут поступать на службу в Княестве Варшавском.

Как только посол Коленкур получил из Парижа полномочия, он немедленно подписал проект конвенции, с российской стороны она была подписана Н. П. Румянцевым. Это произошло 4 (16) января 1810 г.⁴² Однако подпись Коленкура не решала вопроса окончательно — необходимо было утверждение документа Наполеоном. Преамбула конвенции, в частности, гласила: «[...] их императорские величества сочли необходимым дружески договориться о том, чтобы впредь устранить единственный предмет

беспокойств, который может повредить их союзу, положив конец опасным заблуждениям и химерическим надеждам поляков на восстановление бывшего Польского королевства, в полной уверенности, что тем самым они принесут пользу самому этому народу, обеспечив его спокойствие и подданство тем державам, которым они принадлежат». Первая статья конвенции была краткой и в высшей степени определенной: «Королевство Польское никогда не будет восстановлено». Затем говорилось об исключении из употребления наименований «Польша» и «поляки», об уничтожении польских орденов, о том, что в будущем территория Княжества Варшавского не будет увеличена. Отдельная статья посвящалась отмене смешанного подданства для жителей России и Княжества Варшавского. Французский император обязывался привлечь к заключаемой конвенции саксонского короля и обеспечить ее исполнение на деле. Конвенция подлежала ратификации, обмен грамотами должен был состояться в течение 50 дней.

Однако ратификация конвенции французской стороной стала затягиваться. По-видимому, открытой переориентации Наполеона от союза с Россией на союз с Австрией в значительной степени способствовали обстоятельства, связанные с его женитьбой: неудачное сватовство к сестре Александра I и вслед за этим неожиданно скоро последовавший брак с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой⁴³. Во время визита, нанесенного в феврале 1810 г. русскому послу Куракину в связи с объявлением о предстоящем бракосочетании французского императора, Шампаньи упомянул, что Наполеон недоволен некоторыми формулировками конвенции. В частности, это касалось положения, что Королевство Польское не будет восстановлено никогда. Французский кабинет подготовил новый проект конвенции. Изменялась главная статья относительно будущего Польши, в ней теперь отсутствовало слово «никогда». Ее формулировка стала более сдержанной и несколько неопределенной: «Император французов обязывается не содействовать никакому предприятию, клонящемуся к восстановлению Польского королевства»⁴⁴. Изменялась и статья 6-я о смешанных подданных: им предлагалось в определенный срок остановить свой выбор на одном государстве, подданными которого они будут являться, и продать имущество, находящееся на территории другого государства⁴⁵. Получив новый проект, Александр I собственноручно изложил свои соображения. Прежде всего, он возражал против изменения формулировки принципиального вопроса о восстановлении польского государства. Он отмечал, что конвенция только для того и заключалась, «чтобы в ней положительно было выражено, что Польское королевство никогда не будет восстановлено», и продолжал настаивать на именно такой формулировке. Гарантами этого, считал российский император, должны были стать только французский и российский монархи, в то время как саксонский король мог являться лишь исполнителем воли Наполеона, а не равным действующим лицом⁴⁶.

16 марта 1810 г. Шампаньи представил Наполеону записку, озаглавленную «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией». В ней он высказывал свои соображения о внешнеполитических задачах, стоявших перед Францией в связи с напряженной ситуацией, сложившейся в отношениях с Россией. Война с Россией — неизбежна, писал он, но время

еще не пришло, французские войска заняты на Пиренейском полуострове. Шампаньи полагал, что поскольку Россия по своим торговым и политическим интересам является естественным союзником Англии, то можно ожидать сближения между ними, и это крайне невыгодно для Франции. Учитывая это, Франция должна вернуться к своей прежней политике антирусских союзов. Необходимо приложить усилия для затягивания русско-турецкой войны, в которой задействованы значительные военные силы России, а в будущем обеспечить Франции роль посредника в мирных переговорах, обещая Турции поддерживать ее требования. Следует также укреплять союз со Швецией, настраивая ее против России, однако действовать в данном направлении осторожно, чтобы не вызвать беспокойства России и не подтолкнуть ее к скорейшему сближению с Англией. Шампаньи затрагивал вопрос и о судьбе Княжества Варшавского. Он считал целесообразным восстановление Польши под саксонским скипетром в результате войны с Россией, западная граница которой должна проходить по Днепру. На реализацию польских планов требовалось согласие Австрии, для получения которого предполагалось обещать ей Силезию, а также приобретения в Валахии и Сербии. Пруссия должна была быть уничтожена, так как представляла собой форпост русского влияния⁴⁷. Такой подход обуславливался внешнеполитическими соображениями более крупного масштаба, чем французско-польские отношения. Мнение польских политиков во внимание не принималось.

На свадебные торжества в Париж прибыл Алексей Борисович Куракин, брат русского посла в Париже, министр внутренних дел России. Во время приема, данного в честь этого события, между ним и Наполеоном состоялась беседа, однако вопрос о конвенции в ней не затрагивался. Куракин лишь сказал Наполеону, что ему как министру внутренних дел и начальнику полиции известно о событиях в областях, «присоединенных от прежней Польши во время австрийской войны»: там не только собирались значительные денежные средства для восстановления Польши, которые передавались в Княжество Варшавское, но имело место «просто переселение поляков», подданных российского императора, вступавших в войска Княжества. Разговор о конвенции по польским делам зашел между ними позже — в июне 1810 г. На вопрос императора, знает ли он об этой конвенции, Куракин ответил, что Александр I познакомил его с ней перед отъездом из России. И тогда Наполеон в изящной дипломатической манере подтвердил свой отказ от прежней определенной формулировки о невозможности восстановления польского государства. Он произнес: «Могу ли я взять на себя обязательство, что Польша никогда не будет восстановлена? Только божество могло бы дать такое обещание»⁴⁸.

Русский посол в Париже Александр Борисович Куракин имел полномочия исключительно на подписание варианта, предлагаемого российской стороной. Сам он находил изменения, внесенные французской стороной в текст конвенции и категорически отклоняемые Россией, «незначительными» и считал, что для России гораздо выгоднее сделать уступку Франции, нежели дать ей возможность уклониться от подписания соглашения и «возложить вину» за негативный исход переговоров на «упрямство» России⁴⁹. Однако обе стороны проявляли крайнюю неуступчивость. Видя нежелание Франции пой-

ти на подписание российского проекта, Н. П. Румянцев в послании от 7 (19) сентября 1810 г. предписал послу Куракину прекратить всякие демарши по вопросу о конвенции⁵⁰. В итоге конвенция подписана не была, напряжение в отношениях между странами продолжало возрастать. К концу 1810 г. Россия вышла из континентальной системы, которая была создана Наполеоном для противодействия торговой политике Англии с целью добиться ослабления своего основного европейского соперника. К антианглийскому объединению Россия была вынуждена присоединиться после Тильзитского мира, что наносило большой ущерб ее экономическим интересам. 19 (31) декабря в России был введен новый тариф на французские товары, ущемлявший интересы Франции, а российские порты стали открыты английским судам⁵¹.

После того как стало ясно, что достижение договоренности между Россией и Францией оказалось нереальным и что уже в ближайшее время обострение отношений между ними может привести к прямому столкновению, обе державы стали еще более пристально следить за ситуацией в Княжестве Варшавском. Княжество представляло исключительную важность как территориальный барьер между Россией и Францией, а также как возможный источник военных и материальных ресурсов в надвигавшейся войне. Поскольку дипломатические шаги по урегулированию польского вопроса оказались безрезультатными, надо было думать если не о привлечении на свою сторону поляков, то, по крайней мере, об их нейтрализации. В этой связи российский император не оставлял усилий по созданию благоприятного впечатления среди поляков относительно позиции России по польскому вопросу. В апреле 1810 г. Александр I высказал Чарторыскому мысль о возможности объединения под особым управлением 8 бывших польских губерний с целью привлечь шляхту на свою сторону⁵². Между ними обсуждались планы, иногда совершенно далекие от реальности. По свидетельству Чарторыского, Александр I говорил о проекте, «по взаимному уговору», начать фиктивную войну России против Княжества Варшавского, с тем чтобы русские войска, вступив на территорию Княжества, «могли бы занять такие позиции», с которых при присоединении польских войск можно было бы противостоять французам; «при таких условиях, — заявлял он, — все желания Польши были бы выполнены». Чарторыский считал, что Россия имеет мало шансов на успех в борьбе с Наполеоном, и, по его свидетельству, российский император вынужден был признать, что «в конце концов было бы вполне естественно, что поляки, взвешивая силы обеих держав, талант и опытность их генералов и войск, огромную вероятность успехов Наполеона во всякой войне, не захотели прибегнуть к правительству России из страха лишиться плодов своих многолетних усилий»⁵³.

На встрече Александра I с А. Чарторыским, состоявшейся в декабре 1810 г., инициатива в разговоре принадлежала российскому императору. Настало время доказать полякам, заявил он, что Россия не враг им, а «настоящий преданный друг», и не она является единственным препятствием к восстановлению Польши, но, напротив, именно она и сможет осуществить его. У Александра было к Чарторыскому несколько вопросов. В частности, придавая большое значение общественному мнению, он хотел бы знать, какими сведениями располагает князь о «настроении умов» в Варшаве. Затем

он спросил, считает ли Чарторыйский, что «варшавяне горячо откликнутся», если дать им не просто надежду, но «полную уверенность в возможности восстановления их отчизны», «пойдут ли они за всяким», кто даст им эту возможность. Его также интересовал вопрос о позициях отдельных «партий» и «кто среди военных пользуется наиболее сильным влиянием»⁵⁴. Александр I просил Чарторыйского собрать сведения относительно настроений поляков в Княжестве Варшавском. Выполняя поручение императора, в письме от 18 (30) января 1811 г. Чарторыйский сообщал, что «армия и жители Герцогства Варшавского единодушны в своих желаниях и стремлениях», что единственная их цель — это восстановление и объединение Польши, в которой было бы установлено «конституциональное управление». Их стремления, как утверждал Чарторыйский, не являются «следствием какой-либо предубежденности против русских, которой собственно в народной массе нет, вернее, они вызываются чувствами лояльности и самосохранения, которые Вы, Ваше величество, хотя и препятствуют Вашим видам, все же признаете чувствами разумными и достойными уважения». Со стороны Чарторыйского это заявление не было простой констатацией фактов, оно явилось предложением для очередной попытки оказать давление на российского императора. Чарторыйский разъяснял, что «одного лишь сохранения преимуществ, какими уже пользуется Герцогство [...], недостаточно для того, чтобы склонить правительство и вождей армии, за которыми последуют жители и войска, покинуть их союзника [т. е. Наполеона. — Г.М.], являющегося в настоящее время их опорой, которому они обязаны своим существованием и который до сих пор был единственным протянувшим им руку помощи и выведшим из могилы»⁵⁵.

Превознося заслуги Наполеона перед Польшей, Чарторыйский преследовал цель своеобразного торга с Россией, расширяя круг предъявляемых ей требований. По его мнению, предложения России должны «с лихвой» отвечать интересам поляков, «чтобы благо родины являлось для них уже как нечто осуществленное, а не в форме сомнительных обещаний». «Поэтому, — убеждал Чарторыйский императора, — я считаю гарантию конституции, законов, автономного управления, национальной армии и назначения должностными лицами поляков необходимой для этого предварительной мерой, потому что преимуществами этими Герцогство уже пользуется и потому что каждая нация дорожит такими преимуществами более всего»⁵⁶. Конкретизируя свою позицию, Чарторыйский назвал три пункта-условия, реализация которых удовлетворила бы и правительство Княжества Варшавского, и армию, и народ: во-первых, это восстановление Конституции 3 мая 1791 г.; во-вторых, соединение всех частей Польши под одним скипетром, ибо без этого родственники «делаются чужестранцами», земельные владения оказываются в разных государствах, возникает необходимость повиноваться воле нескольких монархов. Это условие диктовалось материальными интересами польской шляхты, прежде всего, магнатов. Вполне понятно, что при возникновении состояния войны между странами, в состав территорий которых входили земельные владения магнатских семейств, их положение оказывалось чрезвычайно сложным. Экономические интересы были отражены и в третьем пункте — обеспе-

чить «выходы для торговли, без которых эта истощенная теперь и обедневшая страна никогда не будет в состоянии подняться»⁵⁷. Таким образом, экономические расчеты проявились в выдвигавшихся условиях достаточно отчетливо, и это еще раз показывает, что идейные и политические воззрения отдельных польских деятелей объяснялись не только национально-патриотическими чувствами, но и материальными соображениями.

Выдвигая основные условия-требования, Чарторыйский изложил Александру I и возможные выгоды, которые могли бы появиться при их выполнении: надо попытаться склонить на сторону России правительство и армию Княжества Варшавского, и если бы этот шаг оказался успешным, то мог бы «сильно повлиять на успех всякого предприятия», а вера в возможность победы России в войне с Наполеоном способствовала бы росту симпатий к ней среди жителей Княжества. На вопрос Александра I, кто пользуется наибольшим влиянием в польской армии, Чарторыйский с уверенностью ответил: князь Ю. Понятовский⁵⁸.

31 января 1811 г. Александр I направил Чарторыскому письмо, в котором анализировались выдвинутые князем соображения. Оно также состояло из нескольких пунктов. В первом прямо декларировалось: «Держава [...], которая желает взять на себя восстановление Польши, — Россия». Затем император разъяснял, какой смысл он вкладывает в это заявление. «Под восстановлением, — писал он, — я имею в виду соединение всех бывших частей Польши, включая и области, отошедшие к России, кроме Белоруссии, так, чтобы границами Польши являлись: Двина, Березина и Днепр». Обещания, касавшиеся территории будущего польского государства, были весьма щедрыми. Территориальные потери Австрии, по мнению Александра I, можно было бы компенсировать следующим образом: взамен Галиции предложить ей Валахию и Молдавию, до реки Серет. Но сначала Польское королевство будет состоять из Княжества Варшавского и российских польских провинций⁵⁹.

Относительно национальности чиновников, назначавшихся на административные должности в новом польском государстве, Александр I был полностью согласен с Чарторыским: и государственный аппарат, и армия должны быть «чисто национальными, польскими». Александр I просил Чарторыского прислать ему текст Конституции 3 мая 1791 г., поскольку не помнил хорошо ее положений и потому не мог ничего решить, «не справившись с ними». «Во всяком случае, — заверял он, — Польше будет предложена конституция либеральная, способная удовлетворить желания населения»⁶⁰. Для того чтобы поляки убедились в искренности намерений российского императора, он считал необходимым прежде всего провозгласить восстановление Польши. Казалось, что в ближайшее время это должно произойти. Однако речь не шла о независимом польском государстве. Император твердо заявил: «Но при этом я ставлю следующие условия *sine qua non* — Царство Польское навсегда присоединится к России. Русский император с этих пор будет называться императором Российским и царем Польским». За столь благие намерения российского императора поляки должны были выставить 50-тысячный корпус против Наполеона. Раздумья у Александра I вызывал вопрос о выборе подходящего времени для провоз-

глашения восстановления Польши: когда целесообразнее это сделать — в момент разрыва отношений с Францией или же «когда военные действия принесут нам уже некоторые важные выгоды»⁶¹.

Александр I, подчеркивая конфиденциальный характер обмена письмами с Чарторьским, замечал, что «даже канцлер не знает о нашей переписке». И действительно, следующая фраза явно не подлежала огласке: «Я решил не начинать войны с Францией, пока я не буду уверен в содействии поляков». Польские планы императора должны были держаться в секрете, хотя ему было известно о возраставшей поддержке их в русских кругах: «В петербургском обществе, — писал он, — все более распространяется и укрепляется идея, что я должен принять титул короля польского». Однако сам он придерживался мнения, что «все эти разговоры в настоящий момент скорее вредны, чем полезны», и потому старался прекратить их, утверждая, что это неосуществимо. Император посчитал нужным предупредить Чарторьского, что, по имеющимся у него сведениям, за польским князем следит французская полиция и потому лучше будет вообще прекратить их переписку. Он еще раз подтвердил свои соображения относительно Наполеона и Польши: «На Ваших соотечественников Наполеон смотрит как на орудие своей ненависти к России»⁶². Александр I полагал, что война между Россией и Францией неизбежна, и ожидание ее накладывало отпечаток на характер российской внешней политики в целом, в том числе и на подход к решению польского вопроса.

Император поддерживал контакты и с другими польскими деятелями, в частности, с политической группировкой литовских поляков, придерживавшихся пророссийской ориентации и надеявшихся за свою лояльность получить определенные выгоды⁶³. В нее входили крупные земельные магнаты М. Огиньский, К. Любецкий, Л. Плятер. Особенную активность проявлял Огиньский, подробно изложивший в своих воспоминаниях содержание бесед с российским императором. В июне 1810 г. он, находившийся тогда в Петербурге, был приглашен к «обеденному столу» императора и имел с ним продолжительную беседу. Александр I говорил о планах Наполеона относительно поляков, подчеркивая, что тот «будет увлекать их самыми лестными надеждами». Сам Огиньский не разделял надежд многих своих соотечественников на Наполеона и полагал, что лучшим путем для Польши было бы восстановление ее «под покровительственным господством императора Александра»⁶⁴. В этой беседе Огиньский так же, как это постоянно делал Чарторьский, твердо заявлял о своей позиции: «он сам поляк» и «ничто не в силах направить его образ мыслей против соотечественников». В ответ Александр I заметил, что знает ход его мыслей, знает все, что Огиньский сделал для своего отечества, и убежден, что «человек, служивший верно отчизне, не может изменить своему долгу». Император сказал Огиньскому, что сам он никогда не одобрял раздела Польши, более того, осуждал его, однако он считает, что было бы несправедливым возлагать на «новое русское поколение» ответственность за «прежние несчастья поляков». По свидетельству Огиньского, Александр I сказал о своем отношении к полякам так: «Я всегда высоко ценил ваш народ и надеюсь со временем доказать вам это, не руководясь в моих действиях видами личной пользы»⁶⁵.

Вскоре М. Огиньский получил чин тайного советника и звание сенатора. Он совершил поездку в Париж, где повидался с проживавшим там своим семейством. Париж был полон слухов о приготовлениях Наполеона к войне против России. Как полагали находившиеся во Франции поляки, война предпринималась Наполеоном «с целью восстановления их самобытности». В Париже состоялась встреча Огиньского с Ф.Ц. Лагарпом, который говорил ему «о симпатиях своего питомца с самых юных лет к участи Польши и поляков». Возвращаясь в Петербург через Варшаву, Огиньский стал «свидетелем патриотического увлечения соотечественников» Наполеоном, которого сам он не разделял. Прибыв 9 (21) апреля 1811 г. в Петербург, уже 13 (25) апреля он был приглашен к Александру I. После обеда, уединившись в кабинете императора, они обсуждали политические проблемы, в частности, говорили о подготовке Наполеона к войне и его стремлении опереться на поляков. Александр I сомневался в том, что Наполеон рискнет выступить против России. Огиньский высказал мысль, что если бы русская армия двинулась через Княжество Варшавское в Пруссию, то тогда польские войска примкнули бы к русским. Александр I провозгласил бы себя польским королем и «обнадежил жителей Герцогства Варшавского в соединении их с литовцами», при этом он приобрел бы «двенадцать миллионов верных поляков, готовых на всякую жертву ради восстановления своей отчизны». Однако император заявил, что не хочет начинать войну. Он уверял Огиньского в своем расположении к полякам: «Настанет время, когда поляки убедятся, как высоко ценю я их и какое участие принимаю в судьбе их». В планы Огиньского входило заметное увеличение территории Литвы или образование территориальной единицы, центром которой являлась бы Литва. Он предложил Александру I провести административные изменения — образовать особую провинцию под названием Великого Княжества Литовского, в состав которой должны были войти Гродненская, Виленская, Минская, Витебская, Могилевская, Киевская, Подольская, Волынская губернии, а также Белостокский и Тарнопольский округа. Во главе этой огромной провинции он предлагал поставить великую княгиню Екатерину Павловну. Император был несколько озадачен предложением Огиньского, и у него возник целый ряд вопросов: не слишком ли обширна территория предполагаемой «провинции» для управления одним лицом; согласятся ли называться литовцами жители Волыни, Подолья, Киевской губернии и, наконец, насколько успешно будет соотноситься этот проект с финансовой системой империи, развитием торговли, военной организацией и др. Разговор продолжался около трех часов, и в завершение его Александр I попросил Огиньского представить высказанные им соображения в письменном виде⁶⁶.

15 (27) мая 1811 г. Огиньский прочитал императору подготовленную им «Записку о политическом значении Польши в виду России и Франции»⁶⁷. Одновременно он представил и проект указа о новой организации западных губерний России, состоявший из 11 статей⁶⁸. Огиньский сообщил Александру I, что, по имеющимся у него сведениям, Наполеон направлял в Литву агентов «с поручением исследовать общественное настроение, подстрекать жителей и распространять положительные уверения о намерении его расширить Польшу до самой Волги». Он высказал

соображение, что «пока Наполеон будет расточать полякам лицемерные обещания и льстить их патриотизму, а с другой стороны, Россия не выйдет из нынешнего апатического бездействия, энтузиазм и надежды поляков будут все более расти и развиваться». Огиньский пытался убедить русского императора в том, что в случае начала войны с Францией ему следовало бы немедленно объявить себя польским королем, чем он сразу расположил бы к себе жителей Княжества Варшавского, и затем «оставалось бы только обозначить пределы этого нового королевства и способ его управления на основаниях, выгодных для поляков и не нарушая интересов империи», т. е. вопросы о границах будущего Королевства Польского и организации его системы управления откладывались на более позднее время. Несмотря на свою в целом пророссийскую ориентацию, Огиньский постоянно подчеркивал невозможность и нежелательность полного вхождения Польши в Российскую империю. Он замечал, что «покорить — не трудно», но «нужны многие годы, чтобы привязать к себе новых подданных». И, наконец, «едва ли согласуется с законами природы слияние двух народов воедино настолько, чтобы они составляли единое целое». Таким образом, наиболее образованные представители польской политической элиты, к числу которых принадлежал и Огиньский, понимали, что процесс объединения польского и русского народов в единое государство является делом сложным и даже вряд ли возможным. Этому препятствовал целый ряд факторов: исторический опыт, включавший прямые военные столкновения, притязания на одни и те же территории, различие в уровне культуры, различная ментальность, отличия в нравах, обычаях и, наконец, столь важный момент, как принадлежность к разным вероисповеданиям.

Подход Огиньского к литовским проблемам был несколько иным, поскольку они затрагивали его интересы гораздо глубже. В «Записку» он включил краткий экскурс в историю «литвинов», содержащий весьма высокую национальную самооценку. В частности, литовский магнат писал: «Принадлежащая России часть Польши составляла особенное самостоятельное владение — Литву — еще до присоединения этой последней с Польским королевством. Жители Литвы искони отличались воинственным духом, предприимчивостью, ревнительностью к своим правам, верностью монархам, мужеством и любовью к отечеству». Подчеркивалась «отдельность» Литвы от Польши — даже совместное государственное существование не привело к их полному объединению: «Они [«литвины». — Г. М.] всегда гордились своею народностью, и хотя и соединились с Польшею, однако сохранили свои обычаи, гражданские законы и местное самоуправление, свою армию, верховные суды, министров, государственных сановников и даже сейм». Огиньский замечал, что если бы в свое время, когда эти земли только вошли в состав Российской империи, из них было создано государство, хотя бы и «неразрывно соединенное» с Россией, «но со своим отдельным управлением, то туда нелегко было бы проникнуть какому бы то ни было иноземному влиянию». И делался соответствующий вывод: если бы теперь перечисленным выше восьми губерниям император даровал «сообразную с местным управлением и характером жителей организацию», то признательные жители образовали бы на западной границе империи «оплот более

надежный, нежели все расположенные там войска и крепости». Затем в «Записке» предлагались конкретные рекомендации-требования: сохранить за этим государственным образованием название «Литва», поставить во главе его лицо («с титулом»), восстановить, с необходимыми изменениями, Литовский статут и др. В заключение Огиньский объяснял те выгоды, которые получит Россия от такого политического шага: «исчезнут приверженцы Наполеона», «литвины», отошедшие от дел, вернутся и будут храбро защищать границы империи. Это воодушевило бы и население Княжества Варшавского, способствовало бы возвращению эмигрантов и т. д.⁶⁹

Александр I внимательно выслушал зачитавшего записку Огиньского и, ничего не обещая, сказал, что воспользуется изложенными в ней мыслями. Огиньский отъезжал в четырехмесячный отпуск в Литву, и император просил его передать землякам, что занимается их судьбой и что рассчитывает на их преданность. «В случае войны, — сказал он, — я образу польский корпус в такой же связи с Российской империей, как Венгрия и Богемия с Австриею». А если войны не будет, то он надеется осуществить, как заметил он Огиньскому, «наш великий план относительно Литвы». Так что обещания со стороны российского императора были весьма широкими, авансы давались большие. И в какой-то степени это способствовало росту осложнений, возникших в отношениях с поляками много позднее⁷⁰.

На протяжении 1811 г. Огиньский продолжал работать над усовершенствованием своего плана. В октябре он представил императору «Проект указа о новой организации западных губерний», в соответствии с которым восемь вышеназванных губерний, а также Белостокский и Тарнопольский округа должны были образовать Великое Княжество Литовское. Возглавлять его будет титулованное лицо с местопребыванием в Вильно, управлять им будет наместник, должна быть создана и отдельная литовская администрация. Основным законополагающим актом становился Литовский статут. Официальным языком признавался польский, все должности по государственному управлению должны занимать только уроженцы и землевладельцы Великого Княжества Литовского. Иными словами, при формировании администрации Княжества предусматривался как национальный, скорее даже региональный, так и сословно-имущественный ценз. Особо оговаривалось, что «все суммы на поддержание народного образования и содержание учебных заведений [...] навсегда отделяются от всех прочих отраслей общественных доходов», т. е. на финансирование образования выделялась специальная статья. Здесь проявлялось понимание значения образования для воспитания подрастающего поколения⁷¹.

М. Огиньский настойчиво убеждал Александра I в необходимости создания Литовского государства. Об этом шла речь и в беседе, состоявшейся 15 декабря 1811 г. Он пытался даже оказать давление на императора, заявляя, что Наполеон может опередить его и провозгласить польским королем себя. Огиньский предлагал, образовав Великое Княжество Литовское, «сделать из него Польшу». При этом российский император должен сам объявить себя польским королем на принципах Конституции 3 мая 1791 г. Это соответствовало настроениям польской шляхты западных губерний России, где начали распространяться слухи о создании отдельного Литов-

ского княжества, которое станет ядром будущей Польши. До окончания предстоящей войны с Наполеоном эта новая Польша, считал Огиньский, могла бы ограничиться восемью «литовскими губерниями».

Александр I попросил Огиньского назвать имена восьми «верных соотечественников, по одному из каждой губернии, которым можно было бы доверить составление плана организации этих губерний». С присущей ему осторожностью он не упомянул наименования предполагавшегося государственного образования⁷². Среди предложенных М. Огиньским лиц были заметные политические и общественные деятели: К. Любецкий (от Гродненской губернии), Т. Вавжецкий (от Виленской), В. Гечевич (от Минской), Л. Плятер (от Могилевской), Шадурский (от Витебской), К. Любомирский (от Волынской), Т. Чацкий (от Подольской) и А. Жевуский (от Киевской). Император согласился с его выбором, заменив лишь Жевуского на сенатора Козловского.

Демонстрируя свои либеральные воззрения, а по существу понимая значимость широкой общественной поддержки, в которой он был заинтересован, Александр I завел речь об отношении шляхты к крестьянам. Он сказал Огиньскому: «Не забывайте о земледельцах, это полезнейший класс населения, а у вас все еще обращаются с крестьянами как с илотами»⁷³.

Александр I хотел также знать и мнение А. Чарторыского по всему комплексу польско-литовских проблем. В письме от 12 (24) апреля 1812 г. император задавал ему вопрос: «Полезно ли как предварительную меру организовать Великое Герцогство Литовское, дав ему одну из двух приготовленных конституций?» Или же это должно быть сделано одновременно с восстановлением всей Польши? В конце письма Александр I еще раз обращал внимание Чарторыского на связь между позицией России по польскому вопросу и предстоящей войной с Наполеоном: «Как поляк, Вы не можете обманываться насчет всех тех несчастий, каким подвергнет себя Ваша родина, если, пойдя под знамена Франции, она тем самым даст России право отомстить ей за все зло, какое будет ей этим причинено»⁷⁴. Таким было предупреждение российского императора незадолго до начала войны Франции и России.

В 1811 г. Александр I намеревался создать в Петербурге комитет из «влиятельнейших поляков» для обсуждения польского вопроса. В этой связи М. М. Сперанский подготовил записку, в которой, в частности, отмечал: «Граф Огинский изготовил уже список людей примечательных. Сообразив сей список с тем, который доставлен был от Северина Потоцкого, кажется, легко будет сделать хороший выбор. Председателем сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовского [...]. Поляки его уважают и любят, а для них было бы сие полезно тем, что преградило бы толки о сем комитете»⁷⁵. С. Потоцкий, как сенатор, входил в III департамент Сената, в котором решались дела по апелляции, касавшиеся бывших польских губерний, он являлся также попечителем Харьковского университета, а граф П. А. Завадовский, ранее министр народного просвещения, с 1810 г. возглавлял департамент законов Государственного совета.

Насколько серьезным был подход Александра I к решению польской проблемы, включавшему вариант воссоздания отдельного польского госу-

дарственного образования, свидетельствует и тот факт, что актуальным он посчитал вопрос о подготовке текста польской конституции. Осенью 1811 г. Александр I поручил Г. Армфельду, занимавшему пост председателя комитета по делам Финляндии, составить конституции для Литвы и Польши. В январе 1812 г. проект был подготовлен. В соответствии с ним Польское королевство должно было иметь собственное «внутреннее устройство», национальную армию и независимую администрацию. Кроме того, Армфельд считал, что необходимо провести также и социальные реформы⁷⁶. В письме от 12 (24) апреля 1812 г. А. Чарторыскому Александр I интересовался его мнением относительно двух представленных проектов конституции, не сочтет ли князь «более полезным сделать из этих двух проектов новый, третий»⁷⁷. Под вторым проектом, по-видимому, имелся в виду проект, автором которого был М. Огинский. Александра I занимал вопрос о введении конституционного правления в самой Российской империи. Как заметил в одном из своих писем сардинский посланник Жозеф де Местр, «император в глубине сердца чувствует неистребимое презрение к устройству своей державы», создается впечатление, что он «намерен учредить [...] подобие третьего сословия»⁷⁸. Однако возраставшая угроза войны с Францией отодвигала проблемы, связанные с разработкой конституций — и российской, и польской, и литовской — на второй план.

В связи с усилением опасности войны и необходимостью подготовки к ней российское правительство проявляло серьезную обеспокоенность настроениями польского дворянства в западных губерниях страны. В январе 1811 г. канцлер Н. П. Румянцев представил министру полиции А. Д. Балашову, в соответствии с его устным запросом, список поляков, принимавших участие в освободительном движении в период восстания Т. Костюшко, включавший 167 фамилий⁷⁹. Он был составлен еще в 1795 г. в Смоленской следственной комиссии, занимавшейся расследованием деятельности участников восстания. По-видимому, усиление политической бдительности требовало учитывать и сведения почти двадцатилетней давности. Подняты были также дела о заговоре И. Дениско, относящиеся к 1797 г. В секретной записке о заговоре кратко излагалась его история. Из нее следовало, что в 1797 г., «по внушениям Франции», «некоторые из поляков, собравшись разными толпами в Молдавии, намеревались составить корпус войск и силою пробраться в Италию для соединения с бригадою Домбровского». «Главным явным бунтовщиком» являлся И. Дениско, а «скрытными главными содействователями сего мятежа были граф Игнаций Потоцкий, граф Станислав Малаховский и граф Огинский (в настоящем 1810 году пожалованный в сенаторы его императорского величества)»⁸⁰.

Информация о контактах населения западных губерний с жителями Княжества Варшавского накануне предстоящей войны приходила и по военным каналам. В донесении, отосланном П. И. Багратионом 9 февраля 1812 г. из Житомира военному министру М. Б. Барклаю де Толли, в частности, сообщалось, что поляки, приезжающие на «контракты» (ярмарки) в Киев из Княжества Варшавского без паспортов, т. е. без официального разрешения, «не упускают случая овладеть духом и умами своих соотечичей»⁸¹.

21 марта 1812 г. Александр I направил министру полиции С. К. Вязмитинову специальный указ, в котором отмечалось, что «обстоятельства настоящего времени требуют, дабы обращено было особое внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных». На основании этого указа министр должен был разослать соответствующие письма военным генерал-губернаторам и гражданским губернаторам, чтобы те представили списки лиц, замеченных в каких-либо подозрительных политических действиях⁸².

Первые сведения начали поступать уже в апреле 1812 г. Из Минской губернии пришло сообщение о «генерале от артиллерии» К. Прозоре, который и «в прежние времена якобы был противник России и ныне не лучше расположен, имеет тайную переписку за границу»⁸³. Гродненский гражданский губернатор сенатор В. С. Ланской в донесении от 13 апреля 1812 г. излагал свои принципы, которых он придерживался при исполнении должности: «Всегда было первым моим долгом обращать самое строгое внимание на правила и образ мыслей здешних помещиков и обывателей». Однако, как писал он, «не претупая правил строгой справедливости», никого «указать» нельзя. Правда, он не мог бы поручиться за их «всегдашнюю верность», поскольку, отмечал он, «известная гибкость здешних умов с переменою обстоятельств, нам неблагоприятных, тотчас изменит нам; перемена обстоятельств в пользу нашу, после первых двух или трех выигранных баталий, увеличит к нам расположение и приверженность». Таким образом, склонный к аналитическим раздумьям губернатор предвидел возможные варианты развития дальнейших событий. Он понимал, что в случае неудачного для России хода войны «все против нас восстанет со всех сторон». Ланской утверждал вполне определенно, «по совершенному знанию наклонности умов здешних» (а гродненским губернатором он был с 1803 г.), что одни будут действовать с «энтузиазмом патриотизма, свойственным каждому благомыслящему [человеку. — Г. М.], потерявшему свое отечество», другие — побуждаемые «алчностью обогатиться грабежом» и третьи — «из-за боязни своих собратий [...], ибо иначе его самого, яко изменника, погубят». Губернатор все же прилагал краткий список «неблагонадежных» лиц, сопровождая его словами: «Если ход дел будет для нас удачен, они — приверженцы наши, в противном случае — наши враги, волею и неволею»⁸⁴.

Из Волынской губернии также был прислан список неблагонадежных лиц. В их числе упоминались граф А. Ходкевич, князь С. Яблоновский, князь Д. Радзивилл, генерал «французской службы» Княжевич, Ф. Годлевский, помещик Воронич (в пояснении к фамилии которого указано: «подозрителен по ненависти к русским»), И. Избицкий, поручик «французской службы» И. Дениско («подозрителен по прежней своей службе»), упоминался и известный польский деятель Т. Чацкий, учредитель Кременецкой гимназии. О Чацком сделано наиболее подробное примечание: «По остроте ума господина Чацкого трудно проникнуть в образ его мыслей, но по прежнему сильному участию его в польской революции был очень подозрителен. С некоторого же времени как в разговорах своих, так и в самом поведении показывает приверженность свою к России и старается дока-

зять оную хорошими распоряжениями своими по Кременецкой гимназии и вперением в учащихся той же приверженности, также частым говорением там речей насчет милостей государя императора. Жена же его весьма подозрительна по ненависти ко всему русскому». Кроме того, названы графы Роникеры, И. Павша («по разговорам своим замечается приверженным к французскому правительству») ⁸⁵. Характерно, что на образ мыслей польской шляхты в западных губерниях обращалось внимание еще и раньше. В «Записке о польской агитации в Волыни и Подолии в 1811 г.» (автор и дата ее неизвестны, но, по-видимому, это было высокопоставленное лицо, потому что он обращался прямо к императору) написано: «Ваше Величество прекрасно знает, что для того чтобы управлять нацией, надо знать ее дух, обычаи и национальный характер» ⁸⁶.

По сведениям, присланным из Киевской губернии, в числе подозрительных лиц оказались: «нынешний губернский маршал Петр Потоцкий», маршал звенигородского повета Обремский, председатель департамента Главного суда К. Проскура, бывший губернский маршал А. Жевуский ⁸⁷. Интересен тот факт, что фамилии некоторых названных выше «неблагонадежных» лиц упоминались в материалах Смоленской следственной комиссии. Это те же самые лица или же их родственники. Так, в следственных делах «по Костюшко» проходят житомирский судья К. Проскура, овручский земский судья М. Павша (за него в свое время было представлено поручительство графа А. Жевуского). Позднее они были либо помилованы Екатериной II, либо освобождены по указу об амнистии, изданному Павлом I сразу же по его восшествии на престол ⁸⁸. Однако несомненно, что в семьях традиции участия в польском патриотическом движении продолжали сохраняться ⁸⁹.

Незадолго до начала войны с Наполеоном российское правительство в целях обеспечения безопасности вынуждено было прибегнуть к непопулярным мерам — высылке неблагонадежных жителей из западных губерний в глубь России. Среди архивных документов сохранился «Список разным лицам, отосланным из Волынской губернии на жительство во внутренние российские губернии», он содержит 27 фамилий ⁹⁰. В документе отмечалась их «социальная принадлежность» в соответствии с градацией, принятой в то время. По социально-сословному составу абсолютное большинство составляли «помещики» (12 человек), «дворян» было 5 человек, «шляхтичей» — 6, еще трое — это «бургомистр», «иностранец», «эконом», у одного социальная принадлежность не указана. Вполне вероятно, что подобные списки были составлены и по другим губерниям.

Российское правительство, усиливая бдительность в отношении поляков, проживавших в западных губерниях империи, одновременно самым пристальным образом следило за происходившим на ее границах, прежде всего за военными приготовлениями в Княжестве Варшавском.

28 апреля 1810 г. военный министр М. Б. Барклай де Толли направил в Белосток коменданту города полковнику К. П. Шицу секретное предписание «тайным образом обращать внимание [...] на все случайности, которые могут вызвать подозрение, сообщать о недоброжелателях, если таковые окажутся в Белостокской области», а также о «скрытых приуго-

товлениях», касающихся заготовки оружия, обмундирования и т. д. Министр интересовался, нет ли данных, из которых следует, что в Княжестве Варшавском «приуговляются к войне и какое влияние слухи о том производят над обывателями». Предписывалось сообщать сведения о сомнительных людях и особенно о тех, кто мог быть наиболее влиятелен — «о значащих по богатству или по рождению»⁹¹. В ответе Барклаю де Толли, отосланном 4 мая 1810 г., Шиц писал: «Образ жизни здешних обывателей и жителей, мысли и их характер несколько мне известны, поелику до последней с французами кампании почти все вообще (за исключением некоторых помещиков) до забранья сего края были в том заблуждении, что будет непременно восстановлено прежнее польское королевство, но нынче об том более разговоров почти не слышно». О военных приготовлениях он никакими сведениями не располагал. Спустя некоторое время, 22 мая 1810 г., в очередном донесении военному министру Шиц сообщал, что «помещики Старжинские, Потоцкий, Оссолинский и прочие, имеющие на здешней и на той стороне деревни, посылают своих экономов и мужиков, хотя за билетами здешнего областного правления [т. е. при наличии официального разрешения. — Г. М.], перевозить сюда свои избытки и на работу, но весьма удобно могут пронести без малейшего затруднения из-за границы отсель письма и прочие известия»⁹².

Специфика пограничных территорий, с одной стороны, делала не слишком трудным осуществление контактов между разделенными владениями польских земельных магнатов, а с другой — создавала также возможности и для ведения разведки с российской стороны, сбора данных о военных приготовлениях на территории Княжества Варшавского. Сведения, получаемые в результате разведывательной деятельности, в целом соответствовали реальному положению вещей. Однако нередко они не подтверждались, а поступавшие из различных агентурных источников сообщения даже противоречили друг другу. Источники информации были преимущественно случайны. Попытки налаживания регулярной агентурной работы, ввиду отсутствия соответствующего контингента и малого опыта по ее организации, как правило, оканчивались безрезультатно.

Одновременно военной разведкой проводилась также и работа по изучению общественного мнения жителей Княжества Варшавского. 8 сентября 1810 г. полковник Шиц сообщал военному министру: «Вчерашнего числа получил я новейшее известие из Герцогства Варшавского об некотором образе мыслей поляков против России, о воинском их положении и какие там носятся слухи и даже публичные разговоры». Сведения были получены от агента, сообщившего, что «при инспекторском смотре князь Понятовский делал солдатам разные приветствия и ободрения, говоря им, что они есть отрасли того самого народа, от которого в древние времена весь свет дрожал»⁹³. 18 сентября 1810 г. Шиц переслал Барклаю де Толли «рисунок» (план) последних укреплений Праги (предместья Варшавы на правом берегу Вислы), строительство которых ведется солдатами, открыто говорящими, что будет война с Россией⁹⁴. С этого времени информация о строительстве военных укреплений на территории Княжества стала регулярной⁹⁵.

10 октября 1810 г. Шиц сообщил военному министру о полученных данных относительно передислокации войск в Княжестве: «Польские войска под командою князя Понятовского, состоящие из 18 тыс. человек конницы и пехоты, [...] собраны под Пултуск на ревью и расположены в лагерях». В том же донесении Шиц писал, что он сам получил достоверные сведения от одного местного жителя, приехавшего из Варшавы, где тот проживал некоторое время, что и «по сие время там гласно толкуют, что непременно будет с Россиею война». У него было много знакомых из военной среды, и он доносил, что «они ни об чем другом ведут разговоры, как только об войне с Россиею»⁹⁶.

Подготовка к войне требовала значительных материальных ресурсов. Шиц получил сведения, что из Шклова нелегально будет переправлена через границу «серебряная и золотая российская монета в немалом количестве в хмелю мимо Кныщенской таможи побочною дорогою». С намерением перехватить ценный груз он лично поехал в предполагаемое для провоза контрабанды место, однако ничего обнаружить не удалось. По его предположению, ценности провезли каким-то другим путем⁹⁷.

Сведениям о военных приготовлениях в Княжестве Варшавском, получаемым с помощью агентуры, придавалось большое значение не только в военном министерстве. Барклай де Толли писал 1 октября 1810 г. полковнику Шицу в Белосток: «[...] план новейшего Прагского укрепления имел счастье подносить государю императору, тот изъявил удовольствие». Одновременно последовало новое задание — достать план крепости в Замостье и других укреплений. С целью стимулирования активности агента Шицу поручалось заверить его, что «труды и усердие, которые он в сих поручениях окажет, удостоены будут высочайшего воздаяния»⁹⁸. Шиц передал эти ободряющие обещания агенту, добавив, что для ведения работы он будет снабжен паспортом и деньгами⁹⁹. В течение 1810–1812 гг. регулярно доставлялась информация о ходе «крепостных работ» в Княжестве Варшавском (назывались Прага, Модлин, Серадзь, Замостье)¹⁰⁰.

8 декабря 1810 г. Шиц доносил военному министру о предстоящем с нового года увеличении численности войск в Княжестве до 100 тыс. человек. Армия, сообщал он, будет состоять из двух действующих соединений и одного резервного. В Княжестве предполагается выпустить новую монету. Кроме того, Шиц обращал внимание Барклая на то, что «есть помещики — живут в Варшаве, а доходы получают отсюда», т. е. из России. Таким образом, материальные средства утекают из империи, и нет возможности контролировать их использование¹⁰¹.

Высшие чины русской армии, понимая неизбежность военного столкновения с Наполеоном, высказывали свои соображения о мерах, которые необходимо принять. 14 сентября 1811 г. командующий 2-й Западной армией П. И. Багратион представил Барклаю де Толли свой взгляд на сложившуюся ситуацию, которую он рассматривал в широком плане, с учетом затянувшейся русско-турецкой войны. Отмечая, что российской стороной «упущено много времени», он выражал уверенность, что «приятель наш», т. е. Наполеон, употребит все меры для того, чтобы оттянуть момент нападения на Россию. Он объяснял это стремлением французского императора

«дать времени туркам двинуться и перейти сильными корпусами на левую сторону Дуная. Коль скоро они перейдут, — писал он, — прогонят Кутузова, тем паче, что его высокопревосходительство имеет особенный талант драться неудачно, и войска хорошие ставит на оборонительном положении, по сему самому вселяет в них и робость». Багратион был учеником и соратником А. В. Суворова. До 1810 г. именно он командовал русскими войсками в войне с Турцией и одержал ряд значительных побед. Ближайшую стратегическую задачу Багратион видел в том, чтобы «теперь не дремать ни минуты», «помириться с англичанами и упросить их, чтобы они принудили турок заключить с нами мир». Он советовал уступить Турции Валахию и Молдавию, а «сербов оставить в независимости», ибо сейчас не время заниматься этими вопросами. Однако уступку Дунайских княжеств он считал временной: «Когда благословит Бог наше оружие, тогда и обстоятельства переменятся, и тот край от нас не убежит». Багратион выразил также свое мнение относительно поляков: «Касательно до Герцогства Варшавского, поляки с природы ветрены, непостоянны и одному государю никогда служить верно не могут, но теперь они принуждены и необходимо должны хорошо против нас драться по той причине, что они почти жалованья не получают, и льстят их грабежом». Далее он писал: «Я считаю самым лучшим способом объявить королем Государя, тогда всё у нас». В случае если император сочтет это неприемлемым, «тогда всем подданным государя, которые выехали на службу в Герцогство Варшавское, секвестрировать их имения в казну без пощады, ибо они, там служа, все доходы из деревень золотом за границу переводят. Теперь такое положение, что деликатность и кротость не у места, оставить их там без имения непременно, яко изменников. Я уверен, что они станут опять проситься, но не пускать и не давать им имения. Если явятся, отослать под стражу или в Сибирь». Предлагая столь крутые меры, Багратион в качестве примера «изменников» называл «Доминика Радзивилла Несвижского и его товарищей»¹⁰².

В сентябре 1811 г. переписка между представителями командования русской армии становится все более интенсивной. В ней отражаются опасения, вызванные угрозой начала военных действий со стороны Наполеона, поскольку в соответствии с его распоряжением все «крепостные работы» в Княжестве Варшавском к 1 октября должны были быть завершены. В начале ноября 1811 г. «из Шавлей» (Шауляя) А. Х. Витгенштейн сообщал военному министру, что располагает сведениями о положении в Княжестве Варшавском: в Замостье, Люблине, Варшаве и Серадзе действительно собраны польские войска, а в последних двух и рекруты для работ по укреплению. «Конскрипция [...] производит большой ропот между дворянами, которые должны служить рядовыми наравне с крестьянами», — замечал он. Он писал и об очередных предположениях, распространявшихся в польском обществе относительно судьбы Княжества: «Слухи у них носятся, что Россия собирает войска к их границам для занятия Герцогства Варшавского и отдачи оною принцу Ольденбургскому, взамен взятых от него владений». И эти известия, будто бы, воспринимались поляками без «сопротивления»¹⁰³.

4 ноября 1811 г. П. И. Багратион докладывал Барклаю де Толли о сведениях, полученных от агента, посланного им в Княжество Варшавское: «Во

всех местах Княжества Варшавского есть циркулярное повеление о изготовлении достаточного количества фуража и провианта для войск», которые должны будут проходить через его территорию. Были известия и относительно нового претендента на польский трон: «Единогласно утверждают, что император австрийский добровольно уступает старую Галицию и что сын его назначается королем польским»¹⁰⁴.

Информация о приготовлениях к войне поступала и с западной стороны границы Княжества Варшавского. Так, российский посланник при саксонском дворе В. В. Ханыков письмом из Дрездена от 1 (13) декабря 1810 г. ставил в известность Баркляя де Толли, что отдал распоряжение собирать «сведения по Варшавскому Герцогству». 14 (26) ноября 1811 г. В. В. Ханыков сообщал из Дрездена канцлеру Н. П. Румянцеву, что через Саксен-Готское герцогство проследовали французские войска (8–9 тыс.), они направлялись к Магдебургу для усиления армии маршала Даву. Как ему стало известно из разведывательных данных, в Саксонию вступят французские войска численностью до 10 тыс. человек¹⁰⁵.

Командованием российской армии разрабатывались также возможные планы предстоящих военных действий. В начале 1812 г. Барклай де Толли представил императору доклад¹⁰⁶, содержащий соображения, каковы должны быть действия русской армии в случае начала войны: «Ежели император нарушит мир с Россией, то первоначальною целью войны несомненно будет завоевание польских губерний. Наклонность обывателей оных к общему возмущению не токмо может споспешествовать его успехам, но и доставит ему большие способы к продолжению войны». Барклай де Толли предлагал опередить неприятеля и провести превентивную «наступательную войну», что позволило бы сохранить за собой материальные ресурсы западных губерний. Основные силы русской армии должны были быть сосредоточены в сборных местах: 1-я армия — в Шавлях, Вильно; обсервационный корпус — в Гродно, Белостоке, 2-я армия — в Брест-Литовске, Луцке. Цель действий определялась следующим образом: «Завладев Герцогством Варшавским, переменить его правительство, присоединить прусские войска к нашей армии»¹⁰⁷.

Насколько напряженной была обстановка в Княжестве Варшавском, свидетельствовали регулярно появлявшиеся известия о начинающейся в ближайшее время войне. Очередной виток опасений возник в конце 1811 — начале 1812 г. В поступившем в январе 1812 г. рапорте командующего корпусом генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута из Вильно сообщалось: «В Герцогстве Варшавском беспрестанно твердят, что война неминуемо быть должна около Нового года по тамошнему числению, [...] что российские войска на Новый год вступят в Герцогство Варшавское». (Сообщаемые сведения поступали с отставанием от реального течения времени из-за несовершенства средств коммуникации.) И далее: «Во всем Герцогстве записывают в народную гвардию из обывателей, из коих выбирают и чиновников, отсылая всех поблизости к крепостям, а там приучают ко всему на военную ногу»¹⁰⁸.

9 февраля 1812 г. П. И. Багратион писал из Житомира Барклаю де Толли о полученных им новых сведениях. В их числе было и сообщение о том, что «князь Адам Чарторижский, фельдмаршал австрийский, вывез из

местечка Пулав все движимое свое имение в Австрию»¹⁰⁹. Таким образом, в связи с всеобщим напряженным ожиданием начала войны «фамилия» принимала меры для сохранения своего имущества.

Все тревожнее становились и сообщения о военных приготовлениях в Княжестве Варшавском непосредственно вдоль российской границы. 21 февраля 1812 г. К. Ф. Багговут из Вильно сообщал военному министру о полученном из Ковно «верном сведении», что «в Герцогстве Варшавском по границе удвоена кордонная цепь и розданы боевые патроны двойным комплектом»¹¹⁰. Неоднократно Барклаю де Толли передавались полученные через агентов планы дислокации польской армии, а также ее штатное расписание. 26 февраля 1812 г. о них сообщал находившийся проездом в Княжестве Варшавском полковник граф де Витт. Он же из Радзивиллова направил письмо прямо императору о военных ожиданиях в Княжестве: «Правительство убеждено, что армия Вашего Величества вскоре вступит на их территорию»¹¹¹. К письму Багратиона военному министру от 10 марта 1812 г. был приложен список генералов польской армии. Назывались фамилии дивизионных генералов 1-го класса (Понятовский, Зайончек, Домбровский), 2-го класса (Каменецкий, Сокольниковский, Фишер, Рожнецкий) и бригадных генералов (почти 20 человек)¹¹².

В марте 1812 г. впервые поступило сообщение о том, что Наполеон предполагает восстановить название «Королевство Польское». Посланный в Варшаву агент, «белостокский мещанин», сообщал: в Варшаве распространяются слухи, что французский император, «уничтожив будто бы наименование Герцогства Варшавского, повелел именоваться оному впредь Королевством Польским», и это вызвало восторг у военных¹¹³.

Александр I был обеспокоен таким развитием событий, и, по свидетельству сардинского посланника в Петербурге Ж. де Местра, решил предпринять соответствующие шаги со своей стороны. В письме от 27 мая (8 июня) 1812 г. сардинскому королю Виктору Эммануилу де Местр сообщал: «Император поручил мне составить проект указа о восстановлении Королевства Польского и манифеста, к сему относящегося, что и было мною исполнено». И далее, вполне резонно, добавлял: «Впрочем, навряд ли можно теперь надеяться на что-либо в этом отношении»¹¹⁴.

16 (28) марта в Варшаве был получен приказ Наполеона, в котором значилось, что с этого времени польские войска включаются в состав «великой французской армии», образуя ее 5-й корпус «под командой князя Иосифа Понятовского, у коего под начальством быть должно еще 20 тыс. человек прусского войска». Как сообщал агент, в Варшаву было прислано также «объявление войны французам с Россией и при оном воззвание к армиям французской, польской и немецкой». В нем Наполеон заявлял, что «будет вести войну с Россией, которая препятствует ему в постановлении всеобщего на твердой почве мира», и что «в июле месяце придет со своим войском в Санкт-Петербург». Перед поляками рисовались самые радужные перспективы: Наполеон обещал, что «край их распространит он так, что обширность оного будет гораздо более, нежели каковая была при короле Станиславе». На польский престол Наполеон намеревался посадить своего дядю великого герцога вюрцбургского Фердинанда III¹¹⁵.

8 апреля 1812 г. сенатор В. С. Ланской писал военному министру, что, как следует из донесения агента, Наполеон распорядился в срочном порядке сформировать польскую армию численностью 200 тыс. человек, «из природных жителей Герцогства Варшавского», включая уже имеющиеся войска. С этой целью от него поступило 20 млн. франков. Начавшийся немедленно набор (уже третий с начала года) проходит «с великим успехом», в «конскрипцию записывают всех могущих носить оружие, без различия рода, звания и состояния». За Вислой во многих пунктах созданы провиантские склады, а некоторые уже и на правом берегу: в Хелме, Люблине, Бялой, Седльце и др.¹¹⁶ Росиенский уездный исправник Маньковский доносил графу П. Х. Витгенштейну 9 апреля 1812 г. из Кейдан о различном отношении польского населения к сложившейся ситуации. «Гражданские сословия, — писал он, — с войском разделяются в мыслях»: войска не чувствуют тех тягот, которые ложатся на «обывателей», «истощаемых беспрестанными налогами и сильными конскрипциями». По утверждению агента, в Княжестве наблюдается «крайний недостаток в продовольствии». Эти трудности затронули даже помещиков, вынужденных для уплаты налогов продать свои запасы в Пруссию «по малой цене»¹¹⁷. В мае 1812 г. военному министру поступило очередное сообщение, основанное на агентурном донесении, о тяжелом продовольственном положении в Княжестве Варшавском. В частности, в нем отмечалось, что «кроме Модлина, Сероцка и Плоцка, больших запасов хлебных нигде не имеется», что «между жителями Герцогства Варшавского и прусскими вспомогательными войсками, требовавшими от них продовольствия, доходило, будто бы, до драки». Хорошие лошади, пригодные для кавалерии, «отбираются даже и у путешественников». Жители крайне нуждаются в деньгах и «никогда не имели столь сильного негодования на свое правительство, как ныне». Войска грабят население, причем «не только иностранные, но даже самые польские поступают с жителями весьма нагло»¹¹⁸.

20 апреля 1812 г. В. С. Ланской писал М. Б. Барклаю де Толли о поступивших к нему сведениях относительно стратегических планов Наполеона. В соответствии с ними все войска, сосредоточенные на территории Княжества Варшавского, должны быть разделены на три колонны: одна, сильнейшая, будет направлена к Бресту, другая — к Мемелю и третья — в Белостокскую область. Французский император, стремясь все больше расположить к себе поляков, обещал им «восстановить Польшу на степень могущества не за 50, но за 150 лет пред сим бывшего»¹¹⁹. Однако не все действия Наполеона находили положительный отклик в Княжестве. Так, Багратион, ссылаясь на полученные агентурные сведения, в донесении от 26 апреля 1812 г. военному министру сообщал, что назначение маршала Даву командующим польскими войсками вызвало огромное неудовольствие князя Понятовского и других поляков¹²⁰.

По мере приближения войны все более важным становился вопрос о продовольственном обеспечении русских войск. И. Н. Эссен в рапорте военному министру от 28 апреля 1812 г. из Кобрина излагал свои соображения о мерах, которые следует принять в случае начала военных действий. Он имел в виду «Брестский запасной магазейн» и запасы пшеницы, «при-

надлежащей партикулярным лицам и хранящейся в амбарах подле самой реки Буг». Понимая, что «означенные хлебные запасы не должны попасть в руки неприятеля», он хотел бы иметь указания, «когда приступить к их истреблению». М. Б. Барклай де Толли наложил резолюцию: «Предписать, чтобы магазейны перевезть немедленно, а пшеницу в случае неприятельских действий, буде подвергнется опасности, истребить огнем или как сам лучше найдет»¹²¹.

Командование русской армии продолжало разрабатывать планы предстоящей войны. 9 апреля 1812 г. генерал-адъютант князь П. М. Волконский, генерал-квартирмейстер, ставший в 1813–1814 гг. начальником главного штаба, представил императору записку о подготовке русской армии к войне с Наполеоном. В записке он отмечал, что расположение русских войск вдоль границы «от окрестностей Шавлей до окрестностей Луцка, заключающее в себе около 800 верст», и находящихся здесь «магазейнов», по его мнению, имеет «только одну удобность» — обеспечение армии продовольствием, однако не является «выгоднейшим положением для начатия военных действий, так как расстояние от одной армии до другой так пространно [...], что неприятель, вознамерившись начать военные действия и сосредоточив главные свои силы при Варшаве (имея при том два боковых корпуса), может взять внутреннюю операционную линию и, прекратив чрез то всякое сношение между армиями, разбить порознь каждую, будучи в превосходных противу их силах». «Не нужно мне изъяснять о том, сколь выгодна наступательная война, — писал он. — Но, к сожалению моему, я должен заметить, что благоприятное время к наступательным действиям для нас миновалось»: французы перевезли уже весь провиант и фураж в укрепленные места на Висле и за Вислою (Варшава, Модлин, Торн, Грауденц, Мариенвердер и Данциг), а также в крепость Замостье. Они собрали войска численностью 220 тыс. человек, которые могут соединиться против одной из русских армий. «У нас, — писал Волконский, — две операционных линии: 1) от Вильно — чрез Гродно — на Варшаву и 2) от Луцка — чрез Владимир [Волынский. — Г. М.] — на Варшаву». Волконский считал, что русской армии неизбежно придется вести войну оборонительную. Он, будучи опытным военачальником, хорошо знал, что «россияне всегда там побеждали французов, где дрались с ними в соединенных и сомкнутых силах», и это надо учитывать. Он полагал, что операционная линия русских войск при отступлении, «всем прочим предпочитаемая», должна проходить из Белостокской области через Слоним, Несвиж, Минск, Борисов и далее через Смоленск в Москву. По его мнению, в случае если французские войска вторгнутся на Волынь, то от Владимира-Волынского русские соединенные армии должны следовать через Луцк, Новоград-Волынский, Житомир к Киеву; необходимо также в кратчайшие сроки закончить войну с Турцией, тогда можно будет из четырех дивизий Дунайской армии три присоединить к армии генерала А. П. Тормасова¹²².

В апреле 1812 г. Александр I, как главнокомандующий российской армией, приехал в Вильно, где находился Главный штаб, чтобы непосредственно быть в курсе событий. Несмотря на то, что ожидалась война, светское общество продолжало жить обычной жизнью. По случаю приезда

государя давались балы и обеды. Барышни наряжались и старались завладеть вниманием государя. Как писала в своих воспоминаниях одна из дам виленского высшего света графиня С. Шуазель-Гуфье (тогда еще графиня Тизенгауз), «среди самой непринужденной на вид беседы Александр ни на минуту не забывает, что перед ним — представительницы польского общества, которое он хочет в возможно большей мере привязать к себе узами личного доверия и симпатии»¹²³. Власти старались сохранять общественное спокойствие. Вспоминая это время, графиня замечала: «В Литву не пропускали никаких вестей, никогда еще политика не была окутана столь непроницаемой завесой»¹²⁴.

В мае 1812 г. из всех приграничных городов и пунктов поступали сведения о передислокации польской армии и перемещении ее на восток.

С начала июня к Барклаю де Толли стали поступать известия о неожиданных и тревожных сбоях в работе почты. В письме от 1 июня 1812 г. В. С. Ланской сообщил ему, что очередная заграничная почта должна была «прийти вчера, но по сие время не пришла». Таможенные объездчики слышали, что недалеко от границы «почта была остановлена польскими уланами и возвращена обратно»¹²⁵. Почт-директор А. Бухарский также 1 июня уведомил, что, по донесению белостокского пограничного почтмейстера, отправленная 29 мая в Княжество Варшавское почта возвращена, «почтартя не пропустили» через границу и «не приняли от него упомянутой почты»¹²⁶. 2 июня из Бреста полковник В. А. Анохин рапортовал, что «пересылка писем за границу в обе стороны прекращена и производиться не будет»¹²⁷.

5 июня 1812 г. А. П. Тормасов из Дубно направил Барклаю де Толли сведения о положении в Княжестве Варшавском: 1) общая численность французской армии со всеми союзниками достигает там 400 тыс. человек; «польские войска составляют 5-й корпус, ими командует князь Понятовский»; 2) «по недостатку хлеба и денег обыватели Герцогства Варшавского весьма ропщут на французское правительство»; 3) австрийские войска под командованием князя К. Ф. Шварценберга вступили в Княжество Варшавское¹²⁸.

Наполеон продолжал усиливать свои позиции в Княжестве. Весной 1812 г. он направил в Варшаву своего нового посланника — аббата Д. Прадта. В инструкции, данной ему, ставились чисто военные задачи: ему предписывалось в случае необходимости организовать в Княжестве повстанческое движение против России, привлекая к участию в нем и подданных провинций, вошедших в состав Российской империи¹²⁹.

Еще в мае 1812 г. министр Княжества Варшавского Т. Матушевич предложил Наполеону обратиться к полякам с призывом подняться на борьбу против России, однако французский император предпочитал иной путь: по его мнению, внешне инициатива должна исходить от самих поляков. Одновременно было достигнуто соглашение о провозглашении Королевства Польского и создании Генеральной конфедерации (всеобщего вооруженного объединения поляков), что должно было способствовать широкому вовлечению в антироссийское движение поляков, включая и российских подданных. Вернувшись в Варшаву, Матушевич занялся подготовкой созыва чрезвычайного сейма для провозглашения Генеральной конфедерации¹³⁰.

26 мая (7 июня) 1812 г. саксонский король, князь Варшавский Фридрих-Август I издал декрет об учреждении в Варшаве Центрального правительства, которое должно было функционировать в его отсутствие. Две недели спустя совет министров Княжества официально принял постановление о созыве сейма. Однако российское командование еще не располагало достаточной разведывательной информацией об этих важнейших событиях, и 4 (16) июня 1812 г. П. И. Багратион мог только сообщить М. Б. Барклау де Толли, что в Княжестве «дворянство призывается в Варшаву для сейма, цель которого неизвестна»¹³¹. Первоначально открытие сейма было назначено на 3 (15) июня, но для сбора депутатов потребовался больший срок, и он начал работу лишь (14) 26 июня 1812 г. Это был третий сейм, состоявшийся в Княжестве Варшавском за все годы его существования. К этому времени и международная ситуация, и положение Княжества с момента его создания претерпели серьезные изменения.

12 (24) июня 1812 г. наполеоновская армия перешла Неман, и началась война с Россией. Польские войска под командованием Ю. Понятовского оказались на переднем крае военных действий. Открывшийся в этой обстановке в Варшаве сейм провозгласил создание Королевства Польского. Польским королем был объявлен саксонский король Фридрих-Август. Матушевичу было поручено подготовить акт о создании Конфедерации.

Главой Конфедерации был избран А. К. Чарторыйский, еще в 1764 г. возглавлявший польский сейм. На публичном заседании сейма 28 июня выступил граф Т. Островский, председатель сената. В изданном отчете о заседании торжественно провозглашалось: «День 28 июня будет памятным днем в истории польского народа, в этот день исполнились наши долгие ожидания и самые горячие желания». Произнесенные Т. Матушевичем слова: «Будет Польша, что я говорю, есть Польша!» были встречены присутствовавшими со слезами радости. «Каждый из нас, — продолжал он свою речь, — вместе с Отчизной словно из могилы восстал и начал новую жизнь». Бурно приветствовалось и чтение акта Генеральной конфедерации, который отредактирован был Прадтом. В его преамбуле с пафосом заявлялось: «Сердца поляков полны одним желанием, чтобы разорванные части отчизны были вновь спаяны в единое тело, чтобы вернуть ее к прежней жизни, к прежнему счастью». Далее следовал призыв ко всем полякам — присоединиться, чтобы скорее наступил счастливый миг, «когда братская Погонь [всадник, герб Великого Княжества Литовского. — Г. М.] рядом с Белым орлом снова украсят рыцарские щиты и знамена, когда на тучных нивах Волыни, на просторных равнинах Подолья и Украины также будут раздаваться радостные возгласы: „Да здравствует Отчизна! Да здравствует Польша!“». Генеральная конфедерация провозгласила: «Королевство Польское восстановлено, и польский народ снова в единое тело соединен»¹³². Здесь прозвучали основные требования польского патриотического движения: самостоятельное государственное существование и объединение всех польских земель, прежде всего присоединение к Королевству Польскому литовско-белорусско-украинских территорий.

Восторгам жителей Варшавы не было предела. Повсюду слышались голоса в поддержку нового государства: «Да здравствует Польша!», «Да

здравствует король!», «Да здравствует император!». Автор сообщения в «Дневнике сейма» писал о настроениях поляков: «Счастлив тот, кто пережил дни смуты и неволи, дождался возрождения Королевства Польского»¹³³. Инициатива сейма о создании Генеральной конфедерации немедленно была поддержана на местах. Там также приступили к организации конфедераций, высылали в Варшаву своих представителей и присоединялись к Генеральной конфедерации, приветствуя ее решения.

Акция провозглашения Королевства Польского была инспирирована Наполеоном, преследовавшим цель сильнее привязать к себе поляков и гарантировать себе их содействие в войне против России¹³⁴. Его инициатива легла на благодатную почву — польское общество было готово приветствовать такой ход событий. Провозглашение Королевства Польского с энтузиазмом было воспринято не только депутатами сейма, правящими и политически значимыми слоями общества, но и всем населением Варшавы, а затем и Княжества Варшавского в целом. Об этом свидетельствовали публиковавшиеся в выпусках «Дневника Генеральной конфедерации» списки присоединившихся к ней поляков. Создание Королевства Польского поддержали также и поляки в провинциях, входивших в состав Российской империи, прежде всего в Литве. Провозглашение в 1812 г. акта о восстановлении польского государства стало возможным благодаря сложившейся международной ситуации, которая в этом отношении оказалась благоприятной для Польши. Противостояние России и Франции, их соперничество в достижении политически доминирующего положения в Княжестве Варшавском, в стремлении привлечь поляков на свою сторону, дипломатично завуалированное постоянными взаимными заверениями в искреннем дружеском расположении, привели к затяжным переговорам о заключении конвенции по польскому вопросу. Нежелание идти на компромисс, при том что и Франция, и Россия держали «про запас» козырную карту — восстановление Королевства Польского, обеспечивавшую, казалось бы, выигрышный дипломатический ход, и как следствие — политическое и военное усиление позиций в Княжестве, привело в конечном итоге к срыву переговоров и открытой конфронтации. Начиная войну с Россией, Наполеон в результате проводимой им политики в отношении Княжества Варшавского сумел усилить свои позиции, создав плацдарм, максимально приближенный к границам России, а также расширив базу военных ресурсов для своей армии. Сыграла свою роль и позиция польской шляхты, которая, особенно после создания Княжества Варшавского, все более ориентировалась на Францию. Испытывая глубокую неприязнь к России, она продолжала надеяться на восстановление Королевства Польского в границах до разделов 1772 г. и рассчитывала на помощь Наполеона.

Характер переписки А. Чарторьского с российским императором в это время несколько изменился. В начале июля 1812 г.¹³⁵ он писал Александру I, что восстановление Польши было провозглашено Конфедерацией, во главе которой поставлен его отец А. К. Чарторьский: «Имя Польши, исходящее из его уст [...], становится для меня законом». Начавшаяся война, по мнению польского князя, еще более обострит отношения между поляками и русскими: «[...] жестокости и всякого рода бедствия [...] доведут до

крайности закоренелую вражду между обеими нациями, которые должны были бы считать себя сестрами». «Кровопролитная война, — делился он своими размышлениями с императором, — или упрочит существование моей родины, или же покроет ее трауром, превратит в пустыню, довершит ее несчастья». В любом случае Чарторыйский считал себя обязанным разделить судьбу своей страны. Он сообщал в письме, что уезжает в Венгрию и Богемию лечиться, и вновь просил Александра I об отставке, поскольку статья 6 Акта Генеральной конфедерации гласила: «Все поляки, находящиеся на гражданской или военной службе в России, должны перестать служить этой державе». Не получив ответа на это письмо, Чарторыйский писал Александру I из Карлсбада 4 (16) августа, что молчание императора он принимает за согласие. Для него нет сомнения в том, что «важнейшим долгом является долг по отношению к своей родине»¹³⁶.

2. Княжество Варшавское, Литва и Россия в период военных действий

Начавшаяся война, несмотря на долгие ожидания, оказалась все же внезапной. Графиня С. Шуазель-Гуфье писала, восторгаясь самообладанием русского императора: «Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильны! Как он умел владеть собой!»¹³⁷

Александр I, получив известие о нападении французов, срочно через М. Огиньского вызвал в ставку Л. Плятера для редактирования газеты, которую решено было издавать в целях противодействия наполеоновской пропаганде, направленной на «возмущение литовцев»¹³⁸.

Вильно оказался с самых первых дней войны в центре событий. Русские семейства срочно покинули город. 16 (28) июня 1812 г. в него вступила французская армия, в том числе и польские отряды. Польское население литовской столицы встречало их с радостью и восторгом. «Трудно передать волнение, — вспоминала Шуазель-Гуфье, — которое я испытала при виде поляков, которые бежали во весь опор, сабли наголо, но с веселым видом, махая своими флагами национальных цветов, которые я видела впервые. [...] При виде этих истинных соотечественников сердце мое умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознание это вновь пробуждается во мне, слезы радости и энтузиазма залили мое лицо. Это была чудная минута, но она промелькнула как миг. Всюду царил общее опьянение. Во всем городе раздавались торжествующие клики»¹³⁹. Совершенно иное впечатление, чем поляки, произвели, по свидетельству Шуазель, на местное население французы: начались грабежи, голод, «от Литвы требовали солдат, хлеба и денег»¹⁴⁰.

В Литве было создано «временное правление» (Временная правительственная комиссия Великого Княжества Литовского) во главе с С. Солтаном. В его состав вошли А. Сапега, Ф. Ельский, Ю. Сераковский, К. Прозор. Позднее его членами стали Я. Снядецкий и А. С. Потоцкий. Французским

комиссаром при правительстве был назначен Э. Биньон. Трое из членов временного правительства прибыли из Варшавы: Ю. Сераковский, «имеющий в Белоруссии свое имение, называемое Сены», А. Потоцкий, «конюший Варшавского Княжества, женатый на дочери действительного тайного советника Тышкевича», князь А. Сапега. «Виленские» были представлены: Ф. Ельским, «подкормчим виленским» (один сын которого раньше служил в русской гвардии унтер-офицером, «был отставлен и после, подделавши фальшивые деловые документы, бежал за границу, другой его сын служил в Варшаве»), Я. Снядецким, ректором Виленского университета, и Ю. Коссаковским, также профессором университета (он являлся «родным братом бывшего виленского бискупа») ¹⁴¹. Временная правительственная комиссия приняла обращение к полякам, извещавшее о восстановлении Польши и призывавшее всех поляков, находящихся «в русской службе, оставить оную и прибегнуть к знаменам польским». В обращении содержалось также обещание возратить конфискованные имения ¹⁴². После отъезда Наполеона из Вильно был объявлен рекрутский набор. Один из братьев Шуазель был назначен полковником в пехоту, а ее старший брат за собственный счет сформировал отряд конной артиллерии. Правда, вообще средств для организации литовских войск было недостаточно и процесс их формирования шел медленно, но все же шел. Тем не менее, Наполеон писал герцогу Бассано, что получил в Литве значительное подкрепление ¹⁴³.

Еще до начала военных столкновений между Россией и Францией возникла пропагандистская война — воздействию на общественное мнение придавалось большое значение как одной, так и другой стороной. 22 июня 1812 г. Наполеон обратился к своей армии с воззванием, напечатанным на французском и польском языках. Оно открывалось словами: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая закончилась при Фридлянде и в Тильзите». Эта война, как и первая, утверждал император, принесет славу французскому оружию, а мир, которым она закончится, положит конец влиянию, которое последние пятьдесят лет Россия оказывает на европейские дела ¹⁴⁴. В целях обработки общественного мнения и создания нужных для военного руководства настроений среди солдат французской армии использовались и другие методы, в частности, распространялись фальшивые документы. Так, 15 июня 1812 г. из Дубно генерал Тормасов сообщал Барклаю де Толли, что, по полученным агентурным сведениям, «в Княжестве Варшавском распушено много фальшивых прокламаций, между прочим и приказ государя императора Александра, данный будто бы армии, чтобы не щадить никого из поляков, даже младенцев при грудях матерей» ¹⁴⁵. Распространялись также прокламации, обращенные «ко всем полякам, не исключая и тех, которые живут в отдаленнейших местах, дабы они и своего имени и звания не забыли» ¹⁴⁶. Спустя несколько дней А. П. Тормасов дополнил это сообщение новым известием, что выпущена прокламация «к обывателям полякам, под игом российским стенающим» ¹⁴⁷. Эта прокламация-воззвание «К жителям провинций, отторгнутых от Польши и присоединенных к России» была подписана Ю. Понятовским ¹⁴⁸.

Польские войска с самого начала войны принимали активное участие в боевых действиях. Генерал Тормасов еще 20 июня 1812 г. известил воен-

ного министра о слухах, что через Австрию могут ворваться польские отряды под командой генерала Рожнецкого, вероятно, с целью «оттянуть нас от Волыни», однако, полагал он, «трудно поверить, чтоб Австрия сие им позволила»¹⁴⁹. Первое сообщение о пленных, в том числе и поляках, было отправлено 26 июня 1812 г. Багратионом военному министру из Несвижа. В числе пленных был Я. Врублевский, краковский уроженец, состоявший в конвое Наполеона. Как показали пленные поляки на допросах, их целью было восстановить Польшу, а после — «истребить англичан». Они рассказали, что «хлеба у солдат нет, а берут его грабежом и реквизициею, люди часто терпят голод, лошади довольствуются подножным кормом — овса вовсе нет, они жнут вообще весь зеленый хлеб и тем кормят лошадей — лошади худы до того, что едва ходят. У обывателей ничего нет, все забрано русскими». О положении в армии, об отношениях между польскими и французскими военными они сообщили: «Поляки ненавидят французов оттого, что их теперь держат почти под арестом, что им ничего не верят и что их раскассировали между французами так, что в польских полках — полки стоят чрез ряд с французами — французы боятся, чтоб поляки не перебежали к русским, отчего все польские полки поручены французским генералам»¹⁵⁰.

28 июня 1812 г. П. И. Багратион сообщал Александру I из Несвижа о полученном от Платова донесении, что бригада польских улан, состоящая из трех полков под командованием генерала Турно, вышедшая на рассвете 27 июня из Мира, после нескольких часов весьма упорного сопротивления была совершенно разбита и «обращена в бегство», взято в плен несколько офицеров и много рядовых. Турно «едва спасся с небольшим числом улан, от тех полков оставшихся»¹⁵¹.

Некоторые поляки, проживавшие на территории России, ждали прихода наполеоновских войск и готовились к нему. Примером может служить дело витебского откупщика, который, «приготовляясь принять в городе французов, заказал маляру сделать вывески на всех питейных домах с французским орлом, с тем чтобы тотчас по вступлении неприятеля оные всюду поставить»¹⁵². 7 июня 1812 г. из Полоцка военный министр информировал императора о мерах, принятых в отношении «откупщика-шляхтича в Витебске, который заказал сделать французских гербов». Он отдал приказ витебскому гражданскому губернатору его «расстрелять, при собрании народа, в пример другим»¹⁵³. Директор военной полиции Я. И. Санглен сообщал военному министру 10 июля 1812 г., что «в городе Витебске во многих жителях видно много патриотизму польского»¹⁵⁴.

В то же время русское правительство стремилось привлечь к сотрудничеству верхушку поляков из западных губерний. В состав образованного «особого комитета по снабжению армии всем нужным» вошли: Т. Вавжецкий, «кавалер ордена св. Александра», Т. Островский, губернский маршал виленский, князь Ф. К. Любецкий, губернский маршал гродненский, граф Рокицкий, губернский маршал минский, граф Плятер. Вопрос об их финансовом обеспечении обсуждался в переписке между В. П. Кочубеем и Д. А. Гурьевым. Из нее следует, что император распорядился, чтобы Кочубей и Гурьев «совокупно [...] сообразили, какое может быть сделано по-

ложение для некоторых из чиновников польских наших провинций, кои, быв призваны сюда [в Петербург. — Г. М.] по повелению его императорского величества, находиться могут в стесненных обстоятельствах». Кочубей открыто спросил Любецкого, «какое бы пособие для достаточного их содержания нужно быть могло». Поляки просили дать им только ссуду в 500 червонцев, «которую они обяжутся каждый лично возвратить»¹⁵⁵.

На начальном этапе войны русская армия оказалась в очень трудном положении. Рассредоточенные соединения не давали возможности вести достаточно эффективную оборону, началось поспешное отступление. В начале августа 1812 г., после того как русские войска оставили Смоленск, главнокомандующий армией М. Б. Барклай де Толли был заменен М. И. Кутузовым¹⁵⁶. Русские войска продолжали отступать. 26 августа (7 сентября) между русской и французской армиями произошло кровопролитное сражение при Бородино. 1 сентября состоялся совет в Филях, на котором было решено оставить Москву. Наполеон, понимая, что армия его истощена и не имеет для своего усиления ни материальных, ни людских резервов, опасаясь предстоящей зимы, предложил через командовавшего арьергардом А. Лористона, бывшего до войны французским послом в Петербурге, заключить мир, но Кутузов решительно отказался¹⁵⁷. Наполеон вынужден был покинуть Москву. Он хотел возвращаться другим, не прежним путем, через Калугу, но его войска были остановлены под Малоярославцем. После длительного противостояния с конца сентября по начало октября 1812 г. и победы русских войск под Тарутином 6 (18) октября 1812 г. французам пришлось отступать по старой дороге, проходя через разоренные войной города, села и деревни. К тому времени русские войска, получившие передышку, увеличили свои ряды.

Александр I, как и всегда, придавал большое значение мерам, направленным на формирование общественного мнения. В разговоре с М. Огиньским император сказал: «Если Бог поможет, что нам удастся очистить от неприятеля не только русские области, но и Белоруссию и Литву», то тогда он обратится с воззванием к польским подданным империи. Александр I подтвердил, что имеет в виду планы, о которых говорил еще до войны, при этом никакие преследования или «возмездия» не будут иметь места. Однако таких действий, считал Огиньский, недостаточно: чтобы привлечь к себе польское население «занятых неприятелем областей, в воззвании следует высказать надежду на восстановление Польши». «Само собой разумеется», — согласился император, сделав все-таки оговорку, что время для этого еще не пришло. Он обратился к князю с просьбой заблаговременно сочинить воззвание к полякам, а пока уполномочил его «объявлять», что российский император «решился восстановить Польшу»¹⁵⁸. 7 октября 1812 г. Огиньский представил Александру I проект рескрипта Кутузову и проект воззвания к полякам. Предвидя благоприятный для России исход войны, князь говорил императору, что ему «остается только извлечь из нее пользу, установить на прочных основаниях политическую систему Европы и оградить на будущее время границу России, сделав Польшу ее оплотом». «Воззвание о провозглашении Вашего Величества польским королем, — заявил он, — было бы, без сомнения, действительнее обещаний». Поскольку русские войска

приближались к границам Польши, «Витгенштейн перешел Двину, а Чичагов находится в Минске», в высшей степени важно, настаивал Огиньский, чтобы эти генералы «обратились с масличною ветвью»¹⁵⁹. Он предостерегал, что в противном случае поляки могут начать национальное восстание или же покинуть свою родину. Затем снова речь зашла об общественном мнении, на этот раз — российском. Огиньский полагал, что в Петербурге «все отзовутся утвердительно на вопрос: должна или не должна быть восстановлена Польша на предложенных мною основаниях». Пытаясь склонить Александра I к скорейшему провозглашению себя польским королем, Огиньский находил дополнительные аргументы: союзники положительно оценят такой шаг — «залог сильных средств к борьбе с врагом». Англия, утверждал он, одобрит, потому что это принесет ей выгоду. Вся Европа отнеслась бы «благоприятно» к восстановлению Польши, так как видела бы в ней преграду между Россией и остальным континентом. И с присущим ему лукавством Огиньский добавил, что это выгодно и самой России: «На самом деле преграда эта придавала бы России превозмогающий перевес и обеспечивала бы ее от неприятельского нападения». Некоторое опасение, по его мнению, вызывала Австрия, но, учитывая ее критическое положение, можно было рассчитывать на ее согласие и более того — потребовать от нее возвращения Галиции, естественно, за соответствующее вознаграждение. Говорил князь и об экономических интересах части русского дворянства: те, кто лишился в бывших польских провинциях владений, будут лично заинтересованы в таком решении польской проблемы¹⁶⁰.

В подготовленном Огиньским проекте рескрипта Кутузову четко определялась позиция императора по польскому вопросу: «Вам, господин фельдмаршал, и всем, пользующимся моим доверием, известно, что я с давнего времени питаю мысль восстановить польское королевство, дабы сыскать этим существенное приращение сил моей империи, образовать могущественный оборонительный оплот против всякого нападения извне и выполнить желания домогающегося восстановления своей отчизны двенадцатимиллионного населения и таким образом связать оное неразрывными узами с Россиею». В документе содержалось твердое обещание: «Польша будет существовать». От имени императора Кутузову предписывалось: «Скажите полякам, что я всегда умел ценить их храбрость и любовь к отчизне и монархам [...], что я решился восстановить польское королевство и провозгласить себя польским королем, как только войска мои довершат изгнание неприятеля», что поляки «сохранят веру своих отцов и особенное управление с национальными законами на основании столь дорогой для них Конституции 3 мая 1791 года»¹⁶¹.

Проект воззвания Александра I к польскому народу, составленный Огиньским, включал, в частности, следующее положение относительно территориальных границ создаваемого государства: «Как монарх, проникнутый желанием упрочить вашу судьбу и образовать из Польши надежный оплот России, — объявляю перед лицом неба и земли: что я возобновляю и восстанавливаю польское королевство в объеме всех польских воеводств и округов, приобретенных Россиею на основании разделов 1773, 1793 и 1796 [sic!] годов, со включением округов белостокского и тарнопольско-

го». Император должен был заявить, что возлагает на «главу свою» корону Польши, «отдельную по праву верховного господства», при личной унии с Российской империей, и что Конституция 3 мая 1791 г. «станет основным законом польской нации», руководствуясь которым, Александр I будет «царствовать, управлять вами [поляками] и содействовать упрочению вашего счастья». Проектом Огиньского предусматривалось, что до тех пор, пока Россия не заключит мир с Францией, на территории Польши будет действовать временное правительство. Объявлялась амнистия для всех поляков, сражавшихся против русских. За убытки, понесенные в ходе военных действий, жителям было обещано полное возмещение¹⁶². Таким образом, проект обеспечивал максимальные выгоды для поляков, отражая их интересы и подпитывая их надежды.

Необходимость воздействия на общественное мнение населения территорий, занимаемых при продвижении на запад русских войск, понимало также и командование армии. Так, еще 17 октября 1812 г. П. В. Чичагов направил инструкцию командующему войсками в Литве генералу Е. И. Чаплицу, в которой, в частности, рекомендовалось: «Нам следует выбрать среди жителей Литвы таких, которых можно было бы использовать либо для того, чтобы создать в этой стране благоприятное для нас общественное мнение, либо для того, чтобы распространять наше влияние на большую сферу, а именно на Великое Герцогство Варшавское», с целью нейтрализовать влияние Наполеона. Для достижения этой цели следовало выдвинуть «положительную программу» в противовес обещаниям Наполеона. «Либеральные намерения государя императора, — отмечалось в инструкции, — дают нам возможность предложить им на будущее гораздо более счастливую перспективу, чем та, которую использует Наполеон для их оболыщения». Далее детально разъяснялись намерения российского императора: он согласен обеспечить полякам национальное существование, но лишь при условии, «что они заслужат это своим поведением и преданностью ему». Подчеркивалось также, «что благоприятное стечение обстоятельств и важные результаты этой войны дадут возможность осуществить некоторые политические комбинации на прочной и постоянной основе». Только отказавшись поддерживать Наполеона, поляки «вправе надеяться на лучшую участь». В инструкции указывалось: «Именно в таком направлении Вы можете, генерал, работать над созданием в Польше благоприятного для нас общественного мнения». Для этого предлагались и конкретные средства: необходимо «окружить себя доверенными лицами, чтобы они говорили и писали в духе ваших указаний»; направлять эмиссаров; способствовать проникновению в Княжество Варшавское брошюр соответствующего содержания, причем наиболее действенным способом является распространение брошюр о ходе военных действий. Чичагов считал полезным содействовать созданию общества, «целью которого было бы возрождение польской нации под покровительством императора», и в дальнейшем направлять деятельность этого общества. В заключение он еще раз подчеркивал: «Вообще важно восстановить тесные связи с жителями этой провинции [Литвы. — Г. М.] и по мере возможности умножать такие связи с населением Герцогства Варшавского»¹⁶³.

Встреча М. Огиньского с императором, состоявшаяся 1 декабря 1812 г., оказалась для князя весьма огорчительной. Он описывал ее с большой досадой и нескрываемым раздражением. Александр I обратился к нему с почти риторическим вопросом: «Не думаете ли Вы [...], что излишнею поспешностью в этом деле мы можем затруднить достижение предпринятой цели?» Как всегда, акцент делался не на сути, а на сроках решения дела. Одновременно император не переставал обнадеживать князя: как только Наполеон «будет на краю гибели и вне возможности вредить полякам, я восстановлю Польшу»¹⁶⁴. Накануне отъезда в ставку действующей армии в Вильно 7 декабря 1812 г. Александр I вновь пригласил к себе Огиньского и заверил его, что сразу же по вступлении русских войск в Варшаву он «обсудит средства к восстановлению Польши»¹⁶⁵, иными словами, вернется к начальной стадии обсуждения проблемы. Таким образом, усилия Огиньского, представившего уже готовое, по его мнению, вплоть до текстуального оформления, решение, пошли прахом. Император имел обыкновение выслушивать мнения хорошо информированных и знающих людей и не торопиться сообщать собственные выводы, а тем более давать твердые бесповоротные обещания.

По плану Александра I уже к 20 октября российские войска должны были занять необходимые для разгрома наполеоновской армии пункты. Серьезное поражение потерпела французская армия в битве под Красным, продолжавшейся 4 дня (3–6 ноября 1812 г.). В начале ноября войска адмирала П. В. Чичагова заняли Минск, отрезав наполеоновской армии путь на Вольню. Александр I планировал окружить французские войска при их подходе к реке Березине и окончательно разгромить их. Однако несогласованность действий русских армий привела к тому, что хотя при Березине погибло около половины войск Наполеона, отступавших из России, части французских сил все же удалось наладить переправу через реку и спастись. Уцелевшие отряды французской армии, плотно преследуемые русскими, направились к Вильно. 21 ноября Наполеон издал бюллетень, информировавший страны Европы о постигших его потерях¹⁶⁶. Если летом 1812 г. французские войска, переходя границу России, насчитывали 380 тыс. человек, то в декабре ее пределы покидали около 1 тыс. гвардейцев и 20 тыс. безоружных солдат. Французский император выехал в Париж инкогнито, под именем Коленкура. Находясь проездом в Варшаве, где он пробыл только три часа, Наполеон дал аудиенцию польскому министру финансов и военному министру и сразу же отправился в Дрезден.

Проходившие при отступлении через Вильно французские войска на этот раз создавали у жителей города далеко не праздничное настроение. «Перед нами предстало зрелище, одновременно вызывавшее сострадание и тайный страх — в образе остатков этой армии, шесть месяцев ранее столь прекрасной, торжествующей, могущественной», — вспоминала Шуазель-Гуфье. В течение трех дней на улицах города «толпились люди, которых нельзя было назвать военными, в их смешных неуклюжих одеждах»: у кого на голове была дамская шляпа, кто был одет в церковные облачения, в женские подбитые мехом капоты, с завязанными на шее рукавами, некоторые завернуты в шерстяные одеяла и т. п. «Великая армия», по словам

одного родственника графини, «живо напоминала венецианский карнавал или улицу Толедо в Неаполе на масленицу»¹⁶⁷.

Затем в город вошли русские войска, среди первых въехали казаки. Их появление «не вызвало радости». Как отмечала в своих мемуарах литовская графиня, начались грабежи, и у нее лично казаки попытались отнять карету, но «средство передвижения» удалось отстоять¹⁶⁸. Получив от генерала Е. И. Чаплица донесение о взятии Вильно, 28 ноября 1812 г. командующий 3-й Западной армией П. В. Чичагов направил ему распоряжение: «Предписываю вашему превосходительству принять меры устроить сколько возможно порядок в городе, дабы охранить оный от своевольтва и грабежа нижних чинов»¹⁶⁹. Одним из примеров подобного «своевольтва» может служить свидетельство Шуазель-Гуфье: вечерами казаки, переодевшись в мундиры французских генералов и маршалов, веселились вокруг костра¹⁷⁰. Местным жителям, разоренным войной, было не до веселья. В результате боев и тяжелых условий, в которых оказалась при отступлении армия Наполеона, в городе и окрестностях осталось около 40 тыс. погибших. Начавшиеся эпидемии привели к массовой гибели населения в местах, где проходила французская армия.

Двумя днями позже после вступления в Вильно отрядов казаков в город прибыл М. И. Кутузов. Главнокомандующий планировал дать здесь армии отдых. Он был убежден, что после изгнания неприятельских войск с территории России войну следует закончить. Однако Александр I придерживался иного мнения. Он понимал, что Наполеон располагает еще большими резервами, что он может вновь собрать силы и возобновить военные действия. Поэтому российский император считал необходимым вести войну до победного конца и окончательно разгромить наполеоновскую армию, став освободителем Европы.

Прибыв в Вильно, Александр I в первый же вечер навестил графиню Тизенгауз (Шуазель-Гуфье). Она оказалась в весьма щекотливом положении. Ее отец И. Тизенгауз, возглавлявший администрацию Виленского департамента при Наполеоне, и братья, служившие в войсках французского императора, при приближении русской армии бежали из Литвы. Александр I, проявляя свойственную ему в обращении с дамами мягкость, но при этом не упуская из виду и политические цели, сказал ей: «Я не могу обвинять литовцев, им пришлось уступить силе: тайна нашей тактики им была неизвестна. Они не могли предвидеть ни хода событий, ни их направления. Притом, вполне естественно было им желать восстановить свое государство». Он заметил, что Наполеон отверг мирные предложения российской стороны, сделанные в начале войны через А. Д. Балашова: «Я решил тогда принести большие жертвы, чтобы сохранить мир и свободу торговли, без которой государство мое не может существовать. Что Наполеон никогда не думал о восстановлении Польши — это ясно из того, что он не принял тех уступок, на которые я был согласен. В конце концов, я терял лишь завоеванную территорию; империя оставалась неприкосновенной. Он этого не захотел, поэтому мне пришлось проводить план действий, успех которого явился плодом нашей стойкости и помощи свыше». Александр I знал, что его слова достигнут многих ушей и произведут на поляков благоприятное

впечатление. В разговоре император проявил то ли некое кокетство, то ли откровенность: «Надо побывать на моем месте, чтобы составить себе понятие об ответственности государя и о том, что когда-нибудь мне придется дать отчет перед Богом в жизни каждого из моих солдат. Нет, престол — не мое призвание, и если бы я мог с честью изменить условия моей жизни, я бы охотно это сделал». Это, как отмечала графиня, было произнесено даже на подъеме к пику славы¹⁷¹. Уже тогда Александр I начал высказывать мысль, которая позднее стала постоянным лейтмотивом в его беседах с близкими людьми, что он хотел бы оставить власть и вести спокойную жизнь с семьей где-нибудь в «домике на берегу Рейна».

Стремясь расположить к себе литовскую земельную аристократию, Александр I принял решение не подвергать имения магнатов секвестру. Это распоряжение коснулось и семейства Тизенгауз. Графиня немедленно написала отцу, находившемуся в Вене, что генерал-губернатор дал указание оставить их имения в прежнем владении¹⁷². Однако Тизенгауз покинул Вену и переехал в Дрезден, где находились другие члены Литовского временного правительства, надеясь, что в Вене будет подписан договор, и в нем Наполеон «не преминет позаботиться о судьбе Польши». «К сожалению, великодушие Александра стало для большинства столь привычным, что не только не вызывает восторга и глубокой благодарности, но принимается как нечто обязательное», — с грустью констатировала графиня¹⁷³.

Российская армия продолжала наступление. В «Журнале военных действий» 3-й Западной армии под датой 5 декабря 1812 г. сделана такая запись: «Итак, 4 и 5 декабря уже российские знамена развевались за пределами своего отечества в Княжестве Варшавском и на границе Пруссии, вся Россия очищена от надменной неприятельской армии, предводитель ее император французов Наполеон в бегстве искал спасения»¹⁷⁴. О пребывании русских войск сначала в Литве, а позднее в Княжестве Варшавском артиллерийский полковник И. Т. Радожицкий сделал весьма любопытные бытовые зарисовки. В них отразились впечатления непосредственного участника событий. Когда бригада Радожицкого вступила в Гродно, офицеры радовались, что в городе работали рестораны: «за умеренную плату могли мы, после черствых сухарей, понежить вкус свой польскими потравами, и зразами, и гультайским бигосом и выпить филижанку кавы с жирною сметанкою из рук миловидной каси [уменьшительное имя от «Катажина». — Г. М.] — известно, что в целой Европе нигде не готовят столь хорошо кофе, как в Польше»¹⁷⁵. О положении населения в Княжестве Варшавском Радожицкий замечал: «Несмотря на то, что жители Герцогства Варшавского были разорены непомерными требованиями французов, они оказались в лучшем состоянии против литовцев: избы их чище и по хозяйству они зажиточнее. В селениях, около каменных костелов, полубритые, подобно малороссиянам, польские мужики являлись в синих кафтанах: народ крупный и здоровый»¹⁷⁶. «19 января, — записал Радожицкий, — вступили мы в город Сухоцин». Квартировали русские офицеры у ксендза, который «угощал, чем мог, и весьма негодовал на Наполеона, причинившего ему такое беспокойство». Жизнь проходила славно: «По вечерам у бригадного командира [...] собирались музыканты. Будучи всем довольны в продолжение похода и не

встречая нигде неприятелей, мы проводили время в своем обществе весело». Как свидетельствовал Радожицкий, в главную квартиру корпуса Милорадовича, располагавшуюся в г. Плонске, приезжали депутаты из Варшавы, «в присутствии которых наши войска парадировали». Вступление русских войск в Варшаву, писал автор записок, приветствовалось по всем правилам: «Городские старшины встретили победителей с хлебом и солью и представили ключи на бархатной подушке». На квартирах были приготовлены «лакомые обеды». По словам русских офицеров, «одна знатная Арמיד [...] приготовила в очаровательном саду своем, в загородном доме, великолепный стол, разукрашенный цветными гирляндами, где прелестные нимфы ее были прислужницами — для угощения генералов и штаб-офицеров». Но при этом Радожицкий сделал очень интересное замечание: «Однако эта приветливость казалась также подозрительною, и русские не вверялись сладкой отраве лукавых патриотов польских». Русские войска продвигались на запад, и Радожицкий записывал свои наблюдения: «Чем дальше отходили от Варшавы, тем явственнее обнаруживалось благосостояние жителей, несмотря на то, что они много пожертвовали французам». Радожицкий особо отмечал, что «начальство наше строго предписывало, чтобы войска обходились с жителями миролюбиво и ничего не требовали излишнего», а за «прихоти» расплачивались наличными. Военные действия носили своеобразный характер: «[...] проходили мы Герцогство Варшавское без боя и не встречая неприятеля»¹⁷⁷. Таким образом, во время пребывания русской армии на польских землях возникали непосредственные контакты с польским населением в относительно мирных, как это ни парадоксально, условиях, происходило знакомство на бытовом уровне, что способствовало лучшему узнаванию друг друга. Личные впечатления, по крайней мере, у части русских офицеров, были весьма благоприятными, не возникало чувства неприязни. Радожицкий изложил свою точку зрения относительно возможности объединения русского и польского народов: «Ежели язык и вера составляют главнейшее различие между народами, отчего они не могут сродниться и питают взаимную ненависть, не разумея друг друга, чуждаясь в обрядах веры, то поляки по необходимости должны сродниться с русскими в одно великое племя народа славянского, под одну державу, под одни законы и веру. Язык польский весьма немногим разнится от русского — корень их одинаковый. В искреннем союзе братства он мог бы составлять одно общее наречие. Вера та же, христианская, с некоторым различием в обрядах, нужна только любовь, чтобы быть без ненависти братьями одного племени». В обоснование своего мнения он приводил следующие соображения: «По географическому положению в Европе Польша не может существовать отдельно от России, ибо она никогда не может быть сильнее этой обширной империи для избежания влияния от ее могущества. Итак, надлежит смириться, надлежит приятную мечту национальной свободы променять на существенность необходимой зависимости и наслаждаться тем спокойствием, которое ныне Россия дарит Польше, охраняя ее под могущественным крылом своим»¹⁷⁸.

Россия проводила политику, направленную на переориентацию союзников Наполеона и привлечение их на свою сторону. Успехи русской

армии способствовали благоприятному для России ходу переговоров. В ноябре–декабре 1812 г. велись секретные переговоры с Пруссией о заключении наступательного и оборонительного союза. В беседе с Г. Бойеном, которому было поручено тайным образом сообщить о предложении союзного договора прусскому королю, Александр I сделал намек о своем намерении присоединить к России Княжество Варшавское, Пруссии в качестве возмещения отдать Саксонию, а на территории Княжества оставить ей только коридор Силезия — Западная Пруссия. Однако Пруссия условием своего вступления в войну на стороне России выдвинула принятие Александром I прусского проекта, которым предусматривалось возвращение принадлежавших Пруссии до 1806 г. земель в Германии и Польше, включая Данциг (Гданьск), то есть почти всей территории Княжества Варшавского. Неофициальный представитель Пруссии в России О. Рейнгольд обращал внимание российского императора на то, что, по его мнению, «присоединение к России Польши с государственным устройством, более свободным, чем само государственное устройство России, почти неизбежно вызовет ускорение» в реализации «великой цели» Александра I — проведения реформ в империи¹⁷⁹. Российская сторона представила контрпроект, не включавший пункт о передаче Пруссии принадлежавших ей ранее земель Княжества Варшавского. В конце концов прусский король согласился с русским проектом¹⁸⁰.

Одновременно велись также и переговоры с Англией. 18 (29) декабря 1812 г. в Петербурге был подписан русско-английский союзный договор, по которому Россия обязывалась оказать военную помощь Пруссии, а Англия — выделить России субсидию в размере 225 тыс. фунтов стерлингов¹⁸¹.

В начале войны, сложившемся очень удачно для Наполеона, когда французские войска, а вместе с ними и польские, стремительно продвигались к Москве, поляки находились в состоянии эйфории: всем казалось, что, наконец, произойдет долгожданное чудо, и Польша будет восстановлена. Однако резкий и неожиданный для наполеоновских войск поворот в военных событиях быстро изменил настроения в польском обществе. Остро встал вопрос, требовавший немедленного ответа, что спасать — «честь» или «имущество». Особенно это затрагивало интересы тех, чьи земельные владения были расположены на территориях, входивших в состав России. По образному выражению польского историка, путь к выживанию был единственный: «Спасай, что можно, с тонущей лодки Наполеона — и скорей на яхту Александра I»¹⁸². Российский император, с одной стороны, стремясь обеспечить надежность приграничных тылов, а с другой — продемонстрировать свое великодушие польскому населению, 12 декабря 1812 г. подписал манифест «О всепрощении в польских губерниях», отметив, что большая часть их жителей оставались верны своему государю, но все же были и такие, кто, вступив в ряды наполеоновской армии, с оружием в руках сражался против России. Однако, «уступая вопиющему в нас гласу милосердия и жалости, — заявлял император, — объявляем наше всемилостивейшее общее и частное прощение, предавая все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию и запрещая впредь чинить какое-либо по делам сим притязание или изыскание». Имущество тех, кто

не возвратится в течение двух месяцев и останется служить в армии Наполеона, отмечалось в манифесте, будет конфисковано¹⁸³.

Продолжавшееся успешное продвижение русских войск на запад усиливало напряжение среди поляков Княжества Варшавского. В конце 1812 г. «наполеоновские» министры Княжества были в высшей степени озабочены своим будущим. Наибольшую активность в поисках выхода из сложного положения проявляли влиятельные политики Т. Матушевич, Т. Мостовский, С. Замоийский и И. Соболевский. На их позиции и выбор способа действий накладывали отпечаток их прежняя политическая биография, а также и родственные связи. С. Замоийский был женат на сестре князя А. Чарторьского Зофье, дочь Матушевича должна была стать женой А. Чарторьского. 1 (13) декабря 1812 г., собравшись у Мостовского, они приняли решение уполномочить Чарторьского на ведение переговоров с Александром I от имени Генеральной конфедерации и варшавского правительства. В тот же день Замоийский отослал Чарторьскому письмо в его австрийское имение Сенявы, извещая о предстоящей ему миссии, а также о тех принципах, на которых должны базироваться его переговоры с российским императором. В частности, польские политики обосновывали свою позицию следующими соображениями: «Опыт прошлого должен был доказать России необходимость иного отношения к Польше, чем политика одной лишь силы, которая постоянно порождает ответную реакцию и до сих пор приводила лишь к беспокойству и несчастьям. Не проще ли неразрывно связать Польшу с империей добровольным волеизъявлением поляков. [...] Национальная вражда не существует отдельно от своих причин, она питается памятью о взаимных обидах. Если царствование победоносного и справедливого Александра откроет новую эру, сделав невозможным повторение прошлого в будущем, если просвещенный государственный интерес устранил, наконец, причину все новых войн и актов мщения, то мы вскоре увидим, как два народа объединятся в любви и братстве, что так естественно при их общем происхождении. Построенная на мудрых и либеральных основаниях Польша стала бы форпостом империи, преградой для враждебных планов, прибежищем для несчастных при тех внезапных и бурных возмущениях, которые слишком часто не могли быть ни отвращены благоразумием, ни подавлены властью правительства»¹⁸⁴.

Предлагаемым проектом предусматривалось: 1. Польша и Литва в их старых границах переходят в наследственное владение российского императора и его потомков; 2. Ими будет управлять вице-король на основе Конституции 3 мая 1791 г. (или конституции Княжества Варшавского), с внесением соответствующих поправок; 3. «Литовский статут остается гражданским законом страны»; 4. Сохраняется польская армия численностью 100 тыс. человек, иностранные войска должны быть выведены из Польши, за исключением императорской гвардии; 5. Государственным языком является польский; 6. «Административные функции в королевстве Польши и Литвы могут исполняться только гражданами страны, законно владеющими в ней земельной собственностью. Это же относится и к должности вице-короля, если только последний не будет избран из членов императорской фамилии»; 7. «Королевство Польское и Великое Княжество Литовское

составят неотъемлемую часть империи, но никоим образом не могут быть полностью с нею слиты»; 8. Торговля между обеими странами будет совершенно свободной; 9. «Обоюдные подданные могут беспрепятственно поселяться, переезжать из одной страны в другую, обладать собственностью в обеих странах»; 10. «После подписания этого прелиминарного акта созданный в Варшаве общий сейм оформит его конституционным порядком»¹⁸⁵.

6 (18) декабря 1812 г. А. Чарторыйский отправил письмо в ставку императора. Изменившаяся военная ситуация сказалась на содержании и манере его послания. Князь писал: «По-видимому, успехи Вашего Императорского Величества действительно увенчаются успехом». В этой констатации можно заметить оттенок огорчения. Осторожно, даже в несколько заискивающей форме, Чарторыйский ставил вопрос: «Если Вы вступите в Польшу победителем, вернетесь ли Вы, государь, к Вашим прежним планам относительно этой страны?» И тут же рисовал заманчивую перспективу: перед российским императором откроется возможность не только покорить страну, но и покорить сердца ее жителей, связать две нации неразрывными узами. Он просил Александра I сообщить о его планах в отношении Польши и выражал опасение, как бы Австрия и Пруссия не отговорили российского императора от его «прежних идей». И еще раз, хотя и не слишком настойчиво, напоминал о своем желании уйти в отставку¹⁸⁶.

Не получив ответа от русского императора, 15 (27) декабря 1812 г. Чарторыйский снова направил Александру I письмо, содержащее рекомендации относительно мер, которые, по его мнению, следовало бы принять при вступлении русской армии на территорию Княжества Варшавского: «Если Ваше императорское величество в момент, когда польский народ ожидает от Вас мщения победителя, протянете ему и добровольно предложите то, за что он боролся, этим произведете магическое впечатление»¹⁸⁷. В качестве кандидата на занятие польского трона он предложил великого князя Михаила Павловича¹⁸⁸. В таком случае, заявлял Чарторыйский, он готов принять на себя ответственность и поручиться, что все желания императора будут выполнены. Поляки опасались провозглашения королем великого князя Константина Павловича, командовавшего русскими войсками, вступавшими в Польшу. «Польский король, — писал Чарторыйский, — у которого будет 300 тыс. русских войск, может при первом желании разрушить все установления своего предшественника». Чарторыйский обращал внимание императора, что в связи с такой угрозой поляки будут «настаивать на точно выработанной конституции». Понятно, что и поляков, и лично Чарторыйского больше устраивал совсем юный и неопытный Михаил Павлович. При таком короле Чарторыйский вполне мог рассчитывать на то, чтобы реально играть главную роль в политической жизни нового польского государства. Этим, вероятно, можно объяснить решительный и уверенный тон его письма. В конце его он традиционно упоминал об отставке, но одновременно выражал готовность явиться к императору, чтобы, по его словам, «защищать перед Вами дело моей родины»¹⁸⁹. Тем временем, не дождавшись известий от Чарторыйского, варшавские министры решили сами напрямую обратиться к Александру I. Мостовский переписал черновики документов, направленных в Сеняву А. Чарторыйскому, и через

Е. И. Чаплица, генерала русской армии, поляка по национальности, переслал П. В. Чичагову, с тем чтобы тот лично вручил их Александру I. Послание Мостовского было получено императором почти одновременно с письмом Чарторьского. Сопоставив их, Александр I пришел к выводу, что Чарторьский предъявляет слишком завышенные требования¹⁹⁰.

В результате различного рода осложнений, связанных с доставкой почты¹⁹¹, ответного письма от русского императора Чарторьскому пришлось ждать долго, это вызывало у него тревогу, поскольку будущее Польши продолжало оставаться неопределенным. Но, возможно, не только почтовыми задержками объяснялось молчание Александра I: императору приходилось принимать во внимание мнение представителей влиятельной части русского общества, отнюдь не разделявших его планов по решению польского вопроса. Рассматриваемый вариант, которым предусматривалось создание Польского государства в границах прежней Речи Посполитой, существовавших до разделов, встречал достаточно твердые возражения. Для выработки собственной позиции и принятия соответствующих мер император, как правило, привлекал довольно широкий круг приближенных лиц и интересовался их мнением. Одна из поданных ему записок по польскому вопросу¹⁹² содержала сильные и обстоятельно обоснованные возражения относительно планов польских политиков: «Проект восстановления Польши может быть рассматриваем только как средство и никогда как цель; ибо какую цель может иметь Россия, отказавшись от трех или четырех лучших своих областей? От этого не выиграет ни ее сила, ни ее спокойствие, ни ее влияние. В голове Наполеона идея восстановления Польши была всегда только средством достижения цели — ослабления России. Герцогство Варшавское так слабо, что не может сделать нам вреда, ни принести пользы в борьбе с Наполеоном (армии 6000 душ, страна разорена на 10 лет, расходу 70 миллионов флоринов [злотых. — Г. М.]). В продолжение всей войны Волынь, Подолия и Украина были покойны и послушны нам, для чего же нам от них отказываться. А вот невыгоды восстановления: из всех европейских народов польский самый легкомысленный и беспокойный. Польская история есть история долгой анархии, заключающая постоянные элементы войн и раздоров между соседями. Если разделение Польши было противно публичному праву и равновесию, то результат был благодетелен. С восстановлением Польши нам нужно будет навсегда отказаться от союза с Австрией, которая не захочет потерять своей части, а бросится в объятия Франции. Наполеон не восстановил в последнее время Польши именно потому, что не хотел трогать Австрию». В документе выражалось опасение, что последствия решения вопроса о Польше по предложенному поляками плану будут крайне негативными для России: «Россия непременно потеряет свои провинции, ибо соединение Польши с Россией под одним скипетром есть состояние переходное: совершенная независимость от России есть задняя мысль всякого поляка». В записке весьма нелестно характеризовались как поляки, так и их государственное устройство: «Нравственное состояние этого народа, состоящего из нескольких магнатов, анархической массы мелкой шляхты, жидовского среднего сословия и толпы невольников, униженных до скотства самым жестоким раб-

ством, — делает его неспособным к той степени мудрости, умеренности и просвещения, какая необходима для свободы, основанной на общественных началах. Чтобы убедиться в этом, — отмечалось в документе, — стоит только всмотреться в настоящее состояние Герцогства Варшавского: хотя здесь конституция дает большую власть королю, однако царствует полная анархия, администраторы — невежды, взяточники, своевольники; управляемые — несчастны, утеснены, ожесточены, общественные и частные благосостояния уничтожены». В случае присоединения конституционного Княжества Варшавского к России, предупреждал автор записки, «на русских императоров возложится трудная задача быть в одно время самодержцами и конституционными королями. Только Двина и Днепр будут разделять политические учреждения, столь противоречивые. Они всячески будут сталкиваться и рано или поздно одни необходимо должны будут поглотить другие». В записке приводилось еще одно соображение, которое необходимо было учитывать, «и не соглашаться на восстановление Польши, — это сопротивление каждого русского, и теперь, после таких подвигов преданности, оскорбить русских восстановлением Польши будет несправедливо и неполитично. Русский народ увидит здесь вознаграждение тем провинциям, которые его всего менее заслужили, увидит награду союзникам Наполеона, которые во время нашествия поступали с русскими жесточе французов»¹⁹³.

Не исключено, что записка, представленная Александру I, явилась плодом коллективного творчества. Подобные соображения высказывали многие российские политики. Так, бывший российский посол в Великобритании, С. Р. Воронцов 15 (27) января 1813 г. писал из Лондона своему сыну М. С. Воронцову, что из Петербурга до него дошли известия о намерении Александра провозгласить себя польским королем. Он надеется, что слухи ложны, поскольку «не в интересах России восстанавливать против себя Австрию и Пруссию, в чьи владения входят польские земли»: это могло бы вовлечь Россию в длительную войну. Однако, полагал опытный дипломат, большинство из окружения царя, вероятно, поддерживает проекты приобретения польских земель «из личных выгод»¹⁹⁴. Статс-секретарь К. В. Нессельроде также считал польские проекты неприемлемыми. «Нынешние проекты восстановления Королевства Польского под скипетром российского императора, — писал он, — приведут к потере Россией нескольких провинций, а получит она слабое подспорье в борьбе с Наполеоном. Поляки все равно будут стремиться к независимости. Создание Королевства Польского восстановит против России многие государства, прежде всего Австрию, союз с которой необходим»¹⁹⁵.

Александр I отправил ответ А. Чарторыскому с разъяснением своей позиции 1 (13) января 1813 г., уже после вступления российской армии на территорию Княжества Варшавского. В своем письме император подчеркивал, что участие поляков в войне против России на стороне Франции оказало негативное воздействие на умонастроения русского общества. «Образ поведения у нас польской армии, грабежи в Смоленске, в Москве, опустошение страны, — писал он, — воскресили прежнюю ненависть». Александр I полагал разглашение его планов относительно Польши преждевременным,

поскольку тогда Австрия и Пруссия «бросились бы в объятия Франции». Насчет формы государственного устройства будущей Польши, вопроса, чрезвычайно беспокоившего поляков, в том числе и самого Чарторьского, император писал: «Вы знаете, что я всегда отдавал предпочтение формам либеральным». Если от этой части письма Александра I веяло холодом, то следующая была написана в тоне выговора: «Я должен, однако, предупредить вас самым решительным образом, что мысль о моем брате Михаиле не может быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь до сих пор считают себя провинциями русскими, и никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть не под владычеством государя России, а под каким-либо иным». Таким образом, позиция русского императора совершенно изменилась: если раньше, в частности, в беседах с М. Огиньским, рассматривался проект создания Литовского княжества как «прообраза» будущей восстановленной Польши либо как ее части, с которой начнется восстановление всего польского государства, то теперь Александр I заявлял, что доказательством искренности его намерений в отношении Польши является отданный им «приказ по армии не занимать Варшавы». Взамен он потребовал удалить из столицы все иностранные войска и сократить там число войск польских. Затем следовало жестко сформулированное требование, обращенное к Чарторьскому: «Убедите от моего имени членов конфедерации и правительства смиренно сидеть в Варшаве, пообещав им, что они в этом не будут раскаиваться»¹⁹⁶.

25 декабря 1812 г. (6 января 1813 г.) был издан манифест Александра I в связи с освобождением России от наполеоновской армии¹⁹⁷. В тот же день было опубликовано обращение императора к жителям Княжества Варшавского. Оно содержало успокаивающие заверения: «Вы можете спокойно оставаться в домах своих. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны»¹⁹⁸. Полякам — участникам похода Наполеона против России — объявлялась амнистия, исключение составляли те, кто продолжал оставаться на службе в наполеоновских войсках¹⁹⁹. 27 декабря 1812 г. (8 января 1813 г.) к полякам обратился М. И. Кутузов, призывая всех чиновников и все население Княжества Варшавского оставаться на местах после вступления на его территорию русских войск. Гарантировалась выплата жалованья чиновникам, сохранность имущества населению и оказание помощи местным властям²⁰⁰.

В связи с успехами русского оружия расстановка сил на европейской арене стала претерпевать изменения. С начала января 1813 г. командовавший австрийскими войсками К. Ф. Шварценберг вступил в тайные переговоры с Россией. Австрия заверяла российского императора в фиктивности своего участия в военных действиях на стороне Наполеона. В середине января 1813 г. между русскими и австрийскими войсками была подписана секретная конвенция о перемирии, действие которого прекращалось при уведомлении за две недели. Соглашением предусматривалась передача Варшавы русским войскам 23–24 января (4–5 февраля) 1813 г.²⁰¹ 13 (25) января Шварценберг, прибыв в Варшаву, заявил правительству Княжества Варшавского, что его корпус уходит в Галицию, оставляя Варшаву русской армии. В конце января 1813 г. русские войска вступили в Варшаву. Корпус

Понятовского и перепуганные жители столицы направились на юг к Кракову, который в феврале 1813 г. стал главным польским центром. Здесь сосредоточились гражданские и военные власти, представители аристократических фамилий, молодежь, особенно военная²⁰². Немного позже Ю. Понятовский принял решение отвести свои войска из Кракова и следовать на запад вместе с армией Наполеона.

Находившийся в Кракове Т. Матушевич провел переговоры о будущей судьбе Польши с французским посланником Э. Биньоном, сменившим Д. Прадта. Затем он выехал в Париж, где 8 марта 1813 г. был принят Наполеоном. Т. Мостовский обратился к французскому императору с личным письмом²⁰³. К этому времени окончательный исход войны еще не определился, было неясно, кто окажется победителем, поэтому полякам приходилось лавировать между Францией и Россией. И Матушевич, и Мостовский заранее пытались оправдаться перед Наполеоном, опасаясь, что ему станет известно об их обращении к Александру I²⁰⁴.

5 (17) марта 1813 г. приехавший в Варшаву А. Чарторыский писал Александру I и прежде всего сообщал о настроениях варшавских поляков: «Все упования обращены к Вам. Быть обязанным Вам своим счастьем — вот общее желание. [...] Недоброжелательство уступило место явной симпатии». Он хорошо знал о том интересе, который проявлял император к общественному мнению, и хотя трудно сказать, насколько достоверна была информация князя, находившегося в Варшаве «лишь со вчерашнего дня», он стремился порадовать императора известием о позиции, занятой поляками. Его послание не было окрашено даже видимостью объективности, оно просто содержало нужную Чарторыскому оценку событий и почти рекомендацию, как их следует оценивать императору: «Ваше величество должны быть довольны позицией князя Понятовского и польских властей». Понятовский, писал он, отвел польские войска к Кракову, чтобы сохранить их, «дабы Вы могли опереться на них для исполнения Ваших проектов». «Польская армия не будет мешать Вашим операциям», — заверял Чарторыский. Он ставил вопрос об организации административного управления в Княжестве Варшавском — ему еще не было известно, что Александр I уже утвердил положение о временном управлении. Чарторыский подчеркивал, что «Герцогство крайне нуждается в существовании центрального правительства в Варшаве», но выдвигавшееся им предложение едва ли могло прийтись по душе российскому императору: «Лучше, если бы центральную комиссию назначил сам Саксонский король»²⁰⁵. Тем самым подчеркивалось, что юридический статус Княжества Варшавского не изменился и его главой по-прежнему является Фридрих-Август I. В постскрипуме к посланию снова уделялось внимание формированию общественного мнения. Чарторыский объяснял Александру I, что необходимо преодолеть недоброжелательное отношение русских к полякам, которое будет препятствовать осуществлению его польских планов. «Поскольку раздражение русского общества, неприязнь его к полякам, — писал Чарторыский, — не может привести ни к чему хорошему, а эти чувства часто подогреваются выходящими в империи периодическими листками, то министр просвещения должен получить повеление не пропускать через цензуру оскорбле-

ния и выпады против поляков, запрещать вообще все, способное разжечь вражду между обеими нациями и склонность к тирании, и, напротив, допускать печатанье всего написанного в духе примирения, справедливости и согласия»²⁰⁶. Настойчивые советы польского князя скорее походили на требования, он все еще пытался руководить действиями императора.

В начале февраля 1813 г. главная квартира русской армии была перенесена в Калиш. 15 (27) февраля прусский канцлер К. А. Гарденберг в Бреславе (Бреслау, Вроцлав) и 16 (28) февраля 1813 г. М. И. Кутузов в Калише (ввиду условий военного времени подписание происходило одновременно) заключили прусско-русский договор о мире, дружбе и наступательном и оборонительном союзе. Обе стороны обязывались не входить в переговоры с неприятелем и не заключать с ним сепаратные соглашения. К договору добавлялись две секретные статьи: в соответствии с первой Россия брала на себя обязательство «не полагать оружия, пока Пруссия не будет восстановлена в статистическом, географическом и финансовом отношении» в размерах, которые она имела до войны 1806 г.; вторая статья касалась Польши: прусскому королю была обещана «старая Пруссия» и присоединение территорий, связывающих ее в военном и географическом отношении с Силезией²⁰⁷.

В марте 1813 г. Александр I назначил Временный верховный совет Княжества Варшавского, президентом которого стал варшавский генерал-губернатор В. С. Ланской, противник восстановления польского государства. В Совет вошли: Н. Н. Новосильцев, два литовских поляка — Т. Вавжецкий и Ф. К. Друцкий-Любецкий, а также Л. Коломб, представлявший прусские интересы. Включение в состав временного правительства поляков из Литвы могло расцениваться как намек на возможность создания объединенного польско-литовского государственного образования²⁰⁸.

Вице-президент Временного верховного совета Н. Н. Новосильцев составил специальную записку об управлении Княжеством Варшавским, датированную 25 июля (6 августа) 1813 г., вероятно, для представления великому князю Константину Павловичу или даже самому императору. В ней он писал, что исходит из двух принципов, представляющихся ему неоспоримыми: во-первых, что Александр I не может ни провозгласить себя польским королем, ни решить окончательно судьбу Польши, чтобы не оттолкнуть от России Австрию и Пруссию; и, во-вторых, восстановление Польши и ее политического существования должно быть реализовано так, «чтобы наилучшим образом обеспечить укрепление безопасности, увеличение мощи империи и ее выгоды». При решении польского вопроса следует учитывать, с одной стороны, баланс сил и интересов в отношении Польши держав, которые войдут в антинаполеоновскую коалицию, а с другой — «интересы и чувства обеих наций», т. е. поляков и русских. Австрия наиболее ревниво относится к дальнейшему расширению России, отмечал Новосильцев. Он считал, что после окончания военных действий надо будет «связать Герцогство с Российской империей», добавив к титулу российского императора титул «герцога варшавского» или «еще более подходящий — проректора Герцогства». Он предлагал назначить наместником одного из братьев царя Николая Павловича или Михаила Павловича — «поляки почитали бы его

как вице-короля и правителя». По его мнению, эта мера будет полезна в любом случае: даже если русским войскам придется отступить за Вислу, в Княжестве останется преданный Александру I народ²⁰⁹.

Польский вопрос привлекал внимание и австрийских властей. Сосредоточение в Кракове польских войск и представителей гражданской администрации вызывало обеспокоенность. 5 (17 марта) 1813 г. российский посол в Вене Г. О. Штакельберг сообщал статс-секретарю К. В. Нессельроде, что австрийский министр иностранных дел К. Меттерних в отношении «польских дел [...] подал мне надежду на полное согласие между нашими дворами»²¹⁰. Однако, несмотря на состоявшуюся беседу, Штакельберг, руководствуясь полученными из Петербурга указаниями, направил Меттерниху ноту, в которой обращал внимание австрийского министра «на странность положения, в котором находятся польские войска князя Юзефа Понятовского, чувствуя себя под защитой австрийского вспомогательного корпуса. Они не только угрожают Силезии и коммуникациям русской армии, их нынешняя позиция, представляющая серьезную опасность для России и ее союзницы Пруссии, имеет большое неудобство и для самой Австрии». Кроме того, заявлялось в ноте, очень нежелательно нахождение в Кракове членов Варшавского совета министров и французского резидента Биньона. Российская сторона «не сомневается, что как только австрийский император узнает о предмете, послужившем поводом для настоящей ноты, он примет меры к тому, чтобы изменить порядок вещей». Конкретизируя, Штакельберг писал, что Россия «самым настоятельным образом» просит удалить из Кракова варшавских министров и отвести австрийский вспомогательный корпус на правый берег Вислы, чтобы изолировать корпус Понятовского²¹¹.

Такая договоренность была достигнута. В связи с заключенным секретным русско-австрийским соглашением, касавшимся, в частности, и корпуса Понятовского, 17 (29) марта 1813 г. Кутузов предупредил командующего корпусом русской армии Ф. В. Остен-Сакена о необходимости точного выполнения всех предписаний, чтобы не «возбудить никаких подозрений в том, что операция будет разыгрываться по обоюдной договоренности». Предполагалось, что «после отступления австрийцев польский корпус окажется открытым», и тогда у него останется единственный выход — самороспуск. Полякам будет разрешено мелкими партиями перейти в Галицию или в занятые русскими войсками провинции, а если они сдадут оружие австрийцам, не следует протестовать. Кутузов подчеркивал, что намерение императора состоит в том, чтобы «избежать, елико возможно, кровопролития». В штаб к Остен-Сакену должны были приехать несколько бывших депутатов сейма, они направлялись к Понятовскому, чтобы просить его распустить польский корпус. Остен-Сакену предписывалось помочь им добраться до места назначения, и, если Понятовский выразит пожелание, чтобы его представители прибыли в штаб-квартиру Александра I, выполнить это немедленно. Разрешалось также заключить с Понятовским официальное перемирие на определенный срок²¹². Однако русско-австрийская договоренность не была реализована на деле, и Остен-Сакен, выполняя полученный приказ, 30 марта (11 апреля) 1813 г. известил

командовавшего австро-венгерским корпусом И. Фримона о денонсировании соглашения. Командование русских войск не могло «оставить у себя в тылу и на флангах постоянно возбуждающий национальное восстание очаг, каковым является польская армия под командованием Юзефа Понятовского»²¹³. Вскоре русские войска захватили крепость Торн (Торунь), оборонявшуюся поляками, и 4 (16) апреля 1813 г. был подписан акт об их капитуляции. В нем, в частности, констатировалось, что «польские офицеры и солдаты получают паспорта и возвратятся поодиночке домой, обязуясь не служить больше против России и ее союзников»²¹⁴.

Один из руководителей внешней политики России статс-секретарь К. В. Нессельроде в ответ на вопрос Г. О. Штакельберга, каковы российские планы «для восстановления европейского равновесия», писал 17 (29) марта 1813 г., что планы на будущее строить опасно — возникнут разногласия, «которые не могут не повлиять на ход военных действий», поэтому пока возможно установить только самые общие принципы: «Рейн, Альпы, Пиренеи — вот естественные границы Франции»²¹⁵. В письме, направленном 31 марта (12 апреля) 1813 г. канцлером Н. П. Румянцевым Александру I, также ставился вопрос о целях внешней политики России. Поводом для обращения канцлера к императору было полученное им донесение русского посла в Лондоне графа Х. А. Ливена, который передал «явно ложный секрет, доверенный ему сент-джеймским комитетом», о войне, якобы грозящей России со стороны Турции. Как его заверяли, этой опасности можно избежать, если возвратить Турции вновь присоединенные территории. Великобритания, опасаясь усиления России, плела свои интриги. Румянцев с возмущением комментировал прилагавшееся письмо английского посла в Петербурге. Посол утверждал: ему известно, что среди окружения российского императора есть люди, «обладающие глубокой мудростью», поскольку они убеждают его придерживаться здравой политики и не делать «никаких новых территориальных приобретений и даже отдать уже завоеванное, чтобы обрести соблазнительную награду в виде искренней дружбы своих соседей». «Какая прекрасная и великодушная доктрина, какое отвращение к территориальным захватам! — с сарказмом замечал Румянцев. — И кто же призывает Вас к этому, государь? Та самая Англия, которая в ходе войны захватила и удерживает громадные территории». Румянцев обращался к Александру I: «Не только ничего не отдавайте, государь, но и не позволяйте, чтобы иностранные державы помешали Вашей империи воспользоваться самым счастливым часом, который пробьет для нас в Ваше царствование. Наследник Петра Великого и бессмертной Екатерины, несомненно, не отвергнет их принципов. [...] Не пренебрегайте их правилами, государь, они принесли нам благоденствие»²¹⁶.

24 марта (5 апреля) 1813 г. В. В. Ханыков сообщал, что авангард русской армии вошел в Дрезден. «Саксонский король колеблется, — писал он, — ему трудно отказаться от суверенных прав на Княжество Варшавское»²¹⁷. Вообще позиция Фридриха-Августа I, ввиду сложности его положения и изменявшейся военной ситуации, долгое время оставалась непоследовательной: то он ориентировался на Наполеона и подтверждал ему свою верность, то подписывал соглашение с Австрией, которая гарантировала

неприкосновенность наследственных владений короны или соответствующую компенсацию за потерю Княжества Варшавского²¹⁸.

В сложной военно-политической обстановке Александр I опасался обострения отношений из-за Польши с Австрией и Пруссией. Он твердо придерживался позиции сохранения за собой свободы действий. Когда 26 марта (7 апреля) 1813 г. император назначил Д. М. Алопеуса главой миссии при прусском короле, то в данной ему инструкции отдельно оговаривал: «Возможно, Вас будут особенно обхаживать, чтобы выведать мои намерения относительно Польши. При всякой попытке такого рода Вы должны решительно отказываться от какого-либо обсуждения этого вопроса»²¹⁹.

В это время А. Чарторьский проявлял большую активность, пытаясь ускорить решение польского вопроса. 27 марта (8 апреля) 1813 г. он направил Александру I письмо, в котором настойчиво советовал поторопиться с решением польских дел. Он старался убедить императора в том, что ему необходимо «вызвать к себе доверие и привязанность поляков». Он внушал Александру I мысль, что если будет разбит польский корпус, то в военном отношении это будет иметь «малое значение», но в политическом — станет «ошибкой и большим злом». Обладая широкими связями в среде польской аристократии и в европейских политических кругах, А. Чарторьский располагал возможностями получать самые разнообразные сведения, в том числе и конфиденциального характера. Так, от князя А. Радзивилла, женатого на родственнице прусского короля и хорошо осведомленного о происходившем при берлинском дворе, ему стало известно, что «прусский король ничего не имеет против существования Польши, он чувствует необходимость удовлетворить желания этой нации, считая их справедливыми и разумными». О позиции прусского короля, как бы ставя его в пример, Чарторьский не преминул сообщить российскому императору. Таким образом, ссылка Александра I на препятствия восстановлению Польши со стороны Пруссии становилась необоснованной: «[...] таковых совершенно не существует», — писал князь. Напротив, по его словам, прусский король «был удивлен, что Ваше императорское величество не сделали для поляков ничего определенного». Фридрих-Вильгельм III «жаловался», продолжал Чарторьский, что каждый раз, при его «желании завести об этом речь, Вы казались чрезвычайно смущенным и меняли разговор». Далее следовал осторожный зондаж: «Не могли бы оба монарха обратиться с совместным воззванием к полякам, как они обратились к немцам?» Это, по мнению Чарторьского, могло бы повлиять на настроения русского общества: «Подпись прусского короля заставила бы замолчать Ваших генералов в Петербурге». Чарторьский разъяснял Александру I, на чем основывается позиция Фридриха-Вильгельма III: «Именно тревога за исход войны и заставляет прусского короля сознавать важное значение шага, который привлек бы поляков к участию в общей защите»²²⁰. Князь несколько преувеличивал значимость польских войск, к этому времени уже существенно ослабленных и вдобавок не слишком надежных, способных с легкостью менять союзников и воевать как на стороне Наполеона, так и против него. К тому же если вопрос об изменении позиций элиты польского общества касался сравнительно небольшого числа лиц, причастных к

разработке и осуществлению политических планов, то задача изменения политической ориентации армии приобретала совершенно иной масштаб, речь шла о тысячах и даже десятках тысяч людей. Причем это были люди, представлявшие наиболее дееспособную часть населения, и в конечном итоге их взгляды могли оказывать еще более широкое воздействие и, возможно, даже влиять на формирование определенных черт национального сознания, национального менталитета.

А. Чарторыйский предлагал также меры, которые должны были бы нейтрализовать Австрию. Если российский император и прусский король обратятся с совместным воззванием к полякам, поучал он, не отказываясь от менторского тона, то Александр I может объяснить это императору Францу I желанием успокоить «столь многочисленные в Польше мятежные умы» в момент, когда продвигающиеся на запад русские войска оставят Польшу²²¹. Причем в начале этого же письма Чарторыйский утверждал, успокаивая русского императора, что распространявшиеся в Варшаве «тревожные слухи, будто бы в Польше повсеместно готовится на днях восстание», были ложны²²².

В заключительной части своего послания Чарторыйский затронул вопросы, связанные с имущественным положением поляков. «Я с огорчением узнал, — писал он императору, — что главной квартирой отдан приказ конфисковать имущество всех поляков, служащих в польской армии». Приказ этот, по его мнению, был «совершенно бесцельный и несправедливый», так как нельзя наказывать людей за то, что они «служат своей родине и повинуются приказам своих монархов». Выступая в роли защитника всех поляков, он напоминал императору о его обещаниях, которые были даны Л. Радзивиллу (что его имения не будут конфискованы) и А. Потоцкому (что ему разрешат вернуться к семье)²²³.

15 (27) апреля 1813 г., уже прибыв в Варшаву, Чарторыйский отправил Александру I очередное письмо. Он писал, что известие, полученное от Вавжецкого из Литвы, «повергло его в глубочайшую грусть»: пять литовских губерний «стонут под бременем тягостного режима», там царит небывалый произвол, «никто не в состоянии поручиться за свое имущество, за свою честь и жизнь». Осуждая поведение русских чиновников, старающихся «увеличить число конфискаций», Чарторыйский предупреждал императора о возможных волнениях в Литве. Он упрекал Александра I в неудачном подборе чиновников и в качестве примера приводил факт назначения литовским губернатором (в то время Виленская и Гродненская губернии нередко назывались Литовской, как это было постановлено при третьем разделе Речи Посполитой) А. С. Лавинского, «питающего к полякам вражду». Также вызывало нарекания князя и поведение русских войск. Чарторыйский обращался к императору с просьбой дать высшим гражданским и военным чинам в Литве такие же инструкции, какие даны были В. С. Ланскому в Княжестве Варшавском. В окружении Александра I, подчеркивал он, много лиц, или совершенно не знающих польских дел, или настроенных к полякам враждебно. В виде осторожного вопроса он предлагал: «Нельзя ли было бы назначить при главной квартире на определенную должность кого-либо из поляков, который был бы как бы „защитником“, представите-

лем народа». Он лично претендовал на это назначение: «Мне кажется, — писал он Александру I, — я сам мог бы занять это место»²²⁴.

18 (30) апреля 1813 г. Россия и Австрия подписали секретную конвенцию о перемирии: российский и австрийский корпуса в верховьях Вислы рассматривались как «обсервационные», т. е. выполняющие наблюдательные функции, военные действия между которыми «противоречили бы гуманным правилам ведения войны». Сандомир (Сандомир), Опатовец и Краков сохранялись за Австрией²²⁵. В мае 1813 г. польский корпус оставил Краков и, пройдя через австрийскую территорию, соединился с французской армией на Эльбе. По этому поводу Александр I выразил свое неудовольствие находившемуся в его ставке со специальной миссией австрийскому представителю Л. Лебцельтерну²²⁶.

Рассчитывая играть руководящую роль в делах Европы, Австрия предложила союзникам свое посредничество в переговорах о перемирии с Францией. Венский двор ставил своей целью создать такую систему, при которой Франция и Россия уравновешивали бы друг друга. В результате переговоров 10 апреля 1813 г. французский министр иностранных дел Г. Б. Маре (герцог Бассано) выразил согласие на заключение перемирия и установление демаркационной линии по Эльбе, а также на созыв мирного конгресса, который мог бы состояться в Праге или другом месте²²⁷.

1 (13) мая 1813 г. Нессельроде подал записку Александру I об условиях, сообщенных ему австрийским уполномоченным И. Стадионом, на которых Австрия могла бы заключить мир. Ими предусматривалось восстановление Австрии в границах до 1805 г., воссоздание Пруссии в рамках подписанного ею договора с Россией, полное освобождение Германии от французского влияния, роспуск Рейнского союза, ликвидация Княжества Варшавского²²⁸. Российский император в принципе согласился на эти условия, несколько изменив, но не конкретизировав формулировку относительно Польши: «[...] прекращение существования Варшавского Герцогства под этим названием и в той форме, в какую оно ныне облечено с точки зрения его политического устройства»²²⁹.

Однако военные действия продолжались. После неудачного для союзных армий сражения при Лютцене (Люцене) 2 мая 1813 г. наполеоновская армия вновь вошла в Саксонию, и саксонский король по требованию Наполеона вернулся в Дрезден.

2 (14) июня 1813 г. Нессельроде информировал российского посла в Лондоне Х. А. Ливена о сложившейся к этому времени международной обстановке, в частности, о позиции Австрии. Пока только Пруссия, писал он, присоединилась к армии российского императора, а «Австрия предпочла вооруженное посредничество». Выполняя поручение императора «точно выяснить, каковы намерения венского кабинета», Нессельроде непосредственно обратился к Меттерниху, и тот передал ему конкретные пункты «в качестве условий прелиминарного мира, который подготовил бы заключение всеобщего мира». На первом месте значилась ликвидация Княжества Варшавского. Затем выдвигались условия о территориальном расширении Австрии и Пруссии (по возможности, в границах 1805 г.), о восстановлении ганзейских городов, роспуске Рейнского союза. В каче-

стве особого условия ставилось заключение соглашения между Австрией, Россией и Пруссией относительно территории Княжества Варшавского²³⁰. В начале июня 1813 г. Наполеон через Коленкура предпринял попытку добиться заключения сепаратного мира с Россией. В ответ Александр I твердо заявил, что он никогда не пойдет на заключение такого мира и что все переговоры могут вестись только при посредничестве Австрии²³¹. В ноте, направленной Меттерниху, Нессельроде излагал позицию российского правительства по вопросу о заключении мира с Францией: «Первое и важнейшее из условий мира, отвечающее потребностям Европы и всех трех держав, есть, несомненно, усиление Австрии и Пруссии»; мир может стать лишь перемирием, «если две центральные державы не окажутся в состоянии противопоставить Франции достаточно внушительной силы, чтобы навсегда парализовать ее устремления»²³². В то же время каждая из воюющих стран опасалась, что одна из них может все-таки согласиться на подписание сепаратного мира с Францией. Англия, зная о предложениях Наполеона, беспокоилась, что без предоставления ею субсидий России та может выйти из войны. 3 (15) июня 1813 г. между Россией и Англией была подписана Рейхенбахская конвенция. Там же, в Рейхенбахе, 15 (27) июня 1813 г. была подписана и секретная союзная конвенция между Россией, Пруссией и Австрией. Конвенцией предусматривалось, что австрийский император в качестве посредника передаст Франции условия мира. Если до 20 июля 1813 г. Франция их не примет, то Австрия объявит ей войну и присоединит свои войска к российским и прусским. Насколько важным для договаривающихся стран был вопрос о Польше, свидетельствовал первый пункт конвенции, которым предусматривалось «уничтожение Герцогства Варшавского и раздел его провинций между Россией, Австрией, Пруссией по соглашению, без всякого вмешательства со стороны французского правительства». Таким образом, предполагалась ликвидация польского государства при отстранении Франции от участия в решении его судьбы. Остальные условия касались территориального расширения Пруссии и Австрии, восстановления ганзейских городов, определения численности войск каждой из стран, заключавших конвенцию. Отдельной статьей исключалась возможность подписания сепаратного договора с Францией какой-либо одной из участниц конвенции²³³.

После неудачных для союзников сражений при Лютцене и Бауцене положение Наполеона несколько улучшилось, и он неохотно шел на переговоры. Александр I был недоволен австрийско-французскими переговорами, проходившими в Праге. Он считал, что Австрия должна действовать более решительно: либо форсировать согласование условий мира с Францией, либо решиться выступить против нее. При этом и Россия, и Пруссия опасались, что Наполеон постарается отделить Австрию от союзников и возложить на них ответственность за продолжение войны. В Праге вопрос о Княжестве Варшавском не обсуждался, в соответствии с договоренностью его должны были решать три державы без участия Франции²³⁴. 10 августа Австрия объявила Франции войну. 29–30 августа 1813 г. благодаря, главным образом, русской армии были одержаны победы над войсками Наполеона под Кульмом.

Военные события развивались драматически: 7–8 сентября 1813 г. в сражении под Дрезденом союзники были разбиты французами, и австрийское правительство стало колебаться, не отойти ли от России и Пруссии. Но все же 28 августа (9 сентября) 1813 г. в Теплице союзники подписали три двусторонних договора. Договор о дружбе и оборонительном союзе между Россией и Австрией включал секретные статьи, содержавшие те же условия, что предлагались и раньше (восстановление Австрии и Пруссии в границах, насколько возможно приближенных к границам 1805 г., роспуск Рейнского союза). В прусско-австрийском договоре был опущен пункт о Княжестве Варшавском. Аналогичным был и договор между Россией и Пруссией. Относительно будущей судьбы Княжества Варшавского предусматривалось отдельное соглашение между тремя дворами²³⁵. Неопределенность в решении польского вопроса отвечала интересам России, продолжавшей располагать свободой действий в этом направлении, и не вела к обострению противоречий с Австрией и Пруссией, что было чрезвычайно важно с военной точки зрения. Англия занимала выжидательную позицию, не вмешиваясь в переговоры, и не давала своим представителям в Европе никаких указаний по польскому вопросу.

Ход военных действий стал складываться благоприятно для сил союзников. Одно из крупнейших сражений, получившее название «Битвы народов», произошло с 16 по 19 октября 1813 г. в окрестностях Лейпцига. Армия Наполеона (около 190 тыс. человек и 700 орудий) потерпела поражение от союзных войск России, Австрии, Пруссии и Швеции (300 тыс. и более 1300 орудий). Во время сражения погиб командовавший польским корпусом Ю. Понятовский.

В этих условиях в октябре 1813 г. Меттерних и Нессельроде вновь предприняли попытку начать неофициальные переговоры с Наполеоном. Французский император соглашался уступить Княжество Варшавское и ганзейские города, восстановить независимость итальянских городов, отказаться от Испании, но при этом Англия должна была возвратить Франции захваченные у нее колонии, а взамен получить Ганновер. Наполеон хотел сохранить протекторат над Рейнским союзом.

12 (24) ноября 1813 г. русские войска взяли крепость Замостье и был подписан акт о ее капитуляции. В нем заявлялось о гуманном отношении к пленным и раненым, а также о том, что «вероисповедание, личность и собственность жителей будут уважаться». На тексте акта имелась резолюция: «Мы — христиане. Жители крепости не суть наши враги. Как и к прочим жителям Герцогства Варшавского, к ним будут относиться с уважением, и они будут пользоваться покровительством властей, назначенных его величеством императором всероссийским»²³⁶. В конце декабря 1813 г. русские войска заняли Данциг (Гданьск), и Александр I хотел провозгласить его вольным городом, каким он был с 1807 г., однако Англия поддержала Пруссию, претендовавшую на него, и России пришлось уступить. В феврале 1814 г. Данциг отошел к Пруссии.

К началу 1814 г. военные действия шли уже на территории Франции. Александр I стремился к полному разгрому армии Наполеона и низложению его с трона. Австрийский император и Меттерних, опасаясь усиления

России, добивались мирных переговоров с Францией при участии Англии и Пруссии. Александр I согласился на ведение с Наполеоном переговоров о перемирии. Это были длительные и трудные переговоры, проходившие с 5 февраля по 19 марта 1814 г. в Шатильоне (Шатийоне). Российский император дал указание своему представителю А. К. Разумовскому не ускорять хода переговоров и вскоре вообще отозвал его. В это же время собравшиеся в Шомоне представители четырех держав (России, Австрии, Пруссии и Великобритании) 1 марта 1814 г. подписали договор об оборонительном и наступательном союзе против Наполеона. О Польше в нем не упоминалось. Переговоры в Шатильоне были прерваны. 7 (19) марта 1814 г. А. Чарторьский писал Александру I из Шомона, что если бы при заключении общего мира произошел новый раздел Польши, то поляки обратились бы к российскому императору «как к единственной их опоре» с несколькими просьбами. В их числе была такая: «Поляки не должны быть отданы под немецкое владычество, если при этом им не будет гарантировано создание самостоятельной провинции, где административные и судебные должности занимали бы местные уроженцы, существовало бы местное самоуправление и некоторые вооруженные силы; местный язык был бы сохранен в администрации, суде и в государственных школах, а законы и учреждения были приспособлены к нравам и обычаям страны». «Поляки, — писал он, — умоляют Ваше императорское величество спасти их от австрийского господства». Если Александр I не сможет объединить всю Польшу под своим скипетром, заявлял Чарторьский, то поляки хотели бы, чтобы она была поделена только между Россией и Пруссией и чтобы в эти территории включена была и Галиция, тогда она навсегда будет «избавлена от правительства, чьи представители неизменно проявляли лишь ненависть к польской нации и самому имени поляков». Среди «просьб» к российскому императору содержалось пожелание о сохранении смешанного гражданства. Кроме того, полагал Чарторьский, «жители должны быть избавлены от всякого наказания и преследования за их прошлые действия»²³⁷. В тот же день Чарторьский отправил императору еще одно письмо. Оно было переполнено лестью и восхвалениями в его адрес. Князь писал, что поляки «взывают и умоляют спасти от повторения раздела, с которого начались все несчастья, переживаемые Европой». От имени поляков он обращался к Александру I: «Государь, спасите нас от уничтожения, помогите сохранить наш язык, наши законы и обычаи, наше имя, нашу национальную целостность и государственное устройство». Таковы, подчеркивал он, были единодушные желания поляков, содержащиеся в адресах, присланных Чарторьскому для вручения российскому императору²³⁸.

К Александру I обращались и другие известные польские деятели. Когда русские войска вступили на территорию Франции, Тадеуш Костюшко, проживавший там с 1798 г., 3 мая 1814 г. направил письмо российскому императору. Он просил его «дать полякам общую амнистию безо всяких ограничений», «провозгласить себя королем Польши со свободной конституцией, сходной с английской». Особое место в его послании занимали вопросы, связанные с положением крестьянства. Костюшко выражал пожелание, чтобы «по истечении 10 лет крепостное право было уничтожено,

а крестьяне получили свою землю в полную собственность». Кроме того, он предлагал «учредить за счет правительства школы для обучения крестьян». В ответном письме российский император сообщал Костюшко, что намерен осуществить возрождение польской нации и рассчитывает на его содействие²³⁹.

Таким образом, ко времени окончания военных действий для многих реально мыслящих польских деятелей стали очевидны по крайней мере два обстоятельства в отношении будущего Польши: во-первых, что при решении польского вопроса главная роль должна будет принадлежать России, и во-вторых, что восстановление польского государства в границах Речи Посполитой невозможно.

Войска союзников вошли в Париж, и там 30 марта (11 апреля) 1814 г. был подписан мирный договор между российским и австрийским императорами и прусским королем, с одной стороны, и Наполеоном — с другой²⁴⁰. Наполеон отказывался от прав на верховную власть во Франции. В собственность ему был предоставлен остров Эльба, куда ему предстояло удалиться.

Прусский канцлер К. А. Гарденберг составил записку «План будущего устройства Европы» (11 мая 1814 г.), которую направил представителям союзных держав. Целью европейского политического устройства объявлялось достижение «справедливого равновесия сил в Европе». Согласно плану Франция оставалась в «дореволюционных границах», восстанавливались итальянские государства, Германия становилась федерацией суверенных государств, Россия увеличивала свою территорию за счет большей части Княжества Варшавского, но Краковский, Замойский и Тарнопольский округа отходили к Австрии (хотя после австро-русской войны Тарнополь был присоединен к России). Пруссия сохраняла Данциг и часть Княжества Варшавского с территорией, соединяющей Западную Пруссию и Силезию, включая Бломберг (город в княжестве Липпе), Плоцк и Познань²⁴¹.

18 (30) мая 1814 г. был подписан так называемый первый Парижский мирный договор между тремя странами-союзницами и занявшим французский престол Людовиком XVIII. Договор предусматривал, что представители всех государств, принимавших участие в войне, в двухмесячный срок соберутся на конгресс в Вену для решения оставшихся несогласованными территориальных вопросов. В секретных статьях оговаривалось, что союзники предварительно распределят спорные территории и результаты договоренности представят конгрессу только на утверждение. Начались интенсивные дипломатические переговоры, обмен мнениями, споры по отдельным вопросам и т. д. В дипломатическую борьбу активно включилась и Великобритания.

В записке под названием «Основы всеобщего урегулирования»²⁴², составленной К. В. Нессельроде, рассматривалась возможность увеличения территории России, а именно: «приращение с западной стороны за счет присоединения Герцогства Варшавского по линии, проведенной от Торна до Пейзерна, а затем по течению реки Просны». Предусматривались также территориальные изменения в Австрии, Пруссии и других германских государствах. В инструкции, данной Александром I Нессельроде 1 (13)

августа 1814 г., император высказывая свои соображения о будущих границах европейских государств, подчеркивал, что «Герцогство Варшавское должно принадлежать России (как компенсация за понесенные ею жертвы и гарантия безопасности на будущее)», за исключением Познани и района Кульма. «Нельзя допустить, — настаивал император, — чтобы другие державы вмешивались в определение будущего устройства Польши». И предписывал не вступать ни в какие споры относительно ее будущей конституции²⁴³. В ходе переговоров между представителями европейских стран достигались различного уровня политические договоренности, заключались соглашения, подписывались протоколы по отдельным вопросам. 16 (28) сентября 1814 г. в протоколе совещания уполномоченных России и Пруссии было зафиксировано согласие российского императора вывести войска из Саксонии и не вводить их в Пруссию, чтобы облегчить ей присоединение Саксонского королевства²⁴⁴. Такой шаг Александра I должен был способствовать позитивной позиции прусского короля при решении польского вопроса в желательном для России направлении.

В то же время Александр I не оставлял без внимания вопросы внутреннего управления и меры по улучшению экономического положения в Княжестве Варшавском. 1 (13) февраля 1814 г. император дал именной указ В. С. Ланскому «Об облегчении Герцогства Варшавского в податях и повинностях и о разрешении выпускать из России в оное Герцогство скот, кожи, вино и все то, что приобретало Герцогство по торговле с Россией»²⁴⁵. В указе перечислялись сделанные Александром I распоряжения по налаживанию различных сторон как экономической, так и политической жизни в Княжестве Варшавском: «Соединив в Верховном Совете все части управления Герцогством и назначив членами оного природных поляков, дал надлежащий ход делам и способ снискивать обиженным правосудие под защитой своих соотчичей; учреждением лучшего полицейского надзора по указу от 30 августа [1813 г.] уважил личную безопасность каждого жителя; разрешением привоза иностранных товаров возобновил торговлю, вовсе уже не существовавшую; уничтожил сбор мяса и вина на продовольствие войск, в Герцогстве расположенных; утвердил положение Совета о обеспечении Варшавского края солью, о почтовом сообщении и выпуске за границу железной руды с платежом прежней пошлины, до 1811 года бывшей; напоследок предоставил Совету сделать положение и по наряду обывательских подвод для воинских повинностей, которое равномерно послужило бы к облегчению обывателей». В целом указ был направлен на обеспечение продовольствием русских войск, находившихся в Княжестве Варшавском. Однако в числе распоряжений, которые предписывалось сделать В. С. Ланскому, были и распоряжения об уменьшении или отсрочке различных податей и сборов с населения, а также о том, «чтобы войска и команды следовали единственно по военным дорогам». Император подчеркивал, обращаясь к генерал-губернатору: «Безопасность жителей, а наипаче по трактам обитающих, охранение их от обид и притеснений, должны составлять существенную обязанность Вашу, для чего назначены в распоряжение Ваше и казачьи команды. Вы равномерно наблюдать должны и за тем, чтоб войска, у жителей находящиеся и довольствуемые их пищею, не

получали уже за то время провианта из магазинов». Отдельным пунктом ставился вопрос о бывших участниках военных действий — ветеранах и инвалидах: «Я обращаю [...] особенно внимание Совета на ветеранов и инвалидов, чтоб они не были доведены до недостатка», при этом их содержание не должно было «превышать штатной суммы».

Александр I продолжал принимать меры к тому, чтобы расположить к России население Княжества Варшавского. Так, 30 августа (11 сентября) 1814 г. император издал на имя президента Временного верховного совета Княжества В. С. Ланского указ, который носил весьма гуманный характер. Им предписывалось, чтобы все лица, которые были «в Герцогстве Варшавском забранные, или задержанные, или куда сосланные, или которых имение или имущество взято и по сие время удерживается, всех таковых без всякого изъятия освободить, имение возвратить и никаких над ними взысканий и следствий более не производить, но всех оных оставить в прежнем их состоянии, правах и свободе»²⁴⁶. 30 октября (11 ноября) 1814 г. Александр I направил из Вены рескрипт министру финансов Д. А. Гурьеву, которым предписывалось ежемесячно, начиная с сентября 1814 г., выделять В. С. Ланскому 2 127 420 злотых на выплату жалованья польским войскам²⁴⁷.

Одним из сложных был вопрос о внешних денежных обязательствах Княжества Варшавского, о польских долгах Пруссии, о выплате так называемых «байоннских сумм»: долг образовался в результате займа, произведенного в 1808 г. саксонским королем у Франции для финансирования польских легионов в Испании. 22 апреля (4 мая) 1814 г. Временный верховный совет Княжества докладывал Александру I: Польша не в состоянии выплатить долги по Байоннской конвенции, спасти ее может только указ императора. Пруссия не соглашалась принять на себя выплату байоннских долгов в качестве компенсации за присоединение к ней Саксонии. После переговоров Россия и Пруссия заключили конвенцию, которой предусматривалось создание особого комитета для решения вопроса о «байоннских суммах». В результате согласования сложного финансового вопроса, тянувшегося длительное время, 18 (30) марта 1815 г. в Вене между Россией и Пруссией было подписано соглашение об аннулировании Байоннской конвенции²⁴⁸.

3. ВОПРОС О ПОЛЬШЕ НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ.

Создание Королевства Польского

и подписание «Основ конституции»

1 октября 1814 г. открылся Венский конгресс. Восстановление, по возможности, старого абсолютистско-дворянского режима — такова была основная цель европейских держав, уполномоченные представители которых прибыли в Вену после окончания войны с Наполеоном. Всей работой конгресса руководил представлявший Австрию князь К. Меттерних. Россию представляли князь А. К. Разумовский, граф Г. О. Штакельберг, граф К. В. Несельерде, а также барон Г. Штейн, барон И. О. Анштет и граф И. А. Капо-

дистрия, Пруссию — князь К. А. Гарденберг, барон Ф. В. Гумбольд, Великобританию — лорд Р. Каслри, лорд А. Веллингтон, лорд У. Каткарт и др., Францию, привлеченную к работе конгресса немного позднее, — князь Ш. Талейран, герцог Э. Дальберг, граф Ф. Латур-Дюпэн. Присутствовали также делегаты от Испании, Португалии, Швеции и других европейских государств. Ситуация была непростой: политические, военные, экономические интересы европейских стран переплетались в сложном клубке противоречий, что находило отражение в ходе рассмотрения территориальных вопросов. Александр I планировал, что при решении польского вопроса на конгрессе он сможет получить поддержку со стороны прусского короля Фридриха-Вильгельма III, заинтересованного в приобретении Саксонии в качестве компенсации за отказ от права на владение польскими провинциями. Австрия была обеспокоена возрастанием мощи как Пруссии, так и России, а также их блокировкой. Английские политики, видевшие, насколько в прошлом оказалось опасным усиление Франции, стремились предупредить угрозу возрастающего влияния России. Они считали, что в Центральной Европе должны существовать сильные государства, способные сдерживать натиск Франции с запада и России — с востока, а именно Австрия и Пруссия. Англия была согласна на усиление Пруссии в результате присоединения к ней Саксонии, но не желала усиления России за счет присоединения к ней Польши²⁴⁹.

Собравшиеся в Вене представители европейских государств немедленно приступили к переговорам. Сразу же по прибытии прусского канцлера Гарденберга состоялось заседание, на котором обсуждались территориальные вопросы. Нессельроде заявил, что соображения Гарденберга «о будущих приобретениях России», изложенные в его записке от 11 мая 1814 г., «весьма мало отвечают тому, на что она вправе рассчитывать». Далее он, в соответствии с инструкцией, полученной от императора, сказал, что Россия оказала «великие заслуги делу освобождения Европы», что «Варшавское Герцогство было завоевано Россией и только ею еще до заключения союза с державами» и потому она должна получить его в качестве компенсации за понесенные жертвы. При этом, убеждал Нессельроде, российский император, «ни в коем случае не желая отступать от принципов умеренности», согласен на то, чтобы к Австрии отошли все соляные копи Велички, а берлинскому двору готов уступить территорию-коридор, связывающий старую Пруссию с Силезией, но при условии, что будут удовлетворены собственные интересы России. Однако Меттерних возразил, сказав, что не может согласиться с утверждением о завоевании Княжества Варшавского «без содействия союзных держав» и потому участь его должна быть решена с общего согласия. Фактически, настаивал он, Австрия была союзницей России, когда русские войска вступали в Княжество: Шварценберг тогда поспешил заключить перемирие, оставил Варшаву и отвел свои войска. Австрия не возражает, чтобы Россия оставила за собой большую часть Княжества Варшавского, хотя, подчеркнул Меттерних, присоединение Россией Финляндии и Бессарабии уже резко нарушает соотношение, которое было бы полезно установить между великими державами для поддержания равновесия в Европе. Австрия желала бы оставить за собой Краков

и Лемберг (Львов). Таким образом, Австрия пыталась открыто противодействовать усилению России, которое в будущем могло бы привести к обострению отношений между ними. По мнению Меттерниха, возникла бы даже угроза войны в случае, если бы Александр I осуществил «мечту поляков» и дал своим новым приобретениям имя Польши. Австрийский канцлер подчеркнул, что страны, участвовавшие в разделах, обязались не упоминать названия «Польша», ее имя могло быть восстановлено на карте Европы исключительно при согласии всех трех держав. Меттерних выразил надежду, что Александр I отвергнет выдвигаемый поляками проект о полном восстановлении Польши с присоединением всех провинций, которые сохранены за странами, ее разделившими. На это Нессельроде уклончиво заметил, что ему неизвестно о подобных намерениях российского императора. Относительно Кракова и Замостья он заявил, что «эти пункты являются неотъемлемой частью оборонительной линии России»²⁵⁰.

Представлявший Великобританию лорд Каслри изложил точку зрения своего правительства. Он заявил, что, возможно, ни в одной стране восстановление независимой Польши не нашло бы столько сторонников, как в Англии. Однако подобное решение потребовало бы столько жертв от стран коалиции, что он никогда не осмелился бы предложить им это. По поводу положения, сложившегося после разделов Польши, он отметил, что «ни одна держава не может желать сохранения этой системы больше, чем Россия», поскольку именно она владеет большей частью Речи Посполитой. Каслри очень тонко, с одной стороны, старался усилить недоверие Польши к странам-участницам разделов, а с другой — акцентировал внимание Австрии и Пруссии на позициях России, которой, по его мнению, было бы «выгодно заинтересовать их, не отвергая их справедливые требования»²⁵¹. Иными словами, это означало, что у России и так уже достаточно территориальных приращений и ей следует учитывать требования своих союзников.

Гарденберг заявил о претензиях Пруссии на Торн (Торунь), «ибо это город совершенно немецкий и сами жители просили о присоединении к немецким владениям». Он не упоминал о восстановлении Польши в прежних границах, но много говорил об опасности, которая возникнет, в том числе и для Пруссии, если русский император даст имя Польши русским приобретениям, выражая надежду, что Александр I все же уступит настояниям союзников и откажется от своего плана²⁵². Российский представитель на конгрессе барон Штейн подал 6 (18) октября 1814 г. Александру I записку, в которой высказывал свои соображения по поводу присоединения Польши. В нем затрагивались не только территориальные вопросы. Штейн предупреждал императора о противоречии, которое могло бы возникнуть при включении Польши, получившей конституционное правление, в «династически управляемую» Россию. Барон полагал, что дарование Польше конституции создаст внутренние трудности для России, при этом он отмечал, что польский народ, сам «повинный в своей участи», еще «недостаточно просвещен» для восприятия предлагаемой ему свободы. Кроме того, писал он, возникнет ситуация, при которой западная граница империи будет рассматриваться Австрией и Пруссией как источник угрозы и вызовет осложнения в их отношениях с Россией²⁵³.

Российский посол в Париже Поццо ди Борго, представлявший Россию на Венском конгрессе, 8 (20) октября 1814 г. составил для Александра I записку, в которой также высказывал свое мнение по польской проблеме, предлагая свести ее только к вопросу о границах. Он отрицательно относился к мысли о восстановлении Польши как отдельного государственного образования с правами самоуправления. Он высказывался за полный и безраздельный суверенитет над ней России на вечные времена, подчеркивая, что статус польских земель должен быть определен особым указом, а не конституцией²⁵⁴.

Лорд Каслри вел активные переговоры и беседы с приехавшими в Вену дипломатами и политическими деятелями, проявляя особый интерес к польским проблемам, что несомненно было связано с желанием Англии не допустить усиления России. Нессельроде сообщал Александру I, что в частной беседе с ним Каслри рекомендовал России не настаивать на дополнительных приобретениях польских земель, так как «обладание какими-то жалкими клочками земли» вызовет во всей Европе зависть и беспокойство. Лорд использовал даже вариант легкого политического шантажа: если Александр I будет упорствовать, то ему, Каслри, трудно будет добиться в парламенте соглашения относительно голландского долга. Нессельроде возражал: по его мнению, неуместно связывать данный вопрос с польскими делами²⁵⁵. 2 октября 1814 г. Каслри извещал английское правительство о результатах своей беседы по польскому вопросу с Александром I. Он говорил императору об опасности для самой России присоединения Княжества Варшавского, о вытекающих из этого трудностях, вызываемых оживлением общественных настроений в Польше в связи с ожиданиями создания независимого государства²⁵⁶. Каслри и Меттерних стремились склонить прусского представителя Гарденберга занять единую с ними позицию, но тот выражал согласие только при условии передачи Пруссии всей Саксонии и крепости Майнц. Каслри настаивал на том, что если Пруссия желает получить поддержку Великобритании в саксонском вопросе, то она должна выступить против присоединения Княжества Варшавского к России. Однако Австрию не устраивало подобное решение саксонского вопроса, которое вело бы к усилению Пруссии²⁵⁷.

Каслри сначала рассчитывал от имени трех держав предложить Александру I восстановить независимую Польшу в границах 1772 года, а в случае, если он не согласится, то пойти на ее раздел, при отказе же России и от этого варианта — апеллировать к конгрессу. План Каслри вызвал возражение Пруссии, которая не желала ссориться с Россией, поддерживавшей ее притязания на всю Саксонию. К тому же русские войска располагались вблизи ее границ²⁵⁸. 4 октября 1814 г. Каслри разослал уполномоченным представителям меморандум, содержащий разъяснение позиции британского кабинета.

12 октября 1814 г. Каслри направил также и Александру I письмо с приложением неофициального меморандума по польскому вопросу. В нем отвергался русский план присоединения большей части Княжества Варшавского к России и создания особого Польского королевства под скипетром российского императора. В документе было заявлено, что Россия,

уже присоединившая Финляндию и Бессарабию, своим усилением и продвижением на запад ставит под угрозу безопасность соседних государств, и что если Венский конгресс окончится неудачей, то ответственность за это ляжет на Россию. Однако российский император твердо противостоял попыткам английского правительства оказать на него давление. В ответе 18 (30) октября 1814 г. Александр I разъяснял английскому министру, что территориальные приобретения России на юге и севере, а также присоединение к ней Княжества Варшавского необходимы для укрепления ее безопасности; они не противоречат ее договорным обязательствам, а если Венский конгресс действительно потерпит неудачу, то в этом будет виновата не Россия, и «народы сумеют найти истинную причину, помешавшую восстановлению мира и спокойствия»²⁵⁹. Вокруг польского вопроса и связанных с ним территориальных проблем шла напряженная дипломатическая борьба не только в Вене. 6 (18) октября 1814 г. в секретном послании из Лондона Х. А. Ливен сообщал К. В. Нессельроде, что, как ему стало известно из достоверных источников, австрийский посол, «не довольствуясь тем, что возбуждает недоверие английского двора к нашему», старается обратить внимание правительства Великобритании на то, «какую опасность могут представлять для Европы виды императора на Польшу, подчеркивая необходимость совместно оказать противодействие подобному росту могущества и преобладания России». Австрийский дипломат предлагал выступить с декларацией протеста против «честолюбивых видов России», которую должны подписать все державы. По мнению Ливена, английское правительство никогда не решится на такой шаг, поскольку для Великобритании «слишком важны дружеские связи с Россией». Английский премьер-министр Р. Ливерпуль заявил, что Англия если и сожалеет о видах императора на Польшу, то это вовсе не является причиной, мешающей заключению мира. Всё, что носит печать либерализма, отметил он, близко английскому сердцу, и британское правительство не может не относиться сочувственно к планам Александра I восстановить Польшу²⁶⁰.

Английский уполномоченный на Венском конгрессе провел целую серию встреч с российским императором, пытаясь склонить его к занятию желательной для Великобритании позиции. 14 октября 1814 г. Каслри вновь информировал премьер-министра лорда Ливерпуля об очередной, состоявшейся накануне беседе с российским императором. Александр I, как отмечал Каслри, настаивал на своих политических и территориальных требованиях в отношении Польши и на присоединении Польского королевства к России. Он ссылаясь на свой «моральный долг» перед поляками, а также на «право владения» присоединяемой территорией. В ответ на заявление Каслри о чрезмерном усилении России император заверил, что после отвода русских войск за Неман и предоставления свобод Королевству Польскому «Европе нечего будет опасаться усиления мощи России»²⁶¹.

21 ноября лорду Каслри был вручен меморандум, автором которого являлся Каподистрия. Законы справедливости требуют, утверждалось в документе, чтобы выгоды каждого из союзников при торжестве общего дела были «пропорциональны его усилиям и величине пожертвований». «Когда Одер был перейден, — напоминал Каподистрия, — Россия сража-

лась только за своих союзников, для увеличения могущества Пруссии и Австрии, для ослабления Германии, для спасения Франции от бешенств деспотизма». В меморандуме перечислялись колониальные владения Великобритании (Индия, «американский континент», «рудники Леванта», «ключи Средиземного моря»), которая по своему морскому и торговому могуществу не имеет соперников, а ее отношения с Голландией и возвращение Ганноверского курфюршества «дают ей прямое и сильное влияние на дела континента». Затем Каподистрия приводил конкретные факты, свидетельствовавшие о территориальных приращениях и военно-политическом усилении других стран: Австрия распространяет свой скипетр и влияние на лучшую половину Германии, на прекрасные области Италии, она присоединила иллирийские провинции, которые обеспечивают ей господство на Адриатическом море и в европейской Турции. Пруссия получает северную часть наследства Германской империи и упрочивает свое влияние на Висле, Эльбе, Рейне. В этой связи Каподистрия ставил ряд вопросов: «Неужели приобретение Россией Финляндии и Бессарабии грозит спокойствию Европы?», а также: может ли Россия быть в безопасности, «если не получит хорошей военной границы, если покинет жителей Герцогства Варшавского на жертву отчаянию и прельщению с разных сторон»? «Для России, — утверждал он, — предмет первой важности — положить конец всем беспокойствам поляков»²⁶².

Прибывший на конгресс несколько позднее других представителей Ш. Талейран проявлял высокую активность в отстаивании интересов Франции. Французский министр привез с собой инструкции, им же самим составленные. В соответствии с ними необходимо было настаивать на том, что было бы выгодно для Франции: чтобы «конгресс был общим», чтобы на нем были представлены не только большие государства, но и малые страны, которые будут бороться за свое сохранение и тем самым препятствовать расширению территорий крупных государств²⁶³. Талейран отстаивал провозглашенный им «принцип легитимизма»: завоевание не дает никаких прав победителю, ни одной короной, ни одной территорией нельзя распоряжаться, пока ее законный обладатель от нее формально не отказался; он должен иметь своего представителя на конгрессе, и ему должны быть возвращены утраченные территории. Талейран выступал за «законные права королей» («божественное право»), против принципа «права народов»²⁶⁴.

Французский представитель считал, что Россия не хочет восстановления Польши при условии потери принадлежащих ей земель бывшей Речи Посполитой. А восстановить Польшу с тем, чтобы всецело отдать ее России, границы которой будут тогда доходить до Одера, означало, по мнению Талейрана, «создать для Европы опасность столь великую и столь близкую». Если Россия заявит о таком плане, заявлял он, то его исполнение необходимо будет остановить «силою оружия без колебаний»²⁶⁵. К тому же Талейран был убежден, что Польша не готова к самостоятельному независимому существованию: даже если бы она и освободилась когда-либо от России, то снова попадет под иго, «ибо Польша, получив независимость, вместе с этим будет предана на жертву анархии. Величина

страны исключает собственно так называемую аристократию, а монархия не может существовать там, где народ не имеет гражданской свободы, где шляхта имеет свободу политическую, или независимость, где царствует анархия». Он ставил вопрос: «Каким образом, восстанавливая Польшу, отнять политическую свободу у шляхты или дать гражданскую свободу народу?» и отвечал на него: «Последняя не может быть дана манифестом, законом. Гражданская свобода будет пустым словом, если народ, которому ее дают, не имеет независимых средств к существованию, собственности, промышленности, искусств, и этого всего ни манифест, ни закон создать не могут». Таким образом, государственно-политическое устройство страны связывалось с социальными и экономическими условиями. Поскольку, считал французский министр, передача всей Польши России привела бы к возникновению явной опасности для Европы, то «всего лучше оставить Польшу так, как она была после третьего раздела». И это тем более важно, полагал Талейран, что такое решение польского вопроса положило бы конец притязаниям Пруссии на Саксонию, потому что «Пруссия осмеливается требовать Саксонию только в предположении восстановления Польши»²⁶⁶. Политическая интуиция и проницательность Талейрана позволяли ему делать верные исторические прогнозы: «Оставаясь разделенною, Польша не будет навсегда уничтожена. Не образуя более политического тела, поляки всегда будут составлять одно семейство. У них не будет одного общего отечества, но у них останется один общий язык, следовательно, между ними останется самая крепкая и самая долговечная связь. Под чуждым владычеством они достигнут зрелого возраста, до которого не могли достигнуть в десять веков независимости, и момент, в который они созреют, не будет далеко от момента их освобождения и сосредоточения около одного центра»²⁶⁷.

Талейран, так же как английский и австрийский уполномоченные, попытался оказать давление на российского императора, стремясь повлиять на его позицию в отношении Польши. Особое опасение у Франции вызывало возможное усиление Пруссии, что было связано с решением польского вопроса. 23 октября 1814 г. произошла довольно бурная сцена между Талейраном и Александром I, во время которой император вспылил и заявил французскому министру: «У меня в Варшавском Герцогстве двести тысяч человек; пусть попробуют выгнать меня оттуда. А Саксонию я отдал Пруссии, Австрия на это согласна»²⁶⁸.

Австрия продолжала политику дипломатических интриг. Меттерних, по указанию своего императора, направил прусскому канцлеру Гарденбергу ноту, в которой заявлялось: «Известно, что виды русского двора относительно Герцогства Варшавского совершенно противны смыслу трактатов» 1813 г. В ноте указывалось, что австрийский император настаивает на их исполнении, необходимом как Австрии, так и Пруссии для обеспечения их военных границ. Австрийский император просил прусского императора обратиться к российскому и напомнить об их общих правах. К ноте прилагался меморандум насчет будущей судьбы Княжества Варшавского, в котором, в частности, подчеркивалось, что «Австрия готова согласиться на восстановление этого королевства (Польши), свободного и независимо-

го от всякого иностранного влияния в границах до первого раздела». Ясно понимая, что для России подобный вариант неприемлем, Меттерних предлагал иной: Австрия может пойти на определенные уступки — на восстановление «свободной и независимой Польши в пределах 1791 г.» Если же и этот вариант не устроит Александра I, то «Австрия готова согласиться на расширение русских границ до правого берега Вислы», при этом России достанется Варшава, Пруссии — Торн, а Висла будет свободна для судоходства России и Пруссии. Относительно политического устройства будущего польского государства декларировалось, что «Австрия, постоянно далекая от вмешательства во внутренние дела своих соседей, предоставит императору всероссийскому попечение дать своим польским провинциям такую форму управления, какую он сочтет полезною и приличною». Право дать название этому государству Австрия оставляла за российским императором: он может наименовать свои польские владения, «порознь или вместе со старыми польскими провинциями — Королевством Польским северным или восточным, а император австрийский получит право соединить свои польские провинции под названием Королевство Польское южное. Такое же право должно быть предоставлено и королю прусскому»²⁶⁹.

Следуя рекомендациям Меттерниха, Гарденберг имел продолжительную беседу с Александром I. В секретном меморандуме от 7 ноября он сообщал Каслри, что состоявшийся разговор «не привел ни к чему». Он сообщал ему о позиции Александра, заключавшейся в том, что, как заверял российский император, его войска оказали огромную услугу всей Европе и что сам он «ограничивается только мерами, которые обеспечивают спокойствие Европы» и дадут возможность «сдерживать нацию опасную». Император мог бы дать гарантии в том, что «присоединит к новому королевству все русские провинции, бывшие прежде польскими, даст конституцию, которая отделит его от России, выведет из него все русские войска». Таким образом, из письма Гарденберга, направленного Каслри, следует, что в это время Александр предполагал объединить польские земли в крупном масштабе.

Высказанное Гарденбергом в ходе беседы мнение Меттерниха, считавшего, что линия Торн — Калиш — Ченстохова — Краков позволит России создать наступательный рубеж, Александр парировал тем, что «он готов обязаться никогда не укреплять Кракова». Гарденберг передал Александру I намеки Меттерниха на возможность уступок со стороны Австрии по политическим вопросам, если российский император пойдет на уступки в отношении границ. В письме английскому лорду Гарденберг высказывал собственные соображения относительно решения польского вопроса: «Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мы должны уступить насчет политического вопроса, потому что я здесь вижу гораздо большие выгоды, чем опасности для спокойствия Европы вообще и для соседей России в особенности. *Сила России скорее ослабевает, чем увеличивается, от этого нового Польского королевства, под скипетром одного с нею государя находящегося.* Собственная Россия потеряет области очень значительные и плодородные. Соединенные с Герцогством Варшавским, они получают конституцию совершенно отличную и гораздо более либераль-

ную, чем конституция [устройство. — *Г. М.*] империи. Поляки будут пользоваться привилегиями, каких нет у русских. Скоро дух двух наций станет в совершенной оппозиции, зависть между ними помешает единству. Император русский и вместе король польский будет гораздо менее страшен, чем государь империи Российской, присоединяющий к России большую часть Польши, которую у него не оспаривают как провинцию». «В моем уме, — писал Гарденберг лорду Каслри, — образовалось самое глубокое убеждение, что препятствуя императору восстановить Польшу под своим скипетром, мы работаем против нашего собственного интереса». Далее Гарденберг прямо предлагал Каслри: «Так решим без дальнейших проволочек объявить императору, что [...] мы согласились на восстановление Королевства Польского, отдельного от империи Российской, к которому он присоединит все русские провинции, прежде бывшие польскими, и даст особенную конституцию, если он только согласится на такое земельное распределение, которое нас удовлетворит, и если он нам гарантирует наши польские владения» (к Австрии должны были отойти Краков и Замоиский округ, а к Пруссии — Торн и линия Варты)²⁷⁰.

Закулисная история Венского конгресса свидетельствует, что уступки, сделанные на конгрессе Александру I по польскому вопросу со стороны других держав, так же как и его победу, нельзя считать исключительно результатом проявленной им твердости и решимости, его упорного стремления создать польское государство, — это был итог сложных дипломатических шагов, комбинаций и расчетов, прикрытых красивой фразеологией.

25–27 октября 1814 г. состоялась встреча трех монархов в Пеште. Александр I смог найти взаимопонимание с Фридрихом-Вильгельмом III, но попытки договориться с Францем I окончились неудачей. Возвратившись в Вену, Александр I направил Каслри меморандум, в котором отказывался от прежних уступок в пользу Пруссии и Австрии (в том числе относительно городов Торна и Кракова)²⁷¹. Обеспокоенный этим, Гарденберг 7 ноября 1815 г. тоже обратился с меморандумом к Каслри. Он убеждал английского представителя отказаться от сопротивления планам создания конституционного королевства в составе Российской империи и обсуждать только территориальные вопросы.

С обширным посланием, датированным 8–9 ноября 1814 г., к Александру I обратился его бывший наставник, также находившийся в то время в Вене, Ф. Ц. Лагарп²⁷². Он писал, что основную причину затягивания переговоров их участники видят в тех условиях, которые выдвигает Россия. «Возрождение Польши как королевства, — писал он, — вызывает удивление, смешанное со страхом», и этот страх порождается, прежде всего, предложенной демаркационной линией, проходящей через Торн и Краков. Лагарп убеждал Александра I отказаться от Кракова и Торна — «России тоже нужен мир». По мнению Лагарпа, Франция выжидает, пока амбиции союзников и противоречия между ними не заведут их в тупик, тогда ее влияние возрастет, и она сможет воспользоваться им в своих интересах.

25 ноября 1814 г. Каслри отчитывался перед английским премьер-министром Р. Ливерпулем об итогах своих последних бесед с Александром I по польскому вопросу. Он приводил слова российского императора:

«Я дам необходимое Пруссии, но не уступлю ни одной деревни Австрии. Я завоевал Герцогство, и у меня есть 480 тыс. человек для того, чтобы его удержать»²⁷³. Таким образом, дипломатическая позиция России усиливалась демонстрацией ее военной силы, что оказывало, в свою очередь, воздействие на ход переговоров.

На встрече Чарторьского, Гарденберга и Штейна 24 ноября 1814 г. обсуждался, в частности, вопрос о Кракове — станет ли он вольным городом²⁷⁴. 30 ноября 1814 г. состоялась беседа Гарденберга с Александром I, в ходе которой прусский канцлер пытался склонить императора к уступке Кракова и Торна. На следующий день Гарденберга посетил А. Чарторьский и сообщил, что Александр I готов согласиться на то, чтобы Краков и Торн стали вольными городами. Гарденберг информировал об этом Меттерниха, который отверг этот план, высказав мнение, что в таком случае эти города станут «очагом недовольства, козней и мятежей»²⁷⁵.

21 декабря 1814 г. по предложению России уполномоченные четырех держав (России, Австрии, Пруссии и Великобритании) собрались для обсуждения польского и саксонского вопросов. Гарденберг выступил с требованием передать Пруссии всю Саксонию, а саксонскому королю возместить потери землями по левому берегу Рейна. Россия поддержала этот план. Австрия настаивала на полном сохранении Саксонского королевства с присоединением земель на левом берегу Рейна²⁷⁶. На следующий день совещание открыл Разумовский и представил русский проект конвенции по урегулированию территориальных вопросов. Относительно польских земель проектом предусматривалось: присоединение к России Княжества Варшавского, за исключением Гнезно и Познани, к Австрии отходили соляные копи Велички и Тарнопольский округ; Саксония полностью включалась в состав Пруссии, саксонский король вознаграждался землями по левому берегу Рейна; Краков и Торн должны были стать вольными городами. Гарденберг поддержал позицию России в решении саксонского вопроса, но с решительными возражениями выступили Австрия и Англия. Меттерних и Каслри настаивали на присутствии при обсуждении саксонского вопроса представителя Франции, которая категорически была настроена против усиления Пруссии и с этой целью настаивала на сохранении малых германских княжеств²⁷⁷. Талейран, тогда впервые официально допущенный к обсуждению саксонского и польского вопросов, заявил, что его монарх Людовик XVIII заботится только о торжестве «принципа легитимизма» и об установлении в Европе надлежащего равновесия и не ищет специальной выгоды для себя²⁷⁸.

Осложнения в переговорах, вызванные твердой позицией России по польскому вопросу, вели к усилению настороженности по отношению к ней со стороны других держав. А. И. Чернышев 13 (25) декабря 1814 г. писал из Вены А. А. Аракчееву, что поездка Александра I в Англию, деятельность российских дипломатов «истребили совершенно» влияние России в Европе. Ошибочная, по его мнению, неуступчивость Александра I в решении польской проблемы позволила Меттерниху настроить против России ее союзников, исключая Пруссию.

Озабоченный сложившейся в Вене ситуацией, российский император намеревался направить своему послу в Англии Х. А. Ливену специальный

рескрипт²⁷⁹, приложив к нему инструкцию, в которой обосновывались цели и принципы проводимой Россией политики. Ему поручалось довести до сведения английского кабинета позицию России и дать соответствующие разъяснения. Политика России, заявлялось в документе, «основана на тех же принципах, которые принесли британской нации величие и приносят ей подлинную славу, которые способствовали в прошлом упрочению политических и торговых связей между Россией и Англией». Прежние порядки в европейских государствах, отмечалось в нем, «держались на заинтересованности правительств и обычаях, освященных временем», но отныне «могут существовать лишь порядки, основанные на гармонии интересов наций и правительств». Подчеркивалось, что «его императорское величество гордится своей приверженностью к принципам умеренности и намерен применить их в той части Польши, которую он счел справедливым сохранить за собой». Намерения России вызывают напрасную тревогу у австрийского и британского правительств: они «преувеличивают опасности, которым они подвергнутся, если дух времени, именуемого конституционным, приобретет влияние на соответствующие правительства, и в связи с этим возрастет авторитет России и императора, чьи либеральные воззрения известны всей Европе». Ливену предписывалось обратить внимание английского кабинета на постановку вопроса о Княжестве Варшавском, который мог рассматриваться в двух аспектах: территориальном и политическом. Российский посол должен был убедить правительство Великобритании в том, что требуемое Россией приобретение не только не нарушит европейского равновесия и мира между государствами, но, напротив, будет в высшей степени способствовать его упрочению, и одновременно показать справедливость и чистоту помыслов императора. Целью польской политики России является «удовлетворить жителей Варшавского Герцогства, дать им почетное существование», что навсегда устранил их опасения за свою участь и сделает «невосприимчивыми к внушениям какой-либо державы, испытывающей чувство зависти к России, которая могла бы снова вооружить их против нее. Это значит учесть уроки истории», — подчеркивалось в документе. Ливен должен был разъяснить, что российский император исходит из самых благих намерений: «Его императорское величество желает дать этому народу хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей правительства. [...] Он желает, чтобы благородные чувства укрепили привязанность народа к своей родной земле и России, вернувшей ему эту землю и не потребовавшей, чтобы на ней он перестал быть самим собой». На возможный вопрос, не хочет ли Россия подобными политическими шагами возмутить спокойствие империи Габсбургов, если австрийские поляки потребуют такого же статуса, послу предлагался готовый ответ, который был сформулирован в следующих словах: «Австрии стоит лишь применить принципы справедливости, как она сама заслужит их признательность»²⁸⁰.

19 (31) декабря 1814 г. Нессельроде направил уполномоченным Австрии, Великобритании и Пруссии ноту с прилагавшимся к ней проектом решения польского вопроса²⁸¹. В нем заявлялось, что российский император

«оставляет за собой право дать национальную конституцию» той части Польши, которая отходит к России. В направленном в тот же день Александру I письме А. И. Чернышев также затрагивал польскую проблему. Он предлагал покончить с традицией выборности короля и отсутствия у него права назначать наследника престола, указывал на необходимость способствовать созданию в Польше «третьего сословия», чтобы иметь опору против потомственной шляхты. Новая конституция, настаивал он, должна быть «плодом зрелых размышлений» и не вносить раздоры в Княжестве. Во главе правительства и администрации должны быть поставлены люди, преданные России, «заинтересованные в союзе двух государств». Необходимо проявлять стремление «облегчить судьбу польских крестьян разумными и либеральными постановлениями». Кроме того, следует распространить привилегии, предоставляемые жителям Княжества Варшавского, и на собственников в польских провинциях России²⁸². Таким образом, позиция Чернышева по польскому вопросу отличалась определенной степенью умеренности: он не был против введения конституции в Польше, но предлагал не торопиться, проводить обдуманную политику и принимать меры, которые вели бы к сохранению общественного спокойствия как на польских землях, так и в российских западных губерниях.

3 января 1815 г. на заседании уполномоченных четырех держав Меттерних огласил австрийский контрпроект конвенции по польскому вопросу. В соответствии с ним предусматривалось, что польские земли будут присоединены «к владениям его императорского величества», т. е. Александра I, и «будут находиться в полной его собственности и под его суверенитетом». Однако представители России и Пруссии отказались обсуждать его без предварительного изучения и соответствующих указаний от своих правительств²⁸³.

В ночь на 4 января 1815 г. Англия, Франция и Австрия подписали секретный оборонительный договор, направленный против России и Пруссии. Его появление было вызвано разногласиями между блокировавшимися странами по польскому и саксонскому вопросам. Инициатором договора был Каслри. Привлечение к союзу Франции нарушало условия Рейхенбахского соглашения и означало фактический распад антифранцузской коалиции²⁸⁴. Тем не менее, переговоры по польскому и саксонскому вопросам продолжались. Александру I не было известно о заключении тройственного союза. 7 января 1815 г. Разумовский на заседании представителей четырех стран сообщил, что довел австрийский контрпроект до сведения российского императора и уполномочен заявить, что получено его принципиальное одобрение.

9 января 1815 г. Разумовский зачитал замечания российского правительства на статьи австрийского контрпроекта относительно Польши²⁸⁵. По мере того, как приближалось заключение мира, все большее внимание стало уделяться вопросам государственного устройства, управления и экономики польских земель. Разумовский внес предложение о создании специальной комиссии из представителей трех держав, которая занималась бы финансовыми и административными вопросами, касавшимися Польши. Он подготовил «Памятную записку об учреждении комиссии по устрой-

ству Польши»²⁸⁶. От России в комиссию делегировались И. О. Анштет и Ю. К. Шанявский. Комиссии предстояло определить границы территорий польских земель, подлежащих включению в состав России, Австрии и Пруссии. Требовалось подготовить соответствующие правовые акты, в том числе о предоставлении Кракову и Торну статуса вольных городов²⁸⁷. Кроме того, упоминалось, что в самое ближайшее время Чарторыйский должен представить Разумовскому «проекты конституций вольных городов Кракова и Торна»²⁸⁸, что позднее князем было выполнено.

12 января 1815 г. Каслри разослал циркулярную ноту уполномоченным представителям, в которой подчеркивал, что для Англии предпочтительнее видеть Польшу независимым государством, но поскольку Австрия и Пруссия не возражают против русского проекта, то и он, Каслри, вынужден отказаться от своих первоначальных возражений и выразить согласие на раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией. Однако он считал необходимым заявить, что создание Королевства Польского под эгидой России представляет опасность для спокойствия в Европе²⁸⁹. Переговоры продолжались, но шли очень трудно: детальное обсуждение территориальных притязаний, обмен нотами и проектами, поиски приемлемых решений, их возможных вариантов, которые нередко сразу же оказывались промежуточными, а потом и вовсе отвергались из-за несогласия других стран, — все это требовало много времени.

3 (15) февраля 1815 г. Александр I направил инструкцию А. К. Разумовскому, озаглавленную «Основные вопросы переговоров». В ней содержалось указание о поддержке требования Пруссии передать ей всю Саксонию. В отношении Австрии предусматривались следующие меры: в случае если она будет выдвигать решение вопроса о конституции Княжества Варшавского как условие его присоединения к России, то «русский кабинет вправе потребовать от других держав, в том числе и от Австрии, предварительного решения о введении конституций в присоединенных к ним областях». Кроме того, предписывалось «отклонить австрийские домогательства в отношении статуса русских провинций, которые прежде были польскими»²⁹⁰.

Несмотря на стремление России проводить твердую политическую линию, ей все же приходилось идти на уступки и компромиссы. В итоге Александр I согласился передать Пруссии крепость Торн, а Пруссия дала согласие на сохранение за саксонским королем части Саксонии²⁹¹. 11 февраля 1815 г. на заседании пяти держав были парафированы статьи о территориальных изменениях в Саксонии и о границах между Россией и Пруссией на территории Княжества Варшавского²⁹². В итоге Пруссия получала Великое Герцогство Познанское, Бромберг и Торн (как компенсацию за потери в Саксонии). Однако разногласия продолжались: Штейн в письме Чарторыйскому от 13 февраля 1815 г. подчеркивал, что по условиям Теплицкого договора 1813 г. Россия не имеет исключительного права на решение судьбы Княжества Варшавского, юридически оно принадлежит трем державам, подписавшим договор²⁹³.

25 февраля (9 марта) 1815 г. Александр I дал очередные указания Разумовскому, занимавшемуся подготовкой договоров. В присланных инструк-

циях подчеркивалось, что при редактировании текста договора о польских владениях России в него должны быть внесены титул российского императора как царя или короля польского. За поляками, проживающими на территориях трех союзных держав, должны быть сохранены «все знаки уважения, которых требует их национальность»²⁹⁴.

Вскоре произошли совершенно непредвиденные события, повлиявшие на работу Венского конгресса: в начале марта 1815 г. стало известно, что Наполеон покинул остров Эльба²⁹⁵. 20 марта 1815 г. он возвратился в Париж. Здесь произошел курьезный случай: Наполеон обнаружил экземпляр секретного англо-австро-французского договора от 3 января 1815 г., впопыхах при бегстве оставленный в королевском кабинете, в ящике стола, и немедленно переслал его Александру I. Разгневанный император вызвал к себе Меттерниха для объяснений, бранил его и бросил договор в камин. Возвращение Наполеона вносило коррективы в осложнившиеся отношения между Россией и Англией. Перед лицом общей угрозы амбиции уступили место прагматической необходимости, и 13 (25) марта 1815 г. в Вене Россия и Великобритания заключили союзный договор, которым обязывались «не полагать оружия, как только с общего согласия», пока не достигнут общей цели — полной победы над Наполеоном²⁹⁶. 21 марта (2 апреля) 1815 г. между Россией, Австрией, Пруссией и Баварией была подписана военная конвенция.

Начался процесс создания системы договоров между странами — участницами конгресса. 21 марта (2 апреля) 1815 г. Чарторыйский известил Анштета, что Александр I согласился принять предложение Австрии о присоединении к ней г. Подгоже (Подгуже), расположенного на правом берегу Вислы напротив Кракова, при условии, если Австрия не будет иметь там военных укреплений, угрожающих Кракову²⁹⁷.

21 апреля (3 мая) 1815 г. состоялось подписание договора между Россией и Австрией. По нему Австрии возвращались в Восточной Галиции уезды, «отделенные от Злочевского, Бржезанского, Тарнопольского и Залещинского округов», а также к ней отходили соляные копи Велички, фиксировалась разграничительная линия. Краков с прилегающим районом объявлялся «вольным городом». Остальная часть Княжества Варшавского, за исключением территории, отходящей к Пруссии, присоединялась к России. Договором предусматривалось, что обе стороны организуют управление принадлежащими им польскими землями согласно «с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений». Стороны обязывались провести всеобщую амнистию и определить способы урегулирования финансовых и имущественных претензий со стороны поляков в связи с размежеванием между Россией и Австрией²⁹⁸. В тот же день договор аналогичного содержания был заключен между Россией и Пруссией. По нему часть Княжества Варшавского под названием «Герцогство Познанское» отходила к Пруссии. Подтверждался статус Кракова как «вольного города», а также факт присоединения к России соответствующей части Княжества. Каждая из сторон выражала согласие на предоставление своим польским подданным в течение шести лет права беспрепятственного въезда на территорию другого договаривающегося государства.

Устанавливался порядок разрешения имущественных и финансовых вопросов, возникших в связи с разграничением территорий²⁹⁹.

21 апреля (3 мая) 1815 г. между Россией, Австрией и Пруссией был подписан и договор о Кракове, его округе и конституции. Он объявлялся вольным городом под покровительством трех держав, определялись границы округа, признавалась свобода вероисповеданий, основной религией оставался католицизм.

6 (18) мая 1815 г. был также подписан отдельный договор с саксонским королем, по которому он отказывался от права на Княжество Варшавское и одновременно освобождался от долгов Княжества³⁰⁰.

Однако не всех жителей Княжества Варшавского устраивали условия, на которых были заключены договоры. Президент Временного верховного совета по управлению Княжеством Варшавским В. С. Ланской 4 (16) мая 1815 г. информировал Александра I о настроениях в Княжестве. В частности, он сообщал, что некоторые сторонники независимости Польши выражают недовольство присоединением территорий Княжества к Пруссии и Австрии. Сам лично он высказывался против создания особой польской армии. «Объявление титула короля и уверение в будущем конституционном правлении, — отмечал он, — принимаются не за милость, но за опасение последствий от беглеца от Эльбы»³⁰¹.

В Великобритании заключенные Россией на Венском конгрессе договоры не вызвали негативной реакции. Как писал 7 (19) мая 1815 г. из Лондона Александру I российский посол Х. А. Ливен, «парламент, который с такой горячностью и озлоблением нападал на все другие решения конгресса [...], совсем не поднимал вопроса о приобретениях России»³⁰².

9 (21) мая 1815 г. в Вене манифестом Александра I объявлялось о заключении Россией союзных договоров с европейскими державами, о присоединении к России большей части Княжества Варшавского и возобновлении военных действий против Наполеона. Император продемонстрировал, что Россия — первая скрипка в европейском дипломатическом и военном оркестре. Относительно Княжества Варшавского в нем заявлялось: «Не суетное любостязание внушило Нам искать распространения пределов наших. Такое чувствование было бы несродно поднявшим оружие для защищения отечественной страны, а не для завоевания. Непреоборимая сила Империи Российской, на вере, на любви, на благополучии основанная, от внешних приобретений возрасти не сможет. Но соединение под единый скипетр обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского необходимым представилось к устройению всеобщего в Европе равновесия и порядка. Сим ограждается пределов наших безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские покушения отражающий, возрождаются узы братства племен, взаимно между собой сопряженных единством происхождения»³⁰³.

В рескрипте, направленном 12 (24) мая 1815 г. в Варшаву В. С. Ланскому, Александр I сообщал о договоренностях, достигнутых в Вене: «Окончив постановлением относительно границ и политического бытия Польского нашего царства [так назвал новое государство сам Александр I. — Г. М.] и утвердив нашу ратификацию договоры, по сему предмету заключенные между нами и их величествами императором австрийским и королем прус-

ским, мы признали за благо для общей пользы, дабы все сии постановления неотлагательно были приведены к надлежащему исполнению». Прилагались также тексты договоров и других актов, которые могут «служить руководством» «для временного правительства нашего Царства Польского». Необходимо в первую очередь приступить к исполнению постановлений о границах. Особо указывалось, что «надлежит устроить торговлю и судоходство на основании договора, 21 апреля сего года заключенного», для чего необходимо согласовывать действия с министром финансов Д. А. Гурьевым. Затем надо составить обобщающую записку и «оную безотлагательно представить нам на рассмотрение». Предписывалось также от имени государя «немедленно заняться назначением к различным должностям чиновников, означенных в списке, нами утвержденном»³⁰⁴. Кто участвовал в составлении упомянутого списка, неизвестно, но существенно, что круг лиц, которые могли занимать административные посты, был заранее регламентирован.

25 мая 1815 г. в Вене был опубликован манифест Александра I, обращенный «к населению Царства Польского». В нем объявлялось о создании Царства Польского в рамках Российской империи и предоставлении полякам конституции³⁰⁵. Т. Костюшко в этой связи писал А. Чарторыскому, что он очень признателен Александру I за возрождение польской нации, но сожалеет, что не все польские земли объединены в Королевство Польское³⁰⁶.

В тот же день Александр I подписал проект «Основ конституции для Королевства Польского», подготовленный А. Чарторыским при участии Н. Н. Новосильцева и других политиков^{307*}. Хотя формально представители Польши в качестве официальных лиц на Венском конгрессе не присутствовали, однако они были весьма заметны, поскольку отличались особой активностью. Александр I при подготовке «Основ конституции» пользовался их услугами. Проект не имел полагающейся для такого рода документов традиционной преамбулы, а начинался с раздела «Общие гарантии». В нем пояснялось, что в настоящий акт еще будут внесены необходимые улучшения и поправки, с тем чтобы «новая конституция, которую должно будет дать Королевству Польскому, могла бы стать полностью национальной и приблизиться к Конституции 3 мая 1791 года в той степени, насколько это позволяет различие обстоятельств и времени». Различие между конституциями начиналось с первого же раздела: если в Конституции 3 мая 1791 г. он был озаглавлен «Господствующая религия», которой объявлялось римско-католическое вероисповедание, то в проекте 1815 г. на первый план выдвигался вопрос территориально-политический, являвшийся главным на тот момент. В ст. 1 провозглашалось: «Польские провинции, которые в силу соглашений, заключенных на Венском конгрессе, присоединены к России под отдельным наименованием Королевства Польского, будут всегда находиться под скипетром этой державы и будут иметь собственную национальную конституцию, основанную на принципах порядка, законности и свободы». Конфессиональным вопросам была посвящена следую-

* О разработке проекта «Основ конституции для Королевства Польского» см. гл. 4.

щая статья, в ней отмечалось, что римско-католическая религия, которую с древних времен исповедует большинство населения, будет пользоваться особой опекой правительства, однако свобода других вероисповеданий ничем не ограничивается, и различие в христианских вероисповеданиях, подчеркивалось в «Основах», не влечет за собой никакой разницы в гражданских правах. Провозглашались основные принципы буржуазного права, в том числе свобода личности и неприкосновенность частной собственности: «Всякая собственность, какого бы она ни была названия, характера и природы — есть священна и неприкосновенна». В ст. 10 гарантировалась свобода печати. Таким образом, не были проигнорированы положения Кодекса Наполеона, на которых базировалась и предшествующая польская конституция, данная французским императором в июле 1807 г. при создании Княжества Варшавского. В плане гарантии национальной самостоятельности была важна ст. 11 «Основ конституции», закреплявшая положение о том, что все публичные действия, административные и судебные, без всякого исключения, будут совершаться на польском языке.

В разделе об исполнительной власти отмечалось, что она будет возложена на Государственный совет, заседания которого будут проходить в Варшаве под председательством «нашего наместника», и на комиссии-министерства. В этом фрагменте текста проекта конституции впервые проскользнула формулировка («нашего наместника»), свидетельствующая о том, что она писалась непосредственно от имени нового польского короля Александра I. В соответствии с проектом полагалось образовать следующие комиссии: внутренних дел и полиции, военную, юстиции, доходов и казны (финансов), общественного просвещения и вероисповеданий. На последнюю возлагалась задача распространения «во всех классах жителей просвещения и обучения, расширения полезных знаний, роста науки, искусства и ремесел». Государственный совет обязан был ежегодно давать отчет о положении в крае, составленный по отчетам и рапортам каждой ветви администрации. Сенат объявлялся наивысшим национальным судом по тем вопросам, за которые несут ответственность министры. Предусматривалось введение нового административно-территориального деления на традиционные для Польши воеводства, а не на губернии, как в целом по Российской империи, но временно сохранялось деление Королевства на повяты (уезды). Во главе воеводств должны были стоять окружные комиссары, а низшее звено администрации представлять владельцы деревень и главы сельских гмин. В каждом воеводстве создавался гражданский совет, члены которого избирались на повятовых сеймиках и гминных собраниях.

Отдельный раздел касался польской армии, она сохраняла национальные цвета мундира, собственную традиционную форму обмундирования, головной убор и т. д. В соответствии со ст. 29 польская армия предназначалась «для охраны польских границ», она постоянно должна была дислоцироваться в крае и использоваться только в Европе. Предусматривалось, что если русские войска будут находиться в Королевстве Польском или проходить через его территорию, то их содержание должно оплачиваться из казны империи.

Важнейшему социальному вопросу — о крестьянстве — отводилась одна из последних статей проекта. Отмечалось, что «многочисленный и полезный класс крестьян полностью сохраняет за собой право на личную свободу и приобретение земельной собственности». «Дух законов, служащих им, будет дышать особой отеческой заботой, а их целью явится постепенное приведение этого класса к подлинному и прочному благосостоянию», — провозглашалось в «Основах конституции». Таким образом, крестьяне продолжали оставаться лично свободными. Вполне понятно, что это положение проекта конституции, касавшееся польских крестьян, было далеко не безразлично для общественного мнения российского общества, прежде всего помещиков.

Заканчивался проект статьей, весьма эмоциональной по характеру и, судя по ее содержанию, написанной под диктовку российского императора. Она начиналась следующими словами: «Великая конституционная хартия, которую мы даем жителям нашего Королевства Польского, всегда должна рассматриваться как главные и святейшие узы, которыми это Королевство неразрывно и навечно будет связано с Всероссийским государством как в нашем лице, так и всех наших наследников и преемников». О том, что Александр I принимал непосредственное участие в подготовке документа, свидетельствует и сделанная им собственноручная приписка-указание: «Вышеписанные основы конституции Королевства Польского будут служить неизменным правилом и инструкцией новому временному правительству этого края. В Вене, 25/13 мая 1815 г.»

28 мая (9 июня) 1815 г. представители восьми держав подписали заключительный Генеральный акт, подводивший итоги Венского конгресса³⁰⁸. В статье I этого документа констатировалось: «Герцогство Варшавское, за исключением тех областей и округов, коим в нижеследующих статьях положено иное назначение, навсегда присоединяется к Российской империи. Оно в силу своей Конституции будет в неразрывной с Россией связи и во владении его величества императора Всероссийского, наследников его и преемников на вечные времена. Его императорское величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением». К титулам российского императора добавлялся и титул царя (короля) польского. Ему предоставлялось право расширения территории Королевства Польского за счет его собственных владений. Далее заявлялось, что поляки, как российские подданные, так и австрийские и прусские, «будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеупомянутых правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владения». Иными словами, внутриполитическое устройство поделенных польских земель отдавалось на усмотрение держав, в состав которых они включались.

Следующие статьи касались польских территорий, отходивших к Пруссии и Австрии, а также Кракова, провозглашавшегося «на вечные времена вольным, независимым и совершенно нейтральным городом» под «покровительством России, Австрии и Пруссии».

Действие статьи XI, в соответствии с которой для поляков предусматривалась амнистия, распространялось на все польские земли: «В Польше будет объявлено всем вообще и каждому в особенности полное и совершенное прощение, какого бы кто звания, пола и состояния ни был». Далее это положение конкретизировалось: «Впредь никто и никаким образом не может быть судим» за непосредственное или косвенное участие в «гражданских, военных или политических делах в Польше в какое бы то ни было время». Все судебные и следственные процессы по таким делам прекращались. Очень важным для имущего сословия был следующий пункт: «Запрещения на имущества и временные конфискации оных будут уничтожены, и никакое дело, по сим причинам начавшееся, не будет более производимо».

В кратком разделе о свободном судоходстве, который ввиду важности проблемы экономического восстановления польских земель был включен в Генеральный акт, давалась отсылка на договоры, заключенные между Россией и Австрией, Россией и Пруссией. В качестве приложения к акту прилагались постановления о свободном судоходстве по рекам³⁰⁹.

6 (18) июня 1815 г. Правительствующему Сенату был дан указ «О форме титула его императорского величества». В нем заявлялось, что в связи с «присоединением к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского под наименованием Польского Царства» признано необходимым «сделать прибавление и в императорском титуле». Отныне полный титул российского императора был таким: «Божиею поспешествующею милостью Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский [...]»³¹⁰.

Чарторыйский в письме Александру I (оно датировано «не ранее 9 (21) июня 1815 г.») из Варшавы сообщал о церемонии провозглашения Королевства Польского и о настроениях среди поляков³¹¹. 18 июня 1815 г. произошло сражение при Ватерлоо, окончательно решившее исход притязаний Наполеона, а тем самым и его собственную судьбу. Окончательно были похоронены и связанные с ним надежды части польского общества.

В Королевстве Польском был образован Временный правительствующий совет как административный орган. Председателем совета стал В. С. Ланской, а его членами — А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев, Т. Вавжецкий, Ф. К. Друцкий-Любецкий, «главным секретарем совета» — Ю. Шанявский. 10 (22) июня 1815 г. от имени совета было опубликовано «объявление», в котором провозглашалось: «Чтобы дать действительный ход Конституции Царства и чтобы дела сего края постепенно, без наглого [внезапного. — Г. М.] потрясения поставить на стези конституционного, вечно нерушимого порядка [...] для предотвращения случайных недоразумений объявляем: что все, какого бы рода ни были, законы, постановления и учреждения остаются в прежней бывшей до сего времени силе и уважении и ни одно из них не перестанет быть действующим до того времени, пока особым постановлением правительства не будет уничтожено или заменено иным постановлением»³¹².

30 июня (12 июля) 1815 г. появился документ под названием «Общее образование Временного правительства Царства Польского». В нем определялась компетенция наместника, который осуществлял общее управление администрацией Королевства, обеспечивал «наполнение чиновниками всех мест без изъятия». В его обязанности входило «исполнение трактатов и договоров Венских», составление законов «сообразно основаниям конституции». Кроме того, ему предоставлялось также общее распоряжение финансами. Определялся также состав Временного государственного совета. В разделе о министерствах и отделении просвещения указывались фамилии министра внутренних дел (Т. Мостовский), юстиции (Т. Вавжецкий) и главы отделения просвещения (Ю. Шанявский). В разделе «О судебной части» разъяснялись общие правила, порядок и форма подачи жалоб и прошений.

26 августа (7 сентября) 1815 г. Временный правительствующий совет направил рапорт Александру I, в котором отчитывался о своей деятельности: прежде всего необходимо было определить порядок «о постепенном введении правления конституционного, сообразно правилам, в указе Вашего императорского величества начертанном»³¹³. Правительствующий совет опубликовал обращение к польскому народу, извещавшее о «высокомонарших милостях» и о предоставлении императором совету полномочий на управление этим краем³¹⁴. Совет стремился принять меры для стабилизации положения в стране. В этих целях он распорядился, чтобы «впредь до особых постановлений все прежние учреждения оставались в своей силе и все чиновники при настоящих своих должностях». Одновременно «административные чиновники» должны были «привести к присяге все подчиненные им власти и жителей». Самой актуальной проблемой, вставшей перед новыми властями, оказалось «обеспечение продовольствием войск и сохранение внутреннего порядка», что являлось непростым делом в условиях разоренной долгими военными действиями страны. Необходимо было тщательно разобраться в сложившемся положении. Правительствующий совет распорядился подготовить «подробные сведения об отошедших и оставшихся провинциях, их пространстве, народонаселении, государственных доходах и расходах», обременяющих край долгами, прежних и прибавившихся по последним трактатам. Отмечая «крайний недостаток финансов», совет решил «уменьшить штатные расходы», в связи с чем «система бережливости принята за общее правило». Сообщалось о проведенном сокращении штатов по министерствам. Присоединение к отделению народного просвещения цензуры также давало экономию финансов. Подробнее о сэкономленных средствах должен был сообщить императору Н. Н. Новосильцев. Правительствующий совет принимал меры к тому, чтобы не было резких изменений в политической и общественной жизни Королевства Польского при переходе к новому политическому управлению. В этих целях был создан «особый комитет, коему поручено составить проект о постепенном введении в действие правил конституции так, чтобы настоящий временный заменялся неприметным образом постоянным порядком»³¹⁵.

Политика России в отношении Польши определялась целым комплексом факторов как субъективного, так и объективного характера. Среди

первых определяющую роль играла личная позиция российского императора Александра I по польскому вопросу, а среди вторых — международная ситуация, складывавшаяся на европейской арене. Усилия России были направлены на укрепление собственной безопасности, а также внешнеполитического влияния, и в этой связи Польше отводилось существенное место. Вопрос о восстановлении польского государства был одним из центральных во внешней политике России, прежде всего в ее отношениях с Францией. На этапе до перелома в войне 1812 г. Франция в своих внешнеполитических действиях опережала, «переигрывала» Россию, ей удалось привлечь поляков на свою сторону. Однако после побед русской армии положение кардинальным образом изменилось. Роль России на международной арене существенно возросла, и на Венском конгрессе ее позиция оказывала принципиальное влияние на решение тех или иных вопросов. Естественно, каждая из стран, участвовавших в конгрессе, руководствовалась своими собственными целями, действовала прежде всего в собственных интересах, но в то же время все стремились продемонстрировать, что руководствуются высокими гуманными целями, стремлением создать справедливое устройство Европы, которое бы обеспечивало безопасность каждой страны и гарантировало прочный мир. Решение всех территориальных вопросов было связано и обусловлено внешнеполитическими расчетами держав на расстановку сил в будущем, каждая из них стремилась добиться сохранения или получения наиболее сильных и выгодных позиций именно для себя, провозглашая принципы легитимизма, справедливости и т. п. На конгрессе вопрос о судьбе Польши стал одним из центральных. Решениями Венского конгресса были определены новые границы польских территорий, которые в основном без изменений просуществовали более ста лет, до возрождения польского государства в 1918 г. Благодаря твердой позиции российского императора, решительно отстаивавшего внешнеполитические интересы России, на Венском конгрессе восторжествовала его точка зрения, и польское государство с конституционным устройством, на тот момент еще только провозглашенным, было восстановлено под названием Королевство Польское («Царство Польское») и на правах автономии вошло в состав Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Корнилов И. П.* Князь Адам Чарторыйский. М., 1896. С. 104.
- 2 В 1792 г. австрийский император Франц I стал именоваться Францем II в качестве императора Священной Римской империи германской нации, в 1805 г. он оставил за собой только титул «наследственный император Австрии». После Пресбургского мира, заключенного в декабре 1805 г. между Австрией и Францией, Священная Римская империя перестала существовать.
- 3 А. Е. Чарторыйский был в Англии, когда началось восстание Тадеуша Костюшко. Он попытался вернуться и принять в нем участие, но был остановлен в Брюсселе. Уже после подавления восстания, приехав к родителям, находив-

- шимся в Вене, узнал, что они приготовили ему «исключительно неприятную миссию» (*Zawadzki W.H. A Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795–1831. Oxford, 1993. P. 31*).
- 4 [Чарторьский А.] Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I (далее Мемуары Чарторьского). Т. I. М., 1912. С. 39.
- 5 В своих воспоминаниях Чарторьский отмечал: «Мне очень жаль, что я не записал точно число этого дня» (там же. С. 83).
- 6 Там же. С. 287.
- 7 Там же. С. 311.
- 8 Там же. С. 322.
- 9 Там же. С. 353.
- 10 Там же. С. 355.
- 11 Мемуары Чарторьского. Т. II. М., 1913. С. 59.
- 12 Там же. С. 85, 79.
- 13 Точной даты записки в публикации не указано, обозначен только год ее написания.
- 14 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 167.
- 15 Название документа, приводимое в «Мемуарах», — «Записка по вопросу необходимости восстановления независимости Польши, чтобы предупредить в этом Бонапарта», датирована 5 декабря 1806 г. (Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 138).
- 16 Там же. С. 138, 139, 143.
- 17 Там же. С. 143, 144, 145.
- 18 [Романов]. Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. I. СПб., 1905. С. LVII.
- 19 Там же. С. LXVI.
- 20 Там же. С. LXVII.
- 21 В примечании к опубликованному документу отмечено, что «в архивах такие проекты не обнаружены». См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. (далее ВПР). Т. V. М., 1967. С. 656.
- 22 Там же. С. 63.
- 23 Там же. С. 76–77.
- 24 Там же. С. 85, 86.
- 25 Там же. С. 86.
- 26 Там же. С. 224, 225.
- 27 [Романов]. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. LXXIX.
- 28 Цит. по: Соловьев С. М. Венский конгресс // Русский вестник. М., 1865. № 2. С. 399–400.
- 29 [Романов]. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. XCII–XCIII.
- 30 Щеголев С. И. Польша в системе наполеоновской Европы. Создание Герцогства Варшавского // Великая Французская революция, империя Наполеона и Россия. СПб., 2006. С. 199.
- 31 Цит. по: Попов А. Н. Вопрос польский. 1806–1809 // Русская старина. СПб., 1893. № 5. С. 346; полностью документ опубликован в серии: ВПР. Т. V. С. 680.

- 32 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 194, 196. А.Н.Попов объяснял изменение позиции Александра I по польскому вопросу тем, что «опыт девятилетнего царствования» доказал ему невозможность реализации этой «воздушной», романтической мечты. Для этого было «недостаточно ни его желания, ни средств империи к осуществлению этой мысли без согласия Пруссии и Австрии и без содействия Наполеона, и особенно — без сочувствия самих поляков» (*Попов А. Н.* Указ. соч. С. 348).
- 33 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 197.
- 34 Там же. Т. II. С. 203.
- 35 ВПР. Т. V. С. 263–264, 265.
- 36 *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 354.
- 37 ВПР. Т. V. С. 263, 264.
- 38 Цит. по: *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 357.
- 39 Там же. С. 358.
- 40 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 193, 193, 204.
- 41 *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 349.
- 42 *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1905. Т. XIV. С. 430–433; ВПР. Т. V. С. 430–433.
- 43 [*Романов*]. *Великий князь Николай Михайлович.* Указ. соч. С. СХII.
- 44 *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 362.
- 45 Там же. С. 363.
- 46 Там же. С. 366.
- 47 ВПР. Т. V. С. 392; *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 120, 121.
- 48 *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 367.
- 49 Там же. С. 371.
- 50 ВПР. Т. V. С. 695.
- 51 *Zawadzki W. H.* Op. cit. P. 200.
- 52 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 210.
- 53 Там же. С. 214.
- 54 Там же. С. 231.
- 55 Там же. С. 236, 239, 240.
- 56 Там же. С. 240.
- 57 Там же. С. 240, 241.
- 58 Там же. С. 246.
- 59 Там же. С. 251, 252.
- 60 Там же. С. 251.
- 61 Там же. С. 210, 256, 260.
- 62 Там же. С. 256, 257, 259.
- 63 *Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje ks. Adama Czartoryskiego. Warszawa, 1973. S. 324–325.
- 64 *Подвысоцкий А.* Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. М., 1874, № 3 (далее *Огинский*). Стлб. 641, 642.
- 65 *Огинский*. Стлб. 641.
- 66 *Огинский*. Стлб. 641, 643, 645.
- 67 Ее текст опубликован в «Русском архиве» (1874, № 3. Стлб. 647–661).

- 68 Текст указа см.: Русский архив. 1874, № 3. Стлб. 664–665.
- 69 *Огиньский*. Стлб. 651, 653, 654, 655, 656, 659.
- 70 Там же. Стлб. 662.
- 71 Там же. Стлб. 665, 666.
- 72 Там же. Стлб. 677, 678.
- 73 Там же. Стлб. 682, 683.
- 74 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 260, 261.
- 75 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I отделения собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1877. Вып. 2. С. 216.
- 76 *Федосова Е. И.* Указ. соч. С. 189, 190.
- 77 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 260.
- 78 *Ж. де Местр*. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 124. Письмо от 17 (29) сентября 1809 г. В июне 1811 г. секретарю комиссии составления законов барону Г. А. Розенкампу по указанию императора было поручено написать проект конституции для России, который должен был представлять собой «обработку уже существующих начал государственного строя». Набросок Розенкампа был представлен Н. Н. Новосильцеву и А. Чарторьскому, которые внесли элементы «истинно конституционные», «но работа их осталась историкам неизвестной» (см.: *Тельберг Т. Г.* Либеральные течения в России в I четверти XIX в. // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. III. СПб., 1913. С. 605).
- 79 «Список полякам, как здесь (в Санкт-Петербурге), так и по другим местам содержащимся и в ссылку разосланным, с показаниями их вин, представленный коллежским советником Александром Макаровым в 1795 году декабря 9 дня» — ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 490. Л. 46–55 об.
- 80 ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 490. Л. 57, 62.
- 81 Там же. Д. 149. Л. 12 («Дело о наблюдении за помещиками присоединенных от Польши губерний», его крайние даты: 21 марта 1812 г. — 7 июня 1812 г.).
- 82 Там же. Д. 149. Л. 13.
- 83 Там же.
- 84 Там же. Л. 14, 14–15.
- 85 Там же. Л. 24, 25 об.
- 86 Отечественная война 1812 года. Отделение 1 (далее Отечественная война). Т. 1–21. СПб., 1900–1914; Т. 7. СПб., 1907. С. 146, 147.
- 87 ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 149. Л. 31.
- 88 См.: *Макарова Г. В.* Действия родственников и друзей оказавшихся в России участников движения Тадеуша Костюшко, направленные на облегчение их участи (по новым архивным материалам) // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- 89 Любопытное свидетельство содержится в написанном позднее, в 1818 г., неофициальном документе, озаглавленном «Письмо Опытова к графине Старожиловой о восстании в Волынской губернии в 1815–1816 гг.» (ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 21). Об Опытове из текста документа известно только, что он был надворным советником и посетил Волынь проездом в Вену. По поручению графини он останавливался в различных городах, чтобы узнать подробности событий, происходивших здесь в 1815 и 1816 гг. — «Волынской революции», при которой пострадали и ее родственники. Этот документ был опублико-

ван в журнале «Киевская старина», 1883, № 1, 2, 4. Неясно, какую должность занимал Опытов (возможно, что это псевдоним), однако он был весьма хорошо осведомлен о деятельности Смоленской следственной комиссии и вообще высших государственных учреждений. Он писал: «По актам Смоленской следственной комиссии видно, сколько там сидело в тюремных заклепах волюнчан-клятвпреступников, а из дел по Министерству финансов, по Министерству полиции и по Министерству иностранному удостовериться можно, сколько у волюнских помещиков конфисковано имений и каким образом вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799 и также 1806, 1807, 1809 и 1812 годов. И сколько детей своих и других молодых людей выслано здешними помещиками за границу единственно для поднятия оружия противу россиян [...]. Меня уверяли, что нет почти ни одной богатой и знатной фамилии на Воляни, которая не оплакивала и не носила траура о погибших в сражениях противу России детях, братьях и родственниках» (л. 2 об.).

- 90 Этот документ находится в «Деле о разрешении польским шляхтичам, высланным из Волюнской губернии во внутренние губернии России за связь с неприятельскими государствами, возвратиться на родину», его крайние даты: 14 февраля 1813 г. — 23 сентября 1813 г.
- 91 Отечественная война. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1900. С. 32, 33.
- 92 Там же. С. 82, 102.
- 93 Там же. С. 242.
- 94 Там же.
- 95 Там же. С. 157.
- 96 Там же. С. 261, 262.
- 97 Там же. С. 262.
- 98 Там же. С. 101.
- 99 Там же (донесение Шица от 13 октября 1810 г.).
- 100 Там же. Т. 5. СПб., 1904. С. 15.
- 101 Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 316, 317.
- 102 Там же. Т. 5. С. 74, 75, 76.
- 103 Там же. Т. 6. СПб., 1905. С. 1.
- 104 Там же. С. 227, 228.
- 105 Там же. С. 296, 297.
- 106 Дата его в публикации не указана, но помечено, что «читан в январе 1811, оставлен без действия» (Отечественная война. Т. 7. С. 187).
- 107 Там же.
- 108 Отечественная война. Т. 8. СПб., 1907. С. 169.
- 109 Отечественная война. Т. 9. СПб., 1908. С. 126.
- 110 Там же. С. 164–165.
- 111 Там же. С. 171–174, 175.
- 112 Там же. Т. 10. СПб., 1908. С. 30.
- 113 Там же. С. 135.
- 114 *Ж. де Местр*. Указ. соч. С. 207.
- 115 Отечественная война. Т. 11. СПб., 1909. С. 82, 83. Почти в то же самое время, 11 апреля, В. С. Ланской сообщал военному министру о слухах, что Наполеон «теперешнего короля римского, сына своего, делает королем польским» (Там же. С. 153).

- 116 Там же. С. 86.
- 117 Там же. С. 90, 91.
- 118 Там же. Т. 12. СПб., 1909. С. 47.
- 119 Там же. Т. 11. С. 253.
- 120 Там же. С. 304.
- 121 Там же. С. 317.
- 122 Там же. С. 324, 325, 328, 329, 331.
- 123 Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, урожденной графини Тизенгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 1912 (далее *Шуазель*). С. 4 (вступительная статья А. А. Кизеветтера).
- 124 *Шуазель*. С. 68.
- 125 Отечественная война. Т. 13. СПб., 1910. С. 6.
- 126 Там же. С. 7.
- 127 Там же. С. 12.
- 128 Там же. С. 40.
- 129 *Федосова Е. И.* Указ. соч. С. 143.
- 130 Там же. С. 145.
- 131 Отечественная война. Т. 13. С. 32.
- 132 *Dyariusz Sejnowy*. № 1. Warszawa, 1812. S. 35, 45, 48.
- 133 *Ibid.* S. 36.
- 134 История Польши. Т. I. М., 1956. С. 489–490.
- 135 В публикации указана дата 4 (22) июля, вероятно, должно быть: 4 (16) июля (Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 266).
- 136 Там же. С. 266, 267, 271.
- 137 *Шуазель*. С. 70–71.
- 138 *Огиньский*. С. 683.
- 139 *Шуазель*. С. 73.
- 140 Там же. С. 75.
- 141 *Historia dyplomacji polskiej*. Т. III. 1795–1918. Warszawa, 1982. S. 109; Отечественная война. Т. 14. СПб., 1910. С. 93.
- 142 Отечественная война. Т. 14. С. 93–94.
- 143 *Шуазель*. С. 92.
- 144 Отечественная война. Т. 13. С. 266. Текст прокламации был прислан военному министру Барклаю де Толли, в это время ставшему также главнокомандующим 1-й Западной армией, волынским губернатором М. И. Комбурлеем, а ему она была доставлена от владимирского земского исправника, который «достал оную на границах Варшавского Герцогства». На документе помета «Получено 1 июля».
- 145 Там же. С. 149–150.
- 146 Там же. С. 150.
- 147 Там же. С. 237.
- 148 Там же. С. 415–417. Дата обозначена только месяцем — июнь.
- 149 Там же. С. 234.
- 150 Там же. С. 315, 316.
- 151 Там же. С. 343, 344.
- 152 Отечественная война. Т. 14. С. 59.

- 153 Там же.
- 154 Там же. С. 93.
- 155 Отечественная война. Т. 16. СПб., 1911. С. 73, 74 (Кочубей — Гурьеву, 15 августа 1812 г.).
- 156 Когда был назначен главнокомандующим русской армией Кутузов, герцог Бассано сказал графине Тизенгауз: «Надо надеяться, что мы вскоре заключим мир, ибо г. Кутузов имеет талант проигрывать битвы» (*Шуазель*. С. 92).
- 157 По свидетельству М. Огиньского, в его беседе с Александром I затрагивался вопрос о возможности переговоров с французами относительно заключения мира. Император был уверен, что «Кутузов не даст себя увлечь дружественными уверениями Наполеона», заявив при этом: «Я не хочу, чтобы была даже речь о каком бы то ни было соглашении». К этому фрагменту издатель «Русского архива» П. А. Бартенев сделал примечание, касающееся польского вопроса: «Есть неизданное известие о том, что Наполеон в числе условий мира предлагал Александру всю Польшу и конечно рассчитывал этим подкупить Александра, но Кутузов имел спасительную дерзость опустить это обстоятельство в своем донесении государю» (*Огиньский*. Стлб. 684).
- 158 *Огиньский*. Стлб. 685.
- 159 В октябре 1812 г. командующий 3-й Западной армией П. В. Чичагов обратился к польскому населению, в котором, сообщая о разгроме войск Наполеона, призывал отнестись к Александру I с полным доверием. См.: *Военский К. А.* Акты, документы и материалы для истории 1812 года. Т. I. Литва и Западные губернии. СПб., 1909. С. 515–517.
- 160 *Огиньский*. Стлб. 688, 690.
- 161 Там же. Стлб. 693, 694.
- 162 Там же. Стлб. 698.
- 163 ВПР. Т. VI. С. 592, 593.
- 164 *Огиньский*. Стлб. 700, 701.
- 165 Там же. Стлб. 701.
- 166 Отечественная война. Т. 21. СПб., 1914. С. 185.
- 167 *Шуазель*. С. 93, 94.
- 168 Там же. С. 97.
- 169 Отечественная война. Т. 15. СПб., 1911. С. 160.
- 170 *Шуазель*. С. 102.
- 171 Там же. С. 104, 105, 106, 110.
- 172 Там же. С. 130.
- 173 Там же. С. 133.
- 174 Отечественная война. Т. 17. СПб., 1911. С. 230.
- 175 [*Радожицкий И. Т.*] Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии полковника И. Т. Р[адожицкого]. Ч. 1, 2. СПб., 1842. С. 292. Радожицкий служил в корпусе Милорадовича. Это записки непосредственного участника событий, в том числе и происходивших на территории Польши. Отрывки из них публиковались в журналах «Отечественные записки» (1823, 1824, 1826 гг.) и «Московский телеграф» (1831 г.). По-видимому, автор вел походный дневник, поскольку он приводит точные даты и описывает различного рода бытовые детали. В предисловии к своим запискам, в частности, он отмечал, что сразу после Отечественной войны было написано немало воспоминаний,

подчеркивая момент субъективности: «Каждый из нас смотрел на происшедшие своими глазами, и мог заметить то, что другой упустил из вида [...]. По мере отдаления времени возвышается цена минувшему [...]. Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объясняют характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность всякого народа?» (ч. I. С. 5).

176 Там же. Ч. 2. С. 9.

177 Там же. С. 11, 16, 17, 19.

178 Там же. Ч. 1. С. 290, 291.

179 ВПР. Т. VI. М., 1962. С. 783, 786.

180 Там же. Т. VII. М., 1970. С. 708.

181 Там же.

182 *Askenazy Sz.* Na rozdrożu // Biblioteka Warszawska. 1911. Т. I. Zesz. 2. S. 210.

183 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 91, 92.

184 ВПР. Т. VII. С. 699–700.

185 Там же. С. 700.

186 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 275.

187 Там же. С. 277.

188 Великого князя Михаила Павловича А. Чарторьский предлагал еще в письме императору от 9 (21) октября 1812 г. (Русский архив. 1871. № 4, 5. Стлб. 587).

189 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 278.

190 *Askenazy Sz.* Op. cit. S. 218.

191 Как стало известно Чарторьскому, курьер, везший его письмо с прилагавшимися проектами варшавских министров, был задержан австрийскими властями в Бродах. Письма, несомненно, были вскрыты, а снятые с них копии отправлены в Вену. Чарторьский в целях личной безопасности немедленно пересек австрийскую границу. «Мостовский, правительство и совет Конфедерации полностью скомпрометированы», — писал он Александру I. Венский кабинет, полагал он, доведет соответствующую информацию до Наполеона и тем самым «принесет в жертву всех этих господ, которые в таком случае рискуют свободой и жизнью». Обеспокоенный своей судьбой, Чарторьский просит Александра I дать понять Вене, что «Вы приказали мне приехать незамедлительно. Для меня это тем более важно, что не только мой отец держится австрийцев и мог бы иметь из-за меня неприятности, но и сам я владею землями в Галиции». Чарторьский советовал ему написать письмо австрийскому императору и выразить возмущение перехватом переписки как неуважением, проявленным его чиновниками, к соблюдению норм взаимной вежливости между монархами. Кроме того, он должен заявить о своей твердой уверенности, что в результате этого инцидента никто не окажется скомпрометированным (ВПР. Т. VII. С. 702).

192 Текст записки приводится у С. М. Соловьева. Кто был ее автором, он не указывает (*Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 403–405).

193 Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 404–405.

194 ВПР. Т. VII. С. 28.

195 Там же. С. 704.

196 Мемуары Чарторьского. Т. II. С. 282.

- 197 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗРИ). Т. XXXII. СПб., 1830. С. 486–487.
- 198 Собрание высочайших манифестов... С. 101–102.
- 199 ПСЗРИ. Т. XXXII. С. 481–482.
- 200 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 29; Сб. Императорского Русского исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 128. СПб., 1909. С. 467.
- 201 ВПР. Т. VII. С. 32.
- 202 В Кракове несчетной чередой шли балы, обеды, кавалькады и т. д. — три месяца, по словам графа Юзефа Красиньского, продолжался «удивительный краковский карнавал» (*Askenazy Sz.* Op. cit. S. 422).
- 203 *Ibid.* S. 439.
- 204 Отмечая двойственность поведения Матушевича, Ш. Аскенази писал, что в 1810–1811 гг. он был на стороне русского царя, в 1812 г. — на стороне Наполеона. Выступая на сейме, когда создавалась конфедерация, Матушевич провозглашал антирусские лозунги, заявляя, что Наполеон — единственный, кто может воссоздать Польшу. Но при этом он оставлял для себя открытой и тайную «форточку» для возвращения в пророссийский лагерь (*Askenazy Sz.* Op. cit. S. 442).
- 205 ВПР. Т. VII. С. 101.
- 206 Чарторыйский приводил примерный текст газетного сообщения: «Распространившиеся известия о брожении умов, происходящем якобы в Герцогстве Варшавском и польских провинциях России, не подтверждаются. Мы с удовлетворением узнали, что опасения относительно спокойствия этих областей оказались необоснованными и что польская нация, занимающая столь видное место в славянской семье, начинает понимать необходимость союза с Россией, обусловленного действительными интересами Польши» (Там же. С. 103).
- 207 Там же. С. 63, 67, 68.
- 208 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 111.
- 209 ВПР. Т. VII. С. 338, 339, 340.
- 210 Там же. С. 105.
- 211 Там же. С. 110.
- 212 Там же. С. 124, 125.
- 213 Там же. С. 151.
- 214 Там же. С. 169.
- 215 Там же. С. 121.
- 216 Там же. С. 153.
- 217 Там же. С. 131.
- 218 Там же. С. 724.
- 219 Там же. С. 141.
- 220 Мемуары Чарторыйского. Т. II. С. 285, 286, 287.
- 221 Там же. С. 288.
- 222 Там же. С. 286.
- 223 Там же. С. 290–292.
- 224 Там же. С. 294, 296, 298.
- 225 ВПР. Т. VII. С. 185.
- 226 Там же. С. 726.

- 227 Там же. С. 719.
228 Там же. С. 196.
229 Там же. С. 202.
230 Там же. С. 248.
231 Там же. С. 733.
232 Там же. С. 258.
233 Там же. С. 262, 263.
234 О Пражском конгрессе см.: *Богданович М. И.* История войны 1813 г. за освобождение Германии. Т. I. С. 411–420, 423–433.
235 ВПР. Т. VII. С. 369.
236 Там же. С. 481. Кто был автором резолюции, неизвестно.
237 Там же. С. 618.
238 Там же. С. 620, 621.
239 Там же. С. 678.
240 *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. XIV. С. 205–211.
241 ВПР. Т. VIII. М., 1972. С. 625.
242 Там же. С. 88. В публикации она датирована: «не позднее 31 июля (12 августа) 1814 г.».
243 Там же. С. 643.
244 Там же. С. 110.
245 Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815–1881). СПб., 1907. С. 7–13.
246 ВПР. Т. VIII. С. 102.
247 Там же. С. 128.
248 Там же. С. 629, 244.
249 *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 405, 406.
250 ВПР. Т. VIII. С. 105, 106, 107.
251 Там же. С. 107.
252 Там же.
253 Там же. С. 112–113.
254 Там же. С. 118.
255 Там же. С. 108.
256 Там же. С. 111.
257 Там же. С. 644.
258 Там же.
259 Там же. С. 122; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 424, 425.
260 ВПР. Т. VIII. С. 116, 117.
261 Там же. С. 114.
262 *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 430, 431.
263 Там же. С. 413.
264 По мнению французского историка, «Франция, провозглашая принцип „легитимизма“, являлась в Вене единственной защитницей в известной мере идеи справедливости». Другие державы опирались только на грубое «право силы» (*Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса. Ростов-на-Дону, 1995. С. 39).
265 *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 416.
266 Там же. С. 416, 417.

- 267 Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 418.
- 268 *Дебидур А.* Указ. соч. С. 420, 421.
- 269 *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 432.
- 270 Там же. С. 432, 433, 434.
- 271 ВПР. Т. VIII. С. 644.
- 272 Там же. С. 124–128.
- 273 Там же. С. 133.
- 274 Там же. С. 631.
- 275 Там же. С. 644.
- 276 Там же. С. 633.
- 277 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 296–297.
- 278 *Дебидур А.* Указ. соч. С. 46.
- 279 Рескрипт имел дату 15 (27) декабря 1814 г., но был отослан только 22 февраля (6 марта) 1815 г., так как ко времени его первоначальной отправки наметился компромисс с Англией относительно Польши и Саксонии. (ВПР. Т. VIII. С. 631).
- 280 Там же. С. 145, 146, 147.
- 281 Там же. С. 154.
- 282 Сб. РИО. Т. 121. СПб., 1906. С. 284–289.
- 283 ВПР. Т. VIII. С. 645.
- 284 Там же.
- 285 Там же.
- 286 ВПР. Т. VIII. С. 636. В издании она датирована приблизительно: «между 28 декабря 1814 г. (9 января 1815 г.) и 30 декабря 1814 г. (11 января 1815 г.)».
- 287 Там же. С. 645.
- 288 Там же. С. 636.
- 289 Там же. С. 635, 640.
- 290 Там же. С. 200.
- 291 Там же. С. 635.
- 292 Там же. С. 635.
- 293 Там же. С. 193.
- 294 Там же. С. 217.
- 295 Меттерних рассказывал, что «7 марта он лег спать около трех часов утра, минуту спустя лакей принес ему запечатанный конверт. Он чувствовал себя настолько усталым, что некоторое время медлил его распечатать. Однако мысль, что в депеше может быть что-нибудь важное, не давала ему уснуть. Он сломал печать и прочел: австрийский консул в Генуе извещал его, что Наполеон только что покинул остров Эльбу» (*Дебидур А.* Указ. соч. С. 54).
- 296 ВПР. Т. VIII. С. 244.
- 297 Там же. С. 263.
- 298 Там же. С. 294.
- 299 Там же. С. 294.
- 300 Там же. С. 322.
- 301 Там же.
- 302 Там же. С. 326–327.
- 303 ПСЗРИ. Т. XXXIII. СПб., 1830. С. 117–118.

- 304 ВПР. Т. VIII. С. 344. Список в издание не включен.
- 305 Там же.
- 306 В ВПР помещена аннотация-регеста письма Т. Костюшко: *Zahorski W.* Listy nieznanie T. Kościuszki (1814–1817). Wilno, 1911. S. 16–17.
- 307 *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 322; *Handelsman M.* Konstytucje polskie. 1791–1921. Warszawa, 1922. S. XIV. Текст «Основ конституции» приводится Хандельсманом на с. 40–47.
- 308 Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне 1822 г., изданные Министерством иностранных дел. Ч. 1. Т. I. СПб., 1823. С. 157–255. Акт Венского конгресса, подписанный 28 мая (9 июня) 1815 г. Текст опубликован параллельно на русском и французском языках.
- 309 Там же. С. 175, 177, 178.
- 310 ПСЗРИ. Т. XXXIII. С. 195.
- 311 ВПР. Т. VIII. С. 376.
- 312 Там же. С. 690.
- 313 Там же. С. 490; в примечании отмечено, что упоминающийся в тексте документа указ в архиве не обнаружен.
- 314 Там же. С. 690.
- 315 Там же. С. 491.

ГЛАВА 2. Социальный строй Королевства Польского

1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Территория воссозданного по решению Венского конгресса в 1815 г. Королевства Польского включала в себя историческое ядро польских земель, центром которого была Мазовия. В состав Королевства входили земли Северной Мазовии с Плоцком, а также области исторической Великой Польши с центром в Калише. К территории Королевства принадлежали и малопольские области — земли Люблинская, Сандомирская и Подляская, а также часть прежнего Краковского департамента, но без Кракова. Формально независимая Краковская республика с городом Краковом и с его ближайшей округой по постановлению конгресса была передана под опеку трех держав: Австрии, Пруссии и России, однако фактически находилась под протекторатом монархии Габсбургов. Австрии была передана часть прежней Западной Галиции с Величкой, в которой находились имевшие исключительное хозяйственное значение соляные копи. От бывшего Княжества Варшавского были отделены Познанский и Быдгошский департаменты, которые вместе с частью Калишского департамента были переданы Пруссии. В 1817, 1819 и 1823 гг. была проведена делимитация польско-прусской границы, в результате которой территория Королевства вновь подверглась сокращению¹.

В целом территория Королевства Польского, называемого в Польше также Королевством Конгрессовым, составляла относительно небольшую часть прежней Речи Посполитой и занимала площадь 128,5 тысяч кв. км, что составляло по принятым тогда в Польше правилам измерения территории 2 270,71 географических миль или 741,79 тыс. влок. Население Королевства насчитывало примерно 3,5 млн. чел. Крупнейшими его городами, по данным 1827 г., были Варшава (131 тыс. жителей), Люблин (13 тыс.), Ка-

лиш (12 тыс.), Плоцк (9 тыс.), Ченстохова (6 тыс.)². В административном отношении Королевство делилось на 8 воеводств: Мазовецкое, Краковское, Калишское, Люблинское (с центром в городе Люблин), Сандомирское (с городами Сандомир и Радом), Плоцкое, Августовское (с городами Августов и Ломжа), Подляское (с центром в Седльце). Воеводства делились на обводы (округа), обводы — на повяты (уезды). Всего их было соответственно 39 и 77, по 2 повята в обводе. Особой территориальной единицей была гмина (община). В гмины объединялось городское и сельское население.

Основу экономики Королевства Польского составляло сельское хозяйство, по уровню развития и формам организации которого Королевство не отличалось от других стран Центральной и Восточной Европы, в первую очередь от своих соседей Пруссии, Австрии и России. В Приложении (таблица I) приведены данные о территориальном размещении и структуре аграрного производства в Королевстве Польском в 1819 и 1826 гг. Указанные хронологические рамки обусловлены тем, что к 1819 г. сложилась система административных учреждений, был налажен фискальный и статистический учет, были окончательно определены территории и границы воеводств и обводов, а также тем, что за этот период исследователи располагают наиболее полными и подробными статистическими данными.

Аграрная колонизация на польских землях, входивших в состав Королевства Польского, завершилась несколько веков назад, поэтому к началу XIX в. фонд введенных в аграрный оборот земель был уже давно сформирован. Его размеры и соответственно площади сельскохозяйственных угодий измерялись во влоках (1 новопольская влока равнялась 17,35 га). Практическое отсутствие пригодных для освоения новых земель ограничивало возможности для экстенсивного развития земледелия в Королевстве, которые были крайне невелики. Основными видами аграрного производства, как и веками ранее, было пашенное земледелие с трехпольным севооборотом и домашнее скотоводство. Поэтому главными видами угодий прямого сельскохозяйственного назначения были пашня и луга. К ним добавлялись леса и неудобья. К последним относились площади водных поверхностей, болот и других территорий, непригодных для сельскохозяйственного использования. В географических и статистических описаниях Королевства 1826 г. отмечаются и такие категории земель, как земли, отведенные для дорог и под застройку, а также земли, используемые для огородничества. Уже сами эти изменения в учете и описании земельного фонда свидетельствовали о новых тенденциях в аграрном развитии страны.

В среднем за 1819–1826 гг. в Королевстве в целом размеры пашни и лугов практически не изменились и составили примерно 40% земель сельскохозяйственного назначения. Прирост за семь лет здесь едва превышал 2%. Это свидетельствовало, с одной стороны, что сельское хозяйство страны к 1819 г. было уже восстановлено после десятилетия наполеоновских войн, а с другой — что резервы для его развития вширь были практически исчерпаны. Тем не менее, внутренняя сельскохозяйственная колонизация страны продолжалась, хотя и в относительно небольших размерах. Резервами для нее служили леса и неудобья. За указанный период площади лесов и неудобь-

бий сократились соответственно на 2,3% и на 7,3%, причем это сокращение наблюдалось повсеместно. В наибольшей степени леса сводились в Мазовецком и Плоцком воеводствах, в наименьшей — в Августовском, Сандомирском и Краковском. В отношении Краковского воеводства это можно объяснить малым количеством лесных площадей, которые составляли здесь около 19% сельскохозяйственных угодий, что было в полтора раза ниже среднего уровня по стране. В остальных же случаях показатели существенно от средних величин не отличались и, следовательно, объяснялись только характером хозяйственной деятельности населения. Сокращение доли неудобий по воеводствам составило от 14,8% до 2,6%. В результате доля угодий прямого сельскохозяйственного назначения (пашня и луга) в среднем по стране достигла 39,6%. По воеводствам можно выделить две группы, где она соответственно составляла более и менее 40% (см. таблицу № 1).

Таблица № 1.
Доля угодий прямого сельскохозяйственного назначения
1819–1826 гг. (по воеводствам в %%)

Воеводства	1819 г.	1826 г.
Мазовецкое	54,9	55,6
Калишское	47,4	49,9
Плоцкое	44,2	46,4
Люблинское	42,9	38,2
Августовское	36,0	36,0
Сандомирское	30,3	31,8
Краковское	29,5	31,4
Подляское	21,9	25,8
В среднем по стране	39,6	40,5

Для анализа хозяйственной деятельности населения определенное значение имеет соотношение пашни и лугов в структуре угодий.

Прирост площадей пашни и лугов свидетельствовал, что внутренняя колонизация на территории Королевства наиболее активно протекала в воеводствах с относительно невысоким исходным уровнем аграрного развития (Подляском, Краковском, Сандомирском). Исключение здесь составляет Калишское воеводство, которое, занимая второе место по доле сельскохозяйственных угодий прямого назначения, продемонстрировало существенный прирост площадей под пашней. Прирост площадей лугов показали те воеводства, в которых их размер был относительно невелик. В 1826 г. площадь лугов в Подляском, Краковском и Сандомирском воеводствах (10 079 влок) составляла только 22,1% от общей площади лугов в Королевстве (45 665 влок). Тем не менее прирост лугов был отмечен повсе-

Таблица № 2.
Прирост пашни и лугов в 1819–1826 гг.
(по воеводствам в %%)

Воеводства	Прирост пашни в %	Воеводства	Прирост лугов в %
Подляское	17,9	Подляское	18,9
Калишское	6,3	Краковское	16,4
Плоцкое	5,7	Сандомирское	12,4
Краковское	5,3		
Сандомирское	3,4		
Мазовецкое	2,0	Августовское	0,09
Августовское	0,07	Люблинское	0,08
Люблинское	– 13,0	Калишское	0,07
		Мазовецкое	– 1,7
В среднем по стране	2,2	В среднем по стране	2,6

местно, за исключением Мазовецкого воеводства. Причем как в среднем по стране, так и в отдельных воеводствах, за исключением Мазовецкого, Калишского и Плоцкого, он опережал прирост площадей под пашней (см. таблицу № 2). Последнее обстоятельство отражало весьма существенные тенденции в развитии сельского хозяйства. Одной из них было возрастание удельного веса животноводства (молочного и мясного скотоводства, а также коневодства и овцеводства). Правда, продуктивность животноводства и его удельный вес в экономике сельского хозяйства оставались весьма низкими. Об этом косвенно свидетельствует одно из правительственных распоряжений 1814 г., в котором предписывалось унавоживать поля не реже, чем с периодичностью в 9 лет³.

Другой тенденцией в сельском хозяйстве Королевства Польского, наряду с возрастанием роли животноводства, стало углубление региональной специализации производства. В целом в аграрном производстве наблюдались относительный рост товарности и укрепление экономических связей деревни с городом. Это подтверждается статистическими и географическими описаниями страны в 1826 г., в которых выделены новые виды землепользования: земли, предназначенные для садоводства и огородничества, и земли, занятые под дороги и застройку. В 1819 г. такого рода земли статистически не учитывались. Теперь же под «огородами» и застройкой соответственно находилось 3,6% и 5,2% земельного фонда.

Статистический учет застроенных земель свидетельствовал о тенденции к дальнейшему уменьшению фонда свободных земель и к возрастанию земельной ренты, а также о развитии дорожной сети и возрастании ее значения в народном хозяйстве. Выделение «огородничества» как осо-

бой формы сельскохозяйственного производства впервые зафиксировано еще в статистике Княжества Варшавского, где присутствовала соответствующая категория крестьянства («огородники»). Однако учет земли под «огородами» приходится уже на период Королевства Польского. В исходном значении термином «огруд» (ogród) обозначался участок земли, обрабатываемый вручную без применения тяглой силы скота. Такое владение, как правило, огораживалось, откуда и происходит его название. Это мог быть, например, приусадебный участок, сад или огород, а также парк в городе или возле шляхетского дома в деревне. Однако введение в практику статистического учета земли под «огородами» свидетельствовало о возрастании, прежде всего, их хозяйственного значения и доли их в общем объеме сельскохозяйственного производства. Статистика учитывала «огородничество» как особую форму производства и статью государственных доходов, что означало появление интенсивного товарного производства овощеводческой и садоводческой продукции и свидетельствовало об укреплении связей аграрного производства с городом. Наряду с огородничеством и садоводством получает развитие товарное производство молока и картофеля, что непосредственно было связано с изменением структуры потребления сельскохозяйственных продуктов горожанами. Под влиянием развития города, а также аграрного кризиса 1820-х гг., в первую очередь затронувшего зерновое производство, в сельском хозяйстве наблюдается возрастание интереса к производству культур, предназначенных для дальнейшей промышленной переработки. Так, культивируется сахарная свекла, а в 1826 и 1829 гг. в имениях Лубеньских начинают работать первые в Польше сахароварни. Развитие польской суконной промышленности, которой особо покровительствовало правительство, способствовало распространению в сельском хозяйстве овцеводства. За 6 лет (с 1822 по 1828 гг.) поголовье овец увеличилось с 1,5 до 2,4 млн. голов. Правда, следует учитывать, что в крестьянском хозяйстве одна стрижка давала 1,5–2 кг шерсти, тогда как высокопородные овцы в имениях-экономиях* давали по 3–4 кг⁴.

Однако отмеченные новые явления и тенденции в развитии сельского хозяйства, связанные с применением передовой агротехники и технологии и с ростом товарности аграрного производства, не следует переоценивать. Они только обозначали едва наметившиеся новые черты в экономике страны. Эти новые черты хотя и приобрели относительно устойчивый характер, что позволяет рассматривать их как тенденцию, но все же по своим абсолютным размерам были крайне невелики в сравнении с установленным веками способом аграрного производства, в основе которого были мелкое крестьянское хозяйство и шляхетское землевладение, а в его продукции преобладали зерновые и картофель. Применяемая в сельском хозяйстве традиционная трехпольная система севооборота и его низкая урожайность свидетельствовали о невысоком в целом технологическом уровне развития аграрного производства в Королевстве Польском (см. таблицу № 3).

* Экономиями назывались крупные помещичьи хозяйства, ориентированные на производство товарной продукции.

ТАБЛИЦА № 3.
Урожайность зерна и картофеля в 1822–1827 гг.⁵

Год	Озимые	Яровые	Картофель
1822	сам 3,4	сам 2,7	сам 4
1827	сам 3,2	сам 2,7	сам 4,1

Урожайность зерновых сам 3 соответствовала практически уровню простого воспроизводства. Польское сельское хозяйство по своей производительности не отличалось от аграрного производства в России. Размещение и структура сельскохозяйственных угодий, а также производительность аграрного производства в Королевстве Польском в 1820-е гг. соответствовали аграрной экономике феодального типа, что не могло не повлиять на размещение и динамику населения.

Аграрный характер экономики страны определил основные параметры социальной структуры и размещения населения Королевства Польского. В основу их анализа положены приведенные в таблице № 4 данные географических и статистических описаний 1810 и 1829 гг., относящиеся соответственно к Княжеству Варшавскому и Королевству Польскому.

В среднем по стране в границах территории Королевства Польского за 19 лет население возросло с 3,5 до 4 млн. чел. При этом, даже с учетом роста населения, число жителей Королевства в 1829 г. было примерно на 300 тыс. чел. меньше, чем жителей Княжества Варшавского в 1810 г. Это произошло за счет сокращения территории Королевства по постановлениям Венского конгресса.

При анализе численности, структуры и размещения населения следует учитывать последствия для Королевства эпохи наполеоновских войн, особенно завершающего их этапа, похода Великой армии в Россию в 1812 г. и войны 1813–1814 гг. В это время польские земли понесли наиболее значительные людские и материальные потери. Однако, даже принимая во внимание восстановление потери населения, что всегда дает более высокие относительные показатели, темпы его роста в Королевстве были весьма умеренные. Более 80% населения Королевства Польского проживало в деревне, что соответствовало аграрному характеру народного хозяйства.

Структура прироста населения Королевства Польского приведена в таблице № 5.

Для анализа и обобщения статистических данных применен метод сопоставления структуры населения Княжества Варшавского (1810 г.) с тенденциями ее изменения, наблюдаемыми в Королевстве Польском в 1829 г. Сравнение проведено по департаментам (воеводствам), исключая Варшавский департамент (Мазовецкое воеводство) как столичную область, отошедшие к Пруссии Познанский и Быдгощский департаменты, а также Краковский департамент, территория которого была существенно изменена. Отдельно рассматривалось сельское и отдельно — городское население. Департаменты (воеводства) распределялись на три группы. Первая груп-

ТАБЛИЦА № 4
Население Королевства Польского в 1810–1829 гг. ⁶

Воеводства (департаменты)	1810 г.					1829 г.				
	Сельское население (чел.)	%	Городское население (чел.)	%	Всего (чел.)	Сельское население (чел.)	%	Городское население (чел.)	%	Всего (чел.)
	Мазовецкое (Варшавский)	378926	73,6	135983	26,4	514909	545943	68,3	253940	31,7
Краковское (Краковский)	370652	83,8	71847	16,2	442499	346495	82,1	75343	17,9	421838
Калишское (Калишский)	436484	85,1	76266	14,9	512750	488294	81,5	110679	18,5	598973
Люблинское (Любельский)	376158	82,4	80526	17,6	456684	378620	77,3	111112	22,7	489732
Сандомирское (Радомский)	299810	82,6	62943	17,4	362753	304722	78,4	84179	21,6	388901
Плоцкое (Плоцкий)	336057	91,3	49971	8,7	386028	388901	82,7	81539	17,3	470440
Августовское (Ломжинский)	359094	86,2	57351	13,8	416445	425061	83,4	84403	16,6	509464
Подляское (Седлецкий)	271 425	83,9	51936	16,1	323361	285091	80,8	67913	19,2	353004
Итого	2828606		586923		3415429	3163127	78,4	863108	21,6	4032235
Познанский	434 982	74,8	146228	25,2	581210	---	---	---	---	---
Быдгощский	264359	78,4	72951	21,6	337310	---	---	---	---	---
Всего	3527947	81,4	806002	18,6	4333949	3163127	78,4	863108	21,6	4032235

ТАБЛИЦА № 5.
Структура прироста населения Королевства Польского в 1810–1829 гг.

Воеводства (департаменты)	Сельское население			Городское население			Всего		
	1829 г.		1810 г.	1829 г.		1810 г.	1829 г.		
	чел.	абс. прирост (чел.)	относ. прирост в %	чел.	абс. прирост (чел.)	относ. прирост в %	чел.	абс. прирост (чел.)	относ. прирост в %
Мазовецкое (Варшавский)	378926	167017	44,1	135983	117997	86,7	514909	284974	55,3
Краковское (Краковский)	370652	- 24157	- 6,5	71847	3496	4,9	442499	- 20661	- 4,7
Калишское (Калишский)	436484	51810	11,9	76266	34413	45,1	512750	86223	16,8
Люблинское (Люблинский)	376158	2462	0,7	80526	30586	38,0	456684	33048	7,2
Сандомирское (Радомский)	299810	4912	1,6	62943	21236	33,7	362753	26148	7,2
Плоцкое (Плоцкий)	336057	52844	15,7	49971	31568	63,2	386028	84412	21,9
Августовское (Ломжинский)	359094	65967	18,4	57351	27052	47,2	416445	93019	22,3
Подляское (Седлецкий)	271 425	13666	5,0	51936	15977	30,8	323361	29643	9,2
Итого	2828606	334521	11,8	586923	282285	48,1	3415429	616806	18,1
В т. ч. без Краковского воеводства	2457354	358678	14,6	514976	278789	54,1	297930	637667	21,4
Познанский	434 982	-	-	146228	-	-	581210	-	-
Быдгоцкий	264359	-	-	72951	-	-	337310	-	-
Всего	3527947	334521	11,8	806002	282285	54,1	4333949	616806	18,1

па соответствовала максимальным показателям населенности и прироста населения, вторая — средним показателям, третья — минимальным показателям. Обобщенные данные по сельскому населению за 1810 и 1829 гг. приведены в таблицах № 6 и 7.

ТАБЛИЦА № 6.
Структура сельского населения Княжества Варшавского (1810 г.)
(без учета Варшавского, Познанского, Быдгоцкого,
Краковского департаментов)

Группы	Численность сельского населения	Департаменты (воеводства)	Группы	Доля сельского населения в %	Департаменты (воеводства)
I	Свыше 400 тыс. чел.	Калишский	I	Более 90%	Плоцкий
II	От 300 до 400 тыс. чел.	Люблинский Ломжинский Плоцкий	II	80–90%	Ломжинский Калишский Седлецкий Радомский Люблинский
III	Менее 300 тыс. чел.	Радомский Седлецкий	III	Менее 80%	—

ТАБЛИЦА № 7.
Прирост сельского населения в Королевстве Польском в 1810–1829 гг.
(без учета Мазовецкого и Краковского воеводств, Варшавского, Познанского,
Быдгоцкого департаментов)

Группы	Абсолютный прирост сельского населения	Воеводства (департаменты)	Группы	Относительный прирост сельского населения в %	Воеводства (департаменты)
I	Более 50 тыс. чел.	Августовское (Ломжинский) Плоцкое Калишское	I	Более 15%	Августовское (Ломжинский) Плоцкое
II	От 10 до 50 тыс. чел.	Седлецкое	II	5–15%	Калишское Седлецкое
III	Менее 10 тыс. чел.	Сандомирское (Радомский) Люблинское	III	Менее 5%	Сандомирское (Радомский) Люблинское

Таким образом, за 19 лет, с 1810 по 1829 г., общий прирост населения страны составил 616 806 чел., или 18,1% в среднем за год, то есть чуть

более тридцати тысяч человек и менее одного процента относительного роста. Среди сельского населения, которое составляло подавляющее большинство, этот рост был еще меньшим и составил за весь период только 11 с лишним процентов. Здесь по всем показателям впереди было Мазовецкое воеводство, где население увеличилось на 167 тыс. чел. (на 44%). Решающим фактором роста населения в Мазовецком воеводстве была его столичная роль и влияние Варшавы на экономическую и демографическую ситуацию в крае. Поэтому, анализируя положение в стране в целом, мы исключаем Варшавский департамент Княжества и Мазовецкое воеводство.

В Княжестве Варшавском наиболее населенными в сельской местности были Калишский, Люблинский, Ломжинский и Плоцкий департаменты. Причем в Плоцком, Ломжинском и Калишском департаментах доля сельского населения была наивысшей по стране. Это можно рассматривать как свидетельство достигнутого здесь наиболее высокого уровня сельскохозяйственного производства. Именно эти воеводства в Королевстве Польском продемонстрировали наивысшие показатели прироста сельского населения в 1829 г. Исключение здесь составило Люблинское воеводство, которое как по абсолютным, так и по относительным показателям оказалось на последнем месте. Следует также отметить, что Люблинское воеводство с 1819 по 1826 г. пережило абсолютное и относительное сокращение угодий прямого сельскохозяйственного назначения, а доля пашни уменьшилась на 13%, поэтому можно уверенно говорить об упадке здесь деревни и сельскохозяйственного производства. Таким образом, в целом по стране уровень развития аграрного производства был невысоким, что и сказалось на приросте сельского населения. Более благоприятные условия для развития польской деревни и аграрного производства сложились в центральных и северных воеводствах: Калишском, Августовском, Плоцком и, разумеется, в Мазовецком. Более отсталыми были южные и восточные области Королевства, особенно Люблинщина.

Разумеется, положение в аграрной сфере народного хозяйства нельзя рассматривать изолированно от польского города. Обобщенные данные по городскому населению приведены в таблицах № 8 и 9. Так же как и при анализе структуры сельского населения, в таблицах приведено сопоставление численности городского населения Княжества Варшавского (1810 г.) и Королевства Польского (1829 г.). Воеводства разделены на три группы, соответствующие уровню максимальных, средних и минимальных показателей (абсолютных и относительных) численности и прироста городского населения.

В среднем доля городского населения Королевства Польского, по сравнению с Княжеством Варшавским, была по-прежнему невелика. В 1810 г. она составляла 18,4%, увеличившись в 1829 г. до 21,6%. При этом подавляющее большинство городов были небольшими как по числу жителей, так и по размерам городской территории. В 1820-е гг. общее число городов достигло 451. В таких небольших городах (местечках) проживало по 1–2 тыс. жителей⁷. По характеру хозяйственной деятельности они оставались преимущественно торговыми и ремесленными центрами при-

ТАБЛИЦА № 8.
Структура городского населения Княжества Варшавского (1810 г.)
(без учета Варшавского, Познанского, Быдгошского,
Краковского департаментов)

Группы	Численность городского населения	Департаменты (воеводства)	Группы	Доля городского населения в %	Департаменты (воеводства)
I	Более 70 тыс. чел.	Люблинский Калишский	I	Более 15%	Люблинский Радомский (Сандомирское) Седлецкий (Подляское)
II	60–70 тыс. чел.	Радомский (Сандомирское)	II	10–15%	Калишский Ломжинский (Августовское)
III	Менее 60 тыс. чел.	Ломжинский (Августовское) Седлецкий (Подляское) Плоцкий	III	Менее 10%	Плоцкий

ТАБЛИЦА № 9.
Прирост городского населения в Королевстве Польском в 1810–1829 гг.
(без учета воеводств Мазовецкого и Краковского;
департаментов Варшавского, Познанского, Быдгошского)

Группы	Абсолютный прирост сельского населения	Воеводства (департаменты)	Группы	Относительный прирост сельского населения в %	Воеводства (департаменты)
I	Более 30 тыс. чел.	Калишское Люблинское Плоцкое	I	Более 50%	Плоцкое
II	От 20 до 30 тыс. чел.	Августовское (Ломжинский) Сандомирское (Радомский)	II	40–50%	Августовское (Ломжинский) Калишское
III	Менее 20 тыс. чел.	Подляское (Седлецкий)	III	Менее 5%	Люблинское Сандомирское (Радомский) Подляское (Седлецкий)

легающей сельской округи, а их жители еще в значительной мере были заняты в сельскохозяйственном производстве. В 1810 г. в городах (в границах будущего Королевства Польского) проживало около 600 тыс. чел. В Познанском и Быдгощском департаментах тогда же городское население составило свыше 200 тыс. чел. То есть созданное Королевство утратило наиболее урбанизированные области, что привело к сокращению городского населения примерно на четверть. Разумеется, это не могло не сказаться как на структуре населения, так и на социальном устройстве Королевства Польского.

В 1810 г. наиболее развитая система городов была в Люблинском, Калишском и Радомском департаментах. Относительное отставание в развитии городов наблюдалось в Ломжинском, Седлецком и Плоцком департаментах. В последнем доля городского населения составляла всего 8,7%. Однако если в целом доля городов в численности населения Королевства Польского увеличилась всего на 3 с лишним процента, то относительный прирост городского населения с 1810 по 1829 г. был весьма значительным и составил 51,4%. Правда, и тогда развитие городов протекало замедленно (их население возрастало примерно на 2–3% в год, что соответствовало по темпам естественному приросту). Наивысшие абсолютные показатели увеличения населения городов продемонстрировали Калишское, Люблинское и Плоцкое воеводства, относительные — Плоцкое, Августовское и Калишское.

При этом наиболее характерные перемены в этой области продемонстрировали Калишское, Люблинское и Плоцкое воеводства, которые отразили три основные тенденции в изменении структуры городского и сельского населения Королевства Польского в 1810–1829 гг. Именно в этом порядке все три воеводства следуют впереди по абсолютному приросту городского населения (более 30 тыс. чел. за 19 лет). Плоцкое и Калишское воеводства находились в первой группе и по приросту сельского населения, где он составил более 50 тыс. чел. С другой стороны, Люблинское воеводство в этом ряду оказалось на последнем месте как по абсолютным, так и по относительным показателям. Плоцкое воеводство, где доля сельского населения была наибольшей и превышала 91%, а городского — наименьшей, продемонстрировало наивысший относительный прирост городского населения, хотя и достигнутый с минимального уровня. Итак, первая тенденция в развитии структуры населения и народного хозяйства страны была представлена Калишским воеводством, где аграрное производство развивалось, в сравнении с другими воеводствами, более успешно, что находит подтверждение как в структуре сельского населения, так и в структуре землепользования. Подъем городов стимулировался здесь ростом аграрного производства. Вторая тенденция наибольшее выражение получила в Люблинском воеводстве, где упадок земледелия подталкивал избыточное (раскрестьяненное) сельское население к переселению в города. И наконец, третья тенденция проявилась наиболее ярко в Плоцком воеводстве, где эффект роста городского населения достигался вследствие его наиболее низкого исходного уровня. Однако эта тенденция обуславливалась отнюдь не только формально-статистически. Она отражала процесс

распространения городского уклада и связанных с городом форм хозяйственных отношений и на те районы страны, где ранее решительно преобладали аграрные способы производства и соответствующие им формы экономических отношений.

Отмеченные наблюдения находят подтверждение в динамике роста населения в Королевстве Польском в 1810–1829 гг. Исследовательница крестьянского вопроса в этот период З. Киркор-Кедронёва приводит данные по численности населения Королевства Польского за 1810, 1819, 1824 и 1826–1829 годы, помещенные в Приложении (таблица II)⁸. На их основе проведен анализ динамики прироста населения по воеводствам Королевства Польского. За 100% принимаются показатели 1819 г., когда довоенная численность населения была практически восстановлена, когда связанные с территориальными переделами и военными действиями миграции населения уже не влияли кардинально на его динамику, когда в Королевстве были уже определены стабильные административные границы. Наконец, с 1824 г. в Королевстве имелись практически ежегодные достоверные данные о численности населения. Поэтому начиная с 1824 г. каждому воеводству для сопоставления имеющихся данных присваивалось место с 1 по 9 в зависимости от достигнутого уровня прироста населения. В этом ряду 5-е место соответствовало среднему показателю по стране. В итоге по уровню прироста населения за 1810–1829 гг. воеводства расположились в следующем порядке (в скобках приведена сумма мест): Мазовецкое (5); Августовское (11); Калишское (17); Плоцкое (19); Сандомирское (24); Люблинское (35); Краковское (39); Подляское (43).

Таким образом, динамика прироста населения подтверждает вывод о более высоком уровне развития центральных, западных и северных воеводств и об относительном отставании южных и восточных областей страны. Важной характерной чертой развития Королевства Польского было опережающее развитие города, хотя его доля в народном хозяйстве и общей численности населения была весьма невелика. Источники урбанизации были определены двумя тенденциями, условно говоря — калишской и люблинской, когда, с одной стороны, развитие города стимулировалось ростом аграрного производства и подъемом его товарности, а с другой — обезземеливанием и пауперизацией крестьянства. Обе эти тенденции присутствовали в различных сочетаниях по всей стране, но наиболее рельефно они нашли выражение соответственно в Калишском и Люблинском воеводствах. Одним из показателей их воздействия стал охвативший Польшу в 1820-е гг. аграрный кризис, характерный в это время для всех стран Центральной и Восточной Европы. В этот период цена пшеницы в Мазовецком воеводстве упала с 21 злотого за корец (в 1820–1822 гг.) до 15 злотых (в 1823–1825 гг.). В Люблинском воеводстве в тот же период цены упали с 16 до 10 злотых. Повышение уровня цен началось только с 1825 г. Аграрный кризис негативно сказался и на европейском хлебном рынке. Неблагоприятные условия для польского зернового экспорта усугублялись протекционистской политикой соседей, прежде всего Пруссии. В период аграрного кризиса экспорт польской пшеницы сократился с 391 тыс. корцев в 1818 г. до 69 тыс. в 1824 г.⁹

2. Социальные слои и группы населения

Абсолютное большинство населения и основную производительную силу Королевства Польского составляли крестьяне. В 1810 г. их численность в границах будущего Королевства была без малого 1 900 тыс. чел. К концу 1820-х гг. она равнялась примерно 2 800 тыс. чел. Это составляло в 1810 г. 68% сельского населения и 56% общей численности населения (в границах Королевства Польского). К концу 1820-х гг. доля крестьянства в населении деревни и всей страны еще более возросла и равнялась соответственно 88% и 69%. Эти данные свидетельствуют, что, даже принимая во внимание систематическую погрешность статистического учета в Княжестве Варшавском и Королевстве Польском, а также погрешности при их сопоставлении, нужно признать, что роль крестьянства в народном хозяйстве Королевства Польского не только не уменьшилась, но даже возросла.

Со времени введения в Княжестве Варшавском Кодекса Наполеона польские крестьяне формально получили личную свободу. Однако вся земля оставалась в собственности шляхты. Определенная таким образом форма отношений помещиков и крестьянства была сохранена в неизменном виде и в Королевстве Польском. Поэтому воспроизводство крестьянского хозяйства было неразрывно связано с отработками и кабальной арендой, то есть по существу с феодальными формами эксплуатации. Одновременно такие отношения в деревне способствовали обезземеливанию крестьянства. Однако пауперизация крестьян в Королевстве Польском не привела к их массовому исходу в города, хотя такая тенденция, несомненно, присутствовала, о чем свидетельствует опережающий рост городского населения.

О сохранении феодальных отношений в польской деревне свидетельствуют и зафиксированные статистическими описаниями категории крестьянства. Первые опыты статистического учета населения Польши с фискальными и административными целями относятся к 70-м гг. XVIII в., а первую перепись крестьянского населения правительство короля Станислава Августа попыталось провести в 1789–1790 гг., в период Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., под руководством Ю. Выбицкого и Ф. Мошиньского. В составленной тогда Мошиньским переписной (статистической) карте были отмечены следующие категории крестьян: 1) хозяева-рольники — крестьяне на барщине, держатели надела; 2) чиншовники-халупники — крестьяне на оброке, держатели надела; 3) коморники — крестьяне, не имевшие своего надела и работавшие на господской земле, близкие по статусу к русским дворовым на месячине. Далее Мошиньским были выделены: 4) «фабриканты» (владельцы мастерских и мануфактур), 5) ремесленники, 6) содержатели корчем и шинков. Очевидно, что три последние группы были выделены преимущественно по фискальным соображениям. Однако их появление отражает развитие крестьянских промыслов и даже появление крестьянской мануфактуры. Вслед за ними идут: 7) челядь и слуги, 8) «люди, получающие вознаграждение за работу». В заключение помещены 9) жебраки (нищие, живущие подаянием)¹⁰. В основу классификации категорий крестьянства, примененной деятелями «скарбового» ведомства (учреждения по сбору государственных доходов) конца XVIII в.,

было положено отношение крестьянина к помещичьему хозяйству, в первую очередь, характер крестьянских повинностей, обусловленных крепостной зависимостью. При этом обладает ли крестьянин земельным наделом и каким именно, статистиков того времени интересовало мало. Крестьянин рассматривался как непосредственная принадлежность земельной собственности, а предоставление ему надела — как традиционная норма и условие функционирования шляхетского хозяйства. В переписной карте Мошиньского упомянута и категория наемных работников («люди, получающие вознаграждение за работу»). Однако в то время явление найма было достаточно редким в шляхетском хозяйстве, где все работы выполнялись крепостными, и, видимо, достаточно новым, поскольку для обозначения работавших по найму не было еще даже специального термина. Нельзя ничего сказать и о характере такого найма, который был, вероятно, все-таки ближе к средневековым формам личной зависимости, чем к купле-продаже рабочей силы Нового времени.

Статистика времени Княжества Варшавского и Королевства Польского (см. в Приложении таблицы III–V) оперирует теми же категориями крестьянства, что и в эпоху Четырехлетнего сейма. Как и в конце XVIII в., категории крестьянства определялись в зависимости от места крестьянина в помещичьем хозяйстве. Однако в статистических описаниях XIX в. они расположены в порядке, определенном отношением крестьянина не к помещику, от которого они были формально свободны, а к земле, в зависимости от обладания наделом. В соответствующей последовательности они приведены и в исследовании З. Киркор-Кедронёвой¹¹.

В Княжестве Варшавском в первую группу были включены крестьяне, обладавшие наделом земли. Однако состав этой категории, очевидно, неоднороден. В нее входили как крестьяне, выкупившие свой надел или получившие его на льготных условиях (чиншовники, окупники, колонисты), так и крестьяне, продолжавшие работать на барщине, платить оброки и нести другие повинности в не меньшем объеме, чем при крепостном праве (рольники, полурольники и загородники). Вторую группу составляли крестьяне (халупники и огородники), имевшие минимальные наделы. Однако и здесь экономическая природа этой группы и ее социальный статус представляются весьма неопределенными. Высокопроизводительное и доходное пригородное товарное садоводство и огородничество в хозяйствах огородников мало сопоставимо с аналогичным по размеру надела, но совершенно иным по своей экономической природе хозяйством халупника (слабосильным, не способным обработать полный надел). Часто халупники были работниками текстильных мануфактур. Наконец, третью группу составляли крестьяне, лишённые земельного надела и непосредственно работавшие в помещичьем хозяйстве. В этой группе к работающим по найму, несомненно, относились виробники (поденщики). Остальные же составляли традиционное население шляхетского имения, как, например, работавшие на барщине коморники, получавшие для пропитания долю помещичьего урожая. Такие «слуги» часто имели свой дом, приусадебное хозяйство, пользовались помещичьими угодьями, хотя и не считались официально держателями наделов. Парубки составляли промежуточный

слой между коморниками и выробниками. Это были постоянные жители имения, работавшие в нем по некоему договору с владельцем. Однако содержание этого договора, как правило, сводилось к тем или иным формам отработок, а найм носил полуфеодальный кабальный характер.

В статистике 1827 г. встречаются те же три группы крестьянства, что и в 1810 г., но из первой группы исчезли полурольники и загородники. Первые были держателями половины надела и соответственно должны были нести половину от нормального размера повинностей (барщины и оброка). Однако в действительности никаких пропорций в этом не соблюдалось, так как условия договора о размере надела и повинностей определялись только «кабальным» соглашением помещика с держателем надела. Поэтому рольники и полурольники представляли собой единую категорию, что и было зафиксировано в статистике. Загородники также растворились среди прочих держателей наделов. Правда, исключение полурольников и загородников из статистических отчетов отнюдь не означало их исчезновения из реальной жизни. Согласно помещичьим инструкциям и вотчинной документации, эти категории крестьянства еще длительное время сохранялись среди сельского населения Королевства Польского, что лишний раз подчеркивало консервативный феодальный характер польской деревни. В первой группе появилась новая категория — эмфитеисты, к которой принадлежали держатели земли на условиях долгосрочной аренды. Вторая группа осталась без изменения. Внешне наиболее значительные перемены произошли в третьей группе, из которой оказались исключены коморники. Это соответствовало общероссийской практике запрета на перевод крестьян в дворовые, поэтому коморники слились с другими категориями работников в шляхетских имениях. При этом трудно судить, насколько в действительности изменились их экономическое положение и сословный статус. По этим же причинам исчезла из сферы статистического учета, перейдя в другие категории, и многочисленная «прислуга» в шляхетских усадьбах. В группу работников были включены и овчары, что было связано с развитием в Королевстве овцеводства и суконных мануфактур.

Данные о численности категорий крестьянства в зависимости от формы их основных повинностей в пользу помещиков приведены в таблице № 10. За единицу подсчетов были взяты данные статистики о главах крестьянских семей, служивших основной единицей учета крестьянского населения в Королевстве Польском. Такой выбор представляется оптимальным. Учет по главам семей имеет наиболее полную исходную базу в источниках, соответствует старопольскому подворному учету «дымов» и в большей мере отражает статус крестьянского хозяйства, поскольку не фиксирует участия членов крестьянской семьи в дополнительных работах и промыслах.

Таким образом, как следует из материалов таблицы, по отношению к помещичьему хозяйству польское крестьянство делилось на две основные группы. К первой относились крестьяне, несшие в пользу помещика феодальные повинности (в 1810 г. их доля составляла 71,0%, в 1827 г. — 67,4%), ко второй — батраки (поденщики), доля которых за рассматриваемый период хотя

Таблица № 10.
Распределение крестьянства Королевства Польского
по типу повинностей (главы семей)

Тип повинностей крестьян	Категории крестьян	1810 г.		1827 г.			
		В границах Королевства Польского		В пределах Княжества Варшавского		В пределах Королевства Польского	
		Главы семей	%	Главы семей	%	Главы семей	%
Держатели на льготных условиях	Окупники Эмфитеисты Колонисты	5927	0,96	9116	1,4	9477	1,2
Держатели на оброке	Чиншовники	—	—	32305	5,02	46473	5,8
Держатели на барщине	Рольники Полурольники Загородники	218605	35,4	228130	35,5	280592	34,9
Дворовые — батраки	Халупники Коморники Паробки	219486	35,6	169164	26,3	214626	26,7
Поденщики	Выробники	55789	9,0	102559	15,9	129235	16,1
Прочие		117110	18,9	102155	15,9	124715	15,5
Всего		616917		643429		805118	

и почти удвоилась — с 9,0 до 16,1%, но все же была относительно невелика. Подавляющее преобладание феодальных отношений в деревне становится еще более очевидным, если учесть, что в промежуточных слоях также преваляровала господствовавшая тенденция отработочных форм эксплуатации.

Содержание крестьянских повинностей практически ничем не отличалось от повинностей при крепостном праве. Так, для держателей полного надела (с каждой хелминской vloki *) минимальной нормой считалось 2 дня в неделю барщины и 36 рабочих дней в году по поддержанию дорог и мостов. Помимо этого, держатели наделов должны были выполнять в пользу помещика и «для общественных нужд» ряд дополнительных работ и повинностей. Объем крестьянских повинностей неоднократно по-

* Влока (włoka) — старинная, ныне нигде не применяемая мера площади земной поверхности. 1 новопольская vloka равнялась 30 моргам, 1 морг — 57,8273 арам или 0,58 га. В разных провинциях шляхетской Речи Посполитой величина моргов и влок была различной (как и других мер длины, веса и т. п.). Традиционно различаются vloki коронные, литовские, хелминские, старые и новые, а также магдебургские, называемые еще ренскими.

вышался и в летнюю страду достигал в неделю 4 и даже 5 дней (в Плоцком воеводстве). Крестьяне, державшие часть надела (полурольники — $\frac{1}{2}$ волоки и загородники — 4–7 моргов), отрабатывали 3 дня барщины в неделю. Общее число таких дней доходило до 150 в году. При этом в страду помещик имел право потребовать с «души» еще 10 дней так наз. «принудительного найма». Последнее обстоятельство иллюстрирует характер использования труда крестьянина в помещичьем хозяйстве. Держатели минимального надела (2–4 морга) — халупники отрабатывали 2 дня барщины в неделю. Как об обычной практике обработок «Газета Варшавская» летом 1820 г. писала об имениях Я. О. Шанецкого — известного в публике защитника прав крестьян и противника барщины. В краковских владениях Шанецкого крестьяне-кметы своим скотом и инвентарем отрабатывали еженедельно 5 дней барщины, а загородники — 3 дня ручных работ¹². В одной из помещичьих инструкций 1846 г. перечислен 121 вид крестьянских работ в шляхетском имении — от обработки панских полей и содержания усадьбы до работы на пасеках и сбора грибов и ягод. Сама эта инструкция, с одной стороны, показывает, что крестьянские повинности в полной мере обеспечивали все потребности помещичьего хозяйства в рабочей силе, а с другой — что крестьянские обработки даже в середине XIX в. ничем практически не отличались от обязанностей крепостных времен шляхетской Речи Посполитой. Более того, их размеры в первой половине XIX в., по сравнению со второй половиной XVIII в., существенно возросли, что было характерно не только для Королевства Польского, но и для других стран Центральной и Восточной Европы, в которых в этот период повсеместно отмечалось значительное увеличение эксплуатации крестьянства.

Условием функционирования отработочной системы в Королевстве Польском при формальной личной свободе крестьянина было крестьянское малоземелье. Данные о крестьянских наделах приведены в таблице № 11.

Из них следует, что почти половина крестьянских хозяйств Королевства Польского (49,1%) официально не имела надела. При этом во времена Княжества Варшавского безземельных хозяйств было 55,3%, полным наделом располагали только 13,5% и почти треть имели только часть надела. В Королевстве Польском (по сравнению с Княжеством) доля крестьянских хозяйств с полным наделом существенно возросла. Это объяснялось, во-первых, отсутствием определенной нормы надела, которая зависела от местных хозяйственных условий и традиций, поэтому любой крестьянский надел стал уже рассматриваться как полный, за исключением тех наделов, которые обрабатывались вручную без применения пашенной агротехники. Во-вторых, правительство Королевства Польского проводило политику, направленную на сохранение крестьянства как податного сословия и социальной базы помещичьего хозяйства. Основным средством такой политики правящие круги видели перевод крестьян на чинш, когда выполнение ими фиксированных повинностей в пользу землевладельца обуславливалось бы предоставлением крестьянам земельных наделов в определенном законом размере. Однако особых успехов такая политика не имела. Шляхта саботировала вмешательство правительства

в поземельные отношения, не желая в большинстве случаев ни их государственного регулирования, ни заключения с крестьянами частных договоров об «очиншевании». Свидетельством этому стала невысокая доля крестьян-чиншовников, получивших надел на условиях земельного ценза. В 1827 г. таких крестьянских хозяйств было 46 473, или 5,8%. При этом подавляющее большинство чиншовников были держателями наделов на государственных землях.

Таблица № 11.
Распределение крестьянства Королевства Польского
по размерам наделов (главы семей)

Категории крестьян		1810 г.		1827 г.			
		В границах Королевства Польского		В пределах Княжества Варшавского		В пределах Королевства Польского	
		Главы семей	%	Главы семей	%	Главы семей	%
Держатели полного надела	Окупники Эмфитеисты Колонисты Чиншовники Рольники	83756	13,5	269551	41,9	336542	41,8
Держатели части надела	Полурольники Загородники Халупники Огородники	192252	31,2	58551	9,1	73332	9,1
Крестьяне без надела	Коморники Парубки Девки Прислуга Выробники и др.	340909	55,3	315327	49,0	395241	49,1
Всего		616917		643429		805118	

Социальное положение польского крестьянства определялось сохранением в польской деревне по существу феодальных отношений, усугублявшихся обезземеливанием крестьянства и консервацией его сословного неполноправия, которое зачастую приобретало крайние формы, мало чем отличавшиеся от крепостного права. В случае, если в крестьянском хозяйстве не было достаточных людских сил или рабочего скота, чтобы нести повинности на барщине, крестьянин — держатель надела должен был оставить свое хозяйство и, как правило, стать батраком, а помещик-земледелец передавал его надел другому крестьянину, способному нести повинности. Часть урожая снопами или зерном крестьяне отдавали приходскому священнику в качестве десятины, иногда десятину переводили на деньги, однако в большинстве случаев она оплачивалась зерном

с небольшой денежной доплатой. Крестьянские земли в основном были хуже, чем помещичьи, так как лучшие земли помещики постепенно присоединяли к фольварку.

Со времен Княжества Варшавского землевладельцы выполняли функции войтов, что давало им, а также различного рода управляющим помещичьих имений дополнительную административную и судебную власть над крестьянами. Войт собирал налоги, участвовал в сборе рекрутов, осуществлял полицейские функции и имел право применять телесные наказания. Помещики-войты часто назначали содержащихся ими за свой счет заместителей. И те, и другие по собственному усмотрению подвергали крестьян наказаниям, отдавали в рекруты «непокорных», препятствовали переходу крестьян в другие деревни. Произвол землевладельцев вызывал многочисленные крестьянские жалобы. Игнорируя крестьянское недовольство, власти Королевства Польского, напротив, содействовали расширению власти помещиков над деревней. В 1818 г. Правительственная комиссия государственных доходов и финансов внесла предложение о введении в государственных имениях телесных наказаний для крестьян «за неповиновение при отбывании барщины». Комиссия Подляского воеводства предложила предоставить право Простому полицейскому суду, в ведении которого состояли крестьяне, приговаривать их к телесным наказаниям. Комиссия Люблинского воеводства предложила ввести установленную законом норму барщины от 8 до 11 часов в день и в случае ненадлежащего выполнения работ вместо телесных наказаний установить обязательную повторную отработку барщины и даже наказание за это заключением под арест. Лишь в 1846 г. правительство запретило применение к крестьянам «неограниченных мер», в частности, и в отношении телесных наказаний, которые допускались только в установленных законом случаях и, согласно закону, фиксировались протоколом¹³.

В целом аграрный строй Королевства Польского характеризовался, с одной стороны, наличием крестьянского вопроса, связанного с необходимостью освобождения крестьянства от полуфеодальной зависимости, а с другой — назревшей потребностью разрешения аграрного вопроса путем ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам.

Вторым социальным слоем (общественным классом), который, наряду с крестьянством, образовывал фундамент социального устройства и сословного строя Королевства Польского, была шляхта. В историографии наблюдаются различные подходы к определению качественных черт шляхты как социального слоя. В частности, Е. Едлицкий еще в конце 1960-х гг. отмечал, что авторы, писавшие об истории польской шляхты, выделяли два аспекта: во-первых, социальный и правовой и во-вторых — культурный. В первом случае за основу принимался комплекс шляхетских привилегий, которыми обладало это сословие, отличавший его от других сословий. В сущности второго аспекта было заложено, по словам Едлицкого, идеологическое качество: признание другими «благородства» шляхты, ее, по сравнению с другими сословиями, социально-психологической обособленности. Правда, историк замечал, что оба эти аспекта разви-

вались равномерно, взаимно обуславливая и дополняя друг друга¹⁴. По мнению И. Рыхликовой, в период 1789–1864 гг. шляхта утрачивает свои качественные черты как сословие, но еще не является классом, а только общественным слоем, который в период 1789–1807 гг. можно определить как шляхту-землевладельцев, а в дальнейшем, в 1807–1864 гг., как граждан (обывателей). За это время, считает исследовательница, изменились социально-экономические условия развития класса землевладельцев, а также его состав: вначале о принадлежности к данному слою свидетельствовали четыре условия: наличие шляхетского герба, владение землей и крепостными (*dominium*) и взимавшаяся со шляхетских владений церковная десятина; в дальнейшем, в связи с введением буржуазного законодательства, шляхетство собственника как один из главных атрибутов землевладения утратило свое значение¹⁵.

В новейшей историографии для обозначения шляхты все чаще стало использоваться понятие «общественных элит». Однако его применение в социальном анализе только затрудняет исследование из-за неопределенности самого понятия, а следовательно, и обозначенных им явлений общественной жизни. Так, например, М. Сенковская-Глюк, на рубеже 1970–1980-х гг. специально изучавшая этот вопрос, выделила 5 групп определенных элит в зависимости от избранных критериев: а) био-психологических; б) харизматических; в) в зависимости от участия во власти; г) от общественной функции; д) от общественного престижа¹⁶. В дальнейшем этот перечень отмеченных критериев только увеличивался. Поэтому понятие «элиты» соответствует скорее некоему не вполне определенному образу явления, чем его качественному содержанию. Нетрудно все же заметить, что многочисленные представления об элитах, в частности, применительно к шляхте, в основании распределяются по двум отмеченным Е. Едлицким направлениям. Поэтому мы рассматриваем шляхту XVI–XVIII вв. как экономически господствующее сословие, что обусловлено ее исключительным правом на владение землей и крестьянами, а также как сословие, господствующее социально-политически, что было закреплено целым рядом сословных привилегий и прерогатив, в правовом отношении выделивших шляхту по сравнению с другими неполноправными сословиями.

Не противоречит ли это мнению об «униженности» польской шляхты в XIX в.?¹⁷ Распространенное в шляхетской среде ощущение «униженности» было продиктовано, во-первых, установленным на польских землях после раздела Речи Посполитой иностранным политическим господством и, во-вторых, угрожавшим социально-политическому статусу польской шляхты разложением феодальных отношений в городе и в деревне под воздействием товарно-денежных отношений, процессов урбанизации и формирования элементов капиталистического уклада. Однако в первой половине XIX в. эти процессы еще не затрагивали господства шляхты существенно. Тем более что страны, разделившие между собой территорию Польско-Литовской шляхетской республики, страны, в которых социально-экономическое и политическое устройство носило аналогичный характер (до революции 1848–1849 гг.), проводили на польских землях политику консервации полуфеодальных отношений.

Вопрос о численности польской шляхты и внутренней структуре шляхетского сословия на рубеже XVIII–XIX вв., как собственно и на протяжении всей предшествовавшей истории Польско-Литовского государства, остается дискуссионным. Имеющиеся источники не содержат достаточных и вполне достоверных сведений о численности польского дворянства, что характерно и для других европейских стран. Стремясь избавиться себя от любых государственных повинностей и, прежде всего, охраняя свои податные иммунитеты, «благородные» сословия повсеместно всячески противились внесению своих членов в какие-либо реестры. Как отмечал один из наиболее авторитетных специалистов по польской и всеобщей истории XVIII в. Э. Ростворовский¹⁸, во Франции накануне 1789 г., по разным оценкам, доля дворянства в населении страны составляла от 0,28 до 2,15%, а наиболее вероятно, не превышала 1,3% (350 тыс. чел.). Попытки Иосифа II провести учет дворянства в Венгрии и в Семиградье дают основание полагать, что в этих краях, наиболее близких по своему социальному и сословному строю к Речи Посполитой, доля дворянства в населении составляла соответственно 4,8 и 4,4%. В польской же историографии распространено мнение, что в XVIII в. шляхта насчитывала 8–10% населения Польско-Литовского государства. Сопоставляя данные польских исследователей, Э. Ростворовский пришел к заключению, что наиболее источниковедчески обоснованными и правдоподобными являются данные Т. Корзона¹⁹, приведенные в таблице № 12. Выводы Корзона по этому вопросу имеют принципиальное значение еще и потому, что в своем анализе историк в решающей мере опирался на данные учета шляхты на бывших землях Речи Посполитой в составе российских, прусских и австрийских владений в первой половине XIX в.²⁰

Таблица № 12.
Основные категории и численность польской шляхты
в Речи Посполитой в конце XVIII в.

Категории		Число лиц (тыс. чел.)	Доля в числе шляхты (%)	Доля в числе населения (%)
I	Шляхта (<i>bene possessionati</i>)	125,0	16,7	1,25
II	Шляхта — мелкие землевладельцы	300,0	40,0	3,0
III	Держатели-чиншовники	150,0	20,0	1,5
IV	Служилая шляхта	175,0	23,3	1,75
Итого		750,0	100	7,50

К первой категории, согласно классификации Корзона, принадлежали магнаты и шляхтичи, которые занимали достаточно широкий круг общественных должностей, дававших права наследственного титула для сыновей (например, сын каштеляна — каштелянич). Эта категория, отмечал Ро-

створовский, объединяла шляхетскую аристократию Речи Посполитой и соответствовала по статусу и образу жизни дворянству Западной Европы. В 1827 г. в Королевстве Польском она насчитывала, по оценке историка, 4,2 тыс. собственников имений и 4,1 тыс. владельцев частных и государственных имуществ (*dóbr narodowych*). Ко второй категории относились мелкие землевладельцы (*szlachta zagrodowa i okoliczna*). В ее составе было небольшое число шляхтичей, владевших 1–2 крестьянскими дворами, и огромное большинство шляхты, не имевшей во владении крепостных. Наиболее многочисленной такая шляхта была в Мазовии, на севере Люблинщины и в Подлясье.

К третьей категории принадлежали шляхтичи — условные держатели имений в магнатских владениях. Такая форма шляхетского землевладения получила преимущественное распространение в литовских, украинских и волынских латифундиях. Четвертую категорию образовывали шляхтичи, состоявшие на службе по договору как в государственных учреждениях, так и у частных лиц. Как отмечал Э. Ростворовский, среди польской шляхты достаточно трудно выявить и количественно определить элементы деклассированной (*luźnej, brukowej*) шляхты, а также шляхты, занятой в торговле или в иных сферах деятельности, не связанных с землевладением и сельским хозяйством. Наконец, за пределами категорий были оставлены шляхтичи, занимавшие государственные, военные или церковные должности. Формально доступ к таким должностям был открыт для всех представителей польского рыцарства, но карьера их обладателей зависела уже как от личных достоинств, так и от индивидуально сложившейся конъюнктуры. Принципиальной гранью в статусе отмеченных четырех категорий шляхты, согласно Ростворовскому, было право участвовать в сеймиках, которого были лишены шляхтичи, состоявшие на службе, и шляхтичи-чиншovníки (категории III и IV)²¹.

Все отмеченные категории шляхты юридически принадлежали к «благородному» сословию, обладая формально всеми правами и привилегиями польского рыцарства. Однако среди шляхты были и промежуточные слои, положение которых не вполне соответствовало статусу господствующего сословия. К таким промежуточным слоям принадлежала, во-первых, безземельная шляхта, не обладавшая собственными имениями. В связи с этим во второй половине XVIII в. не раз звучали требования лишить безземельных дворян шляхетских прав, что и было осуществлено Конституцией 3 мая 1791 г. Безземельные шляхтичи, правда, имели возможность в известной степени восстановить свой статус землевладельца, поступив на службу к магнатам или благодаря иным клиентским отношениям с последними, получив от них некое условное держание или должность администратора в магнатских владениях. Тем не менее даже в этом случае такие шляхтичи, невзирая на формальное «шляхетское братство», не всегда воспринимались в обществе равноправными членами сословия. Во-вторых, аналогичное положение занимали и мелкие шляхтичи, обладавшие небольшой земельной собственностью, но не имевшие крепостных крестьян и поэтому сами трудившиеся на земле. Будучи формально причислены к дворянству, они по

своей социальной роли, по месту в народном хозяйстве и по образу жизни были ближе к крестьянству, чем к шляхте. Первый слой составлял подавляющее большинство в категориях III–IV, второй — весьма значительную часть II категории. Таким образом, с учетом этого на рубеже XVIII–XIX вв. на польских землях в населении страны доля шляхты как господствующего класса-сословия не превышала 4%, что примерно соответствовало аналогичному показателю и в других странах — соседях Польши, в том числе и в России.

Во времена Княжества Варшавского польская шляхта как сословие, несмотря на существенные перемены своего статуса, связанные с отменой крепостного права, сохранила господствующее положение в польском обществе. Хотя формально с введением в Княжестве Кодекса Наполеона польские крестьяне получили личную свободу, однако вся земля в стране осталась в собственности рыцарского сословия, что означало, по сути, сохранение феодальной системы отношений, основанной на помещичьей собственности на землю и сословном неполноправии крестьянства. Шляхетская монополия на владение землей дополнялась в Княжестве и другими привилегиями «благородного» сословия, которыми рыцарство обладало во время Речи Посполитой, вплоть до права образования конфедераций. Формально право создания конфедерации символизировало высшую степень политической свободы шляхты, обладавшей даже законным основанием восстать против верховной власти в случае ущемления последней шляхетских привилегий.

Введение в Княжестве системы гражданского права по французскому образцу дополнило сословный ценз имущественным цензом, на основе которого осуществлялся статистический учет населения при проведении переписей 1808 и 1810 гг.²² В них принимались во внимание имущественное положение, хозяйственная (профессиональная или служебная) деятельность. Аналогичным же образом проводился и текущий учет населения. Расхождение между имущественным и сословным статусом при выработке методики статистического учета, а также неполнота и противоречивость данных указанных переписей затрудняют статистический анализ шляхты как социального слоя и сословия, препятствуют получению точных данных о ее численности и внутренней структуре, а также их сопоставлению с предшествующим периодом. Попытка обобщения этих данных была сделана Г. Грынвассером (см. таблицу № 13)²³.

В данных таблицы отсутствует баланс между общей численностью шляхты (199 129 чел.) и суммарной ее численностью по категориям (197 617 чел.). Это свидетельствует о неполноте и фрагментарности исходных данных, а также о применении разных критериев их сбора и разных принципов учета, что в одних случаях приводило к неполному учету, а в других — к двойному счету. В таблице отсутствуют данные по ряду департаментов, что также указывает на неполноту представленных сведений²⁴. В отдельных случаях, например, данные по Седлецкому, Ломжинскому и Плоцкому департаментам вызывают сомнение.

Однако, несмотря на недостатки приведенных сведений, они позволяют сделать ряд сопоставлений с предшествующим периодом. Во-первых, в

Таблица № 13.
Основные категории и численность польской шляхты
в Княжестве Варшавском 1807–1810 гг.

Департаменты	Всего шляхты (чел.)	Категории шляхты						Итого по категориям (чел.)
		Фольварочная	Мелкая	Условные Владельцы	Администраторы частных владений	Чиновники, должностные лица		
Варшавский	36 497	(чел.) 4 214	(чел.) 5 256	(чел.) 2 805	(чел.) 5 203	(чел.) 5 555	(чел.) 23 033	
Краковский	7 783	1 296	592	1 424	4 226	1 417	8 955	
Калишский	12 541	2 235	1 102	3 127	3 399	1 960	11 823	
Люблинский	9 425	2 067	747	893	4 769	1 204	9 680	
Радомский	9 940	1 564	332	1602	5 318	568	9 384	
Плоцкий	67 301	–	38 026	4 753	3 613	1512	46 392	
Ломжинский	59 000	–	44 000	–	–	–	44 000	
Седлецкий	39 000	–	24 000	–	–	–	24 000	
Познанский	7 019	1 848	–	2 831	3 610	2 779	11 068	
Быдгощский	7 624	1 767	22	2 884	2 310	2 299	9 282	
Всего	316 130	14 991	114 077	20 319	32 448	17 294	199 129 (197 617)	
Доля от общего числа по категориям в %		7,5	57,3	10,2	16,3	8,7	100	

учете данных по Княжеству выделены практически те же четыре категории шляхты, что и применительно к Речи Посполитой второй половины XVIII в. Фольварочная шляхта соответствовала шляхте *bene possessionati*, выделены также мелкая шляхта, условные держатели и служилая шляхта. Это свидетельствует, что качественная структура господствующего сословия не претерпела существенных изменений. Доля крупных землевладельцев сократилась более чем вдвое и одновременно несколько возросла доля мелкой шляхты, которая по-прежнему насчитывала около половины польского рыцарства. Конкретная величина этих изменений едва ли может быть установлена даже приблизительно, но направленность изменений данное сравнение отразило достаточно убедительно. Доля условных держателей также сократилась в два раза. Оба отмеченных явления связаны с сокращением размеров магнатских владений в пределах Княжества Варшавского, что, в свою очередь, свидетельствовало об уменьшении роли магнатской олигархии в жизни страны. Обращают на себя внимание колебания в оценке численности мелкой шляхты и ее соотношение с другими категориями дворянства по департаментам. Если в Ломжинском, Плоцком и Седлецком мелкой шляхты насчитывалось от 24 до 44 тыс. чел. в каждом, то в остальных департаментах ее численность практически не выходила за пределы тысячи человек, а в Быдгощском департаменте составила всего 22 человека. Единственным возможным объяснением этого может послужить традиционная многочисленность мелких землевладельцев в Мазовии и Подлясье. Однако даже если часть мелкой шляхты в других департаментах оказалась неучтенной, как, например, в Познанском, где мелкая шляхта вовсе не попала в реестры, можно сделать вывод, что ее доля в составе «благородного» сословия не только не увеличилась, а существенно сократилась. Так, если исключить из расчетов мелкую шляхту Ломжинского, Плоцкого и Седлецкого департаментов, то доля фольварочной шляхты в составе сословия в среднем по стране увеличится до 16,1%, а мелкой шляхты сократится до 8,6%. Возможные дефекты статистики позволяют сомневаться в достоверности конкретных величин, однако они только подчеркивают господствующую тенденцию — исключение мелкой шляхты из состава господствующего сословия.

Сохранение существенных качественных черт внутрисословной структуры шляхты дополняется весьма показательной количественной характеристикой — доля шляхты в населении Княжества Варшавского осталась практически на том же уровне, что и в шляхетской Речи Посполитой, и составила 7%. Положение не изменилось и во времена Королевства Польского, когда соответствующий показатель равнялся 7,5%. Статистические данные, относящиеся к 1827 г., обобщены в классическом труде Ф. Родецкого «Географическо-статистическое описание Королевства Польского», изданном в 1830 г.²⁵, на который в значительной мере опираются все исследователи, в том числе Г. Грынвассер и Т. Корзон, на основе подсчетов которого составлена таблица № 14²⁶.

Однако мелкая шляхта специально в таблицах Родецкого не учитывалась. Эта сословная группа, постепенно утратившая свои сословные привилегии, не представляла значительного интереса для государственного учета

ТАБЛИЦА № 14.
Основные категории и численность польской шляхты
в Королевстве Польском
(1815–1830)

Воеводства	Численность шляхты (чел.)	Наследственные владельцы		Держатели имений		Богатая шляхта (чел.)	Чиновники, должностные лица (чел.)
		Шляхетского достоинства (чел.)	Именных (чел.)	Государственных имуществ (чел.)	В частных владениях (чел.)		
Мазовецкое	60 119	1 064	1 082	161	683	1 876	3 691
Краковское	5 087	76	384	142	208	734	573
Калишское	15 441	212	592	112	488	1 192	872
Люблинское	10 893	328	287	21	160	468	508
Сандомирское	18 662	77	521	124	229	874	689
Плоцкое	78 295	10 607	644	144	1 378	1 966	771
Августовское	68 685	13 049	334	135	143	613	842
Подляское	44 789	7 077	361	46	187	594	469
Итого	301 971	32 490	4 205	885	3 226	8 316	8 414
Доля от общего числа землевладельцев в %		88,8		2,4	8,8	22,7	23,0
Доля от общего числа шляхты в %		10,8		0,3	1,06	2,8	2,8

ни вследствие принадлежности к господствующему сословию, ни как обладатель значительной земельной или иной собственности. Имеющиеся о ней данные обобщены в таблице № 15, составленной по подсчетам Т. Корзона²⁷, использовавшего, в частности, материалы прусской статистики начала XIX в.²⁸, и в таблице № 16, составленной по данным Г. Хамерской²⁹.

Таблица № 15.
Численность мелкой шляхты в Княжестве Варшавском
и в Королевстве Польском

Воеводства (департаменты)	В Княжестве Варшавском (1810 г.)		В Королевстве Польском (1827 г.)		В границах Королевства Польского (на начало XIX в., по данным прусской статистики)	
	(чел.)	Доля от общего числа шляхты в %	(чел.)	Доля от общего числа шляхты в %	(чел.)	Доля от общего числа шляхты в %
Мазовецкое (Варшавский)	5 256	14,4	58 211	96,8	7 384	12,3
Краковское	592	7,6	4 661	91,6	599	11,8
Калишское	1 102	8,8	15 117	97,9	1 670	10,8
Люблинское	747	12,6	10 384	95,3	2 585	23,7
Сandomирское (Радомский)	332	3,3	18 232	97,7	607	3,3
Плоцкое	38 026	56,5	66 166	84,5	88 781	113,4
Августовское (Ломжинский)	44 000	74,6	55 358	80,6	104 392	133,3
Подляское (Седлецкий)	24 000	61,5	37 479	83,7	48 477	108,2
Итого	114 077	36,1	265 370	87,9	254 495	84,3

Таблица № 16.
Численность мелкой шляхты в Королевстве Польском в 1827–1859/63 гг.

1827 г.		1834 г.		1848 г.		1859 г.		1859–1863 гг.	
Главы семей	Всего (чел.)								
32 490	239 200	32 835	145 377	34 492	124 459	40 898	171 414	40 541	294 787

Сведения о численности мелкой шляхты весьма противоречивы, что указывает на неполноту и сомнительную достоверность исходных материа-

лов, а также на несовершенство и погрешности методики статистического учета. В частности, вызывает сомнение величина суммарных показателей в четверть миллиона человек в 1827 г., что почти равнялось численности всей мелкой шляхты Речи Посполитой конца XVIII в., а также удвоение числа мелкой шляхты Королевства Польского в сравнении со временем Княжества Варшавского. О погрешностях статистического учета и методики определения принадлежности к данной шляхетской группе свидетельствуют показатели 1827–1863 гг. Так, за 7 лет, с 1827 по 1834 г., численность мелкой шляхты сократилась почти на 100 тыс. чел. — более чем на одну треть, при этом количество глав семей осталось практически неизменным. Столь же странные колебания наблюдались и в 1859–1863 гг.

Как отмечала Г. Хамерская, вплоть до второй половины 1860-х гг. мелкая шляхта не привлекала внимания исследователей и публицистов. Интерес к ней возник, во-первых, среди экономистов в связи с проблемой парцелляции фольварков и, во-вторых, в связи с массовым участием мелкой шляхты в восстании 1863 г. Наибольшая часть исследований приходится на 1875–1905 гг. В исторической литературе мелкая шляхта рассматривалась преимущественно как слой, пополнявший городское население и послуживший одним из источников формирования интеллигенции³⁰.

В имеющихся статистических данных весьма трудно выделить мелкую шляхту из числа сельского (крестьянского) населения, среди которого встречаются выробики и коморники-шляхтичи, а также шляхтичи — сельские ремесленники. В культурном отношении мелкие дворяне стремились сохранить свою обособленность от крестьянской среды. В их дворах сохранялись традиции планировки дворянской усадьбы, в одежде они следовали старошляхетским образцам. Установить по историческим источникам принадлежность таких людей к шляхте позволяют только частноправовые акты (ипотечные и тому подобные документы). Также не поддаются учету и шляхтичи, переселившиеся в города и составившие категорию деклассированной «бруковой» шляхты. Правда, подобные группы шляхты фактически утратили принадлежность к господствующему сословию. Как и в Российской империи в целом, в Королевстве Польском происходил процесс отторжения мелких дворян от шляхетского сословия и их сближения с непривилегированными сословиями крестьян и горожан. Политика властей Королевства была направлена на установление опеки над мелкими дворянами. Их усадьбы присоединялись к гминам, где войтами были крупные помещики. Мелкодворянских гмин было очень мало. По своему экономическому состоянию мелкие дворяне не могли воспользоваться кредитом, предоставляемым землевладельцам. В качестве продвижения по социальной лестнице выходцы из этой среды в основном могли рассчитывать на место в рядах низшего чиновничества и служащих у частных лиц.

Можно подтвердить наблюдение Э. Ростворовского, что в основном мелкая шляхта владела землей в Плоцком, Августовском и Подляском воеводствах, а в остальной части страны ее доля как в числе всей шляхты, так и в шляхетском землевладении была относительно невелика и не превышала 15%. Это позволяет сделать вывод, что в целом значение мелкой

шляхты в социальном устройстве и сословной системе Королевства Польского все более сокращалось, а сама она по своему положению все более приближалась к непривилегированным сословиям.

Основу экономически и политически господствующего шляхетского сословия в Королевстве Польском составили землевладельцы — наследственные обладатели дворянского достоинства, численность которых достигала в 1827 г. 32,5 тыс. человек. Именно они, согласно наиболее достоверным данным Ф. Родецкого, представляли всю шляхту Королевства Польского на исходе первой трети XIX в. В их владении находилось 4 205 частных имений и 885 имений из состава государственных имуществ. К этому числу можно добавить 3 226 имений, находившихся в условном владении. Итого шляхте принадлежало 8 316 имений, что равняется числу имений, приведенному Т. Корзоном. Около четверти из общего числа землевладельцев приходилось на богатую шляхту.

Период после разделов Речи Посполитой и время Княжества Варшавского, совпавшие с эпохой наполеоновских войн, в правовом отношении наложили существенный отпечаток на положение польской шляхты. Абсолютистские государства, разделившие между собой в 1790-е гг. польские земли, приняли меры, направленные на инкорпорацию польского дворянства в собственную сословную систему. Формы и методы этой политики в своих истоках восходили еще к 1770–1780-м гг., ко времени после первого раздела Польши. Уже тогда в России, Австрии и Пруссии польские дворяне должны были присягнуть новым государям, а также получить от них подтверждение своего дворянского статуса и происхождения, а также прав на дворянские титулы и на владение именьями, что было условием причисления их к «благородным» сословиям этих держав. Наделение сословными привилегиями дворянства присоединенных территорий в Берлине, Вене и Петербурге, с одной стороны, рассматривали как способ обеспечения лояльности польской шляхты новым государям и управляемости присоединенных областей, а с другой — проверка обоснованности приобретения дворянских прав была одним из способов экспроприации польской шляхты, лишения земельных владений тех, кто не смог подтвердить дворянского происхождения, и осуществления экспансии собственного дворянства на захваченные земли бывлой Речи Посполитой. Последние меры особенно затронули представителей мелкой шляхты, которые зачастую были не в состоянии представить соответствующие документы. Наиболее широко подобная практика получила распространение в областях, занятых Пруссией. После второго раздела Польши, в эпоху наполеоновских войн, эта политика была продолжена, с той только особенностью, что подтверждение исконных привилегий польской шляхты рассматривалось абсолютистскими режимами как соблюдение «законности», в отличие от «якобинского произвола» революционных властей Франции. Однако третий раздел Польши формально означал и конец суверенных прав и привилегий шляхетского сословия Речи Посполитой.

Создание Княжества Варшавского по сути восстановило на его территории польскую шляхту во всех имущественных, сословных и политических правах прежнего рыцарства Речи Посполитой. Законодательство о шляхте 1807–1812 гг. осталось основанным на ушедшем в глубь веков праве и

правовой традиции шляхетской республики. В этом смысле оно не соответствовало принятым в то время в европейских странах юридическим стандартам рубежа XVIII–XIX вв. в оформлении статуса и прав сословий, хотя и восприняло некоторые юридические новации наполеоновского времени. К тому же система сословного ценза была дополнена в Княжестве предусмотренным Кодексом Наполеона имущественным цензом, что формально явно не согласовывалось с сословными принципами устройства общества. Таким образом, с одной стороны, в своей основе — в праве на монополию владения землей и в незыблемости сословных привилегий — господствующий статус польской шляхты затронут не был, однако, с другой стороны, его законодательное оформление содержало в себе существенные противоречия и не соответствовало уже современным требованиям. Исходя из этого, Е. Едлицкий утверждал, что если под сословием понимать большие группы людей, обособленные различием основных прав, то уничтожение правовых различий между сословиями есть их одновременная ликвидация. В этом значении, констатировал историк, в Княжестве Варшавском и Королевстве Польском шляхта перестала существовать. Однако, по его же словам, привнесенные извне нормы права (Кодекс Наполеона) не могли ни разрушить одним ударом вековые навыки, ни преодолеть укоренившиеся традиции социальных групп³¹. Поэтому законодательное изменение сословного устройства Княжества Варшавского не означало ликвидации сословного строя польских земель, унаследованного от шляхетской Речи Посполитой.

С созданием Королевства Польского политика реставрации «старого порядка», проводившаяся великими державами после окончания наполеоновских войн, затронула и польское шляхетство. В 1816 г. императорский наместник Ю. Зайончек поручил В. Соболевскому, замещавшему тогда министра юстиции Королевства Т. Вавжецкого и вскоре возглавившему Правительственную комиссию юстиции, составить проект правил для декрета «О признании дворянства». Комиссия Соболевского предложила сформулировать правила по 4 разделам: 1) натурализация иностранного дворянства; 2) признание шляхетства; 3) титулы дворянского достоинства; 4) общие положения. Эти предложения 29 сентября 1816 г. были рассмотрены Государственным советом Королевства. Докладчиком был К. Козьмян, который ограничил проект только двумя разделами — о признании дворянства и титулах. В дальнейшем проект Козьмяна был переработан А. Городыским и вновь представлен Государственному совету в мае 1817 г., после чего, месяц спустя, был утвержден Александром I³².

Практика пожалования дворянства была издревле известна в Польше, а первый случай прошения о нобилитации относился еще ко времени Станислава Августа; дважды подобные пожалования были проведены во времена Княжества Варшавского. Подготовленный в Государственном совете и утвержденный царем декрет 1817 г. открывал дорогу к обретению дворянства в Королевстве Польском учителям и чиновникам (после 10 лет службы), награжденным за храбрость военнослужащим и другим лицам, имевшим заслуги перед отечеством. Александр I издал 29 указов о нобилитации, Николай I — 20. В числе пожалованных были:

медики (профессора, врачи, в том числе военные врачи, фармацевты)	12 чел.
собственники (в том числе 1 купец, 1 держатель гос. имуществ)	11 чел.
чиновники	10 чел.
военные (1 генерал, 1 полковник, 2 подполковника, 1 майор)	6 чел.
учителя	6 чел.
юристы (профессора, судьи, адвокаты)	6 чел.
инженер (Войцех Ланге, удостоенный дворянства еще до 1817 г.)	1 чел. ³³

До середины XIX в. к польскому дворянству было причислено чуть более полусотни новых обладателей шляхетского достоинства. Разумеется, повлиять существенно ни на сословную структуру польского общества, ни на сословный статус дворянства такие пожалования никоим образом не могли. Более того, они только подчеркивали курс на охрану шляхетских привилегий и поддержание сословной замкнутости дворянства. Возведение в шляхетское достоинство наиболее образованных, профессионально подготовленных и заслуженных представителей иных сословий укрепляло господствующие позиции шляхты, ибо люди, вновь получившие дворянские привилегии, становились ревностными защитниками интересов сословия, к которому стремились присоединиться. Способность шляхты включить в свои ряды и привлечь на свою сторону таких людей свидетельствовала о возможности сословия еще более укрепить свое господство.

Среди лиц, получивших нобилитацию, 11 человек были обладателями имущественного ценза. Их небольшое число свидетельствовало, что собственников-недворян, имевших значительную недвижимость, богатство которых позволяло бы им претендовать на шляхетство, было крайне мало. Следовательно, монополия шляхты Королевства Польского на владение землей оставалась практически незыблемой. Все получившие шляхетство военные были генералами и старшими офицерами. Это указывало, что на причисление к шляхте могли рассчитывать только чиновники относительно высокого ранга. А поскольку таких пожалований было немного, очевидно, что высоких чинов на службе как военной, так и гражданской достигали, как правило, только дворяне. Наконец, больше половины всех получивших нобилитацию принадлежали к государственному аппарату (административному, военному или судебному), поэтому можно заключить, что путь к получению шляхетства открывала только служба дворянскому государству.

Особое значение имела нобилитация учителей. Однако ни с точки зрения законодательства, ни с точки зрения практики это положение декрета 1817 г. не представляло собой новеллу. Вопрос о предоставлении шляхетства учителям обсуждался еще во времена деятельности в Речи Посполитой Эдукационной комиссии. Четырехлетний сейм 1788–1792 гг. под давлением консервативных сеймиков обошел молчанием соответствующее

предложение Г. Коллонтая. Лишь Гродненский сейм 1793 г. предоставил учителям это право наравне с военными. Таким образом, нобилитации времени Королевства Польского стали в известной мере только продолжением законодательства и практики предшествовавшего периода. Однако они были особенно важны, поскольку, применительно к учителям, отражали осознание правящими верхами и шляхтой значения политики в области народного просвещения для сохранения польской национальной и государственной традиции и господства дворянства в сфере общественного сознания.

Оформление социального и сословного статуса дворянства Королевства Польского было завершено после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. 7 июля 1836 г. в Петербурге Николай I подписал закон о дворянстве³⁴, согласно которому дворянский статус польских шляхтичей подлежал документальному подтверждению и узаконению. С этой целью в 1837 г. для Польши создавалось расположенное в Петербурге особое учреждение российского Правительствующего сената по регистрации и охране дворянских прав — Герольдия Королевства Польского. Всего в Королевстве было узаконено шляхетство 3 863 лиц (фамилий), отказано по 104 прошениям и 1 456 прошений отложено до предоставления доказательств³⁵. Основаниями для признания дворянства служили:

1. постановления о нобилитации (дипломы, выписки из конституций сеймов)	339 чел.
2. обладание титулом	75 чел.
3. занятие должности в Речи Посполитой	427 чел.
4. награждение орденом	127 чел.
5. владение недвижимыми имениями до 1775 г.	2 829 чел.
6. чин капитана и выше (после 1815 г.)	66 чел.
Всего	3 863 чел. ³⁶

Эти меры царских властей и администрации И. Ф. Паскевича в Королевстве Польском Е. Едлицкий справедливо расценил как «восстановление сословного строя», «формирование вновь шляхетского сословия», «возобладание в законодательстве консервативных тенденций» и «в известной мере поворот к старопольским феодальным основам организации общества»³⁷. Политика Николая I, направленная на подавление революционного движения в России, в Польше и в Европе в целом, была связана с усилением реакции во всех сферах общественной жизни. Однако его курс на консервацию сословного строя, прав и привилегий дворянства не отличался новыми качественными чертами по сравнению с предшествующим периодом. В 1830-е гг. аналогичные меры по упорядочению правового статуса дворянства как господствующего сословия были предприняты в России и в других областях империи, в том числе и в Королевстве Польском. Общим для этих мер было лишение сословных прав мелкого безземельного дворянства, ограничение доступа в дворянство выходцев из других сословий, охрана дворянского характера государственного аппарата и гарантий монопольного права «благородного» сословия на владение землей и

крестьянами. В Королевстве Польском, как и в других областях империи, где крестьяне в начале XIX в. получили личную свободу от крепостной неволи (например в Прибалтике), охрана дворянских прав касалась монополии на землю и консервации феодальной зависимости крестьянства, что открывало для помещиков возможность его полуфеодальной эксплуатации. Законодательное оформление сословных привилегий и сословной замкнутости шляхты в Королевстве Польском в 1830-е гг. приобрело, по сравнению с конституционным периодом, некоторые новые черты, однако сами привилегии и в первую очередь монополия на землю остались без изменений. Шляхта, как отмечал Г. Грынвассер, используя свое политическое (то есть сословное) превосходство, рассматривала все права крестьянина на землю, которую тот обрабатывал, как права сеньориальные, а самого крестьянина — как временного держателя господского имущества³⁸. Именно в главном вопросе о шляхетской монополии на владение землей состояла принципиальная преемственность шляхты как сословия Речи Посполитой, Княжества Варшавского и Королевства Польского. Фундаментальным основанием для признания шляхетства по закону о дворянстве 1836 г. стало владение недвижимыми имениями до 1775 г. По нему подтверждение дворянства получили 60% шляхетских фамилий. Несомненно, что шляхтичи-землевладельцы составляли подавляющее большинство и среди прочих категорий лиц, получивших подтверждение дворянства. Если суммировать число владельцев недвижимых имений и число держателей государственных имуществ в 1827 г., то получим 5 090 фамилий. Практически аналогичной величины будет сумма фамилий, получивших подтверждение шляхетства, и фамилий, ожидавших такого подтверждения после 1837 г. (5 319). Именно они составляли господствующее шляхетское сословие Королевства Польского.

В Королевстве Польском 1815–1830 гг. в общем объеме шляхетского землевладения и государственных имуществ, которые также находились в распоряжении («в держании») у шляхты, половину (49%) всей земли составляли фольварки — крупные товарные помещичьи хозяйства, основанные на отработочной системе эксплуатации труда крестьян. Владельцев таких фольварочных хозяйств было около 4 тыс. чел., на которых работали 2,8 млн. крестьян³⁹. Эти данные согласуются как с общим числом в пять с небольшим тысяч шляхетских имений, так и с числом шляхетских родов, получивших подтверждение дворянства после 1836 г. По подсчетам Грынвассера, в предшествовавшем периоде фольварочная шляхта Княжества Варшавского насчитывала 14 991 чел., что, учитывая численность шляхетских семей, также не противоречит приведенным данным по Королевству Польскому в 1820-е гг. Они показывают только, что доля фольварков в структуре шляхетских владений по сравнению со временами Княжества Варшавского лишь возросла. В то же время 2,8 млн. крестьян, работавших на фольварках, составляли 88% от 3,2 млн. сельского населения Королевства Польского⁴⁰.

К началу XIX в. резервы для роста шляхетского землевладения вширь практически были давно исчерпаны. Однако, изыскивая пути к расширению своих земельных богатств, шляхта Королевства Польского обратила взоры

на государственные имущества. По своему происхождению они восходили к владениям польских королей и литовских великих князей, а в шляхетской Речи Посполитой представляли собой фонд староств и королевщин, которые по воле польских монархов раздавались в пожизненное владение (без права продажи и передачи по наследству) должностным лицам шляхетской республики. Стремясь лишить польских королей последних рычагов политического влияния в стране, магнаты и шляхта в XVIII в. добивались в той или иной форме передачи королевщин в частное владение.

Еще на сейме 1773–1775 гг. было решено, все находившиеся ранее в пользовании должностных лиц староства возвратить во владение короля. При этом сейм принял особое постановление, согласно которому их надлежало вновь раздать в условное держание на 50 лет посредством публичного конкурса тем лицам из числа шляхтичей, кто предложит за это бóльшую сумму денег. Исключение делалось только для староств, связанных с судебской должностью. Претенденты на них должны были обладать образованием и знаниями в области польского права. В этом случае сеймик избирал бы одного из четырех представленных кандидатов. Такая раздача староств, с точки зрения законодателей, пополнила бы государственную казну, король лишался бы возможности за счет староств привлекать к себе сторонников, а сами королевщины оказались бы в руках шляхетской верхушки. В своих интересах раздачу староств использовали иностранные дворы, покровительствуя в этом своим клиентам. Таковых в числе претендентов было три четверти — 300 чел. на землях Польской Короны и 53 чел. в Литве⁴¹.

Подробно вопрос о староствах обсуждался на Четырехлетнем сейме 1788–1792 гг. 23 декабря 1791 г. было рассмотрено соответствующее Положение, утвержденное постановлением сейма 23 декабря 1792 г. При этом в деле о королевщинах реформаторы и консервативный лагерь обошлись по существу без разногласий. Положение предусматривало продажу с аукциона всех староств на основе права частной собственности и уравнение их со всеми другими категориями недвижимых имений. Все ранее имевшие место случаи продажи королевщин подлежали пересмотру, с возможностью их возврата в государственную собственность. Приобретать староства могли шляхтичи, горожане, иностранцы, обязанные только принести присягу Речи Посполитой⁴². Проект принимался в чрезвычайных обстоятельствах, когда шляхетская республика крайне нуждалась в средствах, чтобы противостоять внешним врагам. Он нес на себе и отпечаток «духа времени», что обусловило новеллу о допуске к распродаваемым староствам не только шляхтичей, но и представителей других сословий. Однако представлявшие рыцарское сословие послы сейма были убеждены, что все королевщины останутся в руках шляхты.

Постановления Четырехлетнего сейма были отменены Тарговицкой конфедерацией, а затем и конституциями Гродненского сейма 1793 г. Однако с образованием Королевства Польского польская шляхта вновь подняла вопрос о прежних королевщинах, которые именовались теперь «народным достоянием» или государственными имуществами. Взгляды шляхты по этому вопросу изложил в 1821 г. экономист и литератор, профессор поли-

тической экономики Варшавского университета Ф. Скарбек в двухтомном сочинении «Применение народного хозяйства или наука администрации». Как и другие его ученые современники в Польше, Скарбек был последователем физиократов, воззрения которых трактовал в помещичьем духе. Рассматривая способы управления государственными имуществами, он отвергал как наихудшую, по его словам, форму, когда «национальным достоянием» распоряжаются назначенные чиновники критиковал он и краткосрочное держание, так как в этом случае пользователь не заботится о качестве земли. Наилучшим, по мнению Скарбека, способом распоряжения государственными имуществами была бы раздача государственных имений в долгосрочное условное держание (*emfiteusis*). При этом он прямо ссылаясь на нормы постановления сейма 1775 г. и выдвигал проект долгосрочного частного наследственного держания государственных имуществ, регламентированного договором между владельцем и государством⁴³. В Королевстве Польском 1815–1830 гг. вопрос о государственных имуществами не раз обсуждался в различных правительственных комиссиях и в сейме, однако никаких решений так и не было принято. Правительство придерживалось основанной на традиции практики раздачи «национального достояния» в «держание» своим сторонникам, руководствуясь конъюнктурными политическими соображениями. Однако и те шляхетские проекты, которые исходили из стремления упорядочить управление государственными имуществами и придать ему некоторое законодательное основание, не шли дальше норм полувековой давности, установленных в 1773–1775 гг.

Вслед за крестьянством и шляхтой основополагающая роль в социальном устройстве и сословной структуре Королевства Польского принадлежала городу и горожанам, хотя их доля в населении страны была относительно невелика. Значение города определялось тем, что он был центром экономической, общественной, политической и культурной жизни Королевства. Именно в городе в первую очередь находили выражение прогрессивные явления во всех областях жизни страны.

Данные о численности городского населения по департаментам Княжества Варшавского (1810 г.) и по воеводствам Королевства Польского (1827 г.), а также по крупнейшим городам приведены в Приложении (таблица VI). Самыми большими (свыше 10 тыс. чел. населения) городами Княжества были Варшава, Краков и Познань. После 1815 г. два последних оказались за пределами Королевства. Познань вновь перешла во владение Пруссии, которой отошли наиболее урбанизированные области прежнего Княжества (Познанский и Быдгоцкий департаменты и часть Калишского департамента).

На рубеже XVIII–XIX вв. польские города большей частью представляли собой небольшие местечки, которые вследствие разделов страны, а в дальнейшем в эпоху наполеоновских войн пришли в упадок. Большинство домов в таких городках были деревянные и крытые соломой. Об этом писали С. Сташиц, Ю. Немцевич, Е. Флат — автор содержащего ценные сведения по исторической географии и статистике «Описания Княжества

Варшавского»⁴⁴. В 1812 г. префект Варшавского департамента доносил, что «в некоторых городках живут только земледельцы без всякого признака торговли или художества [...], местечки эти настолько бедны, что ничем не отличаются от деревень»⁴⁵. Плачевное состояние польских городов в то время видно и на примере Варшавы (см. таблицу № 17).

ТАБЛИЦА № 17.
Население Варшавы 1787–1813 гг.⁴⁶

Годы	1787	1795	1796	1797	1800	1804	1808	1810	1813
Численность населения	96 143	66 572	66 479	75 635	74 590	78 431	68 411	77 727	78 677
В том числе расквартированных прусских войск				10 806	11 232	11 670			
Количество домов			3 680		3 787	3 452		3 273	

В 1800 г. население польской столицы сократилось (по сравнению с 1787 г.) на 34,1%. Город не только терял жителей, но и разрушался физически. За 10 лет, с 1800 по 1810 г., в нем было утрачено 514 домов, что примерно составляло 1/7 часть городской застройки. Вот как описывал некогда величественный город на Висле Е. Едлицкий, приводя свидетельство одного из современников: «Варшава уже утрачивает наименование столицы и меняет весь свой облик [...]. Всякий, у кого имеется какой-то уголок в деревне, покидает Варшаву; дешева в ней жизнь, дешево жилье, а население, однако, уменьшается [...]. Каждый хочет продать свой дом, только — некому». Соперничество столицы с провинцией, констатировал польский историк, завершается, таким образом (вследствие раздела Речи Посполитой. — *Б. Н.*), тем, что столица в течение одного года сама превращается в провинциальный город, в столицу провинции Южная Пруссия»⁴⁷. Не лучше обстояло дело и во времена Княжества Варшавского. Только с созданием Королевства Польского столица стала восстанавливаться, приобретая новый парадный облик, а ее население превысило некогда уже достигнутый накануне второго раздела Речи Посполитой уровень в 100 тыс. жителей.

Вскоре после основания в 1815 г. Королевства Польского власти энергично взялись за ликвидацию разрушенных и ветхих строений в городах. 27 мая 1817 г. наместник издал соответствующий декрет. Правда, выполнен он так и не был, поэтому в 1836 г. это распоряжение пришлось повторить вновь. Закон 1818 г. под угрозой люстрации обязывал владельцев в течение 3–4 лет застроить все заброшенные участки. В 1820 г. предписывалось возвести на пустующих местах строения или разбить сады и огороды так, чтобы были обозначены улицы. Это постановление также не было реализовано, поэтому в 1836 г. пришлось издать распоряжение об ограждении пустых посессий⁴⁸.

ТАБЛИЦА № 18.
Численность населения и количество домов в городах
Княжества Варшавского и Королевства Польского

Княжество Варшавское 1810 г.			Королевство Польское 1827 г.				
Департаменты города	Число домов	Числен- ность населения	Воеводства города	Число домов	В % к 1810 г.	Числен- ность населения	В % к 1810 г.
Варшавский	19 757	133 403	Мазовецкое	13 812	69,9	253 940	190,3
<i>Варшава</i>	3 273	77 727	<i>Варшава</i>			131 000	168,5
Краковский	9 752	71 847	Краковское	8 660	88,8	75 343	104,8
			<i>Ченстохова</i> *			6 000	268,7
Калишский	11 004	76 266	Калишский	10 318	93,8	100 679	132,0
<i>Калиш</i>	464	7 256	<i>Калиш</i>			12 000	165,3
<i>Ченстохова Стара</i> *	305	2 233					
Люблинский	14 123	81 509	Люблинское	13 726	97,2	111 112	136,5
<i>Люблин</i>	891	7 105	<i>Люблин</i>			13 000	183,0
Радомский	10 994	62 948	Сандомирское	9 776	98,4	84 179	133,7
<i>Сандомир</i>	217	1421	<i>Сандомир</i> **	390	179,7	3 086	217,1
Плоцкий	6 399	49 971	Плоцкое	6 549	102,3	81 539	163,2
<i>Плоцк</i>	554	5 421	<i>Плоцк</i>			9 000	166,0
Ломжинский	9 944	57 531	Августовское	8 787	88,4	84 403	146,7
Седлецкий	9 348	51 486	Подляское	8 590	91,9	67 913	131,9

* С 1815 г. в составе Краковского воеводства.

** Данные 1822 г.

Изменения внешнего и социального облика польских городов находят отражение и в данных статистики, составленных на основе материалов, которые приведены в Приложении (таблица VI).

В то время как в 1827 г. по сравнению с 1810 г. население крупных городов возросло в 1,5–2 раза, а в целом городское население — в 1,5 раза, количество домов в городах даже не достигло уровня 1810 г. (см. таблицу № 18). Причины этого крылись не только в упадке польского города после раздела Польши и наполеоновских войн. Во второй половине 1820-х гг. в города Королевства были уже восстановлены, хотя это восстановление протекало и медленно. Отмеченный разрыв между ростом городского населения и количеством домов отражал две весьма существенные тенденции урбанизации в первой половине XIX в. как в Польше, так и в России. Во-первых, характерные для прежних времен дома усадебного типа постепенно заменялись на двух- и трехэтажную застройку вдоль красной линии улиц, на месте старых

обветшавших построек возводились новые здания с торговыми и ремесленными предприятиями на первых этажах и жилыми помещениями в бельэтаже. Рядом с историческими центральными частями городов, застроенными каменными зданиями еще в предшествующие эпохи, во многих польских городах возникали улицы и кварталы, подобные варшавскому Новому Святу. Города Королевства постепенно приобретали буржуазный облик. С ростом городского населения росло число квартир, сдаваемых внаем, росла и скученность среди городских низов. Наиболее ярко отмеченные тенденции проявились в крупных городах и новых центрах текстильной, горной и железодельной мануфактурной промышленности.

Население подавляющего большинства городов Королевства не превышало 2 тыс. чел. Общее число городов Королевства (483 — в 1819 г.⁴⁹) не только не достигло в дальнейшем уровня Княжества Варшавского (633 — в 1810 г.⁵⁰), но даже несколько сократилось, что было связано как с неравномерностью развития городов и упадком отдельных городских центров, так и с политикой правительства, лишившего мелкие частично опустевшие городки их статуса.

В целом экономический уровень развития польского города был относительно невысок. В большинстве малых городов собираемых с населения городских доходов даже не хватало на жалование состоявшему из двух человек городскому правлению. В таблице № 19 приведены сведения о размерах городских доходов в 1819 г. в сопоставлении с их уровнем 1840-х и 1860-х гг., что отражает наметившуюся в Королевстве Польском тенденцию экономического развития города.

ТАБЛИЦА № 19.
Доходы городов Королевства Польского (1819–1865 гг.)⁵¹

Доходы городов *		1819 г.		1842 г.		1865 г.	
		Число городов	% от общего числа	Число городов	% от общего числа	Число городов	% от общего числа
В рублях	В польских злотых						
Более 15 000	Более 93 000	3	0,6	8	1,6	11	2,4
10 000–15 000	62 000–93 000	–	–	4	0,8	5	1,1
6000–10 000	37 200–62 000	2	0,4	11	2,5	15	3,3
3000–6000	18 600–37 200	4	0,8	30	6,7	41	9,1
1500–3000	9 300–18 600	23	4,9	62	13,7	81	18,1
150–1500	930–9 300	257	53,1	308	68,1	281	62,7
Менее 150	Менее 930	73	15,2	28	6,2	15	3,3
Без дохода		121	25,1	2	0,4	–	–
Всего		483	100	453	100	449	100

* Данные в таблице приведены по курсу серебряного рубля, введенного в обращение в 1839 г. Его курсовые соотношения с рублем в ассигнациях и польскими злотыми, бывшими в обращении в 1820-е гг., весьма приблизительны. Однако принято считать, что один рубль серебром равнялся примерно 4 рублям в ассигнациях и 6,2 польским злотым⁵².

Профессиональная структура жителей польских городов накануне образования Королевства Польского зафиксирована в весьма подробных сведениях переписи населения Княжества Варшавского 1810 г. (см. таблицу № 20). В существенных чертах эта структура не претерпела изменений и в Королевстве Польском 1815–1830 гг. В данных о профессиональном составе населения переписи 1810 г. нет разделения на городских и сельских жителей, но по характеру их профессиональной деятельности можно с достаточной степенью достоверности полагать, что люди, не связанные непосредственно с аграрным производством, составляли население городов.

Таблица № 20.
Профессиональная структура городского населения
Княжества Варшавского по переписи 1810 г.⁵³

Профессиональная группа		Численность чел.	Доля в населении страны	Профессиональная группа		Численность чел.	Доля в населении страны
I	Чиновники, учителя, лица свободных профессий	10 349	1,1	V	Содержатели шинков и др. подакцизных заведений	20 710	2,1
II	Врачи и другие работники здравоохранения	1 448	0,1	VI	Фабриканты	690	менее 0,1
III	Торговцы	16 475	1,7	VII	Ремесленники, включая ремесленную челядь	87 478	8,8
IV	Содержатели трактиров и подобных заведений	1 564	0,1	VIII	Держатели промыслов	4 998	0,5

Тенденции развития польского города прежних времен, прежде всего как центра ремесла и торговли, были после разделов шляхетской Речи Посполитой преемственно продолжены в Княжестве Варшавском и в дальнейшем — в Королевстве Польском. По переписи 1810 г., абсолютное большинство городского населения было занято в ремесленном производстве, промыслами, а также в торговле. Причем в последней решительно преобладали содержатели шинков (заведений по продаже алкоголя) и других подакцизных заведений, а также трактирщики. Это указывало на особое значение питейных доходов в экономике городов и питейных сборов в доходах казны.

В целом структура ремесленного производства польских городов Королевства Польского сохранила те же качественные черты, что и во времена Княжества. Данные о ремесленных специальностях по переписи 1810 г.

приведены в Приложении (таблица VII). Всего перепись зафиксировала 46 ремесленных специальностей, а также 3% ремесленников, специальность которых не была обозначена. Поэтому приведенные данные полностью отражали специализацию польского ремесла того времени. Наибольшее число ремесленников было занято выделкой кож и изготовлением кожевенных изделий (22,8%). Далее следовали переработка сельскохозяйственной продукции и пищевое производство (17,9%). На третьем месте по числу занятых ремесленников было производство одежды (12,7%). За ними по убывающей шли обработка металла (12,4%), текстильное производство (10,9%), строительство (8,4%), галантерейное (1,3%) и типографское (0,3) производства. Значительный вес в структуре ремесла принадлежал отдельным специальностям, таким как гончары, столяры, бондари, колесные мастера. В целом структура ремесла не отличалась высоким уровнем специализации и соответствовала потребностям, главным образом, населения самих городов и прилегающей сельской округи. Продукция ремесла была ориентирована как на потребности широких социальных слоев, так и на запросы общественных верхов.

Развитие ремесла в технологическом и социальном плане подготовило условия для развития мануфактурного производства. В первую очередь они созревали в текстильной промышленности. В частности, уже перепись 1810 г. выделяет суконщиков (работников суконного производства) и сукноделов — содержателей суконных мануфактур, которыми владели 79 глав семей. Крупное производство развивалось и в области изготовления хлопчатобумажных тканей. Оно было основано на импортном сырье и применении станочного оборудования, что обуславливало относительно крупные размеры текстильных предприятий. При этом в производстве обычных хлопчатобумажных тканей преобладала централизованная мануфактура, а в изготовлении изысканных тонких тканей — рассеянная, где в большей степени применялся надомный женский и детский труд. Это находит подтверждение и в статистике, согласно которой ремесленников, занятых в производстве тонких тканей, было примерно на 1/5 часть больше, чем обычных ткачей. Производство хлопчатобумажных тканей как по объему, так и по уровню концентрации производства развивалось высокими темпами, существенно опережая традиционное сельское домашнее производство холста.

Четвертое место по числу ремесленников занимала обработка металлов. Подавляющее большинство среди работавших в этой области составляли кузнецы (городские и сельские). Однако рядом с ними были и мастера высокой квалификации. Общий относительно высокий уровень металлообработки требовал собственного производства металлического сырья, что стимулировало создание в стране железоделательного производства и соответствующих мануфактур. Правда, продукция таких предприятий (железо в чушках) либо потреблялась в кузнечном производстве, либо экспортировалась для дальнейшей переработки. Потребляемый же польскими ремесленниками высокой квалификации черный и цветной металл, в прокате, листах или проволоке, ввозился из-за границы. В связи с развитием в городах строительства там основывались мануфактуры по обработке древесины и производству пиломатериалов, а также кирпича.

Развитие мануфактурного производства в Королевстве Польском в 1815–1830 гг. было обусловлено, с одной стороны, достигнутым уровнем ремесленного производства и потребностями рынка, а с другой — покровительственной политикой властей*. При этом последние руководствовались двумя главными целями: во-первых, способствовать переработке отечественного сырья и тем самым поддержать шляхетские фольварки, стимулируя спрос на их продукцию (что было весьма существенно в условиях аграрного кризиса в Европе), и, во-вторых, содействовать увеличению польского экспорта, что, по расчетам правительства, должно было позитивно сказаться на притоке денег в страну и на поступлении налогов в казну.

В Королевстве Польском государству принадлежала ведущая роль в развитии горно-металлургической промышленности. Правительство направляло усилия на закладку новых шахт и плавильных печей, на развитие цветной металлургии, в первую очередь, на производство меди и цинка, заботилось о внедрении передовых технологий металлообработки. Так, в 1816 г. было пущено первое в Польше прокатное производство⁵⁴. Видная роль в развитии горного дела и металлургии Королевства Польского принадлежала С. Сташицу и Ф. К. Друцкому-Любецкому. Становление металлургии Королевства во многом опиралось на опыт России и других соседних стран, особенно на примеры аналогичного производства в Силезии и Саксонии. Однако в отличие от этих стран, где главным стимулом развития металлургии были потребности военного ведомства, в Королевстве Польском тяжелая промышленность не имела военных заказов, поскольку этого опасались царские власти, и поэтому ориентировалась не столько на казенные военные поставки, сколько на потребности внутреннего и внешнего рынка.

Другим исключительно важным по значению направлением развития мануфактурной промышленности стало текстильное производство (изготовление льняного полотна, хлопчатобумажных тканей и сукна). В этой области действовали частные предприятия. Покровительственная политика государства находила выражение в косвенных мерах налогового и тарифного законодательства. Наиболее бурно текстильное производство в 1815–1830 гг. развивалось на территории Мазовецкого и Калишского воеводств, в Лодзинском промышленном районе. Возник он в сельской местности, где развитию мануфактурного производства не препятствовало консервативное законодательство о городах, привилегии частных владельцев и городских ремесленных и торговых корпораций. В Лодзинском районе получили развитие все отрасли текстильного производства, однако в 1815–1830 гг. первенство принадлежало сукноделию. Сукно производилось для внутреннего рынка, для потребностей армии и на экспорт. Главным центром сукноделия был город Згеж. В 1823 г. на тамошних суконных мануфактурах работали более двухсот мастеров, а красильное производство считалось лучшим в королевстве. За пять лет, с 1823 по 1827 г., число работников, занятых в текстильном производстве, возросло в Мазовецком воеводстве в 3,5 раза, а в Калишском — в 4 раза⁵⁵.

* Подробнее о развитии мануфактурного производства см. гл. 3.

Вторым по значению после ремесла занятием городского населения была торговля*. Перепись 1810 г. зафиксировала 11 видов торговой деятельности, их соотношение представлено в таблице № 21.

При этом выделено только три специализированных вида торговой деятельности (финансирование торговли, книготорговля и продажа галантереи). По числу занятых (60%) и по оборотам решительно преобладала розничная и мелкая торговля. Оптовая торговля обслуживала преимущественно помещичьи фольварки и мануфактурный сектор экономики и сосредоточивалась на перепродаже сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья. Финансовая сфера была связана преимущественно с торговлей и главным образом, с одной стороны, зависела от потребностей торгового капитала, а с другой — концентрировалась на ростовщичестве, что и обусловило исключительное преобладание вексельных и ростовщических операций. Иных сфер финансовой деятельности перепись 1810 г. не зафиксировала. Учетный курс по дисконтным операциям в период, предшествовавший образованию в 1828 г. Польского банка, колебался от 10 до 24%⁵⁷. Это дополнительно свидетельствовало о низком экономическом потенциале польского города, о слабости его внутренних ресурсов. Экономическая и социальная структура города соответствовала уровню развития простого товарного производства. Город обладал крайне ограниченными людскими и материальными возможностями для расширенного воспроизводства и капиталистического накопления. Таким образом, основные тенденции развития города как социального института в первой трети XIX в. находились в том же русле, что и во второй половине XVIII в.

Невысокий экономический потенциал польского города и замедленность его социального развития стали важными причинами преобладания консервативных тенденций в сословном строе города и сословном статусе отдельных групп городского населения. Важнейшей сословной привилегией горожан, установленной издревле и сохраненной неизменно в Королевстве Польском 1815–1830 гг., было исключительное право торговой, ремесленной и промысловой деятельности. Право это поддерживалось податной системой и было связано с обложением горожан консумпционным сбором (на производство пряжи и убой скота)⁵⁸.

Провозглашая сохранение за городами всех прежних прав и привилегий, законодательство Королевства Польского устанавливало целый ряд запретов для крестьян и еврейских общин на торговую и ремесленную деятельность в городах. Важнейшим элементом сословной организации горожан была цеховая система, получившая в 1816 г. новое законодательное оформление в декрете наместника «Об управлении ремеслами, искусствами и профессиями». В нем звучали свойственные «духу времени» декларации о свободе предпринимательства, о недопустимости монополий и т. п. Однако утвержденная декретом система, по сути, продолжала прежние традиции, когда торговля и ремесло в городах регулировались цехами во главе с пожизненно избранными мастерами. Цехи охраняли свои привиле-

* Подробнее см. гл. 3.

ТАБЛИЦА № 21.
Число людей, занятых в торговле (по переписи 1810 г.)⁵⁶

№ пп.	Специальности	Департаменты										Всего		
		Варшавский	Краковский	Калишский	Люблинский	Радомский	Плоцкий	Познаньский	Быдгощский					
1	Банкеры	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	3	1	8
2	Дисконтчики	78	58	3	13	—	—	—	—	—	1	16	4	173
3	Ростовщики	—	15	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	16
I	Итого финансистов	80	73	5	13	—	—	—	—	—	2	19	5	197 1,08%
4	Опловые торговцы	830	506	490	561	436	—	—	—	—	547	1 174	430	4 974
5	Розничные торговцы	844	669	538	236	240	—	—	—	—	429	1 163	627	4 746
II	Итого торговцев	1 674	1 175	1 028	797	676	—	—	—	—	976	2 337	1 057	9 720 53,3%
6	Мелкие торговцы (лоточники)	469	145	499	830	557	—	—	—	—	447	1 381	153	4 481
7	Торговцы в разнос	547	306	58	3	9	—	—	—	—	80	161	257	1 421
8	Торговцы старьем	115	37	13	—	2	—	—	—	—	17	93	9	286
III	Итого мелких торговцев	1 158	488	570	833	568	—	—	—	—	544	1 635	419	6 188 34,0%
9	Посредники-комиссионеры	254	204	49	69	12	—	—	—	—	23	179	23	813
10	Галантерейщицы	24	3	4	—	321	—	—	—	—	—	—	—	352
11	Книготорговцы	9	19	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	30
12	Торговая челядь	59	238	—	18	16	—	—	—	—	—	459	17	807
13	Прочие	8	1	94	7	2	—	—	—	—	—	1	3	116
	Всего	3 239	2 201	1 750	1 737	1 595	—	—	—	—	1 545	4 632	1 524	18 223

гии, не допуская на городские торги сельских ремесленников и торговцев, препятствовали основанию новых ремесленных и мануфактурных предприятий, в частности, запрещая своим членам (подмастерьям и ученикам) работать на предприятиях, не получивших от ремесленного цеха разрешения на деятельность в городе. Как и прежде, цехи оставались замкнутыми корпорациями во главе с обособленной цеховой верхушкой — мастерами, допуск в которую подмастерьев был в высшей степени затруднен⁵⁹.

Охраняя сословные привилегии горожан в области ремесла и торговли, власти вместе с тем проводили курс на консервацию сословного неполноправия городского населения. Так, было сохранено установившееся еще во времена шляхетской Речи Посполитой деление на королевские и владельческие города, принадлежавшие крупным землевладельцам-магнатам. С 3 февраля 1816 г. королевские (народные, вольные) города именовались казенными, владельческие города — частными. Таким образом, примерно половина городов, находившихся на территории шляхетских владений, по-прежнему оставались под властью своих шляхетских сеньоров как собственников городской территории, по отношению к которым горожане выступали в качестве держателей городской недвижимости и платили чинш. Более того, шляхетские привилегии в отношении владельческих (частных) городов были даже расширены, когда право основания новых городов оказалось предоставлено исключительно дворянам⁶⁰.

Охраняя сословные привилегии горожан, шляхетское государство Королевство Польское целиком подчинило себе города в административном и полицейском отношении. Устанавливался особый статус воеводских городов, которые подчинялись воеводским комиссиям. Постановлением наместника от 27 февраля 1817 г. к воеводским городам были приравнены ряд крупных городских и промышленных центров: Лодзь, Влоцлавек, Лович, Згеж и др.⁶¹.

Система управления городами Королевства вводилась постепенно и прошла в своем формировании ряд этапов. Новый порядок был определен Органическим статутом 27 ноября 1815 г., согласно которому Королевство Польское разделялось на 51 городской гминный округ. Из них 8 округов образовывались в Варшаве, 2 — в Калише, по одному — в Сандомире, Пётркове, Люблине, Радоме и Плоцке. Остальные 36 округов объединяли прочие города страны. Только 15 апреля 1818 г. указом наместника были ликвидированы муниципальные и городские советы, учрежденные в 1807 г.

Право участвовать в гминных собраниях получили лица, не имевшие дворянства: 1) обыватели — собственники городской недвижимости, платившие соответствующие налоги; 2) фабриканты, ремесленники, купцы, имевшие собственных товаров не менее чем на 10 тыс. польских злотых (1,5 тыс. руб.); 3) священники и викарии; 4) профессора, учителя и все занятые в народном просвещении; 5) художники и другие лица, получившие общественное признание в области науки, искусства и за содействие торговле и промышленности⁶². Недворянский характер городских гмин только подчеркивал их сословный характер.

Примером городской гмины может служить гмина Сандомира — воеводского центра и относительно крупного города Королевства Польско-

го⁶³. Еще во времена Княжества Варшавского Сандомир имел большое значение во время войны 1809 г., так как обладал немалыми мобилизационными людскими и материальными ресурсами. В 1810 г. в городе было 217 домов и 1421 житель; в 1815 г. — 1 074 жителя, в том числе 314 евреев и 760 христиан; в 1822 г. (вместе с 12 предместьями) — уже 390 домов и 3 086 жителей. В 1817 г. в городе работали 72 ремесленника (в том числе 20 портных, 12 каменщиков, 8 пекарей и 5 ткачей). По темпам роста Сандомир существенно превосходил средний уровень, достигнутый городами Королевства Польского (см. таблицу № 18). Однако подавляющее большинство горожан были заняты сельским хозяйством. Об этом свидетельствует и состав сандомирской гмины (см. таблицу № 22)⁶⁴.

Таблица № 22.
Избиратели по городской гмине Сандомира 1811–1828 гг.

Социальный статус и профессиональная принадлежность избирателей	Годы						
	1811	1817	1819	1821	1823	1826	1828
Купцы с капиталом в 10 тыс. злотых	3	3	4	4	4	4	4
Купцы-домовладельцы	6	8	7	6	6	5	2
Торговцы	–	2	2	1	1	1	1
Аптекари	–	–	–	1	1	1	1
Ремесленники	2	3	14	14	14	13	12
Работающие по найму (выrobники)	–	1	1	–	–	–	–
Шинкари	–	2	2	–	–	–	–
Земледельцы (рольники)	102	135	135	124	107	101	87
Домовладельцы	57	–	–	–	–	–	–
Преподаватели и учителя	4	6	7	9	10	10	13
Плебаны и викарии	10	4	4	8	12	12	9
Городские должностные лица	–	–	1	4	7	5	4
Всего	184	164	176	172	163	152	133

За все время существования Королевства Польского наибольшее число избирателей в городской гмине Сандомира составляло 176 чел. в 1819 г., то есть правом голоса обладали только 5,7% городских жителей. Хотя Сандомир принадлежал к крупным польским городам и был главным городом воеводства, подавляющее большинство среди избирателей, а к их числу относились только состоятельные горожане, составляли земледельцы-рольники.

Главным условием для включения жителя города в гмину, а следовательно, и его принадлежности к городскому сословию, и внесения его в список избирателей было обладание недвижимостью в городе, что подтверждал претендент квитанцией об уплате налогов. Для защиты сословных прав горожан декретом наместника от 18 марта и постановлением

Сената от 3 октября 1821 г. было установлено, что собственность на дом в деревне избирательного права не давала⁶⁵.

Перед созывом гминного собрания президент города вызывал всех избирателей в магистрат для установления их избирательного права и проверки списка (реестра) избирателей. В новых списках вычеркивали умерших и уехавших из города, утративших собственность или поступивших на службу к частным лицам, а также совершивших преступление, что лишало их избирательного права. В то же время включали в список избирателей вновь прибывших собственников домов, купцов, ремесленников, преподавателей и священников.

Все решения исполнительной власти, в том числе и в отношении городов, исходили из правительства и проводились в жизнь комиссиями воеводств и назначенными ими городскими властями⁶⁶. Правительственная администрация в городах не намеревалась принимать на себя функции по поддержанию городского хозяйства, поэтому хозяйственно-распорядительное управление в городах возлагалось, согласно статье 84 Органического статута 1818 г. и декрету наместника от 30 мая 1818 г., на муниципальные управления, состоявшие из советников (радных — ратманов), ведавших отдельными отраслями городского хозяйства, и лавников, назначавшихся по представлению воеводских комиссий из числа местных обывателей. Никаких властных полномочий муниципальные управления не имели. Единственной возможностью для них повлиять на назначавшихся правительством и воеводскими комиссиями президентов городов были обращения радных и лавников в комиссию воеводства или, в случае Варшавы, непосредственно к министру или в Правительственную комиссию внутренних дел. Такие обращения они были обязаны направить, если признавали решение президента вредным для города⁶⁷.

Таким образом, с созданием Королевства Польского положение польских городов и сословный статус городского населения, по сравнению с городами шляхетской Речи Посполитой, претерпели два принципиальных изменения. Во-первых, если раньше города находились под контролем шляхетских сеймиков и комиссий «доброго порядка», а владельческие города — под властью своих господ-магнатов и назначенных ими «официалистов», то теперь они оказались целиком во власти правительства и его административных и полицейских органов. Во-вторых, если в XVIII в. города не имели единой сословной организации и обладали в сословном отношении сугубо индивидуальными привилегиями (правда, для всех городов в основе этих привилегий был заложен зафиксированный в них принцип преимущественного права горожан на занятие ремеслом и торговлей), то теперь с учреждением гминной системы было завершено начатое Декларацией соединенных городов и Конституцией 3 мая 1791 г. и продолженное во времена Княжества Варшавского оформление горожан в единое сословие с правом сословного представительства в сейме и в учреждениях местного управления, а также участия в решении местных хозяйственных вопросов.

В целом правительственная политика в отношении городов Королевства Польского отличалась двойственностью. Консервируя сословную

замкнутость польского города, сословные привилегии горожан, правительство вместе с тем, руководствуясь интересами дворянского предпринимательства и стремясь к пополнению доходов казны, покровительствовало развитию ремесла, мануфактурного производства, торговли, что способствовало развитию производительных сил города, росту экономического и общественного значения торгово-промышленных слоев городского населения, росту капиталистических элементов народного хозяйства.

Особое положение в социальной и сословной структуре польского города занимало еврейское население. По переписи 1808 г. евреи составляли четверть (25,6%) жителей городов Княжества Варшавского⁶⁸. В Плоцке и Ломже в числе горожан их было примерно половина. Немало было таких местечек, где еврейское население составляло большинство. Ко времени учреждения Королевства Польского эта пропорция осталась практически без изменения как в целом по стране, так и в отдельных городах.

Еще во времена шляхетской Речи Посполитой еврейские общины представляли собой замкнутую и сословно обособленную группу населения, что обуславливалось отнюдь не только этническими, религиозными и культурными отличиями, а определялось, в первую очередь, сословным статусом еврейского населения, законодательно установленными особыми правами и повинностями, главной из которых было так называемое поголовное (*rogłówne*), т. е. подушное налогообложение евреев.

Это положение не изменилось и после разделов Польши. «Основы конституции», утвержденные Александром I в мае 1815 г., не предполагали равенства горожан с другими сословиями ни в области политических, ни в области гражданских прав. Этот принцип в полной мере распространялся и на евреев. Один из авторов «Основ» князь А. Е. Чарторыйский был противником предоставления прав евреям, соглашаясь закрепить за ними только весьма ограниченную область имущественных («цивильных») прав. В этом духе была сформулирована 36-я статья «Основ». В дальнейшем в Конституции Королевства Польского 11-я статья установила равноправие христианских конфессий для приобретения гражданских прав, тем самым априори исключив евреев из числа их обладателей⁶⁹. Предоставление же им имущественных прав имело, с точки зрения правительства, главной целью обеспечить взыскание с еврейского населения налогов, что издавна составляло весьма значительную долю поступлений в государственную казну.

Более подробно вопрос о правах горожан был рассмотрен в Органическом статуте от 27 ноября 1815 г., открывшем череду поправок к конституции. В нем декларативно провозглашалось право участия городского сословия в народном представительстве, право избрания должностных лиц (ст. 1), право занимать административные посты (ст. 9). При этом статут признавал эти права только за теми жителями городов, которые обладали ими во времена Княжества Варшавского и были тогда же записаны в число горожан (ст. 10)⁷⁰. Эти постановления окончательно лишали прав евреев. Одновременно уже в начале 1817 г. решением Административного совета были подтверждены все дискриминировавшие евреев декреты 1808 г., которые должны были утратить силу в 1818 г., а царь подтвердил это

решение, продлив их действие вплоть до издания нового законодательства о евреях^{71*}.

Вместе с тем экономическое развитие страны, рост городов и возрастание роли торгово-промышленных слоев общества в народном хозяйстве способствовали формированию состоятельных и образованных верхов еврейского населения Королевства Польского, это были врачи, юристы, офицеры, издатели, купцы и промышленники. Они инициировали обращенные к царю, наместнику и к другим представителям власти петиции с просьбами о расширении своих прав. В мемориале от 21 ноября 1815 г., переданном А. Е. Чарторьскому издателем и книготорговцем Н. Глюксбергом и банкиром Г. А. Лёве, от имени 26 «просвещенных» еврейских семей выражалась просьба о поддержке их усилий в обретении полных гражданских прав, по аналогии с полноправием евреев во Франции. Как свидетельство «просвещенности» авторов подобные мемориалы писались по-французски. В декабре 1815 г. Глюксберг вместе с Ю. Вольфом подали еще один мемориал Александру I. В нем они поделили еврейское население на два «класса», отнеся к первому торговцев и ремесленников, а ко второму — лиц свободных профессий и деятелей искусства, то есть, так же как и в первом случае с мемориалом Глюксберга, имелись в виду «просвещенные» верхи еврейского населения. Для первого «класса» они просили предоставления гражданских прав, а также отмены всех ограничений по оседлости и профессиональной деятельности. Что же касается второго «класса», то они писали: «По отношению ко второму нашему классу мы самым смиренным образом умоляем Ваше императорское величество предоставить нам и нашим детям, помимо гражданских прав, политические и гражданские права, чтобы мы могли претендовать на общественные должности и даже занимать их, если мы проявим себя достойными своим поведением, своей моралью, своими знаниями и своими способностями. Отличия, которые мы испрашиваем, дадут импульс к соревнованию и непосредственно ускорят процесс цивилизации еврейского народа в целом»⁷².

Неизвестно, как ответил на этот мемориал А. Е. Чарторьский, однако материалы комиссии по устройению городов, составленные при его непосредственном участии, отражают позицию князя по отношению к подобным прошениям, да и к вопросу о правах евреев вообще. Вопреки мнению некоторых деятелей, например С. Сташица, предлагавших в известной мере пойти навстречу пожеланиям евреев, он писал: «Источником прав, которые даны им (евреям. — *Б. Н.*) ныне и которыми они пользуются, следует считать только покорность, человечность, расторопность, дух времени и общий интерес. Принимая во внимание эти причины, представляется, что мы не можем сделать какие-либо существенные исключения из этих прав, которыми пользуются люди, многие века живущие рядом с нами». Однако далее Чарторьский утверждал: «Евреи не могут считаться природными жителями нашей страны, а являются пришлыми чужеземцами», поэтому, по его словам, они как иностранцы не имеют права на гражданство, и «всякое предоставление им прав и привилегий, которыми пользуются поляки,

* О еврейском вопросе в Королевстве Польском см. также гл. 5.

есть милость и благодеяние». Из дальнейших рассуждений князя следовало, что евреи могут и должны быть допущены до всех гражданских прав только тогда, «когда они будут в состоянии выполнять все обязанности граждан»⁷³.

В мемориале и в рассуждениях комиссии для устроения городов примечательно то, что речь здесь идет вовсе не о равноправии евреев как между собой, так и по отношению к прочим согражданам, а о требовании верхов еврейских сообществ предоставить им сословные права и привилегии, сопоставимые с правами других привилегированных сословий. Аргументация в стиле идей века Просвещения только придавала подобным требованиям соответствующую «духу времени» форму. За рассуждениями о просветительской роли еврейских интеллектуалов или торговой и финансовой верхушки скрывалось стремление разделить евреев, составлявших единую сословную группу Королевства Польского, на два сословия, получив для высшего особые права и привилегии. Это неизбежно повлекло бы за собой консервацию сословной замкнутости, социальной униженности и культурной отсталости большинства еврейского населения. В этом смысле требования еврейских верхов парадоксально совпадали с рекомендациями в этой области шляхетской по своему составу комиссии для устроения городов. Обосновывая гражданское, а по существу сословное неполноправие евреев их якобы зарубежным происхождением и национальной чуждостью для Польши, деятели комиссии использовали те же аргументы, которые имели хождение и в России и отразились даже в конституционных проектах декабристов.

Таким образом, в «Основах конституции», несмотря на декларативное признание равноправия евреев, Чарторьский ограничил свой проект рамками 36-й статьи, согласно которой евреи не получали не только гражданских, но и значительной части гражданских прав⁷⁴. В этом же духе были утверждены и статьи нового Гражданского кодекса 1825 г., устанавливавшего, что обладание гражданскими правами не связано с обладанием правами гражданскими и политическими (ст. 7), при этом отмечалось, что евреи могут приобретать гражданские права в той мере, в какой это позволяется решением наместника (ст. 16).

Уже после подавления восстания 1830 г. Органический статут 1832 г. в правовом отношении окончательно оформил сложившееся положение, обобщив и зафиксировав нормы текущего законодательства, административной и судебной практики 1815–1830 гг. Евреям были предоставлены только те права, которые, с одной стороны, позволяли оформить их сословный статус, а с другой — обеспечивали их хозяйственную деятельность и способность нести повинности и платить налоги. На практике эти правовые ограничения означали: невозможность занимать государственные и общественные должности; устранение от участия в хозяйственно-распорядительном управлении в городах; запрет быть адвокатами и нотариусами; устранение от должностей коммерции-советников и членов торговых трибуналов, а также от участия в выборах таких трибуналов; запрет на работу в качестве архитекторов, землемеров, фармацевтов, химиков, на врачебную практику в городах и на работу в госпиталях: занимать врачебные должности позволялось только в

больницах для еврейского населения. Евреям запрещалось работать в области регистрации актов гражданского состояния. Для христиан такая регистрация проводилась церковью, для нехристиан — президентами городов (бургомистрами). Евреям было запрещено выступать свидетелями в суде по делам христиан (норма эта была заимствована из прусского уголовного права), свидетельствовать гражданские нотариальные акты, выступать опекунами детей христиан, состоять в цехах и других объединениях ремесленников, участвовать в их собраниях. Все эти ограничения просуществовали в Королевстве Польском до начала 1860-х гг.⁷⁵

Новым общественным явлением в Королевстве Польском 1815–1830 гг., оказавшим существенное влияние на дальнейшее развитие польских земель, стало формирование интеллигенции. Зарождение этого социального слоя в Речи Посполитой относится еще ко второй половине XVIII в. и эпохе Просвещения. На исходе XVIII и в первой трети XIX в. экономическое и социальное развитие польских земель, прежде всего польского города, вызвало к жизни новые потребности в профессионально подготовленных специалистах в области промышленности, торговли, народного просвещения, здравоохранения и в культуре. Формирование в созданном после Венского конгресса Королевстве Польском относительно многочисленного (гражданского и военного) государственного аппарата (чего не знала прежняя шляхетская Речь Посполитая), в свою очередь, требовало немалого числа образованных чиновников и офицеров, а также подготовленных юристов, в частности, и для судопроизводства.

Шляхта, большей частью жившая в своих имениях вдали от городов, преимущественно была связана с сельским хозяйством, что, наряду с усугублявшейся ее сословной замкнутостью, не позволяло уже польскому дворянству в полной мере сохранить прежнюю монополию на сферу умственного труда. Развитие производства, общественной жизни и светской культуры ограничивало сферу и степень влияния духовенства на общественное сознание. Поэтому в область профессиональной интеллектуальной деятельности, связанной с управлением народным хозяйством, общественной и политической жизнью, с развитием народного просвещения и культуры, все более вовлекались представители других сословий, которые во времена конституционного Королевства Польского не имели уже реальной возможности попасть в ряды рыцарского сословия, о чем в частности свидетельствовала практика нобилитации. Складывалось положение, когда сфера умственного труда перестала быть монополией дворянства и духовенства, а объединяла уже выходцев из разных сословий, то есть формировалась разночинная интеллигенция.

В исторических и социологических исследованиях интеллигенция как явление общественной жизни впервые была отмечена К. Либельтом в 1844 г.⁷⁶, он же впервые употребил это понятие в социологическом значении. Таким образом, на значение интеллигенции как особого общественного слоя и на его разночинный характер было указано практически современниками. Проблема качественного определения интеллигенции как социального явления стала одной из наиболее дискуссионных в современных гуманитарных науках. Р. Чепулис-Растенис отмечала, что это

понятие имеет два значения: первое как определение интеллектуальной, моральной и культурной элиты нации и второе как обозначение образованных работников умственного труда⁷⁷. В историографии и публицистике начало формирования польской интеллигенции относится к разному времени от конца XVIII и до последней четверти XIX столетия. Однако преобладает точка зрения, что становление интеллигенции приходится на период после поражения Январского восстания 1863 г.⁷⁸ В то же время Т. Лепковский, например, связывал зарождение интеллигенции со временем правления короля Станислава Августа, имея в виду расцвет культуры Речи Посполитой эпохи Просвещения⁷⁹. Этой же точки зрения придерживаются и авторы новейшего исследования по истории польской интеллигенции в XIX в. М. Яновский, Е. Едлицкий и М. Мициньская⁸⁰. С. Кеневич относил начало формирования интеллигенции к периоду существования Княжества Варшавского, в первую очередь, в связи с формальным установлением в стране гражданского равенства⁸¹. А. Зайончковский считал период восстания 1830 г. началом доминирования интеллигенции в области культуры⁸².

Княжество Варшавское и Королевство Польское пережили неведомый ранее приток «новых людей» в самые разные сферы общественной деятельности. Отношение к ним по-прежнему основывалось на сословных традициях, об этом свидетельствовали К. Козьмян и Ф. Скарбек. Однако сословные границы были уже не столь непреодолимы, как прежде. По свидетельству многих мемуаристов, артистам и людям науки были открыты те же общественные места Варшавы, которые ранее считались принадлежностью только высшего общества (кафе, парки, большие приемы для широкого круга публики, некоторые салоны). Разумеется, сказались здесь и культурные влияния Западной Европы, прежде всего Парижа. Богатые и знатные господа в некоторых случаях допускали в свой круг избранных интеллигентов и сотрудничали с ними, оказывая им покровительство и материальную помощь. Такие отношения носили характер связей протекторов с клиентами, что показал Е. Михальский на примере Общества друзей науки⁸³. Разумеется, контакты аристократии и высших чиновничьих кругов с избранными артистами, художниками, литераторами, учеными отнюдь не распространялись на демократические слои интеллигенции, которые были весьма далеки от высших сфер. Социальная и сословная дистанция оставалась в этом случае по-прежнему незыблемой, что нашло выражение в первые дни Ноябрьского восстания 1830 г., которое оказалось с социально-психологической точки зрения совершенно неожиданным для помещичьей части администрации и армии Королевства, несмотря на то, что отдельные представители правящих верхов и были информированы о планах восстания, формировавшихся в кругах подхорунжих, низшего чиновничества и студентов⁸⁴.

Поражение восстания 1830–1831 гг. и его политические последствия, в том числе и возникновение Великой эмиграции, в значительной мере сократили влияние землевладельческой шляхты на общественную жизнь Королевства Польского. «Более в Варшаве, — записал в дневнике Ф. Скарбек, — не было знаменитых родов, которые до 1830 г. держали здесь от-

крытые дома»⁸⁵. Состоятельные землевладельцы предпочитали теперь проводить время за границей или в сельской тиши. Все это существенно повлияло как на состояние интеллектуальной среды Королевства, так и на роль выходцев из разных сословий в формировании польской интеллигенции.

О социальном и сословном происхождении разночинной интеллигенции Королевства Польского 1815–1830 гг. можно судить, в частности, по данным о составе учащихся школ и гимназий. Приведенные в таблице №23 сведения относятся к 1835–1836 гг., ко времени после подавления Ноябрьского восстания, однако они вполне могут быть признаны репрезентативными и для предшествующего десятилетия, то есть распространены и на конституционное Королевство Польское.

Таблица № 23.
Численность и состав учащихся школ Королевства Польского
в 1835–1836 г.⁸⁶

Учащиеся уездных школ (в обводах)		Учащиеся гимназий	
Происхождение из семей	Число учеников	Происхождение из семей	Число учеников
землевладельцев	335	землевладельцев	732
мелких землевладельцев	397	мелких землевладельцев	372
чиновников	921	чиновников	1199
служащих у частных лиц	260	служащих у частных лиц	229
горожан	542	горожан	558
крестьян	35	крестьян	60
всего	2490	всего	3150

Для определения социальных групп, выходцы из которых пополняли ряды разночинной интеллигенции, наиболее показательны учащиеся гимназий, поскольку, во-первых, выпускники именно этих учебных заведений в дальнейшем были заняты преимущественно умственным трудом, и, во-вторых, эти учащиеся поступили в гимназии сразу после восстания 1830 г., то есть в этом случае практически получила отражение ситуация, характерная также и для конца 1820-х гг.

Наибольшую долю среди учащихся составляли дети чиновников. Их сословное происхождение определить достаточно трудно, хотя все же большинство среди них были дети дворян. Другой группой, сословный состав которой также не поддается определению, были дети служащих у частных лиц, тем не менее, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что выходцы из среды дворян-землевладельцев были здесь явно немногочисленны. В то же время в 58% случаев сословное происхождение учащихся гимназий определяется вполне убедительно, среди них дети

шляхтичей-землевладельцев составляли 42,5%, горожан — 32,4%, мелких землевладельцев — 21,6%, крестьян — 3,5%. Эта пропорция в целом отражает соотношение различных сословных групп, составивших источники пополнения разночинной интеллигенции Королевства Польского, среди которой значительный удельный вес принадлежал выходцам из городских слоев и мелкого дворянства, в большей степени потерявших свой прежний сословный статус. Для горожан и мелкой шляхты полученное образование и профессиональная квалификация, открывавшие путь к занятию умственным трудом, давали также шанс укрепить свое общественное положение и повысить собственный социальный статус, не опираясь уже на сословные привилегии, а благодаря достигнутому своим трудом интеллектуальному и образовательному уровню.

По статистическим материалам 1830-х гг. можно судить и о профессиональной структуре интеллигенции конституционного Королевства Польского, имея в виду, что данные статистики отразили ситуацию, сформировавшуюся в 1820-е гг. Сравнение данных 1830-х годов с данными 1860–1862 гг. позволяет с достаточной долей вероятности реконструировать тенденции 1810–1820-х гг., поскольку динамика и качественные характеристики сферы умственного труда в период 1830–1850-х гг. имеют основанием и продолжают тенденции процесса развития интеллигенции предшествующего периода.

Перечень категорий интеллигенции и приблизительная численность лиц, занятых в сфере умственного труда и обладавших специальным образованием, приведены в таблице № 24, основанной на подсчетах Р. Чепулис-Растенис⁸⁷. В таблице литераторы и священники вынесены за пределы общего итога, поскольку хотя их деятельность и относилась к сфере умственного труда, однако сами они в подавляющем большинстве по своему социальному и сословному происхождению (как представители шляхты и духовенства) могут быть причислены к интеллигенции только условно. Исключения, как в случае С. Сташица или Ю. Немцевича, только подтверждают правило.

Наибольшей по численности группой населения Королевства Польского, занятой в сфере умственного труда, были чиновники. Статистические данные 1836 г. содержат сведения о 8610 чиновниках и лицах, занимавших общественные должности. В это число были включены все получатели жалованья из государственных и муниципальных средств (из городских касс). К чиновникам были отнесены и бургомистры малых городов, и мелкие канцелярские служащие, а также зачастую неграмотные «возные стражники» (занятые перевозкой и доставкой грузов для государственных учреждений) и другие аналогичные категории. Чтобы выделить из определенной подобным образом среды чиновничества лиц умственного труда, Р. Чепулис-Растенис включила в категорию интеллигенции только чиновников начиная с XII класса Табели о рангах и выше. В 1834 г. такие должности занимали 3500 человек. Почти двукратный рост чиновничества к 60-м гг. XIX в. был связан с общим развитием Королевства, а также с политикой правительства, направленной на укрепление государственного аппарата в интересах российского господства, охраны шляхетских приви-

легий (прежде всего шляхетского землевладения) и для борьбы с освободительным движением.

Таблица № 24.
Оценка численности интеллигенции
(лиц, профессионально занятых умственным трудом)
в Королевстве Польском в 1832–1862 гг.

№ п/п	Профессиональная группа	1832–1836 гг.		1860–1862 гг.	
		Численность (чел.)	%	Численность (чел.)	%
1	Чиновники	3500	46,7	5350	46,5
2	Служащие частных лиц	1400	18,7	2350	20,4
3	Администрация помещичьих имений	500	6,7	1000	8,7
4	Учителя	1000	13,3	1200	10,4
5	Врачи	350	4,7	500	4,3
6	Аптекари	200	2,7	300	2,6
7	Техническая интеллигенция	200	2,7	400	3,5
8	Музыканты и актеры	250	3,3	250	2,2
9	Художники	100	1,3	150	1,3
	Итого	7500	100	11500	100
10	Литераторы	100		300	
11	Священнослужители	2300		2500	

Темпы роста числа чиновников в предшествующее двадцатилетие, начиная с 1815 г., были никак не меньшими, поскольку формирование государственного аппарата Королевства Польского начиналось с количественно низкого исходного уровня, а к началу 1830-х гг. численность чиновничества превысила 8 тыс. чел., среди них 3,5 тыс. имевших достаточно высокий уровень образования.

В то же время выделение в составе интеллигенции чиновничества в качестве особой группы связано с той трудностью, что эта группа существенно выходит за рамки слоя, определенного как интеллигенция, отнюдь не только в своей низшей части, которая ни по характеру своего труда, ни по уровню образования, вернее, по недостатку такового, не может быть отнесена к интеллигенции. В отношении высшего чиновничества избранные критерии также не могут считаться достаточными, ибо для чиновничьих верхов умственный труд отнюдь не являлся средством обретения социального статуса, а их оклады и привилегии не могут считаться оплатой труда, будучи таковой только по внешней форме, а по существу являясь долей ренты, отчуждаемой в пользу чиновничьих верхов господствующим сословием, к которому и принадлежала высшая бюрократия. Следует учитывать и специфику продвижения чиновников по бюрократической лестнице,

когда молодой представитель знатного рода или выходец из приближенных к властям кругов мог в начале своей карьеры обладать относительно невысоким чином, а какой-нибудь директор гимназии за 40 лет «беспорочной службы» — дослужиться до статского генерала. Поэтому надо иметь в виду, что в среде чиновничества количественные рамки разночинной интеллигенции определить достаточно трудно. В известной мере это позволяют сделать формулярные списки, содержавшие сведения о сословном происхождении чиновника и его продвижении по службе, однако для рассматриваемого периода (1815–1830 гг.) они практически отсутствуют, а для более позднего времени сохранились достаточно фрагментарно. Несомненным доказательством существенной доли разночинной интеллигенции среди чиновничества конституционного Королевства Польского является состав студентов на факультете права и администрации Варшавского университета. В 1822 г. среди 261 студента факультета, в большинстве происходивших из бедной шляхты, 27 чел. были из мещан, 3 чел. из крестьян и несколько человек — сыновья униатских священников⁸⁸.

Второй по численности после чиновников социальной группой, занятой умственным трудом, были служащие у частных лиц. К ней принадлежали различные секретари, писари, бухгалтеры, как работавшие в частных домах аристократов, дворян и богатых горожан, так и сотрудники банков и других коммерческих предприятий. По статистике 1862 г. их число составляло 2351 чел. («писарей частных»). Если предположить, что численность этой группы возрастала в той же пропорции, что и гражданских чиновников, то в 1830-е гг. их было примерно 1400 чел.⁸⁹ Вероятно, на этом уровне численность подобных служащих была и в 1820-е гг., накануне Ноябрьского восстания 1830 г. О составе и происхождении этого слоя интеллигенции практически нет достоверных сведений. Однако можно предполагать, что доля шляхтичей-землевладельцев среди них была невелика, что происходили они из среды мелкой безземельной шляхты и горожан, будучи выпускниками гимназий и Варшавского университета. Эта группа лиц умственного труда в большей степени, нежели чиновники, по своему социальному облику соответствовала разночинной интеллигенции.

Представители интеллигенции (по характеру труда и уровню образования) присутствовали и среди администрации шляхетских имений. В Королевстве Польском 1815–1830 гг. число помещичьих администраторов несколько превышало 30 тыс. чел. В 1830–1850 гг., по подсчетам разных авторов, численность этой категории составила от 10 до 15 тыс. чел. и на протяжении всего указанного периода не претерпела существенных изменений⁹⁰. Столь значительное расхождение между периодами до и после восстания 1830 г. не может быть объяснено просто состоянием статистики или погрешностью в расчетах. В первой трети XIX в. еще сохранялась традиция шляхетской Речи Посполитой, когда слой администраторов магнатских владений в значительной мере представлял собой не столько управляющих господскими поместьями, сколько клиентов бенефициариев, а передача им в условное держание тех или иных деревень была формой поддержки «шляхетских собратьев». В середине XIX в. подобные отношения уже ушли в прошлое, что отразилось и на численности

управляющих в помещичьих владениях. Во всяком случае, в какой бы роли ни выступали подобные администраторы, они выполняли функцию господствующего сословия, и в рамках этих отношений их знания и навыки как технических специалистов не имели существенного значения. Однако возрастание в сельском хозяйстве значения агрономов и других специалистов-технологов аграрного производства поставило вопрос о появлении в среде администраторов помещичьих имений представителей технической интеллигенции (агрономов, механиков, зоотехников и т. п.). Остается открытым вопрос о доле лиц, обладавших специальными знаниями. Принципиальное значение в связи с этим имело основание в 1822 г. в местности Марымонт под Варшавой Агрономического института. До 1840 г. его окончили 160 чел., а за последующие 20 лет (до 1860 г.) — еще около 900 выпускников⁹¹.

Особое место в среде разночинной интеллигенции принадлежало учителям. Если чиновники как персонифицированные носители публичной власти были в этом смысле отделены от населения, а другие категории интеллигенции обслуживали преимущественно шляхту и имущие верхи общества, то, по сравнению с прочими группами интеллигенции, учителя были намного ближе к народу и воспринимались им не только как обладатели авторитета знания, но и как носители позитивной общественно полезной функции.

Сфера народного просвещения как направление общественной деятельности в Речи Посполитой еще со второй половины 70-х гг. XVIII в. находилась в ведении государства. Во времена Королевства Польского 1815–1830 гг. значение этой функции государства еще более возросло. Публичный характер народного просвещения, в частности, обусловил и то, что число школ и учительских должностей определялось властями централизованно, исходя из материальных возможностей, выделенных ведомству средств и оценки потребности в образовательных учреждениях. Таким образом, тенденции общественного развития влияли на численность польского учительства только опосредованно, а сама она за 1817–1830 гг. изменилась незначительно (данные приведены в таблице № 25).

Таблица № 25.

Число учителей в Королевстве Польском в 1817–1830 гг.⁹²

Годы	В начальных школах (чел.)	В средних школах (чел.)	Всего
1817/18	868	390	1 258
1829/30	778	440	1 218

Труднее определить социальное происхождение учителей Королевства Польского 1815–1830 гг. Исследованные Р. Чепулис-Растенис персональные данные по 132 учителям средней школы в 1830–1840-е гг., свидетельствуют, что 68 из них были шляхетского происхождения, 19 подтвердили свое дворянство в Герольдии. Из семей горожан и чиновников происходили 54 человека. Для 10 учителей установить происхождение не удалось. Оче-

видно, что все они не относились к верхам общества ни по знатности, ни по богатству, ни по принадлежности к высшей чиновничьей иерархии⁹³.

Таким образом, вероятно, что и в предшествовавший период, в 1820-е гг., положение польского учительства не отличалось существенно от двадцатилетия 1830–1840-х гг. Доля выходцев из шляхты среди учителей была существенно меньшей, чем из среды чиновников и деятелей частной и вотчинной администрации (правда, в этом случае учитывались только служащие, получившие специальное образование). Аналогичные пропорции двух категорий (шляхетского и мещанского происхождения) среди учителей наблюдаются и в статистике 1845 г., когда в общем числе учителей средних школ 54% были выходцами из шляхты, 40% — из мещан, 4% были дети духовных лиц (униатов) и 1% (всего 4 человека) были крестьянского происхождения⁹⁴.

Помимо отмеченных категорий интеллигенции, занятых в сфере умственного труда и обладавших специальным образованием, к разночинной интеллигенции Королевства Польского относились и другие профессиональные группы, в которых доля шляхты была относительно невелика.

3. Армия в социальной организации Королевства Польского

Наряду с формированием разночинной интеллигенции качественно новым, по сравнению со шляхетской Речью Посполитой, социальным феноменом в общественном и сословном устройстве Королевства Польского стала армия. Вооруженные силы как институт государства, его важнейший атрибут и решающий качественный элемент его суверенитета относятся прежде всего к политической системе Королевства Польского. Однако рассмотрение вопроса об армии с точки зрения ее роли в общественном устройстве Королевства имеет свои основания, ибо социальные и сословные перемены, связанные с созданием армии, оказали на социально-политическое развитие Королевства Польского гораздо большее влияние, нежели место армии в его государственном устройстве.

В XVIII в. шляхетская Речь Посполитая практически не имела собственной армии. Период 1700–1764 гг. Т. Корзон назвал временем руин шляхетской военной организации⁹⁵. Войска шляхетской республики (не более 18 тыс. чел.), строго ограниченные (по требованию России и согласно постановлениям сейма 1717 г.) в количественном и качественном отношении, не могли считаться армией, соответствовавшей своему времени. Все попытки Польско-Литовского государства провести самые скромные военные реформы блокировались противостоявшими друг другу магнатскими группировками и великими державами, в первую очередь Россией и Пруссией⁹⁶.

В правление короля Станислава Августа для подготовки офицеров была основана Рыцарская школа, позже преобразованная в Кадетский корпус. На Четырехлетнем сейме 1788–1792 гг. была провозглашена задача создания 100-тысячной армии, и началось ее формирование. Первые регулярные части польских войск не оказали серьезного сопротивления поддержанным

извне противникам Конституции 3 мая 1791 г. Решительные бои с интервентами развернулись во время восстания Тадеуша Костюшко.

В итоге разделов Польши шляхетская Речь Посполитая была уничтожена, а большая часть ее военных кадров и масса поляков-добровольцев выступили на стороне революционной Франции, надеясь под ее знаменами завоевать независимость для Польши. В Итальянской армии Французской республики были сформированы первые Польские легионы (1797 г.), а в 1799 г. командующий первым легионом Я. Г. Домбровский получил согласие Наполеона на формирование Польской армии, которая в дальнейшем стала основой армии Княжества Варшавского. Польские войска приняли участие практически во всех походах наполеоновской армии от Испании до России, сражались даже на Гаити. В боевых действиях 1797–1813 гг. они овладели передовой стратегией и тактикой, приобрели выучку и боевой опыт.

Окончание наполеоновских войн, вступление в 1814 г. русской армии в Париж и отречение от престола французского императора поставили вопрос о дальнейшей судьбе польской армии. Княжество Варшавское было занято русскими войсками. И победители, и побежденные сознавали, что в итоге послевоенного урегулирования в той или иной форме будет восстановлен режим разделенной Польши. Для наполеоновской польской армии это означало безоговорочную капитуляцию, но победителям предстояло определить ее условия.

В 1814 г. русские представители провели переговоры о судьбе польских войск с незадолго до того назначенным Наполеоном командующим польской армией генералом В. Красиньским, в переговорах посредничал Т. Костюшко. Их результатом стала встреча Александра I с польским генералитетом. К царю тогда прибыли генералы В. Красиньский, Я. Домбровский, М. Сокольник и полковник Шимановский, представлявшие 12 генералов, 60 штаб-офицеров и 600 офицеров польских войск⁹⁷. Российский император изложил польским генералам план образования Польской армии во главе со своим младшим братом великим князем Константином. С одной стороны, решение Александра было связано с проектом создания Королевства Польского, однако суть царского замысла состояла в том, чтобы не допустить перехода польских войск на службу какой-либо иной державе, где они могли бы стать орудием враждебной России политики.

После отречения Наполеона, освободившего от присяги свои войска, 24 апреля 1814 г. под Сен-Дени в присутствии Александра I состоялся смотр польским воинским частям. «Великий князь, командовавший смотром, — вспоминал один из его участников — А. Фредро, — парадным галопом выехал навстречу Александру и отдал рапорт. Над шеренгами нависла тишина, а когда позже генерал Круковецкий выкрикнул: „Да здравствует император!“, — ответило ему только слабое эхо»⁹⁸. В этих словах нашли отражение горечь поражения и прощания со славным прошлым перед лицом торжествующего победителя, а также получившие впоследствии широкое распространение революционно-романтический миф Наполеона и патриотическая легенда Польских легионов. Однако отношение современников к роли польских войск в наполеоновской армии было отнюдь

не всегда единодушно восторженным. Примером может служить высказанное еще в период наивысшего могущества наполеоновской Франции мнение Станислава Костки, Станислава и Винцентия Потоцких⁹⁹, разочаровавшихся во французской политике в отношении Польши и уже после испанской кампании расставшихся с иллюзиями по поводу характера наполеоновских войн. Они говорили, что Наполеон не оправдал надежды поляков на возрождение польского государства, что польские войска во французской армии в действительности были на положении наемников, воевавших за императора главным образом потому, что офицеры и солдаты, оказавшись за пределами Польши, не имели других средств к существованию и иных профессиональных навыков, чтобы себя обеспечить. Разумеется, создавая армию Королевства Польского, Александр I принимал в расчет и эту сторону жизни польских военных, оказавшихся без французского содержания.

В апреле 1814 г. Александр I назначил Константина Павловича главнокомандующим Польской армией, формально возложив на брата обязанности по ее организации. Однако одновременно, в мае 1814 г., царь поручил практическую работу по созданию армии Я. Г. Домбровскому, имея в виду его авторитет как организатора Польских легионов и как одного из наиболее видных генералов Княжества Варшавского. 15 мая 1814 г. Александром I был образован Военный комитет во главе с великим князем Константином, в который вошли в прошлом наполеоновские генералы Я. Г. Домбровский, Ю. Вельгорский, Ю. Зайончек, К. Сераковский, С. Войчиньский, К. Княжевич, А. Сулковский, Ф. Пашковский, а также Ю. Гедройц.

В царских директивах им предписывалось «организовать милицию», которая хорошо взаимодействовала бы с регулярными войсками, составить уставы и уложение о воинских преступлениях. Комитет должен был сообразовываться с «духом и характером народа», с особенностями территории и городов страны¹⁰⁰. Александр тем самым как бы противопоставлял себя Наполеону, безоглядно вводившему в войсках Княжества Варшавского французские порядки. Царь же, напротив, демонстративно подчеркивал «национальный» характер создаваемой польской армии, однако требовал, чтобы воинские уставы были такие же, как и в российской армии, имея в виду согласованность во взаимодействии войск. Александр I распорядился освободить всех военнопленных поляков в России и содействовать их освобождению в других странах, дабы отправить их в Польшу для вступления в формирующуюся армию.

10 июня 1814 г. Домбровский обратился с призывом к соотечественникам вступать в «национальную армию»¹⁰¹. В тот же день он издал по армии первый ежедневный приказ, назначив в нем сборные пункты и их начальников для приема воинских частей и солдат, возвращавшихся из Франции и из плена. 22 июня 1814 г. в частях значилось уже 11 424 военнослужащих, 17 августа — 28 427, 2 ноября — 33 725. Всего под ружьем из прибывших оказалось 22 тыс. чел., хотя в Париже говорили о 40-тысячной армии¹⁰².

В 1813–1815 гг. гражданскую администрацию на территории Княжества Варшавского возглавлял Временный верховный совет (*Rada państwowa tymczasowa*), в состав которого входили: В. С. Ланской (прези-

дент), Н. Н. Новосильцев, немец Л. Х. Коломб и поляки Т. Вавжецкий и Ф. К. Друцкий-Любецкий. Ланской и Новосильцев были настроены против планов императора в отношении Войска польского. Они опасались, что независимый Военный комитет во главе с великим князем лишит Временный верховный совет и их самих всякого влияния, и говорили, что образование польской армии противоречит испытанным в течение столетия принципам русской политики в отношении Польши, что в будущем это грозило бы восстанием, особенно в случае неблагоприятной для России международной обстановки.

После отступления в 1813 г. французской армии территорию бывшего Княжества Варшавского заняли русские войска, остававшиеся в стране вплоть до провозглашения Королевства Польского. Для их расквартирования были отведены практически все имевшиеся помещения.

Когда первые части возвращавшихся из Франции на родину польских войск 9 сентября 1814 г. достигли Варшавы, им пришлось из-за отсутствия квартир остановиться лагерем под Марымонтом. Средств для обеспечения и довольствования польских войск (75 тыс. зл.) у Временного верховного совета не было. Начавшей работу 27 сентября Военной комиссии совета пришлось обратиться к Александру I. По императорскому указу с этой целью из российской казны ежемесячно выделялось более 2 млн зл., так что до сентября 1817 г. было выплачено 66 млн. зл., целиком истраченных на жалованье польским войскам¹⁰³. В то время, как на польские войска деньги выделялись из российской казны, русские войска, находившиеся в Княжестве, содержались за счет польских средств. На это шли почти все налоговые поступления в 1813–1815 гг. (около 248 млн. зл.), так что дефицит бюджета, составленного Временным верховным советом, в первые месяцы 1815 г. равнялся почти 8 млн. зл. В этом не было ничего парадоксального, поскольку, по замыслу царя, польские войска должны были сознавать, что источником их обеспечения являются русские деньги.

20 июня 1815 г. Войску польскому было объявлено о создании Королевства Польского и зачитан манифест саксонского короля, освобождавшего армию от присяги герцогу варшавскому. Тогда же войска присягнули Александру I. Командование армией официально переходило от Военной комиссии Временного верховного совета к назначенному главнокомандующим великому князю Константину.

Численность армии не была определена в конституции. Статья 154-я оставляла это на усмотрение государя с учетом потребностей и материальных возможностей страны. В итоге, вместо запланированных первоначально 40 тыс. военнотружущих, было решено ограничиться вооруженными силами в 30 тыс. чел. Однако на практике, по подсчетам В. Токажа, численность армии Королевства Польского не превышала 22 тыс. чел., достигнув к 1830 г. 29 тыс. чел.¹⁰⁴. Согласно данным Б. Гембажевского численность действующего состава Войска польского накануне восстания приближалась к 42 тыс. чел. (см. таблицу № 26).

Таким образом, по своей организационной структуре, вооружению и оснащению польская армия вполне соответствовала современному уровню, однако по численности и, следовательно, по боевой мощи она не могла

ТАБЛИЦА № 26.
Общий состав Войска польского в 1830 г.^{105*}

Рода войск, части и подразделения, органы управления	Действующий состав	Командированные	В лазаретах	В боеготовности	Некомплект
Главный штаб	102	48	3	48	—
Гвардия 2 бтлн., 4 эскдрн., 16 рот	3 412	69	179	3 161	36
Пехота 24 бтлн., 96 рот	24 604	425	708	23 435	80
Кавалерия 32 эскдрн.	6 788	1 383	412	5 986	156
Артиллерия 13 рот	3 228	236	111	2 997	46
Инженерные войска 1 бтлн., 4 роты	1 171	71	36	1 063	5
Тягловый корпус 3 бтлн., 20 рот	950	51	36	863	23
Дирекция Арсенала	97	1	—	96	—
Корпус жандармерии	434	359	15	59	5
Итого	41 886	2 673	1 500	37 688	351

* В таблице приведены данные о численности личного состава Польской армии, содержащиеся в докладе, представленном главным штабом Войска польского в Военную комиссию правительства Королевства Польского и датированном 1 сентября 1830 г. Итоговые данные доклада не совпадают по отдельным позициям с суммарными, что свидетельствует о неполноте собранных исходных материалов. Однако в целом они отражают численность и организационную структуру вооруженных сил Королевства Польского.

сравниться с армиями великих держав, не говоря уже о почти полумиллионной русской армии.

Со времени формирования Польской армии ее создатели стремились сохранить национальный характер вооруженных сил Королевства Польского, в максимальной степени оградив их от влияния русских воинских традиций и военных порядков, а также ограничив контроль над ними со стороны российских властей. Личный состав Войска польского, в особенности генералитет и офицерский корпус, комплектовался исключительно из подданных Королевства Польского. В Польской армии сохранялись польское командование (за исключением главнокомандующего — великого князя Константина), польская система чинов, польский язык. Все эти принципы военного строительства были закреплены в Конституции Королевства Польского. Вместе с тем по всем стратегическим, оперативным, организационным и кадровым вопросам армия Королевства

Польского была подчинена исключительно российскому императору (как польскому королю), волю которого проводил Константин Павлович.

Согласно конституции царское правительство было не вправе привлекать польские войска к участию в военных действиях за пределами Европы. Правда, в 1828 г. Николай I добивался отправки двух польских дивизий (кавалерийской и пехотной) на войну с Турцией. Тогда русская армия действительно нуждалась в усилении. К тому же царь видел в этом способ установления братства по оружию русских и польских войск. Константин Павлович сопротивлялся этим намерениям брата. В результате 26 польских офицеров все же были прикомандированы к русской армии, однако, как вспоминали некоторые из них, их приняли там неприязненно¹⁰⁶. Значение приведенного факта едва ли стоит переоценивать, поскольку есть и другие примеры, когда после подавления восстания 1830 г. ссыльные польские офицеры воевали на Кавказе, и их действия там были высоко оценены как командованием, так и боевыми товарищами.

Политика царской власти в отношении Войска польского определилась еще во время его формирования, в 1814–1815 гг., и была единой и преемственной во времена как Александра I, так и Николая I. При всех частных различиях в настроениях и методах каждого из российских государей она в основе сводилась: а) к возможно большему сближению во всех отношениях Польской армии с российской; б) к ослаблению связи Польской армии с конституционным строем Королевства Польского и, напротив, к усилению подчиненности армии королю (русскому императору); в) к недопущению наращивания польских военных сил и к исключению какой-либо возможности их самостоятельных действий. Эти принципы русской военной политики в Польше были закреплены в Конституции Королевства Польского и в законодательстве. Все военные дела были исключительной прерогативой короля-императора. Орудием этой политики выступал великий князь Константин, который полностью сосредоточил в своих руках руководство войсками. В этих условиях Военная комиссия правительства Королевства не играла существенной роли.

Однако, вопреки курсу в военных делах российских властей, Польская армия, по единодушному мнению поляков-современников, была проникнута «национальным, патриотическим духом», что нашло подтверждение в позднейших исследованиях. В. Токаж указывал, что «войско носило национальный характер. Добровольцами в Войско Польское поступали представители лучших фамилий: Потоцкие, Замойские, Яблоновские, Четвертыньские, Жевуские, Ланцкороньские и др. В провинции офицеры гарнизона были центром общения города и округа. По возвращении их из лагерей и с маневров гостеприимство жителей подчас не знало границ. Солдаты ощущали себя частью народа и его защитниками»¹⁰⁷. Достоверность описанной историком атмосферы, сложившейся вокруг Польской армии в Королевстве, не вызывает сомнения. Однако для того чтобы оценить ее верно, следует учесть два обстоятельства. Во-первых, восторженные настроения по поводу армии своей страны получили после наполеоновских войн распространение по всей Европе. В одних странах они питались гордостью победителей Бонапарта и освободителей европейских народов,

в других — наполеоновским мифом и надеждой на обретение свободы путем «военной революции». Во-вторых, отношение к армии в обществе было дифференцировано в социальном и сословном отношении. Показателем подлинного отношения к армии, отражением ее характера как общественного института являлся призыв на военную службу.

Источником пополнения войск Королевства Польского в 1815–1830 гг. был рекрутский набор. Он проводился обычно раз в два года. Исключение составлял 1819 г., когда набор проводился дважды. Численность мобилизованных рекрутов в отдельные годы была различной (от 2 400 до 10 000 чел.) и определялась величиной требовавшегося пополнения: то есть в зависимости от согласия отслуживших положенный срок добровольно продолжать службу в течение последующих 5 и 10 лет, а также от притока в армию добровольцев и от убыли штатного состава вследствие смертности, досрочного увольнения, в том числе и вследствие наложения наказаний за проступки и преступления, а также от дезертирства.

Точного числа рекрутов, взятых в 1815–1830 гг. в Польскую армию, установить не удалось. Согласно подсчету Б.Гембажевского, рекрутские наборы 1816, 1819, 1822, 1824 и 1826 гг. вместе дали 26 700 рекрутов. Однако в этих подсчетах не учтен набор 1827 г., о котором говорится в письмах великого князя Константина Николаю I. Тогда было мобилизовано 6 200 рекрутов. Также из материалов 1830 г. Правительственной военной комиссии следует, что наборы 1824–1828 гг. дали 17 100 человек, в то время как Гембажевский для этого периода называл только два набора 1824 и 1826 гг., пополнение от которых составило лишь 5 400 рекрутов. Обобщая эти данные, Токаж констатировал, что можно говорить об общем числе рекрутов не менее чем 38 400 человек¹⁰⁸.

Таким образом, Королевство насчитывало в 1830 г. 4 137 631 чел. населения (в 1815 г. — только 3 237 962 чел.), в том числе, согласно данным властей, оно располагало 216 000 мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, годными к военной службе. Из этого числа в среднем за один набор призывалось не более 2 400 человек, то есть в рекруты забирали людей только из двух самых младших возрастов¹⁰⁹. Одного рекрута в Королевстве Польском брали примерно с 40 дворов, что не было большим побором. Для сравнения: в России в 1724 г. рекрутский набор составлял 1 чел. с 20 дворов, в 1831 г. — 5–7 чел. с 1000 душ м. п. В Королевстве Польском в рекруты забирали примерно 3 чел. с 1000 душ, что составляло около половины от российской нормы. Численность уволенных из армии Королевства можно определить только приблизительно. Согласно отчетам Правительственной военной комиссии перед сеймом, в 1818 г. было уволено 14 199 чел., в 1824–1828 гг. — 10 502 чел.

Рекрутский набор осуществлялся на основе закона 30 ноября 1816 г., окончательная редакция которого была выполнена под руководством великого князя Константина. В тексте закона, с одной стороны, нашли отражение представления польских политиков, что Королевство должно обладать небольшой армией, чтобы рекрутский набор не «препятствовал росту населения, развитию производства и науки»¹¹⁰. Однако, с другой стороны, эти декларации отнюдь не противоречили подлинным намерениям Алек-

сандра I и Константина Павловича. В соответствии с традиционной русской политикой в отношении Польши, они считали недопустимым увеличение польских вооруженных сил. Образцом для польского закона о наборе в армию был принят соответствующий закон в Пруссии. Однако в отличие от прусского варианта, в котором военная повинность была установлена для всех сословий, включая «налог кровью» с дворянства, польский закон, по аналогии с российским и австрийским законодательством, освобождал дворянство и городские верхи от обязательной службы, позволяя выставить рекрута-заместителя.

Практически все состоятельные подданные Королевства Польского, заплатив 2 тыс. злотых, могли найти себе такого заместителя. Если бы он умер во время службы или дезертировал, то следовало либо платить вновь, либо служить самому. Правом выставить заместителя широко пользовались землевладельцы, вопреки позиции великого князя Константина, который лично в своей резиденции во дворце Брюля в Варшаве устраивал смотр новобранцам. Нередко он сталкивался с ситуацией, когда заместитель выглядел просто немощным рядом с пышущим силой и здоровьем замещаемым шляхтичем.

По аналогии с прусским законодательством, польский закон 1816 г. освобождал от службы ученых, артистов, врачей, чиновников, учителей, духовных лиц, владельцев мануфактур и ремесленных мастерских, а также проживавших в Польше иностранцев и их сыновей. Освобождались от службы женатые (если вступили в брак до достижения призывного возраста), единственные сыновья или один из сыновей по выбору родителей, если те нуждались в опеке, а также сыновья умерших родителей, если на их попечении оставались младшие члены семьи. В 1817 г. власти без согласия сейма отменили рекрутскую повинность для евреев, заменив ее специальным налогом в 700 тыс. злотых ежегодно. Сделано это было по просьбе делегатов еврейских общин, а также из-за того, что из 500 евреев, мобилизованных в 1816 г., в полки прибыли всего 144 человека, из которых 18 вскоре также сбежали со службы¹¹¹. Эта мера только подчеркнула сословный характер рекрутского набора и всей системы комплектования Польской армии.

Власти Королевства, начиная от Правительственной военной комиссии и сейма и кончая администрацией на местах, не прилагали особых усилий к пополнению армии и смотрели сквозь пальцы на уклонение от призыва представителей господствующего сословия и других выходцев из состоятельных семей, так что фактически вся тяжесть рекрутской повинности ложилась на крестьянство, на беднейшие слои сельского населения. Ответственность за пополнение армии принял на себя великий князь Константин, который пытался для этого прибегать к строгим мерам, нередко противоречившим законам. Так, он требовал, чтобы освобождение от службы ремесленников и фабрикантов проводилось индивидуально, в зависимости от значения их предприятия для Королевства.

Согласно закону, набор рекрутов возлагался непосредственно на воинские части. Каждый из 8 полков линейной пехоты получал одно воеводство как округ для своего пополнения. 4 стрелковых полка получали

по два воеводства. Кавалерийские полки также получали по воеводству. Аналогичным образом должны были комплектоваться и прочие воинские части. Однако Константин Павлович, стремясь бороться с фиктивным набором и сокрытием некомплекта в полках (что было вполне в традициях шляхетской Речи Посполитой), требовал собрания всех рекрутов в Варшаве, где сам распределял их по полкам. Это нарушало территориальный принцип комплектования и вынуждало новобранцев совершать тяжелый и дорогостоящий поход в столицу.

По закону 1816 г. первой инстанцией в системе рекрутского набора была сформированная в повяте Призывная делегация (комиссия). В нее входили направленный в повят офицер полка в чине не ниже капитана, делегат землевладельцев (как правило, не присутствовавший), войт или бурмистр гмины, где работала в данное время делегация, а также хирург. Практически всем руководил офицер, проводивший набор летом и останавливавшийся в домах у богатых шляхтичей. Сюда войты приводили людей, предназначенных в рекруты, тех обследовали и включали в списки, а спустя два месяца признанных годными гмины отправляли в повятовый город. Здесь рекрутов обследовала Цивильно-войсковая комиссия, которая и принимала окончательное решение о призыве. После этого набранные таким образом рекруты походным порядком и под конвоем маршировали до Варшавы, где проводилось их распределение по полкам. Все эти процедуры рекрутчины были в высшей степени и во всех отношениях тягостны для крестьянства. Один из современников и свидетелей такого набора писал: «Когда во время великого князя Константина проводился набор, были то дни смятения и слез, дни хлопот для собственников, обводовых комиссаров и солтысов. Побор проводился ночью и напоминал преследование и захват пленников, что часто сопровождалось сопротивлением и убийствами»¹¹².

О положении в войсках нижних чинов, вчерашних рекрутов-крестьян, практически ничего не известно. К сожалению, не сохранились источники, отразившие практику строевой, гарнизонной и внутренней службы, содержавшие сведения о довольствовании и быте солдат и сержантов. В имеющихся скудных свидетельствах современников приводятся субъективно и тенденциозно интерпретированные картины «муштры» и «солдатчины», отдельные факты самодурства высшего начальства. Однако следует принять во внимание, что после окончания наполеоновских войн стоявшие перед вооруженными силами задачи, а также характер службы в войсках и дисциплинарная практика, в частности, в условиях мирного времени кардинально отличались от задач армии и от обстановки в войсках в военное время. С этой точки зрения, положение в Польской армии было никак не хуже положения в армиях других держав, где также офицеры — участники боевых действий как по одну, так и по другую сторону, — вспоминая былое, выражали недовольство существующей практикой службы и сложившейся в частях моральной атмосферой.

Вместе с тем в воспоминаниях современников присутствуют и идиллические свидетельства, что, оказавшись в полку, новобранцы вполне осваивались в новой обстановке и становились хорошими солдатами. Л. Сапега писал: «Когда рекрут прибывал в полк, там он оказывался посвященным в

наше дело (по подготовке освободительного восстания. — *Б. Н.*), и это развивало его патриотическое чувство, крепнувшее час от часу. В несколько дней становилось так, что это чувство выступало как естественное чувство человека»¹¹³. Такое преобразование крестьянина-новобранца неоднократно отмечалось и во время восстания 1830–1831 г. Вряд ли стоит относиться с доверием к этим хотя и искренним, но совершенно субъективным словам офицера-аристократа. Аналогичное отношение к «нижним чинам» было также характерно для офицеров — сторонников революционного лагеря и в других странах (от карбонариев до декабристов). Дворянские революционеры, будучи далеки от крестьянства, полагали, что хорошо знают своих солдат, хотя зачастую это мнение оказывалось заблуждением. Во всяком случае, хрестоматийному представлению о «бравых солдатах» явно противоречило весьма распространенное в армии Королевства Польского дезертирство не только среди солдат, призванных по рекрутскому набору, но и среди так называемых добровольцев.

Служба в армии Королевства Польского продолжалась 10 лет и, как правило, не превышала этого периода. Досрочно увольняли только тех солдат, которые получали наследство и должны были лично возглавить хозяйство. Солдат — ветеранов наполеоновских войн оставалось в строю после 1815 г. немного. Большинство из них к тому времени или выслужили свой срок, или были уволены по состоянию здоровья, да и великий князь Константин охотно увольнял наполеоновских ветеранов из армии. А они, в свою очередь, сами не хотели продолжать службу под его командованием. Кадровых сверхсрочников, некогда сражавшихся под французскими знаменами, было относительно несколько больше, например, в 4-м уланском полку оставалось немало унтер-офицеров и сержантов, служивших прежде в гвардии Наполеона в полку легкой кавалерии.

Наряду с солдатом-крестьянином и унтер-офицером — сверхсрочником или ветераном, наиболее типичной фигурой в армии Королевства был доброволец-шляхтич или доброволец-интеллигент, происходивший из горожан. Такие «охотники» именовались кадетами, то есть кандидатами на офицерский чин. Число кадетов было невелико и в каждом полку ограничено. К тому же командиры полков принимали кадетов на службу неохотно. В значительной мере это объяснялось стремлением сохранить замкнутость, корпоративную обособленность шляхетского офицерского корпуса, не допустить в него «новых людей» из других сословий. Выходцев из общественных низов, изъявивших желание служить нижними чинами, принимали в армию без особых ограничений. Общее число добровольцев в армии Королевства неизвестно. Можно сослаться только на заявление в 1825 г. Правительственной военной комиссии о «большом числе добровольцев разных сословий, бежавших со службы»¹¹⁴. Однако очевидно, что «большое число» относилось к числу побегов, а не к общему числу «охотников» в армии.

Офицерский корпус армии Королевства можно условно разделить на две особые группы: офицеры новой формации и офицеры времени Наполеона. Офицеры первой группы, поступившие на службу после 1815 г., не имели значительной выслуги, отставали по времени производства в чин от

своих сослуживцев. В мирное время они не имели боевых заслуг и вследствие ограниченности штатного состава армии медленно продвигались по службе, оставаясь в обер-офицерских чинах. Уже после подавления восстания 1830–1831 гг. в среде Великой эмиграции было установлено, что только один офицер новой формации (некто Крушевский) к 1830 г. дослужился до чина капитана, а первый штаб-офицерский чин получил уже во время восстания. Крушевский говорил, что когда 6 апреля 1831 г. стал майором, то был первым майором в Польском войске, не имевшим за плечами наполеоновской кампании¹¹⁵. Ко второй группе относились офицеры — участники наполеоновских походов. Их выслуга ко времени создания армии Королевства Польского была около 15 лет, они обладали заслуженным личным авторитетом, высокими чинами и имели боевые награды. Уже поэтому наполеоновские ветераны занимали высшие командные должности в Польской армии. Обе эти группы решительно различались между собой как по жизненному опыту, по уровню боевой и тактической подготовки, по продвижению по службе, так и по психологии и складу характера. Указанное различие между этими двумя группами еще более усугубляло в Польской армии типичное для всякой военной организации неравенство между старшими и младшими офицерами и порождало определенное недовольство среди последних, что, в частности, и сказалось на их решении принять участие в восстании.

Молодой человек, стремившийся сделать военную карьеру в Польской армии, намеревавшийся достичь высоких чинов и попасть в верхи офицерского корпуса, должен был начать службу кадетом, а затем поступить в Школу подхорунжих. Кадеты в полках принадлежали к «среднезажиточной» шляхте. Очень часто, поступая в армию, они уже имели законченное лицейское, а иногда и университетское образование. Кадеты, в отличие от других «охотников», не подлежали телесным наказаниям, освобождались от внутренних работ (если находили заместителя), носили форму из тонкого сукна и в короткий срок (до двух месяцев) получали унтер-офицерский чин. По истечении 4–5 лет службы в полку кадет переходил в Школу подхорунжих. 28 июля 1815 г. были основаны две такие школы: одна — для пехоты, вторая для — кавалерии¹¹⁶.

Современники, особенно польские офицеры, с неодобрением отзывались об уровне военного образования в Польской армии при Константине Павловиче. Как вспоминал И. Коморовский, в Школе подхорунжих пехоты большая часть учебного времени отводилась строевой подготовке в ущерб тактическим занятиям, а тем более преподаванию стратегии. Только с 1824 г. в учебную программу были включены русский, французский и немецкий языки. Слушатели, желавшие заниматься самообразованием, практически не имели для этого свободного времени, помимо воскресений и праздников, поэтому они были вынуждены и в эти дни оставаться в казармах¹¹⁷. Однако приведенные мемуаристом факты свидетельствовали, что, в сравнении с аналогичными учебными заведениями в других странах, школы подхорунжих были отнюдь не на плохом счету, а отрицательные оценки автора воспоминаний объяснялись, скорее его негативным отношением к константиновским порядкам в Польской армии в целом.

Прогрессивную тенденцию в развитии Польской армии представляли военно-технические учебные заведения. Первым их звеном была Школа кадетов в Калише (четыре класса). Она не была закрытым сугубо военным учебным заведением, а входила в общегосударственную систему народного просвещения, будучи до 1820 г. подчинена Правительственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения. В калишской школе давалось широкое образование, больше внимания уделялось естественным и точным наукам. Ее выпускники получали возможность поступить в Апликантскую школу, готовившую офицеров технических специальностей: инженеров, артиллеристов, саперов. Оба эти училища выступали наследниками традиций кадетского корпуса Речи Посполитой времени короля Станислава Августа¹¹⁸.

Слабость тактической подготовки и боевой выучки Польской армии показали маневры под Брестом в сентябре 1823 г., в ходе которых войска были разделены на два противостоявших друг другу корпуса. «Хотя роль каждого корпуса, — вспоминал современник — польский генерал К. Колачковский, — была определена заранее и в инструкции предусмотрена малейшая случайность, но начальники, привыкшие маневрировать на плацу, потеряли голову, очутившись среди леса, зарослей, болот и холмов. Колонны расстроились, линия поколебалась, артиллерия стала под горою, как было указано в инструкции, и стреляла снизу вверх. Кавалерия стояла в болоте, откуда не могла выбраться. Стрелки, не обращая внимания на особенные свойства местности, растянулись по прямой линии, как на Саксонской площади. Одним словом, все, в особенности же сторонние наблюдатели, могли убедиться в том, что великий князь Константин был неважным командиром и генералом, а войско в его руках — игрушкой, предназначенной скорее для парада, нежели для войны»¹¹⁹. Автор — знающий и опытный генерал, в прошлом участник похода Наполеона в Россию — точно указал на проявившиеся в ходе маневров недостатки в полевой выучке и тактической подготовке Польской армии. Они были достаточно характерны для армии, не имевшей боевого опыта. К тому же в маневрах участвовали «необстрелянные» солдаты наборов 1816 и 1819 гг. Поэтому отмеченные Колачковским досадные промахи на маневрах вовсе не свидетельствовали о пороках польской военной системы 1815–1830 гг. Опыт боевых действий 1831 г. продемонстрировал, что Войско польское хотя и потерпело поражение от превосходящих сил противника, но проявило себя с лучшей стороны, обнаружив боевой дух и показав боевую выучку, чему в значительной степени способствовала подготовка армии в предшествовавшие годы.

В целом по всем сторонам военного дела и по своему месту в общественном устройстве Королевства Польского Польская армия 1815–1830 гг. соответствовала установленному в стране сословному строю — угнетенному и неполноправному положению большинства населения и привилегированному статусу польской шляхты и ее офицерского корпуса. Вместе с тем воспитанные Польской армией военные кадры и созданная в ней управленческая структура оказали существенное влияние на облик господствующего сословия, правящих верхов и сформировавшейся бю-

рократии Королевства Польского. «Наполеоновский» по происхождению генералитет Войска польского, создавая армию Королевства, видел своей главной задачей формирование вооруженных сил, которые сохранили бы стратегическую и организационную самостоятельность, а также относительную независимость управления от властей, в том числе и военного руководства, Российской империи. Однако, несмотря на субъективные патриотические настроения, командование и консервативная часть офицерского корпуса на деле проводили курс на прочный военный союз с Петербургом, что в будущем и обусловило раскол в польском офицерстве во время восстания 1830–1831 гг.

ТАБЛИЦА I.
Структура сельскохозяйственных угодий в Королевстве Польском
в 1819–1826 гг. *

Воеводства	Площадь		1819 г.						
			Влоки						
	Кв. мили	Влоки	Пашня	Луга	%	Леса	%	Неудобья	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мазовецкое	346,31	113 130	52 305	9871	54,9	36 061	31,9	14 803	13,1
Краковское	193,16	63 102	17 481	1225	29,5	12 050	19,1	32 294	51,2
Калишское	297,19	97 085	39 181	6790	47,4	30 307	31,2	20 728	21,3
Люблинское	304,74	99 551	35 603	7093	42,9	23 385	23,5	33 390	33,5
Сандомирское	249,94	81 647	19 818	4899	30,3	27 823	34,1	29 041	35,6
Плоцкое	301,74	98 572	38 224	5319	44,2	34 775	35,2	20 174	20,5
Августовское	325,21	106 240	31 596	6651	36,0	37 609	35,4	30 298	28,5
Подляское	252,42	82 458	15 394	2647	21,9	20 780	25,2	43 570	52,8
Всего	2270,71	741 785	249 602	44 495	39,6	222 790	30,0	224 298	30,2

* Таблица составлена по данным Э. Киркор-Кедронёвой. См.: *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912. S. 53.*

ТАБЛИЦА I
(продолжение)

Воеводства	1826 г.													Прирост доли лесов в %	Прирост лугов в %	Прирост пашни в %	Сокращение неудобий в %
	Влоки																
	Пашня	Луга	%	Леса	%	Огороды	%	Застройка и дороги	%	Неудобья	%	Неудобья	%				
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25		
Мазовецкое	53 382	9702	55,8	31 306	27,7	3722	3,3	5580	4,9	9 438	8,3	2,0	-1,7	-4,7	-4,8		
Краковское	18 408	1426	31,4	11 841	18,8	3594	5,7	4890	7,7	22 943	36,4	5,3	16,4	-0,3	-14,8		
Калишское	41 636	6795	49,9	26 898	27,7	3855	4,0	5300	5,5	12 601	13,0	6,3	0,07	-3,5	-8,3		
Люблинское	30 947	7099	38,2	22 638	22,7	3781	3,8	5666	5,7	29 420	30,0	-13,0	0,08	-0,8	-3,5		
Сандомирское	20 429	5504	31,8	27 715	33,9	3066	3,8	4320	5,3	20 613	25,2	3,4	12,4	-0,2	-10,4		
Плоцкое	40 434	5323	46,4	28 522	28,9	2583	2,6	4111	4,2	17 599	17,9	5,7	0,07	-6,3	-2,6		
Августовское	31 620	6657	36,0	37 640	35,4	2963	2,8	4433	4,2	22 927	21,6	0,07	0,09	0,0	-6,9		
Подляское	18 158	3149	25,8	19 010	23,1	3034	3,7	4480	5,4	34 627	42,0	17,9	18,9	-2,1	-10,8		
Всего	255 014	45 655	40,5	205 570	27,7	26 598	3,6	38 780	5,2	170 168	22,9	2,2	2,6	-2,3	-7,3		

ТАБЛИЦА II.
Изменение численности населения Королевства Польского в 1810—1829 гг.

Воеводства	1810 г.		1819 г.		1824 г.		1826 г.		1827 г.		1828 г.		1829 г.	
	Всего чел.	%	Всего чел.	%	Всего чел.	%	Всего чел.	%	Всего чел.	%	Всего чел.	%	Всего чел.	%
Мазовецкое	582 304 *	89,8	648511	100	745084	14,9	794558	22,5	799983	23,4	807495	24,5	814138	25,5
Краковское	336483 *	95,7	351672– 375497 **	100	406703	8,3	419007	11,6	421838	12,3	424930	13,2	424965	13,2
Калишское	408089	90,1	449027– 506364 **	100	561900	11,0	580695	14,7	598973	18,3	612298	20,9	617129	21,8
Люблинское	457015	106,3	430014	100	462530	7,6	481566	12,0	489732	13,9	494031	14,9	498902	16,0
Сандомирское	326885	97,8	334399	100	366741	9,7	383607	14,7	388901	16,3	395173	18,2	399303	19,4
Плоцкое	386029	96,7	399252	100	440323	10,3	464491	15,6	470440	17,8	476248	19,3	489902	22,7
Августовское	416345	96,7	430705	100	475677	10,4	503981	17,0	509464	18,3	523930	21,6	531775	23,5
Подляское	324103	102,4	316663	100	341359	7,8	350306	10,6	353004	11,5	354184	11,8	362331	14,4
Всего	3 237 253	96,3	3 360 243– 3 441 405 **	100	3 800 317	10,4	3 978 211	15,6	4 032 335	17,2	4 088 289	18,8	4 138 445	20,3

* В границах 1815 г.

** В границах 1819 г.

ТАБЛИЦА III.
Численность и категории крестьянского населения в 1810 г.
(в границах Королевства Польского) *

	Департаменты (воеводства) Категории крестьян	Варшавский (Мазовецкое)	%	Краковский	%	Калишский	%
1	Чиншовники, окупники, колонисты	976		118		14059	
2	Рольники	107565		24261		23943	
3	Полурольники	99038		55098		68639	
4	Загородники	11377		92535		39046	
Итого 1–4		218956	55,6	172012	54,8	145687	40,5
5	Халупники	14141		40668		41226	
6	Огородники	4117		–		35322	
Итого 5–6		18258	4,6	40668	13,0	76548	21,3
7	Коморники	35880		32508		33579	
8	Выробники	35366		22254		35312	
9	Паробки	42005		17944		27945	
10	Девки и работники по дому	20266		12707		18787	
11	Прислуга	23299		15695		21676	
Итого 7–11		156816	39,8	101108	32,2	137299	38,2
Всего		394030	100	313788	100	359534	100

* Таблица составлена по данным З. Киркор-Кедронёвой. См.: *Kirkor-Kiedronio-wa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912. S. 91.*

Таблица III.
(продолжение)

Люблинский	%	Радомский (Сандомирское)	%	Плоцкий	%	Всего	%
–		272		12507		27932	
39781		89195		58104		342849	
173219		30759		15886		442639	
–		37752		13093		193803	
213000	70,3	157978	63,4	39590	37,7	1007223	53,5
31337		11788		34775		173935	
4312		–		–		43751	
35649	11,7	11788	4,7	34775	13,2	217686	11,5
20670		28264		17445		168346	
–		14665		51194		158791	
13942		15339		29706		146881	
11111		9591		18440		90902	
8782		11356		12933		93741	
54505	18,0	79215	31,9	129718	49,1	658661	35,0
303154	100	248981	100	264083	100	1883570	100

ТАБЛИЦА IV.
Численность и категории крестьянского населения
(главы семей) в 1810 г. *
(в границах Королевства Польского)

	Департаменты (воеводства) Категории крестьян	Варшавский (Мазовецкое)	%	Краковский	%	Калишский
1	Чиншовники, окупники, колонисты	196		12		3185
2	Рольники	22647		5335		5125
3	Полурольники	20887		11 112		13 863
4	Загородники	3536		20316		7846
Итого 1–4		47266	34,9	36775	39,3	30019
5	Халупники	4163		9639		8628
6	Огородники	1155		–		7856
Итого 5–6		5318	4,0	9639	10,3	16484
7	Коморники	12492		10882		10211
8	Выробники	12761		8032		11344
9	Паробки	29190		12798		20352
10	Девки и работники по дому	19007		10516		16282
11	Прислуга	9161		4974		7186
Итого 7–11		82611	61,1	47202	50,4	65375
Всего		135195	100	93616	100	111878

* Таблица составлена по данным З. Киркор-Кедронёвой. См.: *Kirkor-Kiedronio-wa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego*. Kraków, 1912. S. 90.

Таблица IV.
(продолжение)

%	Люблинский	%	Радомский (Сандомирское)	%	Плоцкий	%	Всего	%
	–		56		2478		5927	
	13970		8521		12231		77829	
	42224		5876		3477		97439	
	–		8328		3311		43337	
26,8	56194	57,8	22781	43,8	21497	20,6	214532	36,4
	7850		3028		8103		41411	
	1054		–		–		10065	
14,7	8904	9,2	3028	4,1	8103	7,8	51476	8,3
	7733		10625		7354		59297	
	–		4974		18678		55789	
	10596		10941		24836		108713	
	10484		8609		16438		82236	
	3287		3787		6379		34774	
58,5	32100	33,0	38936	52,1	74685	71,6	340909	55,3
100	97198	100	37936	100	104285	100	606917	100

ТАБЛИЦА V.
Численность и категории крестьянского населения (главы семей)
Королевства Польского в 1827 г. *

	Воеводства Категории крестьян	Мазовецкое	Краковское	Калишское	Люблинское
1	Эмфитеисты	1580	78	44	43
2	Чиншовники	10048	1068	5875	4351
3	Колонисты	3492	67	2351	171
4	Рольники	39092	42127	36619	59438
Итого 1–4		54212	43340	44889	64003
%		36,6	52,5	36,9	59,8
5	Халупники	12268	5338	12253	7481
6	Огородники	810	143	326	160
Итого 5–6		13078	5481	12579	7641
%		8,8	6,6	10,4	7,1
7	Выробники	24755	7088	18337	12751
8	Паробки	30932	13126	23132	12376
9	Девки	23234	13103	21096	9968
10	Овчары	2033	420	1580	313
Итого 7–10		80954	33737	64145	35408
%		54,6	40,9	52,7	33,1
Всего		148244	82558	121613	107052
%		100	100	100	100

* Таблица составлена по данным З. Киркор-Кедронёвой. См.: *Kirkor-Kiedronio-wa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912. S. 94.*

ТАБЛИЦА V.
(продолжение)

Сандомирское	Плоцкое	Итого	%	Августовское	Подляское	Всего	%
52	53	1850		25	11	1886	
345	10615	32305		12045	2123	46473	
251	934	7266		123	202	7591	
31700	19154	228130		21760	30702	280592	
32348	30756	269551	41,9	33953	33038	336542	41,8
40,5	29,6	41,9		33,4	54,9	41,8	
5008	13617	55965		11181	3300	70416	
185	962	2586		157	143	2886	
5193	14579	58551	9,1	11383	3443	73332	9,1
6,5	14,0	9,1		11,2	5,7	9,1	
18490	21138	102559		15862	10814	129235	
12455	21178	113199		23562	7449	144210	
11154	15298	93853		16685	5205	115743	
320	1050	5716		142	198	6056	
42419	58664	315327	49,0	56251	23666	395241	49,1
53,0	56,4	48,0		55,4	39,4	49,1	
79960	103999	643429		101542	60147	805118	
100	100	100		100	100	100	

ТАБЛИЦА VI.
Города и городское население Княжества Варшавского
и Королевства Польского

Княжество Варшавское (1810 г.)		Королевство Польское (1827 г.)			
Департаменты и крупнейшие города	Число домов	Численность населения	Воеводства и крупнейшие города	Число домов	Число населения
1. Департамент Варшавский	19 757	133 403	Мазовецкое	13 812	253 940
Варшава	3273	77 727	Варшава		131 000
Лович	333	2635			
Ленчица	174	2573			
Сохачев	184	2055			
2. Департамент Краковский	9752	71 847	Краковское	8660	75 343
Краков с Подгужем	1756	25 345			
Жарки	287	1805			
Пиллица	226	1644			
Нове Място (Корчин)	222	1628			
3. Департамент Калишский	11 004	76 266	Калишское	10 318	100 679
Калиш	464	7256	Калиш		12 000
Пётркув	356	3647			
Кемпно	355	3598			
Ченстохова Стара	305	2233			6000
4. Департамент Люблинский	14 123	81 509	Люблинское	13 726	111 112
Люблин	891	7105			
Замостье	393	4065			
Тарногруд	707	3391			
Биллгорай	450	2642			
5. Департамент Радомский	10 994	62 948	Сандомирское	9776	84 179
Радом	205	1742			
Козенице	337	1962			

Опочно	256	1844				
Коньске	217	1829				
6. Департамент Плоцкий	6399	49 971	Плоцкое	6549	81 539	
Плоцк	554	5421			9000	
Вышегруд	243	2876				
Пултуск	336	2520				
Плоньск	225	2388				
7. Департамент Ломжинский	9944	57 531	Августовское	8787	84 403	
Ломжа	312	1866				
Кальвария	449	3249				
Тыкоцин	–	2978				
Новое Място	317	2786				
8. Департамент Седлецкий	9348	51 486	Подляское	8590	67 913	
Седльце	268	2738				
Мендзыжец	432	2686				
Бяла	351	2477				
Влодава	501	2238				
Соколув	363	2043				
9. Департамент Познанский	21 435	148 230				
Познань	1146	16 114				
Равич	935	7179				
Лешно	760	5726				
Вехова	642	4634				
10. Департамент Быдгощский	11 202	72 951				
Быдгощь	651	4148				
Торунь	936	6938				
Иновроцлав	417	3106				
Хелмно	325	2776				

ТАБЛИЦА VII.
Ремесленники Княжества Варшавского
по переписи 1810 г. (главы семей)

	Специальности	Численность	%		Специальности	Абс.	%
I	Производство одежды			VI	Обработка металла		
1	Портные	10431	12,0	25	Кузнецы	8 600	9,9
2	Шапники	609	0,7	26	Жестянщики	151	0,2
3	Шляпники	271	0,31	27	Медники	109	0,12
II	Выделка кож и производство кожевенных изделий			28	Котельщики	667	0,8
4	Дубильщики	1197	1,4	29	Слесари	1 003	1,1
5	Сапожники	15524	17,8	30	Гвоздоделы	205	0,23
6	Скорняки	2215	2,5	31	Токари (по металлу и дереву)	299	0,34
7	Кожевенники по мягкой коже и перчаточники	153	0,18	VII	Строительство		
8	Шорники	918	1,1	32	Каменщики	2 545	2,9
9	Седельщики	272	0,31	33	Плотники	2 755	3,2
III	Текстильное производство			34	Распиловщики	478	0,55
10	Ткачи	1956	2,2	35	Изготовители кирпича	494	0,57
11	Ткачи тонких х/б тканей	2325	2,6	36	Печники	559	0,64
12	Суконщики	5357	6,1	37	Стекольщики	509	0,58
13	Сукноделы	79	0,09	38	Маляры	153	0,18
IV	Галантерейное производство			VIII	Типографское дело		
14	Часовщики	168	0,19	39	Печатники	120	0,14
15–16	Золотых дел мастера и ювелиры	260	0,3	40	Переплетчики	166	0,19
17	Гребенщики	108	0,1	IX	Прочие специальности		
18–19	Позументщики	623	0,71	41	Гончары	1930	2,2
V	Обработка с/х. продукции Пищевое производство			42	Бондари	1975	2,3
20	Мельники	8075	9,3	43	Столяры	2595	3,0
21	Пекари	3327	3,8	44–45	Колесные мастера	2082	2,4
22	Скотобойцы-мясники	3571	4,1	46	Канатные мастера	335	0,38
23	Мыловары	207	0,24	X	Ремесленники необозначенных специальностей	2 719	3,1
24	Рыбаки	730	0,84				
Итого группа I		11311	12,7	Итого группа VI		11034	12,4
Итого группа II		20279	22,8	Итого группа VII		7493	8,6
Итого группа III		9717	10,99	Итого группа VIII		286	0,3
Итого группа IV		1159	1,3	Итого группа IX		8917	11,1
Итого группа V		15910	18,2	Итого группа X		2719	3,0
Всего ремесленников (главы семей) 88825 (100%)							

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kurtzeba St.* Historia ustroju Polski w zarysie. T. 3 (Po rozbiorach. Część 1). Lwów, 1920.
- 2 Historia Polski. T. 2. 1764–1864. Cz. II. 1814–1864. Warszawa, 1956. S. 16.
- 3 Ibid. S. 18.
- 4 Ibid. S. 18–19.
- 5 Ibid. S. 17.
- 6 Статистические материалы по численности и структуре населения Королевства Польского см.: *Grynwaser H.* Demokracja szlachecka. Warszawa, 1948. S. 66–67.
- 7 Historia Polski. T. 2. Cz. II. S. 16.
- 8 *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912. S. 44.
- 9 Historia Polski. T. 2. Cz. II. S. 17–18.
- 10 См.: *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków; Warszawa, 1897. T. 1. S. 69.
- 11 *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Op. cit. S. 53.
- 12 Ibid. S. 164–165.
- 13 *Mencel T.* Wieś pańszczyźniana w Królestwie Polskim w połowie XIX wieku. Lublin, 1988. S. 273–274.
- 14 *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu. Warszawa, 1968. S. 15.
- 15 *Rychlikowa I.* Ziemiaństwo polskie 1789–1864. Warszawa, 1983. S. 5–6.
- 16 *Senkowska-Gluk M.* Pojęcie elity i jego przydatność dla badań historycznych // Społeczeństwo polskie XVIII i XIX wieku. Studia o grupach elitarnych. T. 8. Warszawa, 1982. S. 11–17.
- 17 См. напр. *Едлицкий Е.* Столица и провинция в сознании народа, лишённого государственности // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 103–104.
- 18 *Rostworowski E.* Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // Kwartalnik Historyczny. Warszawa; Poznań, 1987. Nr. 3. S. 3–40.
- 19 Ibid. S. 31.
- 20 *Korzon T.* Op. cit. T. 1. S. 74–163.
- 21 *Rostworowski E.* Op. cit. S. 31–34.
- 22 См.: *Grossman H.* Struktura społeczna i gospodarcza Księstwa Warszawskiego na podstawie spisów ludności 1808–1810. Warszawa, 1925.
- 23 *Grynwaser H.* Op. cit. S. 66–67.
- 24 *Różański A.* Działalność statystyczna w okresie Królestwa Kongresowego // Przegląd statystyczny. Warszawa, 1939. T. 2. Nr. 1.
- 25 *Rodecki F.* Obraz geograficzno-statystyczny Królestwa Polskiego. Warszawa, 1830.
- 26 *Korzon T.* Op. cit. T. 1. S. 96.
- 27 Ibid. S. 98.
- 28 *Holsche.* Geographie und Statistik von West- Süd- und Neu-Ostpreußen: nebst einer kurzen Geschichte des Königreichs Polen bis zu dessen Zertheilung. Berlin, 1807. Bd. 2.
- 29 *Chamerska H.* Drobna szlachta w Królestwie Polskim (1832–1864). Warszawa, 1974. S. 28.

- 30 Ibid. S. 8.
- 31 *Jedlicki J.* Op. cit. S. 245–246.
- 32 Ibid. S. 264–270.
- 33 Ibid. S. 289–290. См. также: *Marcinkowski K.* Rodziny zaszczycone szlachectwem w Królestwie Polskim 1815–1836. Warszawa, 1907.
- 34 Dziennik praw [Królestwa Polskiego]. Warszawa, 1857–1961. T. 19. S. 187–289.
- 35 *Jedlicki J.* Op. cit. S. 362.
- 36 Ibid. S. 364.
- 37 Ibid. S. 246.
- 38 *Grynwasser H.* Op. cit. S. 15.
- 39 Historia Polski. T. 2. Cz. II. S. 17.
- 40 *Grynwasser H.* Op. cit. S. 67.
- 41 *Wejnert A.* O starostwach w Polsce do końca XVIII wieku z dołączeniem wykazu ich miejscowości. Warszawa, 1877. S. 96–99.
- 42 Ibid. S. 103–104.
- 43 *Skarbek F.* Gospodarstwo narodowe zastosowane czyli nauka administracji. Warszawa, 1821. T. 1. S. 40–78.
- 44 *Flatt J. B.* Opis Xięstwa Warszawskiego. Poznań, 1809.
- 45 *Mencel T.* Prawa wyborcze ludności miejskiej w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim // *Naród i państwo: prace ofiarowane Henrykowi Jabłońskiemu.* Warszawa, 1969. S. 271.
- 46 *Grossman H.* Op. cit. S. 54.
- 47 *Едлицкий Е.* Указ. соч. С. 104.
- 48 *Dumała K.* Przemiany przestrzenne miast i rozwój osiedli w Królestwie Polskim w latach 1831–1869. Wrocław, etc. 1974. S. 45–46.
- 49 Ibid. S. 37.
- 50 *Grossman H.* Op. cit. S. 54.
- 51 *Dumała K.* Op. cit. S. 37.
- 52 *Jeziński A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego 1815–1914. Warszawa, 1967. S. 26.
- 53 *Grossman H.* Op. cit. S. 58.
- 54 Historia Polski. T. 2. Cz. II. S. 31–36.
- 55 Ibid. S. 28–29.
- 56 *Grossman H.* Op. cit. S. 70.
- 57 Historia Polski. S. 45.
- 58 Историческая записка об устройстве и управлении городов в губерниях Царства Польского. Б. м. Б. г. С. 28.
- 59 Historia Polski. T. 2. Cz. II. S. 41–42.
- 60 Историческая записка об устройстве и управлении городов... С. 28–30.
- 61 Там же. С. 30.
- 62 Там же. С. 35–36.
- 63 *Mencel T.* Op. cit. S. 281–282.
- 64 Ibid. S. 281.
- 65 *Mencel T.* Udział społeczeństwa w życiu politycznym Królestwa Polskiego w latach 1815–1830 (sejmiki i zgromadzenia gminne) // *Przegląd Historyczny.* T. 59. Warszawa, 1968. Z. 4. S. 629–661.
- 66 Историческая записка об устройстве и управлении городов... С. 37.

- 67 Там же. С. 38.
- 68 *Grossman H.* Op. cit. S. 102.
- 69 *Eisenbach A.* Z dziejów ludności żydowskiej w Polsce w XVIII i XIX wieku. Studia i Szkice. Warszawa, 1983. S. 159.
- 70 Ibid.
- 71 Ibid.
- 72 Ibid. S. 162–163.
- 73 Ibid. S. 163.
- 74 Ibid.
- 75 Ibid. S. 160–161.
- 76 *Libelt K.* O miłości Ojczyzny // Rok 1844 pod względem Oświaty, Przemysłu i Wypadków czasowych. 1844. Nr. 1. S. 53.
- 77 *Czepulis-Rastenis R.* «Klasa umysłowa». Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862. Warszawa, 1973. S. 6.
- 78 Ibid. S. 32.
- 79 *Lepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764–1870. Warszawa, 1967. S. 161.
- 80 *Janowski M.* Narodziny inteligencji 1750–1831 // Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918 / pod red. J. Jedlickiego. Warszawa, 2008. T. 1.
- 81 *Kieniewicz St.* Rodowód inteligencji polskiej // Tygodnik Powszechny. 1946. Nr. 15.
- 82 *Zajączkowski A.* Resursa obywatelska w Radomiu (1839–1848) // Przegląd Historyczno-oświatowy. 1962. Nr. 1. S. 21–40.
- 83 См.: Historia nauki polskiej. T. 3. 1795–1862 / pod red. J. Michalskiego. Wrocław etc., 1977.
- 84 *Czepulis-Rastenis R.* Op. cit. S. 55–56.
- 85 *Skarbek F.* Pamiętniki. Poznań, 1878. S. 208.
- 86 Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Rada Stanu. Raporta z czynności Wydziału Spraw Wewnętrznych za lata 1835 i 1836. Sign. 104, fol. 352. Таблица приведена в книге: *Chamerska H.* Op. cit. S. 88.
- 87 *Czepulis-Rastenis R.* Op. cit. S. 124.
- 88 Ibid. S. 150.
- 89 Ibid. S. 80.
- 90 Ibid. S. 81.
- 91 Ibid. S. 82–83.
- 92 Historia Polski w liczbach. T. 1. Państwo, Społeczeństwo. Warszawa, 2003. S. 238.
- 93 *Czepulis-Rastenis R.* Op. cit. S. 161.
- 94 Ibid. S. 162.
- 95 *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 3. Dokończenie epoki przed-rozbiorowej / oprac. B. Gembarzewski. Kraków, 1912. S. 76–117.
- 96 См.: *Rostworowski E.* Sprawa aukcji wojska na tle sytuacji politycznej przed Sejmem Czteroletnim. Warszawa, 1957.
- 97 *Tokarz W.* Armja Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917. S. 8–9.
- 98 Ibid. S. 10.
- 99 *Potocki Stanisław Kostka* // Polski Słownik Biograficzny (далее — PSB). T. 28/1. Z. 116. Wrocław etc., 1984. S. 158–170.

- 100 *Tokarz W.* Op. cit. S. 14–15.
- 101 Dąbrowski Jan Henryk // PSB. T. 5. Kraków, 1939–1946. S. 1–6.
- 102 *Tokarz W.* Op. cit. S. 20.
- 103 *Ibid.* S. 19.
- 104 *Ibid.* S. 34–35.
- 105 *Gembarzewski B.* Wojsko Polskie. Królestwo Polskie 1815–1830. Warszawa, 1903. S. 44; *Idem.* Epoka Porozbiorowa // *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 3. S. 380.
- 106 *Tokarz W.* Op. cit. S. 35.
- 107 *Ibid.* S. 52.
- 108 *Ibid.* S. 113–115.
- 109 *Ibid.*
- 110 *Ibid.* S. 115.
- 111 *Ibid.* S. 116.
- 112 *Ibid.* S. 120.
- 113 *Ibid.* S. 121.
- 114 *Ibid.* S. 124.
- 115 *Ibid.* S. 261.
- 116 *Ibid.* S. 262–263.
- 117 *Кауштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 гг. (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 118–119.
- 118 *Tokarz W.* Op. cit. S. 270–271.
- 119 *Кауштанова О. С.* Указ. соч. С. 119.

ГЛАВА 3.

Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в.

Задача формирования и реализации эффективной экономической стратегии в условиях включения России и Королевства Польского в европейское экономическое пространство являлась одной из первоочередных проблем, от решения которой зависело дальнейшее направление цивилизационного развития. В соответствии с постановлениями Венского конгресса Россия, Пруссия и Австрия должны были обеспечить сохранение тесных экономических связей между разрозненными землями бывшего Княжества Варшавского, но Российская империя из-за нехватки средств и кадров не могла активно проводить политику экономического освоения Королевства Польского. Поэтому российское правительство вынуждено было не только сохранить местную администрацию, но и предоставить ей широкие полномочия, в том числе поддерживать создание перспективной программы экономического развития, которая была разработана Ф. К. Друцким-Любецким, возглавившим в 1821 г. финансовое ведомство. Необходимость ее подготовки и реализации была вызвана еще и тем, что хронический дефицит бюджета Королевства вызывал недовольство Александра I, подогревавшееся ближайшим окружением императора. Он выражал сомнение в способности правительства Королевства справиться со столь катастрофическим положением, для исправления которого можно было даже пересмотреть статус Королевства¹. Основные положения программы Ф. К. Любецкого состояли в восстановлении платежеспособности и ликвидации бюджетного дефицита, упорядочении кредитных отношений, создании Польского банка, переходе к протекционизму в таможенной политике и поддержке внутренней торговли, в финансировании и стимулировании отечественной промышленности, улучшении коммуникаций, организации профессионального обучения, строительстве в городах, пропаганде хозяйственных достижений на международных выставках².

Возродить экономику Королевства, разоренную не только продолжительными военными действиями, но и значительными территориальными потерями, опираясь только на традиционно развивающееся сельское хозяйство, было практически невозможно. Несмотря на то, что появились новые тенденции, связанные, в первую очередь, с животноводством, коневодством и особенно овцеводством, основой сельского хозяйства Королевства по-прежнему было мелкое крестьянское и крупное товарное шляхетское хозяйства, а урожайность зерновых составляла примерно сам-2 — сам-3,8, что соответствовало простому воспроизводству. Проводившаяся большинством европейских государств политика протекционизма затруднила экспорт произведенных в Королевстве сельскохозяйственных продуктов в Европу и особенно в Великобританию, являющуюся главным потребителем польского зерна, и привела к падению цен на него на внутреннем рынке Королевства. Поэтому Ф.К. Любецкий основное внимание уделял созданию и укреплению польской промышленности при помощи организации дешевого кредита и развития путей сообщения³.

Аналогичные планы в отношении хозяйственного развития России вынашивались и в Петербурге. О росте промышленности как основе экономического процветания Российской империи говорил и министр внутренних дел О.П. Козодавлев. Он полагал, что промышленности необходима постоянная и энергичная поддержка правительства, отсутствие которой приведет к потере независимости государства⁴. Вместе с тем министр предупреждал, что государство, контролируя развитие промышленности, не должно регламентировать всю деятельность предпринимателей, а только указывать путь и давать рекомендации, чтобы не стеснять частную предприимчивость⁵. В Департаменте мануфактур и внутренней торговли, в ведении которого находилась российская промышленность, считали, что развитие мануфактур и городов, устранение препятствий, которые могли бы нанести вред российским фабрикам, организация сбыта российских изделий в Азию, распространение «познаний к приготовлению искусных мануфактуристов» способствовали бы тому, чтобы российские фабрики «не отставали от иностранных»⁶.

Таким образом, правительства России и Королевства Польского, рассматривая промышленность как одну из важнейших составляющих подъема экономики, в своих планах стремились подготовить и реализовать необходимые условия для создания и развития промышленного производства.

1. Политика кредитования промышленности

Стимулирование развития промышленности потребовало от правительств Российской империи и Королевства Польского выделения специальных государственных средств. Эта мера, по замыслу властей, должна была также воспрепятствовать проникновению иностранного капитала на отечественные рынки промышленных товаров.

Польское правительство для выдачи ссуд фабрикантам ежегодно формировало в бюджете специальный промышленный фонд (*fundusz przemys-*

slowy), составивший в 1821 г. 370 000 зл., в 1822 г. — 550 000 зл., в 1826 г. — 823 400 зл., в периоды с 1823 по 1825 г. и с 1827 по 1830 г. ежегодно по 850 000 зл. В 1831 г. сумма была снижена до 700 000 зл., а с 1835 г. пособия промышленности стал выдавать Польский банк. Наряду с финансированием легкой промышленности, необходимо было выделять значительные средства для поддержки тяжелой промышленности. Любецкий, стремившийся всячески ограничить проникновение в эти отрасли иностранного капитала, заключил в 1829 г. при посредничестве варшавских банкиров внутренний заем на 42 млн. злотых (6,3 млн. руб.), обеспеченный 5-типроцентными казенными облигациями и предназначенный «для развития производства, торговли и транспорта и в первую очередь казенной горной и металлургической промышленности»⁷.

Развитие польской промышленности в первой трети XIX в. было напрямую связано с созданием кредитных учреждений. О необходимости учреждения банка говорилось еще на сейме в 1818 г. Однако тяжелое экономическое положение не позволило воплотить эти идеи в жизнь. Поэтому главную роль в кредитных сделках играли ростовщики, несмотря на то, что в 1825 г. было создано Земское кредитное общество⁸. Недостаток оборотных капиталов, высокий торговый процент, который в Варшаве составлял от 1 до 2% в месяц, поставили перед правительством задачу создания такого кредитного учреждения, которое выдавало бы ссуды под векселя или под залог товаров не выше ½% в месяц. Заметное понижение нормы процента произошло в 1828 г., когда начал свою деятельность Польский банк.

Целью создания Польского банка было обеспечение средств для уплаты государственного долга, поощрение торговли, кредита и промышленности⁹. Кроме ссуд под залог процентных бумаг, золота и серебра банку разрешалось выдавать ссуды под залог хлеба, шерсти, льна и пеньки, железа, цинка, меди, олова, стекла, сахара, кож, вина, спирта, колониальных и других товаров, а также бумажных, шерстяных и пеньковых изделий. Большим подспорьем для фабрикантов являлись долгосрочные и краткосрочные ссуды на покупку земледельческих машин и орудий, а также ссуды промышленным заведениям под ипотеку или под залог фабричных машин.

За счет средств банка должны были быть устроены склады для хранения хлеба, льна, пеньки, кож, сукна, полотна, железа, цинка, меди, олова, стекла и других изделий польских производителей, а также колониальных товаров. Временно в ведение банка передавалось управление горными заводами с предоставлением права заключать договоры с частными лицами на добычу «руд в целом Царстве»¹⁰.

Когда частные лица не в состоянии были управлять собственными предприятиями, Польский банк брал на себя эту обязанность, спасая их от разорения. Однако услугами банка пользовались в основном крупные предприниматели, которым предоставлялось больше льгот, и они получали значительные ссуды. Мелкие предприятия, хотя и рассматривались как необходимая основа для создания крупного производства, испытывали значительные трудности с кредитованием, с одной стороны,

из-за ограниченности кредитных ресурсов и узости кредитного рынка, а с другой — из-за отсутствия достаточных гарантий возврата заемных средств.

Однако роль Польского банка в народном хозяйстве страны не ограничивалась только сферой коммерческого или промышленного кредита. Справедливо писал Любецкий, что в Польском банке были соединены в один неразрывный узел те задачи, которые в других странах находились в руках нескольких учреждений. Его называли «исполинским рычагом промышленности». Польский банк, созданный «по образцу немецкого „See-handlung“ и бельгийского „Société général“», одновременно был эмиссионным, ссудным, депозитным, ипотечным, комиссионным и промышленным банком. Современники отмечали, что «оживление промышленности и торговли, улучшение в сельском хозяйстве, умножение богатства в стране, какой-то материальный подъем стоят в связи с двумя благодетельными учреждениями — банком и Земским кредитным обществом»¹¹.

С начала XIX в. в Российской империи вопрос о необходимости выдачи ссуд «фабрикантам и заводчикам» и создания мануфактурного капитала поднимался в докладах министра внутренних дел В. П. Кочубея в 1803 г. и министра финансов А. И. Васильева в 1804 г.¹² Введенные тогда правила поддержки отечественной торговли и промышленности были расширены и дополнены в докладе министра внутренних дел 1807 г. и указах 1809 г.¹³ В связи с запрещением привоза «иностранных мануфактурных произведений» можно было ожидать развития российских фабрик. Поэтому Государственный совет в 1811 г. предложил не только отделить «капитал для поощрения промышленности от капиталов, на другие предметы назначенных», но и усилить его¹⁴. Выдачей ссуд занимался Государственный Заемный банк до 1823 г., когда выяснилось, что некоторые из фабрикантов, получивших ссуды, не уплачивают вовремя проценты. В связи с этим Правительствующий сенат принял решение, согласно которому в случае просрочки по платежам Заемный банк мог взимать штраф по одному проценту в месяц, а если недоимки достигали одной трети выданной ссуды — продать на публичных торгах и залог. С 1824 г. на основании «Положения об открытии вновь займов из Государственного Заемного банка» фабриканты могли получить ссуду на 8 или 12 лет под залог принадлежавших им каменных фабричных строений¹⁵.

Правительство выдавало субсидии как мануфактуристам, так и горным заводчикам. В соответствии с Горным положением 1806 г. горным правлениям на местах выделялось 100 тыс. рублей для выдачи ссуд на 5 лет и разрешалось использовать на эти цели сэкономленные средства. С 1813 г. владельцам частных горных заводов предоставлялась ссуда на 1–3 года, которая выдавалась однократно и не могла превышать 25 тыс. руб. В 1824 г. эта практика была продолжена¹⁶.

В 1826 г. Департамент мануфактур и внутренней торговли Российской империи признал, что «система ссуд, имеющая свою пользу для введения новых отраслей фабрик, влечет за собою [...] тот вред, что фабрики, получившие ссуду, по многим естественным причинам подрывают те [...], кои основаны на собственные капиталы заводчиков, почему, — отмечалось в

документе, — с 1823 года выдача ссуд окончательно прекращена, кроме маловажных пособий на первоначальное обзаведение разного рода станов»¹⁷. Это заключение департамента отражало взгляды министра финансов Е. Ф. Канкрин, выступавшего против предоставления ссуд промышленникам, в результате чего их многочисленные просьбы в большинстве случаев отклонялись. По мнению министра, эта практика не только наносила вред казне, но и ставила в исключительное положение те предприятия, которые получали льготы. Он считал, что существовавшая в России «система ссуд [...] более не нужна», так как правительство приняло более действенные меры, среди которых введение покровительственного тарифа 1822 г., организация Мануфактурного и Коммерческого советов, подготовка и проведение промышленных выставок, открытие технических учебных заведений и ряд других¹⁸.

Таким образом, немногочисленные кредитные организации Российской империи, к которым относились несколько казенных банков и попечительских организаций в губерниях, выдававших пожалованные императором деньги в ссуду под проценты, не могли оказывать существенную помощь развивающейся промышленности. Они выступали в качестве сберегательных касс и обслуживали в первую очередь дворянство, для поддержки которого были созданы. Известную роль они играли в финансовой системе страны, а также в осуществлении различных операций казны. Именно в интересах обеспечения казенных поставок банки предоставляли кредиты горнозаводчикам. В целом же правительственные субсидии были невелики и существенного значения для российской промышленности не имели.

В ином качестве государственное кредитование промышленных предприятий выступало в Королевстве Польском, где государственная поддержка национальной промышленности стала одним из важных направлений в деятельности правительства, а Польский банк осуществлял ее ежегодное субсидирование. В России же, напротив, начиная с 1823 г. фабриканты стали испытывать затруднения в получении ссуд¹⁹.

2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ И КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ

Стремление землевладельцев к увеличению земельного фонда фольварков за счет сокращения крестьянских наделов и политика властей Королевства, которые до 1840-х годов не предприняли ничего, чтобы воспрепятствовать обезземеливанию крестьян, способствовали пролетаризации части населения. Хотя процесс этот протекал медленно, он послужил основой для формирования рынка наемной рабочей силы, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности²⁰. Разработанная Ф. К. Любецким программа возрождения и развития экономики предусматривала использование иностранного опыта. Для этого предполагалось не просто изучать его в соседних странах, но и активно привлекать иностранных специалистов при помощи хорошо организованной переселенческой кампании.

В марте 1816 г. было принято решение о необходимости поселения в Королевстве Польском иностранных фабрикантов, ремесленников и земледельцев, которым предоставлялись различные льготы. Так, они освобождались в течение шести лет от всех общественных повинностей и платежей, а также (вместе с сыновьями) от воинской повинности; земледельцы, поселившиеся «на пустопорожных землях», были свободны «в течение шести лет от платежей и чиншей с таковых земель» и от уплаты на границе всяких пошлин с движимого имущества и «со своего рабочего скота». Кроме того, они могли в любое время свободно выехать на родину. Иностранцы, прибывающие в Королевство Польское, пользовались особым покровительством Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, которая должна была «облегчать им [...] водворение в Царстве и обеспечить свободное пользование предоставленными им правами и льготами»²¹.

Кроме того, рядом указов наместника переселившимся в Королевство иностранцам были предоставлены дополнительные льготы. В 1816 г. было выделено 4 500 руб. серебром на обеспечение переселенцев первым пособием. В мае 1817 г. были определены условия, на которых иностранцам можно было арендовать земли, а с апреля 1820 г. они освобождались от военного постоя. Получаемые иностранцами привилегии, как и в случае с польскими предпринимателями, зависели от признания Правительственной комиссией внутренних дел и полиции важности и полезности их фабрик для государства. Для жительства вновь прибывших ремесленников назначались отдельные незастроенные города и поселения. Предполагалось создание специальных фабричных колоний (постановления наместника 1820 и 1823 гг.). Тем иммигрантам, которые начинали строительство, давали в течение 10 лет бесплатно лес из казенных дач, вблизи осваиваемых территорий возводились кирпичные заводы, откуда материал поступал по льготной цене²².

Для привлечения в Королевство иностранных специалистов в соседних государствах была развернута кампания по вербовке переселенцев. Эмиссары, в основном чехи или немцы, которые лучше могли найти общий язык со своими соотечественниками, получали награду либо за каждого приехавшего ремесленника в размере восьми злотых, либо сорок злотых за месяц работы. Между правительственными органами и частными лицами существовало определенное соперничество в том, кто больше привлечет иностранцев. В 1818–1820 гг. прибывшим из Саксонии, Силезии, Чехии и Познани ремесленникам правительство выделило около 1 млн. злотых для организации ремесленных мастерских. Муниципальные власти и частные владельцы городов должны были строить для иммигрантов школы и церкви, поддерживать религиозные, общественные, культурно-просветительные общества и организации²³.

Колонизация ремесленников приобрела широкий размах особенно в Мазовецком и Калишском воеводствах. Однако не всегда в Королевство прибывали состоятельные переселенцы. Наряду с квалифицированными текстильщиками из Саксонии и Чехии, механиками из Англии, красильщиками и стригальщиками из Франции и Швейцарии, в Королевство приезжали и малоквалифицированные поляки из польских земель, ото-

шедших к Пруссии и Австрии. В первые десятилетия XIX в. в прусской шерстяной промышленности важную роль играли мелкие предприятия, широко распространенные особенно в Силезии, Познани и Бранденбурге и работавшие, в основном, на вывоз в Россию. Однако изменение экономической политики российского правительства в сторону протекционизма «лишило этих мелких производителей заработка, и они вынуждены были эмигрировать в Польшу». Значительный отток рабочей силы прусское правительство стремилось остановить попытками доказать несостоятельность слухов о льготах, предоставляемых иммигрантам в Королевстве, и завышением оценки имущества переселяющихся ремесленников для получения более высокой пошлины. Все это привело к тому, что доля состоятельных колонистов в Королевстве Польском увеличилась только после 1826 г.²⁴

По сведениям К. Ф. Любецкого, численность прибывших в Королевство иммигрантов в течение 20–30-х гг. XIX в. составляла 150 тыс. чел. У исследователей нет единодушия по этому вопросу. Так, Ч. Стшешевский приводил данные о 300 тыс., Г. Шмоллер — о 250 тыс., Р. Колодзейчик — о 50 тыс., Я. Рутковский — о 35 тыс., С. Кеневич — о 20–30 тыс. иммигрантов, считая вместе с семьями²⁵.

В отличие от Королевства Польского, в промышленности Российской империи, где существовало крепостное право, заводы и фабрики обеспечивались рабочей силой путем покупки или приписки крестьян, а найм работников в первой трети XIX в. занимал незначительное место²⁶.

Иной характер носила и иностранная колонизация. Освоение свободных земель на юге и востоке Российской империи внутренними силами тормозилось наличием крепостного права. Стимулировать колонизацию неосвоенных земель царское правительство стремилось путем приглашения иностранных переселенцев, становившихся русскими подданными и формировавших особое сословие. Российское правительство предоставляло широкие возможности для прибыльной предпринимательской деятельности, поэтому со второй половины XVIII в., наряду с Англией, Францией и Америкой, в Россию активно переселялись немецкие купцы и предприниматели. При этом значительная часть колонистов из Германии, которые у себя на родине принадлежали к городским низам, получали в России землю и становились по роду хозяйственной деятельности крестьянами. Кроме того, с конца XVIII столетия усилился начавшийся еще в 50-е годы приток христианских выходцев из Османской империи: болгар, гагаузов, арабов, молдаван, венгров и др. В XVIII — первой половине XIX в. переселенцы оседали в основном в Новороссии²⁷.

Опыт иностранной колонизации XVIII в. был учтен правительством Александра I при разработке собственной переселенческой политики. В докладе 1804 г. «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» отмечалось, что «ежегодный выход из Германии [...] колонистов не должен простирается далее 200 семей». Желающие переселиться в Россию должны были предъявлять свидетельства, «что они имеют и выведут с собою имения или в наличном капитале, или в товарах не менее как на 300 гульденов». Не предъявивших таких документов не принимали, так

как предшествующий период показал, что переселение малоимущих поселенцев идет медленно «и худо удается».

Иностранным колонистам в Российской империи предоставлялись свобода вероисповедания, освобождение от «платежей податей на десять лет», от «воинской и гражданской службы». Семейным колонистам выдавали по 60 десятин земли, ссуду до 300 руб. «на построение домов, покупку скота и вообще на все обзаведение хозяйством», а также по 10 коп. взрослым и по 6 коп. детям в сутки кормовых денег до прибытия на поселение и от 5 до 10 коп. «до первой собственной жатвы». Если кто-либо из колонистов хотел покинуть пределы империи, то он мог это сделать лишь тогда, когда были выплачены все долги, а также после единовременного внесения в казну «трехгодичной подати». Переселенцам разрешалось «заводить фабрики и другие нужные ремесла, торговать, вступать в гильдии и цехи и везде в империи продавать свои изделия», а с марта 1804 г. они могли «покупать земли в Новороссийских губерниях»²⁸.

В феврале 1810 г. российским миссиям и консульствам сообщалось о том, что правительство больше не будет выдавать ссуды колонистам. Однако те из них, которые выражали желание прибыть за собственный счет, получали бы «полное покровительство со стороны правительства», земельные наделы, но не денежное пособие. Исключение из этого правила составляли суконщики, «которые, по настоятельной нужде в сих изделиях, приглашаемы в некотором числе быть могут, на основании тех правил, кои по представлению г. министра внутренних дел высочайше утверждены»²⁹.

В 1817 г. право «принимать и выписывать иностранных колонистов для поселения» на принадлежавших им землях получили и помещики. Однако в полной мере воспользоваться им они не смогли, так как на основании указов 1819 г. было запрещено дальнейшее переселение не только в Россию, но и в Королевство Польское³⁰.

Таким образом, правительство Королевства Польского, привлекая в страну иностранных переселенцев, рассчитывало прежде всего на их вклад в развитие ремесла и торговли и на их опыт и знания как технических специалистов. Хотя прибывшие иностранцы в большинстве не обладали высокой квалификацией, власти стремились создать комфортные условия для переселения и обоснования на новой территории. В Российской империи, напротив, иностранная колонизация носила преимущественно аграрный характер. Кроме того, с 1819 г. приток иммигрантов значительно сократили, следовательно, они не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на развитие российской промышленности³¹.

3. РАЗВИТИЕ ГОРНОРУДНОЙ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Одним из приоритетов экономической политики правительства Королевства Польского было развитие горнодобывающей промышленности³². Для стимулирования отечественного производства с марта 1816 г. был запрещен экспорт любых руд, так как продажа сырья за границу поддерживала

конкурирующую, особенно саксонскую, промышленность. Было достигнуто соглашение с российским правительством о беспошлинном провозе изделий польских металлургических предприятий в Россию. Поддерживая польскую металлургию, правительство Королевства содействовало внедрению передовой для того времени техники и технологии, приглашая иностранных мастеров и подмастерьев. Для обеспечения производства кадрами занятые в горнорудной промышленности освобождались от воинской повинности. Стремясь привлечь в горную промышленность частных предпринимателей, правительство предоставляло владельцам земли права и на ее недра. В феврале 1816 г. был утвержден проект образования в Кельце Главной горной дирекции, которая являлась частью отдела промышленности и ремесел в составе Правительственной комиссии внутренних дел и полиции³³.

Наиболее значительным начинанием правительства стала программа развития каменноугольной промышленности в Старопольском бассейне. Используя местные руды, древесный уголь и энергетическую базу р. Каменной, предполагалось создать крупный металлургический комбинат. Предприятия, расположенные в верхнем течении реки, должны были изготавливать полуфабрикаты, обрабатывавшиеся затем на предприятиях, находившихся в нижнем течении. Этот широкомасштабный проект С. Сташица, по замыслу опередивший свою эпоху, получил поддержку со стороны Любецкого, считавшего, что железо для промышленности — это то же, что хлеб для человека. В 1824 г. в Королевстве Польском было 37 железных рудника, 9 больших домен, 3 печи для выплавки железа, 6 литейных заводов, 32 кузницы, 2 жестяных производства, 2 предприятия по изготовлению кос и более ста мелких предприятий³⁴.

Большое значение после развития черной металлургии имела разведка, добыча и переработка цинка. За первые годы существования Королевства Польского в юго-западной его части были введены в действие семь цинковых рудников и пять государственных цинковых предприятий. В 1817–1828 гг. производство цинка возросло с 0,5 до 7 тыс. тонн. Однако с 1827 г., в связи с изменившейся ситуацией на европейском рынке, произошло резкое сокращение спроса, что вызвало кризис цинкового производства³⁵.

Кроме того, была начата разработка медных рудников в Медной горе (в районе Кельце). В 1818–1827 гг. было добыто 7 тыс. тонн руды, из которой выплавляли 0,5 тыс. тонн металла. Велись активные поиски залежей соли. Среди найденных месторождений в Цехочинке, Буске и Сольце качественная соль оказалась только в Цехочинке³⁶.

В 1823 г. горнорудная и металлургическая промышленность Королевства Польского насчитывала около 300 действующих государственных предприятий. До 1832 г. в государственную тяжелую промышленность было вложено более 15 млн. злотых, однако уровень развития предприятий оставался невысоким. Применение машин, в основном английских и бельгийских, в том числе и паровых, было довольно ограничено. Металлургические предприятия в самом Королевстве производили в основном галантерейную продукцию, несложные изделия для сельского хозяйства и винокурен³⁷.

Горнозаводское производство было главной отраслью казенной промышленности до реформы 1861 г. и в России. Предприятия горной промышленности находились в центральных, северных и южных губерниях России, однако центром ее был Урал, где добывалось четыре пятых всего железа и трудилось около 70% всех горнорабочих. Дешевый крепостной труд, используемый на горных рудниках и заводах, не способствовал широкому распространению в горной промышленности паровых двигателей, низкое качество и высокая цена которых привели к тому, что к началу 30-х гг. их количество не превышало 22 штук³⁸.

4. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Начало XIX века для многих европейских стран ознаменовалось переходом общества от аграрного к индустриальному. Промышленная революция, начавшаяся в Англии в 60-х гг. XVIII в., в первой четверти XIX столетия охватила и некоторые другие европейские страны. Процесс замены ручного труда машинным, переход от мануфактуры к фабрике затронул первоначально легкую промышленность. Правительства Российской империи и Королевства Польского различными способами поощряли нарождающую текстильную отрасль. Развитие промышленности в Королевстве Польском, так же как и в Англии, Пруссии, Австрии, России, начиналось с текстильного производства, первое место в котором принадлежало переработке шерсти, второе — льна, третье — хлопка³⁹. В Российской же империи хлопчатобумажная промышленность опережала льняную.

Наибольшего развития текстильное производство Королевства Польского достигло в Калишском и Мазовецком воеводствах, где располагались его важнейшие центры. Первой по времени возникновения промышленной отраслью текстильного производства стало изготовление сукна⁴⁰.

Наряду с мелким производством, возникали крупные мануфактуры и фабрики. Одна из первых была заложена Б. Реппаном в Калише в 1817 г. Основывая мануфактуру, Реппан вложил собственный капитал и неоднократно получал значительную помощь от государства, с 1828 г. он пользовался услугами Польского банка. В 1825 г. на фабрике насчитывалось 58 ткацких станков, кроме того, изготовленную шерстяную пряжу раздавали мелким производителям. По сведениям польского чиновника, посетившего фабрику в 1828 г., на ней ежедневно работало 500 человек, в основном поляки. «Владелец фабрики, — замечал он, — начал дело [...], имея не больше 5 000 талеров. Правительство уступило ему мельницу [...] и двухэтажное здание [...] для устройства красильни. Из мельницы Реппан сделал сукновальню и прядильню, приводимую в движение силой воды. До сего времени Реппан выделывал сукно исключительно для России, но теперь два купца — один петербургский, другой, московский — сделали ему значительные заказы для Китая»⁴¹.

При значительной финансовой поддержке государства возникли также крупные шерстяные предприятия В. Мая и В. Пшехадзкого, на первом было занято 120, на втором — 70 рабочих. В 1822–1823 гг. начала работу

шерстяная фабрика А. Харрера в Серадзе, на создание и развитие которой до 1830 г. был выдан кредит — 330 тыс. злотых. Оснащение фабрики английским оборудованием позволило изготавливать на ней тонкое сукно, выполняя весь производственный цикл от пряжи до отделки. В 1830 г. на предприятии была установлена паровая машина. Несмотря на то, что в 1825 г. на фабрике в две смены (ночную и дневную) трудилось около тысячи рабочих, использовался и надомный труд. Такое интенсивное производство объяснялось растущим спросом на польское сукно в России⁴².

Крупнейшим предприятием по производству шерстяных изделий не только в Калишском воеводстве, но и во всем Королевстве была фабрика Я. Фидлера в Опатувке, на которой начали применять механический привод, а также установили две паровые машины, выписанные из Льежа. На фабрике, владельцем которой до 1830 г. получил ссуду 180 000 злотых, работало 450 человек, обслуживавших около 100 станков⁴³.

Одним из первых государственных предприятий в шерстяной промышленности была фабрика тонкого сукна в Варшаве под фирмой Поланд, оборудованная паровой машиной в 18 лошадиных сил, при помощи которой приводилась в движение часть станков. В 1822 г. на фабрике насчитывалось 54 станка и 180 рабочих. В 1824 г. за 1,5 млн. злотых предприятие приобрел А. Френкель. В 1829 г. на нем трудилось уже 600 рабочих, изготавливавших высокого качества сукно, а в 1830 г. была приобретена паровая машина⁴⁴.

Нейвиль на полученные от правительства 15 000 злотых в Велюне «построил новое фабричное здание и завел прядильню, а также и часть аппаратуры при реке Варте на скате воды». На средства займа из городской кассы под фирмой «Поль и К^о» в Калише была создана фабрика, на которой работало 290 рабочих. Владельцы построили два двухэтажных здания, где кроме выделки сукна организовали оптовую торговлю товаром, отправляемым в Китай⁴⁵.

В Мазовецком воеводстве одним из крупных текстильных центров была Варшава, где в 1817 г. была основана ковровая фабрика на Сольце. В 1822 г. на ней было занято 309, а в 1828 г. — 320 рабочих. В 1829 г. правительство продало эту фабрику Я. Гейзмеру. В. Захерт в Згеже на полученную ссуду в 60 000 злотых выстроил не только большую суконную мануфактуру, но и красильню. В Раве братья Грече на пособие в 72 000 злотых организовали «прядильню на скате воды». На фабрике тонкого сукна Ланга и К^о в Пжедбоже (Сандомирское воеводство) в 1824 г. появилась первая паровая стригальная машина в 3 лошадиные силы. Под новой фирмой «Гаманн и К^о» это предприятие получило ссуду в размере 100 000 злотых⁴⁶.

Как отмечалось в отчете сейму 1830 г., в 1828 г. в Королевстве Польском насчитывалось 5 213 станков, на которых было выработано «сукна и прочих шерстяных изделий 7 286 574 локтя»⁴⁷. Польское правительство стремилось поощрять развитие промышленности не только на левом, но и на правом берегу Вислы, однако, несмотря на все старания, Плоцкое и Августовское воеводства оставались в промышленном отношении наиболее отсталыми. В этих районах страны безраздельно господствовало аграрное

производство. Развитие промышленности преимущественно в Мазовецком и Калишском воеводствах было связано с тем, что в этих наиболее населенных районах страны были сосредоточены старинные ремесленные, мануфактурные и торговые центры. Кроме того, Варшава была не просто столицей Королевства, через которую осуществлялась связь с Российской империей, она являлась крупнейшим финансовым и торговым центром. Большую роль в укреплении торговых связей с Пруссией и Силезией, городами нижнего течения Вислы и Гданьском играл Калиш. Именно в эти воеводства направился главный поток иностранной иммиграции. Эти территории находились ближе всего к границе, здесь уже существовали немецкие колонии, возникшие еще в эпоху Речи Посполитой. Таким образом, у прусских и силезских ткачей имелась прекрасная возможность познакомиться с условиями жизни в этих воеводствах. Кроме того, после установления в 1819 г. свободы торговли в отношениях между Россией и Королевством Польским для ввоза польских изделий в империю необходимо было представлять свидетельства о происхождении товара, которые выдавались Главным таможенным управлением в Варшаве, следовательно, выгоднее было селиться недалеко от столицы Королевства. С 1823 г. выдавать свидетельства должны были воеводские комиссии. Таким образом, Мазовецкое воеводство снова оказалось в более благоприятном положении, так как Варшава находилась по пути вывоза изделий в Россию из основных промышленных центров этого воеводства. Калиш же находился в стороне от торговых трактов, ведущих в Россию, однако необходимо было все равно заезжать в воеводский центр для получения свидетельства. Поэтому многие фабриканты из-за сложностей с вывозом сукна в Россию покидали Калишское воеводство и переселялись в Мазовецкое. Последнему, в частности, была передана поставка сукон для войска. Кроме того, председателем мазовецкой воеводской комиссии в это время был Р.Рембелинский, активно содействовавший промышленному развитию своего воеводства, особенно работе небольших предприятий. Ему удавалось получать не только особые льготы для своего ведомства, но и значительные ссуды для промышленников⁴⁸.

Сукноделы жили главным образом государственными заказами на поставку сукна для армии. Из-за военных поставок шла борьба между чиновниками, которые заботились о фабрикантах, поселившихся в государственных (королевских) городах, и помещиками, которые старались получить контракты для сукноделов, находящихся на их землях. И если в первые годы существования Королевства Польского суконное производство работало преимущественно на внутренний рынок, где главным потребителем являлась армия, то благодаря быстрому увеличению числа сукноделов вследствие иммиграции отечественный рынок вскоре оказался насыщенным. Суконная промышленность начала испытывать затруднения в сбыте, преодолеть которые помог беспошлинный вывоз польского сукна в Россию и Китай⁴⁹.

В России шерстяная промышленность также пользовалась особым покровительством правительства, заинтересованного в поставках сукна для русской армии. Власти способствовали созданию новых фабрик, продаже

им земли, прикреплению крестьян, увеличивали суммы, предназначенные на закупку сукна. Вопреки привилегиям дворянства, купечества и городского сословия, правительство разрешало иностранцам и крестьянам заводить фабрики, в том числе и суконные. Для поддержки отечественных производителей оно установило особый порядок казенных закупок сукна, не забывая при этом и о мерах, направленных на снижение цен и на экономию государственных средств. Для гвардии не разрешалось закупать иностранное сукно, а только произведенное в России. Под угрозой конфискации изделий правительство запрещало хозяевам заведений продажу солдатских сукон в частные руки. Лишь в 1816 г. было отменено это правило и создан Комитет по снабжению войск сукнами⁵⁰, который должен был заниматься закупкой сукон у фабрикантов с вольных торгов. Однако, по свидетельству современника, до 1822 г. на большинстве российских фабрик «пряжа, равно как и аппретурная часть, производились руками. Машины и инструменты, находившиеся в некоторых фабриках, представляли большие недостатки, и, кроме того, должно было выписывать оные из иностранных фабрик с большими затруднениями. Крашение шерсти, которое само собою есть весьма трудное, производилось обыкновенно иностранными красильщиками, знающими поверхностно таковое искусство, коих с большими затруднениями можно было приискивать. Даже о сортировке шерсти фабриканты наши имели самое слабое понятие [...]. Круг их производимости ограничивался выделкою сукон для армии и в небольшой части изделиями средних качеств»⁵¹.

Стремясь повысить уровень сукноделия, российское правительство всячески поддерживало развитие его базы — овцеводства, а также обращало внимание на удешевление производимого сукна и улучшение его качества. В 1828 г. было издано положение, согласно которому поставляющие в казну сукно фабриканты должны были продавать государству «улучшенного сукна» не пятую, а третью часть, с последующим увеличением доли высококачественной продукции. Таким способом российское правительство надеялось «освободиться от покупки тонких сукон в Западной Европе», а также «увеличить экспорт русских шерстяных материй за границу», в первую очередь в азиатские страны⁵².

Современники связывали некоторые успехи в сукноделии не только с покровительственной политикой правительства, но и со снижением цен на хлеб, что заставило помещиков обратить внимание на промышленное производство. Применение машин, начатое с 20-х гг. XIX в., в основном на московских суконных предприятиях, с 30-х гг. распространилось и в других российских губерниях. В этот же период проводились опыты по производству высококачественной безворсовой или камвольной шерсти. В 1826 г. предприятие по выработке камвольных тканей открылось близ Риги, а с начала 30-х гг. они появились в Москве. По подсчетам Е. Ф. Зябловского, в 1830 г. в России числилось 389 суконных фабрик, на которых трудился 67 241 рабочий. Самое большое число суконных предприятий находилось в Московской губернии, за ней следовали по мере убывания губернии Волынская, Гродненская, Подольская, Рязанская, Симбирская, Пензенская, Белостокская область, Тамбовская, Курская и другие губернии⁵³.

В Польше и в России одним из наиболее характерных крестьянских промыслов было выращивание и переработка льна, изготовление холста и других льняных тканей. В Королевстве Польском в 1815–1830 гг. льняное и конопляное производства, особенно изготовление грубого и полутонкого полотна, были широко распространены в деревнях Люблинского, Калишского, Августовского и Плоцкого воеводств. Правительство всемерно поддерживало создание крупных предприятий, на которые не только привлекались бы иностранные специалисты, но и активно использовалась новая техника. В феврале 1828 г. Т. Копиш подписал с правительством контракт на устройство в Лодзи фабрики полотна и столового белья. За предоставленную ссуду в 30 тыс. злотых, возможность беспошлинно ввозить 1 000 центнеров полотна (продажа которого в Варшаве сразу давала предпринимателям возможность составить значительные капиталы) и ряд других льгот Копиш должен был покупать полотно у местных ткачей, белить и отделывать его, а затем продавать оптом. Выходец из Саксонии И. Рундцигер, получив ссуду 76 300 злотых, также основал механическую прядильню льна в Лодзи. Однако, по свидетельству современников, из-за недостатка оборотного капитала и того, что Копишу — основному конкуренту Рундцигера — был разрешен беспошлинный ввоз пряжи, предприятие последнего находилось в бездействии. Промышленная переработка льна развивалась в Королевстве Польском высокими темпами. За пять лет, с 1823 по 1828 г., количество льняных изделий, поступивших в торговлю, возросло с 2 500 000 до 3 581 804 локтей⁵⁴.

Льняная промышленность Российской империи, центрами которой в начале XIX в. были Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и Ярославская губернии, в основном ориентировалась на внешний рынок. Российское полотно экспортировалось в XVIII и первой половине XIX в. преимущественно в Великобританию. Однако присоединение к континентальной блокаде лишило российскую полотняную промышленность этой возможности. С начала 20-х гг. XIX в. проявилась стойкая тенденция падения цен на полотно, что привело к уменьшению посевов льна и сокращению производства льняных тканей, изготовление которых не выдерживало конкуренции с более дешевой и легко изготавливаемой хлопчатобумажной тканью. Льняные предприятия начинали работать главным образом на внутренний рынок. Предприниматели, в условиях резкого сокращения экспорта и переориентации в большей степени на российского потребителя, раздавали пряжу по крестьянским избам и не стремились использовать технические новинки и усовершенствования, поддерживая тем самым ее ручную обработку. Дешевая рабочая сила не способствовала тому, чтобы производство переходило на машинную обработку льна, несмотря на то, что правительство всячески пропагандировало этот способ, создав на Александровской мануфактуре в Петербурге в 1811 г. особое отделение механического прядения. Инициативу государства поддержал в начале 30-х гг. владимирский фабрикант Е. Елизаров, который также ввел на своем предприятии механическое льнопрядение, но широкого распространения эти единичные нововведения не получили. В 1830 г. в России

насчитывалось 190 полотняных фабрик, на которых работало 26 845 человек⁵⁵.

Ко второй четверти XIX в. ведущее место в России, как и в других европейских государствах, заняло хлопчатобумажное производство, создание и оснащение предприятий для которого не требовало значительных капиталовложений. Широкий сбыт продукции, сравнительная дешевизна, прочность, красота позволяли изделиям из хлопка успешно конкурировать с достаточно дорогой льняной продукцией. Хлопчатобумажные предприятия использовали сырье, привозимое из-за границы, поэтому изначально эта отрасль стала сферой приложения купеческого капитала с широким использованием наемного труда.

Из трех самостоятельных отраслей хлопчатобумажного производства (бумагопрядение, ткачество, набивка) в Российской империи сначала научились набивать ситцы, затем их ткать, и только после этого появилось бумагопрядение. Ткачество, крашение и печатание ситцев получили широкое распространение в Московской, Владимирской, Калужской и Костромской губерниях. Наряду с возникшим в Петербурге во второй половине XVIII в. ситценабивным производством по иностранному миткалю, к началу XIX в. в Московско-Владимирском районе получила широкое распространение набивка по миткалю отечественному. Работа на этих предприятиях велась в основном вручную. Механизированы были только прокатка, аппретура, беление. Во второй четверти XIX в. Московско-Владимирский район становится и центром ткачества. Ткачи, в основном крестьяне-ремесленники, получавшие от купца-фабриканта или скупщика английскую, а с начала XIX в. — бухарскую пряжу, ткали миткаль и отправляли затем изготовленную ткань на мануфактуру для беления и набивки. Таким образом, ткачество существовало в форме рассеянной мануфактуры с использованием в основном ручного труда⁵⁶.

Бумагопрядение в России возникало сразу как фабричное производство. Первыми бумажную пряжу стали изготавливать существовавшая с 1798 г. казенная Александровская мануфактура и основанная в 1808 г. частная мануфактура московского купца Ф. Пантелеева. Расцвет со второй половины 20-х гг. бумагопрядильных предприятий, находившихся в упадке после Отечественной войны 1812 г., произошел в немалой степени благодаря введению таможенного тарифа 1822 г., в котором были установлены высокие пошлины на иностранную пряжу, но сохранен беспошлинный ввоз хлопка. Кроме того, в соответствии с указом, принятым в апреле 1820 г., возвращались пошлины за ввозимые в Россию белые материи, поступающие на ситцевые фабрики. Правда, с 1824 г. эта льгота была сохранена только для высших сортов бумажных тканей. Принятые меры оказали положительное влияние на развитие российского бумагопрядения⁵⁷. В 1830 г. на предприятиях хлопчатобумажной промышленности работало 76 228 человек. Основная масса продукции, произведенная 538 фабриками, сбывалась в российских городах и на ярмарках, и не более одной десятой ее части поступало на экспорт, в основном в страны Азии⁵⁸.

В начале XIX в. хлопчатобумажное производство на польских землях было, как и в России, новой отраслью, продукцию которой использовала большая часть населения. По сведениям Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, до 1815 г. на территории Королевства Польского было 119 ситцевых и ситценабивных мастерских, в которых ежегодно изготовлялось 6 492 000 аршин хлопчатобумажных тканей⁵⁹.

Существовали объективные трудности для развития этой отрасли производства: не было широкого рынка сбыта, так как был запрещен ввоз бумажных тканей из Королевства в Россию; негативно влияли также сильная конкуренция русских бумажных изделий, контрабанда, связанная с отсутствием правил о контроле местных изделий, и высокие пошлины на хлопчатобумажную пряжу. Идя навстречу отечественным производителям, польское правительство в марте-апреле 1825 г. приняло ряд постановлений, в соответствии с которыми для «производителей бумажных тканей» были значительно снижены пошлины на заграничную пряжу, необходимое количество ее для каждого из них определяла Правительственная комиссия внутренних дел. Крупные предприниматели в полной мере пользовались этой льготой. Для поддержки мелких ткачей «правительство придумало [...] институт особых складников, которые за свидетельством воеводских комиссий получали разрешение на ввоз иностранной пряжи по льготному тарифу. Из этих складов ткачи могли получать пряжу на льготных условиях». Однако ткачи жаловались на то, «что склад не всегда имеет требуемые номера, поэтому станки остаются часто в бездействии». Кроме того, очень часто пряжа оказывалась низкого качества. Для того чтобы устранить эти неудобства, «одни ткачи начали выписывать пряжу на собственное имя, другие просили об открытии нового склада, чтобы создать таким путем конкуренцию, которая заставила бы складников внимательнее относиться к нуждам своих клиентов [...]». В конце концов правительство должно было придти к тому заключению, что целесообразнее всего предоставить каждому право ввозить заграничную пряжу с оплатой пониженных пошлин», что и было принято в январе 1829 г.⁶⁰

Хлопчатобумажное производство развивалось в основном в Мазовецком воеводстве. Первая ситцевая фабрика была построена правительством в 1820 г. под Варшавой. В 1822 г., когда ее взял в аренду варшавский банкир Л. Берексон, на ней работало 68 рабочих, а количество мастерских возросло с 10 до 40. За 1825–1830 гг. производство хлопчатобумажных тканей увеличилось с 0,8 млн. до 3,8 млн. локтей⁶¹.

Пряжу сначала только импортировали, потом были основаны две крупные бумагопрядильни: одна из них в Липкове принадлежала Пасхалису, на ней был представлен полный цикл хлопчатобумажного производства, начиная от прядения хлопка и кончая аппретурой выделанных тканей; другая находилась в Лодзи, ее хозяин Х. Ф. Вендиш прибыл из Саксонии и подписал в октябре 1824 г. контракт с Р. Рембелиньским, в соответствии с которым обязался устроить в течение двух лет прядильню из 8 полных ассортиментов. Правительство готово было ограничить ввоз заграничной пряжи и бумажных тканей в том случае, если фабрика Вендиша будет выработывать их в достаточном количестве, и обещало выделить ему ссуду

в размере 144 тыс. злотых. Вендиш умер в январе 1830 г., и последовавшая затем ревизия показала, что он не поставил даже половины того количества прядильных машин, которое было условлено по контракту, а на том оборудовании, которое поступило, было невозможно вырабатывать пряжу требуемых сортов и номеров⁶².

Во второй половине 20-х годов англичанин Тоннес предложил создать в имении графа Островского «бумагопрядильню в 36 658 веретен с ежегодным производством 786 240 фун[тов] пряжи при 1500–2000 рабочих. Машины должны были быть приводимы в движение водяной силой [...]. Тоннес предполагал выписать из Англии 20–25 мастеров с семьями». В 1830 г. были начаты работы по созданию этого предприятия, однако Ноябрьское восстание 1830 г., а затем смерть Тоннеса от холеры в 1831 г. не позволили претворить в жизнь эти планы⁶³.

Хлопчатобумажная промышленность Королевства Польского работала преимущественно на внутренний рынок. Ее быстрое развитие привело к сокращению потребления суконных тканей, так как более дешевые бумажные материи пользовались среди небогатого населения бóльшим спросом. Кроме того, во второй половине 20-х годов XIX в. сократилось производство льняных тканей в Мазовецком воеводстве, а из Калишского ткачи-изготовители льняных полотен стали переселяться в другие воеводства либо переключались на изготовление хлопчатобумажных тканей⁶⁵.

В 1815–1830 гг. в Королевстве Польском предпринимались также попытки создания шелкового производства. В 1824–1825 гг. правительство выделило ссуду в 1800 руб. сер. фабриканту Д. Квану, а также израсходовало 2 398 руб. серебром на покупку шелка-сырца, который раздали фабрикантам. Результатов это не принесло. Кван умер в нищете, разорились или не смогли создать предприятия и другие предприниматели⁶⁵. Таким образом, шелковая промышленность, несмотря на покровительственные меры правительства, не получила значительного развития. В отличие от Королевства Польского, в России к 1830-м гг., согласно оценке современников и позднейших исследователей, шелковые фабрики достигли совершенства. По ведомости 1830 г. их насчитывалось 213, из которых 160 находились в Московской губернии. В. С. Пельчинский отмечал, что на российских шелковых фабриках «отменно подражают французским изделиям самого утонченного вкуса»⁶⁶.

С развитием текстильной промышленности, в частности, с изготовлением льняных и хлопчатобумажных тканей, непосредственно было связано возникновение первых химических фабрик, продукция которых, в основном красители, активно использовалась в хлопчатобумажном и льняном производствах. До 20-х гг. XIX в. красители преимущественно привозились из-за границы. Создание первых отечественных предприятий, как в Российской империи, так и в Королевстве Польском, позволило по умеренным ценам не только продавать продукцию отечественным производителям, но и отправлять ее за рубеж. В 1822 г. в Варшаве фирмой «Гиршман и Киевский» была основана первая химическая фабрика, полу-

чившая от правительства ссуду в размере 115 тыс. злотых. Стоимость ежегодной продукции этого предприятия со 120 тыс. злотых в 1822 г. возросла до 448 тыс. злотых в 1829 г. Вторая небольшая химическая фабрика была основана в 1828 г. Э. Васяньским⁶⁷. В Российской империи в 1822 г. было 59, а к 1830 г. насчитывалась 91 красильня. Основные предприятия находились в Москве и Петербурге. На них, при помощи 1214 рабочих, было окрашено 3 525 906 аршин тканей⁶⁸.

5. КУРС НА РАЗВИТИЕ МАШИНОСТРОЕНИЯ.

ЗАКУПКА ИНОСТРАННЫХ МАШИН И ПОДДЕРЖКА ИЗОБРЕТЕНИЙ

Сознавая техническое и технологическое отставание собственной промышленности от передовых стран, правительства России и Королевства Польского пытались преодолеть его в условиях консервации существующего экономического уклада путем заимствования передовых технологий и использования передовой техники. С этой целью власти всячески способствовали закупке иностранного оборудования, а также стремились поддерживать изобретения, направленные на усовершенствование существовавших или создание новых машин.

Основным поставщиком машин на континент, несмотря на строжайшее запрещение их вывоза из страны, была Англия. Военные действия между Англией и Францией с 1793 по 1814 г. и потеря английскими заводами заказов от армии и флота с 1815 по 1820 г. привели к тому, что британское правительство вынуждено было закрывать глаза на стремления английских рабочих, не сумевших занять себя на родине, искать работу на континенте. Кроме того, чтобы поддержать деятельность английских заводов, правительство не препятствовало вывозу отдельных механизмов, которые затем можно было собрать в любой стране, заинтересованной в получении английских машин. Таким образом в 1822 г. из Англии было вывезено машин на 750 тыс., а в 1823 г. сумма вывоза возросла до миллиона рублей⁶⁹.

Механик и изобретатель Ф. Жирард, получивший, начиная с 1810 г., ряд патентов на разработанные им чесальные, ленточные и прядильные машины, был направлен в Англию, для того чтобы приобрести станки и различное оборудование для польских предприятий суконной, льняной и хлопчатобумажной промышленности. На эти цели ему было выделено в 1826 г. 320 000 злотых. Паровые машины в Королевстве появились прежде всего в суконной промышленности. Для образца была выписана машина от Д. Кокерилья, занимавшегося распространением в Европе прядильных машин, вывезенных из Англии. Несмотря на то, что в Англии его приговорили к гражданской смерти и объявили премию за его голову, Кокериль принимал активное участие в техническом оснащении польских фабрик. На предложение построить прядильную машину силами польских рабочих Кокериль ответил отказом, так как он полагал, что польские мастера еще не в состоянии сделать хорошую модель. В 1828 г. из бюджета ему было выделено 80 тыс. злотых на доставку машин в Королевство. В ноя-

бре 1829 г. Польский банк заключил с купцом П. Штейнкеллером соглашение о доставке из Англии машин, необходимых в горнодобывающей промышленности.

Покровительственную политику в отношении отечественной промышленности проводило не только правительство Королевства Польского, но и администрация воеводств. Это свидетельствовало о том, что значение промышленности для Королевства осознавалось не только в политических верхах, но и в достаточно широких кругах бюрократии. Это нашло выражение в заботе воеводских комиссий как об иностранных специалистах, так и о сохранности оборудования, на котором они работали. Так, в 1821 г. Калишская воеводская комиссия проконтролировала, чтобы английские станки, оставшиеся в Бжеге после смерти механика В. Майера, в мастерской которого изготовляли шерсть, «попали в руки опытного специалиста»⁷⁰.

На заседании Административного совета в марте 1817 г. было принято решение: кто будет заводить мануфактуры и другие предприятия, которые необходимы для экономического развития Королевства, получит так называемый «патент свободы», дающий не только налоговые и строительные льготы, но и гарантирующий, что в течение срока действия патента никто не сможет создать предприятие подобного профиля. На этом же заседании рассматривался вопрос о выдаче патентов на изобретения и усовершенствования. С 1824 г. было выдано 56 «патентов свободы» и одно свидетельство на изобретение. Подобные решения свидетельствовали о том, что правительство Королевства стремилось создавать необходимые условия для основания и развития национальных предприятий и поддержки польской технической мысли⁷¹.

В Российской империи основные указы о закупке машин и необходимого оборудования увидели свет, в основном, в первое десятилетие XIX столетия⁷². Российское правительство, проводя покровительственную политику, стремилось уменьшить опеку над успешно развившимися отраслями и всячески содействовать прогрессу недостаточно развитых отраслей производства. Этим целям должна была служить и система привилегий. Получить патент мог любой человек, если его изобретение могло принести государству пользу. Получивший патент имел право в течение трех, пяти или десяти лет (на такой срок выдавалась привилегия) «пользоваться изобретением как собственностью, вводить его в производство», продавать право на его использование. С 1812 по 1833 г. было выдано 80 привилегий (в т. ч. 25 на машины), большинство из которых получили иностранцы⁷³.

Замена ручного труда машинами диктовала необходимость создания собственной машиностроительной отрасли. В Королевстве Польском первые фабрики по производству машин — государственные (в Бялогоне под Кельце, на Сольце в Варшаве) и частные (С. Замойского в Звезжинце, братьев Эванс в Варшаве, К. Бжостовского в его имении Штабин Августовского воеводства, В. Олеховского в Новосильце, С. Лильпопа в Варшаве) появились в 20-е гг. XIX столетия. Продукция этих предприятий не только пользовалась спросом на внутреннем рынке, но и успешно продавалась в Галиции, Украине, Центральной России⁷⁴.

Если для экономики Королевства Польского стимулом развития машиностроения послужили прежде всего потребности помещичьих фольварков, нуждавшихся в сельскохозяйственных машинах, то в Российской империи собственное машиностроение зародилось в мастерских казенных горных заводов и было ориентировано в основном на эти предприятия. До 1842 г., когда был снят запрет на вывоз машин из Англии, оборудование для бумагопрядильных и льнопрядильных предприятий изготавливала казенная Александровская мануфактура в Петербурге. На первом частном заводе шотландца Ч. Берда, построенном в Петербурге еще в 1792 г., собирались паровые машины для выпущенного в 1815 г. парохода «Елизавета», а также паровые машины и токарные станки по заказу Тульского оружейного завода. В 20–30-е гг. машиностроительные предприятия возникали и в других городах, в том числе в 1825 г. появился литейный завод в Москве. В первой половине XIX в., наряду с промышленным, получило развитие и специализированное сельскохозяйственное машиностроение. Предприятия К. Вильсона и братьев Бутеноп в Москве, Криворотова в г. Ельце Орловской губернии, Т. Ильса в Петербурге создавались для того, чтобы обеспечить потребности не только в промышленных, но и в сельскохозяйственных орудиях⁷⁵.

Таким образом, правительства Королевства Польского и России проводили покровительственную политику, в том числе и в отношении создания отечественного машиностроения, хотя, безусловно, процесс этот был еще в самом начале.

6. ПИЩЕВАЯ И ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ

Ведущими отраслями производства в Королевстве Польском были пищевая промышленность (в первую очередь винокурение) и переработка продукции сельского хозяйства. Правительство Королевства не только поощряло изобретателей новых винокуренных аппаратов, но и основывало отечественные фабрики по их производству. Желаящие купить винокуренный аппарат могли это сделать в рассрочку под невысокие проценты. Перегоняли рожь на водку в основном помещики, что касается картофеля, то его переработка осуществлялась только в некоторых крупных имениях. Ведущей отраслью пищевой промышленности в Российской империи было также винокурение, остававшееся сферой дворянской монополии: к 1830 г. насчитывалось 20 казенных и до 25 000 частных винокуренных заводов. Годовое количество выкуриваемого на них вина составляло до 30 миллионов ведер⁷⁶.

Сахарная промышленность в Королевстве Польском только зарождалась. Первые предприятия возникли в конце 1820-х годов, а развитие этой отрасли пришлось на 40-е гг. XIX в.⁷⁷ В России же, напротив, первые свеклосахарные заводы были открыты уже в начале XIX в. в Тульской, Орловской и Саратовской губерниях. Вскоре перерабатывать сахар-сырец начали в Архангельской, Вологодской, Лифляндской, Московской, С.-Петербургской, Тульской, Эстляндской губерниях и на Украине. Интенсивное развитие свеклосахарного производства в России началось

с 20-х годов XIX в., чему в немалой степени способствовал протекционистский тариф 1822 г., запретивший ввоз рафинада и увеличивший, по сравнению с предшествующими тарифами, пошлины на сахарный песок. В 1829 г. было утверждено положение Комитета министров о создании в Туле компании для выработки сахара из свекловицы. В 1825 г. в России было 7 свеклосахарных заводов. К 1830 г. число их возросло до 57. На них трудилось 1687 рабочих и было выработано 1 372 563 пуда сахара⁷⁸.

Как в Королевстве Польском, так и в Российской империи продолжало развиваться кожевенное производство. Наибольшее число кожевенных предприятий в Российской империи находилось в Пермской, Нижегородской, Псковской, Смоленской, Оренбургской, Курской, Витебской, Ярославской, Виленской, Олонецкой и Рязанской губерниях. К 1830 г. насчитывалось 1619 предприятий с 10 547 работниками, было выделано 2 945 870 штук кож. В Королевстве Польском кожевенное производство носило традиционный характер. Выделкой кож занимались мелкие ремесленники во всех воеводствах. Так, в Люблинском воеводстве в 1820 г. «было 5 кожевенных предприятий, на которых была выделана 2021 штука воловых кож, 3135 — коровьих и 11 565 — телячьих». В Краковском воеводстве в 1819 г. кожевенные предприятия «обрабатывали 1720 воловых, 3280 коровьих и 4530 телячьих кож»⁷⁹.

Традиционными в Королевстве были также предприятия по изготовлению бумаги и бумажных изделий, по производству фаянсовой и стеклянной посуды, зеркал, астрономических, хирургических и музыкальных инструментов, огнестрельного оружия, бричек и экипажей, мебели, ламп, бижутерии и др.⁸⁰. Подобные отрасли были характерны и для России. В 1822 г. российские фабрики писчей бумаги выработали 735 926 стоп разной бумаги, а в 1831 г. — 808 621 стопу. Потребление в основном бумаги низкого и среднего качества, производство которой требовало дешевых материалов, заставляло производителей обращаться именно к этому виду деятельности — более выгодному, нежели выделка дорогих сортов бумаги. В общей сложности к 1830 г. в Российской империи насчитывалось 5 474 предприятий, на которых трудилось 253 893 рабочих. Среди них были представлены разнообразные фабрики — стальных, железных, чугунных, медных изделий; лосинная; стеклянная; фаянсовая; шляпные; коверные; канатные; клееночные; табачные; табакерочные; лаковые; крахмальные; бумажных обоев; позументные, золотых и серебряных вещей; часовые, сургучные, хрустальных и стеклянных вещей; фаянсовой и фарфоровой посуды; ружейные; гранильные. Работали также заводы — мыловаренные; свечные сальные; салотопенные; воскобойные и восковых свечей; рыбьего клея; поташные; уксусные; масляные; солодовенные; пивоваренные; селитренные; купоросные, квасцовые и нашатырные; пороховые⁸¹.

7. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ВЫСТАВОК

Одним из основных направлений промышленной политики России и Королевства Польского, нацеленной на поддержку предпринимателей, была

организация промышленных выставок. К началу XIX в. опыт проведения подобных мероприятий в качестве формы пропаганды отечественной промышленности был накоплен во Франции: в сентябре 1798 г. в Париже на Марсовом поле прошла первая общенациональная промышленная выставка. Вначале предполагалось, что такие выставки будут ежегодными, однако политические потрясения не позволили в полной мере реализовать эту идею. Всего с 1798 по 1806 г. во Франции состоялось 5 промышленных выставок. Пример Франции был поддержан и в других государствах. В Берлине выставки прошли в 1822 и 1827 гг. В отдельных землях государства Габсбургов выставки организовывались с 1820 г., а с 1835 г. они стали общенациональными⁸².

В Варшаве промышленные выставки, о времени и месте проведения которых обязательно информировали население, проходили, начиная с 1821 г., раз в два года⁸³. Правительство Королевства изучало опыт подобных мероприятий в Берлине и Париже, активно поддерживало участников национальных выставок, премируя за лучшие экспонаты медалями и денежными призами. Наиболее оправдали ожидания правительства выставки 1825 и 1828 гг.⁸⁴

В России первая промышленная выставка в Петербурге продолжалась три недели с 3 (15) мая до 27 мая (8 июня) 1829 г. Ее успех побудил и московских фабрикантов обратиться с просьбой о разрешении организации выставки мануфактурных изделий в Москве. На первой московской выставке, проходившей с 5 (17) мая по 25 мая (6 июня) 1831 г., были представлены изделия от 531 предпринимателя и ремесленника; на Петербургской выставке число изготовителей было много меньше — 326. В работе выставки в Москве приняли участие представители 32 губерний; почти столько же — 33 губернии — было представлено в Петербурге. За время работы московской выставки ее посетило 125 тыс. человек, на петербургской было 107 тыс. посетителей. Мануфактурные выставки помогли предпринимателям понять сильные и слабые стороны организации производства, а правительству — правильно определить направление промышленной политики, способствуя тем самым техническому прогрессу. Крупные и мелкие предприниматели с успехом перенимали передовой опыт, заключали необходимые контракты. Выставки были важным событием в общественной жизни, так как обращали внимание на необходимость решения вопросов не только промышленного производства, но и технического образования⁸⁵.

8. РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Развитие промышленности в России и в Королевстве Польском было невозможно без организованной инфраструктуры. Важным направлением деятельности стало создание новых сухопутных дорог, обеспечение судоходства по рекам и каналам, которые не только связывали производителя и потребителя, но и являлись важнейшим звеном в обеспечении бесперебойного поступления сырья на промышленные предприятия.

В Королевстве Польском и в России новые тенденции экономического развития в первой трети XIX в. нашли выражение в ускорении темпов строительства сухопутных дорог, призванных качественно усовершенствовать существующую транспортную систему. Если до конца XVIII в. в Российской империи не было построено ни одной шоссейной дороги, то к середине 30-х годов XIX в. их протяженность доходила приблизительно до 2747 верст⁸⁶.

В Королевстве Польском с 1824 по 1828 г. было построено «58 миль и 1600 сажений» сухопутных дорог. Правительственная комиссия внутренних дел и полиции в июле 1829 г. заключила с Польским банком договор о предоставлении ссуды на строительство дорог, их содержание, ремонт и другие цели в сумме до 14 млн. злотых⁸⁷.

Но основным видом транспорта в Королевстве Польском оставался водный. На работы по судоходству и очистке рек ежегодно выделялось 187 000 злотых. Особое место среди всех сооружений, созданных в начале XIX в., принадлежало Августовскому каналу: он должен был соединить Вислу с Неманом и обеспечить выход к морю. Канал, строительство которого было начато в 1824 г., призван был облегчить торговлю между империей и Королевством, а также освободить от взимания установленной пошлины товары, которые водным путем перевозились в Пруссию. На всем протяжении Августовского канала находилось 18 шлюзов, в том числе один двойной и один тройной. При определении размера шлюзов имелись в виду габариты удобного для судоходства судна «берлинка», которое в основном использовалось на прусских и польских реках. Несмотря на то, что судоходство по каналу было открыто в 1830 г., оставались недостроенными три шлюза, и необходимо было сделать незначительные «исправления по всей линии канала». Однако во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. были разрушены мосты, сожжены до основания затворы Августовского шлюза и склады, на которых находились суда и большое количество строительного материала. Приостановленные строительные работы возобновились после того, как в августе 1833 г. Административный совет своим постановлением передал руководство строительством Польскому банку, завершившему его в 1837 г.⁸⁸

Еще в начале XIX в. распространилось мнение, что «канал не приносит никакой пользы, а только обременяет казну, потому что получаемая с проходящих по оному судов пошлина, не превосходящая средним числом и полторы тысячи рублей серебром в году, далеко не покрывает расхода на его содержание, простирающееся до 12 000 руб. сер[ебром] на одни только работы по каналу». Кроме того, отмечалось, что «судоходство по каналу часто прерывается и бывает затрудняемо, а сообщение по оному не всегда верное и благонадежное». Однако, по мнению правительства, несоответствие «процентного дохода с Августовского канала с расходом на его содержание не может служить доказательством ни бесполезности, ни маловажности этого водяного пути»; кроме того, «непосредственные доходы, как с сухопутных, так и с водяных сообщений, не могут и не должны быть главной целью» возведения каналов. Выгоды, которые получает государство от строительства дорог и каналов, утверждали власти, со-

ставляют «для государства и народов основание и условие беспрерывно возрастающего их благосостояния и богатства, более и более побуждают народы и правительства к распространению, умножению и улучшению путей сообщения, что сделалось ныне необходимою потребностью государств». С этой точки зрения та территория, по которой прошел Августовский канал, «приобрела лучший быт и умножение своего благосостояния вообще». Практические выгоды состояли в том, что до постройки канала соль доставлялась «в шесть магазинов Августовской губернии [...] сухим путем», затем ее стали переправлять по каналу, что привело к экономии «на одной доставке соли [...] около 16 000 руб. сер[ебра] ежегодно». Это являлось чистой прибылью казны, а в сумме с «доходом от пошлин с судов» не только равнялось ежегодным издержкам на содержание канала, но и приносило прибыль более 8000 руб. серебром. По каналу перевозили, главным образом, соль, железо, мел, известь, кирпич, стекло, искусственный асфальт, сено, хлеб, уголь, товарный лес и дрова. Правительство обращало внимание и на то, что «канал, как водохранилище искусственное, всегда имеет одинаковую глубину воды», поэтому судоходство для загруженных судов возможно и безопасно в любое время года⁸⁹.

Сходная структура народного хозяйства, примерно одинаковый уровень развития основных экономических районов России и Королевства Польского, а также аналогичный характер природно-географической среды обусловили общие черты транспортной системы обеих стран, различия в которых зависели главным образом от протяженности российских просторов. Основными видами транспорта в Российской империи были гужевой и водный. Предпочтение отдавалось последнему как более дешевому, удобному, грузоемкому. В России существовало шесть важнейших водных бассейнов: волжский, донской, днепровский, западнодвинский, озерный, северодвинский. Они были соединены между собой системами каналов: волжский с озерным и северодвинским, западнодвинский с днепровским. Необходимым звеном многих транспортных магистралей являлись волоки, которых не было на польских землях. Речные пути в России играли решающую роль в обеспечении дальних перевозок⁹⁰. За 1828 г. по Вышневолоцкой системе было доставлено к Санкт-Петербургу хлеба, сала, пеньки, конопляного масла и семени, железа и других товаров на 100 млн. руб. По Тихвинской системе общий оборот торговли составил 38 млн. руб. По Мариинской системе — 14,5 млн. руб. По системе Северной Двины — 10 млн. руб. По реке Оке — 8,5 млн. руб. В Москву с волжских пристаней было доставлено продуктов и товаров на сумму 7 млн. руб. От Моршанска «по течению рек Мокши и Цны» отгрузили товаров на сумму до 9,5 млн. руб.; с разных пристаней по Суре — на 2 млн. руб.; вниз по течению Камы с Пермской пристани — до 22 млн. руб.; по Вятке — около 2,7 млн. руб., по Белой — свыше 6,2 млн. руб.; от Рыбинска до Астрахани — до 54 млн. руб.; по Дону — на 1,8 млн. руб.; по Днепру — на 10 млн. руб.; по Западной Двине — на 16 млн. руб.; по Неману — на 7,5 млн. руб. Общая сумма отправленных по рекам товаров составила 282,3 млн. руб.⁹¹

Таким образом, как в Королевстве Польском, так и в Российской империи грузы и товары перемещали, в основном, более дешевым и грузоемким

водным путем. Поэтому наряду с улучшением уже существовавших водных путей происходило строительство новых каналов, до тех пор пока не началось активное строительство железных дорог.

9. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ: ПОЛИТИКА ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Интегрирующим фактором взаимодействия производства и потребления, координации сфер и отраслей народного хозяйства в рамках национального рынка является торговля. Достигнутый ею уровень и качественная структура товарооборота служат комплексным критерием экономического развития. Для России и Королевства Польского в эпоху формирования национального рынка в начале XIX в. торговля, развитие вширь товарно-денежных отношений являлись основным условием формирования и развития капиталистического уклада в экономике. Одновременно торговля могла дать быстрое и ощутимое пополнение пустеющей казны в период экономического упадка, наступившего после наполеоновских войн⁹².

Торгово-экономические отношения России и Королевства Польского в 1815–1830 гг. можно разделить на несколько этапов. Первый длился до конца 1819 г., когда происходил поиск наиболее приемлемых для каждой из сторон принципов таможенного контроля, второй — с конца 1819 г. до 1822 г. — был временем таможенной унии России и Королевства, и третий — с 1822 г. — характеризовался восстановлением таможенной границы; он завершился ноябрем 1831 г., когда, после подавления восстания, был принят новый торговый тариф со значительно возросшими пошлинами на привозимые из Королевства в Россию товары⁹³.

Включение в состав России Королевства Польского создавало для обеих стран и их соседей ряд проблем, одна из которых состояла в том, что положения Венского конгресса о едином экономическом пространстве разрозненных польских территорий находились в противоречии с российским таможенным тарифом 1810 г., носившим запретительный характер. Поэтому в марте 1816 г. в Петербурге был опубликован новый тариф по европейской торговле, допускающий некоторые послабления в запретительной системе. Согласно новым таможенным правилам, с одной стороны, в течение 12 лет предполагалось сохранить запрет на импорт ряда товаров, а с другой стороны, товары, разрешенные к ввозу, облагались пошлиной от 15 до 30% их стоимости; последнюю объявлял хозяин перевозимых изделий в письменном виде на таможенной заставе. Торговцы немедленно воспользовались образовавшейся лазейкой: объявляемая ими цена товаров была невысокой, что влекло за собой понижение взимаемых пошлин⁹⁴.

Выход из тяжелого экономического положения, в котором оказалось Королевство Польское, разоренное не только военными действиями, но и неурожаями 1816 и 1817 гг., польское правительство видело в развитии внешней торговли. Этим же целям должны были служить подписанный 5 (17) августа 1818 г. между Россией и Австрией дополнительный акт о торговле и промышленности в польских провинциях, вошедших в состав этих

государств, а также коммерческая конвенция, заключенная между Россией и Пруссией 7 (19) декабря 1818 г.⁹⁵ Последняя предусматривала установление «в областях бывшей Польши» неограниченной свободы торговли. Оптовая продажа и покупка сельскохозяйственных и промышленных изделий «своего края» освобождалась от уплаты пошлины. Любое запрещение на ввоз, вывоз и транзит товаров могло последовать только после согласия «обоих правительств». На основании подписанного документа, в целях оказания помощи соотечественникам по вопросам торговли, Россия и Пруссия могли «назначать и отправлять [...] консулов или коммерческих агентов» в области, составляющие «часть бывшего Королевства Польского после 1772 года»⁹⁶. Конвенция отменяла запрещение на ввоз шерстяных, льняных и кожаных изделий, введенное тарифом 1816 г. Отдельные статьи, приложенные к конвенции, определяли, что транзитная пошлина с прусских сукон в Азию останется по 12 коп. с аршина, «а за то, что свыше пошлины, требовать по-прежнему только одно поручительство»⁹⁷. Подобная уступка впоследствии обернулась вредом для русской промышленности, так как привела к разорению российских суконных фабрик, а скопление в большом количестве не проданных изделий в Кяхте негативно отразилось на торговле империи⁹⁸.

3 (15) октября 1819 г. увидел свет указ «Об установлении полной свободы в торговых сношениях между подданными Империи Всероссийской и Царства Польского». В этом документе говорилось, что «сырые произведения», предназначенные «для внутреннего употребления», должно пропускать свободно, не требуя свидетельств о происхождении и не взимая пошлин. Мануфактурные и фабричные изделия, произведения искусств, художеств и ремесел должны были быть снабжены «свидетельствами местных начальств [...]». Товары и изделия, обработанные из собственных сырых произведений [...], пропускать без взимания пошлин». Кроме того, купечеству разрешалось записываться в гильдии и пользоваться всеми правами, предписанными для подданных Королевства и Российской империи, а при пересечении границы не требовалось «никаких других паспортов или видов, кроме тех, какие выдаются при переезде или переходе из одной внутренней губернии в другую». Также отмечалось, что необходимо учредить в удобных местах, по взаимному соглашению министра финансов с правительством Королевства Польского, «взимание отпускных пошлин с произведений Российской Империи, перевозимых через Царство Польское для отпуска за границу как по рекам, так и сухопутно»⁹⁹.

Вслед за этим указом в ноябре 1819 г. был издан «Общий тариф для всех портовых и сухопутных таможен Российской Империи и Царства Польского по европейской торговле». Величина пошлины, в соответствии с заключенными с Австрией и Пруссией трактатами, не могла превышать 10% от цены. Поэтому на товары, разрешенные к ввозу, вводился консомационный сбор в размере 60%, взимаемый вместе с ввозной пошлиной. По новому тарифу пошлиной облагались не цена товаров, а их мера, вес и число. Новые правила призваны были способствовать улучшению организации подобной операции и значительно уменьшить возможность злоупотреблений¹⁰⁰, не допустить нанесения ущерба государственным доходам.

Опубликование нового тарифа имело ряд негативных моментов. Во-первых, правительство нарушило обещание, данное купечеству в 1816 г., не разрешать ввоза большинства промышленных изделий ранее чем через 12 лет. Во-вторых, проведение российским правительством принципов свободной торговли негативным образом сказалось на отечественной промышленности, находившейся в этот период на грани гибели. В то же время тариф 1819 г. сыграл важную роль в развитии польской промышленности, так как «русские купцы закупали еще на станках сукно», вырабатывавшееся в Королевстве, а «иностранные мастера, видя выгодное положение» польской промышленности, стали стекаться в страну «со всех сторон». Автор статьи в одной из польских газет отмечал, что «Польша может скоро стать для России тем, чем является Англия для Европы». Прядильщики и ткачи, которые не могли сбыть изделия у себя на родине, устремились в Королевство. Иммигранты приносили с собой знания, капиталы, технику, способствуя закладке прочного фундамента польской промышленности¹⁰¹.

Однако проведение в жизнь новых таможенных правил показало, что они не всегда соответствовали интересам экономического развития России и Королевства Польского. Поскольку свобода торговли уже отрицательно сказалась на состоянии промышленности, правительствам приходилось выбирать на будущее: либо фритредерство и невмешательство в торгово-промышленные дела, либо протекционизм и политика стимулирования создания отечественной промышленности. Выбор был сделан в пользу последнего принципа¹⁰². Реализовать эти идеи на практике было возможно в случае пересмотра конвенции, заключенной с Пруссией, и изменения основных положений тарифа 1819 г.

Обострение отношений между Россией и Пруссией наступило после введения в июле 1821 г. нового регламента внешней торговли Королевства и нового прусского тарифа в октябре того же года. В первом документе говорилось о том, что ввозить колониальные товары и напитки можно было только водным путем. Во втором оказались увеличены в 3–4 раза ввозные пошлины на традиционные товары экспорта России и Королевства в Пруссию. По мнению петербургского двора, это означало, что Пруссия возвращается к системе запретительных тарифов и нарушает торговую конвенцию 1818 г. Кроме того, в Правительственной комиссии внутренних дел и финансов Королевства Польского считали, что Пруссия нарушает не только условия конвенции 1818 г., но и подписанные на Венском конгрессе договоры о свободе навигации по рекам и каналам, о едином торговом пространстве в границах 1772 г., о использовании портов Данцига, Эльбинга, Кёнигсберга и Мемеля для транзитной торговли с другими странами и др. Укрепить позицию России на переговорах с Пруссией о пересмотре конвенции должно было заявление о том, что будут увеличены транзитные пошлины на провозимые через Королевство и Россию прусские товары и введен запрет на ввоз как в Королевство, так и в империю готовых изделий прусской промышленности¹⁰³. Министр финансов Королевства Польского князь Ф. К. Любецкий, пользовавшийся большим доверием Александра I, обрисовал императору все губительные последствия нового прусского та-

рифа и ходатайствовал о том, чтобы при заключении торгового договора с Пруссией были приняты во внимание и интересы польской стороны. Ф. К. Любецкий считал необходимым предусмотреть меры, облегчавшие перевозку польских товаров в российские порты, расположенные на Балтийском море. Он обосновал необходимость постройки каналов к балтийским портам и энергично взялся за проведение топографической съемки для определения трассы двух из них. Первый должен был соединить приток Вислы Нарев с Неманом, а второй — Неман с Аа, впадающей в море в окрестностях Риги. Ф. К. Любецкий считал, что сообщение прусской стороне о подобных планах сделало бы Пруссию более сговорчивой на переговорах, так как строительство каналов привело бы к изменению маршрута польской торговли хлебом — в обход прусской территории, что повлекло бы за собой разорение Торуня (Торна) и Гданьска (Данцига)¹⁰⁴.

В течение февраля—июля 1822 г. Александр I и Фридрих-Вильгельм III вели оживленную переписку. Российская сторона стремилась доказать необходимость пересмотра конвенции от 7 (19) декабря 1818 г. и сохранить протекционистский курс во внешней торговле. Пруссия выступала за то, чтобы не менять условий конвенции и начать разговор с позиций, на которых обе державы находились до подписания Венского договора.

Камнем преткновения на российско-пруссских переговорах был вопрос о транзите прусского сукна в Азию, оживление которого было напрямую связано с договоренностями на Венском конгрессе и последующими соглашениями, в частности, коммерческой конвенцией от 7 (19) декабря 1818 г. Так как срок предоставления льгот, дарованных конвенцией, завершался в 1822 г., то российское правительство надеялось к концу года договориться с Пруссией о принципах взаимных торговых отношений в будущем. Поэтому за месяц до публикации тарифа по европейской торговле от 12 (24) марта 1822 г. российская сторона предложила пересмотреть торговую конвенцию от 7 (19) декабря 1818 г.¹⁰⁵ ввиду ее ограничительного и запретительного характера¹⁰⁶. В ответ на введение российского и польского тарифов Пруссия в апреле 1823 г. опубликовала новый тариф, в котором отсутствовала транзитная пошлина, однако были значительно повышены (от 40 до 200%) пошлины на товары, ввозимые из России и Королевства¹⁰⁷.

Торговые отношения между Россией и Королевством Польским, также должны были развиваться на новой основе. Правительству Королевства было предложено изложить свои взгляды на таможенную автономию. Эту работу возглавил князь Ф. К. Любецкий, который в апреле 1822 г. представил проект установления торговых связей с империей. В нем предусматривалось освобождение от всяких пошлин русских и польских сырых произведений; взимание 1% пошлины с цены товаров, выработанных из польского или русского сырья, а для «фабрикатов, выделяемых из иностранного сырья, следовало установить пошлину в размере 3%, с обязательством представления свидетельства о происхождении»¹⁰⁸.

Предложенные принципы были поддержаны русским правительством и нашли отражение в соответствующем указе, увидевшем свет в августе 1822 г. Параграф 6 этого документа гласил: «Транзитный торг и отпуск то-

варов для Царства Польского через порты и таможи остзейских губерний [...] производить свободно и беспрепятственно». Это постановление защищало польскую промышленность от прусских и австрийских товаров, а также способствовало успешному развитию основной отрасли польской индустрии — шерстяной промышленности, которая получила возможность обслуживать не только русский, но и китайский рынок, благодаря открывшемуся транзиту через Россию. Беспшлинный ввоз переработанного иностранного сырья привел к созданию в Королевстве Польском обрабатывающей промышленности, изделия которой при ввозе в Россию облагались незначительной пошлиной. Предусмотренные указом меры благоприятно повлияли также на развитие некоторых отраслей русской промышленности (в частности, хлопчатобумажной). В сущности, это был компромисс, выгодный для обеих сторон¹⁰⁹. Между тем, проблемы оставались. Как писал экономист И. И. Янжул, «от всего остального света Россия была ограждена высокой стеной запретительного тарифа, и лишь Польша представляла собой ворота в этой сплошной стене и притом ворота [...] плохо оберегаемые». Поэтому главной заботой русского правительства стала борьба с проникновением под видом польской продукции изделий из Пруссии. Выход из сложившейся ситуации видели в том, чтобы ужесточить правила выдачи свидетельств о происхождении польских и русских изделий¹¹⁰.

Нерешенные вопросы торговых отношений между Российской империей и Королевством должен был урегулировать специально созданный в Петербурге комитет, заседания которого проходили в течение лета 1823 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями предполагалось, что обе стороны будут обмениваться перечнями существующих и вновь создаваемых мануфактур и фабрик, сведениями о фабричных марках и знаках. Российские товары должны были ввозить в Королевство Польское в соответствии с положениями тарифа 1822 г.¹¹¹ Оба правительства решили не «вносить никаких изменений в законы и регламенты, касающиеся торговых отношений между Империей и Царством, не согласовав их предварительно между собой». Очевидно, что Россия и Королевство Польское пытались выработать общие принципы не только торговой, но и промышленной политики¹¹².

В декабре 1824 г. Пруссия опубликовала транзитный тариф, в котором были несколько увеличены пошлины на пшеницу, сушеные овощи, рожь, овес и несколько повышены на ячмень. Продолжавшиеся переговоры между Россией и Пруссией завершились подписанием новой конвенции о торговле и судоходстве от 27 февраля (11 марта) 1825 г. Она определила юридическое положение российских и польских купцов в Пруссии и прусских в России и Королевстве, режим судоходства по рекам; правила торговли, учреждения таможен, вывоза и ввоза товаров, а также пограничный режим и порядок транзита через территории договаривающихся держав. Были аннулированы конвенции 1818 г. и ряд статей Венского договора 1815 г.; устанавливался свободный транзит ввозимых в Королевство и вывозимых из него польских товаров через Данциг (Гданьск) и другие прусские порты; строго фиксировались транзитные пошлины; запрещался транзит прус-

ского сукна в Китай через территории Королевства и России и др. Иными словами, на взаимной основе были удовлетворены главнейшие требования России и Королевства Польского. Конвенция действовала до 19 (31) августа 1836 г.¹¹³

Увеличение в семь раз пошлины на польское сырье и промышленные изделия австрийским октябрьским тарифом 1824 г. привело к длительным переговорам между Россией и Австрией. Соглашение было достигнуто, однако его содержание не внушало оптимизма. Ввозные пошлины, в отличие от транзитных, уменьшены не были. Австрийская сторона обязалась принять меры для борьбы с контрабандной торговлей¹¹⁴.

По инициативе Ф. К. Любецкого в 1826 г. ставился вопрос о таможенном объединении России и Королевства Польского. Однако это предложение не нашло поддержки у министра финансов Е. Ф. Канкрин, который указывал на сложность борьбы с контрабандной торговлей в польских таможах и отмечал, что реализация высказанной идеи приведет к упадку российскую промышленность¹¹⁵.

Польское восстание 1830 г. прервало торговые отношения России и Королевства. В ноябре 1831 г. был утвержден новый торговый тариф, согласно которому были значительно увеличены пошлины (3, 10, 12 и 15% от стоимости) на привозимые из Королевства Польского товары, а также прекращено субсидирование польской промышленности. Е. Ф. Канкрин воспользовался ситуацией. Увеличение пошлины на шерстяные изделия в 13 раз (с 3 до 40 коп. серебром с фунта) решило судьбу транзита польского сукна в Азию. «Только по настойчивым ходатайствам польских фабрикантов, доказывавших, что они в восстании не участвовали и только потерпели убытки от него, „дозволено в виде особого снисхождения“ отправлять еще в течение трех лет в Кяхту транзитом сукно: в 1832 г. было отправлено 300 тыс. арш. с пошлиною в 3 коп. сер. с фунта; в 1833 г. — 200 тыс. арш. с пошлиною по 4 коп. сер. и в 1834 г. — 200 тыс. арш. с пошлиною по 5 коп. сер.»¹¹⁶.

Анализ особенностей торговой политики России и Королевства Польского в 20-е годы XIX в. показал, что в первые годы после Венского конгресса главенствующие интересы аграрного экспорта привели к распространению в них, как и в большинстве европейских государств, идей свободной торговли. В правительственных кругах России и Королевства Польского интересы аграрного сектора выражали дворяне. Они являлись крупнейшими поставщиками сырья на внешнем рынке, что было выгодно при низком курсе национальных валют и при создании условий для беспрепятственной торговли, так как сокращение экспорта могло привести к сокращению доходов. Приверженцы либеральной политики всячески поддерживали развитие крестьянской промышленности, приносившей помещикам необходимые денежные средства, и считали, что мануфактуры не могут развиваться, так как в стране ощущается недостаток рабочих рук. Протекционисты, к сторонникам которых принадлежали правительства всех европейских государств, выражали интересы нарождающейся буржуазии, ратовали за развитие крупного производства, в том числе и купеческой мануфактуры, за поддержание высокого денежного курса системой запре-

тительных мер. Все это должно было создать, по их мнению, необходимые условия для экономической независимости государства. Противостояние между фритредерами и протекционистами, выражавшими различные стороны экономической стратегии государственного развития, было не столь непримиримым. Несмотря на то, что в начале XIX в. экономическое развитие в странах Западной Европы требовало «привнесения буржуазных элементов» в проводимую политику, тем не менее, преобладающие в большинстве правительств сторонники протекционизма не могли принимать решения, противоречившие дворянским интересам. Поэтому можно говорить о том, что правительства России и Королевства Польского стремились разумно сочетать либеральную политику с протекционизмом даже в тех случаях, когда международные обязательства вносили коррективы в принятую концепцию государственного развития¹¹⁷.

Россия и Королевство Польское в проводившейся ими торговой политике стремились выполнять постановления Венского конгресса и тем самым обеспечить предпосылки для максимальной свободы торговли, по крайней мере двусторонней, создавать благоприятные условия для роста товарооборота между Россией и Королевством, хотя торговля последнего в основном была ориентирована на Пруссию и, в меньшей степени, на Австрию. Целью этой политики было с наименьшими потерями выйти из крайне тяжелого экономического положения как в России, так и в Королевстве, вызванного континентальной блокадой, борьбой с наполеоновской Францией, неурожаями и голодом, переходом от мира к войне и обратно, а также с учетом меняющейся экономической ситуации всемерно поддерживать национальную промышленность и торговлю, обеспечить приток значительных денежных средств, поднять курс обесценивающихся национальных валют¹¹⁸.

10. ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Ярмарочная торговля в Королевстве Польском после Венского конгресса претерпела существенные изменения. Многие пограничные города, такие как Ярочин, Кобылин, Гостын, известные своими ярмарками, оказались за границей Королевства. Поэтому для того, чтобы увеличить торговые обороты, правительство назначило проведение новых торгов в Ченстохове, Прашке, Верушуве, Калише, Пыздрах, а также увеличило количество ярмарок в городах: Пищацы, Остроленка, Добжиныцы, Белхатув. Большой торг лошадьми два раза в год проходил в Ловиче¹¹⁹.

Аккумулировать значительные денежные средства призвана была и Варшава. Столица Королевства, по мнению приверженца либеральной политики министра внутренних дел и полиции Т. Мостовского, должна была стать центром торговли между Востоком и Западом. Первым шагом на пути реализации этой цели стало провозглашение Варшавы местом складирования товаров. Кроме этого, в мае 1816 г. Административный совет принял постановление, на основании которого в Варшаве ежегодно должны были проводиться четырехнедельные ярмарки. На первой такой ярмарке, кото-

рая проходила с 15 июня по 15 июля 1816 г., было собрано 145 тыс. злотых пошлины. Успех первой ярмарки привел к тому, что согласно постановлению наместника, принятому в феврале 1817 г., дважды в год — в мае во второй понедельник после праздника Св. Якова и в ноябре с первого понедельника после Дня Всех Святых — должны были проводиться трехнедельные ярмарки. Привозимые иностранные товары освобождались от досмотра, оплаты пошлин, внесения залога. Те товары, которые продавались во время ярмарок за границу, освобождались от платежа транзитных пошлин. Для хранения поступающих на ярмарку товаров в Маривиле были созданы склады, на организацию которых русское правительство выделило 300 тыс. злотых. Чтобы увеличить товарооборот варшавских ярмарок, предполагалось создать благоприятные условия для проведения торгов. С этой целью учреждалась биржа, подбирались маклеры, организовывалось таможенное управление ярмарки и специальный судебный отдел. За подготовкой и проведением ярмарок должна была наблюдать Главная ярмарочная депутация. Помимо этого, каждую пятницу в Варшаве бывал «большой торг лошадьми, рогатым скотом и пр.», который, как полагали составители путеводителя «Спутник в Царство Польское и в республику Краковскую», можно было считать «за ярмарку, судя по множеству дел, делающихся в это время». В промежутке между весенней и осенней ярмарками, т. е. в конце июня, в Варшаве проходили Ивановские контракты. Для заключения сделок правительством выделялись «обширные комнаты магистратского дома»¹²⁰.

Введение единой таможенной границы после принятия тарифа 1819 г. привело к тому, что число иностранных купцов, желавших принять участие в варшавских ярмарках, резко сократилось, и уменьшилась сумма поступавших доходов. Поэтому в августе 1822 г. Ф.К. Любецкий внес на заседание Административного совета предложение об изменении статуса ярмарок. Проект был принят, и уже осенью 1822 г. со всех импортных товаров, прибывавших на ярмарку, взимался полный таможенный сбор¹²¹.

С принятием новых правил ярмарочная торговля в Варшаве не прекратилась, а изменила свою специализацию. Столица Королевства Польского стала центром торговли шерстью. В мае 1822 г. Александр I подписал указ, на основании которого ярмарка должна была проходить в течение 10 дней «начиная со дня Св. Иоанна Крестителя». В Маривиле было приготовлено надежное место для складирования привезенной шерсти и «устроены весы». Объявлялось, что иностранной шерсти, «привозимой в Варшаву на главный торг, предоставляется свободный транзит обратно за границу»¹²². В августе 1825 г. наместник Королевства подписал постановление, в соответствии с которым должны были создаваться специальные склады для хранения шерсти; покупая на них шерсть, фабрикант мог рассчитывать на получение пособия из специального «железного» фонда (*fundusz żelazny*). На организацию таких складов сумма в 300 тыс. зл. единственный раз была выдана в 1826 г. и разделена на три части по 100 тыс. зл. между Варшавой, Ленчицей и Калишем¹²³.

Кроме того, в июне 1828 г., согласно решению Административного совета, Польский банк должен был объявить, что тем кто привезет шерсть

или изделия из нее «в Варшаву на торг к Иванову дню» и поместит «оние на складе в банковом магазине», банк выдаст ссуду «в соразмерности от-данных на склад предметов, за уплатою со ссуды по $\frac{1}{2}\%$ в месяц и [...] незначительного платежа на расходы по содержанию и застрахованию склада». Деятельность Польского банка имела огромное значение. На первой организованной ярмарке шерсти в июне 1828 г. было «продано 7129 центнеров, остальную же не купленную фабрикантами шерсть числом тысячу несколько сот центнеров купил банк на счет правительства, для составления запаса на будущую необходимость туземных фабрик, а [...] фундуш принял ручательством в сей торговой операции». В 1829 г. количество проданной на ярмарке шерсти возросло до 12,5 тыс. центнеров. Наряду с этим, Правительственная комиссия внутренних дел и полиции в июне 1828 г. назначила специальную ярмарочную депутацию, деятельность которой была направлена как на организацию торговли, так и на рассмотрение вопросов, относящихся «к выдаче ссуд фабрикантам на покупку шерсти»¹²⁴.

Специализированные ярмарки учреждались и в России. Появление ярмарок для торговли шерстью, наподобие тех, какие были созданы в Пруссии, Саксонии и других государствах, должно было создать необходимые условия для облегчения деятельности суконных фабрик и способствовать их развитию. Такие ярмарки появились в 1825 г.: летние действовали в Полтаве, Ромнах, Харькове, Киеве, Воронеже, Нижнем Ломове, а зимние — в Орле, Кременчуге, Касимове. В следующем году подобные ярмарки были созданы в Риге, Ревеле и Либаве. Некоторые из ярмарок шерсти успешно развивались, другие же посещались мало, поскольку продававшаяся там шерсть была недостаточно хорошо отсортирована. Наряду с крупными ярмарками — центрами оптовой торговли существовали областные (региональные) и мелкие местные ярмарки, где сбывалась сезонная продукция¹²⁵.

С середины 20-х годов XIX в. правом на создание ярмарок пытались воспользоваться ряд городов, расположенных в основном в губерниях, «присоединенных от Польши». Эти украинские и литовско-белорусские земли не так давно вошли в состав Российской империи и не потеряли еще прежних торговых связей. Кроме того, значительное число ярмарок в Королевстве, а также успехи ярмарочной торговли не могли не повлиять на желание жителей Балина, Славечны, Зятковцев, Каменец-Подольска и др. возродить былые привилегии, дарованные еще польскими королями. В большинстве же случаев речь шла о вновь учреждаемых ярмарках¹²⁶.

В Российской империи насчитывалось 3 613 ярмарок. В 45 губерниях проходило до 100 ежегодных ярмарок, в 7 губерниях — Волынской, Воронежской, Калужской, Лифляндской, Рязанской, Тверской, Черниговской — от 100 до 200, и в 5 губерниях — Екатеринославской, Киевской, Курской, Полтавской, Слободско-Украинской — от 200 до 300 ярмарок. Губернии и воеводства с наибольшим количеством ярмарок были расположены в основном на юге страны.

Общее число ярмарок в Российской империи, включая и ярмарки Королевства Польского, насчитывало чуть более 4,5 тысяч. Ярмарки в Королевстве составляли 20,3% от этого числа. Такого уровня не достигала ни одна из губерний Российской империи. Доля Полтавской губернии равня-

лась 7,5%, Слободско-Украинской — 7,3%, Курской — 5,4%, Екатеринославской — 4,8%, Киевской — 4,8%, Черниговской — 3,8%, Волынской — 3,6%, Лифляндской — 2,8%, Воронежской — 2,6%, Калужской — 2,5%, Рязанской — 2,3%, Тверской — 2,3%.

Из 8 воеводств Королевства Польского по числу ярмарок лидировали Калишское (445 ярмарок), Мазовецкое (225), Плоцкое (127), Краковское (78). 13 ярмарок из общего числа имели давние традиции: 6 из них существовали с XII в., 4 — с XIII в., 3 — с XIV в.¹²⁷

Ярмарки, особенно небольшие сельские, призваны были смягчить напряженную экономическую ситуацию, обеспечить не только собственные потребности сел и местечек, но и потребности городских центров, создавая условия для хозяйственного подъема. Наряду с этим, ярмарки играли роль и в международной торговле. Так, значительная часть ярмарок Королевства тяготела к давнему торговому партнеру — Пруссии, что подтверждается данными польских исследователей. В период с 1820 по 1830 г. обороты внешней торговли Королевства с Пруссией составляли 51%, с Россией 31%, с Австрией и вольным городом Краковом — 18%¹²⁸.

Таким образом, в 20-е годы XIX в. в России и Королевстве Польском проходило значительное число ежегодных ярмарок. Успехи торговли в Королевстве Польском приводили к тому, что происходило возрождение ярмарок на территориях, присоединенных к России в результате разделов Польши (в частности, в Виленской, Волынской, Минской и Подольской губерниях), а также возникали новые торги. Кроме того, происходили изменения в специализации ярмарок, а также трансформация оптовых ярмарок в специализированные, что способствовало экономическому подъему и притоку налоговых поступлений в казну. Процесс этот был общеевропейским. До конца XVIII в. товарообмен между западной и восточной частями Европы осуществлялся преимущественно при помощи ярмарок. В начале XIX в. ситуация изменилась: развитие торговли, отмена внутренних пошлинных сборов, строительство железных дорог привели к тому, что большинство ярмарок или закрылись, или превратились в места незначительного торга. Исключение составили немногие ярмарки, среди них ярмарка в Лейпциге, которая стала постепенно переходить к торговле по образцам. Начавшийся процесс реорганизации ярмарочной торговли, затронувший все европейские страны, нашел проявление и на территории Российской империи, в том числе и в Королевстве Польском.

11. Создание и поддержка объединений предпринимателей

Переход общества от традиционного к индустриальному в большинстве европейских стран был связан с созданием общественных организаций («обществ», «частных обществ», «обществ частной инициативы»), являющихся неременной основой гражданского общества. Одной из форм такой самоорганизации являлись объединения предпринимателей. Разнообразные союзы промышленников приходили на смену характерным для феодально-сословного строя корпоративным сословным институтам¹²⁹.

Однако в рамках сословного социально-политического устройства как России, так и Королевства Польского этот переход осуществился не сразу. Промежуточной формой можно считать сословные организации, призванные способствовать развитию промышленности и торговли, созданные правительствами Российской империи и Королевства Польского с привлечением представителей предпринимательских кругов из среды дворянства и купечества.

На основании принятого в декабре 1816 г. постановления наместника в городах Королевства, где было десять или более мастеров, представляющих одну и ту же ремесленную специальность, создавались союзы (*zgrupadzenia*) под управлением старшины и его помощников. Никто не мог стать мастером, не побывав учеником и подмастерьем и не сдав экзамена на звание мастера. И хотя в ряде статей излагались правила об учениках, подмастерьях, о взаимопомощи, о предоставлении изделий для получения звания мастера и тому подобные положения, характерные для цехового строя, тем не менее, эти союзы не были по существу цехами в их классическом проявлении, так как не обладали целым рядом прав, присущих цеховому устройству, например, правом исключительного производства тех или иных изделий. Кроме того, в случае, если статьи предшествующего законодательства, в том числе и цехового, противоречили принятому постановлению, они отменялись. По сути своей эти союзы являлись не только школами обучения мастерству и органами контроля над мелким производством, но и кассами взаимопомощи. Решением о создании объединений ремесленников правительство стремилось создать привычную обстановку для иностранных, в первую очередь, немецких мастеров, пропитанных духом цехового строя, при этом изъяв суть цеховой организации — монополию¹³⁰. В январе 1817 г. корпоративное устройство, подобно ремесленникам, получили и купцы¹³⁰.

Начиная с апреля 1817 г. другим важным направлением в деятельности правительства, имевшим целью развитие фабричной и мануфактурной промышленности, было создание особых выборных органов — торговых и ремесленных палат (*Izby handlowe i rękodzielnicze*) в Варшаве, Калише, Плоцке и Люблине. Они призваны были указывать правительству на препятствия, тормозящие рост торговли и промышленности, а также помогать в изыскании средств к их устранению и разработать мероприятия для развития отраслей народного хозяйства. Кроме того, они должны были делать представления воеводским комиссиям по всем вопросам, касающимся торговли, промышленности, искусств и ремесел. Предусматривалось создание общего совета торговли и промышленности при Правительственной комиссии внутренних дел и полиции. Проведение в жизнь закона о палатах в Мазовецком и Калишском воеводствах вскрыло недостатки их организации: они не пользовались полной независимостью, поскольку административные власти могли активно участвовать как в выборе членов палат, так и в руководстве их деятельностью. Торговые и ремесленные палаты являлись по существу совещательными органами при воеводских комиссиях, что не способствовало заинтересованности предпринимателей в их деятельности¹³².

К началу XIX в. относится появление первых предпринимательских объединений в России. Впервые идея создания общества горных заводчиков была высказана министром финансов А. И. Васильевым в докладе 1806 г. о преобразовании Горного управления. По его мнению, «все сословия в государстве, не только имеющие собственность, но и занимающиеся ремеслами и разными другими отраслями народной промышленности, имеют общества, законом покровительствуемые, держат собрания и совещаются о пользе и выгодах, им принадлежащих [...]». Общество каждого сословия, зная подробно все свои нужды, делает правительству, пекущемуся об общественном благе всего государства, надлежащие представления во всяком случае, когда оно находит нужною его помощь, когда видит права свои недостаточными или переменными в его невыгоду по стечению обстоятельств. Оно объясняет правительству причины, приводящие в упадок промышленность, или вредящие собственности, и предлагает средства к поправлению сих обстоятельств». Поэтому министр предлагал поручить двум или трем заводчикам, живущим в Петербурге, «чтоб они сделали сношение со всеми прочими, пригласили их на время приехать» в столицу «или дать, кому они захотят, доверенность для присутствования в общем собрании заводчиков», которому предстояло избрать комитет в составе председателя и шести членов. Комитет должен был заняться разработкой положения, или правил, для вновь учреждаемого общества. В состав комитета, помимо избранных членов, предполагалось включить и двух представителей правительства, для координации взаимоотношений создаваемого общества и руководства горного ведомства. Подготовленное комитетом положение должно было обсуждаться и утверждаться общим собранием заводчиков, а затем могло быть представлено на рассмотрение императора¹³³.

Замысел основать объединение владельцев горных заводов остался неосуществленным, однако само его появление отразило весьма существенное направление в экономической политике правительства, которое оказалось весьма плодотворным в дальнейшем. Появление контролируемых правительством предпринимательских обществ и союзов демонстрировало не только стремление властей приобрести дополнительные фискальные инструменты, но и его готовность в определенной мере рассматривать крупных промышленников как одну из социальных опор дворянского государства. Этот наметившийся правительственный курс патерналистской политики в отношении отечественного предпринимательства, возвращенного под опекой государства и привыкшего к ней, получил развитие в последующие годы, когда в конце второго десятилетия XIX в. российское правительство приняло целый ряд постановлений, призванных поддержать торговлю и промышленность. В июле 1828 г. при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов был создан Мануфактурный совет, который должен был помочь правительству собрать подробные сведения о частных фабриках и способствовать их развитию, в том числе и посредством проведения международных выставок мануфактурных изделий. Председателем совета был директор Департамента мануфактур и внутренней торговли, а его членами — предста-

вители от дворянства и купечества, два профессора — химик и механик, специалист-технолог. Они назначались министром и утверждались царем. Мануфактурному совету подчинялись отделение в Москве, созданное при комитете снабжения войск сукнами, мануфактурные комитеты в губернских городах, где находились фабрики, и мануфактурные корреспонденты в уездных городах. В губернские комитеты под председательством губернатора входили трое представителей от промышленности. Совет должен был информировать власти о развитии промышленности в империи, однако центральное место в его деятельности занимала пропаганда нового технического опыта, изобретений и открытий в России и за границей. Этой цели служило издание торгово-промышленных журналов и газет¹³⁴.

Поддержать российскую торговлю, а также способствовать ее распространению должен был созданный в октябре 1829 г. в Петербурге при Министерстве финансов Коммерческий совет с отделениями в Москве, Риге, Архангельске, Одессе, Таганроге. Министр финансов Е. Ф. Канкрин планировал создать Мануфактурный и Коммерческий советы в каждом губернском городе по примеру западноевропейских советов или торговых палат. Однако его замыслам не суждено было осуществиться. Деятельность же Коммерческого и Мануфактурного советов показала, что они не в полной мере справлялись с возложенными на них задачами. Так, Мануфактурный совет не смог организовать сбор сведений о существовавших в Москве и Петербурге фабриках и заводах. Этому, правда, препятствовали и вполне объективные причины — фабриканты предпочитали скрывать от правительства сведения о состоянии принадлежавших им предприятий. На практике и Коммерческий, и Мануфактурный советы, так же как и принадлежавшие последнему отделения, комитеты и корреспонденты, являлись только совещательными органами, мало влиявшими на деятельность как высшей, так и местной администрации¹³⁵. В этом отношении они разделяли роль торговых и мануфактурных палат в воеводствах.

В первой трети XIX в. правительственная политика в отношении отечественной промышленности Королевства Польского и Российской империи развивалась в едином направлении, что было обусловлено одинаковым для обеих стран хозяйственным укладом и близким по достигнутому уровню экономическим развитием. Покровительствуя собственной промышленности, власти России и Королевства Польского имели в виду, в первую очередь, пополнение государственных доходов. Предпринятые ими конкретные меры преследовали и далеко идущие цели: они стимулировали промышленное производство, способствовали накоплению национального капитала, ограничению иностранной конкуренции внутри страны, поощрению собственного экспорта, преодолению технического и технологического отставания от передовых промышленных государств. Особое внимание правительства России и Королевства Польского уделяли государственному контролю за развитием промышленного производства, видя в этом одно из основных средств решения поставленных задач. Это, в свою очередь, оказало существенное влияние на формы взаимоотношений

власти с бюрократией, с одной стороны, и предпринимательскими кругами — с другой.

Вместе с тем в промышленной политике как Королевства Польского, так и России имелись и существенные особенности. Хотя в обеих странах частный сектор в промышленности, по сравнению с казенными предприятиями, развивался опережающими темпами, в России государственная поддержка в большей мере распространялась на государственные заводы и фабрики, а также на предприятия, выполнявшие казенные заказы, а не на те, что работали непосредственно на рынок. В Королевстве государственной поддержкой пользовались преимущественно предприятия, ориентированные на переработку продукции сельского хозяйства, что косвенно свидетельствовало о приоритете интересов шляхетских фольварков.

Формирование особой сферы государственной деятельности, каковой стала промышленная политика, потребовало создания новых учреждений, в состав которых входили бы представители предпринимателей и купечества. Ограниченность подобных организаций не вызывает сомнений, однако их деятельность послужила основой создания более развитых форм самоорганизации этих социальных групп. Можно говорить о том, что предприниматели Российской империи и Королевства Польского стояли на пороге создания собственных объединений, готовых взять на себя решение задач, которые до этого времени находились в ведении государства и органов местного управления¹³⁶.

12. СПЕЦИАЛЬНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В России и Королевстве Польском понимали необходимость подготовки специалистов для развивающейся промышленности. Однако активная внешняя политика и внутренние реформы не всегда позволяли выделить достаточное количество средств на организацию специализированных учебных заведений. В Российской империи инженеров и чиновников по горному ведомству готовили Горный институт, основанный в Петербурге в 1773 г., и Институт инженеров корпуса путей сообщения, основанный там же в 1809 г. Главной целью открытого в октябре 1831 г. Петербургского практического технологического института, находившегося в ведении Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, являлась подготовка специалистов, способных обеспечить нужды отечественной промышленности. В сентябре 1830 г. было открыто Московское техническое училище, а в 1832 г. в Петербурге Училище гражданских инженеров. В Москве в 1825 г. графом С.Г. Строгановым было создано первое частное училище технического рисования, готовившее на бесплатной основе «ученых рисовальщиков» для промышленности.

Также в Москве в 1816 г. возникла первая частная фабричная школа, которую создали на Трехгорной мануфактуре братьев Прохоровых. Выпускники школы оставались работать на фабрике в качестве красильщиков, рисовальщиков, приказчиков, конторщиков. Наряду с хозяевами хлоп-

чатобумажных предприятий, фабричные школы организовывали владельцы суконных и шелковых заведений.

Готовить специалистов для российского торгового флота (судостроителей, шкиперов, штурманов) должно было открытое в ноябре 1829 г. в Петербурге училище торгового мореплавания. Первое коммерческое училище, появившееся в Москве в 1772 г. и спустя несколько лет, в 1799 г., переведенное в Петербург, положило начало Петербургскому коммерческому училищу. В Москве на частные средства было создано в 1804 г. Коммерческое училище, а в 1839 г. в Петербурге был открыт Высший коммерческий пансион¹³⁷.

Как в Княжестве Варшавском, так и в Королевстве Польском правительство уделяло огромное внимание вопросам развития начального, среднего и высшего образования.

В Королевстве Польском Правительственная комиссия вероисповеданий и общественного просвещения продолжила начатую еще в Княжестве Варшавском политику, направленную на создание и укрепление начального и среднего образования. Правительство Княжества понимало необходимость создания и специализированных учебных заведений. В 1808 г. в Варшаве была создана Юридическая школа, а в 1811 г. при ней была организована Школа административных наук, в которой преподавали политическую экономию, статистику, основы организации фабричного и мануфактурного производств, правила ведения внешней и внутренней торговли, финансы. С 1809 г. начала свою деятельность Медицинская школа¹³⁸.

Важность учреждения специализированных учебных заведений понимало и правительство Королевства. На основании декабрьского 1816 г. постановления о создании союзов ремесленников, в 1817 г. в Варшаве были открыты воскресно-ремесленные училища, для которых впоследствии были изданы подробные правила и уставы. В марте 1817 г. Александр I подписал указ об организации Горного корпуса по французскому образцу. В его состав вошли чиновники, официалисты и рабочие, освобожденные от воинской повинности и уплаты налогов. Все члены Горного корпуса должны были уметь читать, писать и считать, многие из них были объединены в Общество вспомоществования. С 1816 по 1826 г. в Кельце функционировала трехлетняя Горная школа, занятия в которой велись в основном на немецком языке. Выпуски были немногочисленными. На каникулы часть стипендиатов направляли за границу. В 1816 г. в Королевстве было создано Лесное училище, а в 1820 г. открыл двери Сельскохозяйственный институт в Маримонте. Жители Королевства Польского получили доступ к высшему образованию. В декабре 1816 г. был учрежден Варшавский университет¹³⁹.

Таким образом, в Королевстве Польском основное внимание уделялось созданию системы начального, среднего и высшего образования. Было организовано и специальное образование, но учебных заведений, готовивших кадры для развивающейся промышленности, явно не хватало. Это, возможно, являлось одной из причин активного привлечения иностранных специалистов. В Российской империи ситуация была иной, однако не-

смотря на то, что были открыты специализированные средние и высшие учебные заведения, их выпускников не хватало для того, чтобы обеспечить квалифицированными кадрами промышленные предприятия, разбросанные в разных частях большой страны.

* * *

Расширение границ европейской части России за счет включения в ее состав Финляндии, Бессарабии, части земель бывшего Княжества Варшавского привело к необходимости разработки новых принципов их экономического объединения с империей. Присоединяя одну территорию за другой, Россия наследовала и их проблемы, а также приобретала новые, возникавшие уже в связи с деятельностью российской администрации. Отсутствие единой стратегии в имперской политике вело к тому, что главной становилась политика, нацеленная на решение сиюминутных задач, организацию текущих дел, ликвидацию кризисных ситуаций. На вновь присоединенных землях российское правительство обычно не спешило с определением характера управления, сохраняя его прежние формы, а также социальную структуру, обычаи, уклад. К этому добавлялись различные льготы, в том числе и налоговые, гарантировалось государственное устройство¹⁴⁰. Процесс этот шел довольно сложно, так как каждая из вновь присоединенных территорий имела свои сложившиеся экономические связи, которые, в соответствии с решениями Венского конгресса, Россия должна была учитывать. Таким образом, политическая раздробленность земель бывшего Княжества Варшавского должна была компенсироваться сохранением экономических связей польских территорий¹⁴¹.

Высшие исполнительные ведомства России и Королевства Польского имели свои программы экономического развития, которые стремились превратить в жизнь. Спорные вопросы, особенно проблемы торгового взаимодействия, обсуждались на двусторонних комиссиях и решались с учетом интересов вновь присоединенных территорий. Быстрый рост Российского государства требовал от правительства империи решения сложнейшей задачи эффективного управления присоединенными территориями. Отсутствие надлежащего опыта, значительных финансовых средств, подготовленных кадров компенсировалось тем, что правящая бюрократия, «чтобы удержать под своей властью присоединенные народы и территории», вынуждена была «приспосабливаться к разнообразным местным условиям». Правительство Российской империи стремилось использовать экономические рычаги для укрепления своего влияния на вновь присоединенных территориях, не нарушая их экономических интересов. Это относилось и к Королевству Польскому, но существовавшее равновесие было нарушено восстанием 1830 г., разгром которого привел к изменению экономического и политического статуса Королевства. Русификация, частичная «православизация» и наступление на самобытность, наметившиеся в конце царствования Николая I, стали определяющими в последующие периоды¹⁴².

Период от Венского конгресса до Ноябрьского восстания показал, что программы экономического, в том числе промышленного развития реализовывались по-разному. Российская промышленность в этот период была обеспечена дешевой рабочей силой и защищена высокими таможенными пошлинами. Однако этим преимуществам противостояли «необыкновенная дороговизна» и трудность получения кредита, его долгосрочность, отсутствие «сносных путей сообщения», поборы со стороны чиновников, необходимость жертвовать большим основным капиталом и т. д. Кроме того, основной сбыт произведений российской промышленности находился в столицах, где было довольно трудно конкурировать с иностранными товарами¹⁴³. Во второй четверти XIX в. начался технический переворот, приведший к развитию машинного производства и переходу от мануфактуры к фабрике, в том числе и в ведущей отрасли промышленного производства — текстильной. Во всех отраслях обрабатывающей промышленности наблюдалось уменьшение доли крепостного труда и рост вольнонаемного, заметно росло частное промышленное строительство и сокращалось казенное, начало развиваться отечественное машиностроение и одновременно увеличился ввоз машин из-за границы. Развитие промышленности было одним из важнейших средств «укрепления безопасности государства, расширения внутреннего рынка, роста городского населения и его потребностей». Еще одна сторона этого процесса заключалась в том, что правительство видело в развитии промышленности «путь для укрепления хозяйственного положения дворян и регулярного поступления оброка от крепостных крестьян, занятых промыслами или работавших на мануфактурах и фабриках»¹⁴⁴.

В Королевстве Польском к концу 30-х гг. XIX в. была создана более совершенная система поддержки национальной промышленности, подкрепленная благоприятно сложившимися условиями внешней торговли. Как отмечал К. Г. Воблый, «отсутствие крепостного права и сословных привилегий, конституционный строй государства, либеральный гражданский кодекс, многочисленные льготы и привилегии для иностранцев [...], благоприятная торговая политика — все это должно было усилить приток иностранных ремесленников, фабрикантов и купцов»¹⁴⁵. Опираясь на опыт Княжества Варшавского, правительство Королевства создавало мощную основу промышленного процветания, что дало основание И. И. Янжулу, принявшему участие в 1886 г. в обследовании промышленности Королевства, отметить: «Лишь с присоединением к России предпринимается в Царстве Польском ряд деятельных законодательных и административных мер к насаждению почти не существовавших дотоле фабрик и заводов. Проводимые с энергией продолжительное число лет, почти до наших дней, меры эти и привели к тому блестящему сравнительно положению, в котором находится современная промышленность нашей окраины»¹⁴⁶. По мнению Р. Люксембург, с 1820 по 1830 гг., в период возникновения польской промышленности, «или правильнее — польской мануфактуры», «яснее, чем где-либо, выразилась экономическая политика империи»¹⁴⁷.

Таким образом, несмотря на наличие единого экономического пространства, существовавшего в Российской империи в первой трети XIX в.¹⁴⁸,

некоторые из вновь присоединенных территорий, таких как Королевство Польское, демонстрировали в своей экономической политике высокий уровень самостоятельности и независимости, позволивший создать необходимые условия для активного роста промышленного производства в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Рейнке Н. М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.). СПб., 1902. С. 49–50; *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 31–32, 35, 55; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Варшава, 1866. Т. 5. С. 20–26.
- 2 *Воблый К. Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1. (1764–1830). С. 188–189; *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979. С. 93.
- 3 *Jeziński A., Ciepielewski J.* Zarys historii społeczno-gospodarczej Polski. Warszawa, 1961. S. 73; *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1975. S. 92–99; *Рейнке Н. М.* Указ. соч. С. 31.
- 4 *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 299–301.
- 5 *Корелин А. П.* Внутренняя политика правительства: консервативное охранительство и реформы (проблемы модернизации страны) // Гуманитарные науки. М., 1995. С. 221–222.
- 6 Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 255 об.–256. См. также: Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина. СПб., 1815. С. 47–51.
- 7 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 4–4 об.; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Варшава, 1866. Ч. 2. Т. 2. С. 216–221; *Rynkowska A.* Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821–1831. Łódź, 1951. S. 158, 161; *Едлицкий Е.* Государственная промышленность в Царстве Польском в XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 286.
- 8 *Dziennik Praw* (далее Dz. Pr.). Warszawa, 1825. Т. 9. S. 185–333; *Завелейский М. Д.* Статистика Царства Польского по Высочайшему повелению составленная. СПб., 1842. С. 71–74.
- 9 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 59 об.–65 об. См. также: *Ihnatowicz I.* Burżuazja warszawska. Warszawa, 1972. S. 55; *Kołodziejczyk R.* Bohaterowie nieromantyczni. O pionierach kapitalizmu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1961. S. 56–80.
- 10 РГИА. Ф. 583. Оп. 18. Д. 1. Л. 1 об.–5, 7; Dz. Pr. Т. 12. S. 119–153, 312–322, 382–387. См. также: *Завелейский М. Д.* Указ. соч. С. 65–66; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 100–106.

- 11 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 257–263; *Люксембург Р.* Промышленное развитие Польши. СПб., 1899. С. 8; *Янжул И. И.* Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. М., 1887. С. 17–24.
- 12 РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 211. Л. 2–4; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее ПСЗ-1). Т. 27. №21103. С. 1100–1101.
- 13 ПСЗ-1. Т. 29. №22688. С. 1323–1324; Т. 30. №23679. С. 988–989, №23757а. Приложение. С. 4–7.
- 14 ПСЗ-1. Т. 31. №24501. С. 514–515.
- 15 ПСЗ-1. Т. 38. №29449. С. 951–952; Т. 39. №29940. С. 357.
- 16 ПСЗ-1. Т. 29. №22208. С. 437–495; Т. 32. №25383. С. 566–569; Т. 39. №29940. С. 359. См. также: *Нисселович Л. Н.* История заводско-фабричного законодательства Российской империи. СПб., 1884. Ч. 2. С. 95–98.
- 17 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 231–232.
- 18 *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968. С. 91.
- 19 *Гурьев А. Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 10; *Попова Е. М.* Эволюция кредитно-банковской системы России (начало 60-х годов XVIII века — 90-е годы XX века). СПб., 2000. С. 8–10; *Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 138–151.
- 20 См.: *Materiały do historii miast, przemysłu i klasy robotniczej w okręgu łódzkim.* Т. 1. *Źródła do historii klasy robotniczej okręgu łódzkiego.* Warszawa, 1957. S. 20–27.
- 21 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 2–11; См. также: *Dz. Pr.* Т. 6. S. 321–326; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 189; *Янжул И. И.* Указ. соч. С. 12; *Wóycicki A.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. Warszawa, 1929. S. 79; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 21.
- 22 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 10–16, 20–27; *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym.* Т. 1. *Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828.* Warszawa, 1984. S. 61; *Янжул И. И.* Указ. соч. С. 12–14; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 189–191.
- 23 Принципы организации кампании по вербовке иностранных специалистов, вероятнее всего, были заимствованы у Пруссии (*Лависс Э.* Очерки по истории Пруссии. М., 1915. С. 269–281). *Wóycicki A.* Op. cit. S. 79; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 191–194; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 137–138.
- 24 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 28–37. См. также: *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 190–197; *Materiały do historii miast, przemysłu i klasy robotniczej ...* S. 63–77; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 80; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 22–28; *Rzepniewska D.* Imigracja do Warszawy osiedleńcy spoza Królestwa // *Spółeczeństwo Królestwa Polskiego.* Warszawa, 1965. Т. 1. S. 140–144; *Śladkowski W.* Kolonizacja niemiecка w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815–1915. Lublin, 1969. См. также: *Горский С.* Передовые посты немцев в Царстве Польском. СПб., 1908. С. 4–10.

- 25 *Wóycicki A.* Op. cit. S. 80; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 194; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 141.
- 26 Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Журналы по делам Департамента государственной экономии. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. Стлб. 799–800; ПСЗ-1. Т. 29. №22091. С. 168–169; №22378. С. 899–900; Т. 30. №22742. С. 5–12; №22806. С. 57–58; №22844. С. 96–97; №22961. С. 178–180; Т. 31. №24503. С. 531; Т. 33. №26010. С. 396–397; Т. 35. №27526. С. 556–557; Т. 37. №28089. С. 11.
- 27 *Морозов П. О.* Черногорские переселенцы в России 1803–1838 // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 54–107; *Он же.* Кара-Георгий и сербские эмигранты в России 1814–1830 // Там же. С. 108–136; *Шафранов П. А.* О водворении в России Запорожских казаков, возвратившихся из-за Дуная в 1828 году // Там же. С. 208–237. См. также: *Скальковский А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848; *Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909; *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998; *Немцы в России: Историко-документальное исследование.* СПб., 2004. С. 239–243; *Сартор В.* Свое и чужое. Приспособляемость и аккультурация немецких предпринимателей в России (по мемуарным источникам) // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы, XVI — начало XX века. М., 1999. С. 74.
- 28 ПСЗ-1. Т. 27. №20827. С. 717–718; Т. 28. №21163; С. 137–140, №21192. С. 177; №21529. С. 710–711; №21968. С. 1310–1313; Т. 29. №22533. С. 1191–1193; Т. 30. №22749. С. 21; №23043. С. 278–279; №23391. С. 703–704; Т. 34. №27056. С. 772–774; Т. 40. №30513. С. 501–502; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее ПСЗ-2). Т. 1. №121. С. 182–184.
- 29 ПСЗ-1. Т. 31. №24131. С. 68–69.
- 30 ПСЗ-1. Т. 34. №27022. С. 501–504; №27072. С. 785–786; Т. 36. №27912. С. 325; №27954. С. 362.
- 31 Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6. С. 276–279.
- 32 *Szczepański J.* Modernizacja górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim w I połowie XIX w.: rola specjalistów niemieckich i brytyjskich. Kielce, 1997. S. 11. О развитии горнодобывающего производства в XVIII в. см.: *Kula W.* Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956. Cz. 1–3.
- 33 Dz. Pr. T. 1. S. 169–176. См. также: *Szczepański J.* Op. cit. S. 76–77.
- 34 *Jeziński A., Ciepielewski J.* Op. cit. S. 81; *Jeziński A., Zawadzki S. M.* Cenniejsze od złota. Z dziejów polskiego hutnictwa żelaza. Warszawa, 1961. S. 83–85; *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Op. cit. S. 130.
- 35 *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815–1850). Warszawa, 1957. S. 24–25; *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Op. cit. S. 130; *Historia Polski.* Łódź, 1956. Т. 2. Cz. 2. S. 32–34.
- 36 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Op. cit. S. 130; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 163–166.
- 37 *Gąsiorowska N.* Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim, 1815–1918. Warszawa, 1965. S. 236; *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Op. cit. S. 131.
- 38 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 65–72.

- 39 Еще в XVIII в. начали создаваться первые польские суконные мануфактуры, продукция которых сбывалась, в основном, в Россию, а сырье для производства — шерсть поставляли польские помещики, занимавшиеся животноводством (в том числе и овцеводством). См.: *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 223.
- 40 *Obraz Królestwa Polskiego ...* S. 58–59.
- 41 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 288–289. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 4 об.; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji ... S. 14; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 123–124. По данным Л. А. Обушенковой, в 1828 г. на мануфактуре Реппана работало 800 постоянных и около 300 временных рабочих (*Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 145).
- 42 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 5. См. также: *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 244, 290; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 145, *Wóycicki A.* Op. cit. S. 125.
- 43 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 4 об.–5. См. также: *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 289–290; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 124–125.
- 44 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 290–291; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 125.
- 45 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 4 об.–5 об.
- 46 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 5 об.–7; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 291; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 146.
- 47 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 7 об.
- 48 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 244–246; *Jeziński A., Ciepielewski J.* Op. cit. S. 83; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 106–107.
- 49 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 12–12 об.; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 88; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 133–134; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 224–226; *Люксембург Р.* Указ. соч. С. 10–11; См. также: *Kosim J.* Losy pewnej fortuny. Z dziejów burżuazji warszawskiej w latach 1807–1830. Wrocław, 1972.
- 50 ПСЗ-1. Т. 27. №20686. С. 513; Т. 28. №21911. С. 1244–1246; №21867. С. 1165–1167; Т. 30. №23132. С. 404–415; №23755. С. 1042–1043; №23923. С. 1223–1227; №23975. С. 1262–1265; Т. 33. №26320. С. 904–907; №26352. С. 934–935; Т. 35. №27410. С. 341; Т. 35. №27600. С. 653; Т. 36. №27839. С. 234–235; Т. 37. №28280. С. 221–230; Т. 39. №30085. С. 557–559; №30115. С. 588–612; Т. 40. №30208. С. 50–52; №30331. С. 211–213.
- 51 *Пельчинский В. С.* О состоянии промышленных сил России до 1832 г. СПб., 1833. С. 17.
- 52 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 61.
- 53 *Зябловский Е. Ф.* Российская статистика. СПб., 1832. Ч. 2. С. 109–111; *Пельчинский В. С.* Указ. соч. С. 18–19; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 63.
- 54 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 8–8 об. *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 236, 294; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 64–65; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 94–95; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 67–80, 196–197; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji ... S. 18–19.
- 55 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 52–54; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 121–123. См. также: Исследования о состоянии льняной промышленности в России. СПб., 1847.
- 56 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 43–44, 48; Исторический обзор развития мануфактурной промышленности в России. СПб., 1914. С. 5–9.
- 57 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 44; ПСЗ-1. Т. 33. №26315. С. 897–900; Т. 37. №28210. С. 133; №28222. С. 157–158; №28267. С. 198; №28281. С. 230–235; №28672. С. 761–762; Т. 39. №29931. С. 338; №30047. С. 505–510; №30085.

- С. 557–559; №30148. С. 649–650. См. также: Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I. С. 151; Обзорение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб., 1845. С. 2–3; *Соловьева А. М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 41–42.
- 58 *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 118–121; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 49; *Сыромятников Б. И.* Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 41–61.
- 59 *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 65.
- 60 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 237–240.
- 61 *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 17; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 150.
- 62 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 8 об.–9 об.; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 237–240; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 46–51; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 18.
- 63 *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 293–294.
- 64 Там же. С. 252–254.
- 65 Там же. С. 236; *Kołodziejczyk R.* Piotr Steinkeller kupiec i przemysłowiec (1799–1854). Warszawa, 1963. S. 44–45; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 152.
- 66 *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 112–113; *Пельчинский В. С.* Указ. соч. С. 15. См. также: ПСЗ-1. Т. 29. №22236. С. 686–687; Материалы для истории шелководства в России (Извлечено из дел Департамента торговли и мануфактур) // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1866. Т. 3. Кн. 9. С. 1–24; Кн. 10. С. 142–146.
- 67 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 10–10 об.; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 36.
- 68 *Пельчинский В. С.* Указ. соч. С. 37; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 124.
- 69 *Ершов А. С.* Обзор машиностроительных заведений в России // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1863. Т. 2. С. 4–7.
- 70 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 10; *Воблый К. Г.* Указ. соч. С. 291–292; *Ihnatowicz I.* Obyczaj wielkiej burżuazji warszawskiej w XIX wieku. Warszawa, 1971. S. 141; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 91–92; *Szczepański J.* Op. cit. S. 112–120; *Кулишер И. М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. СПб., 1908. Т. 2. С. 91; *Kołodziejczyk R.* Piotr Steinkeller... S. 32; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 143; *Данилевский В. В.* Очерки истории техники XVIII–XIX вв. М.; Л., 1934. С. 47; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 126–127.
- 71 Dz. Pr. Т. 7. S. 41–48; РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11.
- 72 ПСЗ-1. Т. 28. №21141. С. 50; Т. 29. №22222. С. 670; №22497. С. 1052; ПСЗ-2. Т. 2. №1179. С. 537.
- 73 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 217–218, 227–231; ПСЗ-1. Т. 32. №25143. С. 354–356; №25476а. Приложение. С. 3; №25527. С. 737; Т. 35. №27574. С. 611–613; Т. 39. №30063. С. 531–533.
- 74 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 10 об.; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 28–31; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 167–168.
- 75 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 75–81; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 400–403.

- 76 *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 168–169; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 130.
- 77 *Wykretowicz S.* Główne fazy rozwoju cukrownictwa na ziemiach polskich w okresie kapitalizmu (1802–1939) // *Rozwój przemysłu rolno-spożywczego na ziemiach polskich w XIX i XX w. (Materiały z sesji naukowej)*. Poznań, 1970. S. 21; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 34; *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Op. cit. S. 98.
- 78 ПСЗ-1. Т. 30. №23721. С. 1020–1021; Т. 31. №24668. С. 675–676; Т. 37. №28189. С. 107; Т. 39. №30145. С. 645–646; ПСЗ-2. Т. 4. №3203. С. 687–692; Архив графов Мордвиновых. Т. 6. С. 511–518; *Воблый К. Г.* Опыт истории свекло-сахарной промышленности СССР. М., 1928. Т. 1. С. 69–84, 316; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 72–75; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 127.
- 79 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 10 об.; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 114–115; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 169.
- 80 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 10 об.–11; *Образ Królestwa Polskiego...* S. 133.
- 81 *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 113–118, 123–144; *Пельчинский В. С.* Указ. соч. С. 34–52.
- 82 *Лачаева М. Ю.* Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX — начало XX в.): Петербург, Москва, провинция. М., 1997. С. 9, 90; *Beer A.* Geschichte des Welthandels im neunzehnten Jahrhundert. Wien, 1884. Bd. 1. S. 63–64.
- 83 *Dz. Pr.* Т. 6. S. 42–46.
- 84 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11; *Воблый К. Г.* Очерки... С. 207; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 82; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 119–121.
- 85 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 252–281; *Лачаева М. Ю.* Указ. соч. С. 165.
- 86 Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 357–358; *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII–начале XIX века. М., 1982. С. 23–27.
- 87 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 17 об.–18; Ф. 583. Оп. 18. Д. 1. Л. 5–6; Краткий очерк деятельности Польского банка за все время существования его с 1828 г. по 1886 год, а также деятельности Варшавской конторы Государственного банка по ликвидации дел б. Польского банка за время с 1-го января 1886 года до 1-го января 1894 года. Варшава, 1894. С. 70–73; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 40; *Образ Królestwa Polskiego...* S. 62–66, 135–138.
- 88 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 19–21 об.; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1769. Оп. 1. Д. 2. Л. 52 об.–67 об.; Д. 3. Л. 17–19; Д. 4. Л. 199–204 об.; Д. 115. Л. 30–35; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji... S. 41.
- 89 ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 2. Л. 52 об.–67 об., 126–131 об.
- 90 *Горлов И. Я.* Обзорение экономической статистики России. СПб., 1849. С. 235, 259; *Марасинова Л. М.* Пути и средства сообщения // *Очерки русской культуры XVIII века*. М., 1985. Ч. I. С. 269; *Истомина Э. Г.* Указ. соч. С. 237, 248–249.
- 91 *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 166–168.
- 92 *Сивков К. В.* Финансы России после войны с Наполеоном // *Отечественная война и русское общество 1812–1912*. М., 1912. Т. 7. С. 129, 137; *Historia Polski*. S. 6; *Воблый К. Г.* Очерки ... С. 178–181; *Смит Ф. И.* История польского вос-

стания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863. Т. 1. С. 63–64; *Зябловский Е. Ф.* Указ. соч. С. 168–169.

93 ПСЗ-2. Т. 6. Отд. 2. №4941. С. 202–206.

94 Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее ВПР). М., 1972. Серия 1. Т. 8. Прим. 51, 136. С. 627, 654–667; ПСЗ-1. Т. 33. №26218. С. 589–592; Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Журналы по делам Департамента государственной экономии. СПб., 1881. Т. 4. Ч. 2. Стлб. 1260–1265; *Струве П. Б.* Торговая политика России. СПб., 1913. С. 156; *Кулишер И. М.* Очерк истории русской торговли. Пб., 1923. С. 304; Министерство финансов... С. 140.

95 ПСЗ-1. Т. 35. №27453. С. 413–418; №27586. С. 625–637; *Historia Polski*. S. 6, 51; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 62.

96 *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1885. Т. 7. С. 332–349.

Для наблюдения за развитием мануфактурной промышленности и торговли за границей назначались агенты Министерства финансов. Еще А. Гумбольдт, посетивший Петербург в 1817 г., предложил создать при российской миссии в Берлине пост «агента Министерства финансов по мануфактурной части», который должен был информировать русское правительство о наиболее интересных событиях германской экономической жизни, а «также издавать в сотрудничестве с профессорами берлинского университета журнал, посвященный изучению производительных сил России и Германии» (*Фелькнер В. М.* Русские правительственные и биржевые коммерческие агенты за границей. СПб., 1911. С. 4; *Марней Л. П.* От консула до агента Министерства финансов: охрана торговых интересов России в Царстве Польском (1815–1830 гг.) // *Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006.* С. 87–95). Первым таким агентом при миссии России во Франции был назначен барон П. К. Мейендорф (Министерство финансов... С. 340–341; ПСЗ-2. Т. 4. №3080. С. 593). Затем агенты были посланы в Берлин, Лейпциг и Вену. Они должны были содействовать «возвышению технического искусства и вкуса», доставлять сведения «о лучших фабриках, новых изобретениях и положении [...] промышленности в чужих краях», присылать новейшие образцы «книг, чертежей, моделей и некоторых машин», содействовать поиску «искусных мастеров» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 233–233 об.). Как показывают новейшие исследования (*Смирнов А. Е.* Агенты Министерства финансов Российской империи за границей (С. С. Татищев в Лондоне). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2003), они успешно справлялись с поставленными задачами. Однако остается открытым вопрос о том, кого можно назвать первым агентом Министерства финансов, так как в декабре 1823 г. в Варшаве учреждалась должность генерального агента Министерства финансов, призванного облегчить торговые отношения России с Королевством Польским. Им стал генерал-майор А. Я. Ланг (ПСЗ-1. Т. 38. №29688. С. 1317, Т. 39. №29977. С. 425; ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). С. 181). Агентство просуществовало восемь лет и было упразднено в октябре 1832 г. (ПСЗ-2. Т. 7. №5693. С. 800. См. также: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 70. Л. 2–4 об.; Ф. 560. Оп. 4. Д. 200. Л. 1–4 об.; Ф. 560. Оп. 4. Д. 655. Л. 1–1 об.; Ф. 560. Оп. 22. Д. 6. Л. 188–191; *Воблый В. Г.* Очерки... С. 320–321).

- 97 *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 7. С. 355–365.
- 98 ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 129, 151. С. 347–361, 419–421. Прим. 167. С. 669–671. См. также: *Ajzen M.* *Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821–1830)*. Warszawa, 1932. S. 103–118.
- 99 ПСЗ-1. Т. 36. №27938. С. 350–352.
- 100 ПСЗ-1. Т. 35. №27453. С. 413–418; №27586. С. 625–637; Т. 36. №27987. С. 382–383; №27988. С. 383; Т. 37. №28352. С. 389; Министерство финансов... С. 141; *Борет Р.* *Торговля и торговая политика*. СПб., 1902. С. 475–476.
- 101 *Лодыженский К. Н.* *История русского таможенного тарифа*. СПб., 1886. С. 185; *Прошин Г. Г.* *Таможенный тариф 1819 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки*. М., 1961. №4. С. 113–116. См. также: *Воблый К. Г.* *Очерки ...* С. 213.
- 102 *Ajzen M.* *Op. cit.* S. 119–134; *Zembrzusi S.* *Polityka celna Królestwa Kongresowego*. Warszawa, 1930. S. 33, 38; *Нусселович Л. Н.* *Указ. соч.* С. 93.
- 103 ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Прим. 180–181. С. 683; *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*. Berlin, 1821. №15. S. 165–184; *Мартенс Ф. Ф.* *Указ. соч.* Т. 7. С. 331–369.
- 104 ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Док. 8, 139, 215. С. 31–33, 350–356, 599–607. Прим. 314–317. С. 765–768; *Górewicz J.* *Myśl techniczna a przeciwwilgociowa ochrona budowlu przemysłowych w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław, 1972. S. 56–59; *Русская старина*. СПб., 1878. №4. С. 633–635, 640–641.
- 105 ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Прим. 179, 228. С. 682–683, 699.
- 106 *Мартенс Ф. Ф.* *Указ. соч.* Т. 7. С. 344, 346; *Кулишер И. М.* *Очерк...* С. 306. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 92. Л. 6–7 об., 31–33, 55–56. ПСЗ-1. Т. 35. №27615. С. 667–673.
- 107 ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 191. С. 547–550. Прим. 208. С. 692; Т. 5 (13). Док. 37. С. 90–91. Прим. 44. С. 681; *Smolka S.* *Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym*. Kraków, 1907. Т. 2. S. 387–388.
- 108 *Воблый К. Г.* *Очерки...* С. 215–216, 315–317; *Пресняков А. Е.* *Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века // Борьба классов*. Л., 1924. №1–2. С. 29–49.
- 109 ПСЗ-1. Т. 38. №29149. С. 577–579; *Воблый К. Г.* *Очерки...* С. 317–319; *Струве П. Б.* *Указ. соч.* С. 163–164; *Zembrzusi S.* *Op. cit.* S. 41, 50; *Kołodziejczyk R.* *Kształtowanie się burżuazji...* S. 11.
- 110 *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie*. Kancelaria senatora Nowosilcewa. №303. S. 148–150, 166, 187–190; №306. S. 1–139, 339–349, 488–494, 522–585; *Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел*. Варшава, 1866. Ч. 2. Т. 1. С. 554–574; ПСЗ-1. Т. 38. №29237. С. 673–677, Т. 39. №29977. С. 420–431; *Янжул И. И.* *Указ. соч.* С. 28. См. также: *Есипов В. В.* *Автономия Польши, с точки зрения финансовых, экономических и других интересов России*. Варшава, 1907. С. 15–16.
- 111 ПСЗ-1. Т. 38. №29238. С. 677.
- 112 ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Док. 74. С. 180–182. Прим. 104. С. 705.
- 113 Там же. Прим. 314. С. 765–767; Т. 6 (14). Док. 2, 25. С. 13–15, 75–81. Прим. 4. С. 709; ПСЗ-1. Т. 40. №30264. С. 113–118.
- 114 *Обушенкова Л. А.* *Указ. соч.* С. 239–240.

- 115 *Jezierski A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego. 1815–1914. Warszawa, 1967. S. 23.
- 116 ПСЗ-2. Т. 6. Отд. 2. №4941. С. 202–206; *Миллер П.* Русская транзитная торговля в XIX столетии // Русское экономическое обозрение. СПб., 1903. №5. С. 95–96.
- 117 *Предтеченский А. В.* Борьба протекционистов с фритредерами в начале XIX века // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1939. Вып. 5. №48. С. 143–156; *Зомбарт В.* История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., б/г. Вып. 2. С. 349; *Боргт Р.* Указ. соч. С. 486; *Скальковский К. А., Краевский Д. М.* Стоит ли поощрять русскую промышленность? СПб., 1866. С. 60; *Strzeszewski Cz.* Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815–1830). Lublin, 1937. S. 67; *Jezierski A.* Op. cit. S. 27–29; *Воблый К. Г.* Очерки... С. 400; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 111–113.
- 118 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 115; *Sartorius von Walterschausen A.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815–1914. Jena, 1923. S. 54.
- 119 *Образ Królestwa Polskiego...* S. 61; Спутник в Царство Польское и в республику Краковскую. СПб., 1822. С. 76.
- 120 *Dz. Pr.* Т. 4. S. 178–211; *Образ Królestwa Polskiego...* S. 61; *Sejm Królestwa Polskiego o działalności rządu i stanie kraju 1816–1830.* Warszawa, 1995. S. 35–36, 51; Спутник в Царство Польское и в республику Краковскую. С. 59–60; *Воблый К. Г.* Очерки... С. 201; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 200; *Zembrzowski S.* Op. cit. S. 34; ПСЗ-1. Т. 34. №27001. С. 481.
- 121 *Образ Królestwa Polskiego...* S. 133–134, 221; *Zembrzowski S.* Op. cit. S. 32–33; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 98.
- 122 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 230–233.
- 123 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 4–4 об., 11; *Образ Królestwa Polskiego...* S. 306; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 161, 199–201.
- 124 РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11 об.; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 234–236. См. также: *Образ Królestwa Polskiego...* S. 306; *Rutkowski J.* Historia gospodarcza Polski (do 1864 r.). Warszawa, 1953. S. 393; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 197–199; *Обушенкова Л. А.* Указ. соч. С. 106–107.
- 125 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 186. Л. 56–56 об.; Д. 1. Л. 246–246 об.; ПСЗ-1. Т. 40. №30331. С. 211–213; ПСЗ-2. Т. 1. №358. С. 482–486; Т. 2. №813. С. 15–16; №1093. С. 430–431; *Biały Z.* Ekonomiczna i kulturowa rola targów i jarmarków w Małopolsce południowej w XIX i XX wieku // *Etnografia Polska.* Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968. Т. 12. S. 34.
- 126 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1–132.
- 127 *Зябловский Е. Ф.* Землеописание Российской империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, для употребления в губернских гимназиях. СПб., 1822. С. 531–555; *Maleczyński K.* Najstarsze targi w Polsce i stosunek ich do miast przed kolonizacją na prawie niemieckim / *Studia nad historią prawa polskiego* wydawane pod redakcją Oswalda Balzera. Lwów, 1926. Tom 10. Zeszyt 1. S. 191–195.
- 128 *Biały Z.* Op. cit. S. 34–35; *Jezierski A.* Op. cit. S. 27; *Jezierski A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1998. S. 129; *Strzeszewski Cz.* Op. cit. S. 45.

- 129 *Туманова А. С.* Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII — начала XX века // *Отечественная история.* М., 2007. №6. С. 50–51; *Нисселович Л. Н.* Указ. соч. С. 46.
- 130 *Dz. Pr. T. 4. S. 114–158; Воблый К. Г.* Очерки... С. 199–201; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 81–82.
- 131 *Dz. Pr. T. 4. S. 159–177.* Гильдии были введены в 1858 г. (*Рейнке Н. М.* Указ. соч. С. 35–36).
- 132 *Dz. Pr. T. 3. S. 136–143; Obraz Królestwa Polskiego... S. 62; Воблый К. Г.* Очерки... С. 203–207; *Янжул И. И.* Указ. соч. С. 16; *Rynkowska A.* Op. cit. S. 12.
- 133 ПСЗ-1. Т. 29. №22208. С. 482–484; *Нисселович Л. Н.* Указ. соч. С. 47–48.
- 134 ПСЗ-2. Т. 3. №2146. С. 683–686; Министерство финансов... С. 340; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 231–239, 245–246; Исторический очерк развития торговых учреждений в России. СПб., 1911. С. 57.
- 135 ПСЗ-2. Т. 4. №3250. С. 736–738; Министерство финансов... С. 340; Исторический очерк развития... С. 57–58. См. также: *Лурье Е. С.* Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913.
- 136 *Туманова А. С.* Указ. соч. С. 52; *Гросул В. Я.* Русское общество XVII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 496.
- 137 *Нисселович Л. Н.* Указ. соч. С. 40–46; *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 330–375. См. также: *Калинина Н. Н., Тебиев Б. К.* Люди дела: Очерки истории подготовки предпринимательских кадров в России XVIII — начала XX века. М., 1999; *Лоранский А. М.* Исторический очерк Горного института. СПб., 1873.
- 138 *Милютин Н. А.* Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. СПб., 1864. Т. 4. Материалы по делам Царства Польского. Тетрадь 1. С. 1–25; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Т. 1. Варшава, 1866. С. 1–125; Т. 2. Варшава, 1867. С. 246–531; Т. 3. Варшава, 1868; С. 14–109, Т. 5. Варшава, 1868; С. 2–4; Труды Варшавского статистического комитета. Варшава, 1907. Вып. 28. С. 13–14; *Obraz Królestwa Polskiego... S. 33.*
- 139 *Dz. Pr. T. 2. S. 126–128; T. 3. S. 188–215; T. 4. S. 121–122;* Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Т. 1. С. 512–531; Т. 5. С. 8–11; Т. 6. Варшава, 1868. С. 80–162; *Obraz Królestwa Polskiego... S. 34–36, 104–105; Завелейский М. Д.* Указ. соч. С. 78–87; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 83.
- 140 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 383–384; *Чернуха В. Г.* Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // *Исторические записки.* М., 2003. №6 (124). С. 134; Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 85–86.
- 141 *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. СПб., 1876. Т. 3. С. 346; ВПР. Серия 1. Т. 7. Док. 40; 138; 242–243. С. 98–103, 335–340, 617–621. Аннотация. С. 11. Прим. 2, 3. С. 699–704; Т. 8. Док. 68. С. 157–165.
- 142 *Трепавлов В. В.* Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // *История и историки.* 2005. М., 2006. С. 172–173; *Чернуха В. Г.* Указ. соч. С. 137; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории.* М., 1995. №9. С. 133.

- 143 *Скальковский К. А., Краевский Д. М.* Указ. соч. С. 36.
- 144 *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 94–95.
- 145 *Воблый К. Г.* Очерки... С. 218.
- 146 *Янжул И. И.* Указ. соч. С. 10.
- 147 *Люксембург Р.* Указ. соч. С. 4–7.
- 148 *Ремнев А. В., Савельев П. И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). М., 1997. С. 7.

ГЛАВА 4.

Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского

1. Политика Реставрации и определение принципов ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

По завершении наполеоновских войн становление государственного устройства и политической системы Королевства Польского происходило в условиях исключительного воздействия внешних сил, представленных великими державами, а также большого идейного влияния распространившихся в Европе политических и государственно-правовых теорий периода Реставрации. Спустя шесть дней после того, как 31 марта 1814 г. русские и прусские войска вступили в Париж, Наполеон отрекся от престола, а на следующий день, 6 апреля, французский сенат провозгласил королем вернувшегося из Англии брата казненного республиканцами короля. Новый монарх вступил на престол под именем Людовика XVIII. 4 июня он издал Конституционную хартию, которую предварительно собственноручно отредактировал. Одним из ее идейных вдохновителей был Ш. М. Талейран. Хартия порывала с республиканским принципом суверенитета народа и провозглашала восстановление законности и абсолютной королевской власти, то есть политической системы старого порядка (*ancien régime*).

Установленная во Франции после возвращения на престол династии Бурбонов политическая система получила название «Реставрации». Термин этот был введен в оборот бернским профессором К. Л. Галлером в сочинении «Реставрация науки о государстве» («*Restauration der Staatswissenschaft*»). Согласно воззрениям Галлера, власть монарха могла быть ограничена только категориями морали и теми правами, которые самодержец сам соизволил даровать подданным, а юридический статус и отношение последних к монарху определялись бы исходя из сословной организации общества. Основанный на абсолютной власти монархический

принцип провозглашался Галлером единственным источником права и законности, а сформированная на этой основе правовая система объявлялась универсальной и незыблемой. Принципы реставрации и легитимизма были положены в основу так называемого неоабсолютизма.

После низложения Наполеона принципы Реставрации были применены великими державами как для определения политического устройства отдельных государств, так и для восстановления системы международного права и международных отношений в Европе в целом. Эту задачу должен был разрешить собравшийся в австрийской столице Венский конгресс. Формально постановления конгресса принимались 8 странами, подписавшими Парижский мирный трактат: Австрией, Англией, Испанией, Португалией, Пруссией, Россией, Францией и Швецией, образовавшими на конгрессе Комитет 8-ми. Остальные же делегации получили лишь право делать им представления. Однако в действительности судьбами Европы вершили пять великих держав.

В ходе Венского конгресса участвовавшие в нем страны разделились по отношению к обсуждавшимся вопросам условно на три группы: победители, побежденные и сторонники так называемого равновесия. Первое место среди победителей Наполеона занимали Россия и Пруссия, рассчитывавшие на львиную долю добычи. Берлин еще в начале 1813 г. безоговорочно примкнул к Петербургу, всеми силами выступив против Франции, и ожидал удовлетворения своих претензий только в расчете на благосклонность России. Главным предметом прусских домогательств была Саксония, присоединение которой к владениям Гогенцоллернов давало бы Пруссии решающий перевес в Германии и открывало путь к объединению страны под властью прусской короны. Объектом русских притязаний были в первую очередь польские земли.

В группе побежденных на первом месте была Франция. Заключив 30 мая 1814 г. Парижский мир, вернувшись к прежним границам и восстановив на престоле Бурбонов, она выполнила тем самым условия победителей, но Парижу еще предстояло бороться за восстановление своего политического влияния в Европе. На этом пути с французскими интересами совпадали интересы Австрии, Саксонии и других малых германских государств.

В третью группу входили страны, рассматривавшие и победителей, и побежденных как опасных соперников и не желавшие усиления ни тех, ни других. К ним принадлежали Великобритания, Испания, Швеция, итальянские государства. Выразителем их взглядов на конгрессе выступала Англия, которая по своей роли в антинаполеоновских коалициях и по давнему соперничеству с Францией могла бы по праву причислить себя к победителям «узурпатора». Однако она не имела значительных сухопутных военных сил, чтобы претендовать на первенство среди великих держав, которые хотя и предоставили ей после победы под Ватерлоо почетную роль содержать на острове св. Елены поверженного венценосного пленника, но не собирались признавать за ней права единолично распоряжаться судьбами Европы. Это побудило Лондон занять на конгрессе позицию сторонника европейского равновесия, то есть наиболее последовательно добиваться восстановления той системы европейских международных отношений,

которая установилась на континенте еще в середине предшествующего столетия, после Семилетней войны 1756–1763 г., и просуществовала практически до начала Великой Французской революции. Британские политики рассчитывали сыграть на противоречиях между соперничавшими великими державами, преследуя, во-первых, главную цель — максимально ограничить влияние Франции, и во-вторых, противодействовать российской гегемонии. Такая позиция вполне согласовывалась с политической концепцией Реставрации. В поисках «равновесия» британские правящие круги нашли поддержку со стороны Франции, Австрии и других стран, не желавших чрезмерного, как те считали, усиления России и Пруссии.

Теоретически задачу реставрации системы международных отношений сформулировал возглавлявший на Венском конгрессе французскую делегацию выходец из французского аристократического рода, в прошлом епископ-республиканец, министр при Директории и при Наполеоне, а ныне министр Людовика XVIII — Ш. М. Талейран. Определяя основы послевоенного урегулирования, он призывал руководствоваться принципами легитимизма и государственного права, которые, согласно его концепции, должны были послужить основанием для всеобщего признания неотъемлемости и ненарушимости прав государств и правящих монархов. Оба принципа глава французской дипломатии выдвинул, доказывая неприемлемость присоединения Саксонии к Пруссии, что нашло отражение в его дискуссиях с прусскими министрами и дипломатами К. А. Гарденбергом и Ф. В. Гумбольдтом.

Проведение в жизнь принципов Реставрации на Венском конгрессе, то есть восстановление международной системы «старого порядка», казалось бы, должно было распространиться и на Польшо-Литовское государство *, однако, по единодушному мнению великих держав, это было невозможно. В инструкции, которую министр Талейран составил для себя как делегата конгресса, говорилось по поводу Польши, что Франция приветствовала бы ее возрождение как независимого государства в границах 1772 г. с сильной монархической властью и собственной королевской династией. В этом требовании в наиболее законченном виде воплотился дух политики Реставрации. Однако, констатировал французский министр, осуществление этой программы было исключено, поскольку сохранение раздела Польши позволило бы избежать присоединения Саксонии к Пруссии и удовлетворило бы Австрию, желавшую сохранить в своем владении Галицию¹. Таким образом, уже при подготовке конгресса Париж считал необходимым сохранить раздел Польши, что, по мнению французского правительства, вполне соответствовало принципам Реставрации. Особенно ярко позиция французской дипломатии проявилась во время первой встречи Талейрана с Александром I, на которой французский министр хотя и с оговорками, но признал «право» царя на территориальные захваты, заявив: «Ваше величество не пожелаете занять больше, чем имеете на то право»².

За сохранение раздела Польши между тремя монархиями, следуя тактике поддержания европейского равновесия, высказался и английский

* Об обсуждении польского вопроса на Венском конгрессе см. также гл. 1.

представитель на Венском конгрессе лорд Каслри в письме Александру I от 12 октября 1814 г., правда, выразив опасение, не нарушит ли присоединение Княжества Варшавского к России баланса сил между великими державами. В ответ царь утверждал, что, сражаясь с Наполеоном, он не покушался на европейское равновесие. «Если я защищал тот порядок, который намерен установить в Польше, — продолжал он, — то, вне всякого сомнения, он будет на пользу всем. Такая моральная политика может найти поддержку народов, которые с одобрением отнесутся ко всему, что было бы проникнуто честностью, принципами законности и доброй воли, а также было бы свободно от эгоистических интересов»³. К царскому письму был приложен составленный А. Е. Чарторьским мемориал, в котором тот доказывал, что Пруссия и Австрия уже получили значительные территориальные приобретения за счет польских земель, что, находясь между этими двумя государствами, Княжество Варшавское всегда может быть занято их армиями и не представляет опасности для равновесия в Европе. «Возвращенное полякам национальное бытие, — говорилось в меморандуме, — не только не представляет опасности, но и является средством отвращения беспокойств, за которые тех всегда осуждали»⁴.

Таким образом, уже в начале работы конгресса сформировались позиции великих держав в отношении Польши. Они сводились, во-первых, к восстановлению прежней системы раздела страны, хотя и в новых границах, и, во-вторых, к реставрации на территории бывшего Княжества Варшавского шляхетского государства во главе с сильной королевской властью. Именно в этом духе была составлена инструкция Талейрана, о том же говорил лорд Каслри, та же мысль содержалась в меморандуме Чарторьского о возвращении полякам национального бытия, наконец, об этом же рассуждал Александр I, когда указывал, что защищал тот порядок, который был намерен учредить в Польше. Речь шла об установлении в стране консервативного политического режима, основанного на принципах Реставрации и легитимизма.

Более определенно намерения великих держав в отношении политического устройства нового польского государства проявились на конгрессе в дальнейшем, уже после кризиса, вызванного конфликтом из-за Саксонии, когда Александр I, не дожидаясь совместного решения великих держав, дал согласие на присоединение Саксонии к Пруссии. В начале ноября 1814 г. уполномоченные Берлином офицеры и чиновники направились в Лейпциг, чтобы принять командование над саксонскими войсками и возглавить гражданскую администрацию. Поглощение Саксонии вызвало в германских государствах бурю негодования. Бавария даже заявила о передаче своей армии под австрийское командование. С протестами выступили К. В. Меттерних, Ш. М. Талейран, лорд Каслри. Подлинно ли разразившийся кризис грозил новой войной, или он был спровоцирован Россией, чтобы оказать давление на партнеров и заставить их согласиться с тем послевоенным урегулированием, которого добивался Александр I? Определенно ответить на этот вопрос невозможно. Однако существенно то, что передача Саксонии Пруссии означала бы конец политики восстановления «старого порядка» в международных отношениях и режима Реставрации в целом.

Консенсус великих держав и сохранение политики Реставрации были достигнуты за счет Польши. Как в XVIII веке разделы Речи Посполитой служили средством разрешения противоречий между соперничавшими державами, так и в 1815 г. передача Княжества Варшавского России и компенсации за счет польских земель в пользу Австрии и Пруссии стали основой достигнутого компромисса между великими державами. Поскольку суверенитет Саксонии, а с ним и равновесие в Германии были восстановлены, следовательно, была сохранена и политика Реставрации.

13 января 1815 г. в Вене состоялась встреча государей России, Пруссии и Австрии. Александр I, Фридрих-Вильгельм III и Франц II согласились с передачей России Княжества Варшавского. Были также разрешены спорные вопросы о польской короне и о правящей династии. Княжество получало статус королевства во главе с наследственным монархом, обладавшим абсолютной властью, что вытекало из принципов Реставрации. Пруссия и Австрия отказались от формальных претензий на королевский статус занятых ими земель бывшей Речи Посполитой и от соответствующих претензий собственных династий в обмен на дополнительные компенсации за счет Польши. Польская корона отныне принадлежала русскому царю. Вместе с тем было оговорено, что, будучи одним из владений Российской империи, Королевство Польское не будет включено в ее состав и сохранит «национальный» характер государственного устройства и управления.

В тот же день лорд Каслри выступил с нотой по польскому вопросу, в которой объявил о согласии Англии с позицией России, Пруссии и Австрии. При этом лорд, зная, что формально постановления конгресса принимались «на вечные времена», лицемерно заявлял, что британское правительство не отвергает возможности в будущем «восстановить независимую Польшу с собственной правящей династией», но из-за нынешних затруднений «не следует возбуждать среди поляков несбыточных надежд». Говоря о государственно-правовом статусе Княжества Варшавского после его присоединения к России, Каслри подчеркнул, что управление страной будет строиться на либеральных принципах, а администрация — соответствовать «духу нации» и способствовать «единению Польши с ее соседями». Английский дипломат писал также, что невозможно обеспечить «счастья поляков» без сохранения их прав и обычаев⁵. В том же духе высказался и Талейран⁶. Российский ответ на ноту Каслри последовал 19 января. В нем говорилось, что «сохранение национальных прав, традиций и институтов поляков может вполне соответствовать справедливому европейскому равновесию»⁷. 30 января на ноту английского делегата ответил прусский министр К. А. Гарденберг, заявивший о согласии своего государя с выработанной позицией великих держав и о намерении прусского короля дать своим польским подданным «правительство, соответствующее духу народа и его обычаям». Далее в прусской ноте говорилось, что «таким образом в народе постепенно будет крепнуть убеждение, что его национальность может сохраниться и быть уважаема под властью каждой политической системы [...]». Это будет самым первым условием установления связи разноплеменных подданных с правительством, объединения их, подобно одной семье». В заключение в ноте Гарденберга подчеркивалось, что прус-

ский король, подобно российскому императору, а также английскому регенту, будет стремиться «обеспечить польским подданным те свободы и преимущества, на которые они имеют право»⁸. Австрия откликнулась на ноту Каслри последней. 21 февраля К. В. Меттерних включил в протоколы конгресса мнение австрийского императора, который, как гласил текст австрийского мемориала, «не только желал восстановления независимого Королевства Польского, но, не щадя себя, был бы готов принести немалые жертвы для достижения спасительной цели: реставрации старого порядка». В духе принципов Реставрации император давал согласие на установление конституции для поляков⁹.

Окончательно детали соглашения великих держав по польскому вопросу были оформлены на заседании созданного 7 января 1815 г. Комитета по делам Саксонии и Польши. Вскоре Талейран и Каслри покинули Вену. Перед отъездом лорд уведомил английский парламент, что важнейшие вопросы на конгрессе разрешены и что монархами России, Пруссии и Австрии было подтверждено согласие на «реставрацию Польши»¹⁰. Когда 1 марта 1815 г. Наполеон высадился в Канне, находившиеся в Вене монархи и делегаты конгресса выступили 13 марта с декларацией, призванной провозгласить и продемонстрировать неизбежность установленного режима Реставрации и принятых конгрессом решений.

Постановления Венского конгресса подлежали утверждению межгосударственными договорами между Россией, Пруссией и Австрией. В них были сформулированы фундаментальные принципы государственного устройства и системы публичного права Королевства Польского и других территорий прежней Речи Посполитой, входивших, согласно постановлениям Венского конгресса, в состав владений Гогенцоллернов и Габсбургов.

В русско-прусском трактате от 4 апреля 1815 г. в 47-й статье было постановлено, что «Княжество Варшавское, за исключением вольного города Кракова и его территории или провинции, о которых особо установлено в предыдущих статьях, присоединяется к Российской империи. Оно соединяется с нею (империей. — *Б. Н.*) посредством своей конституции на вечные времена и в особе Его Императорского величества и его наследников и их преемников. Его Императорское величество намерен предоставить стране особую администрацию для внутреннего управления, которую заблагорассудит, а также принимает на себя титул царя-короля польского в соответствии с установленным порядком применительно для титулов прочих его владений»¹¹. Подписывая этот договор, Александр I сразу отверг возможность расширения границ Королевства Польского, а также какого-либо иностранного участия в определении основ его конституции. 3 мая 1815 г. был заключен договор между Россией, Австрией и Пруссией, включенный в дальнейшем в итоговый акт конгресса от 9 июня 1815 г. Этот трехсторонний договор пришел на смену денонсированным прежним соглашениям между этими странами времени наполеоновских войн также и по отношению к Княжеству Варшавскому. В нем был определен и статус создаваемого Королевства Польского. Заключенные Россией, Австрией и Пруссией договоры были ратифицированы 27 мая 1815 г.

Принятые согласно воле России решения Венского конгресса, оформленные в договорах между Россией, Австрией и Пруссией, имели существенное значение для определения политического устройства Королевства Польского. В них были сформулированы основополагающие принципы государственного строя, который, как выразился Александр I, он намеревался дать Польше. Королевство Польское на вечные времена присоединялось к владениям Российской империи. Русский царь провозглашался польским королем с правом передачи по наследству польской короны и мог «предоставить стране особую администрацию для внутреннего управления, которую заблагорассудит», то есть получал абсолютную власть, хотя и облеченную в некую конституционную форму. При этом на конгрессе было оговорено, что конституционные принципы управления по усмотрению трех монархов будут дарованы полякам соответственно также в прусских и австрийских владениях. Рассуждения деятелей Венского конгресса о «либеральных принципах», о «сохранении национальных прав и институтов», о «духе народа» призваны были с помощью новой фразеологии лишь прикрыть реставрацию на польских землях абсолютизма, сословного строя и шляхетских привилегий.

Еще до завершения Венского конгресса Александр I 25 мая 1815 г. подписал в австрийской столице «Основы конституции Королевства Польского»¹². Официально создание Королевства было провозглашено в Варшаве через месяц, 20 июня 1815 г., тогда же были опубликованы и «Основы конституции». Их разработка проходила в тайне. Александр I мог неоднократно убедиться, что его увлечение конституционными проектами воспринималось с неодобрением консервативными кругами в России — большинством дворянства, офицерства и чиновничества.

В апреле 1815 г. царь поручил Военному комитету и Временному верховному совету Княжества Варшавского, подготовить проекты создания Королевства и его администрации. Однако ни комитет, ни совет не оказали особого влияния на формирование его государственного устройства¹³. Решающая роль в этом принадлежала царю и его ближайшим советникам. Участвовал в подготовке «Основ конституции», наряду с императором, и А. Е. Чарторыский*. На это, в частности, указывает совпадение включенных в них положений с написанными князем и представленными в Вене меморандумами по польскому вопросу, а также их заметная близость по духу и по содержанию с Конституцией 3 мая 1791 г., близость даже большая, чем с конституцией Княжества Варшавского¹⁴, на что указывал еще И. Лелевель¹⁵. Сторонником именно такого направления в развитии польского конституционализма был Чарторыский, что лишний раз подтверждает консервативно-шляхетский характер воззрений и политической позиции князя.

«Основы конституции» состояли из 9 разделов и 37 статей. В разделе 1 «Общие положения» говорилось о соединении навечно Королевства с Россией и о «национальной конституции», основанной на принципах «порядка, законности и свободы», то есть были повторены фундаментальные

* О разработке «Основ конституции» см. также гл. 1.

принципы Реставрации, добавление же к ним слова «свобода» означало незыблемость дворянских привилегий, ибо единственным сословием, обладавшим свободой, была польская шляхта. В заключение раздела было повторено (правда, менее определенно, нежели в трактатах Венского конгресса), что конституция является «главным выражением священной связи Королевства Польского и Российской империи». В «Общих положениях» отмечалось, что сохраняются все учреждения Княжества Варшавского, которые не были специально отменены или усовершенствованы. Отношение Чарторьского к Конституции 3 мая нашло выражение в утверждении, что «направлением в изменении нынешней конституции могло бы стать ее приближение к национальным основам, выраженным в Уставе (Конституции. — Б.Н.) 3 мая 1791 г., в той мере, в какой позволили бы время и обстоятельства». Тезис этот имел, очевидно, двоякое толкование: как выражение освободительных устремлений, с одной стороны, а с другой — как желание оставить в неприкосновенности консервативные основы Конституции 3 мая в смысле сохранения полукрепостнических форм социального устройства, статуса крестьянства как угнетенного сословия и неполноправия других сословий при условии охраны господствующего положения и привилегий шляхты. В «Основах конституции» устанавливалось господствующее положение католической церкви при признании свободы иных вероисповеданий. В статье 1-й говорилось, что различие в конфессиональной принадлежности христиан не влечет за собой различия в «общественных правах». Правда, в дальнейшем для иных вероисповеданий было предусмотрено неравенство в обладании правами «гражданскими» и «цивильными».

Статус монарха был определен в «Основах конституции» в духе Хартии Людовика XVIII: «Исполнительная власть и правительство соединены исключительно в особе Государя [...] от него только может исходить всякая исполнительная власть и администрация». Записанная в «Основах конституции» защита прав предусматривала: неприкосновенность личности (в частности, никто не мог быть по принуждению вывезен за границы Королевства) и неотъемлемость собственности, что, правда, не распространялось на крестьян, составлявших более 2/3 населения страны. «Основы конституции» провозглашали свободу слова, предоставляли право на занятие государственных и общественных должностей в Королевстве только полякам и устанавливали использование во всех сферах государственной (административной и судебной) и общественной деятельности польского языка. Защищая привилегии шляхты, Чарторьский включил в «Основы конституции» положение о том, что некоторые общественные должности могут быть предоставлены только землевладельцам¹⁶.

В манифесте Александра I, опубликованном в дни торжеств по поводу провозглашения Королевства Польского, о подготовке конституции Королевства говорилось, что она будет служить стране и нуждам поляков, соответствующая их характеру, что польский язык остается языком общественной и политической жизни, что такая конституция может быть создана только самими поляками. Ссылаясь на постановления Венского конгресса, император объявил, что свобода слова и свобода торговли установлены,

что будут доступны сношения с другими частями прежней Речи Посполитой, находящимися под властью других государств¹⁷.

Формально разработка проекта конституции Королевства Польского началась в день подписания Александром I «Основ конституции», когда император наделил А.Е.Чарторьского полномочиями по организации нового государства, предоставив ему в этом, как он сам выразился, «при себе полную свободу»¹⁸. Тогда же он повелел образовать комитет по подготовке проекта конституции создаваемого Королевства. Во главе комитета из 5 членов был поставлен председатель сената Княжества Варшавского восьмидесятилетний Т.А.Островский¹⁹. Эта почетная обязанность была возложена на него как самого старшего по рангу из всех должностных лиц бывшего Княжества и как главу одного из высших органов государственной власти шляхетской Речи Посполитой. Этим актом Александр I подчеркивал преимущество создаваемого Королевства Польского в отношении предшествовавших форм польской государственности (шляхетской Речи Посполитой и Княжества Варшавского). Т.А.Островский происходил из старинного украинско-польского рода и владел крупными имениями на Украине, в Пруссии и в Королевстве Польском. В январе 1814 г. Островский возглавил Гражданский комитет, выступивший за проведение реформ, призванных, по замыслу его инициаторов из правящих кругов, приспособить государственное устройство Княжества Варшавского к внутренним и международным условиям вследствие поражения Наполеона и занятия территории Княжества русскими войсками. К сторонникам Чарторьских Островский не принадлежал, хотя и был с ними одного круга, поддерживая с князем Адамом дружеские отношения. В Гражданский комитет также входили один из претендентов на должность наместника Королевства и наследник владений Любомирских С.К.Потоцкий²⁰, С.Замойский, Ф.Грабовский, А.Линовский и Т.Матушевич. Трое из состава комитета — аристократы, представители магнатских фамилий и крупные землевладельцы. Юристы Грабовский, Линовский и Матушевич происходили из богатой, но не титулованной шляхты и принадлежали в правящих верхах к «новым людям», выдвинувшимся в Речи Посполитой во время Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. и в годы существования Княжества Варшавского.

Ф.Грабовский²¹ — сын стряпчего З.Грабовского из Земли Цехановской — продвижение по службе начинал с мелких судейских должностей на Люблинщине. В 1809 г. при включении Галиции в состав Княжества Варшавского он стал советником центрального суда в Люблине, а на следующий год — членом Государственного совета Княжества. Грабовский отличался крайне консервативными и клерикальными воззрениями, выступал за восстановление в полном объеме крепостничества и шляхетских привилегий (*prawa narodowego*) и за отмену Кодекса Наполеона.

А.Линовский²² получил образование в варшавской коллегии пиаров, затем в Краковской академии и завершил его в Берлине. Он свободно владел немецким и французским языками, бывал в домах Чарторьских и Островских. В 1780-е и в начале 1790-х гг. Линовский входил в число доверенных советников короля Станислава Августа, будучи по политиче-

ским взглядам близким к кругу Г. Коллонтая. Он участвовал в разработке проекта Конституции 3 мая. В период Княжества Варшавского Линовский принадлежал к сторонникам французской ориентации, однако после поражения Великой армии он установил связи с российскими властями. В 1813 г. французский резидент в Варшаве охарактеризовал его как беспринципного карьериста. В дальнейшем Линовский сблизился с А. Е. Чарторьским и с Н. Н. Новосильцевым. Особые отношения Линовского с царским государственным секретарем были отмечены как приятелями, так и недругами воспитанника пиаров.

Т. Матушевич²³ сделал карьеру благодаря протекции А. К. Чарторьского, при поддержке которого был избран послом на Четырехлетний сейм 1788–1792 гг. На сейме Матушевич участвовал в депутатии по иностранным делам, выступил сторонником Конституции 3 мая. Он участвовал в восстании Т. Костюшко, будучи членом повстанческого Национального совета. Как близкий друг дома Чарторьских он улаживал в Петербурге дела Д. Радзивилла, опекуном которого был А. К. Чарторьский, что позволило Матушевичу завести полезные знакомства в российской столице. Там в 1803–1805 гг. он встречался с А. Е. Чарторьским, но каковы были их отношения, неизвестно. В 1809 г. при поддержке Ю. Понятовского Матушевич входил в состав Центральной рады в Галиции, хлопотал о включении Замостья в состав Княжества Варшавского. По протекции С. Замойского и Чарторьских он стал министром финансов Княжества, они же в конце 1812 г. рекомендовали Матушевича Александру I.

Состав Гражданского комитета свидетельствовал, что входившие в него магнаты могли претендовать на собственную политическую роль и не стали бы безоглядно следовать за А. Е. Чарторьским, на стороне которого в комитете были только С. Замойский и Т. Матушевич. Существенно также и то, что все члены комитета обладали собственными связями в русских правительственных кругах и вошли в его состав с одобрения царя и его приближенных.

Члены комитета Т. Островского должны были только рассмотреть представленные конституционные проекты и высказать замечания и предложения редакционного характера. Наиболее же видная роль в разработке конституции Королевства Польского отводилась А. Е. Чарторьскому, что единодушно признается в историографии²⁴. Вот как описывал Е. Скворчек — автор новейшей биографии А. Е. Чарторьского — политические воззрения и настроения молодого князя Адама в то время, когда тот работал в Варшаве, в Голубом дворце Зофьи и Станислава Замойских, над проектами администрации Королевства Польского: принципы государственного устройства и организации власти Чарторьский заимствовал в Англии, очевидно, подвергая их неизбежной модификации, а иногда — и модернизации; князь хвалил тамошнее местное самоуправление и независимость местных властей от центральных, высоко оценивал охрану владельческих прав и права собственности, а также систему налогов и их взимания²⁵. Разумеется, не буржуазная Англия с фабриками Манчестера привлекала симпатии польского магната-реформатора. Идеалом для него были статус и права британской аристократии XVIII в., полномочия лордов в своих

графствах и права земельных собственников по отношению к держателям и арендаторам.

Английские образцы не охватывали, однако, программы Чарторыского целиком. Видную роль «в деле организации и сплочения народа» он отводил духовенству (особенно низшего и среднего звена). Это не было следствием его отказа от мировоззрения эпохи Просвещения и решительного возврата самого князя к религии, хотя мистические настроения не обошли стороной Чарторыских и их окружение; повлиял в этом смысле на друга своей молодости и Александр I, также отличавшийся в эти годы подчеркнутой религиозностью. Распространению мистических настроений в обществе способствовали в то время раздумья над непостижимой судьбой, взлетом и падением Наполеона. Главную же роль в отношениях Чарторыского с духовенством сыграла надежда князя на широкое привлечение церкви к делу просвещения народа и пропаганды отечественной истории, к работе по пробуждению широких общественных кругов. В этом проявились, как писал Е. Сковронек, предпосылки концепции «органической работы» и надежда на организацию «общественного давления на власть в пределах конституционных прав»²⁶. Однако в такой оценке отношения Чарторыского к церкви и духовенству присутствует немалая доля модернизации. Во-первых, концепция «органической работы» формируется значительно позже, в 1830–1840-е гг., и поэтому надежды князя использовать влияние духовенства для укрепления позиций шляхты едва ли стоит рассматривать как предпосылки «органической работы у основ». Во-вторых, заимствованная из современной политологии формула «общественного давления на власть» едва ли применима к сословному обществу и к борьбе сословий за свои права и привилегии.

Клерикальные тенденции в политических взглядах А. Е. Чарторыского имели весьма существенное значение. Усиление политического клерикализма по завершении наполеоновских войн было отмечено в большей или меньшей степени во всех европейских странах, когда с религиозных позиций пересматривались воззрения эпохи Просвещения, когда церковь становилась одним из инструментов консервативных общественных сил и политики Реставрации. Эти тенденции не обошли стороной и Польшу. В поисках опоры на духовенство наследники польской магнатской олигархии преследовали двоякую цель. С одной стороны, они стремились сохранить влияние шляхты на угнетенные сословия после произошедшего личного освобождения крестьян и ослабления вотчинной и административной власти помещиков, с другой стороны, они пытались выступить как выразители воли «нации», идеологически отделив себя от иноземной власти, которая на деле была связана с ними общими сословными и политическими интересами.

Главным предметом этих общих интересов являлся крестьянский вопрос, который также значился в программе реформ, задуманных А. Е. Чарторыским. Князь распространил среди землевладельцев специальные «крестьянские анкеты», в ответах на которые содержалось немало критических суждений о барщине и об отношениях между крестьянами и помещиками, а также постулат о замене барщины на чинш. Сам инициатор анкеты вы-

ступал за предоставление помещикам права добровольного очиншевания крестьян, то есть за замену по инициативе самих помещиков отработочной ренты на денежную. Он даже пытался осуществить ее в некоторых своих имениях. Высказывался Чарторыйский и за выборы среди крестьян мировых судей, а также крестьянского суда, составленного из мирового судьи, одного плебана (приходского священника), одного помещика и двух войтов^{* 27}. Таким образом, воззрения князя Адама и его корреспондентов по крестьянскому вопросу практически ничем не отличались от аналогичных российских, австрийских или прусских дворянских концепций того времени. А его замысел крестьянского суда означал даже шаг назад по сравнению с существующей практикой, ибо возвращал помещикам судебную власть над крестьянами, поскольку трое из пяти судей в таких судах были землевладельцы. Впрочем, Чарторыйский специально крестьянским вопросом не интересовался, высказываясь об этом либо в контексте филантропии, либо в связи с проблемами народного просвещения²⁸. Вместе с тем, сосредоточившись на проектах политических преобразований, что было характерно в целом для европейских дворянских реформаторов и даже для дворянских революционеров на востоке Европы, он не придавал значения социальным проблемам, в частности, крестьянскому вопросу, отразившему центральное противоречие эпохи, однако, разумеется, князь не мог игнорировать его полностью.

Примечательно, что в период разработки конституции и рассмотрения ее проектов один из наиболее видных ее инициаторов и составителей А. Е. Чарторыйский, казалось бы, не уделял внимания принципиальным конституционным проблемам, а сосредоточился на вопросах местного управления, народного просвещения и роли церкви. Этому обстоятельству может быть только одно объяснение: князь Адам сознавал, что все главные вопросы государственного устройства Королевства Польского уже разрешены и определены постановлениями Венского конгресса и утвержденными Александром I «Основами конституции Королевства Польского». Вместе с тем в занимавших его проблемах нашли отражение (хотя они и в разной степени были осознаны самим князем) три ключевые направления в политике европейской реакции после Великой французской революции и наполеоновских войн: укрепление государственного аппарата, крестьянский вопрос и народное просвещение. Именно на этих направлениях сосредоточили свои усилия учредители Священного союза — правительства России, Австрии и Пруссии, чтобы не допустить нового революционного подъема в Европе. При этом высказывавшиеся князем идеи носили явно реакционный характер, будучи призваны сохранить сословный строй и господство шляхты. В этом польские конституционалисты были вполне едины со своими российскими протекторами.

Работа над проектом конституции Королевства не ограничивалась рамками комитета Т. Островского. После торжественного прибытия Александра I в Варшаву 12 ноября 1815 г. царю и новому польскому королю был

* Войт — должностное лицо низшего уровня местной администрации Королевства Польского, назначался из числа местных помещиков.

представлен проект конституции, составленный А. Линовским и графом Л. Плятером²⁹ под руководством А. Е. Чарторьского.

Л. Плятер уже сотрудничал ранее с Александром I в работе над конституционными проектами. Граф происходил из известного рода в польской Лифляндии. На поприще политики он вступил в 19 лет, когда, вопреки воле родителей, присоединился к восстанию Т. Костюшко и был адъютантом Ю. Сераковского, а после поражения повстанцев вернулся на родину в Литву. В первые годы правления Александра I Плятер в Петербурге при посредстве А. Е. Чарторьского получил доступ в кружок «молодых друзей» императора. В 1811 г. он совместно с М. К. Огиньским, Т. Вавжецким и К. Друцким-Любецким готовил проект конституции Великого княжества Литовского. В 1815 г. он был произведен в тайные советники и включен в состав Временного правительства Княжества Варшавского.

Весьма пространный проект конституции Королевства Польского, подготовленный Линовским и Плятером, состоял из 11 разделов и 438 статей и по объему пятикратно превосходил конституцию Княжества Варшавского. Ш. Аскенази, говоря о его содержании, отмечал, что права страны определялись с сугубо шляхетских позиций, а это, по словам польского историка, «было не вполне практично, принимая во внимание сложившуюся в то время политическую ситуацию в Европе и провозглашаемые либеральные принципы. Проект был проникнут непомерным сословным духом, духом олигархии, что не соответствовало насущным требованиям Нового времени, а также в отдельных своих чертах отрицало заимствованные в наполеоновской Франции прогрессивные общественно-правовые институты Княжества Варшавского, с которыми уже сжилось польское общество»³⁰. Проект Линовского и Плятера был подвергнут основательной переработке С. К. Потоцким с участием А. Е. Чарторьского и И. Соболевского — человека, пользовавшегося особым доверием Александра I. Соболевский приходился родственником последнему польскому королю и Изабелле Шидловской, которая стала морганатической женой Станислава Августа после смерти своего официального супруга генерала литовских войск, протестанта по вероисповеданию Я. Е. Грабовского. Она жила в варшавском Королевском замке, затем последовала за отрекшимся от престола монархом в Гродно и Петербург. В российской столице ей удалось обзавестись обширными связями в высших правительственных сферах. Эти связи и приобретенные при помощи Станислава Августа богатства Изабелла использовала в интересах родственников и лиц, позже объединившихся вокруг ее варшавского салона, получившего название «Гжибов» (Grzybów). Политическая группировка гжибовцев, к которой принадлежали также семьи Соболевских и Забелло, отличалась крайним консерватизмом, выраженным клерикализмом и явной ориентацией на Петербург. Принадлежность к гжибовцам, а также покровительство царя и Новосильцева способствовали карьере отца и сына — Валентия и Игнация Соболевских.

Политические соперники А. Е. Чарторьский и С. К. Потоцкий совместно с креатурой Александра I и Новосильцева И. Соболевским переработали обширный проект Линовского и Плятера, составив фактически новый проект из 162 статей. Текст его был передан императору, который сделал

почти к каждой статье особые примечания «рестриктивного характера». В этих примечаниях царь отклонял положения, ограничивавшие полномочия верховной власти. В этой работе Александр I опирался на рекомендации и советы Новосильцева³¹. После этого, руководствуясь монаршими замечаниями, И. Соболевский переработал текст и вновь представил его императору, который собственноручно внес в проект несколько мелких изменений и 27 ноября 1815 г. подписал Конституцию Королевства Польского.

Одновременно с подписанием конституции Александр I утвердил подготовленные в развитие положений «Основ конституции Королевства Польского» специально созданными для этого восемью комиссиями Органические статуты, служившие дополнением к конституции Королевства Польского. Статуты регламентировали функции, полномочия и порядок работы установленных конституцией высших органов государственной власти — Государственного совета, Административного совета, органов «народного представительства» — сейма и его палат (Посольской избы и Сената), местных представительных органов — сеймиков и гминных собраний. Органические статуты вводили положения о политических и гражданских правах подданных. Конституционный статус получила и созданная в 1814–1815 г. Польская армия (Войско польское).

Подписав конституцию, Александр I произвел назначения на высшие государственные должности. Польскую армию возглавил великий князь Константин, официально утвержденный в должности главнокомандующего в ноябре 1815 г., хотя его государственно-правовой статус так и остался не определен в конституции. Наместником был назначен генерал Ю. Зайончек, в прошлом польский якобинец, участник восстания Костюшко, офицер Польских легионов и один из наполеоновских генералов армии Герцогства Варшавского, получивший от царя княжеский титул, что явно не могло прийтись по нраву польским аристократам. Полномочным комиссаром Королевства Польского стал Н. Н. Новосильцев, что формально и практически уравнивало его статус с наместническим с той только разницей, что наместник был поляк, а комиссар — русский. Председателем Сената как старейший сенатор остался Т. Островский, занимавший эту высокую и почетную должность еще в Сенате Княжества Варшавского. Сохранили свои должности в Сенате Королевства Польского и все сенаторы, пожалованные в это достоинство во время Княжества Варшавского.

Необычным был способ оглашения Конституции Королевства Польского. После подписания царь запечатал ее в конверт, который надлежало вскрыть уже после отъезда Александра I из Варшавы, что и было торжественно исполнено 24 декабря 1815 г., накануне католического Рождества и в день рождения императора. Церемония состоялась в Королевском замке в Варшаве. Текст конституции был напечатан под № 1 в Собрании законов Королевства Польского (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*), ставшего продолжением аналогичного официального издания законодательства Княжества Варшавского, и в торжественной обстановке включен в состав Коронной метрики. Все это было призвано формально зафиксировать и подчеркнуть преемственность Конституции Королевства Польского с законодательством и правовой системой шляхетской Речи Посполитой и Княжества

Варшавского. Оригиналы всех подготовительных документов и проектов конституции, в целом озаглавленные «Великая книга», были торжественно помещены в золотой ларец и переданы на хранение председателю Сената. Позже, в 1823 г., ларец с «Великой книгой» был отправлен в Петербург³².

Сделанные в ноябре 1815 г. Александром I назначения на высшие государственные должности в Королевстве Польском, по словам Ш. Аскенази, не оставили там места для Адама Чарторьского. «Единственно подходящая для него должность, — писал польский историк, — была на самом верху — наместничество, однако о ней он (А. Чарторьский. — *Б. Н.*) ныне не мог ни подумать, ни к ней стремиться и из-за посреднических хлопот великого князя Константина, и из-за интриг Новосильцева. Но самое главное, у вице-короля [в каковом статусе воображал себя сам князь и мечтали видеть князя его ближайшие сторонники. — *Б. Н.*] не было ни политического, ни личного согласия с самим монархом»³³. Этот вполне убедительный и обоснованный тезис Аскенази был повторен позже М. Хандельсманом³⁴ и почти без изменений всеми последующими исследователями. Критическим в отношениях Чарторьского с Александром I стал, по мнению Хандельсмана, долгий разговор князя с императором в ночь со 2 на 3 декабря 1815 г. в Королевском замке. По свидетельству одного из придворных, по окончании беседы Чарторьский «в смятении выбежал из царских покоев не в состоянии прийти в себя. Какое-то время он, всегда умевший держать себя в руках, долго ходил по приемной, никого не узнавая...»³⁵.

Однако проблема создания Королевства Польского, определения его политического устройства и оформления конституционных основ вовсе не сводится только к роли в этом А. Е. Чарторьского. Проекты Конституции Королевства Польского отразили также политическую позицию и мировоззрение и других участников их подготовки. Во время завершения работы над проектами в 1815 г. сам князь и его сторонники уже не пользовались преобладающим влиянием. Да и «пулавская группировка» (именовавшаяся так по названию имени Чарторьских и резиденции князя Адама в Пулавах) не отличалась ни идейным, ни политическим единством, о чем свидетельствовала дальнейшая судьба ее участников. Наиболее близкими политическими сторонниками А. Е. Чарторьского в то время были М. Годлевский (вскоре перешедший в лагерь либеральной оппозиции), С. Замойский (возглавивший Сенат в 1822 г.). После перехода ординации Замойских в состав государственных имуществ Королевства и восстановления владельческих прав графа он «стал лояльным и рьяным исполнителем воли властей»³⁶. К ближайшему окружению Чарторьского принадлежали в 1815 г. Т. Мостовский (впоследствии министр, ответственный за введение цензуры, и сторонник Ю. Зайончека), Т. Матушевич, А. Бернацкий (позже вслед за Годлевским примкнувший к либералам, но побывавший и в правительственном лагере на должности министра финансов). После подавления Ноябрьского восстания Бернацкий присоединился в 1831 г. к либеральному крылу эмигрантов, выступал с критикой курса А. Е. Чарторьского. В 1815 г. в период работы над конституционными проектами к доверенным сторонникам князя Адама принадлежали Ю. Шанявский, Л. Плятер³⁷ (в 1816 г. он был назначен генеральным директором лесов, мно-

гое сделал для развития лесного хозяйства и естественных наук, основал Высшую техническую школу в Варшаве, впоследствии был видным деятелем эмиграции). Таким образом, из людей, близких к А. Е. Чарторьскому, в работе над конституционными проектами участвовали, помимо самого князя, только Замойский, Матушевич и Плятер, причем, в сравнении с ролью других причастных к работе над текстом конституции, их общий вклад отнюдь не выглядел как преобладавший, особенно если принять во внимание редакторов — Н. Н. Новосильцева и самого Александра I.

С точки зрения социального статуса составителей Конституции Королевства Польского наиболее заметными фигурами были магнаты Замойский и Чарторьский. Однако их участием в конституционном процессе, говоря условно, роль магнатской олигархии не ограничивалась. На содержание конституции повлияли также Т. Островский, С. К. Потоцкий и косвенно — представители старшей, наиболее богатой и в прошлом влиятельной ветви рода — Потоцкие из Тульчина (на Украине), которых представлял Н. Н. Новосильцев — близкий приятель вдовы Щ. Потоцкого Зофьи. Разумеется, в новую эпоху не приходилось говорить о прежнем противостоянии Потоцких и Чарторьских в дискуссиях о политических реформах в шляхетской Речи Посполитой, однако весьма весомый голос магнатов, несомненно, прозвучал и на этот раз в деле составления Конституции Королевства Польского.

Вторую группу причастных к разработке конституции составляли юристы и бюрократы. Они происходили из среды богатой шляхты и имели, как и представители магнатских верхов, прочные личные связи в правительственных кругах Петербурга, пользовались в той или иной мере протекцией Александра I. В этом смысле повторилась политическая ситуация в Речи Посполитой в последней трети XVIII в., когда российская поддержка была решающим условием обретения претендентом того или иного государственного поста.

Участники выработки проекта конституции представляли две генерации польских политиков. Т. Островский, С. Замойский, Ф. Грабовский, С. К. Потоцкий, А. Линовский, Т. Матушевич принадлежали к старшему поколению. Их мировоззрение и карьера были заложены и сформированы еще во времена Станислава Августа, когда политической жизнью Речи Посполитой заправляли магнатские группировки и русское посольство. Их политические позиции и симпатии определялись сословными интересами польского рыцарства, политическими традициями прежней шляхетской Речи Посполитой эпохи Четырехлетнего сейма и носили выраженный консервативный характер. К следующему поколению политиков, достигших своего тридцатилетия только с началом нового века и уже в разделенной Польше, относились А. Е. Чарторьский, Л. Плятер и И. Соболевский. Их становление происходило в эпоху наполеоновских войн, во время которых они были далеки от Княжества Варшавского и от других стран наполеоновского блока в Европе. Преобладание в ходе подготовки конституции политиков старшего поколения едва ли можно убедительно объяснить только потребностью в государственной мудрости пожилых людей, обладавших необходимым политическим и житейским опытом. Наверное, при подборе

участников конституционного процесса принимались во внимание и эти качества, однако не они имели принципиальное значение. Главной была консервативная позиция людей, стремившихся к реставрации старой шляхетской Речи Посполитой в тех пределах и границах, которые допускались европейской реакцией и были возможны в политической ситуации после Венского конгресса.

Говоря об участниках составления проекта Конституции Королевства Польского, нельзя не указать на исключительное значение в этом русского влияния. Оно было обусловлено не только внешними обстоятельствами: политической гегемонией России в Европе после победы над Наполеоном, присутствием русских войск в Княжестве Варшавском и венскими постановлениями и трактатами. Авторами проекта конституции были не столько А. Е. Чарторьский, Л. Плятер и члены комиссии Т. Островского, сколько сам Александр I, Н. Н. Новосильцев и российские креатуры А. Линовский и И. Соболевский. Подобную же роль, хотя и в меньшей степени, разделили с последними и некоторые другие участники конституционного процесса.

Наконец, в мировоззрении и политических взглядах составителей новой конституции самым причудливым образом сочетались дворянская реакционность с элементами шляхетского либерализма. В большинстве своем участники разработки конституции были последовательными консерваторами, однако они поддерживали введение таких буржуазных по форме новелл, как разделение властей и провозглашение политических свобод: неприкосновенности личности, свободы слова, печати и т. п. Эти нормы, за исключением разделения властей, уже существовали в прежней Речи Посполитой чуть ли не с конца XVI в. в виде шляхетских привилегий, установленных частью законодательно, частью по традиции, и теперь, в начале XIX века, подобные нормы (новые по форме и отнюдь не новые по существу) не только не противоречили сословному господству шляхты и ее привилегиям, но в определенной мере их дополняли и расширяли.

Проявившееся при подготовке конституции сочетание в общественном движении на польских землях, прежде всего в Королевстве Польском, шляхетской реакционности и дворянского либерализма не было только польским явлением. В начале XIX в. оно было характерно для всех стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и для России, где общественное движение, приобретая под воздействием «духа времени» национальные формы, по своему социально-политическому содержанию, целям и движущим силам оставалось дворянским. В рамках этого дворянского движения пока еще не вполне определились его основные направления (революционное, либеральное и охранительное). Поэтому представители либерального течения, в зависимости от политической ситуации и преобладавших общественных настроений, могли присоединиться как к консервативному, так и к революционному лагерю. На польских землях размежевание общественного движения осложнялось наличием общих целей национально-освободительного характера, что создавало возможность объединения консервативных и либеральных сил на основе сохранения шляхетского сословного господства и «отдельного» от России конституционного строя Королевства Польского. Вместе с тем идентичность соци-

альной природы и сословного характера социального устройства и общественного движения в России и в Королевстве Польском открывала возможность их известного взаимодействия, что, в частности, и проявилось в феномене польского конституционализма в составе Российской империи.

2. Конституция Королевства Польского 1815 г.

Конституция Королевства Польского³⁸ на французском языке именовалась Конституционной хартией, как аналогичный основной закон Людовика XVIII, что лишнее раз подчеркивало ее связь с политической системой Реставрации. Конституция состояла из 165 статей, объединенных в 7 разделов, три из которых дополнительно подразделялись на части. Разделы были озаглавлены: I. «Политические отношения Королевства» — 10 статей; II. «Общие гарантии» — 24 статьи; III. «О правительстве» — 49 статей. Внутри третьего раздела были выделены части: «О короле»; «О регентстве»; «О наместнике»; «О Государственном совете»; «О департаментах правительства»; «Об администрации воеводств». Раздел IV, озаглавленный «О народном представительстве», состоял из 52 статей. В нем были выделены части: «О Сенате»; «О Посольской избе»; «О сеймиках»; «О гминных собраниях»; «О советах воеводств». Раздел V «О судопроизводстве» подразделялся на «Общую часть» и специальные части: «Мировые судьи», «Суды первой инстанции», «Апелляционные трибуналы», «Верховный трибунал», «Сеймовый суд». Заключительные два раздела конституции были озаглавлены: VI. «О вооруженных силах» и VII. «Общие установления».

В первом разделе конституции были определены фундаментальные основы статуса государства и системы государственного права Королевства Польского, а также его отношение к России. Королевство «навечно» соединялось с Российской империей. Соединение это осуществлялось «в особе монарха» путем установления общей правящей наследственной династии в России и в Польше в лице российского императора Александра I, провозглашенного польским королем, и его преемников. Соединение заключалось также в общей для обеих стран внешней политике. Российский император (он же польский король) получал право объявления войны и заключения мира, определял участие Королевства Польского в войнах, которые вела Россия. При этом независимо от территории (российской, польской или иностранной), на которой находились бы участвовавшие в войне российские и польские войска, российская армия содержалась за счет средств России, а польская — за счет Королевства Польского. Российский император заключал от имени России и Польши международные трактаты и торговые договоры. В случае своего отсутствия в Королевстве он назначал наместника и наделял его соответствующими полномочиями. В истории шляхетской Речи Посполитой на королевском престоле не раз оказывались монархи-иностранцы, подолгу пребывавшие у себя на родине. Однако ни польское государственное право, ни политическая традиция шляхетской республики не знали должности наместника. Даже для ее обозначения в конституции Королевства был применен русский по происхождению термин. По-

явление уполномоченного императором-королем наместника, разумеется, свидетельствовало об усилении власти монарха, однако это же указывало и на другую тенденцию. Во-первых, ограничивались возможности царя по управлению страной, условно говоря, извне, из-за ее пределов, и, во-вторых, исключалась возможность вмешательства российских правительственных учреждений в дела Королевства Польского, хотя бы и по указу императора, поскольку в Польше его должен был замещать наместник. Наконец, на должность наместника могли претендовать влиятельные магнаты и политики, как, например, А. Е. Чарторьский или С. К. Потоцкий, и тогда наместничество стало бы институтом, укреплявшим относительную самостоятельность Королевства в его связи с Россией.

Таким образом, уже в первом разделе конституции в полной мере нашло выражение стремление законодателя в максимальной степени сохранить самостоятельность Королевства Польского, ограничив условия его вхождения в состав Российской империи только общим монархом, прерогативой которого была бы исключительно внешняя политика. Королевство, согласно определенному в конституции его государственно-правовому статусу, представляло как одно из наследственных владений российской короны, но никак не часть Российской империи. Это дало основание польским историкам права определить характер взаимоотношений Королевства и Российской империи как «персонально-предметную унию»³⁹, в которой власть монарха была ограничена строго определенными в конституции предметами полномочий.

По поводу сформулированного таким образом определения конституционного статуса Королевства Польского в дальнейшем, уже со времени восстания 1830 г., развернулась напряженная политическая борьба, что нашло отражение в истории польского права и в целом в польской историографии особенно в связи с тем, что в текст конституции не было включено содержавшееся в «Основах конституции Королевства Польского» важное положение о конституции как о связующем «узле», соединяющем оба государства — Россию и Польшу. В польской общественной мысли обосновывался тезис, что, в соответствии с постановлениями Венского конгресса и заключенными в австрийской столице между его участниками трактатами о статусе Королевства Польского, провозглашение российского императора польским королем было сопряжено с условием конституционного ограничения прерогатив монарха и отдельного от Российской империи существования Королевства. Из этого вытекало, что вводимая конституция устанавливала не только государственный и политический строй Королевства, его правовую систему, но и пределы полномочий короля как главы исполнительной власти Королевства, а не как полновластного государя. В случае нарушения королем конституции, согласно трактовке принадлежавших к польскому патриотическому лагерю правоведов, утрачивала бы силу не только она сама, но и акт инаугурации короля и правящей династии, а также, что самое главное, становилось недействительным «соединение» Королевства Польского с Россией. Именно по этим правовым основаниям в ходе Ноябрьского восстания 1830 г. и была провозглашена детронизация Николая I. Таким образом, конституция 1815 г. рассматри-

валась как своего рода «*Pacta conventa*» — договор, заключавшийся между избранным королем и собравшимся на сейм господствующим сословием во времена шляхетской Речи Посполитой, или же как некий «общественный договор» в духе просветительских политических теорий.

В действительности конституция не была ни тем, ни другим. Согласно решениям Венского конгресса, конституционная система управления должна была быть установлена на всех польских землях в том виде, как это «сочтут удобным» монархи трех держав, и в соответствии «с духом польской нации». То есть ни о каких ограничениях власти российского императора, как и других государей, разделивших польские земли, не было и речи, а само понятие конституции подразумевало только законодательную систему, определявшую государственный и политический строй страны, а также основные права подданных. Конституция 1815 г. была «дарована» императором-королем, приобретшим этот статус прежде издания конституции и, следовательно, независимо от нее. В конституции нигде не говорилось о ее неизменности, поэтому, имея право издать ее без чьей-либо санкции, царь мог и изменить ее по своему усмотрению, что подтверждалось его правом дополнения конституции посредством Органических статутков. Наконец, ни постановления Венского конгресса, ни сама конституция не содержали правовых оснований для пересмотра положения о «связи на вечные времена» Королевства Польского и России или о характере такой связи.

Разумеется, приведенными аргументами, на которые опирались царские чиновники, дипломаты и юристы, не опровергаются правовые концепции польского освободительного движения. Сопоставление тех и других только доказывает историческую ограниченность и имманентно присущую правовым системам классовую односторонность норм права, которые, будучи по существу внутренне противоречивы, по своей форме должны исключать двоякое толкование. Альтернативная трактовка польской конституции свидетельствует, что она в универсальной законодательной форме по существу воплощала волю господствующей силы, каковой по отношению к Польше и выступала Россия. Поэтому для историка нормы права могут служить только свидетельством и отражением исторической реальности, своеобразным историческим источником, но ни в коем случае не основанием для суждений и оценок.

Вопрос об определении в конституции 1815 г. характера связей Королевства с Россией рассматривали видные польские историки права. Высказанные ими оценки положены в основу современной государственно-правовой характеристики конституционного статуса Королевства Польского 1815–1830 гг. в его отношении к Российской империи. С. Кутшеба в начале XX в. писал, что постановления Венского конгресса «отдавали Королевство Польское под власть российского императора и его наследников на российском престоле. Царь устанавливал администрацию Королевства и определял его территорию, как считал удобным. Конституция была объявлена узлом, которым Королевство навечно было связано с Россией»⁴⁰. А. Айненкель, который в начале XXI в. охарактеризовал определенную в конституции связь России и Польши как «персонально-предметную унию», писал в 1989 г., что «по Конституции Королевство Польское про-

возглашалось суверенным национальным государством [со всеми присущими атрибутами. — *Б. Н.*] [...]. Королевство было конституционным государством во главе с монархом (российским императором) самодержавным, абсолютным и не подлежащим конституционной ответственности, которую нес министр, контрассигновавший акты короля (императора)»⁴¹.

Вслед за определением статуса Королевства Польского как субъекта государственного права в Конституции Королевства Польского 1815 г. были зафиксированы фундаментальные права подданных. Этому был посвящен второй раздел «Общие гарантии». Он открывался определением статуса вероисповеданий. Как и в «Основах конституции Королевства Польского», здесь было конституционно установлено господствующее положение католической церкви при свободе иных христианских конфессий и предоставление епископам представительства в Сенате.

Конституция провозглашала, что все подданные, вне зависимости от сословной принадлежности, находятся под защитой закона. Однако этим формально подтверждалось сохранение сословий и их неравноправное положение. Конституция предоставляла подданным гражданские свободы, в том числе свободу печати (ст. 16). В конституции также подтверждалась старинная шляхетская привилегия, согласно которой никто из подданных не мог быть подвергнут аресту и заключению иначе как по приговору суда (ст. 18). Теперь формально эта норма распространялась и на представителей других сословий. В то же время это традиционное для польского законодательства право было записано в конституции в иной формулировке: «Никого не позволим подвергнуть заключению». Это изменение, как оказалось, не было сугубо стилистическим. Царь присваивал себе таким способом право разрешить или не разрешить арест без санкции суда. Впоследствии этим правом иногда пользовался наместник. Другим, как оказалось, существенным изъятием по сравнению с правовыми нормами шляхетской Речи Посполитой стало исключение права осужденного отбывать наказание только на территории Королевства Польского. Оно было установлено в XVIII в., дабы отнять у монархов из династии Веттинов возможность отправлять своих осужденных противников в Саксонию, в замок Кёнигштайн. Теперь русские цари получали право содержать польских заключенных в России.

В соответствии с духом Нового времени в конституцию были включены положения о праве частной собственности, которая была объявлена «священной и неприкосновенной». При этом в конституции предусматривалось, что если общественные нужды потребуют перевода частного владения в общественное достояние, то такой перевод проводился бы только в случаях, строго определенных законом, и за справедливое и предварительно уплаченное вознаграждение в установленном законодательством порядке. Эти нормы и ныне расцениваются юридической наукой как необходимая гарантия права собственности⁴². Однако с исторической точки зрения эти новеллы конституции 1815 г. отнюдь не выглядят ни универсальными, ни демократическими, принимая во внимание, что подавляющее большинство населения Королевства Польского — крестьянство и городские низы — было лишено собственности. К собственникам относи-

лись только шляхтичи-землевладельцы и узкий слой (также в значительной части шляхетский) собственников городской недвижимости, именно их «священные и неприкосновенные» права защищала конституция. Таким образом, под видом охраны права собственности скрывалась старая дворянская привилегия, шляхетское право исключительной сословной монополии владения землей. Защищая шляхетское землевладение от угрозы экспроприации, законодатель не только имел в виду практику российских и прусских властей того времени, под разными предлогами прибегавших на захваченных землях Речи Посполитой к конфискации или секвестру некоторых шляхетских владений, но, прежде всего, страшился революционного разрешения крестьянского вопроса. В революционную эпоху эта опасность, несомненно, осознавалась дворянством европейских стран, что и стало побудительным мотивом для проведения целого ряда крестьянских реформ в первой половине XIX в. Осознавала угрозу революционного уничтожения дворянской собственности на землю и польская шляхта, памятуя о якобинских декретах эпохи Великой французской революции, волны которой докатились и до польских земель в виде «польского якобинства» в еще совсем недавние времена восстания Т. Костюшко. Однако на практике законодательно определенное конституцией 1815 г. отчуждение частных земель для общественных нужд выглядело несколько иначе, нежели это следовало из буквы конституции. Согласно «установленному законом порядку», такой перевод осуществлялся на основании указа императора (или наместника) по представлению правительства⁴³.

Проникнутая духом дворянских привилегий, конституция зафиксировала и многие другие исключительные политические права шляхты, скрывавшейся в основном законе королевства под термином «землевладельцы». Все важные выборные государственные должности снизу доверху — председателей судов первой и второй инстанции, председателей комиссий воеводств и членов воеводских советов, послов сейма и депутатов трибуналов — должны были занимать только землевладельцы. В подавляющем большинстве шляхтичи находились и на тех должностях, к которым номинально имели доступ также и представители других сословий. Должности в правительстве замещались по назначению, и поэтому сословная принадлежность их обладателей не оговаривалась в конституции специально. Однако и на этих высших постах были исключительно дворяне, что, очевидно, вытекало из сословной политики властей. Указывая на привилегированное положение землевладельцев, польские историки права отмечают, что подобный подход означал существенное отступление от «демократических установлений» конституции Княжества Варшавского. «В этом, — по словам А. Айненкеля, — нашла выражение общая тенденция, проявившаяся на Венском конгрессе и усилившаяся в дальнейшем, — возвращение к жизни институтов и воззрений времени „старого порядка“, что недаром получило название Реставрации»⁴⁴. При этом восстановление дворянских привилегий в Королевстве Польском (в отличие от заимствованных из наполеоновского законодательства буржуазных новелл конституции Княжества Варшавского) не зависело непосредственно и только лишь от внешнего влияния, а было, прежде всего, продиктовано интересами шляхты как экономически

и политически господствующего сословия. Разумеется, в этом вопросе российские протекторы Королевства и правившего в нем сословия были вполне солидарны с польскими дворянскими конституционалистами.

Подобный статус шляхты вполне очевидно демонстрировал смысл провозглашенного конституцией «национального» характера польского государства — Королевства Польского. Еще со времени Люблинской унии 1569 г. и образования польско-литовской шляхетской республики — Речи Посполитой понятия «польский народ» и «польская нация» («Naród Polski») обозначали только шляхту как господствующее и привилегированное сословие Польско-Литовского «государства обоих народов». Другие сословия, независимо от своего этнического происхождения, не считались принадлежащими к «польскому народу» или к польской политической нации. Такое положение польской шляхты не было исключительным явлением, аналогичным статусом в Европе обладало и венгерское дворянство, объявившее себя «венгерской политической нацией».

Великая французская революция, отвергнув сословный принцип национальности и объявив представителей «третьего сословия» Национальным собранием, провозгласила принадлежность всех французских граждан к французской нации. Этим историческим актом было положено начало правовому оформлению современных наций. Однако в этом направлении предстоял еще длительный путь. В первой половине XIX в. на польских землях, как и у других народов Центральной и Восточной Европы, в политической системе, а также в политическом сознании и в правовой культуре, несмотря на отдельные новые явления, вызванные к жизни революционными потрясениями 1789–1795 гг., продолжали господствовать прежние сословные порядки, политические традиции и консервативные формы общественного сознания.

Это противоречие между новым значением понятия «нация» и его традиционным сословным содержанием нашло отражение и в Конституции Королевства Польского 1815 г. С одной стороны, по своей форме конституция 1815 г., как и конституция Княжества Варшавского 1807 г., соответствовала передовым образцам европейского конституционализма своего времени. С другой стороны, сохраняя в максимальной степени политическое господство дворянства и шляхетские привилегии, обе эти конституции служили консервации статуса шляхты как господствующего сословия, одним из существенных атрибутов которого являлась исключительная принадлежность к польской политической нации.

«Польская нация, — гласила статья 31-я конституции 1815 г., — на вечные времена будет иметь народное представительство, воплощенное в Сейме, объединяющем Короля и две палаты, первая из которых состоит из Сената, а вторая — из послов и депутатов от гмин (Naród Polski mieć będzie wiecznymi czasu reprezentację narodową w Sejmie, złożonym z Króla i z dwóch Izb, z których pierwsza składać się będzie z Senatu, druga z posłów i deputowanych od gmin)». Так в конституции был вновь провозглашен основополагающий принцип государственного устройства прежней Речи Посполитой о «трех чинах» шляхетской «Республики обоих народов» (Польши и Литвы). Формулировка приведенной статьи Конституции Королевства Поль-

ского отражает различные правовые традиции и весьма противоречива по своему содержанию. Старошляхетская политическая теория, согласно которой сейм объединял три чина Речи Посполитой — короля, Сенат и послов польского рыцарства, избранных на сеймиках, была отменена уже Конституцией 3 мая 1791 г. Однако, если во времена польско-литовской шляхетской республики сейм обладал всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, которые были тогда нераздельны, то, согласно конституции 1815 г., статус сейма был низведен до уровня «народного представительства», когда «объединение» короля и палат сейма было лишено всякого смысла, а правительство вообще оставалось за пределами этой конституционной конструкции. Появление в Посольской избе депутатов от гмин (общин) рядом с избранными на сеймиках представителями шляхты (послами) было на первый взгляд только повторением системы, принятой в Княжестве Варшавском. Однако ее происхождение также представляет интерес, поскольку она не имеет ни прямых французских или других зарубежных аналогов, ни непосредственной связи с польскими правовыми традициями. Имеющиеся свидетельства позволяют ответить на вопрос о ее происхождении только предположительно.

Еще со времени Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. одним из наиболее привлекательных образцов для польских шляхетских реформаторов были английские политические порядки, в условиях ограниченной королевской власти в наибольшей степени сохранившие традиции сословно-представительной монархии. По-видимому, представительство общин в британском парламенте, в котором в начале XIX в. господствовало «новое дворянство» и связанная с ним верхушка буржуазии, и послужило примером для составителей конституций Княжества Варшавского и Королевства Польского. Другим не менее важным по значению источником этого нововведения, также относящимся к эпохе Четырехлетнего сейма, стал проект Г. Коллонтая о допуске горожан (крайне ограниченном) к участию в сейме. Примечательно, что целью своего плана он видел не трансформацию существовавшей сословной и политической системы, а укрепление шляхетской Речи Посполитой и господства дворянства посредством привлечения верхов мещанства на сторону лагеря шляхетских реформаторов.

Таким образом, провозглашая «национальный характер» Королевства Польского, конституция 1815 г. в действительности закрепляла его шляхетский характер, подтверждала шляхетские сословные привилегии и политическое господство шляхты во всех областях. С этой точки зрения можно рассматривать и все другие установленные конституцией «национальные права», такие как право на занятие исключительно поляками всех общественных должностей и использование в общественной жизни и в администрации только польского языка. Эти нормы призваны были дополнительно подчеркнуть «отделенность» Королевства Польского от России. Правда, как в реальности, так и согласно конституции, правом подлинного участия в администрации и в общественной жизни в подавляющем большинстве обладали дворяне, в некоторой степени — городские верхи и разночинцы, и практически его были лишены демократические слои городского и сельского населения.

Раздел третий «О Правительстве» был посвящен организации государственной власти Королевства Польского и роли в ней короля — государя. Хотя в «Основах конституции» и в Конституции Королевства Польского 1815 г. в качестве конституционной нормы и провозглашался принцип разделения властей, сформулирован он был весьма туманно. Как писал С. Кутшеба, «теоретически в конституции был заложен принцип разделения властей, однако он не получил в ней конкретного воплощения»⁴⁵. Отмеченная неопределенность эта была двоякого рода. Во-первых, техническая передача административных, законодательных и судебных функций отдельным специализированным учреждениям была присуща системам государственного управления практически всех государств Нового времени, в том числе и шляхетской Речи Посполитой, и Российской империи XVIII в. В этом смысле конституция 1815 г. не содержала ничего существенно нового. Во-вторых, функциональное разделение государственных учреждений отнюдь не означало разделения властей (в собственном значении этой нормы публичного права), то есть властей, независимых одна от другой и обладавших полномочиями равного уровня. Конституцией 1815 г. разделения властей в этом значении установлено не было. Такой подход был несовместим с верховными правами императора (польского короля) в законодательной, исполнительной и судебной сферах государственного управления Королевства Польского. Введенные конституционные нормы призваны были только ограничить возможный произвол отдельных учреждений государственного аппарата, и не более того. Они никак не затрагивали нераздельность государственной власти в ее основе. Это касалось и общих положений о разделении властей, и в особенности конституционных норм, регулирующих полномочия, структуру и функции органов государственной власти, первенство среди которых принадлежало Правительству Королевства Польского.

В основном законе 1815 г. была повторена формула конституции Княжества Варшавского: «Правительство состоит в особе короля». Тем самым два других чина прежней Речи Посполитой (Сенат и Сейм) если и не лишались статуса органов государственной власти, то явно утрачивали равноправие с правительством. «Особа короля, — говорилось в конституции 1815 г. далее, — священна и неприкосновенна». Это положение конституции представляло собой новеллу польского государственного права. Основанием для нее послужил статус Александра I как русского царя и правящего монарха наследственной династии в Королевстве Польском⁴⁶. Однако подобного определения государя в русском праве не существовало^{47*}.

* В российском законодательстве статус и прерогативы царя (императора) юридически основывались на «Соборном уложении» 1649 г.; «Генеральном регламенте» 1721 г.; указе Петра I и законе Павла I «О престолонаследии» и на ряде других законодательных актов и манифестов российского самодержавия. В них получила правовое оформление абсолютная власть монарха, предусматривались санкции за «измену» и покушение на царя, однако не содержалось специального положения о его неприкосновенности, хотя именно в этом духе и было составлено законодательство, которое в 30-е гг. XIX в. в кодифицированном виде вошло в Свод законов Российской империи.

Конституционная норма «священности и неприкосновенности» монарха основывалась, вероятно, на принципах Реставрации и возникла, чтобы не допустить впредь юридических оснований для свержения государя и революционного суда над ним. В русской юриспруденции положение о неприкосновенности царя могло быть связано только с вынесенным Верховным уголовным судом в 1826 г. приговором декабристам, главным обвинением в отношении которых было покушение на цареубийство, и с последующим законодательством об императорской фамилии. Неприкосновенность короля как норма польской конституции могла также вытекать из постановлений Четырехлетнего сейма об уничтожении права конфедерации и из Конституции 3 мая 1791 года. Согласно ей король обладал иммунитетом от политической ответственности, которая возлагалась на правительство («Стражу законов»).

Конституция Королевства Польского 1815 г. относилась к исключительным правам польского короля (он же российский император) все военные дела, включая объявление войны и заключение мира. Армия Королевства Польского была полностью подчинена российскому императору (как королю польскому), который мог ввести в Польшу русские войска, а польские — в Россию. Использование царем польских войск, согласно конституции, ограничивалось пределами Европы. В Польской армии, как и во всех государственных учреждениях Королевства Польского, сохранялась польская система чинов, польский язык. Все должности в армии должны были занимать только поляки. После оглашения конституции Войску польскому были переданы боевые знамена с изображением белого орла на красном поле. Иных государственных символов на знаменах не допускалось⁴⁸. Осуществление царской политики в отношении Польской армии возлагалось на великого князя Константина, который полностью сосредоточил в своих руках руководство войсками. В этих условиях значение Правительственной военной комиссии Королевства было минимальным, а сама комиссия играла сугубо декоративную роль.

Помимо военных дел, к прерогативам российского императора конституция относилась распоряжение доходами Королевства Польского (король сам утверждал государственный бюджет), назначение на все административные должности, пожалование достоинством сенатора и номинацию на сан епископа. Король обладал правом помилования, а также возведения в шляхетское достоинство (право нобилитации), пожалования титула и еще целым рядом прерогатив. Он располагал широким кругом других властных полномочий, а в области законодательства имел право в дополнение к конституции издавать Органические статуты и утверждать принятые сеймом законы.

Конституция устанавливала, что актом обретения королем трона является его коронация в столице. Однако точного определения, какой именно город является столицей Королевства Польского, в ней не содержалось. Эта неопределенность послужила впоследствии поводом для коллизии, когда вступивший в 1825 г. на российский престол Николай I не сразу согласился короноваться в Варшаве, настаивая, что Петербург является столицей и для Королевства Польского.

В конституции 1815 г. принципиальным противоречием в определении полномочий короля было, с одной стороны, признание его статуса абсолютного монарха, «даровавшего» конституцию, а с другой — установление неких пределов (хотя весьма условных и никоим образом не ограничивавших королевской власти) монарших прерогатив и полномочий. Оно возникло вовсе не из-за редакционных погрешностей в формулировке тех или иных статей конституции и отнюдь не было сугубо польским явлением, так как проявлялось повсеместно, всюду где, согласно правовым воззрениям эпохи Просвещения, провозглашался принцип верховенства закона. Со всей очевидностью это противоречие нашло выражение и в России в связи с конституционными проектами в период царствования Александра I, например, в проекте М. М. Сперанского. Причина такой антиномии состояла в несовместимости абсолютизма (хотя бы и просвещенного) с конституционными формами государственного управления. Это вполне определенно отразилось в государственном устройстве Королевства Польского 1815–1830 гг. и в его конституции. Включение в ее третий раздел части «О короле» формально делало польского государя конституционным монархом. Однако конституция провозглашала, что за свои действия король не несет конституционной ответственности. Внешне эта форма была заимствована из Конституции 3 мая 1791 г., но принципиально отличалась от нее по существу. По конституции 1791 г. свободный от ответственности король не обладал никакими реальными полномочиями. Тогда вся власть в шляхетской республике была сосредоточена в сейме — в им назначенном и перед ним ответственном правительстве. Единственной функцией короля в то время оставались «добрые дела», а следовательно, не могло быть и ответственности монарха. Напротив, в государственном устройстве Королевства Польского по конституции 1815 г. положение было принципиально иным. От ответственности освобожденный монарх, обладавший практически неограниченной властью. Чтобы хотя бы по видимости разрешить это противоречие, в конституции была установлена норма, согласно которой все указы и повеления государя подлежали контрассигнации одного из министров, на которого и возлагалась ответственность за принятое решение. Законодатель исходил из того, что министр может отказаться подписать неправомерное распоряжение короля и будет обязан дать отчет сейму за принятое постановление. Своеобразной гарантией могло бы послужить и то, что в этом случае королевские повеления будут даны в Варшаве, где работают министры и где распоряжения монарха могут быть соответственно контрассигнованы.

Практика министерских контрассигнаций имела достаточно широкое распространение в Европе. С XVIII в. она применялась и в России, однако здесь силу закона обретали все без исключения императорские повеления, а дополнительное наличие подписи министра влияло только на определение формы акта верховной власти. В Королевстве Польском принцип контрассигнации соблюдался более строго, хотя он практически не являлся препятствием для монаршего произвола, поскольку не составляло труда сыскать министра, готового не глядя подписать любое королевское распоряжение, после чего оно приобретало силу закона. При этом контрассигновать указ короля мог любой министр, независимо от ведомства, по

которому указ был издан. Мало того, указ обретал законную силу даже после отказа одного министра подписать его, если он все же был подписан другим. Довольно быстро был найден способ оформлять королевские указы в Петербурге или в другом месте, где бы ни находились царь и его двор. В частности, с этой целью была учреждена должность министра-государственного секретаря, представлявшего правительство Королевства Польского при особе императора-короля.

Отдельная часть третьего раздела конституции посвящалась наместнику. Назначенный по указу государя, он присягал на верность конституции и получал право издавать декреты верховной власти. Будучи по должности председателем органа исполнительной власти — Административного совета, он принимал постановления от его имени, голоса прочих членов совета по отношению к решению наместника имели совещательный характер. К конституционным полномочиям наместника относилось представление королю двух кандидатов для посвящения в сан архиепископа и епископов, а также для назначения сенаторов, министров и других должностных лиц. Кроме этого, по усмотрению государя, в ведение наместника могли быть переданы королевские функции.

29 апреля 1818 г. Александр I назначил наместником генерала Ю. Зайончека и передал ему всю полноту исполнительной власти в Королевстве, за исключением внешней политики. Наместник получил право созыва сеймов, сеймиков и гминных собраний, утверждения государственного бюджета. В его ведении находились также все дела по военному ведомству. В этом вопросе Зайончек должен был непосредственно взаимодействовать с великим князем Константином как главнокомандующим Польской армией, что обрекало их как на скрытое соперничество, так и на тесное сотрудничество. По мнению поляков-современников, воспринятому впоследствии и польской историографией, Зайончек был послушным орудием Константина. Однако конкретных примеров вторжения великого князя в сферу компетенции наместника было отнюдь не много. Во всяком случае, арбитром в отношениях между ними выступал император, что позволяло Александру I надежно контролировать обоих наиболее влиятельных лиц в Королевстве. Царь также передал Зайончеку право назначения на пожизненные должности, присвоения титулов и королевских наград. Свои решения, которые требовали формального прохождения через Государственный совет, наместник должен был предварительно согласовывать с королем, а с мнениями министров мог и не считаться.

Формально власть наместника, находившегося на вершине гражданской администрации Королевства, была чрезвычайно велика, действительность же выглядела по-другому. Человек слабохарактерный и вполне сознававший отведенную ему роль, Зайончек во всем подчинялся воле подлинных властителей Королевства Польского — великого князя Константина и Н. Н. Новосильцева⁴⁹. Разумеется, оказавшись в должности наместника А. Е. Чарторыйский или С. К. Потоцкий, положение могло бы быть иным. Зайончек не имел собственных многочисленных сторонников, за ним не стояли ни магнатские, ни шляхетские группировки, ни воеводские шляхетские корпорации. Генерал был относительно небогат. Он целиком зависел

от благоволения российских властей, которые выдвинули его на высокий пост и чью волю он и должен был беспрекословно исполнять. В известной мере схожий удел выпал и на долю Н.Н.Новосильцева — «злого гения» Польши (с точки зрения тогдашнего польского общества, а вслед за ним и польской историографии). Среди «молодых друзей» великого князя Александра Павловича он был старший по возрасту и более четверти века провел в ближайшем окружении императора Александра I, пользуясь все эти годы его полным доверием. Правда, последнее едва ли можно было утверждать по отношению к кому бы то ни было, имея в виду свойственные царю скрытность и двуличие. Во всяком случае, Новосильцев был едва ли не единственным из приближенных Александра I, кто, выполняя деликатные императорские поручения, будь то надзор за великим князем Константином или подготовка «Уставной грамоты русскому народу», в течение долгих лет так и не испытал на себе царской немилости или опалы. Такая карьера была бы невозможной, если бы Новосильцев хоть в чем-то проявил свою индивидуальность, обнаружил бы собственные политические устремления. Он был просто второй ипостасью своего коронованного патрона, благодетеля и друга. Однако Новосильцев не только умел предугадывать настроения и подлинные намерения императора. Он был ловким царедворцем, чутко реагируя на изменения в правительственных сферах Петербурга, где влиятельные представители русской бюрократии и дворянских верхов не скрывали недовольства ни конституционными увлечениями, ни эфемерными польскими планами царя. Таким образом, ни показное дружелюбие Новосильцева к полякам, ни его закулисное противодействие их устремлениям не были в натуре самого генерального комиссара. Все и хорошее, и дурное, что делали Новосильцев и Зайончек в Польше, едва ли может быть признано их заслугой или же поставлено им в вину лично. Они были только выразителями той политики, которую проводили на польских землях консервативные правящие круги России и Королевства Польского во главе с российским императором и польским королем Александром I.

К высшим государственным учреждениям Королевства принадлежал Государственный совет, в рамках которого под одним названием сосуществовали два практически самостоятельных института государственной власти: Административный совет (*Rada administracyjna*) и Общее собрание Государственного совета (*Zgromadzenie Ogólne Rady Stanu*). В состав Административного совета входили: наместник (председатель совета), пять министров, а также лица, специально назначенные королем. По конституции Административный совет был совещательным органом при наместнике. В составе Административного совета работали пять Правительственных комиссий (министерств) во главе с министрами. Через Правительственные комиссии и их аппарат Административный совет, помимо своих совещательных функций, также должен был проводить в жизнь решения наместника и королевские указы. На него возлагалась подготовка материалов для Общего собрания Государственного совета. Наместник еженедельно направлял королю отчеты о работе Административного совета. После смерти в 1826 г. Ю.Зайончека Николай I не назначил нового наместника, и все наместнические функции были переданы ADMINISTRA-

тивному совету, который с этого времени стал играть роль высшего органа исполнительной власти Королевства Польского.

В Общее собрание Государственного совета, которое в дальнейшем стало именоваться просто Государственным советом, входили: наместник и 5 министров (за исключением министра – государственного секретаря), 10 статских советников, в числе которых 9 директоров и членов Правительственных комиссий, а также секретарь Государственного совета, возглавлявший его канцелярию. Все они по должности были также членами Административного совета. Кроме них, членами Общего собрания были: председатель Счетной палаты, делегаты Верховного трибунала, заседавшие в Правительственной комиссии юстиции, и генеральный прокурор, далее следовали специально назначенные члены Общего собрания: 10 референдариев (без жалования) и вице-секретарь, не имевший в Собрании права голоса. В целом Общее собрание Государственного совета насчитывало в своем составе несколько десятков человек, собиралось оно относительно редко и только по распоряжению наместника.

По своим функциям Государственный совет Королевства Польского напоминал Государственный совет времени Княжества Варшавского. В его задачу входила подготовка или предварительное рассмотрение проектов королевских указов и направляемых в сейм законопроектов, при этом Государственный совет выносил о них суждение с точки зрения как их соответствия законодательству, так и потребностям государства. Проекты этих актов государственной власти чаще всего рассматривались Административным советом, реже — Общим собранием Государственного совета, однако в итоге проект выходил как прошедший обсуждение в Государственном совете. Процедура одобрения Государственным советом тех или иных проектов считалась завершенной только после утверждения его мнения королем. Таким образом, ни один законопроект не мог выйти из Государственного совета и поступить в сейм без предварительного одобрения королем или наместником. В большинстве случаев законопроекты готовились в Правительственных комиссиях и в дальнейшем направлялись наместником в Государственный совет.

Государственный совет был отстранен от разработки и обсуждения государственного бюджета, хотя такое обсуждение и предусматривала конституция. В то же время в дополнение к конституционным полномочиям Органическим статутом 1817 г. в ведение Общего собрания было передано особое административное судопроизводство, сторонами в котором выступали органы государственной власти и местного управления. На практике Общее собрание в этом случае давало санкцию на привлечение к суду чиновников за должностные нарушения или злоупотребления. В то же время Общее собрание утратило статус кассационной инстанции по судебным делам общей юрисдикции. Таким образом, по своим функциям и месту в государственном управлении Административный совет и Общее собрание Государственного совета не были непосредственно связаны друг с другом и представляли собой два самостоятельных государственных учреждения, которым по конституции было присвоено единое название. Объединял их только в известной части общий персональный состав.

Входившим в состав Административного совета министрам были подчинены пять Правительственных комиссий, в которых они председательствовали. По функциям и структуре комиссии соединяли в себе как коллегиальное, так и министерское начало. Конституция, тем самым, возвращалась к государственному устройству, наминавшему по форме правительственные комиссии времени короля Станислава Августа, однако по существу оно подверглось весьма существенной модификации.

Согласно конституции, функции исполнительной власти — исполнение законов и постановлений органов власти — были возложены на ответственного министра, который действовал в соответствии с министерскими принципами единоначалия и персональной ответственности перед верховной властью в рамках отведенных полномочий через подчиненный ему аппарат чиновников. Однако в известной мере эти принципы сочетались с коллегиальными методами управления, поскольку принимаемые министром решения он должен был согласовывать с членами своей комиссии, выступавшей таким образом в целом в роли коллегии. К такого рода функциям Правительственных комиссий относились: подготовка проектов законов и других актов государственной власти, в том числе правительственных инструкций; комиссии управляли специальными фондами, предоставляли отчеты королю и правительству по направлениям своей деятельности, ведали отбором кандидатов на высшие административные должности и назначением прочих должностных лиц.

Организационная структура Правительственных комиссий была различной и изменялась с течением времени, возглавляли их министры и генеральные секретари, в ведении последних находилась организация текущей деятельности комиссии и ее делопроизводства. Помимо пяти министров, председательствовавших в соответствующих комиссиях, был и шестой — министр — государственный секретарь, который постоянно находился при короле и не возглавлял комиссии. Как писал М. Хандельсман, в частности и о министрах, «Александр I по совету Новосильцева назначил на высшие должности тех деятелей, которые более других демонстрировали преданность императору и свои реакционные взгляды»⁵⁰.

Первой из Правительственных комиссий и самой большой по численности была Правительственная комиссия религиозных исповеданий и общественного просвещения. Ее регламент был установлен Органическим статутом 1818 г. и впоследствии изменен в 1821 г. Подразделялась комиссия на три дирекции: 1) Общая дирекция вероисповеданий; 2) Дирекция духовных и просветительных учреждений; 3) Дирекция общественного просвещения. Входили в комиссию 16 членов, в том числе два статских советника. Согласно Органическому статуту 1821 г., в составе комиссии была образована Духовная римско-католическая секция, в которой председательствовал примас и заседали еще два епископа и 4 референдария. Первым министром просвещения стал С. К. Потоцкий, возглавлявший комиссию с 1818 до 1820 г. Одним из ее членов, входивших в дирекцию общественного просвещения, был епископ Ю. Щ. Козьян (брат К. Козьяна, который также одно время работал в комиссии в должности референдария). Уже по структуре и составу комиссии можно было судить о клерикальных

тенденциях в ее деятельности, как это и задумывалось создателями Королевства. Деятельность Потоцкого в правительстве Королевства Польского носила весьма противоречивый характер. Он поддерживал официальный политический курс властей, вместе со С. Сташицем участвовал во введении цензуры, за что подвергся нападкам со стороны либеральной оппозиции в сейме, грозившей в 1819 г. даже отдать его и Сташица под суд. Однако и комиссия, и возглавлявший ее С. К. Потоцкий внесли выдающийся вклад в развитие просвещения, высшего образования и культуры как Королевства, так и Польши в целом. Во многом благодаря их усилиям в Королевстве была налажена работа учебных заведений⁵¹. Под руководством Потоцкого были осуществлены плодотворные начинания в области культуры, основаны многие просветительские и научные учреждения^{52*}. Роль братьев Игнация и Станислава Костки Потоцких в реформаторском лагере времени шляхетской Речи Посполитой в годы Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., а также вклад С. К. Потоцкого в развитие польской культуры снискали ему известность как человеку прогрессивных взглядов, что в свою очередь порождало недоверие к нему среди откровенных реакционеров и обскурантов. В результате под давлением слева и справа Потоцкий вынужден был в 1820 г. уйти в отставку с поста министра.

Во главе комиссии его сменил крайний консерватор и клерикал Станислав Грабовский⁵³, в прошлом секретарь Государственного совета Княжества Варшавского. Его личность и жизненный путь стали, в известной мере, воплощением противоречивой и трагической эпохи. Родился он в семье генерала Я. Е. Грабовского и был незаконным сыном Станислава Августа и Изабеллы из рода Шидловских, ставшей морганатической женой короля. Вместе с матерью С. Грабовский жил в Королевском замке. В 1794 г. Станислав Август отправил его для завершения образования в Рим. В Италию после отречения от престола намеревался перебраться и сам польский король, однако последние годы жизни он провел в Петербурге, куда за ним последовала и Изабелла с сыновьями. Уже в то время С. Грабовский получил известность как человек, обладавший обширными познаниями и эрудицией, отличавшийся необычайными способностями и незаурядной памятью. В духе времени и в соответствии с воззрениями тогдашней аристократической молодежи он следовал идеям Просвещения. Во время пребывания в Петербурге Грабовский пользовался покровительством Павла I и Н. В. Репнина, был в кругу детей Ожаровских (деятелей Тарговицкой конфедерации 1792–1793 гг.), дружил с молодыми представителями тульчинской ветви Потоцких, а также был близок с А. Е. Чарторыским, Новосильцевым и великим князем Константином.

Станислав Август при жизни переводил жене и детям значительные средства, однако сыновья их быстро растратили, а имение С. Грабовского было продано за долги. Стремясь поправить материальное положение, его брат Михал обручился с Лаурой Потоцкой и в 1805 г. женил Станислава на Цецилии Дембовской, воспитывавшейся в Пулавах под опекой Чарто-

* Подробнее о деятельности С. К. Потоцкого и Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения см. гл. 6.

рыских. В 1808 г. С. Грабовский вернулся в Варшаву, где при поддержке А. Рожнецкого и маршала Л. Даву занял пост секретаря Государственного совета Княжества Варшавского, вопреки позиции Ф. Лубеньского, возражавшего против его назначения. На следующий год, благодаря хлопотам Ю. Понятовского, правивший в Княжестве саксонский король Фридрих-Август I пожаловал С. Грабовскому 18 тыс. злотых ежегодной пенсии, что позволило тому поправить свое материальное положение.

В 1812–1813 гг. С. Грабовский потерял самых близких людей: под Смоленском умер от ран брат Михал, а затем погиб двоюродный брат — Ю. Понятовский. Видимо, обрушившиеся несчастья тяжело сказались на его моральном состоянии. С. Грабовский выказал решительное неприятие курса правящих кругов Княжества Варшавского на сближение с Россией. Он протестовал против занятия Княжества русскими войсками (на что тогда отважились немногие) и, невзирая на уговоры родителей жены, отказался от сотрудничества с А. Е. Чарторьским. Грабовский покинул тогда столицу и уехал в имение Маркушев под Бронницами. Здесь под влиянием близкого общения с Л. Потоцкой (нареченной покойного брата) и иезуитом Ш. Семашко он проводил целые дни в молитвах, окончательно расставшись с вольтерьянскими увлечениями юности и став ревностным католиком и убежденным клерикалом. Жене с трудом удалось вернуть его к активной деятельности, в чем сыграли свою роль и материальные затруднения семьи. Чтобы поправить дела, Грабовский по совету Дембовских поступил на службу, став переводчиком с польского на французский язык различных материалов, предназначенных для Александра I. Сделанные Грабовским переводы большей частью касались проектов создания Королевства Польского и его государственного устройства. Царь высоко оценил набожность и разносторонние дарования своего сотрудника. Нельзя достоверно утверждать, ограничивалась ли его роль только услугами переводчика или Грабовский оказал какое-то воздействие на мнение императора по существу поставленных вопросов. Сложно также охарактеризовать его отношения в это время с А. Е. Чарторьским, о которых свидетельствовало только избрание Грабовского и Л. Дембовского по рекомендации и при поддержке князя Адама послами на сейм 1818 г. На сейме Грабовский примкнул к клерикальному лагерю. Тогда же возобновились его отношения с Новосильцевым и великим князем Константином. В 1820 г., накануне отставки С. К. Потоцкого, в Пулавах надеялись, что его преемником на министерском посту станет Л. Дембовский. Однако в это время он, овдовев, женился вторым браком на Юлии Забелло, что привело его на сторону «гжибовцев» и к разрыву с «партией» Чарторьского. В итоге на должность председателя Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения был назначен С. Грабовский, который проводил в правительстве линию «гжибовской котерии».

Остальные комиссии по своему количественному составу были значительно меньше. Так, Правительственная комиссия юстиции состояла из министра и трех статских советников, которые одновременно являлись руководителями Верховного трибунала и соответственно возглавляли в комиссии три дирекции: дирекцию администрации и контроля, а также

гражданского и уголовного судопроизводства. Первым министром юстиции Королевства Польского стал Т. Вавжецкий, полгода занимавший эту должность. В мае 1816 г. его сменил В. Соболевский. С этого времени комиссия оставалась в сфере влияния «гжибовцев», когда ее в дальнейшем последовательно возглавляли: протезе И. Соболевского — Ф. Венгленский, а потом М. Бадени, в прошлом секретарь Станислава Августа, и вновь сам И. Соболевский.

В Правительственную комиссию внутренних дел и полиции входили министр и три статских советника. Ей были подчинены: комиссия по поддержанию порядка (полиция), дирекция администрации, дирекция почт, дозорная служба, пожарная служба, дирекция дорог и мостов, медицинская комиссия и подчиненные ей больницы, строительный совет, комиссия по торговле и комиссия мер и весов, а также ряд других учреждений. Сфера деятельности комиссии внутренних дел была чрезвычайно многообразна и поистине огромна. Для руководства таким министерством требовался большой опыт и немалый административный талант. На должность министра был назначен Т. Мостовский, занимавший ее еще в 1812 г. в Княжестве Варшавском, а до этого бывший директором в министерстве финансов Княжества. Мостовский вступил в должность министра внутренних дел Королевства Польского 1 декабря 1815 г., среди первых назначенных Александром I на высшие государственные должности сразу после подписания царем конституции, а с 1817 г. он стал членом Административного совета, оставаясь на посту министра до Ноябрьского восстания 1830 г.

На сейме 1818 г. Мостовский с энтузиазмом демонстрировал лояльность Александру I, вместе с С. К. Потоцким выступал за сближение правительства с обществом, став одним из инициаторов «Писем доверия» («Listy ufności»), в которых политики и общественные деятели заявляли о верности государю и лояльности правительственному курсу. В то же время Мостовский высказывался в пользу свободы прессы и в защиту ее материальной независимости. Однако после 1819 г. он как министр содействовал установлению цензуры, на сейме 1820 г. проводил курс Ю. Зайончека, направленный на расширение полномочий правительства⁵⁴.

Один из важнейших департаментов Правительственной комиссии внутренних дел и полиции — дирекцию администрации возглавлял действительный статский советник (сенатор-каштелян с 1829 г.) К. Козьмян, переведенный на эту должность в 1821 г. из Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения⁵⁵. Еще во времена восстания Т. Костюшко в Речи Посполитой Козьмян исполнял обязанности секретаря комиссии доброго порядка Люблинского воеводства, так что проблемы местного управления были знакомы ему не понаслышке. В 1826–1827 гг. он являлся заместителем Т. Мостовского и был лоялен своему шефу. На всех должностях Козьмян последовательно представлял консервативное шляхетское направление общественного движения, критиковал с правых позиций политиков также консервативного толка С. К. Потоцкого и Ф. К. Друцкого-Любецкого. Вместе с тем он был близок к А. Е. Чарторыскому, критически относился к обскуранту С. Грабовскому и осуждал сервизм «гжибовцев».

При всем разнообразии сфер компетенции министра и возглавляемой им Правительственной комиссии внутренних дел и полиции главным направлением их деятельности было заведование полицией и тюрьмами. Шляхетская Речь Посполитая не знала ни одного, ни другого неотъемлемо присущего государству института в том виде, как они сформировались в Новое и Новейшее время. Полиция и тюрьмы в современном значении этих понятий появились на польских землях лишь в эпоху разделов страны. Первое специальное тюремное здание нового типа (в отличие от старых замков-крепостей, где содержались также арестованные и заключенные) было построено в Плоцке, на территории, захваченной Пруссией. Оно перешло «по наследству» к Княжеству Варшавскому, а затем Королевству Польскому и по сей день продолжает служить по первоначальному назначению.

Созданные на польских землях разделившими шляхетскую Речь Посполитую странами полицейские и тюремные учреждения были в трансформированном виде сохранены в Княжестве Варшавском, а в дальнейшем и в Королевстве Польском. В Королевстве их подчиненность различным ведомствам носила специфический характер. Так, тюрьмы находились в ведении Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, однако в части исполнения установленных судом наказаний ими ведал министр юстиции. Общий надзор за местами заключения осуществлял генеральный прокурор. Вместе с тем все принципиальные решения в этой области принимались наместником. Находившиеся в ведении Правительственной комиссии внутренних дел и полиции полицейские подразделения подчинялись министру, который производил все назначения в полицейском аппарате, а также в соответствующих отделениях воеводских комиссий.

Однако полицейские функции в Королевстве Польском наряду с подчиненной министру внутренних дел полицией выполняли и другие учреждения. Еще во времена, когда Варшава находилась в составе прусских владений, в городе прусскими властями была учреждена тайная полиция, которая затем продолжила свою деятельность и в Княжестве Варшавском. «Просвещенное» влияние Франции сказалось и в этой области, а традиции тайного политического сыска времен французской Директории и наполеоновского министра Ж. Фуше прижились и на польских землях. Тайная полиция оказалась как нельзя кстати и российской администрации 1813–1815 гг. В это время под началом Ланского и Новосильцева состояло 50 секретных агентов в Варшаве и 100 в провинции, на их содержание было ассигновано до 300 тыс. злотых⁵⁶.

С созданием Королевства Польского секретную полицию возглавил дежурный старший офицер главного штаба Польской армии и начальник личной охраны великого князя Константина российский майор Г. ван дер Ноот, после смерти которого, в 1818–1823 гг., на этом посту находился полковник Г. Кемпен. Однако подлинный размах секретному сыску придали Н. Н. Новосильцев и генерал, командующий кавалерией польской армии А. Рожнецкий.

Он происходил из богатой подольской шляхты, родился в 1774 г. в Варшаве, обучался в кадетском корпусе, 14-ти лет поступил на военную службу, в 1792 г. был сторонником патриотического лагеря, участвовал в боях

против отрядов Тарговицкой конфедерации и поддержавших конфедератов русских войск, а также в восстании Т. Костюшко. В годы наполеоновских войн Рожнецкий воевал в рядах Польских легионов и в Итальянской армии. В 1806 г. он возвратился в Польшу, где принял участие в создании армии Княжества Варшавского. В этот период он сблизился с Ю. Понятовским и пользовался его полным доверием. Вместе с наполеоновской Великой армией, в которой он командовал корпусом, Рожнецкий дошел до Москвы, участвовал в сражении под Можайском. В 1813 г. он стал начальником штаба в корпусе Ю. Понятовского, в «Битве народов» под Лейпцигом попал в русский плен. В общей сложности в 1792–1813 гг. Рожнецкий провел 9 кампаний и был 5 раз ранен, награжден орденами, в том числе стал командором ордена «Почетного легиона». Правда, как писал Ш. Аскенази, «в этой биографии была и обратная сторона медали». Отец Рожнецкого промотал семейные имения и разорился, так что генерал не имел других средств, кроме тех, которые ему доставляла служба. Его позднейшие недоброжелатели, а среди них были и А. Е. Чарторыский, и С. К. Потоцкий, говорили о присущих ему пороках, обвиняя генерала во взяточничестве, в непомерных грабежах во время похода в Россию и даже в измене, когда в июле 1812 г. возле селения Мир корпус под его командованием потерпел поражение в бою с арьергардом отступавшей русской армии. В обществе Рожнецкого осуждали за его не вполне шляхетский внешний облик и манеры подолянина, за заносчивый и тяжелый характер⁵⁷. В мирные времена Рожнецкий стремительно продвигался по службе в Королевстве Польском, став полным генералом и начальником польской кавалерии, получил немало боевых наград, был осыпан милостями и разными отличиями. Вопреки всем ранее принятым в Польше и в России судебным и правительственным постановлениям, ему удалось по царскому указу вернуть себе проданные за долги отцовские имения на Волыни и в Подолии. Причины такой счастливой фортуны современники усматривали в покровительстве А. А. Аракчеева, а через него и царя, а также в неких значительных услугах, якобы оказанных Рожнецким великому князю Константину, и в дружбе генерала с Новосильцевым.

Однако наиболее значительным его «свершением» стала организация в Королевстве жандармерии. В октябре 1816 г., во время второго посещения Александром I Варшавы, Рожнецкий представил царю доклад и проект указа. Изданный в итоге указ предусматривал «в целях поддержания в стране порядка, спокойствия и безопасности» создание в Варшаве, в 8 воеводских и 31 окружном городе (в обводах) корпуса жандармов общей численностью в 280 человек. Корпус входил в состав Польской армии и был подчинен верховному командованию. На службу в жандармерию принимались лица «доброго нрава, умеющие читать и писать, от 30 до 50 лет от роду». В задачу корпуса входило «хватать бунтовщиков», подвергать их аресту и препровождать их, а также других арестованных и заключенных в места отбывания наказаний, предотвращать побеги и оберегать прочие казенные интересы. По поводу последних корпусу жандармов была дана специальная инструкция, предусматривавшая его взаимоотношения с гражданскими властями⁵⁸. Таким образом, была создана особая полиция,

обладавшая самыми широкими полномочиями, позволявшими ей не только «искоренять крамолу», но также под прикрытием защиты «казенного интереса» вмешиваться во все сферы общественной жизни. Особое подразделение жандармерии было образовано при великом князе Константине. На формирование корпуса было израсходовано 400 тыс. злотых и в дальнейшем по 200 тыс. выделялось ежегодно на его содержание. Командиром корпуса был назначен близкий Рожнецкому человек, его подчиненный еще со времен Польских легионов — полковник С. Дульфус. Сам же генерал стал шефом жандармов. Создание корпуса жандармов шло без промедления, и уже в апреле-мае 1817 г. он был сформирован. Накануне восстания 1830 г. корпус жандармов насчитывал 431 чел., из которых (по имеющимся сведениям) при великом князе Константине находились 59 чел., 359 чел. были командированы в воеводства и в обводы⁵⁹.

Примечательно, что жандармский корпус в Королевстве Польском формально положил начало истории жандармерии в России. В феврале 1817 г. Александр I подписал рескрипт о создании корпуса жандармов в Петербурге, Москве, во всех губернских центрах и в трех портовых городах империи. Ш. Аскенази называл польскую жандармерию, в сравнении с российской, «скромной»⁶⁰. Однако, если иметь в виду, что весь штат Третьего отделения императорской канцелярии в царствование Николая I составлял около 600 человек, а учрежденный в 1832 г., уже после подавления Ноябрьского восстания в Королевстве Польском, 3-й Варшавский жандармский округ был в империи третьим (после Петербургского и Московского) не только по порядку, но и по значению, то жандармское ведомство Рожнецкого, составлявшее немногим более половины из общего числа жандармов в Российской империи, едва ли заслуживало такого определения.

Формирование тайной полиции в Польше и в России отнюдь не было среди европейских стран исключительным явлением. Тайная полиция и жандармерия, возникнув во Франции во время Директории и наполеоновского правления вначале как инструмент борьбы с «белой» контрреволюцией и иностранными агентами, а в дальнейшем для преследования противников первого консула и императора, получила в период Реставрации практически общеевропейское распространение. Ведомство тайного политического сыска стало для европейской реакции одним из важнейших орудий подавления революционного движения. Наибольшее развитие и влияние тайная полиция и жандармерия получили в то время отнюдь не в России и в Польше, а во Франции и в Австрии.

Четвертой в составе Административного совета была Правительственная военная комиссия. Мемориал с проектом ее создания был составлен генералом Стефаном Грабовским по поручению А. Е. Чарторьского и представлен в 1815 г. Александру I⁶¹. Сам генерал стал ее членом с 1816 г. Формально комиссия ведала набором в Польскую армию, обеспечением и вооружением войск, а также теми формированиями, которые непосредственно не входили в состав Войска польского и не были подчинены его верховному командованию. Однако в действительности все области военного управления, включая назначения на должности командного состава, находились в руках главнокомандующего — великого князя Константина.

Видную роль в комиссии играли снискавший в польском обществе репутацию «независимого» Ю. Вельгорский, ставший ее первым председателем и возглавлявший комиссию с 1 декабря 1815 г. по 15 мая 1816 г., и сменивший его на этом посту М. Гауке. Существование и деятельность Правительственной военной комиссии, а также имена возглавлявших ее популярных генералов должны были подчеркнуть «национальный характер» вооруженных сил и создать видимость их преемственности с традициями польских формирований наполеоновской армии⁶².

Одной из наиболее важных комиссий Административного совета была Правительственная комиссия государственных доходов и финансов. В ее состав в качестве департаментов входили: генеральная дирекция государственных имуществ и генеральная дирекция угодий и лесов, горная дирекция, особая дирекция лотерей. Время от времени организационная структура комиссии менялась. Так, были ликвидированы горная дирекция и генеральная дирекция угодий и лесов, их функции перешли непосредственно в ведение Правительственной комиссии в целом. Судя по структуре комиссии, главным предметом ее ведения был сбор государственных доходов. Расходование государственных средств осуществлялось в рамках утвержденных королем или наместником смет и уже не подлежало ведению Правительственной комиссии государственных доходов и финансов. Ее второй главной задачей было составление проекта государственного бюджета. Первым председателем Правительственной комиссии доходов и финансов стал Т. Матушевич, ушедший в отставку 15 апреля 1817 г. Его последовательно сменяли «гжибовцы» М. Бадени и Ф. Венгленьский⁶³. В 1821 г. на должность министра финансов был назначен Ф. К. Друцкий-Любецкий.

Единственным контрольным органом Королевства Польского, который сохранился со времен Княжества Варшавского, не претерпев существенных изменений, была Счетная палата, однако в ее функции входила ревизия финансовой отчетности отдельных должностных лиц и учреждений, а не контроль за распределением и расходованием государственных средств в целом, что оставалось исключительной прерогативой верховной власти. Счетная палата была подчинена только королю или наместнику, в случае наделения того соответствующими полномочиями.

Наряду с министрами – председателями правительственных комиссий в составе Административного совета была предусмотрена должность министра – государственного секретаря, представлявшего польское правительство при российском императоре в Петербурге или в другом месте его пребывания. Это позволяло царю издавать в отношении Королевства Польского любые указы без своего, согласно конституции, обязательного там присутствия. Например, в мае 1821 г. государственный секретарь И. Соболевский передал в Варшаву повеление (устный указ) Александра I о назначении министром финансов Ф. К. Друцкого-Любецкого. Указ этот, хотя и расцененный представителями оппозиции в сейме как нарушение конституции, вступил в законную силу, а Любецкий долгие годы оставался одним из ключевых министров Королевства Польского. Присутствие в Петербурге министра – государственного секретаря позволяло царю, не будучи в Польше, принять любое важное решение независимо от правив-

ших от его имени в Королевстве Польском великого князя Константина, Новосильцева или наместника Зайончека и тем самым дополнительно контролировать их действия, играя роль верховного арбитра в польских правящих кругах.

Первым министром – государственным секретарем стал «гжибовец» И. Соболевский. В 1822 г. его в этой должности сменил генерал Стефан Грабовский. Он происходил из Литвы, родился в семье генерала Т. Грабовского и Д. Оттенхаузен. Из этого литовского протестантского рода вышли многие офицеры и генералы литовских и коронных войск Речи Посполитой. В 1775 г. С. Грабовский поступил в Рыцарскую школу. Как участник восстания Костюшко в Литве он вместе с другими пленными находился под арестом в Смоленской следственной комиссии. Зимой 1811–1812 гг. Грабовский по поручению Ф. К. Друцкого-Любецкого приезжал в Петербург в связи с планами «воссоздания Великого Княжества Литовского» под властью Александра I. С началом Отечественной войны 1812 г. Грабовский перешел на сторону Наполеона и присоединился к Конфедерации Княжества Варшавского во главе с А. К. Чарторьским. Тогда же его избрали маршалком (главой) Брестской (Литовской) конфедерации. После изгнания из России наполеоновской Великой армии он вместе с остатками литовских войск отступил к Варшаве, а в 1813 г. принял участие в «Битве народов» под Лейпцигом.

В 1815 г. С. Грабовский при содействии Ф. К. Друцкого-Любецкого и А. Е. Чарторьского получил подтверждение генеральского чина и поступил на службу в армию Королевства Польского, став в 1816 г. членом Правительственной военной комиссии. С приходом в правительство Друцкого-Любецкого по его предложению Грабовский сначала был назначен в 1822 г. заместителем, а затем министром – государственным секретарем и оставался в этой должности до 1839 г. В правительстве Королевства Польского он был сторонником консервативного курса Любецкого. Вместе с тем Грабовский выступал против наиболее одиозных действий реакции: защищал от нападок совет Калишского воеводства, отстаивал публичность заседаний сейма, был противником гонений на масонов, содействовал утверждению оправдательного приговора Сеймового суда по делу Патриотического общества.

Будучи в российской столице в день восстания декабристов, Грабовский находился в свите Николая I, и якобы именно по его совету царь, используя наполеоновский опыт, применил против восставших артиллерию. Вместе с императором Грабовский участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

В соответствии с Конституционной хартией Королевства Польского в отношении министров и членов правительственных комиссий предусматривалась ответственность «за каждое нарушение Конституции, законов и королевских указов». В этом случае они должны были предстать перед судом сейма⁶⁴. Такой статус министров (определенный в польском праве как «конституционная ответственность») не означал их политической ответственности перед «народным представительством» за избранный политический курс и принятые решения. В этом случае министры отвечали

лишь перед назначившим их королем, причем только в индивидуальном порядке. Такая система была установлена во всех странах Европы, за исключением Англии. По конституции к Сеймовому суду их можно было привлечь только за нарушение конкретного закона, при этом сама конституция упоминалась в одном ряду с законами и королевскими указами, а ее приоритет никак не был оговорен. Из этого формально следовало, что если министр поступал хотя и вопреки конституции, но в соответствии с королевским указом или по монаршему повелению, то его действия были вполне законными. Это противоречие возникало вовсе не из неточности формулировок конституционных норм, а было заложено в основе государственного устройства Королевства Польского как облеченной в конституционную форму абсолютной монархии.

Ключевым институтом в политической системе шляхетской республики — Речи Посполитой XVII–XVIII вв. были шляхетские сеймики, представлявшие рыцарские корпорации воеводств и повятов⁶⁵. Сеймики избирали депутатов трибуналов (важнейших органов судебной власти) и послов на сеймы, давая последним обязательные инструкции для голосования по всем вопросам внутренней и внешней политики. От сеймиков же в решающей степени зависело избрание королей. Таким образом, земскому местному началу принадлежала весьма существенная роль в государственном устройстве и политической системе польско-литовской шляхетской республики, а сеймики наравне с сеймом являлись органами государственной власти. В шляхетской Речи Посполитой не существовало разделения на органы государственной власти и местного управления. Впервые, в соответствии с политическими воззрениями Нового времени, такое разделение было введено в Княжестве Варшавском, где на французский манер в стране были созданы департаменты и соответствующие органы местной администрации.

Разделение властей на центральное и местное управление было предусмотрено и в Конституции Королевства Польского 1815 г. О местной администрации в ней говорилось весьма кратко. В каждом воеводстве учреждалась воеводская комиссия, в городах создавалось муниципальное управление, в гминах вводилась должность войта «для исполнения правительственных распоряжений как последнее звено в ряду административных учреждений страны»⁶⁶.

В административном отношении Королевство Польское делилось на 8 воеводств (Мазовецкое, Краковское, Калишское, Люблинское, Сандомирское, Плоцкое, Августовское, Подляское). Каждое воеводство подразделялось на обводы (административные округа), в одном воеводстве их могло быть от 4 до 7, а всего в 8 воеводствах было 39 обводов. Каждый обвод охватывал от 1 до 3 повятов прежней шляхетской Речи Посполитой. Обвод являлся низшей территориально-административной единицей Королевства Польского. Повяты в административную структуру страны непосредственно не входили. Они сохранились в качестве судебных и избирательных округов. В дальнейшем система повятов подверглась унификации, тогда на территории каждого обвода были образованы 2 повята.

Структура воеводской комиссии, возглавлявшей администрацию воеводства, соответствовала отраслям управления, определенным Органи-

ческими статутами 1816 г. В ее составе работали 5 отделов (религиозных исповеданий и просвещения, административный, военный, финансовый и полиции). Вскоре к ним был добавлен отдел государственных имуществ и лесов. Отделы комиссии были подчинены соответствующим министрам, главам Правительственных комиссий. Воеводская жандармерия местной комиссии не подчинялась, будучи в распоряжении только центрального командования Польской армии во главе с шефом жандармов А. Рожнецким.

Комиссия воеводства по своим функциям была органом сугубо административным, исполнительным, бюрократическим и не имела никаких иных полномочий, помимо исполнения правительственных распоряжений. Организационно она строилась по коллегиальному принципу, что, по замыслу законодателя, должно было ограничить произвол отдельного чиновника, но не препятствовало произволу самого учреждения. Помимо возглавлявшего комиссию председателя, в нее входили 5 комиссаров-заседателей (по отраслям управления) и по одному комиссару, делегированному от каждого обвода, — всего их могло быть от 4 до 7. В комиссию были включены ассессор-юрист, а также несколько почетных ассессоров. Аналогичные комиссии были сформированы и в обводах.

Первоначально порядок управления городами был определен Органическим статутом 1815 г., по которому администрации городов назначались воеводскими комиссиями. Во главе городов были поставлены бургомистры, в помощь которым из числа местного населения назначались лавники (заседатели). Спустя два года, в 1818 г., в соответствии с новым Органическим статутом и постановлением наместника Ю. Зайончека от 30 мая 1818 г., система управления городами была несколько изменена в связи с введением в нее коллегиального начала. В городах были образованы муниципальные управления. Они также назначались комиссиями воеводств, состояли из радных (советников), ведавших отдельными отраслями администрации, и возглавлялись президентами городов, которые председательствовали в этом институте городского управления. Сохранили свою роль в администрации городов и лавники. Никаких властных функций муниципальные управления не имели, а все административные полномочия в городах принадлежали их президентам. Радные и лавники могли только уведомить вышестоящие инстанции (воеводские комиссии или, если дело касалось Варшавы, Правительственную комиссию внутренних дел и полиции) о неправомерных действиях городских президентов. В столице Королевства в муниципальном управлении было создано 4 отдела (полиции; внутренней администрации; финансов и городских касс; военный), во главе каждого стоял радный.

В селах местная администрация Королевства Польского была представлена войтами. В исходном значении термин «войт» приблизительно соответствовал русскому термину «староста». Однако войты Королевства Польского не имели ничего общего ни с сельскими старостами, ни со старостами-судьями эпохи шляхетской Речи Посполитой. Должность войта была введена во время Княжества Варшавского, где войт выступал в качестве государственного чиновника или публичного должностного лица, будучи администратором сельского округа — гмины, объединявшей

несколько деревенских поселений. В свою очередь, войты Королевства Польского имели мало общего со своими предшественниками, ибо сельская администрация Королевства, в отличие от Княжества Варшавского, строилась совсем по иному принципу. В «Основах конституции» по этому поводу говорилось: «Землевладельцы [...] в селах и в сельских гминах [...] будут составлять [...] последнее звено административной службы»⁶⁷. Таким образом, восстанавливался один из основополагающих принципов феодальной системы, когда землевладелец выступал по отношению к крестьянам еще и как носитель государственной власти. Хотя формально конституция 1815 г. такого положения не содержала, однако именно в этом духе строилась система местной администрации Королевства Польского, согласно постановлениям наместника 1816 и 1818 гг. Проведенные преобразования предусматривали сокращение размеров первичных территориальных единиц и соответственно увеличение числа гмин. Власть в них получили помещики, из числа которых формировался состав войтов. Минимальный размер гмины был определен в 10 дымов (крестьянских дворов). Если в деревне было 10 дымов, такая часть становилась особой территориальной единицей, а ее владелец — войтом. Если в деревне (или в принадлежавшей отдельному владельцу ее части) было менее 10 дымов, то такая часть присоединялась к близлежащей гмине. Когда все части были менее 10 дымов, их владельцы выбирали войта между собой, а если они не могли прийти в этом к согласию, то войта назначала воеводская комиссия. Таким образом, в административном отношении не только крестьяне, но и владения «дробной шляхты», как и она сама, оказывались под административным контролем более крупных землевладельцев. Если одному землевладельцу принадлежало несколько деревень, то такие собственники могли образовать в своих владениях общую территориальную единицу (гмину), занять должность войта и формировать администрацию по своему усмотрению и за счет собственных средств.

Войты должны были выполнять распоряжения высших властей, формировать местную полицию, собирать налоги и следить за выполнением крестьянами общественных повинностей⁶⁸. Тем самым в духе Реставрации местная администрация не только передавалась в руки шляхты, но и восстанавливалась «вотчинная власть» (включая и полицейскую) помещика над крестьянами. Восстанавливался и статус крупных земельных магнатов, которые, как и во времена шляхетской Речи Посполитой, становились почти полноправными государями в своих владениях.

Разделы Речи Посполитой и эпоха наполеоновских войн существенно сказались на положении католической церкви в Польше и на ее конституционном статусе в Королевстве Польском. Многие епархии были отделены от Королевства, находясь на польских территориях, отошедших по решению Венского конгресса к соседним державам. Теперь крупнейшие исторические центры польского католицизма — Гнезно и Львов располагались в прусских и австрийских владениях, за пределами Королевства остался и Краков. За годы войн церковь понесла немалые утраты среди прихожан и церковнослужителей, существенны были и ее материальные потери. С созданием Королевства Польского надлежало восполнить все утраченное,

особенно с учетом того, что во многом с деятельностью церкви патриотические круги связывали надежды на возрождение Польши. Предстояло восстановить церковную организацию и ее институты, определить формы отношений церкви и государства, урегулировать отношения с Римом.

Возглавил эту работу Ф. Мальчевский, происходивший из старинного великопольского шляхетского рода. Став священником, он совершил паломничество в Рим, где папа Пий VI в 1782 г., когда Мальчевскому было только 28 лет, возвел его в сан гнезненского каноника. По возвращении из Италии на родину Мальчевский занимал различные церковные должности в Гнезненской метрополии, когда же И. Рачиньский в 1805 г. стал гнезненским архиепископом, Мальчевский рассматривался как его вероятный преемник на познанской кафедре и одновременно как кандидат на вакантную кафедру Куявской епархии. Однако конфликт Наполеона, а вслед за ним и властей Княжества Варшавского со Святым престолом привел к тому, что Мальчевский так и не получил папской буллы о поставлении в сан епископа. Тем не менее, он пользовался большим влиянием и властью в Княжестве. Не обладая формально достоинством епископа, он являлся членом Сената, заседал в сейме. Под руководством примаса Рачиньского Мальчевский вместе с другими епископами выступал в защиту прав церкви, подписал письмо епископов от 3 марта 1809 г. против введения в Княжестве Кодекса Наполеона.

Решения Венского конгресса открыли путь и к конституированию в новых условиях католической церкви Королевства Польского, и к нормализации отношений с Римом, когда Мальчевский в ответ на представление императора-короля был в 1815 г. утвержден в сане епископа. На торжественное провозглашение Королевства в Варшаву приехали все польские епископы, не было между ними только старшего — примаса Рачиньского, который хотя и находился в столице, но присутствовал там как частное лицо из-за запрета прусских властей. Официально его место «первого среди равных» занял Мальчевский. С этого момента он фактически стал во главе католической церкви Королевства как митрополит (архиепископ) варшавский. В этом качестве он присутствовал в Сенате и возглавлял польских епископов при их представлении Александру I. В должность он вступил только 1 июня 1816 г. Назначение Мальчевского митрополитом варшавским и примасом польским имело еще одно, символическое значение, ибо подчеркивало связь церкви Королевства с колыбелью польской государственности и польского христианства — землями Великой Польши и призвано было продемонстрировать каноническое единство католической церкви Польши независимо от установленных государственных границ.

На территории Российской империи католическая церковь располагала в качестве церковно-административных округов пятнадцатью епархиями, объединенными в две провинции. Первая провинция охватывала Королевство Польское (8 епископств), вторая — остальные территории России (7 епископств). Установление диоцезий в Королевстве и придание Варшавскому архиепископству статуса метрополии произошло на основе соглашения (конкордата) папы Пия VII с императором Александром I, подписанного в Риме кардиналом Консальви и русским послом Италин-

ским 28 января 1818 г. В связи с этим актом Святой престол издал две буллы «*Militantis Ecclesiae*» (12 марта 1818 г.) и «*Ex imposita nobis*» (30 июня 1818 г.), в которых была установлена система епископств и утверждена система церковной иерархии⁶⁹.

Церковная организация Королевства Польского строилась на основе королевского указа от 18 марта 1817 г., конкордата от 28 января 1818 г., регламентировавшего взаимоотношения польского епископата с римской курией, и папского бреве от 6 октября 1818 г. В каждом воеводстве образовывались римско-католические епархии; основывалась также греко-католическая Хелмская епархия и православная парафия⁷⁰.

Первый сейм Королевства в 1818 г. открылся 27 марта мессой в кафедральном костёле Св. Яна, которую отслужил примас. Сейм принял постановление об упорядочении церковных дел. Осуществить его был призван примас Мальчевский, который папской буллой от 30 июня назначался апостольским делегатом для упорядочения церковных дел, для основания новых епископств и новых церковных учреждений в Королевстве Польском. В стране устанавливалось 8 епископств — по числу воеводств, и хелмское (униатское) было девятым. Поскольку в Королевстве в то время действовало только 6 кафедральных костёлов, требовалось открыть новые. Надлежало также определить канонические границы епархий и основать и обустроить новые епископства. Вопрос о границах епархий был связан не только с внутренним церковным устройством Королевства, но и с изменением в пользу Пруссии его западных границ. Согласно принятому решению, сокращалось число монастырей, чего требовали «как народ, так столица апостольская», закрывались некоторые аббатства, коллегии и ликвидировался ряд бенедиктинских монастырей. Сэкономленные средства предназначались на создание новых кафедр и капитулов, на обеспечение епископов и содержание семинарий. Каждый епископ должен был иметь дворец, каждая семинария — собственный дом. При проведении преобразований прежние епископства были сохранены, правда, в новых границах. Основано было только единственное новое епископство для Подляского воеводства с резиденцией епископа в Янове. Архиепископство устанавливалось в Варшаве.

После смерти в 1819 г. примаса Мальчевского во главе польского епископата встал С. Головчиц. Его продвижение к вершинам церковной иерархии было особенно тесно связано с государственной службой. Выходец из белорусской католической шляхты, Головчиц, в отличие от своего предшественника, не принадлежал к старинным и известным шляхетским фамилиям. Выпускник иезуитской коллегии в Вильно, он вступил в орден иезуитов и сделал карьеру благодаря покровительству сначала познанского епископа А. Млодзиевского, затем примаса М. Понятовского, у которого состоял личным секретарем. Головчиц считался человеком просвещенным, придерживавшимся передовых взглядов, при этом он всегда твердо отстаивал интересы церкви. В конце XVIII в. его карьера была связана с работой в Эдукационной комиссии (Комиссии народного просвещения), в которой именно на Головчица легла большая практическая работа по осуществлению планов создания государственной системы об-

разовательных учреждений в Речи Посполитой. Для изучения передового опыта в этой области он несколько раз побывал во Франции, Голландии, Испании и Германии.

Новый этап продвижения Головчица по ступеням церковной иерархии был связан с созданием Королевства Польского и с поддержкой, оказанной ему С. К. Потоцким, который содействовал поставлению Головчица епископом во вновь учрежденную (на месте Келецкой) Сандомирскую епархию, а затем, в 1819 г., и возведению его в сан варшавского архиепископа. С 1820 г. Головчиц как примас польский входил в состав Правительственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения. До самой смерти Потоцкого он был на его стороне в противостоянии с клерикальной реакцией. Среди духовенства Головчиц не пользовался популярностью, хотя в 1821 г. вместе со всеми епископами подписал направленный Александру I мемориал против включения в Гражданский кодекс положения о разводах. Церковники с неодобрением относились к его деятельности в Эдукационной комиссии и участию в сокращении в 1818 г. излишнего числа монастырей в соответствии с согласованным с римской курией пределом. Преемниками умершего в 1823 г. примаса Головчица последовательно были В. Скажевский и П. Воронич, после кончины которого в 1829 г. царь не направил римскому папе нового представления для назначения примаса. Причиной стали события восстания 1830–1831 гг., после которого примасы Королевства как первенствовавшие среди польских епископов в эпоху разделенной Польши уже не назначались. Долгое время, до 1859 г., оставалась вакантной и Варшавская метрополия. В царствование Николая I исключением стало только занятие С. Х. Хороманьским варшавской кафедры в 1836–1838 гг.⁷¹ Родился он в 1767 г. под Ломжей. Первые сведения о его жизненном пути относятся ко времени Княжества Варшавского, когда он получил богатый замбровский приход в окрестностях Ломжи. В Королевстве Польском Хороманьский успешно делал церковную карьеру, занимая посты судьи консистории и викария Августовской епархии. За доброту и располагавший к себе характер он пользовался большим уважением провинциальной шляхты: будучи безоговорочно лоялен властям, он мог твердо надеяться на их благоволение, что в совокупности способствовало его постепенному возвышению. Хороманьский внес значительный вклад в развитие народного просвещения и, в частности, в создание школ для крестьян Августовского воеводства, что было публично отмечено благодарственным письмом министра С. К. Потоцкого.

Во время восстания 1830–1831 гг. Хороманьский сохранил верность царю. Ему даже удалось спасти и вывезти через Замбрув в Россию имущество великого князя Константина, а после подавления восстания он принял участие в польской депутации, направленной в 1832 г. с челобитной к Николаю I, и был награжден в Петербурге орденом св. Анны с императорской короной. Четыре года спустя царь представил Хороманьского к поставлению в сан варшавского архиепископа. В польском обществе новый архиепископ варшавский прослыл как незаурядный «толерант». И. Ф. Паскевич относился к нему с искренним расположением и полным доверием, называя его «препочтеннейший старик». Однако многие осуждали прела-

та за конформизм, ходили даже слухи о якобы адресованных ему угрозах физической расправы.

3. «НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО» И СУДЕБНАЯ СИСТЕМА КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

Значительная роль в государственном устройстве Королевства Польского была отведена сейму, ему же принадлежало центральное место в политической жизни воссозданного польского государства, поскольку именно сейм являлся ключевым институтом в реализации планов правящих кругов Королевства по осуществлению его «отделенности» от Российской империи. Конституция Королевства Польского 1815 г. определяла сейм не как орган государственной власти, а как институт «народного представительства», что не шло ни в какое сравнение с полномочием сейма эпохи шляхетской Речи Посполитой. С этой точки зрения конституционный статус сейма Королевства Польского формально можно рассматривать как продолжение традиций сейма периода Княжества Варшавского. Тогда, давая Княжеству конституцию, Наполеон исходил из собственных представлений о характере польского парламентаризма, заложив в фундамент дарованного им полякам основного закона два принципа. Во-первых, он считал, что шляхта (прежде всего магнатерия) играет господствующую роль. Этот принцип французский император проводил в жизнь неукоснительно как политически, так и персонально. Во-вторых, дабы преодолеть анархический склад характера поляков, следовало, по его мнению, конституционно установить такие сроки и процедуры принятия решений, чтобы исключить реальное вмешательство «народных представителей» в законотворчество⁷². Поэтому по сравнению со своей непосредственной предшественницей Конституция Королевства Польского 1815 г. выглядела даже несколько либеральнее в трактовке прав и роли сейма в государственном устройстве страны.

В начале раздела конституции 1815 г. «О народном представительстве» в одной из статей говорилось: «В особе короля и в двух палатах сейма состоит законодательная власть»⁷³, что еще раз указывало на сосредоточение в руках монарха всей полноты государственной власти в Королевстве. Сейм созывался королем, иного порядка созыва сейма конституция не предусматривала. Очередные сессии сейма должны были собираться раз в два года и продолжаться в течение 30 дней. Только король имел право продления сессии, только он мог своим указом отложить сейм или распустить его, а также в случае необходимости созвать Чрезвычайный сейм. В отличие от «народных представителей» времен Княжества Варшавского, сенаторы, послы и депутаты сейма Королевства Польского обладали парламентской неприкосновенностью, ограниченной, правда, периодом работы сессии. Решение о лишении иммунитета принималось соответствующей палатой сейма.

Полномочия, регламент, порядок формирования сейма и его палат устанавливались конституцией и Органическими статутами 1815 и 1816 гг. Со-

гласно конституции 1815 г., сейм Королевства Польского получал право обсуждения законов. Этого права участники сейма Княжества Варшавского не имели, будучи обязаны только проголосовать по предложенному законопроекту. На рассмотрение в сейм Королевства поступали законы из области гражданского, уголовного и административного права, а также касавшиеся определения полномочий и соподчиненности органов государственной власти и государственных учреждений, таких как сам сейм, Государственный совет, судебные органы и Правительственные комиссии. Однако, поскольку учреждение органов государственной власти и управления, определение их полномочий и соподчиненности находилось исключительно в ведении короля, сейм мог обсуждать такие вопросы только по королевскому представлению и только в отношении уже существующих учреждений. Полномочия сейма включали также вотирование налогов и порядка налогообложения, утверждение государственного бюджета, установление и разверстку других общественных повинностей, определение системы и порядка денежного обращения, объявление рекрутского набора в армию.

Статьи 92 и 93 конституции предусматривали также возможность существенного расширения компетенции обеих палат. В конституции говорилось, что сейм в дополнение к названным функциям «может рассматривать и все другие предметы, направленные ему для этого государем». На это же указывало и положение об обязанности сейма рассматривать вопросы, вытекавшие из представленного Государственным советом «Генерального доклада о положении страны», в частности, «в отношении злоупотреблений и всего того, что могло бы нарушить Конституцию». Сам король при этом «указывал на вопросы, подлежащие направлению» в сейм⁷⁴.

Предусмотренный конституцией регламент работы сейма походил на тот, который применялся и в сейме Княжества Варшавского. Предварительно одобренные королем проекты законов поступали из Государственного совета по королевскому указу в сейм. Палаты сейма не имели права собственной законодательной инициативы и могли обсуждать только направленные к ним таким образом законопроекты. Однако конституция (ст. 92) предусматривала, что в заключение сессии сейма, после завершения рассмотрения включенных в повестку дня законопроектов и предложений правительства, могли быть представлены «требования, предложения и возражения послов и депутатов, имеющие целью благо и выгоды своих сограждан»⁷⁵. Упомянутые в конституции «требования» послов и депутатов означали по существу их право обращения с петицией к правительству. Такие петиции направлялись в Государственный совет и подлежали рассмотрению в установленном порядке, после чего докладывались королю. По решению государя на их основе могли быть разработаны новые законопроекты, в дальнейшем направлявшиеся на обсуждение в сейм.

Палаты сейма — Сенат и Посольская изба, согласно конституции, были равноправны. Это значило, что король мог направить законопроект по своему усмотрению сначала на рассмотрение либо в одну, либо в другую палату. Обсужденный в одной из палат законопроект, в случае его принятия, поступал на одобрение во вторую палату, которая (на этот раз без обсуждения) могла только либо одобрить его целиком, либо полно-

стью отвергнуть. Получивший одобрение обеих палат закон поступал на утверждение королю. Только для законопроектов по финансовым вопросам конституцией была установлена очередность их рассмотрения: сначала в Посольской избе, затем в Сенате. Каждая из палат, подобно тому, как это было в Княжестве Варшавском, выбирала из своего состава три комиссии: по финансовым вопросам, по гражданскому и уголовному законодательству, по вопросам государственного строительства и администрации. В ходе работы над законопроектами комиссии сейма имели право и получали возможность непосредственно сотрудничать и консультироваться с соответствующими Правительственными комиссиями по поводу внесения изменений и дополнений в разрабатываемые Административным советом законопроекты.

Конституция 1815 г., в сравнении с основным законом Княжества Варшавского, существенно расширяла права послов, депутатов и сенаторов в ходе обсуждения законопроектов. Они не только получали право письменно представить и в дальнейшем изложить свои замечания и соображения, но и могли свободно выступить в дискуссии («свободно высказаться по памяти») ⁷⁶. Это право свободного высказывания они могли осуществить только в собственных палатах (сенаторы — в Сенате, послы и депутаты — в Посольской избе). Представить в палаты сейма письменные мнения имели право члены комиссий сейма и члены Государственного совета. Последние, правда, не могли участвовать в голосовании, поскольку не являлись членами палат сейма, но возможность их выступления существенно расширяла круг участников дебатов по законопроектам, по сравнению с существовавшими в то время парламентами других стран, где выступать в прениях могли только министры.

Голосование в сейме было открытым, что требовало от парламентариев явно определить свою политическую позицию. Решение в каждой из палат принималось простым большинством голосов. При равенстве поданных голосов проект также считался принятым. Одобренный сеймом текст закона поступал на утверждение королю, который имел право либо его утвердить, и тогда закон вступал в силу, либо отвергнуть, что означало окончательную отмену целиком всего, проделанного в ходе подготовки и обсуждения законопроекта. Никаких процедур доработки или повторного обсуждения законопроекта после королевской санкции конституция не устанавливала.

Раздел «О Сенате» предусматривал, что эта Первая палата сейма формируется «из князей императорской и королевской крови, из епископов, воевод и каштелянов». Общее число сенаторов должно было не превышать 64 человек, то есть составлять не более половины от численности послов и депутатов сейма, образовывавших Вторую палату — Посольскую избу. Сенат Королевства Польского был более многочисленным, чем Сенат Княжества Варшавского, что уже указывало на возрастание его значения.

Более подробно статус Сената и сенаторов, а также Посольской избы и составлявших ее послов и депутатов был определен Органическими статутами: для Посольской избы — Органическим статутом 1815 г., для Сената — статутом 1816 г. Согласно последнему, места в Сенате получили

9 епископов (8 католиков и 1 униат). Сенаторским достоинством обладали также 18 сенаторов-воевод и 37 сенаторов-каштелянов. В шляхетской Речи Посполитой общественные должности и соответствующие им звания воевод и каштелянов различались между собой как по происхождению, так и по их месту в системе власти республики. В средневековой Польше воеводами были назначенные королем главы шляхетских корпораций, предводители шляхетского ополчения воеводств и повятов; каштелянами являлись коменданты замков в королевских городах (не случайно среди светских сенаторов Речи Посполитой первым был каштелян краковский). Постепенно к началу Нового времени эти должности утратили свои первоначальные функции и указывали только на принадлежность их обладателей к чину сенаторов Речи Посполитой и к высшему слою аристократии польско-литовской шляхетской республики. В Королевстве Польском звания сенаторов-воевод и сенаторов-каштелянов обозначали уже только сугубо формальные ранги сенаторского достоинства в сейме.

Звания и должности как духовных, так и светских сенаторов Королевства Польского были пожизненными и жаловались королем. Епископы получали место в палате как обладатели соответствующего сана. Однако, согласно конкордату, заключенному российским императором – польским королем с римским папой, поставление в сан осуществлялось по выбору короля. Светских сенаторов первого состава Александр I назначил по своему усмотрению. При этом звание сенатора сохранили и те члены палаты, которые были удостоены его в силу пожалования королем Фридрихом-Августом I еще во времена Княжества Варшавского. В дальнейшем, согласно Органическому статуту 1816 г., король назначал сенаторов, выбирая для пожалования одного из двух кандидатов, представленных ему палатой. Таким образом, сенаторы получили право кооптации новых членов Сената по соглашению с царем. Последний мог и не удостоить пожалования ни одного из кандидатов, в этом случае должность оставалась вакантной. Претендент на звание сенатора должен был быть землевладельцем, не моложе 35 лет и платить налоги не менее 2 тыс. злотых ежегодно. Доступ в Сенат тем самым был открыт только для представителей шляхетской аристократии и также принадлежавших к ней чиновничьих верхов и генералитета армии. Привилегии знати в этой области охраняли сословный и имущественный цензы, система кооптации и королевская прерогатива пожалования. В целом система формирования Сената отражала политический компромисс между верхушкой польской шляхты и самодержавием.

Помимо полномочий в области законотворчества, Конституция Королевства Польского и Органический статут 1816 г. наделяли Сенат судебными полномочиями в качестве Верховного трибунала по государственным преступлениям, связанным с угрозой общественной безопасности, и по преступлениям чиновников, обвиненных в превышении власти и в злоупотреблении должностным положением. В обоих случаях Сенат не только принимал постановление о привлечении обвиняемых к суду, но и сам выступал как суд по подобным делам.

Второй из равноправных палат сейма была Посольская изба. Статус палаты и порядок избрания ее членов в дополнение к конституции опреде-

лялся Органическим статутом 1815 г. Посольская изба на 60% формировалась из представителей землевладельческой шляхты — избранных на шляхетских сеймиках послов, каковых было 77. На 40% палата состояла из депутатов (51 чел.), избранных недворянами в гминах. Всего в Посольской избе было 128 «народных представителей». Их общее число и представительство от сеймиков и гмин оставалось неизменным во всех созывах сейма. Срок полномочий Посольской избы устанавливался конституцией на 6 лет при переизбрании каждые два года одной трети членов палаты. Господствующее положение в Посольской избе принадлежало дворянам. При этом, согласно конституции, из числа дворянских избирателей исключалась безземельная шляхта, и к выборам послов сейма допускались только землевладельцы.

Органический статут 1815 г. еще более, чем Конституция Королевства Польского, подчеркнул сословный характер избирательного права. От участия в гминных собраниях, а следовательно, и от выборов депутатов было отстранено практически все крестьянство, за исключением крайне узкого слоя «чиншовников» — держателей наделов на государственных землях. Избирательного права была лишена значительная часть горожан. Органический статут 1815 г. приравнивал к землевладельцам только собственников городской недвижимости. Избирательного права были лишены евреи как наиболее неполноправное сословие, а также люди, состоявшие на службе у частных лиц. По конституции избирательным правом не обладали военные, но основной закон специально наделил таким правом учителей. Этим особо подчеркивалась исключительная роль учительства и народного просвещения в целом, каковую им придавали создатели конституции 1815 г. и основатели Королевства Польского в деле сохранения и развития национальной самобытности польского народа и возрождения польского государства.

Для кандидатов в члены Посольской избы устанавливался возрастной ценз в 30 лет, ценз обладания имуществом, с которого в год уплачивалось бы не менее 100 злотых налога. Они должны были уметь читать и писать. Кандидатами могли стать также и чиновники, но для этого им требовалось согласие учреждения, в котором они состояли на службе, кроме того, их выдвижение могло произойти лишь за пределами округа, в котором служил кандидат. Все эти цензовые ограничения и преграды на практике касались, прежде всего, кандидатов в депутаты, избиравшихся от гмин. Послы дворянских сеймиков без затруднений удовлетворяли этим требованиям. При этом в Посольскую избу шляхтичи могли быть избраны не только от дворянских сеймиков, но также и на гминных собраниях. Так, депутатом сейма от расположенного на правом берегу Вислы варшавского пригорода Праги стал великий князь Константин⁷⁷.

Система гмин и избравших депутатов Посольской избы гминных собраний, так же как и сеймики, в основе строилась по сословному признаку. К участию в избирательных гминных собраниях (сельских и городских) в качестве «уполномоченных» (то есть лиц, обладавших правом голоса) допускались собственники земли и городской недвижимости в соответствии с имущественным цензом. На состоявшихся в Королевстве Польском с 1817

по 1830 год выборах депутатов сейма в каждом из гминных избирательных собраний участвовали от 100 до 150 таких «уполномоченных»⁷⁸.

На долю крестьянства, составлявшего в Королевстве более двух третей населения и большей частью вообще лишенного избирательных прав, приходилось 36 гминных собраний, избравших 28% членов Посольской избы. В выборах участвовали только немногочисленные крестьяне-собственники, большинство которых происходило из мелкой шляхты, и держатели наделов на государственных землях. Законодатели рассчитывали, что такие сельские гмины, экономически и административно зависимые от крупных землевладельцев, поддержат последних и на выборах, составив дополнительную социальную опору консервативному дворянскому лагерю. 15 гмин были чисто городские, 8 из которых приходилось на столицу. Гмины, объединявшие исключительно население городов, или в которых горожане составляли бы большинство, существовали только в столице и в воеводских центрах. Главные города воеводств имели в глазах властей особое значение для поддержания стабильности установленной политической системы; новые города — центры развивавшейся промышленности были практически лишены своего представительства в сейме. Городские гминные собрания, представляя примерно 20% населения страны, избирали 12% депутатов. Таким образом, сельские и городские гмины направляли в Посольскую избу 40% депутатов, остальные 60% членов Посольской избы, которые, в отличие от представителей неполноправных сословий, носили звание послов сейма, избирались шляхтой. Доля последней в населении Королевства Польского равнялась примерно 7–8%. Таким образом, хотя формально избирательное право, согласно Конституции Королевства Польского, предоставлялось в соответствии с имущественным цензом, в действительности Основной закон Королевства и Органический статут 1815 г. (не провозглашая этого открыто) установили для избирателей сословные курии: дворянскую, городскую и крестьянскую.

Экономическое, сословное и политическое господство шляхты вполне определенно нашло отражение как в конституции и избирательном законодательстве, так и в составе послов и депутатов сейма. Представители «благородного сословия», избранные как от сеймиков, так и от гмин, составляли в нем около 90%, а доля среди них богатой шляхты увеличилась с 40% в 1818 г. до 60% в 1830 г. Среди 10% членов Посольской избы нешляхетского происхождения были юристы, профессора, собственники земли, купцы, чиновники⁷⁹.

Законами и на практике права сейма были еще более ограничены, чем это вытекало из конституции и Органических статутов 1815–1816 гг. Наиболее ярко это проявилось в вопросе об утверждении государственного бюджета, что по конституции являлось важнейшей прерогативой сейма. Фундаментальные положения податной, финансовой и бюджетной системы Королевства Польского были сформулированы уже в статье 7 «Основ конституции», открывавшейся словами: «Налоги, подати, сборы и другие общественные повинности...». Согласно ей, бюджет страны ограничивался лишь его доходной частью, а утверждению сеймом в будущем подлежали только налоги, которые могли быть изменены (увеличены или уменьшены)

с его согласия. «Основы конституции» предписывали принять бюджет еще в период формирования политической системы страны, что и было сделано императором-королем Александром I, утвердившим предложенный Государственным советом бюджет на 1817 год. Таким образом, была установлена финансовая и бюджетная самостоятельность Королевства Польского, в первую очередь, независимость его финансовой системы от Российской империи, что и являлось главной целью польских реформаторов.

В Конституции Королевства Польского 1815 г. все права по распоряжению государственными доходами в пределах утвержденного бюджета принадлежали королю (ст. 39). Однако оставалось все же неясно, кем должен был быть составлен и утвержден бюджет. В IV разделе конституции «О народном представительстве», в частности, говорилось, что в области финансовой политики сейм «по указу государя рассматривает вопросы об увеличении либо снижении податей [...], о каких-либо изменениях [...] бюджета, доходов и расходов, об упорядочении денежной системы» (ст. 91). Однако определяющим здесь был вопрос об «отягощении населения». Поскольку по конституции очередной сейм собирался каждые два года, оставался неопределенным порядок принятия бюджета в год, когда сессии сейма не было предусмотрено, или в том случае, если сейм отклонил бы его проект. Тогда прежний бюджет сохранял бы силу закона на протяжении 4 лет, пока не соберется очередной сейм и не примет нового бюджета (ст. 93). Положение это не столько подтверждало и расширяло бюджетные права сейма, сколько создавало законодательную основу для легитимного исполнения и корректировки бюджета без созыва сейма. Таким образом, открывалась формально не противоречившая законодательству возможность, когда бы без ущерба для бюджетного процесса король или наместник могли созывать сейм раз не в два, а в четыре года, предлагать на его рассмотрение только генеральный бюджет, и, не взирая на мнение сейма, исполнять старый бюджет, если сейм откажется принять новый. Наконец, всю описанную бюджетную процедуру, уже совершенно без оглядки на сейм, правительство могло провести, взяв в качестве исходного первый бюджет, утвержденный королем на 1817 г., и исполнять его, не считаясь в дальнейшем с мнением сейма.

В результате именно так и действовало правительство, поскольку все без исключения бюджеты Королевства Польского были разработаны, утверждены наместником и приняты к исполнению еще до того, как бюджеты поступили на рассмотрение сейма. Подобная практика была характерна для правительства как Александра I, так и Николая I⁸⁰. Так как конституция и бюджетное законодательство Королевства Польского предоставляло правительству право рассматривать в качестве исходного бюджета не последний по порядку, принятый сеймом, а тот, в котором была установлена система и размеры податей, то в таком толковании исходным бюджетом мог считаться бюджет, составленный правительством и утвержденный королем без созыва сейма, например бюджет на 1817 г. В дальнейшем на его основе Государственным советом составлялись административные бюджеты⁸¹. Так, один из наиболее влиятельных и известных министров Королевства Ф. К. Друцкий-Любецкий ни разу не представил

бюджет на рассмотрение сейма, что оппозиция в Посольской избе всегда расценивала как нарушение конституции.

Немаловажным, хотя и сугубо формальным, правом сейма был парламентский контроль деятельности правительства. В начале работы вновь созванного сейма Государственный совет предлагал на рассмотрение сенаторам, послам и депутатам заранее подготовленные и отпечатанные в типографии проекты законов и других законодательных актов, правительственные доклады, а также дела, по которым ожидалось решение сейма. Затем один из министров представлял сейму отчет о деятельности правительства за период со времени окончания прошлого сейма и Генеральный доклад Государственного совета о положении страны. Аналогичные доклады направлялись правительством королю-императору как главе государства и как одному из трех чинов (субъектов) сейма. В конце работы сейма комиссии палат излагали свои соображения по поставленным правительством вопросам, а каждая палата могла в обращении к королю дать оценку деятельности правительства.

В действительности это право ограничивалось только критикой тех или иных правительственных распоряжений, противоречивших, с точки зрения оппозиции, конституции, поскольку всё вступившее в силу законодательство имело санкцию короля, а следовательно, было уже вне компетенции сейма. В отношении правительства сейм также не мог потребовать ни изменения его политического курса, ни каких-либо действий, не мог он настаивать и на увольнении министра. Поэтому сейм вынужден был ограничиваться только критикой тех или иных членов правительства. Единственной формальной возможностью сенаторов, послов и депутатов воздействовать на министров было право привлечь их к суду сейма за контрассигнацию противоречивших конституции указов короля или наместника. Такой случай имел место на сейме 1820 г., когда один из лидеров оппозиции В. Немоёвский 12 октября внес петицию с требованием выдвинуть обвинение и привлечь к суду сейма министров С. К. Потоцкого и С. Сташица за контрассигнацию декретов наместника от 22 мая и 16 июля 1819 г., по которым (в нарушение 16-й статьи конституции) вводилась предварительная цензура периодических изданий и книг. Из уважения к Потоцкому петиция рассматривалась послами и депутатами в закрытом заседании Посольской избы после удаления публики («арбитров») и была отклонена с перевесом всего в 16 голосов⁸².

Этот эпизод послужил, в частности, поводом для дальнейших ограничений прав сейма. Было одобрено постановление о предельном числе заседаний в течение сессии: Сенат получил право заседать не более 6 раз, Посольская изба — не более 11. Александр I потребовал лишить братьев Немоёвских статуса послов сейма и исключить их из Посольской избы. 13 февраля 1825 г. царь подписал поправку к конституции об изменении регламента заседаний сейма. Отныне публика допускалась только на открытие сейма и на заключительное заседание сессии⁸³.

Первые выборы в сейм Королевства Польского состоялись в 1817–1818 гг., последние — в 1830 г., за этот период выборы проводились, в соответствии с конституцией, каждые 2 года — всего 7 раз, охватывая треть

сеймиков и гминных собраний. Соответственно на треть переизбирался состав Посольской избы. Первоначально, до времени кристаллизации оппозиции в сейме, интерес к выборам был невелик. Активность избирателей наблюдалась преимущественно в среде шляхты. Это объяснялось шляхетским характером сейма, традициями шляхетской политической культуры и осознанием избирателями-недворянами, что их голосование не имеет существенного значения.

Несмотря на установленные конституцией периодичность выборов и порядок созыва сейма, очередные сессии которого должны были проходить раз в два года, царь имел право сам устанавливать и объявлять время созыва сейма. В результате за всю историю сейма Королевства Польского в 1815–1830 гг. он созывался только 4 раза: в 1818, 1820, 1825 и в 1830 годах. Причем конституционные сроки созыва сейма были соблюдены только однажды. Трижды созывал сейм Александр I и только один раз — Николай I.

Политических и партийных фракций в нынешнем значении этого понятия в сейме Королевства Польского не было, однако условно членов палат можно разделить на сторонников правительства и оппозицию, а также на клерикалов и на послов и депутатов без определенной политической ориентации. Количественно определить соотношение представителей в сейме разных политических направлений весьма затруднительно, ибо сами они отнюдь не всегда осознавали и ясно заявляли о своих политических симпатиях, а имеющиеся свидетельства, оценки и мнения достаточно субъективны и не всегда убедительны. Поэтому, имея в виду условность и приблизительность подобных подсчетов, можно полагать, что явных сторонников правительства в сейме было немного (на сеймах 1818 и 1820 гг. — не более 20%⁸⁴). Клерикальный лагерь проявлял себя в отдельных вопросах, например, при обсуждении законодательства о браке клерикалы выступили против разводов, считая, что это противоречит каноническому праву, а в других случаях они, как правило, поддерживали правительство. На сейме 1818 г. представителей клерикальных взглядов было 22 чел. (17%); на сейме 1825 г. — 10 чел. (8%); на сейме 1830 г. ни один из членов обеих палат не мог быть отнесен к этому направлению⁸⁵. Это отнюдь не свидетельствовало об ослаблении роли католической церкви в политике и общественной жизни, а также не давало основания говорить, что в Сенате и в Посольской избе отсутствовали клерикалы по убеждению. Просто в вопросах, вокруг которых на сеймах разворачивалось политическое противоборство, размежевание политических сил приобрело уже иные очертания, а главную роль стало играть противостояние консервативного лагеря и либеральной оппозиции, поэтому послы и депутаты клерикального направления не проявили на сейме 1830 г. собственной позиции, будучи в целом солидарны с правительственным лагерем.

В сейме немало было послов, стоявших в оппозиции правительству, хотя само это понятие применительно к сеймам Королевства Польского 1818–1830 гг. носит весьма условный характер. На сейме 1818 г. выраженно-го политического размежевания в палатах еще не было. Послы голосовали за одни проекты и выступали против других по разным основаниям, не будучи связаны ни общим намерением поддержать правительство, ни стрем-

лением противостоять ему. Они были лояльны царю, выражали уважение конституции и поддерживали государственно-правовые институты Королевства Польского. Критически настроенные члены сейма не опирались на общие идеологические принципы и были немногочисленны. Важную роль среди них играли территориальные группы: августовская и галицийская. Происхождение этих групп относилось еще ко времени Княжества Варшавского и было формально связано с так называемыми старыми и новыми департаментами. В полной мере формирование основных направлений общественного движения Королевства Польского нашло отражение в группировках сейма 1820 г.

Из всех государственных институтов конституционного Королевства Польского именно в сейме политические традиции шляхетской государственности прежней Речи Посполитой проявились в наибольшей степени, хотя в условиях абсолютистского правления из органа государственной власти сейм был низведен до уровня «народного представительства». Однако ни по своему составу, ни по своим функциям он не представлял народа, будучи органом сословного представительства шляхты (дворянства), которая традиционно на протяжении предшествовавших столетий рассматривала исключительно себя как «польский народ». Ограниченное участие в сейме представителей горожан не меняло его дворянского характера и также соответствовало тенденциям развития польской государственности второй половины XVIII в., когда еще в 1744 г. А. М. Потоцкий высказался за допущение мещан к ограниченному участию в сейме. В дальнейшем к этой идее не раз обращались польские шляхетские политики и политические мыслители самых разных направлений. Однако все они рассчитывали использовать горожан в своих собственных интересах и в целях укрепления сословного господства шляхты. Как по поводу подобных проектов писал Е. Михальский, «шляхта не намеревалась выпускать из рук всего комплекса государственных проблем, в том числе и вопросов сугубо городской жизни, во всем оставляя за собой решающее слово»⁸⁶.

В сейме наиболее ярко воплотился исторический компромисс между польской шляхтой, стремившейся сохранить и гарантировать свои привилегии, и российской властью, защищавшей ее сословное господство. Наконец, сейм Королевства Польского воплощал баланс между абсолютистской формой правления и централизаторской политикой правительства Королевства, с одной стороны, и провозглашенными конституцией шляхетскими свободами, правами и привилегиями — с другой.

Согласно Конституции Королевства Польского к институтам «народного представительства» относились также шляхетские сеймики и гминные собрания. Сеймики возникли еще в средневековой Польше как местные, земские объединения землевладельческой шляхты. Наибольшего политического влияния они достигли в эпоху наивысшего могущества шляхетского сословия и расцвета шляхетской сословной демократии в XV–XVI вв. В сословном устройстве и в политической традиции польской шляхты сеймикам принадлежала важная, а временами и главенствующая роль. Гмины и гминные собрания, напротив, были относительно новым явлением на польских землях, зародившись как институт сословной и по-

литической организации общества в период Княжества Варшавского. Однако и сеймики, и гмины Королевства Польского 1815–1830 гг. существенно отличались от аналогичных институтов предшествовавшего времени.

В дополнение к конституции 1815 г. статус сеймиков и гмин в Королевстве определялся Органическим статутом 15 мая 1816 г. В отличие от шляхетских сеймиков Речи Посполитой, сеймики и гминные собрания Королевства Польского находились в полном подчинении верховной власти и под контролем администрации. Они не имели права собираться и действовать по собственной инициативе и созывались только по указу короля или декрету наместника исключительно для избрания «народных представителей» в сейм и в советы воеводств, а также для выборов судей. Никакие другие вопросы хозяйственной или общественной жизни, хотя бы и сугубо местные, в их ведение не входили. Впервые после основания Королевства Польского они были созданы в 1817–1818 гг. для избрания послов и депутатов на сейм 1818 г. и в дальнейшем собирались с этой же целью каждые два года.

Таким образом, по сравнению со шляхетской Речью Посполитой, в которой объединенные в сеймики шляхетские корпорации воеводств, земель и повятов обладали всей полнотой власти вплоть до составления обязательных для послов сейма инструкций по голосованию, сеймики Королевства Польского хотя и сохранили привилегированный сословный характер, но утратили статус сословного представительства дворянства, который теперь принадлежал исключительно сейму. Сеймики превратились в сословно обособленные избирательные собрания, что по существу завершило становление Королевства Польского как централизованной абсолютной монархии (по форме своего государственного устройства).

Помимо выборов члена Посольской избы, а также мировых судей и судей судов первой (низшей) инстанции, каждый сеймик и каждое гминное собрание простым большинством голосов выбирали по одному члену совета (рады) воеводства. Согласно конституции, воеводские советы должны были «оберегать благосостояние воеводства», а также получали право предлагать кандидатов для занятия чиновничьих должностей в администрации воеводства (в воеводских комиссиях). Воеводские советы собирались два раза в год (15 октября и 15 апреля) на сессии по 14 дней. В экстренных случаях по поручению воеводских комиссий они могли собраться и в другое время. Воеводские советы не имели власти устанавливать и отменять налоги, не имели они также ни административных, ни полицейских функций. Все решения исполнительной власти исходили из правительства и проводились в жизнь комиссиями воеводств и назначенными ими администрациями городов. Не обладая реальными полномочиями, такие советы служили порой трибуной для критики властей со стороны оппозиции. Так было с советом Калишского воеводства, в котором оппозиция обладала большинством и использовала это для нападков на правительство. После сейма 1820 г. калишская рада была распущена декретом наместника, что вступило в противоречие с конституцией. В 1822–1825 гг. вокруг судьбы рады развернулась борьба. Многие видные политики выступали в ее защиту, среди них министр – государственный секретарь С. Грабовский. Од-

нако совет так и не возобновил работы, не были назначены и новые выборы рады Калишского воеводства.

Пятый раздел Конституции Королевства Польского 1815 г. был посвящен судопроизводству и подразделялся на Общую часть и специальные части, озаглавленные: «Мировые судьи (Sędziowie pokoju)», «Суды первой инстанции», «Апелляционные трибуналы», «Верховный трибунал», «Сеймовый суд».

В конституции был провозглашен фундаментальный принцип независимости судей и было установлено, что «конституционная независимость судей» означает «свободу вынесения своего суждения в судебном процессе без подчинения влиянию верховной власти и власти министров или подчинения какому бы то ни было иному мнению» (ст. 138)⁸⁷. Принцип независимости судопроизводства в этом случае претворялся в жизнь в том, что при вынесении приговора судья не был подвластен ни верховной власти, ни министрам. Судьи занимали свои должности пожизненно и либо назначались на них королем, либо избирались и не могли быть уволены иначе как за проступки по должности или иные преступления (ст. 139–142)⁸⁸.

Избрание судей на сеймиках означало сохранение сословного характера суда и судебной власти как прерогативы шляхты. На сословность суда указывало и наличие юрисдикции церковных властей. Принцип принадлежности судебной власти шляхте как одной из важнейших дворянских привилегий оставался незыблемым, хотя конституция и предусматривала наряду с избранием судей и их назначение, то есть права шляхты в этой области были дополнены прерогативами государства. Конституционная независимость суда формально основывалась на принципе разделения властей, хотя на деле, будучи одной из дворянских привилегий, означала свободу шляхетского судебного произвола по отношению к другим сословиям.

В Конституции Королевства Польского была определена только общая схема организации судопроизводства, которая отступала от системы, принятой в Княжестве Варшавском, и возвращалась, главным образом в названиях судов, к системе, принятой в шляхетской Речи Посполитой. По конституции 1815 г. предполагалось введение мировых судов для первичного рассмотрения дел и для примирения сторон. Каждое дело перед внесением в суд первой инстанции подлежало рассмотрению мировым судьей — «примирителем». Суд первой инстанции вводился в каждой гмине и назывался судом гражданским и полиции. В его компетенции были дела, не превышавшие 500 злотых в стоимостном выражении. Гражданские дела на сумму более 500 злотых рассматривались судами земскими и съезжими (zjazdowe), а уголовные дела — судами гродскими. В последнем случае прямо заимствовалось название одной из судебных инстанций шляхетской Речи Посполитой. В каждом воеводстве предусматривалось создание нескольких земских и гродских судов. Для обжалования их приговоров конституция 1815 г. устанавливала два Апелляционных трибунала для всего Королевства. Также для всего Королевства вводился Верховный трибунал, являвшийся для всех судов наивысшей инстанцией по всем гражданским и уголовным делам, за исключением преступлений против государства и преступлений высших должностных лиц. Судом по таким делам выступал

Сенат в полном составе во главе с председателем палаты. В этом качестве Сеймового суда он выступил только однажды, в 1827 г.

Правда, прописанная в конституции 1815 г. организация судебной власти так и осталась на бумаге и не была претворена в жизнь. На практике в Королевстве Польском 1815–1830 гг. продолжала функционировать судебная система Княжества Варшавского с изменениями, касавшимися апелляционных и высших инстанций и введенными еще в 1814 г. при Временном верховном совете и Временном правительстве. В дальнейшем с созданием Королевства она претерпела лишь небольшие изменения. Это касалось как конституционного статуса судебных властей, так и системы судебных учреждений и практики судопроизводства.

Таким образом, основы организации судебного ведомства Королевства Польского были заложены еще в 1807 г., во время основания Княжества Варшавского, судебные органы которого первоначально рассматривались как временные. Созданная тогда судебная система имела выраженный сословный характер. Деятельность судов регулировалась правовыми актами правительственной комиссии Княжества и входившей в ее состав дирекции юстиции. Для каждого из основных сословий — крестьян, горожан и дворян — основывалась собственная система судопроизводства. Подсудность крестьян и горожан начиналась с низших судов или с судов первой инстанции. Сельские суды (для крестьян) делились на домениальные суды (для крестьян в государственных имениях) и патримониальные (для крестьян на землях частных владельцев). Для горожан устанавливались городские суды. Подсудность шляхты начиналась с судов второй инстанции, к которой относились землевладельческие суды. Такие суды создавались по 2–3 в департаменте и рассматривали они в первой инстанции дела шляхты, офицеров, духовенства, преподавателей учебных заведений, чиновников, а также лиц, принадлежавших к адвокатским и другим корпорациям свободных профессий, за исключением ремесленных цехов и купеческих гильдий. По мелким делам они обладали правом вынесения приговора. В важных делах («подлинно криминальных») о государственной измене, о бунте, об убийстве, о разбое, о фальшивомонетничестве или подделке ценных бумаг и документов, то есть по всем делам, в которых за преступление предусматривалось наказание более трех лет заключения в тюрьме или в исправительном доме, землевладельческие суды проводили только следствие. В качестве апелляционной инстанции они рассматривали приговоры городских судов (за исключением главных городских судов в крупных городах) и крестьянских судов. Суды третьей инстанции Княжества Варшавского — апелляционные суды (апелляционные трибуналы) — создавались по одному для каждого департамента и рассматривали дела по особо тяжким уголовным преступлениям, следствие по которым проводили землевладельческие суды. Их юрисдикция устанавливалась для всех сословий. По кассационным делам они выступали в качестве второй инстанции для землевладельческих судов и третьей — для низших судов (городских и крестьянских).

Суды для горожан имели свою специфику. В крупных городах (преимущественно в главных городах департаментов) создавался главный суд

и образовывались окружные суды. По своим полномочиям в отношении горожан главные городские суды соответствовали статусу землевладельческих судов. Помимо судов трех инстанций, при каждом землевладельческом суде устанавливались по три должности мировых судей для предварительного рассмотрения дел и примирения сторон. Должность эта была почетной и не предусматривала оплаты. Уже вскоре, в том же 1807 г., городские суды в небольших городах (до 4 тыс. жителей), а также крестьянские суды были ликвидированы и заменены повятовыми судами. По подавляющему числу дел приговоры таких судов были окончательными и только в исключительных случаях подлежали апелляции в землевладельческих судах⁸⁹.

Конституция Княжества Варшавского провозгласила буржуазные принципы судопроизводства и установила порядок его организации. Ее положения были дополнены в мае 1808 г. распоряжениями министра юстиции («Организация гражданского судопроизводства в Княжестве Варшавском» и «Дополнения к законодательству, касающиеся организации и атрибуции судебных властей и лиц, относящихся к судебному ведомству»)⁹⁰. Однако декларированные в законодательстве буржуазные принципы судопроизводства были таковыми только по форме, поскольку по существу судебная система по своей организационной структуре и функциям по-прежнему оставалась сословной и находилась практически безраздельно в руках шляхты. Конституция Княжества Варшавского, ориентируясь на французскую судебную систему, впервые в практике польского судопроизводства ввела разделение на суды по гражданским и уголовным делам. Низшей инстанцией гражданских судов были мировые суды, состоявшие из судей, подсудков, писарей и подписарей. Трех мировых судей для каждого из таких судов назначал король из тройного числа кандидатов, избранных сеймиками в повятах. По истечении двух лет один из этих судей подлежал замене, а весь состав суда обновлялся в течение 6 лет. Каждый судья исполнял свои функции единолично по четыре месяца в году. Подсудок был профессиональным юристом и судебным чиновником. Он назначался пожизненно и был обязан следить за соблюдением процедуры суда и порядка делопроизводства.

Второй инстанцией был гражданский трибунал в каждом департаменте Княжества, состоявший из председателя и 6 пожизненно назначавшихся монархом судей. Трибунал подразделялся на два отдела (по 3 судьи в каждом), которые и рассматривали дела. Решение суда принималось коллегиально. В его компетенцию входили все гражданские дела и апелляции на решения мировых судов. Решения гражданских трибуналов были окончательными, если стоимость имущества, ставшего предметом разбирательства, не превышала 1600 злотых. Решения по более значительным имущественным спорам или тяжбам неимущественного характера могли быть обжалованы в следующей инстанции — в Апелляционном суде (Апелляционном трибунале).

Предпринимательская и коммерческая деятельность регулировалась в Княжестве Варшавском особым законодательством и подлежала специальному судопроизводству, в чем явно нашла выражение аналогия с фран-

цузским Торговым кодексом. Судебные дела в этой сфере находились в ведении торговых трибуналов, которые по уровню компетенции соответствовали гражданским. В состав трибунала входили председатель, судьи и их заместители. Все они избирались объединениями купцов, причем председатель и его заместитель — из числа профессиональных судей. Применение в этой области в Польше французского опыта имело свою специфику. С одной стороны, установление специальных судов в области предпринимательской деятельности свидетельствовало о существенном возрастании роли торговли и промышленности, а следовательно, и буржуазных отношений в жизни страны. С другой стороны, сохранение в этой сфере судопроизводства привилегий городов и торгово-ремесленных корпораций мещанства указывало на стремление властей проводить прежнюю политику, направленную на консервацию сословного строя и сословных привилегий наряду с усилением контроля государственной власти над городами.

Третьей инстанцией гражданского судопроизводства был Апелляционный суд (Апелляционный трибунал). Он находился в Варшаве, и его юрисдикция распространялась на все Княжество. Трибунал имел три отделения по 5 судей в каждом. В связи с присоединением в 1810 г. к Княжеству так называемых новых департаментов в суде было образовано четвертое отделение. Трибунал состоял из первого (главного) председателя, председателей отделений и членов. Все они пожизненно назначались королем. Суд являлся второй инстанцией для гражданских трибуналов. Его решения были окончательны⁹¹.

В относительно завершенном виде организация уголовного судопроизводства в Княжестве Варшавском сложилась только в 1810 г., практически за три года до того, как Княжество в 1813 г. было занято русскими войсками. В это время судебная система по уголовным делам и порядок ее деятельности определялись вначале конституцией Княжества и инструкцией министра юстиции от 17 мая 1808 г., согласно которой Суды криминальной юстиции были дополнены двумя низшими категориями судов. Это были известные уже по практике мировых судов суды повятовых подсудков, в которых судья рассматривал дела единолично, а также состоявшие из трех судей суды подсудков криминальных. В дальнейшем с присоединением так называемых новых департаментов и ростом преступности военного времени (особенно преступлений против личности и имущества землевладельцев) была реформирована система полиции и уголовного судопроизводства. Первым звеном в ней стал ординарный полицейский суд. Судьей в нем выступал подсудок мирового суда или замещавший его писарь, которые имели право приговорить подсудимого к 5 дням заключения или наложить штраф в 30 злотых. В тех местах, где не было мировых судов, их функции выполняли бургомистры и войты. То есть судебная власть была фактически объединена с административной, а разделение властей только формально провозглашалось. Более серьезные преступления, за которые грозило «исправительное наказание» до 5 лет заключения или штраф свыше 30 зл., рассматривались в отделе (суде) исправительной полиции. Для каждого департамента устанавливалось два таких суда в составе криминального подсудка, писаря и подписаря в каж-

дом. В публичном судопроизводстве при вынесении приговора местный подсудок мирового суда участвовал в суде исправительной полиции в качестве судьи. Такие суды являлись второй инстанцией для ординарных полицейских судов. Следующим уровнем судебной власти был Уголовный суд, который рассматривал в первой и окончательной инстанции дела по преступлениям, предусматривавшим наказание свыше 5 лет заключения. Его юрисдикция распространялась на все Княжество. Первоначально он подразделялся на 6 департаментов. После расширения территории Княжества в 1810 г. к этим шести департаментам, слушавшим дела в Варшаве, были добавлены еще два суда — в Кракове и Люблине, состоявшие из председателя, двух судей, асессора и писаря. Конституция Княжества Варшавского присваивала полномочия и функции верховной судебной власти, а также статус наивысшей кассационной инстанции Государственному совету. Порядок рассмотрения дел в нем определялся королевским декретом от 3 апреля 1810 г.⁹²

Эта судебная система с незначительными изменениями продолжала действовать и в Королевстве Польском 1815–1830 гг. Ко времени его образования в нем было 16 судов исправительной полиции: в Варшаве — 2 и по одному в Хенчанах, Радоме, Сандомире, Люблине, Янове, Лукове, Бялой, Ленчице, Калише, Пётрокове, Плоцке, Пултуске, Ломже, Кальварии. Уголовные суды не претерпели изменений и остались в Варшаве, Плоцке, Кельце и Люблине⁹³. Что касается Государственного совета Королевства Польского, то он был лишен статуса высшей судебной инстанции. Эта функция по уголовным делам была передана Апелляционному трибуналу, а по гражданским делам — Верховному трибуналу, председателем которого в 1818 г. был назначен известный политик и общественный деятель сенатор-воевода Ю. Выбицкий — один из наиболее опытных и уважаемых польских юристов, бывший сенатором еще в Княжестве Варшавском.

Когда Выбицкий возглавил Верховный трибунал Королевства Польского, ему был 81 год. Отец его, мироховский земский судья П. Выбицкий, умер, когда Юзеф был еще ребенком, и его воспитывал дядя — ксёндз Ф. Выбицкий, который и отправил мальчика учиться в иезуитскую коллегию в Гданьске, чтобы затем он продолжил образование в Италии. Однако смерть дяди в 1759 г. нарушила эти планы, и 12-летний юноша сам вынужден был прокладывать себе дорогу. Сначала он работал канцеляристом в суде, а с 1764 г. начал самостоятельную адвокатскую практику. В 1767 г. Выбицкий был избран послом на сейм, где выступил как один из наиболее решительных противников договора о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. В дальнейшем он играл видную роль в Барской конфедерации, представителем которой был за границей. После поражения конфедерации Выбицкий перешел на сторону короля Станислава Августа, выступив за проведение реформ государственного устройства Речи Посполитой, и получил чин королевского камергера. В 1794 г. он участвовал в восстании Костюшко. В 1806 г. Выбицкий вместе с рядом польских политиков был приглашен на встречу с Наполеоном в Познани. С созданием Княжества Варшавского он стал членом конфедерации 1812 г., формально узаконившей участие польской армии в походе Наполе-

она в Россию. Тогда на Выбицкого была возложена почетная обязанность представлять конфедерацию в главной квартире французского императора в Вильно.

По духу и букве конституции 1815 г. судебная власть в Королевстве Польском осуществлялась от имени короля (российского императора), а руководство судебным ведомством возлагалось на Правительственную комиссию юстиции. Еще до провозглашения Королевства, в середине 1814 г., была начата работа над совершенствованием законодательства, дабы привести его в соответствие с новыми общественными и политическими реалиями, а в 1817 г. сформирована Депутация для составления Гражданского и Уголовного кодексов. В ходе их разработки среди политиков и юристов проявились две основополагающие позиции: сторонники одной в большей степени выступали за возрождение в модернизированном виде судебной системы шляхетской Речи Посполитой, сторонники другой, напротив, хотели бы преимущественно следовать французским образцам.

Польское правоведение уже в XVIII в. опиралось на собственные глубокие традиции. В то время на польский язык были переведены наиболее значительные юридические трактаты эпохи Просвещения. Под воздействием гуманистических идей столетия сейм 1776 г. отменил судебное преследование за колдовство и применение в следственной практике пыток. В ситуации кризиса шляхетской государственности, которую Е. Михальский назвал «атрофией государственного аппарата», судебное ведомство было единственным по большей части функционирующим органом. Во второй половине XVIII в. в этой области были предложены проекты многих нововведений, среди инициаторов которых выступали Г. Коллонтай, С. Сташиц, И. Стройновский. План кодификации законодательства выдвинул А. Замойский. Однако большинство подобных начинаний так и остались нереализованными⁹⁴.

В основе гражданского законодательства первых лет существования Королевства Польского в стране действовали французский Гражданский кодекс 1804 г. (Кодекс Наполеона), введенный в 1808 г. в Княжестве Варшавском, а также французский торговый кодекс 1807 г. В гражданский кодекс первые изменения были внесены в 1825 г. с отменой гражданской регистрации браков (на практике эта новация проводилась еще в Княжестве Варшавском, особенно в сельских приходах). Гражданский брак сохранялся только для лиц нехристианского вероисповедания. По указу 1836 г. для них гражданское бракосочетание на территории Королевства Польского стало обязательным (эта норма просуществовала до 1945 г.).

Для оформления уголовного законодательства Королевства Польского образцами послужили традиции права шляхетской Речи Посполитой и уголовное право Пруссии. В их основу и в том, и в другом случае был заложен принцип устрашения в отношении крестьян и прочего населения, не принадлежавшего к господствующему сословию. В уголовном процессе вводимые в Королевстве Польском процессуальные нормы были заимствованы частично из австрийского, частично из прусского права. Процедура гражданского и уголовного судопроизводства была идентичной и основывалась на тайном, письменном, формализованном следствии. Суд,

опираясь на протокол следствия, одновременно выступал как в качестве органа обвинения, так и в качестве органа, выносившего приговор, то есть носил инквизиционный характер. В сравнении с судебной процедурой шляхетской Речи Посполитой, в которой суд был публичным и состязательным, процессуальная практика в Королевстве Польском существенно отделилась от традиционного процесса времен «шляхетской демократии» и, напротив, приблизилась в этом отношении к процессуальным системам Австрии, Пруссии и России⁹⁵.

В 1818 г. в Королевстве Польском впервые было кодифицировано уголовное право и принят Уголовный кодекс. Прообразом для него послужил австрийский кодекс 1803 г., однако по сравнению с ним кодекс Королевства Польского существенно расширял гарантии «свободы личности». Когда проект Уголовного кодекса был представлен на рассмотрение Государственного совета, дискуссия в нем развернулась по ряду вопросов. Одним из них была проблема квалификации пьянства. К. Потоцкий тогда настаивал, что преступление в состоянии опьянения отягчает вину, а С. Сташиц полагал, что в этом случае квалификацию следует оставить на усмотрение судьи, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Также спорным оказался вопрос о наказании за детоубийство. По этому поводу совет постановил, что за подобное преступление замужние женщины подлежат более суровому наказанию, чем незамужние, которые находились в более сложной житейской ситуации⁹⁶.

Обсуждение Уголовного кодекса в Государственном совете показало, что его участники касались в первую очередь проблем, важных с точки зрения уголовной юриспруденции или относящихся к сугубо гуманитарной сфере, однако социально-политическая направленность уголовного законодательства в дискуссии не затрагивалась. Это свидетельствовало о том, что соответствующие принципиальные вопросы были окончательно разрешены ранее в Административном совете, а также заместником и стоявшими за ними царскими властями, или о том, что по этим проблемам в правящих кругах Королевства Польского особых разногласий не было.

Принятый в итоге в 1818 г. Уголовный кодекс Королевства Польского оказался весьма суровым. В нем устанавливалось разделение преступников на три группы: на лиц, непосредственно совершивших преступление, и их прямых соучастников, на косвенных соучастников и на лиц, попустительствовавших преступлению, в частности, в форме недоносительства. Выделение двух последних групп не только существенно расширяло круг людей, которых возможно было привлечь к уголовной ответственности, но и предоставляло полиции широкие права по преследованию «тайных обществ» и их участников. Это указывало, что одной из главных задач уголовной юстиции Королевства Польского становилась борьба с революционным и освободительным движением, что соответствовало в целом политической системе Реставрации в Европе. Еще более явно это нашло выражение в квалификации преступлений. К ним кодекс относил: принадлежность к запрещенной организации (статьи 777–778); участие в заговоре по подготовке преступления (статья 279); сговор, в том числе заключенных для организации побега из-под стражи. Во многих случаях Кодекс пред-

усматривал ответственность за сообща совершенные преступления. При этом законодатели в первую очередь имели в виду преследование участников крестьянских волнений и выступлений городской бедноты, рабочих мануфактур⁹⁷. Вместе с тем, наряду с репрессивной направленностью Кодекса в него были включены и передовые для своего времени нормы, такие как ограничение смертной казни, предусмотренной только за особо тяжкие преступления. Кодекс также исключил применение особо жестоких, устрашающих или калечащих наказаний, например наказания плетьюми.

В 1832–1837 гг., когда после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. царское правительство взяло курс на ликвидацию «отделенности» Королевства Польского от Российской империи, польский Уголовный кодекс был одним из символов государственной самостоятельности польского народа. Он стал одним из первых уголовных кодексов в Европе и опережал российское законодательство. В России Уголовный кодекс был введен только в 1845 г.

После создания в 1815 г. Королевства Польского суды рассматривали относительно немного уголовных дел. В 1816 г. их было около 10 тыс., в 1817 г. — 7,5 тыс., в 1818 г. — 9 тыс. Из них подавляющее большинство составляли приговоры низших судов войтов и бурмистров в городах. Немалое число людей было непосредственно репрессировано полицией. В этом же ряду надо учесть и крестьян, оказавшихся жертвами вотчинной администрации. В 1820-е годы число уголовных дел практически удвоилось и превысило в 1825 г. 20 тыс.⁹⁸, что свидетельствовало о росте в стране общественной напряженности. Однако и в этот период оно оставалось относительно небольшим и не обнаруживало в дальнейшем, вплоть до восстания 1830 г., существенного роста (см. таблицу №1).

ТАБЛИЦА № 1.

Число уголовных дел в судах Королевства Польского в 1822–1831 гг.⁹⁹

Год	Число дел на 100 тыс. жителей	Прирост %	Год	Число дел на 100 тыс. жителей	Прирост %
1822	422	–	1827	518	94
1823	466	110	1828	517	100
1824	515	111	1829	530	101
1825	543	105	1830	583	112
1826	552	102	1831	330	57

При этом число обвинительных приговоров в Королевстве Польском в XIX в., в сравнении с количеством рассмотренных дел, было крайне невелико. Человек, на которого пало подозрение в совершении преступления, не был полноправной стороной в судебном процессе, а служил всего лишь предметом разбирательства судейского аппарата. Оправдание невинного меньше всего зависело от закона. Справедливость вынесенного приговора

становилась следствием профессиональной квалификации и добросовестности проводивших судебное расследование судей и подсудков. Поэтому малое число обвинительных приговоров свидетельствовало в пользу судебного корпуса Королевства Польского¹⁰⁰. Хотя нет данных о сословном статусе осужденных и оправданных судами Королевства, однако следует принять во внимание, что «оправдательный уклон» был характерен и для судебных трибуналов Речи Посполитой, члены которых, руководствуясь принципами шляхетской этики, предпочитали не выносить обвинительных приговоров своим «благородным собратям».

С традициями судебной системы шляхетской Речи Посполитой судопроизводство 1815–1830 гг. в некоторой степени связывала роль сейма в юстиции Королевства Польского. Будучи воплощением государственной власти, сейм шляхетской республики обладал и верховными судебными полномочиями. Следы этого видны и в компетенции сейма Королевства, когда Сенат выполнял функции суда. В ведении сейма находились судебные дела о депутатской неприкосновенности и о конституционной ответственности министров, а также о неправомерных действиях административных органов и должностных лиц, наконец, дела о государственных преступлениях и «об угрозе общественной безопасности». Сеймовый суд под председательством сенатора-воеводы П. Белиньского был назначен только однажды, в 1827 г., специально для процесса над участниками Патриотического общества, сотрудничавшего с декабристами. Вопреки расчетам его инициаторов, судебный процесс завершился исключительно мягким приговором, а по наиболее тяжким обвинениям подсудимые были оправданы. Николай I хотя и расценил такое решение сенаторов как выражение оппозиционности, но все же утвердил приговор^{101*}. Это дает повод еще раз обратить внимание на противоречие, заложенное в основе всей государственной и политической системы Королевства Польского, что проявилось и в его судебной системе. Заключалось оно, с одной стороны, в конституционной форме государственного строя Королевства, а с другой — в абсолютной власти короля-императора, который мог утвердить или отменить своим указом любое судебное решение.

Однако относительная независимость и либеральный дух юстиции Королевства Польского не устраивала те силы в правительстве, которые, с одной стороны, стремились к дальнейшей централизации власти и администрации, а с другой — считали существующую судебную систему неэффективной в борьбе с революционным и освободительным движением, а также в противодействии либеральной оппозиции. Несовершенства польской юстиции, по их мнению, особенно обнажились после кризиса 1820 г. Проводниками реакционных нововведений в судопроизводстве Королевства Польского выступили непосредственные исполнители воли царя — Н. Н. Новосильцев и великий князь Константин.

В 1823 г. Новосильцевым был инициирован проект судебной реформы, направленной на усиление власти прокуроров, на ограничение гласности судебных процессов и, главное, на создание подчиненной правительству

* О процессе над членами Патриотического общества см. главу 5.

централизованной системы следственных органов (Следственного комитета). Непосредственным поводом к созданию такого учреждения стало восстание декабристов в России и деятельность связанного с русскими революционерами Патриотического общества в Королевстве Польском. Для расследования по делу 128 арестованных его участников по указу Николая I была образована специальная Следственная комиссия. Принципиальной особенностью этого учреждения было то, что, вопреки конституции, согласно которой все должности в государственном аппарате замещались только поляками (подданными Королевства), комиссия состояла из пяти поляков и пяти россиян. Возглавил ее председатель Сената С. Замойский.

Стремясь усилить репрессивную направленность судебной системы Королевства Польского и в большей степени ориентировать ее на подавление оппозиции и освободительного движения, великий князь Константин со своей стороны делал ставку на военные суды. Военный комитет, на который в период становления Королевства была возложена обязанность по созданию Войска польского, вопросами дисциплинарных уставов и военной юстиции не занимался, и поэтому эти проблемы по наследству достались великому князю. В 1815 г. были созданы военные суды в полках и дивизиях, а также Суд армии и Верховный военный суд. Суду армии подлежали офицеры, произведенные в чин главнокомандующим, Верховному военному суду — генералы, там же рассматривались апелляции на приговоры Суда армии. В январе 1824 г. Константин Павлович поручил аудитору Верховного военного суда генералу К. Крысиньскому составить проект законодательства о военных преступлениях, в котором за образец, вопреки традициям польского права и дисциплинарной практики Войска польского времен Наполеона, была принята система суровых наказаний, существовавшая в старой дореволюционной французской армии при Бурбонах. Тогда же, в январе 1824 г., в связи с делом организатора тайного Патриотического общества В. Лукасиньского Александр I дал согласие на привлечение к военному суду не только военнослужащих, но и гражданских лиц, оставив конкретное решение на усмотрение главнокомандующего польской армии, то есть самого великого князя^{102*}. Подобный указ императора отнюдь не был в европейской практике беспрецедентным явлением. Аналогичный «смешанный» суд (*Judicium delegatum mixtum*) существовал в Австрии и действовал в то время во Львове. В итоге в 1824 г. В. Лукасиньский был приговорен военным судом к 7 годам заключения. С началом восстания 1830 г. его перевели в Шлиссельбург, где он и содержался до смерти в 1868 г., пробыв в тюрьме в общей сложности более 45 лет¹⁰³.

4. СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Эпоха упадка Речи Посполитой в XVIII в. и разделов шляхетской республики между тремя соседними монархиями характеризовалась во внутренней

* Об организации В. Лукасиньского подробно см. гл. 5.

жизни Польско-Литовского государства как время господства магнатской олигархии. В соперничестве великих магнатских родов, нередко искавших поддержки за пределами собственной страны, и объединенных вокруг них шляхетских «партий» решались все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики — от избрания королей и «разрывания» сеймов до вынесения трибуналами судебных решений по тем или иным иногда, казалось бы, частным вопросам. Крупнейший современный специалист по истории магнатской олигархии и аристократии Речи Посполитой Т. Зелинская охарактеризовала эпоху разделов Польши как «важную цезуру в истории социальных элит». Она писала: «Магнатские роды, ранее значительно влиявшие (иногда в решающей степени) на жизнь государства, теперь под властью иностранных держав оказались вне сферы большой политики. Из этого правила, естественно, были и исключения, например, карьеры Адама Ежи Чарторыского или Антония Генрыка Радзивилла. Отмечая, что во властных верхах Княжества Варшавского и Королевства Польского было немало влиятельных лиц шляхетской Речи Посполитой и их потомков, исследовательница указывала, что они, тем не менее, «не составляли там согласованной группы и достигали своего статуса в общественной иерархии индивидуально, а не приобретали его в силу происхождения»¹⁰⁴.

После гибели польско-литовской шляхетской республики существенно изменился социальный и сословный облик польской аристократии. Оказавшись в составе владений Российской империи, знать Польши и Литвы присягнула на верность русским царям, приобрела права и привилегии российского благородного сословия и подтверждение своих земельладельческих прав и титулов, была включена в русскую дворянскую и чиновничью иерархию. Екатерина II, ее коронованные сын и внук охотно принимали в число придворных и приближали к себе выходцев из польских шляхетских верхов. Гораздо менее, нежели российским монархам, такого рода «полонофильство» было свойственно Гогенцоллернам, которые установили относительно близкие связи только со своими дальними родственниками — «пруссскими» Радзивиллами. Наиболее видные позиции, по сравнению с Россией и Пруссией, польская аристократия занимала в монархии Габсбургов. В XIX в. австрийские императоры наделили ее представителей титулами, придворными чинами и административными должностями. Высокие чины в центральном управлении империи получили родовитые поляки Потоцкие, Тарновские, Бадени.

Патриотические настроения и сочувствие освободительному движению в XIX в. не обошли стороной и польскую аристократию. Они коснулись даже представителей тех фамилий и семей, которые прежде политически были наиболее тесно связаны с державами-захватчиками. Так было с владевшими огромными имениями на Украине Ксаверием и Александром Браницкими — внуками гетмана Ф. К. Браницкого и его жены Александры, происходившей из близкой к Г. А. Потемкину русской дворянской семье Энгельгардтов. Будучи людьми консервативных взглядов, лояльными властям, они, тем не менее, следовали долгу служения отечеству, содействуя развитию хозяйства, просвещения и польской культуры. Среди деятелей польской культуры и участников освободительного движения было

немало и других, гораздо более ярких представителей, происходивших из знатных шляхетских родов. Пример Браницких свидетельствовал только, что патриотические и освободительные устремления были свойственны различным в социально-политическом и идейном отношении группам польского общества.

Смена политических элит затронула Королевство Польское не менее, чем другие области бывшей Речи Посполитой. В эпоху разделов пришли в упадок и сошли с политической сцены такие могущественные в прошлом фамилии, как Белиньские, Любомирские, Массальские, литовские Радзивиллы, Флеминги. Присоединение западных, южных и восточных земель шляхетской республики к соседним державам привело к тому, что в большей части владения литовских или украинских магнатов, а также богатых и знатных великопольских, малопольских родов или же родов из Королевской Пруссии оказались за пределами Королевства Польского. К тому же именно на востоке и юге Речи Посполитой были сосредоточены большинство латифундий польских магнатов. Свою роль в сокращении влияния в обществе крупного землевладения сыграло и дробление магнатских имений между наследниками. В результате общественные и политические связи многих магнатских фамилий вслед за их поземельными связями оказались вне Королевства Польского. Примером может служить история одного из наиболее многочисленных и богатых магнатских родов — рода Потоцких, которые, по сравнению с другими знатными фамилиями, были в наибольшей степени представлены в правящих верхах Королевства Польского. Еще со времени Четырехлетнего сейма Речи Посполитой 1788–1792 гг. и Княжества Варшавского видную роль в реформаторском лагере играли так называемые «бедные» Потоцкие — братья Роман Игнаций и Станислав Костка. В дальнейшем на политическую арену выступили их сыновья, Александер и Александер Станислав — один министр полиции Княжества Варшавского, другой — сенатор-каштелян Королевства Польского, видный организатор коннозаводческого дела в стране, а также Станислав Потоцкий, по прозвищу «Стась», — генерал, один из сподвижников Ю. Понятовского, присягнувший царю и впоследствии отказавшийся присоединиться к повстанцам в 1830 г. Однако никакой заметной группы сторонников вокруг Потоцких в Королевстве не сложилось. Обращает на себя внимание и то, что карьера Потоцких была обусловлена не столько их знатностью и местом в структуре польской магнатории, сколько принадлежностью к кругу высшей бюрократии и ролью в государственном аппарате Княжества Варшавского и Королевства Польского.

Перемены в социальном статусе и в политической роли магнатских фамилий нашли отражение и в судьбе княжеского рода Яблоновских. Их основные родовые владения были расположены на Волыни. Княжеский титул Яблоновские получили в Австрии в 1744 г., там же в 1820 г. он был подтвержден. Старшая из двух княжеских ветвей рода была представлена четырьмя сыновьями А. Б. Яблоновского, из которых наиболее известны сенаторы-воеводы Королевства Польского старший Станислав Павел и третий сын Максимилиан Пётр. Последний продвигался по службе и делал одновременно чиновничью карьеру в Варшаве и Петербурге. В 1831 г.,

уже после восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, он, будучи российским камергером, получил в России чин тайного советника, стал членом Правительствующего сената и председателем Герольдии Королевства Польского. В этой должности он входил в Административный совет Королевства¹⁰⁵. Ко второй ветви рода относился Л. Яблоновский — в 1816–1822 гг. австрийский посол в Неаполе, получивший эту должность как своего рода материальную помощь от венского двора после того, как проиграл в карты унаследованные от отца родовые имения. В 1831 г. он оказывал в Вене содействие представителям повстанцев К. А. Чарторыскому и А. Замойскому. В 1833 г. Л. Яблоновский получил австрийский чин тайного советника и провел последние годы жизни в Венеции.

Показательна также судьба сыновей видного литовского магната М. К. Огиньского — Францишека Ксаверия, начинавшего службу в чиновничьем аппарате Королевства Польского, и его младшего брата Иренеуша Клеофаса, состоявшего на дипломатической службе при русском посольстве в Вене. В Литву И. К. Огиньский вернулся после смерти отца в 1833 г. и поселился в Ретове, где основал новую резиденцию. В 1835 г. он отменил в своих имениях барщину и перевел крепостных на оброк, стремился применять в хозяйстве передовые приемы агротехники, основал Агрономическую школу, преподавание в которой велось на литовском языке. Во время восстания 1863 г. по решению властей школа была закрыта¹⁰⁶.

Стремление некоторых крупных польских землевладельцев к рационализации помещичьего хозяйства, освоению новой техники и передовых приемов земледелия, скотоводства и промышленной переработки сельскохозяйственной продукции получило на польских землях в первой половине XIX в. достаточно широкое распространение. В полной мере эта тенденция проявилась и в Королевстве Польском, как и в других странах Восточной и Центральной Европы этого времени. Однако на польских землях она имела и весьма существенную специфику, влиявшую на общественные устремления политических элит. Развитие новых форм экономической и общественной жизни подрывало господствующее положение крупного дворянского землевладения. Усиление централизации государственной власти и рост влияния бюрократии (хотя и дворянской по своей природе и функциям) порождали в среде землевладельцев ощущение отчужденности помещичьего сословия от власти, шаткости своего положения, наступления на него как со стороны новых общественных сил, так и государства, якобы покушавшегося на дворянские привилегии. В Польше эти настроения дворянства усугублялись вследствие раздела страны, находившейся под иностранным владычеством. Выход обладавшие значительными материальными и людскими ресурсами крупные польские землевладельцы видели, в частности, в экономическом укреплении собственных хозяйств, что позволило бы им компенсировать утрату политического влияния за счет концентрации в своих руках экономической мощи и тем самым контролировать экономическую и общественную жизнь страны. Не в последнюю очередь свои успехи в хозяйственной деятельности и в содействии на этой основе развитию польской культуры представители в прошлом «великих» родов рассматривали как способ

внести собственный вклад в умножение славы и авторитета своих «фамилий», в возрождение Польши.

Центральное место в трансформации политических и властных элит в Королевстве Польском занимало формирование дворянской бюрократии, и прежде всего ее высшего слоя. В известной мере именно этой задаче были подчинены конституционные положения о польском государственном аппарате и польском языке в сфере государственного управления и в общественной жизни страны. Значение бюрократических верхов в политической и общественной жизни Королевства можно было наблюдать на примере не только Потоцких, но и большинства других деятелей правительственной администрации. Одним из наиболее видных ее представителей был Ф. К. Друцкий-Любецкий¹⁰⁷, не связанный непосредственно ни с польской аристократией, ни с влиятельными кругами польской шляхты и сделавший сугубо чиновничью карьеру. Древний род его восходил к Рюриковичам и шел от Любических князей на Волыни. В конце XVII в. предки Любецкого продали родовые владения в Любиче и переселились в Великое княжество Литовское, где владели землями и занимали земские должности в Пинском и Оршанском поветах, относились к зажиточной шляхте, но не пользовались известностью за пределами своей земской корпорации. В 1785 г., еще во времена шляхетской Речи Посполитой, Францишек Ксаверий вместе с братом Геронимом поступил в петербургский Шляхетский кадетский корпус. В то время обучение польских юношей в России было нехарактерно для шляхетской знати, дававшей образование своим отпрыскам на родине или в Западной Европе. Выбор родителей явно указывал, что будущее своих детей они намеревались связать с русской службой и высшими российскими чиновничьими кругами, которые пополнялись преимущественно выпускниками этого предназначенного исключительно для дворян учебного заведения. По окончании корпуса Друцкий-Любецкий, подобно большинству русских дворян, был произведен в офицеры и служил в русской армии, участвовал в военной кампании 1798–1800 гг. в Швейцарии и Италии, где был ранен, а затем по состоянию здоровья уволен в отставку и вернулся в Литву. Эпоха наполеоновских войн сказалась на поколении многих представителей правящих элит того времени, поскольку большинству из них пришлось начинать свою карьеру с военной службы и участия в боях, что не могло не повлиять в дальнейшем на характер их поведения в обществе и на сферу личных связей.

Новый этап карьеры Друцкого-Любецкого открылся в 1810 г., когда он как делегат гродненской шляхты был послан в Петербург с просьбой об облегчении налогового бремени для губернии. В столице его заметил Александр I. По предложению царя Любецкий вместе с М. К. Огинским, Т. Вавжецким и Л. А. Плятером разрабатывал план восстановления в составе России Великого княжества Литовского с особой конституцией, собственной армией и польской администрацией и даже представил свой проект, предусматривавший, в частности, освобождение в течение 10 лет литовских крестьян от крепостной зависимости*. В это время он уже до-

* Подробнее см. в главе 1.

стиг высоких чинов, став действительным статским советником (1811 г.). Как члену Гражданского комитета Литвы ему была поручена ответственная работа по организации снабжения размещенных в провинции русских войск. В эти два года, до вторжения Наполеона в Россию и похода Великой армии на Москву, Друцкий-Любецкий проявил себя как противник наполеоновской ориентации и сторонник унии с Россией. При приближении французов он вместе с Александром I покинул Вильно. После изгнания Наполеона он становится гродненским гражданским губернатором, затем — виленским губернатором (1816 г.). Ему принадлежало не последнее место и во временной администрации Княжества Варшавского и Королевства Польского в 1813–1815 гг.

В июле 1816 г., одновременно с назначением Друцкого-Любецкого виленским губернатором, что ставило его на первое место в гражданской администрации Литвы, царь поручил ему ответственную международную миссию, которой принадлежала важная роль в реализации планов создания Королевства Польского. Друцкий-Любецкий направлялся делегатом в трехстороннюю комиссию Австрии, Пруссии и России для урегулирования взаимных претензий по польским делам, включая проблемы окончательного территориального разграничения и удовлетворения взаимных финансовых претензий, в том числе по обязательствам шляхетской республики и долгам последнего польского короля Станислава Августа. Следуя выработанной в Петербурге и Варшаве тактике, Друцкий-Любецкий добился прекращения работы трехсторонней комиссии и начала выгодных для России и Королевства Польского двусторонних переговоров. Они продолжились в Берлине, Вене и Люблине и завершились в 1819 г. соглашениями с Пруссией 1819 г. и с Австрией 1821 г. В том же 1821 г. царь назначил Друцкого-Любецкого министром финансов Королевства Польского. Во главе Правительственной комиссии государственных доходов и финансов он оставался до восстания 1830 г., пользуясь полным доверием Александра I и Николая I, имея возможность обращаться к ним непосредственно, минуя Административный совет, наместника, Новосильцева и великого князя Константина.

Политическая роль в правящих кругах Королевства Польского этого весьма влиятельного министра финансов свидетельствовала еще об одной существенной, хотя и не столь выраженной, как прежде, политической традиции шляхетской Речи Посполитой, а именно, об участии в политической жизни Королевства Польского выходцев из знати Литвы. Из прежнего Великого княжества Литовского происходили близкие к Любецкому министр – государственный секретарь С. Грабовский и Л. Плятер. В столичной элите видные места занимали потомки Огиньских, Радзивиллов, Сапег и «гжибовцы» Забелло. Однако, хотя между «литвинами» и можно проследить достаточно устойчивые личные, родственные или же земляческие, корпоративные и политические связи, они все же не отражали характерной для прежней Речи Посполитой особой «литовской политики» магнатских и шляхетских верхов Великого княжества Литовского XVIII в.

Карьера Друцкого-Любецкого, как и многих других высших польских правительственных чиновников, служит подтверждением еще одной су-

шественной особенности перемен, происшедших в правящих кругах Королевства Польского, а именно, влияния петербургских верхов на формирование польских правящих элит. Такое влияние сказывалось и осознавалось в Речи Посполитой и ранее, на протяжении всего предшествовавшего столетия, еще с тех пор, когда в 1716 г. Петр I выступил посредником в конфликте Августа II с господствующим сословием шляхетской республики. С этого времени петербургскому двору принадлежало веское слово при выборе кандидатов на высшие должности в Польско-Литовском государстве. Однако тогда Петербург действовал, манипулируя своими ставленниками при королевском дворе в Варшаве или среди предводителей магнатских группировок. С созданием Королевства Польского, несмотря на присутствовавшие в конституции ограничения, призванные охранять «отделенность» Королевства от империи, царь и его окружение в Варшаве и в Петербурге получили возможность формировать чиновничество Королевства. В свою очередь, в столице и в воеводствах бюрократические связи в известной мере пришли на смену прежним клиентским и поземельным отношениям магнатории и шляхты в рамках земских дворянских корпораций.

Формирование чиновничества Королевства Польского было связано с периодом просвещенного абсолютизма в Российской империи, одним из проявлений которого стала конституция Королевства 1815 г. В это время в государственном аппарате обеих стран завершалось становление служебной этики особого типа, в основе которой были заложены принципы бескорыстного служения отечеству, общественной пользы и верховенства закона, являвшиеся атрибутами воплощенного в государстве «общего блага». Разумеется, подобная этика затронула только часть чиновничества, названного «просвещенной бюрократией», да и ее представители отнюдь не всегда были последовательны в воплощении этих принципов. Тем не менее, просвещенные бюрократы получили в правительственных сферах России и Королевства Польского значительное влияние, к ним принадлежали Ф. К. Друцкий-Любецкий, С. К. Потоцкий, С. Сташиц и многие другие. Отличительной чертой «просвещенной бюрократии» был патриотизм, который на польских землях, в частности и в Королевстве Польском, идеологически был тесно связан с освободительным движением.

Одной из существенных особенностей правящих элит Королевства Польского, в сравнении со шляхетской Речью Посполитой, была резко возросшая роль генералитета и офицерского корпуса. Причины этого явления достаточно очевидны. Они обусловлены, с одной стороны, эпохой формирования в европейских странах массовых армий, начало которой относится ко второй половине XVIII в., ко времени Великой французской революции и наполеоновских войн. В это время возрастает численность связанных с армией социальных групп населения, а сами они выступают в качестве активной общественной и политической силы, будучи даже в некоторых случаях в авангарде революционного движения (как это было в Испании, в России и в Королевстве Польском). С другой стороны, эпоха наполеоновских войн привела к образованию на польских землях, прежде всего в Княжестве Варшавском, национальных вооруженных сил, много-

численного и обладавшего боевым опытом офицерского корпуса и генералитета, послуживших основой для формирования в 1814–1815 гг. собственной армии Королевства Польского, а генералы и высшие офицеры закономерно пополнили ряды общественных и политических элит Королевства. Из числа наполеоновских генералов вышли проводники царской политики в Польше Ю. Зайончек, В. Красиньский, А. Рожаньский или сохранявшие определенную внешнюю независимость от российских властей, но вполне лояльные им и установленному в Королевстве Польском политическому режиму Я. Г. Домбровский и М. Гауке.

В известной мере особняком в этом ряду стоял Ю. Хлопицкий¹⁰⁸. Родился он на Волыни, начал военную службу в 14 лет сначала в польской, затем в русской армии, во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. участвовал в штурме Очакова. В 1790 г. Хлопицкий вернулся на родину и вступил в созданную по постановлению Четырехлетнего сейма польскую армию, в 1792 г. он участвовал в боях с русскими войсками и вскоре покинул Польшу. Весной 1797 г. в Милане Хлопицкий вступил в Первый польский легион. С этого времени он, участник наполеоновских войн, воевал в Испании, в составе Великой армии совершил поход в Россию, в сражении под Можайском был тяжело ранен и в дальнейшем участия в боевых действиях не принимал, а в 1813 г. вышел в отставку. В 1814 г. Ю. Хлопицкий при поддержке А. Е. Чарторьского получил от Александра I генеральский чин, а на следующий год был назначен командующим Первой пехотной дивизией Польской армии. В 1817 г. у него произошел конфликт с великим князем Константином, после чего Хлопицкий в 1818 г. вышел в отставку. Шаг этот был расценен в польском обществе как выражение протеста и проявление оппозиционности, что в дальнейшем повлияло на роль генерала в Ноябрьском восстании 1830 г. В начале восстания Хлопицкий отказался присоединиться к нему, однако некоторое время спустя по инициативе В. Замойского и Ф. К. Друцкого-Любецкого согласился войти в повстанческий Административный совет, надеясь воспрепятствовать нарастанию восстания и найти компромисс с царскими властями. 5 декабря 1830 г. Хлопицкий провозгласил себя диктатором и направил в Петербург Любецкого для переговоров. 18 декабря он собрал сейм и сложил с себя чрезвычайные полномочия, однако и в дальнейшем продолжал осуществлять командование повстанческими силами, которые номинально возглавлял главнокомандующий М. Радзивилл.

Среди высших офицеров и генералов Королевства Польского было немало представителей знатных родов шляхетской Речи Посполитой, но не они определяли социальный облик этой страны. В шляхетской республике военная служба не расценивалась как призвание и долг аристократии. Среди профессионального командного состава коронных и литовских войск тогда почти не было выходцев из знатных фамилий. Эпоха наполеоновских войн внесла в это положение некоторые изменения, а австрийский генерал Ю. Понятовский стал даже маршалом Франции. Однако среди генералитета Королевства представители старой польской знати не играли ведущей роли, уступив ее выдвигенцам наполеоновского времени. Те же, в свою очередь, стремились во всем подражать аристократам и сблизиться

с ними, добивались от царя пожалования дворянских титулов, как, например, ставший князем Ю. Зайончек. В то же время это ни в малейшей степени не отменяло шляхетского характера польского офицерского корпуса, особенно его высших чинов.

В формировании общественных элит Королевства Польского известную роль сыграло масонство, распространившееся в Центральной и Восточной Европе в конце XVIII в. При участии масонских лож продвигались по службе многие чиновники и военные, допускались в высшее общество литераторы, публицисты, деятели искусства. Масонские организации послужили организационной основой для образования первых тайных обществ зарождавшегося освободительного движения. «Масонское братство» содействовало в установлении персональных связей польских верхов с правящими кругами европейских государств. Считается, что к масонству был причастен и Александр I, который на этой почве покровительствовал некоторым своим польским единомышленникам, в частности Ю. Зайончеку. Крупнейшей европейской ложей того времени было объединение «Великий Восток». В 1814 г. ложа конституировалась на землях будущего Королевства Польского, были также основаны ее отделения в Кракове и Торуне. Магистром «Великого Востока» в Польше стал С. К. Потоцкий¹⁰⁹.

О социальной природе и политической направленности польского масонства свидетельствует состав участников лож (см. таблицу №2).

Среди «вольных каменщиков» Королевства Польского на долю чиновников, военнослужащих и не состоявших на государственной службе землевладельцев приходилось почти 80% членов масонских лож. Все они принадлежали к «благородному» сословию, а само масонство было шляхетским как по своему сословному происхождению, так и по своей общественной позиции и мировоззрению. Участие в масонских организациях выходцев из среды разночинной интеллигенции и буржуазии было незначительным и свидетельствовало только о способности шляхетских верхов привлечь на свою сторону и использовать в своих сословных интересах отдельных представителей других сословий, оказывая им закулисную поддержку в профессиональной карьере или предпринимательской деятельности. Обращает на себя внимание особо весомое представительство в среде масонов чиновничества, которое вместе с военными составляли большинство среди адептов «вольных каменщиков» в Королевстве Польском, что может послужить дополнительным свидетельством возрастания роли дворянской бюрократии и военных кругов в польском обществе.

Все отмеченные персональные и структурные изменения в составе правящих общественных элит Королевства Польского нашли отражение в составе Сената¹¹¹. За время существования Княжества Варшавского и конституционного Королевства Польского в достоинство сенатора-воеводы с 1807 по 1831 г. были возведены 43 человека, все они принадлежали к шляхетскому сословию, что было предусмотрено статусом Сената, причем среди сенаторов не было ни одного человека, которому дворянство было бы пожаловано по праву нобилитации. Из 23 аристократических фамилий Польши и Литвы чина сенатора-воеводы были удостоены только представители шести знатнейших родов: Дзялыньские, Замойские, Красиньские,

Потоцкие, Радзивиллы, Чарторьские. Они вместе с выходцами из прежней магнатской олигархии Яблоновскими и Пацами занимали воеводские места в Сенате. Шляхетскую знать старой Речи Посполитой в Сенате представляли 27 воевод, то есть две трети лиц, удостоенных этого сенаторского ранга. К «новым людям», выдвинувшимся благодаря карьере в бюрократической среде, принадлежали среди сенаторов-воевод 15 человек. Наконец, в качестве воевод в Сенате заседали 8 генералов.

ТАБЛИЦА № 2.
Социальный состав членов масонских лож Королевства Польского в 1818–1820 гг.¹¹⁰

Социальное положение	Численность лож					
	Варшавские ложи		Провинциальные ложи		Всего в Королевстве Польском	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Землевладельцы	264	14,7	291	25,0	555	18,7
Чиновники	553	30,8	453	38,9	1006	34,0
Военнослужащие	485	27,0	267	22,9	752	25,4
Учителя и преподаватели	72	4,0	32	2,7	104	3,5
Лица свободных профессий	111	6,2	60	5,2	171	5,8
Духовенство	6	0,3	4	0,3	10	0,3
Частные лица (обыватели)	70	3,9	–	–	70	2,4
Специалисты, служащие у частных лиц	12	0,7	1	0,1	13	0,4
Деятели искусства	71	3,9	9	0,8	80	2,7
Книготорговцы и издатели	5	0,3	5	0,4	10	0,3
Купцы, предприниматели, домовладельцы	130	7,2	42	3,6	172	5,8
Ремесленники	18	1,0	1	0,1	19	0,7
Всего	1797	100	1165	100	2962	100

За тот же период звания сенатора-каштеляна были удостоены 84 человека, которые происходили из всех слоев и групп шляхты Королевства Польского. В Сенате, в том числе, заседали и представители протестантских фамилий, например А. Ф. Брониковский, который еще 9-летним мальчиком подписал Акт Торуньской диссидентской конфедерации 1767 г. Яркой личностью среди сенаторов-каштелянов был «литвин» А. Ходкевич¹¹², сын жмудского старосты Я. Ходкевича и Людвики из Жевуских, внук коронного гетмана С. Жевуского. Окончив Рыцарскую школу, А. Ходкевич с молодых лет состоял на военной службе, участвовал (в чине майора) в восстании Т. Костюшко, после поражения которого жил в своих волынских имениях. В то время он был членом Варшавского общества друзей науки и одним из основателей Кременецкой гимназии, выделив собственные средства для открытия в гимназии кафедры химии. В 1812 г. Ходкевич был произведен в полковники армии Княжества Варшавского, а в 1813 г. участвовал в 11-месячной обороне Модлина, оказавшись затем в русском плену, после чего имения Ходкевича в Литве были секвестрованы. В 1814 г. он сыграл видную роль в создании армии Королевства Польского, став в дальнейшем начальником штаба гвардейской дивизии. В 1818 г. Ходкевич по собственной воле вышел в отставку с производством в бригадные генералы и в том же году был пожалован в сенаторы-каштеляны. В Сенате он последовательно отстаивал принципы незыблемости конституции и неукоснительного ее соблюдения, из-за чего вскоре произошел конфликт с великим князем Константином и сложение Ходкевичем в 1819 г. сенаторского достоинства, но он не оставил политической деятельности, будучи избран на Сандомирском сеймике послом на сейм 1820 г., где примкнул к оппозиции. Ходкевич участвовал в деятельности масонских лож, до 1824 г. поддерживал связи с декабристским Южным обществом, что послужило причиной его ареста. Ходкевич был отправлен в Петербург, где следствие по его делу завершилось без предъявления обвинений, однако он был сослан в Житомир под надзор полиции. Последние годы жизни, будучи тяжело больным, Ходкевич провел в своем имении в Млынове, продолжая научную работу и литературную деятельность.

«Новые люди», не принадлежавшие к шляхетским верхам прежней Речи Посполитой, составляли среди сенаторов-каштелянов чуть более одной трети (30 человек). Одним из старейших таких сенаторов был Д. Обшельвиц, происходивший из немецкой дворянской семьи и получивший польский индигинат (причисление к польской шляхте) еще в 1768 г. В Королевстве Польском он занимал должности генерального куратора научных учреждений и члена Правительственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения, избирался послом на сеймы от Краковского воеводства. Пожалование в сенаторы-каштеляны Обшельвиц получил на склоне лет в 1825 г. Заметной роли в политической жизни Королевства он не играл, однако его избрание в Посольскую избу и присутствие в Сенате призваны были подчеркнуть роль науки и научных организаций в польском обществе, а также значение, придававшееся науке правительством.

Самый молодой из сенаторов-каштелянов Королевства Ф. К. Левиньский¹¹³ сделал достаточно типичную карьеру для польских политиков

новой генерации. Будучи родом из Быдгощи, там он и начал службу судейского чиновника, достигнув должности судьи гражданского трибунала департамента. В Королевстве Польском он поднялся до уровня председателя гражданского трибунала Мазовецкого воеводства. Успехи Левиньского объяснялись его принадлежностью к масонству, где он обладал высоким рангом, и покровительством Ю. Зайончека, в доме которого он был принят. В обществе пожалование его сенатором было встречено с неодобрением, поскольку Левиньский считался креатурой наместника, а П. Белиньский возражал против его включения в состав Сеймового суда. Однако 28 мая 1828 г., в день поименного голосования сенаторов по делу Патриотического общества, Левиньский, первым получив слово как самый молодой из членов суда, заявил, что хотя сам факт существования Патриотического общества и доказан, его деятельность не наносила ущерба государству и не представляла для него опасности, а следовательно, в действиях обвиняемых отсутствовал состав преступления. В дальнейшем он настаивал на невиновности большинства обвиняемых и на незаконности обвинительного приговора. Во время восстания 1830 г. Левиньский был одним из активных его сторонников и непримиримых противников Николая I, играл видную роль в повстанческом Сенате, занимал пост министра юстиции. По его мнению, соглашение с царем было бы возможно только в случае восстановления независимой Польши в границах 1772 г. После капитуляции Варшавы Левиньский не покинул страны, репрессии его не коснулись, но в дальнейшем он не играл заметной роли в общественной жизни Королевства.

Таким образом, состав Сената в целом отражал характер сформировавшихся в период Королевства Польского общественных элит, господствующее положение в которых занимали представители старой шляхетской знати, объединившейся с чиновничьими и военными верхами.

* * *

Восстановление на Венском конгрессе Королевства Польского было неразрывно связано с политикой Реставрации, проводившейся в Европе великими державами по завершении наполеоновских войн. По замыслу участников конгресса, восстановление шляхетского государства на основе принципов легитимизма и status quo должно было положить конец «эпохе разделов Польши», вызванной, согласно представлениям правящих верхов абсолютистских держав, Великой французской революцией. Однако восстановить на польских землях систему «старого порядка» в полной мере оказалось невозможно из-за противоречий между самими странами-захватчиками — Австрией, Пруссией и Россией, а также вследствие соперничества и разногласий великих держав. Главным же и непреодолимым препятствием для политики Реставрации, в частности, и на польских землях, стали необратимые социально-экономические и политические перемены, происшедшие в Европе. Тем не менее решения Венского конгресса по польскому вопросу, выработанные в русле реакционной и контрреволю-

ционной политики тогдашних «вершителей судеб Европы», были направлены на консервацию в Королевстве Польском, а также на захваченных Австрией и Пруссией польских территориях полуфеодалных отношений, сословного строя, дворянских привилегий.

В основе социального устройства Королевства Польского лежали консервация сословного строя, господства шляхты и дворянской монополии на землю, сохранение крепостнических отношений в деревне (при формальной личной свободе крестьянства) и сословного неполноправия города. В этом смысле социальные отношения в Королевстве являлись в преобладающей степени продолжением социальных отношений в шляхетской Речи Посполитой XVIII в. Вместе с тем в социальной структуре Королевства, как и других польских земель, наблюдались и новые явления. Постепенно изменялся статус господствующего сословия — шляхты. Мелкое и безземельное дворянство утрачивало шляхетский статус и сословные привилегии и по своему социальному положению приближалось к крестьянству. Падало значение магнатской олигархии, которая шаг за шагом утрачивала непосредственный контроль за социальными и политическими процессами в польском обществе, что, в частности, побуждало шляхетские верхи с целью сохранения своего политического господства искать опору в государственной власти, в укреплении государственного аппарата и бюрократии. Как следствие этого, а также в результате перемен, осуществленных под влиянием внешнеполитических факторов в период существования Княжества Варшавского и конституционного Королевства Польского, в стране происходила постепенная трансформация социальных и политических элит, сопровождавшаяся уходом с политической арены представителей магнатских родов прошлого века. Одновременно формировался дворянский по своему составу и проводившейся им политике бюрократический аппарат и связанная с ним социальная группа чиновничества, а также его военная составляющая — офицерский корпус и генералитет.

Рост экономического потенциала польского города, развитие товарно-денежных отношений и становление промышленности обусловили генезис классов буржуазного общества и возрастание экономического значения и социальной роли городского сословия. Однако процесс урбанизации в Королевстве Польском, как и в других странах Центральной и Восточной Европы этого периода, протекал замедленно и был строго ограничен рамками сословного строя. Города в сословном, политическом и административном отношении целиком оставались во власти дворянского государства, а требования мещанства (бюргерства) не шли дальше адресованных властям пожеланий и просьб расширить сугубо сословные привилегии городского сословия.

Одним из наиболее существенных явлений переходной эпохи конца XVIII — первой трети XIX в. в Центральной и Восточной Европе, в том числе и на польских землях, стало формирование разночинной интеллигенции, что указывало на постепенное преодоление дворянской монополии на умственный труд и на зарождавшуюся тенденцию к устранению господства шляхты в сфере общественного сознания. Разумеется, этот процесс находился только в стадии зарождения. Как отмечал в новейшем

исследовании по истории польской интеллигенции М. Яновский, идеология «образованных слоев» польского общества не имела в то время выраженного антишляхетского и антиаристократического оттенка. Интеллигенция и аристократия в этот период представляли собой в основе уже различные группы, хотя временами и пересекавшиеся в особах отдельных аристократов-интеллектуалов, но явно отличавшиеся друг от друга стилем жизни, уровнем богатства и общественного престижа. Однако, будучи в этом смысле «неаристократической», интеллигенция (образованные слои, профессионально занятые умственным трудом) в области «иерархии ценностей» и «идейного самоопределения» оставалась в целом на тех же позициях, что и интеллектуалы из шляхетской среды. В наибольшей степени антидворянские настроения среди образованных слоев городского населения нашли выражение не столько в Королевстве Польском, сколько в прусских владениях на польских землях¹¹⁴.

Перемены в хозяйственной жизни и в соотношении экономических укладов, формирование новых социальных слоев и групп населения Королевства Польского свидетельствовали об усложнении структуры польского общества и о начале разложения сословного строя. Однако не следует переоценивать глубину этих процессов в Королевстве Польском 1815–1830 гг. В полной мере они развернулись только после восстания 1863 г. и наделения крестьян землей. В первой трети XIX в. в экономике Королевства Польского преобладал полуфеодальный уклад. Крупное шляхетское землевладение сохраняло свои позиции в качестве фундамента хозяйственной жизни страны. Практически неизменным осталось социальное, сословное и политическое господство дворянства. Таким образом, прежние формы хозяйственной и общественной жизни, сложившиеся еще во второй половине XVIII в., получили в первой трети XIX в. в Королевстве Польском преемственное продолжение и развитие. В этом смысле политическая гибель шляхетской Речи Посполитой в результате разделов Польши отнюдь не означала ликвидации существовавшей на польских землях системы социальных отношений и сословного устройства.

Консервативному характеру социального строя соответствовал и политический строй Королевства. Провозглашенный формально и положенный в основу Конституции Королевства Польского буржуазный принцип имущественного ценза для обладателей гражданских прав в действительности никак не ограничивал политического господства шляхты как правящего сословия. Более того, в важнейших вопросах участия сословий в политической власти конституция 1815 г. в полной мере зафиксировала также и сословные привилегии дворянства, при том, что все прочие сословия были практически лишены политических прав, за исключением номинального участия горожан в сейме и представительных органах на местах. Права горожан по содержанию и по форме не выходили за рамки сословных привилегий, прочие сословия, прежде всего крестьяне, были лишены и этого.

По замыслу творцов конституции 1815 г. ее главной целью было в максимальной степени оградить Королевство Польское от политического влияния Российской империи, связь которой с Королевством, согласно букве закона, осуществлялась исключительно в особе монарха. Однако по

своему внутреннему политическому устройству Королевство Польское было весьма далеко как от республиканских принципов шляхетской Речи Посполитой XVIII в. и концепций «общественного договора» эпохи Просвещения, так и от прокламируемых «отцами» польской конституционной хартии принципов либеральной конституционности. Практически вся полнота власти по конституции 1815 г., как по ее духу и букве, так и фактически, принадлежала королю (императору) и назначенным им наместнику и правительству. Важнейшими политическими институтами Королевства, имевшими особое значение для шляхты, были представленные войтами органы местного управления и судебные власти, на вершине которых располагался сейм как высшая судебная инстанция. Прочие права сейма были практически сведены к минимуму и носили сугубо декларативный характер. Роль юстиции Королевства Польского парадоксально находилась в явном противоречии с принципом разделения властей, провозглашенным в конституции, но не воплощенным в существовавшей политической системе. В большей степени судопроизводство в стране согласовывалось со шляхетскими правовыми и политическими традициями и потому отвечало правосознанию шляхты предшествовавшего столетия.

В целом социальная и политическая система Королевства Польского в период его создания соответствовала проводимой властями Российской империи в 1815–1820 гг. политике просвещенного абсолютизма, направленной на сохранение феодализма, крепостничества, самодержавия и господства дворянства при использовании в этих целях передовых форм и методов государственного управления, а также элементов просветительской идеологии. На почве этой политики и был достигнут политический компромисс между господствующими сословиями и правящими кругами Российской империи, с одной стороны, и Королевства Польского — с другой, компромисса, положенного в основу союза консервативной шляхты и реакционных политических верхов Королевства с царской Россией.

Особое значение для внутреннего общественного и политического развития Королевства Польского имела международная ситуация, соотношение сил великих держав и проводившаяся ими политика. Эти факторы, приобретшие исключительно важную роль в истории Речи Посполитой с конца XVIII в., имели не меньшее значение и для созданного по решению Венского конгресса Королевства Польского. Ужесточение абсолютистской реакции в Европе, и прежде всего в странах Священного союза, начиная с 1820-х годов, обострило противоречия между правящими кругами как в России, так и в Королевстве Польском в их совместном наступлении на либеральную оппозицию и в общей борьбе с революционным движением. В Королевстве Польском в этих условиях освободительные и патриотические устремления значительной части польской шляхты соединились с движением польских дворянских революционеров. Революции 1830 г. в Бельгии и во Франции вдохновили революционный лагерь и побудили либералов присоединиться к нему. В этих условиях соотношение политических сил в Королевстве Польском сложилось не в пользу сторонников компромисса и союза с Россией в правящих верхах Королевства, что и стало одной из причин Ноябрьского восстания 1830 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. Kraków, 1916. S. 100–101.
- 2 Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne... / ed. M. G. Pallain. Paris etc., 1881. Цит. по: *Bartoszewicz K.* Op. cit. S. 108.
- 3 *Martens G. F.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix ... conclus par les puissances de l'Europe ... depuis 1808 jusqu'à présent. Göttingen, 1817–1848. Vol. 1, P. 341; Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Paris, 1864. Vol. 1. P. 613.
- 4 *Bartoszewicz K.* Op. cit. S. 105.
- 5 Akten des Wiener Congresses / hsg. von J. L. Klüber. Erlangen, 1816–1835. Bd. 9. S. 40; *Martens G. F.* Op. cit. Vol. 1. P. 377; Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Vol. 1. P. 644.
- 6 *Bartoszewicz K.* Op. cit. S. 125–126.
- 7 Akten des Wiener Congresses. Bd. 9. S. 44; *Martens G. F.* Op. cit. Vol. 1. P. 379; Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Vol. 1. P. 645.
- 8 Akten des Wiener Congresses. Bd. 9. S. 49; *Martens G. F.* Op. cit. Vol. 1. P. 384; Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Vol. 1. P. 647.
- 9 Akten des Wiener Congresses. Bd. 9. S. 47; *Martens G. F.* Op. cit. Vol. 1. P. 382; Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Vol. 1. P. 658.
- 10 *Bartoszewicz K.* Op. cit. S. 127.
- 11 Цит. по: *Ajnenkiel A.* Konstytucje Polski w rozwoju dziejowym 1791–1997. Warszawa, 2001. S. 86.
- 12 *Handelsman M.* Trzy konstytucje (1791–1807–1815). Warszawa, 1915. S. 34–40.
- 13 *Kutrzeba St.* Historia ustroju Polski w zarysie. T. 3. Lwów, 1920. S. 79.
- 14 *Ibid.*, S. 80.
- 15 *Lelewel J.* Trzy konstytucje polskie 1791, 1807, 1815. Porównał i różnice ich rozważył Joachim Lelewel w roku 1831 // *Lelewel J.* Dzieła. T. 8. Warszawa, 1961. S. 467–544.
- 16 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 88–89.
- 17 *Bojasiński J.* Rządy tymczasowe w Królestwie Polskim. Maj–grudzień 1815. Warszawa, 1902. S. 21.
- 18 *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1948. T. 1. S. 113–114.
- 19 См.: *Ostrowski Tomasz Adam* // *Polski Słownik Biograficzny* (далее — PSB) Wrocław etc., 1979. T. 24/3. S. 579–583.
- 20 См.: *Potocki Stanisław Kostka* // PSB. Wrocław etc., 1984. T. 28/1. S. 158–170.
- 21 См.: *Grabowski Franciszek* // PSB. Wrocław etc. 1960., 8/4. S. 491–492.
- 22 См.: *Linowski Aleksander* // PSB. Wrocław etc., 1972., 17/3. S. 377–381.
- 23 См.: *Matuszewicz Tadeusz* // PSB. Wrocław etc., 1975., 20/2. S. 225–227.
- 24 *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski 1770–1861. Warszawa, 1994.
- 25 *Skowronek J.* Op. cit. S. 210.
- 26 *Ibid.* S. 211.
- 27 *Ibid.*
- 28 *Ibid.* S. 212.
- 29 См.: *Plater (Broel–Plater) Ludwik August* // PSB. Wrocław etc., 1981. T. 26/4. S. 679–683.

- 30 *Askenazy Sz.* Rosja–Polska 1815–1830. Lwów, 1907. S. 67. См. также: *Izdebski H.* Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego 1815 r. // *Konstytucje Polskie. Studia monograficzne z dziejów polskiego konstytucjonalizmu* / pod red. M. Kallasa. Warszawa, 1990. T. 1. S. 89–194; *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 91.
- 31 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 91.
- 32 Ibid. S. 92.
- 33 *Askenazy Sz.* Łukasiński. Warszawa, 1908. T. 1. S. 68–69.
- 34 *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1. S. 116.
- 35 Ibid.
- 36 *Skowronek J.* Op. cit. S. 223.
- 37 *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1. S. 116.
- 38 См. российские издания: Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego. S-t. Petersburg, 1816; Charte constitutionnelle du Royaume de Pologne. S-t. Petersburg, 1816.
- 39 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 93.
- 40 *Kutrzeba St.* Op. cit. S. 82–85.
- 41 Historia Sejmu Polskiego. T. 2. Cz. 1. W dobie rozbiórów. Warszawa, 1989. S. 30.
- 42 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 94.
- 43 *Kutrzeba St.* Op. cit. S. 86.
- 44 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 94.
- 45 *Kutrzeba St.* Op. cit. S. 80.
- 46 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 94.
- 47 См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии. Ленинград, 1987; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1891; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1892. Т. 2; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX ст.). СПб., 1887; *Червонецкий Д. А.* Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913.
- 48 *Tokarz W.* Armja Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917. S. 35–37.
- 49 *Handelsman M.* Kryzys roku 1821 w Królestwie Polskim. S. 4–5; *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 95.
- 50 *Handelsman M.* Kryzys roku 1821 ... S. 5.
- 51 Ibid. S. 8.
- 52 Potocki Stanisław Kostka // PSB. Wrocław etc., 1984. T. 28/1. S. 158–170.
- 53 Grabowski Stanisław // PSB. Wrocław etc., 1960. T. 8/4. S. 508–511.
- 54 Mostowski Tadeusz Antoni // PSB. Wrocław etc., 1977. T. 22/1. S. 73–78.
- 55 Koźmian Kajetan // PSB. Wrocław etc., 1970. T. 15/1. S. 56–58.
- 56 *Askenazy Sz.* Łukasiński. T. 1. S. 284.
- 57 Ibid. S. 288–289.
- 58 Ibid. S. 292–293.
- 59 *Gembarzewski B.* Wojsko Polskie. Królestwo Polskie 1815–1830. Warszawa, 1903. S. 44; *Idem.* Epoka porozbiorowa // *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 3 / oprac. B. Gembarzewski. Kraków, 1912. S. 380.
- 60 *Askenazy Sz.* Łukasiński. T. 1. S. 293.
- 61 Grabowski Stefan // PSB. Wrocław etc., 1960. T. 8/4. S. 512–513.
- 62 *Handelsman M.* Kryzys roku 1821 ... S. 5.
- 63 Ibid.
- 64 *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 96.

- 65 См.: *Karcew H. I.* Исторический очерк польского сейма. М., 1888; *Он же.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.
- 66 Цит. по: *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 96.
- 67 Ibid.
- 68 *Kutrzeba St.* Op. cit. S. 100–101.
- 69 *Historia Kościoła w Polsce.* T. 2. 1764–1945. Cz. 1. 1764–1918. Poznań; Warszawa, 1979. S. 482.
- 70 *Handelsman M.* Kryzys roku 1821 ... S. 6.
- 71 Choromański Stanisław Henryk // PSB. Kraków, 1937. T. 3. S. 427–428.
- 72 *Historia Sejmu Polskiego.* T. 2. Cz. 1. S. 15.
- 73 Цит. по: *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 97.
- 74 Ibid.
- 75 Ibid. S. 97–98.
- 76 Ibid. S. 98.
- 77 *Historia Sejmu Polskiego.* T. 2. Cz. 1. S. 38.
- 78 Ibid. S. 37.
- 79 Ibid. S. 38.
- 80 *Rostworowski M.* Prawno-polityczna strona budżetów Królestwa Kongresowego (1816–1830) // *Czasopiśmo prawa.* Kraków, 1905. Rocznik VI. S. 294.
- 81 См.: *Kutrzeba St.* Op. cit. S. 92.
- 82 Niemojowski Wincenty // PSB. Wrocław etc., 1978. T. 23/1. S. 31–34.
- 83 *Historia Sejmu Polskiego.* T. 2. Cz. 1. S. 47.
- 84 Ibid. S. 39.
- 85 Ibid.
- 86 *Michalski J.* Studia Historyczne z XVIII i XIX wieku. T. 1. Polityka i społeczeństwo. Warszawa, 2007. S. 90–91.
- 87 Цит. по: *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 100.
- 88 *Historia państwa i prawa Polski.* T. 3. Od rozbiorów do uwłaszczenia. Warszawa, 1981. S. 469.
- 89 Ibid. S. 120–122.
- 90 Ibid. S. 123.
- 91 Ibid. S. 124.
- 92 Ibid. S. 126.
- 93 Ibid. S. 472–473.
- 94 *Michalski J.* Problem jus agratiandi i kary śmierci w Polsce w latach siedemdziesiątych XVIII wieku // *Czasopiśmo Prawno-Historyczne.* T. 10. Poznań, 1958. Z. 2. S. 175–199; *Sobociński W.* Z zagadnień myśli polityczno-prawnej polskiego Oświecenia // *Wiek XVIII. Polska i świat, księga poświęcona B. Leśniodorskiemu.* Warszawa, 1974.
- 95 *Kaczyńska E.* Człowiek przed sądem. Społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim 1815–1914. Warszawa, 1982. S. 138–140.
- 96 Ibid. S. 148.
- 97 *Historia państwa i prawa Polski.* T. 3. S. 527–528.
- 98 *Kaczyńska E.* Op. cit. S. 265.
- 99 Ibid. S. 266.
- 100 Ibid. S. 147.
- 101 О судебном процессе над членами Патриотического общества см.: *Dyłałkowa H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy. 1821–1829. Warszawa, 1970.

- 102 *Askenazy Sz.* Op. cit. T. 2. S. 217.
- 103 История Польши Т. 1. М., 1956. С. 504.
- 104 *Zielińska T.* Poczet polskich rodów arystokratycznych. Warszawa, 1997. S. 22.
- 105 *Borkowski J. S. hr. Dunin.* Genealogie żyjących utytułowanych rodów polskich. Lwów, 1895.
- 106 *Zielińska T.* Op. cit. 199–200.
- 107 Drucki-Lubecki Franciszek Ksawery // PSB. Wrocław etc., 1972. T. 17/4. Z. 75. S. 582–578.
- 108 Chłopicki Józef Grzegorz // PSB. Kraków, 1937. T. 3. S. 310–313.
- 109 *Hass L.* Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej w XVIII i XIX wieku. Wrocław etc., 1982. S. 270.
- 110 Ibid. S. 271.
- 111 См.: *Cieszkowski S. D.* Senatorowie Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807–1831. Warszawa, 1891.
- 112 Chodkiewicz Aleksander // PSB. Kraków, 1937. T. 3. S. 335–358.
- 113 Lewiński Franciszek Ksawery // PSB. Wrocław etc., 1972. T. 27. S. 242–243.
- 114 *Janowski M.* Narodziny inteligencji 1750–1831 // Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918 / pod red. J. Jedlickiego. Warszawa, 2008. T. 1. S. 194–195.

ГЛАВА 5.

Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830)

1. Начало конституционной жизни: НАСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ПОЗИЦИИ ВЛАСТЕЙ

Создание автономного конституционного Королевства Польского не только изменило политическую ситуацию в Европе, но и означало преобразование политической жизни самого польского общества. Это было связано и с новыми территориальными границами польского государства, и, в первую очередь, с новыми формами осуществления государственной власти, правовыми нормами и структурой общественных институтов. Поскольку в разработке Конституции Королевства Польского участвовали видные политические деятели Речи Посполитой и Княжества Варшавского, она несла на себе и черты исторической преемственности, новое в ней сочеталось с традиционным. Так, государственное устройство Королевства в общих чертах повторяло государственное устройство Княжества Варшавского, но во многих отношениях шло дальше — это касалось, в частности, более широких полномочий монарха и функций сейма. Важным моментом являлось провозглашение Королевства Польского наследственной монархией, «на вечные времена» объединенной с Россией под эгидой династии Романовых. В этой связи при использовании польской традиции акцент делался не на недавнюю республиканскую историю Польши с ее шляхетской «вольницей», а на более далекое прошлое «Польши Пястов»: например, приведение Сената к присяге осуществлялось по формуле конституции короля Зыгмунта Августа, напоминания о «троне Пястов» звучали в речах Александра I. В то же время сохранялись все ордена и титулы, имевшие место в Речи Посполитой, подчеркивалась близость конституции Королевства идеям Конституции 3 мая 1791 г., да и многие активные деятели той эпохи встали у руководства Королевством в первые годы его существования. В частности, из пяти первых министров Коро-

левства Польского четверо — С. К. Потоцкий, Т. Матушевич, Т. Мостовский, Т. Вавжецкий являлись в прошлом членами Патриотической партии, депутатами Четырехлетнего сейма.

Все это, с одной стороны, говорило о свойственной новой конституции некоей двойственности, таящей в себе противоречие, а с другой, именно эта двойственность была способна обеспечить ей позитивную реакцию более широких кругов общества. Магнаты и шляхта были довольны гарантией своих привилегий, перспективой участия в политической жизни Королевства, низшим же слоям конституция обеспечивала сохранение антифеодальных установлений на основе Гражданского кодекса Наполеона, распространенного на Княжество Варшавское в 1807 г. Таким образом, реализовывались заявления Александра I о намерении поддержать во всех классах общества Королевства Польского «мир, согласие и единство, столь необходимые для их свободного существования и прочного счастья». Сознание счастья и гордости давало польскому народу возвращение самого имени Польши. Поляки гордились также конституцией Королевства как «самой либеральной в Европе», и она действительно была таковой, гарантируя права и свободы жителей Королевства, святость и нерушимость собственности, неприкосновенность личности, равенство национальностей и религий, свободу передвижения, более широкие, чем в Европе, избирательные права, независимость суда, гласность, свободу слова и печати и прочее. Конституционализм как знак европеизма становился стимулом развития либеральной мысли. В 1816 г. указ наместника Королевства Польского генерала Ю. Зайончека развил статью 16-ю конституции о свободе печати: отменялась предварительная цензура, закрыть газету мог только суд. В первые годы существования в Королевстве последовательно выходили бесцензурные издания «Газета цодзенна народово и обца» («Ежедневная национальная и заграничная газета»), «Кроника другой половины року 1818» («Хроника второй половины 1818 года»), «Ожел бялый» («Белый орел»), а также появилась сатирическая газета «Момус и Пол-пурри». На страницах печати разъяснялась ценность обретенных поляками прав, необходимость их сохранения и развития, подчеркивалось, что конституционные завоевания Польши являются примером для других стран. Как писала «Газета цодзенна народово и обца», «уже многие из монархов, великодушные и прислушивающиеся к народному голосу, поняли, наконец, желание своих народов, [...] требующих конституции и стремящихся участвовать в политических делах». Ставилась задача вовлечения в сферу конституционализма и либерализма масс польского народа. В этой связи в обществе составлялись различные проекты, возникали сочинения, анализировавшие прошлое Польши и формулировавшие актуальные цели поляков¹.

Характерной была программа, разработанная в документе под названием «Политический катехизис для Польши»². Там отмечалось, что во всем цивилизованном мире формируется «новый порядок вещей», цель которого — «прогресс и счастье человечества», что на всех языках повторяются слова «мир и свобода». «Всеобщее стремление упрочить мир» называлось «прекраснейшей чертой» XIX века, а «лозунгом всех народов» признавались «единство и согласие». Авторы «Катехизиса» критически смотрели на

польское общество, подчеркивая, что поляки, хотя и очень сильно отстают в области «политического просвещения», счастливее других, имея «свободные институты», но последние останутся «мертвой буквой [...], пока масса нации [...] не оживит их [...] мощным общественным духом». Перечисляя главные конституционные права и свободы, они требовали гарантий их обеспечения и, в частности, останавливались на вопросе о свободном выборе представителей народа. Подчеркивалось, что нужна такая избирательная система, которая не слишком бы ограничивала выбор, не давала классовых привилегий, но и не допускала бы к выборам людей, не заинтересованных в «поддержании законного порядка» и потому способных стать орудием личных или партийных целей. В отношении партий отмечалось, что они могут стоять на идейных позициях, являясь «необходимым результатом свободного правления», а могут основываться на частных эгоистических интересах, которые порой становятся причиной революции. Осуждалось использование для достижения собственных целей религии в качестве орудия и прикрытия «людьми безрассудными и одержимыми страстями»; духовенству рекомендовалось заниматься просвещением народа, подчиняясь общим законам страны. В то же время авторы «Катехизиса» утверждали, что равенство перед законом не означает предоставления всем равных политических прав: их нельзя давать тому, у кого нет гарантий в виде собственности, так как он может использовать их в своих интересах; лишь в недалеком будущем прогресс и рост благосостояния сделают возможным наделение политическими правами всех поголовно.

В документе был ряд конкретных предложений по развитию конституционных свобод — речь шла о введении суда присяжных, о взимании дифференцированного (в зависимости от состоятельности) налога на потребности общества. Особое внимание было посвящено вопросу свободы печати, которая означала естественное право каждого свободно мыслить, выражать свои взгляды и оглашать их публично. Деспотизм и монополизм в отношении мысли объявлялись более вредными, чем деспотическое правление. «Свобода печати, — говорилось в документе, — есть необходимое условие политической свободы», средство общественной деятельности и защиты людей, она необходима и правительству, если оно разумно и уважает общественное мнение; что же касается злоупотребления свободой печати, то оно чаще встречается там, где вместо твердых правил, органично вытекающих из закона, существуют ограничения. В документе содержалось предупреждение: власть, выходящая в своих действиях за установленные законом рамки, может проявлять деспотизм даже в отношении свободного народа.

Обращая внимание на возрождение польского государства в новых границах, авторы «Катехизиса» напоминали, что в этой европейской стране живет «племя великой славной семьи, известное своими несчастьями и проявленной стойкостью»; в этой стойкости и рвении они видели силу поляков, которые в течение многих веков играли важную роль в Европе и за столь короткое время не могли забыть о том, что ранее составляли самостоятельную нацию. Поэтому, говорилось в документе, обязанность поляков, находящихся под чужой властью, — подчиняться ей, но с нежно-

стью помнить о своем народе, «брезгуя личными видами, которые бы могли исказить или ослабить национальный дух». Что же касается граждан Королевства Польского, то программа каждого из них формулировалась так: «Нескончаемая благодарность воскресителю [Польши. — С. Ф.], неколебимая верность ему и Конституции, ревностное отстаивание прав, гарантированных этой Конституцией, использование степени просвещения века для завершения собственного образования, осмысление национальных прав и утверждение их в сознании всего общества».

Авторы «Катехизиса» отмечали более высокий дух XIX столетия по сравнению с предыдущим веком. Они указывали, что «политический уклад давней Польши не совсем согласуется с принципами конституционного государства»: в Речи Посполитой были не свободы, а привилегии, «во власти и правлении участвовали партии, фамилии и только один класс, а не весь народ». В документе признавалось социально-политическое отставание Польши от других европейских стран, где уже идет последняя борьба между новым и старым порядком. Полякам, писали авторы, еще рано вмешиваться в их борьбу, так как возникшие партийные страсти разделили бы нацию, только лишь вступающую в политическую жизнь; лучше воспользоваться плодами этой борьбы, учиться на чужом опыте, но не слепо ему подражая, а делая должные выводы и не забывая при этом, что поляк «только по-польски должен думать и действовать», что «посвящение себя национальному делу является добродетелью, рвение — обязанностью, а равнодушие — преступлением». Следуя таким принципам, можно было выйти на «единственно спасительный путь умеренности». «Опыт научил нас, — говорилось в документе, — что не слепой энтузиазм, не дерзкая ставка на счастье, но терпение, стойкость, а прежде всего распространение и укрепление подлинно национального духа, национального быта, значения и мощи нации составляют единственную гарантию». Поэтому «Катехизис» требовал от духовенства учить крестьян не только религии и морали, но и патриотизму, внушать им представление о правах и обязанностях граждан, о национальных свободах. Подчеркивалось, что нужно пользоваться свободами, защищать гражданские права и готовиться к расширению правового пространства, совершенствовать «гражданские добродетели» польского народа.

В «национальности» поляков авторы документа видели гарантию правомочности Конституции Королевства Польского, так же как и в «слове великого их монарха», заверяя, что «настоящий поляк никогда не будет изменником». Прославлялись как особа царя Александра, так и сам факт объединения Королевства с Россией: «Север дает остальной Европе великий пример единства и согласия народов, такого объединения, которое превращает народы в братьев — членов одной семьи и дает равные права народам, соединенным под одним скипетром, которое, оставляя каждому народу свойственные его национальности черты, предоставляет обоим одинаковое место у сердца Правителя, не давая ни одному, ни другому преимущества». Но хотя речь шла о равенстве, авторы «Катехизиса» все же подчеркнули особое место Польши в объединении: выступая в качестве «связанной одними с Севером и теми же потребностями», она претендова-

ла на роль «передового укрепления», «щита для Запада», «пункта передачи западного просвещения на Восток». Документ завершался на оптимистической ноте, выражалась надежда, что поляки окажутся «людьми XIX века», а царь продолжит свои благодеяния: «Мы надеемся, что зародыш воскресенной Польши даст прекраснейшие плоды и что отеческая рука Опекуна поляков распространит благодеяния, которыми он нас одарил, и порадует возрожденную Отчизну прибавлением семейства».

В этих словах ясно отразились настроения польского общества в первые годы после провозглашения нового польского государства. Ожидания и чаяния были связаны с туманными обещаниями царя присоединить к Королевству западные губернии России, входившие в состав Речи Посполитой до ее разделов. Надеялись, что в будущем под скипетром российского императора смогут объединиться все польские земли и произойдет это не в результате освободительной борьбы, а мирным путем. Такие надежды возникли еще во время приезда Александра I в Варшаву в ноябре 1815 г., когда народ приветствовал «польского короля», представшего в мундире генерала польских войск и с орденом Белого орла. Как вспоминал граф Ф. Скарбек, в Варшаве императору был оказан блестящий и «даже сердечный прием». В честь царя-«триумфатора», победителя Наполеона, была организована трехдневная иллюминация, устраивались пышные балы, проходили военные маневры и парады, состоялось вручение орденов и т. п. За 20 дней своего пребывания в Варшаве царь очаровал всех «чрезвычайной добротой и приветливостью», принимая хлеб-соль, он заявил: «Я прибыл сюда не как завоеватель, а как опекун, как ваш друг, желающий видеть всех счастливыми». Общаясь с «цветом» польского общества, император якобы говорил о перспективе присоединения к Королевству западных губерний России. На это намекала и приуроченная к торжествам постановка в театре новой исторической драмы Ю. У. Немцевича на тему объединения Польши и Литвы «Владыслав Ягелло и Ядвига». Сам Немцевич впоследствии отмечал, что искренняя на тот момент либеральная политика царя открывала перед Польшей «после стольких бурь ясную зарю будущего [...] Окончательное падение Наполеона под Ватерлоо не сулило иных надежд, кроме как на Александра». В своем дневнике Немцевич назвал 20 июня 1815 г. «днем, воскрешающим, по крайней мере, имя Польши, утраченное на столь долгий срок». Подчеркнув, что все в крае «читали основы конституции, весьма хорошей и либеральной, такой, какой только можно было желать», он заключал, что «в этом отношении ничего больше и не остается желать, как только чтобы эта конституция верно соблюдалась». С радостью констатируя, что в Польше «создается новое королевство, самое прекрасное на Востоке», он одобрял и ряд сделанных Александром I назначений, в частности, писал 21 мая 1815 г. о назначении краковского епископа Я. П. Воронича: «Если император в дальнейшем так будет замещать все административные посты, то для нашего края это станет величайшим благом». Правда, в заметках Немцевича говорилось также о том, что назначение генерала Ю. Зайончека наместником Королевства Польского удивило и не понравилось общественности. Писал он и об имевшем место в обществе «недоверии», об отсутствии

спокойствия как среди гражданских лиц («тихие раздоры»), так и в армейской среде, характеризовавшейся проявлениями «бурного ожесточения». Тревожные симптомы отмечались также и А. Чарторыским, в 1815 г. сообщавшим императору, что вся страна с нетерпением ждет, когда уедут русские чиновники; иначе, предупреждал он, польский народ «будет считать себя под надзором, который, что бы ни делали, но чувствуется всегда». Существование «шепота сомнения и недоверия» особо подчеркивал В. Лукасиньский в своих мемуарах. По его словам, некоторые поляки уже во время пребывания Александра I в Варшаве разглядели в лице императора «хитрость и притворство», разгадали, подобно Лукасиньскому, цель этой «ловкой и умной» политики царя, «направленной на поддержание доброго духа и укрепление доверия»: ведь «нося свое имя, поляки будут служить ему лучше, чем называясь русскими»³.

Однако большинство жителей края были довольны, в том числе и тем, что видели перспективу сближения двух народов. Так, в мае 1818 г. В. Швейковский, избранный ректором Варшавского университета, говорил о чувствах благодарности Александру I, который «воскресил имя поляка», сохранил за поляками «права свободного народа» и их умножил, «первый из монархов признал либеральные принципы теми единственными, какими должны руководствоваться народы». Швейковский особо отметил, что «политическое существование поляков укреплено союзом с народом, происходящим из того же племени»: «То, в чем Провидение отказало нашему оружию, оно подало нам на острие победоносного братского оружия [...]». С одной стороны чувство благородного деяния, с другой чувство благодарности, с обеих сторон убеждение в чистых намерениях и целях единства [...] превратило неприязнь в братскую любовь». Знаменательно, что мотив дружбы двух народов громко звучал также и с русской стороны. В изданном 5 (17) февраля 1818 г. императорско-королевском универсале, содержащем повеление о первом созыве сейма Королевства Польского, говорилось: «В течение долгого времени угнетали Польшу несчастья, жестокие неудачи преследовали вашу родину, но ваше объединение с братским народом, слияние, которое является на будущее гарантией вашего существования, уже прервало полосу этой неволи; конституция же, в полной мере национальная, благотворные законы, удачно соразмеренная свобода заглядят, наконец, следы этой затянувшейся бури»⁴.

Эти настроения отразились и на самой атмосфере сейма, состоявшегося в марте-апреле 1818 г. Первая сессия нового законодательного органа Королевства Польского прошла под знаком прославления польского короля Александра и его конституции. В тронной речи на торжественном открытии сейма император заявил, обращаясь к его участникам: «Ваши надежды и мои желания осуществились. Народ, который вы призваны представлять, наконец, пользуется национальным бытием, гарантированным институтами, которые вызрели и одобрены временем». Он вновь не преминул напомнить, что «возрождение» Польши «неразрывно связано с судьбой России», и потребовал, чтобы все усилия представителей польского народа были направлены на укрепление «этого спасительного и покровительственного союза»: «Вы призваны дать великий пример Европе,

устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человека цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов. Вам предлежит ныне явить на опыте столь великую и спасительную истину». Он подчеркнул, что конституция, как и международные трактаты, освящает возрождение Польши: «нерушимость этих внешних соглашений и этого кардинального закона отныне обеспечила Польше почетное место среди европейских народов». Монарх обещал своим польским подданным, что дальнейшее развитие края по пути прогресса обеспечат законы, которые будут приняты; их цель, подчеркнул он, — «гарантировать самые ценные блага: вашу личную неприкосновенность, неприкосновенность вашей собственности и свободу ваших мнений». Прозвучал и завуалированный намек на возможность расширения границ польского конституционного пространства: «Организация, существовавшая в вашем крае, — отметил Александр I, имея в виду государственное устройство Княжества Варшавского, — позволила сразу ввести ту (систему. — С. Ф.), которую я установил, применяя на практике принципы либеральных институтов, являющихся предметом моих забот и благотворное влияние которых я надеюсь с Божьей помощью распространить на все края, доверенные Провидением моему правлению»⁵.

Царь внял настоятельному совету министра иностранных дел России графа И. А. Каподистрии изъять из текста речи явное сравнение России и Польши и обещание объединить Королевство Польское и Литву. Но и без того речь произвела большое впечатление. Она воспринималась как речь конституционного монарха, а не самодержца, тем более что император произносил ее стоя, а не сидя на троне. Последнее даже вызвало неудовольствие Ю. У. Немцевича, сторонника соблюдения традиционного ритуала. Консервативная часть шляхты и магнатства видела в царе защитника феодальных устоев, надеялась на присоединение к Королевству западных губерний, а в перспективе и других польских земель, была заинтересована в гарантиях своих политических прав и имущественных интересов, которые она имела на территории всех трех частей бывшей Речи Посполитой, а также рассчитывала на экономическое сотрудничество с Россией. За это она была готова даже поступиться частью конституционных свобод, а некоторые из ее среды, как, например, сенатор К. Козьмян, считали, что конституция Княжества Варшавского больше подходила бы для ограничения польской анархии. Но большинство тех, кто выражал общественное мнение, ценило позицию царя именно за европейский либеральный дух: «Самодержец российский, — писал К. Бродзинский, — с трона некогда свободного народа, как бы по наитию, провозгласил либеральные основы, которым верила как Польша, так и Европа [...]. Он обещал, что это небольшое королевство станет зародышем всех свобод и законов, какие он хочет

даровать всем славянским народам, находящимся под его скипетром [...]. Мы еще сильнее уверовали в национальное начало и в Конституцию, через нас сулящую свободу стольким народам». Ф. Гжимала, вспоминая в 1820 г. на страницах газеты «Ожел бялый» речь Александра I, заявлял: «Останется в памяти далеких потомков речь короля при открытии сейма 1818 г., в которой этот Ангел истомленных вновь повторил перед лицом всего мира свой девиз, что либеральные институты составляют счастье народов»⁶.

Те же настроения царили на сейме. Выступивший на нем Д. Крысиньский подчеркнул, что «наилучший из королей» своей «самой либеральной конституцией» обеспечил полякам постоянный прогресс, а Ю. Выбицкий в начале заседаний предупредил их участников, что они должны быть достойными такого дара: «В этот момент на нас смотрят с боязнью и любопытством все народы, жаждущие конституции. Нас будут выслеживать пристрастная критика и ненависть, так что малейшее нарушение в наших парламентских прениях будут рассматривать как склонность к беспорядкам, будут воскрешать в памяти оскорбительное для нас политическое чудовище нашего правления — либерум вето». О том, что вся Европа смотрит на поляков, что все взоры обращены на их труды, повторяли на сейме неоднократно, что отметил тот же Крысиньский. Восторг и благоговение перед конституцией, благодарность за нее монарху служили основным эмоциональным фоном заседаний, находили выражение в речах и верноподданнических адресах царю (например, в адресе, составленном Г. Малаховским). Выступавшие подчеркивали, что «милостиво данная [...] Конституция, настолько обеспечивающая свободы и счастье нации, поистине является гарантией блестящего предназначения, которого не преминут достичь под крепкой защитой столь замечательного монарха народы, находящиеся под его сладостным скипетром». В рапорте сейму наместник Ю. Зайончек писал: «При конституционном порядке правительство и народ составляют единое тело и должны иметь единую душу, этой душой в Польше есть и будет благодарность за оказанные благодеяния и доверие, которое объединит желания и намерения, сплавивая их в единое стремление». Он заверял, что польский народ, «который после 90 лет борьбы между политическим возрождением и смертью, прикрытый щитом безопасности, какую ему дарует объединение с великим народом-побратимом, вновь начинает пользоваться предоставленными монархом свободами, который впервые окружает трон своего благодетеля и должен предстать перед ним со всей силой благородных чувств, со всей готовностью принять те дары, что ему уделила великодушная рука», такой народ будет очень серьезно подходить к своим обязанностям и поступкам⁷.

На сейме были оглашены «Замечания сенатской комиссии по отчету о деятельности правительства». Министерства получили указания при подготовке отчета давать сравнения настоящего положения с прошлым, чтобы была основа для выражения благодарности и преданности монарху. В результате общий отчет, откорректированный членом Государственного совета (Рады) К. Козьмяном, оказался настолько некритичным, что вызвал насмешки общественности. Это нашло отражение, в частности, в сатирическом стихотворении М. Мольского⁸:

«Твой рапорт в сейме как целебный пластырь,
Я восхищен твоим химическим уменьем,
Из извести ты сделал алебастр
Одним волшебным словоговореньем.
И этим ты принес нам облегченье —
Надежду, что наступит улучшение,
И край преобразится несказанно,
Коль в Раде будет множество Козьяннов».

Благостность отчета была опровергнута представителями Сената и Посольской избы (палаты послов и депутатов), указавшими на недостатки в работе правительства. Характерно, что в «Замечаниях» сенаторов содержались как бы извинения за критику и оправдания. Свет правды, говорилось там, не режет глаз законодателя, который озаботился тем, чтобы лучи его шли со всех сторон, освещая истинное положение дел. Указывалось, что собрать правду воедино должны три ветви власти, и само правительство более других заинтересовано «узнать о себе искреннее и верное мнение народа». Народ же неразрывно связан с королем, «который наравне с народом [...] чувствует и думает»; в нем «сосредоточены наивысшее попечение и воля», он «и создатель законов, и источник их исполнения», он же осуществляет за этим надзор. «Конституция, — говорилось в «Замечаниях», — видит в нем не особу, а моральную власть, вознесенную над всеми страстями, всякими симпатиями и нуждами, которая поэтому никогда не может иметь повода творить зло, которая не способна хотеть и желать чего-либо иного, как только того же, что и народ»; интерес короля и народа заключается в хорошей работе правительства, исполнении им законов, и они «равно страдают», если власть оказывается неумной или нечестной. Поэтому комиссия Сената в аккуратной форме указывала на нарушения конституции: без санкции сейма правительство устанавливало новые подати, министры не контрассигновали королевские декреты. Как недостаток в работе Правительственной комиссии (министерства) вероисповеданий и общественного просвещения был отмечен тот факт, что духовенство не отвечает своим обязанностям и предназначению: прогресс не ощутим, идет деморализация, которая отражается на воспитании молодежи. Критике подверглась и полиция: чтобы обеспечить общественную пользу и безопасность, она должна была, где нужно, проявлять умеренность, не затрагивать личную свободу. Сенаторы оговаривались, что не могли не сказать о недостатках, иначе они были бы виноваты. Подчеркивалось, что никто не подозревает министров в злом умысле: все чтут святость конституции, но пока лишь учатся, ошибаясь из-за незнания и отсутствия опыта, и только теперь «под оком мудрого законодателя» «должны наставлять и остерегать друг друга». Критические замечания завершались новыми словословиями царю; в самой возможности хвалить или ругать правительство видели заслугу монарха: «Его воле обязаны улучшения в стране и достоинства правительства, благодаря его доброте можно указать на некоторые упущения». Говоря о доброте и воле монарха, способных преодолеть трудности, сенаторы возлагали на него определение «времени и способов ис-

полнения всех наших желаний» как гарантии того, что они будут выполнены. Они благодарили царя за предоставление полномочий наместнику, видя в этом «точное следование конституционной хартии, являющейся его делом», «новое средство, чтобы ее гарантийные статьи, развиваясь в сторону все большего уточнения, приобрели нерушимую прочность»⁹.

В отличие от «молчаливого» сейма Княжества Варшавского, в сейме Королевства право выступать с замечаниями по отчету Государственного совета имели обе палаты. В Посольской палате не было единодушия: критически настроенный к деятельности правительства либеральный посол от Калиша В. Немоёвский был недоволен подготовленным проектом замечаний по отчету, ему возражал варшавский депутат С. Б. Линде. В результате возникла новая версия замечаний, ее подготовили Ю. Малаховский, С. Грабовский, А. Слубницкий и В. Куницкий. Авторы старались проявить благожелательное отношение к законопроектам правительства, чтобы «не опечалить сердце Александра», тем не менее, по работе почти каждой правительственной комиссии была высказана критика. Она также перемежалась комплиментами в адрес императора, выражением уверенности, что Королевство «расцветет под сладчайшим скипетром могучего монарха»¹⁰.

Таким образом, в обстановке, внешне казавшейся радужной, подспудно намечались первые конфликты сейма с царской администрацией. Сейм отверг предпринятые под давлением духовенства попытки пересмотреть брачное законодательство, изменить его гражданский характер, передав церкви компетенцию в вопросах заключения и расторжения супружеских союзов. При этом оппозиция критиковала тот факт, что проект закона ставит католиков в особое положение. Не прошел и законопроект, касавшийся разграничения прав собственности. «Со скрипом» приняли Уголовный кодекс: в «Замечаниях» комиссии Сената констатировалось «печальное положение» с гражданским и уголовным судопроизводством. Отмечалось, что проект Уголовного кодекса готовился наспех, без разработки и обсуждения на местах; подчеркивалось, что в этом деле необходимо участие обществу, что такой порядок существует даже в автократических государствах и был бы «еще более уместен в стране, где законы обсуждаются в палатах сейма и должны быть заранее к этому подготовлены». Сенаторы указывали на запутанность многочисленных формулировок в представленном проекте кодекса, что открывало «широкий простор для махинаций и крючкотворства». Среди поправок к закону были, в частности, сформулированные Крысиньским требования усилить наказание чиновников за злоупотребление властью, за утверждение постановлений, ущемляющих конституционные права, всемерно подчеркивалось, что конституция не должна нарушаться. Поскольку сейм не обладал законодательной инициативой (такое изменение внес в первоначальный проект Конституции Королевства Польского сам царь), пожелания и предложения послов и депутатов формулировались как при обсуждении отчета правительства, так и в петициях, адресах, жалобах, направленных на имя короля. Во многих из поданных на сейме 53 петиций речь шла о соблюдении и развитии конституционных прав — о передаче в ведение сейма законодательства в полном объеме, устранении административных судов и введении судов присяж-

ных, проведении регулярного, а не выборочного призыва в армию. Указывалось на необходимость развития ряда статей конституции, в частности, касающихся свободы печати. Предложения касались и процедуры работы сейма: ее участники хотели сами выбирать председателя сейма — маршалка, чтобы оградить его от давления властей. Но кроме этих «отдельных» просьб, члены сейма называли царю еще одну «наиважнейшую»: «чтобы данная Тобой Конституция, этот святой девиз свобод и благополучия края, получила полное развитие и была сохранена». «Заявляем Тебе, Государь, смело и с доверием, — писали парламентарии, — что всякое нарушение оной угрожает продолжению навеки памятного Твоего дела и больно ранит сердца приверженного Тебе народа»¹¹.

На эти просьбы император ответил в речи на закрытии сейма: «Вы оправдали мои ожидания, обсуждение на этом первом собрании, дух, который его вдохновлял, плоды его деятельности являются однозначным свидетельством чистоты ваших намерений и вызывают мою похвалу [...]. Вам, свободно избранным, надлежало свободно совещаться. Эта двойственная свобода всегда будет представлять собой подлинное свойство Национального представительства, каковое я желал созвать, чтобы в его голосе услышать искреннее и полное выражение общественного мнения». Слова Александра I как бы не только подтверждали готовность защищать конституцию, но и непосредственно выражали удовлетворение ходом обсуждения на сейме. О том, что «король уехал из Варшавы довольный, с желанием возвращаться, с убеждением, что сеймы нужны, полезны и опасаться их нет никаких причин», свидетельствовал А. Чарторыйский. Ему показалось, что в голове императора все более крепла мысль о присоединении к Королевству Польскому западных губерний. И действительно, царь думал над этим планом, велел сенатору Н. Н. Новосильцеву, своему главному советнику по польским делам, приготовить перевод с латыни актов 1413 и 1551 гг., скрепивших союз Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского, и обратился по этому вопросу к Н. М. Карамзину. Историк выразил свое отрицательное отношение к планам объединения Литвы и Королевства Польского, опубликовав «Заметки русского гражданина». После этого царь вновь с ним беседовал в Царском Селе, но они так и не сошлись во мнениях¹².

Хотя Александр I сохранил благожелательное отношение к полякам, не всё происходившее на сейме ему понравилось. 8 ноября 1818 г. министр — государственный секретарь Королевства Польского И. Соболевский писал из Петербурга, излагая «мысли и замечания» государя: нужно ограничить рамки использования статьи 154 Органического статута о национальном представительстве; эта статья не дает сейму права «читать правительству нотации по поводу его действий или упрекать его, а позволяет только выразить свое мнение на предмет сделанных сейму представлений». По мнению царя, члены сейма не должны были забывать, что правительство подотчетно лишь монарху. Позже он заметил, что вообще о конституции может судить единственно сам ее источник. В свете такой позиции царя закономерным было распоряжение, данное наместником Зайончеком секретарю сейма А. Сярчиньскому, при публикации «диариуша» сейма (то есть протоколов ежедневных заседаний) исключить все острые критические

выступления, а также те петиции, что были отклонены государем. Среди прочих не была опубликована и речь В. Немоёвского, который на сейме клеймил все нарушения конституции, выступив как ее пламенный защитник: «Конституция, — заявил он, — это священный огонь народа. Мы, представители народа, являемся хранителями этого огня, горе тому сейму, который позволит ему угаснуть. Конституция — наше политическое Евангелие. Представители народа обязаны следить, чтобы ее кардинальные принципы ни в чем не были нарушены». Между тем права эти постоянно нарушались, что констатировали и лояльные монарху политики. Так, Ю. У. Немцевич, указывая на превышение властями своих полномочий, писал: «В мире думают, что у нас есть законы, а у нас есть только приказы». Еще в 1816 г. он отмечал в дневнике, что конституция существует «лишь для газет и похвальбы перед целым светом, будто мы любим либеральность и свободы», и признавался в «грустной мысли» — «помнить, что наша судьба и все наше существование зависит от одного человека»¹³.

Однако Немцевич сохранял свои мысли для себя и узкого круга друзей, либералы же, напротив, стремились привлечь к этим вопросам внимание широкой общественности, и «Политический катехизис для Польши», несомненно, вышел из-под их пера. Либеральная оппозиция Королевства Польского по своему характеру отличалась от оппозиции, существовавшей в XVIII в. в Речи Посполитой и в начале XIX в. в Княжестве Варшавском. Ее ядро на сейме 1818 г. составили калишане братья Немоёвские — Винцентый и Бонавентура, А. и Г. Бернацкие, Ю. Качиньский, а также Ш. Вишневецкий и братья С. и Ф. С. Гавроньские из Августовского воеводства, Ю. Годлевский из Мариамполя, Д. Крысиньский от Варшавы, Ф. Гжимала и другие. Они смотрели на сейм как на полноправный законодательный орган, гарантированный конституцией, и стремились через него осуществить право общества на участие в определении курса дальнейшего развития страны. Б. Немоёвский настаивал на том, чтобы сейм занимался не только гражданскими и уголовными законами, но и всеми основными сторонами жизни Королевства Польского — финансовыми, экономическими, военными и прочими проблемами. Он указывал, что нужно обратить внимание государя на самоуправство администрации, которая распоряжалась казной, вводила налоги и подати, игнорируя сейм, наместник же издавал рескрипты даже без участия Административного совета. В. Немоёвский, отвечая на упреки маршалка сейма В. Красиньского, подчеркивал, что именно самоуправство министров наносит ущерб дарованной императором конституции, которую необходимо защищать от малейших, даже самых незначительных нарушений¹⁴.

Характерно, что в своей критике либералы старались отделить монарха от его окружения. В известной мере такой настрой общества отразился в брошюре А. Кожуховского, где автор по горячим следам дал анализ работы прошедшего сейма и наметил дальнейшее направление борьбы за конституционные права. По его мнению, необходимо было соблюдать уважение к царю и его министрам, в то же время защищая конституцию, вскрывая все нарушения конституционных прав. Кожуховский высоко ценил данную императором России конституционную хартию, так как она, в отличие от конституции Княжества Варшавского, составленной Наполеоном, обладала

действительной силой, а не ограничивалась пустыми декларациями. Отмечая, что ни сам царь, ни его наследники не могут менять конституцию, он видел в ней «святой залог Творца нации, узы, соединяющие правительство с подданными», и подчеркивал, что «все обязаны с уважением смотреть на этот священный принцип. Как только самому малейшему нарушению будет дана поблажка, подстрекатели с легкостью приступят к более важным»¹⁵.

Так, уже на первом сейме либеральная оппозиция заявила о своей программе конституционализма. Ее активными участниками были издатели либеральной прессы Б. Кициньский и Т. Моравский. Именно на страницах печатных изданий «Газета цодзенна народов и обца», «Кроника другой половины року 1818», «Ожел бялый» развернулась пропаганда либеральной мысли. Деятели оппозиции ориентировались на французский либерализм, вдохновлялись идеями Б. Констанана. Они хотели, чтобы поляки с полным правом могли считать себя европейцами. В. Немоёвский писал В. Красиньскому: «Во время сейма я досыта наслушался этих банальных предостережений, что Европа на нас смотрит. Да, может, и смотрит, особенно смотрят народы, имеющие конституцию, но смотрят, достойны ли мы занять место среди них, сумеем ли мы мужественно, постоянно и открыто стоять за дело народов, за конституцию». Оппозиция хотела полной реализации конституции, тех ее «кардинальных принципов», которые, как писал в 1820 г. на страницах газеты «Ожел бялый» посланец от Августовского воеводства Свентополк-Мирский, «великий монарх заложил в качестве краеугольного камня нашего счастья, но которые до сих пор остались неосуществленными или реализованными в совершенно противоположном духе». И не случайно В. Немоёвский, который текст своего выступления, исключенный из «диариуша» сейма, опубликовал в Познани, предпослал публикации эпиграф: «Хотим Конституции, всей Конституции!»¹⁶

Изъятия при опубликовании сеймовых дебатов возмущали оппозицию как факт нарушения свободы печати, а вскоре вопрос о цензуре печати встал еще более остро. В мае 1819 г. протесте великого князя Константина актриса Филис была освистана варшавской публикой, и в ответ городской голова издал распоряжение, запрещающее такие проявления недовольства в театре. Когда же либеральная пресса потребовала отмены распоряжения, выступив против произвола властей в защиту свободы мнений, «Газета народов цодзенна и обца» была закрыта решением администрации. Более того, наместник поручил Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения «принять все меры, какие признает необходимыми, для пресечения злоупотреблений свободой печати, адресуясь к прежнему польскому законодательству и установлениям правительства Княжества Варшавского». На основе распоряжений наместника летом 1819 г. цензуру распространили на всю периодику в качестве временной меры — до принятия закона о злоупотреблении свободой печати. Также по приказу наместника Правительственная комиссия внутренних дел и полиции издала в июле 1819 г. постановление, запрещающее типографиям печатать все то, что содержит «политические материалы», а спустя несколько дней сам Ю. Зайончек довершил дело введения цензуры, наложив запрет на публикацию «произведений всякого рода». К таким произведе-

ниям относилась вся историческая литература, так как исключались всякие воспоминания о давней Польше, ее территории и границах, о могуществе польского государства. Министр вероисповеданий и общественного просвещения С. К. Потоцкий и государственный советник С. Сташиц не поддерживали эти меры, но под давлением наместника были вынуждены подписать постановление. Вскоре жертвой цензурного запрета оказалась газета «Хроника другой половины року 1818», пришедшая на смену закрытой властями «Газете цодзенной народной и общей». Поэтому борьба за свободу печати стала одним из главных пунктов программы, которую либералы готовили для предъявления на следующем сейме и которую популяризировал «Ожел бялый» — очередное новое издание редакторов «Хроники», избравших девиз «Право и правда»¹⁷.

В новой газете, быстро ставшей популярной, наряду с обзором международного положения, которое характеризовалось развитием революционных событий в Европе, печаталась информация о внутренней жизни Королевства Польского, публиковались письма с мест. Сообщалось, в частности, о ходе выборов на будущий сейм, о заявлениях избранных представителей народа. Все они были полны изъявлениями благодарности монарху. Так, во время выборов в Ленчице К. Лесевский, назначенный маршалком сеймика, «представил безграничную доброту Великого Александра, короля и императора, который, своей мощной рукой подняв павшую и стертую с карты европейских держав Польшу, вновь поставил ее в ряд существующих королевств». Затем маршалек разъяснил участникам сеймика «обязательства, какие на них накладывает конституция, этот драгоценный дар благороднейшего монарха». Избранный же на сеймике ленчицкий посол В. Шоловский подчеркнул, что «Александр начал господствовать над сердцами поляков раньше благодеяниями, чем скипетром». В это же время на торжестве в Плоцке, где праздновали именины наместника Ю. Зайончека, прозвучали стихи, отрывки из которых были присланы в газету для публикации; в них выражалась уверенность, что одно «мановение великого Александра объединит соплеменников, не сломленных ужасными несчастьями». С этими стихами перекликались строки «Кантаты в ознаменование годовщины создания Королевства Польского», отмечавшейся летом 1820 г. Пение солистов и хора сочеталось с мелодекламацией, текст кантаты был написан Ю. Брыкчиньским, одним из либеральных издателей газеты «Ожел бялый», и отражал упование на воссоединение польских земель царем:

«По-за горы, по-за воды пролегая, путь свободы
Свяжет с нашею свободой даже дальние народы.
Может, нас могучей дланью Александр сплотить сумеет...
Тот ведь, кто Орлом владеет, и Погоней тот владеет».

Вся кантата была проникнута духом прославления царя и свободы. Автор текста утверждал, что в будущем потомки («наших внуков внуки») «поставят заслуженный памятник» в честь «добродетелей» императора, «которого все благословляют». Постоянно повторялся рефрен:

«Честь Тебе, Благословенный!
 Даровавший мир всем людям!
 Пусть алтарь, Тебе вознесенный,
 Нерушим навеки будет!»¹⁸

Концентрированное изложение позиции польских либералов содержалось в статье «Мысли Конституционного поляка»; под таким псевдонимом скрывался Ф. Гжимала, один из активнейших деятелей этого направления. Статья публиковалась в нескольких номерах газеты в начале 1820 г. Ее стиль вполне соответствовал тактике либералов, которую, в частности, применил А. Кожуховский в своей программной брошюре: благодаря и прославляя царя, они прославляли конституцию. «Наш великий Законодатель, — писал Гжимала, — заложил краеугольный камень нашего нового будущего. Как бы проникшись сверхчеловеческим духом, он соединил исстрадавшихся поляков с их предназначением. Может ли быть большее право на благодарность и историческую славу!» «Благословляя монарха, — продолжал он, — мы пользуемся его благодеяниями и более уверенным, а одновременно и более спокойным шагом вступаем на указанный нам путь». Самым «дорогим даром замечательнейшего из монархов» провозглашалась конституция — «щит наших свобод», «кардинальное право», «политический катехизис поляков», который газета даже требовала сделать предметом обучения «вместе с религиозным катехизисом непосредственно вслед за азбукой». Как писал в газету некий «Помещик-не-шляхтич», участвовавший в грубешовском гминном собрании, польской конституции завидовали враги Польши. Он подчеркивал, что тот, кто проникся духом конституции, «совершенно перестал сомневаться насчет спасительных в отношении нас намерений законодателя. Через нее (конституцию. — С. Ф.) он полностью отдал в наши руки охрану национальных свобод, позволил нам самим работать над построением нашего счастья». Если в этих словах звучал намек на существовавшее первоначально некоторое недоверие относительно искренности царя, то статья Гжималы их полностью опровергала: «По счастью, почти чудесному, — писал он, — наша конституция за три года стала для благомыслящих поляков любимым обычаем. Для нее бьются все сердца»; «Поляки видят счастье в своей судьбе, они читают его в конституции, они уверены, что тот, кто даровал ее, хочет ускорить ее спасительные последствия. Поэтому поляки желают, чтобы Свободы, гарантированные им конституцией, стали законом в период царствования Александра, чтобы сам этот замечательный Законодатель поскорее в полной мере насладился тем, что осушил слезы народа, несчастного, но достойного свободы». «У нации, — говорилось в статье, — есть два повода для сладких надежд: мудрость короля, который хочет, чтобы дело его имело результат, и сила общественного мнения, которое во всем согласуется с волей монарха». Тем самым подчеркивалось, что народ является активным участником строительства новой, конституционной жизни, субъектом осуществления общественных функций¹⁹.

Смена настроений, происшедшая в польском обществе в связи с созданием Королевства Польского и дарованием ему конституции, акцентировалась в газете: «Ныне, когда чудесным свершением небеса соединили

славу Александра с возрождением Польши, кто отыщет в чужой истории подобную внезапную перемену национальных чувств?» Вновь и вновь отмечалось, что поляки хотят «посвятить жизнь тому, чтобы передать своим поколениям это драгоценное наследие во всем очаровании национального бытия и показать миру, на что способен народ, воспитанный в колыбели свободы, под управлением короля, идущего в ногу с веком». Из номера в номер «Ожел бялый» внушал полякам, что конституцию нужно беречь и укреплять: «Но чем более дорог нашим сердцам правящий нами монарх, — писала газета, — чем дороже обеспеченные им свободы, тем сильнее мы должны стараться, чтобы распределение счастья и благополучия, которые гарантировала нам дорогая наша Хартия, осуществлялось в подлинно семейном духе». В корреспонденции «Помещика-не-шляхтича» сообщалось о призыве некоего Винцентья, избранного на грубешовском гминном собрании, к «точному и неуклонному сохранению этой святой Хартии». Не исключено, что речь шла о Винцентии Немоёвском, который во время выборной кампании обратился к избирателям Велюньского повята с подобным призывом: «Как поляки мы заинтересованы в том, чтобы сохранить в чистоте нашу конституцию, чтобы свободу нашу, которую добрейший монарх соблаговолил закрепить за нами посредством либеральных законов, мы застраховали бы от влияния людей и обстоятельств. Для достижения этой цели нужно, чтобы наши представители соединяли с независимостью мнений также и личную независимость». Эти качества нужны были и потому, что либералы рассчитывали развивать и совершенствовать конституционную структуру Королевства путем принятия новых законов в сейме. Характерно, что одна из статей газеты, опубликованная без указания имени автора, имела знаменательное заглавие: «О внутреннем управлении в Великобритании и соображениях, как его можно приспособить к нашему краю в соответствии с нашим национальным конституционным законом». Незадолго до открытия сейма в 1820 г. «Ожел бялый» напечатал письмо М. Брониковского, помещика из Плоцкого воеводства. Отрекомендовав себя как «давнишнего поклонника конституции», он подчеркивал необходимость ее дополнения, в частности, развития положений, касающихся организации сеймиков. «Весь народ, — писал он, — возлагает большие надежды на то, что во время приближающегося сейма достойные представители не преминут представить пред троном свои просьбы о всеобъемлющем развитии его благотворного дела — либеральной конституции, а также не забудут представить и показать касающиеся ее злоупотребления, подробно обрисовав состояние края». Брониковский ссылался на статью конституции, дающую право сейму обсуждать насущные вопросы и направлять в Государственный совет обращения и требования, «имея в виду пользу и благо страны». Согласно той же статье, Государственный совет передавал эти обращения государю, который поручал сейму разработать соответствующие законы. «И кто может сомневаться в том, — восклицал автор письма, — что этот великий монарх, который в сиянье своего трона несет вольность народам, который хочет править только по закону, этот образец для всех монархов не захочет принять во внимание голос нации, высказанный устами ее представителей»²⁰.

По существу это была программа действий либеральной оппозиции на приближавшемся сейме. «Конституционный поляк» (Ф. Гжимала) выступил в газете с «Письмом послу на сейм 1820 г.», представлявшим собой как бы инструкцию для народных представителей. Отвечая на вопрос, как поступать послу на сейме, автор письма указывал: «Если бы я был Представителем, прежде всего я принес бы на заседание Палаты безграничную привязанность к Королю; по моему убеждению, не верить тому, что говорил этот великий Монарх, тому, что он так отчетливо гарантировал нашему народу в данной им Хартии, было бы самым пагубным позором в особенности для гражданина, а в целом для народа [...]; следом за привязанностью к Королю, источник которой лежит в искренней благодарности, я отдал бы приоритет любви к Конституционному закону, и это чувство не было бы ни менее искренним, ни менее прочным, чем первое». «Конституционный поляк» подчеркивал, что «без этой Хартии нет спасения для дела отчизны», «в ней, — писал он, — я с удовлетворением усматриваю конец позора несчастной Польши, а в могуществе Короля и братского для нас народа вижу средство нашего освобождения»²¹.

Советы «Конституционного поляка» были не случайны. По мнению либералов, лишь избранная ими тактика постоянного напоминания о законности конституции, с одной стороны, а с другой — всемерного акцентирования тесной связи монарха и его детища могла обеспечить ее сохранение и развитие. С той же целью они старались подчеркивать свою законопослушность и лояльность власти, непричастность к каким-либо незаконным действиям. «Друзья национального дела, — заявлял «Конституционный поляк» Гжимала, — в первую очередь и сильнее всего хотят избегать всяких раздоров и волнений, а все потому, что боятся, как бы не сделать напрасными жертвы, которые соотечественники приносили в течение многих лет, боятся прервать движение в направлении последовательных коренных улучшений, огорчив великодушного законодателя; а такое огорчение (после утраты данных им свобод) было бы величайшим несчастьем для родины». Подобные опасения имели под собой основание. Как речи, звучавшие во время кампании выборов в сейм, так и газетные материалы убеждали власти, что оппозиция готовится выступить. Редакцию газеты «Ожел бялый» обвиняли в неуважении к правительству, враждебности порядку. Уже первые выпуски нового издания подверглись атаке со стороны официоза — «Газеты Варшавской». Отвечая на критику, издатели заявляли: «Мы чтим волю Лучшего из Монархов, которую он нам огласил в Конституции, мы чувствуем, что за такое великое благодеяние поляки никогда не смогут достаточно полно выразить свою благодарность». Вместе с тем они отмечали, что служить власти это значит вскрывать недостатки и указывать на них правительству: «Таково всегда было мнение издателей газеты „Ожел бялый“, таковы их стремления, надежды, которые никогда не исчезнут, не ослабеют, ибо вдохновением им служит любовь к соотечественникам и безграничная благодарность Воскресителю нации». Такие оправдания и декларации шли в русле принятой либералами тактики, но они не спасали газету от цензуры. Редакции нередко приходилось печатать извинения перед корреспондентами за невозможность поместить их материалы в связи с цензурными изъятиями. По сообщению

самого цензора, опубликованному в одном из номеров газеты, за 6 месяцев ее выхода (с начала 1820 г. по 30 июня) цензурой было вычеркнуто 2379 выражений, так как, помещая «замечания по поводу деятельности правительства», издатели представляли «самые лучшие стремления и намерения администрации края» «в искаженном свете»²².

Власти имели претензии не только к выступлениям печати, их настораживала общая атмосфера в Королевстве. «Ожел бялый» опубликовал корреспонденцию из-под Плоцка от 11 августа 1820 г., где говорилось о появившихся в берлинской прессе статьях, касающихся Польши и особенно предстоящего сейма, на котором будто бы «должен проявиться дух недовольства и острой критики». Сообщалось, что подобные материалы печатали и другие немецкие, а также французские издания. «Ожел бялый» решительно отвергал предположение, что их авторами могли являться поляки, поскольку последние гордятся своей нацией и не стали бы обращаться с жалобами в немецкие газеты; к тому же статьи несли на себе признаки «абсолютной непольскости». Издатели газеты указывали, что «положение Королевства Польского в политическом отношении совершенно отличается от положения всех других стран»: «Конституционный закон, которым мы пользуемся, — подчеркивали они, — является добровольным делом вдохновения великой души лучшего и мудрейшего из правителей. Самой этой мысли, правильно понятой, достаточно, чтобы убедить каждого, что у нас никакое различие политических убеждений, никакое семя врожденной ненависти не превозможет любви к порядку, который один лишь может ускорить получение спасительного результата от развития либеральных институтов, мудрых и по-настоящему национальных. В таком положении партийный дух должен уступить духу единения, а все объятые им непременно должны стремиться к одной цели и наивысшему благу: *Salus populi*». «Ожел бялый» подозревал, что кто-то плетет интриги против Польши, пытается посеять «несогласие и недоверие», не понимая, что для этого нет причин; тот, кто наивно надеется таким способом повлиять на работу будущего сейма, наверняка не является поляком, так как его выдает «полная неосведомленность о политическом духе народа, которым он хочет манипулировать»; что же касается поляков — представителей любого социального слоя, то каждый из них скажет: «Отыди от меня, сатана!»²³

В этой кампании «реабилитации» общественного мнения в глазах администрации Королевства Польского и убеждения ее в «мирных» намерениях оппозиционеров, в том, что они выступают с программой постепенных реформ, принимали участие и представители умеренного крыла либералов. Так, один из либеральных политиков Ф. Скарбек, являвшийся доктором философии, профессором административных наук в Варшавском университете, незадолго до открытия работы сейма выступил с речью на торжественном заседании университета в присутствии ректора, профессуры, а также местных властей. Темой выступления стала политика; акцент был сделан на противопоставлении предыдущей эпохи революций и наполеоновских войн, с одной стороны, и этапа успокоения и мирного развития, с другой: «Время утихомирило страсти, пережитые испытания сорвали обманчивые маски, и перед народами оказался открытым един-

ственно спасительный путь *умеренности*». Народы, утверждал Скарбек, только с опытом достигают зрелости: «Заложить вечные основы человеческих общностей, сохранять, упрочивать и совершенствовать их пребывание в зрелом возрасте — вот что является предметом, целью политики и единственно верным представлением о ней». Наука «выводит из этих основ правила для упрочения национального быта и свобод, единство и согласие народов, взаимное доверие и любовь между правящими и управляемыми, все главнейшие условия счастья народов составляют ее здание; поэтому с чувством, утешительным для друга человечества, ее сущность можно выразить краткой фразой: политика есть наука мирной жизни»²⁴.

Провозглашением политической и идеологической программы мира, умеренности и постепенности либералы рассчитывали успокоить правительство, но этот расчет не оправдался. Еще летом 1819 г. Александр I пригрозил, что отменит конституцию, если поляки будут вести себя столь «неблагодарно», и А. Чарторьский в письмах убеждал его в непоследовательности такого решения. Варшава, писал он в августе 1819 г., «погружена в глубокую печаль. Она сделалась всеобщей с того момента, как стало известно, что страна навлекла на себя Ваше неудовольствие. Вы приказали написать, что положите предел обещанным благодеяниям и что Вы даже могли бы отнять дарованное Вами прежде. Ах, Всемилостивейший государь, разрешено ли мне будет высказать, что разве Ваши учреждения и начатое Вами дело могли бы приобрести характер действительности и ненарушимости, что именно и составляет их достоинство и прочность, если Вы сами объявляете, что они могут быть разрушены!» Чарторьский подчеркивал, что «существует очень ощутительный оттенок разницы между образом действий» самого императора и «поступками правительства», которое «издало множество указов, превышающих его полномочия», а это стало предметом критики со стороны некоторых молодых людей, считающих, что их позиция отвечает целям монарха, тем более, что их волнует «ущерб, нанесенный с разных сторон конституции». Накануне открытия сейма в августе 1820 г. Чарторьский сообщал Александру I, что «умы в Польше в чрезвычайной нерешительности и в полнейшем унынии», так как ходят слухи, будто взгляды и чувства царя «изменились и стали противоположными прежним». Действительно, лишь влияние министра иностранных дел графа Каподистрии и английского посла в Петербурге помогло предотвратить в последний момент подписание уже подготовленного указа царя: согласно проекту, разработанному Новосильцевым в 1820 г., предполагалось в связи с провозглашением российской конституции преобразовать Королевство Польское в одно из наместничеств Российской империи без собственного органического статута; польское войско получило бы статус «западной» армии в составе вооруженных сил России²⁵ *. В то же время император рассчитывал снизить накал недовольства, связанного с цензурными ограничениями, дав указание Государственному совету Королевства подготовить для утверждения на будущем сейме проект закона о печати. Как отмечал И. Соболевский в мае 1820 г., царь принимал во

* О подготовке российской конституции см. главу 7.

внимание, «до какой степени этот проект, с одной стороны, предотвратил бы возрождение зла, призраки которого уже проявились, а с другой — сообразовался бы с пожеланиями обеих палат»²⁶.

Говоря о «призраках возрождения зла», Александр I имел в виду не только нарастание в это время в Европе революционных настроений, способствовавшее единению европейской реакции в Священном союзе. «Зло» нашло проявление и в России, в частности, в русской армии, свидетельством чего вскоре стал бунт в Семёновском полку. На революционную атмосферу ссылалось правительство Королевства, оправдывая свою цензурную политику, император же в речи на открытии сейма в сентябре 1820 г. предостерегал поляков от революционных порывов. Он напомнил, что вернуть полякам «столь славную свободу» удалось единственно при помощи «благотворных моральных принципов», и потому они должны, «со своей стороны, также придерживаться этих спасительных принципов». «Покажите вашей отчизне, — обращался он к собравшимся, — что опираясь на ваш опыт, ваши принципы, ваши чувства, вы сумеете сохранить, под щитом ваших прав, спокойную независимость и незапятнанную свободу [...]. Покажите современникам, что эта свобода является подругой порядка и проистекающих от него благодетелей и что вы извлекаете из нее пользу, ибо умели и всегда будете уметь противостоять подстрекательствам злой воли и опасным примерам [...], возбуждая ложную потребность в рабском подражании, злой дух покушается вновь утвердить свое злополучное господство. Он уже носится над частью Европы, уже множит там преступления и жестокие несчастья». Император считал требованием нового века, «чтобы основой и гарантией общественного порядка служили покровительственные законы», но подчеркнул, что тот же самый век «накладывает на правительства обязанность охраны этих законов от вредного влияния страстей, всегда беспокойных, всегда слепых». Он обращал внимание поляков на связанную с этим тяжелую ответственность: «Вам она велит неотступно держаться того пути, какой указывают вам ваше благоразумие и ваша честность. Мне же велит откровенно предостерегать вас перед опасностями, какие могут вас окружать, и заслонить от них [...]. Наконец, она меня обязывает, чтобы предупредить сотворение зла и необходимость прибегнуть к сильнодействующим лекарствам, вырвать с корнем зародыши разложения сразу, как только бы они были замечены». После этих грозных предупреждений Александр I все же обратился к полякам со словами надежды: «В меру того, как крепнут братские узы, навечно соединяющие вас с Россией, в меру того, как вы проникаетесь всякими чувствами симпатии, которые сообщает вам память об этих узах, я открываю вам поприще, оно проложено и расстилается перед вами»²⁷.

Но представители польского народа разочаровали монарха. В комиссиях сейма шла напряженная работа по подготовке замечаний к отчету Государственного совета, причем Посольская палата в это время «превратилась в тайный отдел», как писал «Ожел бялый», тщетно пытавшийся получить информацию о мнении комиссий. Мнение это оказалось весьма критичным, хотя, согласно принятой оппозицией тактике, она постаралась провести грань между царем и его министрами. В преамбуле к «Замечаниям»

по отчету Государственного совета говорилось, что привычка министров ссылаться на «святое имя» короля для подтверждения своих распоряжений кощунственна, она «противоречит природе конституционной монархии» и угрожает свободе дискуссии в сейме: «привлекать имя короля для обсуждения вопросов, подлежащих рассмотрению в сеймовой дискуссии, значит выводить королевскую власть из присущей ей сферы, использовать ее как средство в борьбе мнений, желать, чтобы король отвечал за своих министров, тогда как Конституция требует, чтобы министры сами были ответственны». По конституции, утверждали депутаты, министры поставлены между королем и народом, как щит во всех политических спорах, министры же пытаются сделать короля своим щитом. В преамбуле указывалось, что «конституционные нации [...] соединили безопасность народов с величием трона, идентифицируя короля и королевскую власть, атрибуты и обязанности верховной власти, отделили несовершенство человека от политического лица руководителя государства [...]. Политическое лицо монарха наименовано совершенным, король не может желать дурного, не может о нем помыслить [...]. По самой сути король велик только через свой народ, будучи высшим над всеми, он избежал честолюбия и зависти. Он может желать только общественного блага, так как с этим связан его собственный интерес. Он приказывает, но в соответствии с отчетами, которые ему представляют, он решает, но на основе предъявленных фактов. Поэтому, если он ошибется, то оттого, что его обманули, если поступит дурно, то потому, что его плохо проинформировали; министры же обязаны информировать его хорошо и верно, а если этим пренебрегают, справедливо, что их самих преследует враждебность общества». В заключение авторы «Замечаний» заявляли: «Когда министры прикрываются именем короля, тогда сейм вынужден либо склониться перед абсолютной властью, либо бороться с неприкосновенной властью. Грустная альтернатива!» Они подчеркивали, что рассматривали отчет как информацию о деятельности министров и соответственно к ней относились и ее оценивали; поэтому из их замечаний к отчету король узнает правду, которую хочет знать, так как она «представляет общий интерес народа и трона»²⁸.

За этим последовало перечисление совершенных министрами нарушений конституции, прежде всего в области свободы слова и печати. Звучали требования освободить от цензуры научные, исторические, литературные труды, публиковать документы сейма в полном объеме. Подчеркивалось, что «стеснение мысли предполагает или ведет за собой всякое иное стеснение», а свобода печати — это «тот показатель общественного мнения, который является существенным признаком конституционного правления». Оппоненты указывали, что наказание за злоупотребление свободой слова и печати уже предусмотрено в Уголовном кодексе, но если необходимо принятие специального закона, то это компетенция короля и сейма, постановления же наместника и Административного совета не имеют силы. В использовании свободы печати нет вреда, доказывали авторы «Замечаний», она лечит нанесенные ею же раны, она является «достойной толковательницей всеобщих чувств», нужной и народу, и монарху. Приводилась в пример Англия, которая уже 150 лет пользуется свободой слова и печати, одновремен-

но подчеркивалось, что в Польше вообще нет оснований опасаться злоупотребления этими свободами, так как его «не допустил бы и не допустит дух нации, благодарность и приверженность королю и конституции»²⁹.

«Мы живем в глубоком мире, — говорилось в «Замечаниях», — благословляя того, кто нам его подарил, — нашего любимого короля, объединяясь в любви к нему и нерушимой верности его династии». Но это утверждение являлось отправной точкой для критики незаконных действий полиции: хотя на сейме было признано, что в Королевстве царит порядок, в то же время отмечалось, что умножилось число полицейских и появилась жандармерия — «институт, вроде бы менее приличествующий свободному народу, который пользуется по милости своего великодушного короля благодеяниями конституционной монархии». Выступавшие противопоставляли политику «omnia cognoscere non omnia persui», как более действенно обеспечивающую поддержание мира и порядка, политике полицейского произвола — в частности, таким «самоуправным и насильственным средствам», как высылка из страны, отдача под надзор полиции без приговора суда и т. п. Требовали строгого соблюдения тайны переписки и отстранения полиции от заведования почтой. Среди требований были также устранение произвола и установление порядка при призыве в армию, отмена постановления, разрешающего проведение обысков в домах и лавках. Критике подверглась и финансовая деятельность правительства, его обвиняли в злоупотреблениях и расточительстве; указывалось на необходимость введения конституционного бюджета. Общая оценка деятельности правительства была негативной: его поведение поставило «под угрозу спокойствие населения»³⁰.

Члены сейма обращали внимание на то, что польский народ прошел трудный путь и благодаря этому «приобрел необходимое знакомство с подлинной свободой и настоящим добром», получил политический опыт, о котором другие народы лишь мечтают, усвоив по-настоящему ценное и не зарясь на пустые новинки. Пользуясь свободой, он «никому не причинил вреда, умел подчиняться законам, хранить послушание и верность властителям, [...] доказал истинную любовь к отчизне, полное посвящение себя ей и нестигаемый характер». Подчеркивалось, что поляки разочаровались во многом и отказались от ложных надежд, хотя бы залечить раны, которые народ получил в борьбе за национальное существование: «Добросовестно пользуясь умеренной свободой, он закладывает свое благосостояние и счастье, освободившись от всяких страстей, он ограничился теми свободами, какие дала ему Конституция, [...] но со всей силой своего характера он ощущает обязанность соблюдать нерушимость Конституции и чувствует благородное призвание со всей силой и стойкостью преодолевать препятствия, которые его отделяют от тех свобод и того быта, что ему обеспечил Семилостивейший монарх»³¹.

Дежурные славословия монарху и заверения в том, что польский народ, имея за плечами тяжкий опыт, не поддастся ни «заблуждениям», ни «опасным мечтам» и «не позволит обречь на гибель дело, которое стоило стольких жертв», сопровождалось довольно двусмысленной фразой о препятствиях, которые разрушают посвященные монарху силы народа и

грозят «затмить прекрасное, первое в истории деяние Александра I». Не была упущена также возможность напомнить царю о его обещаниях насчет присоединения западных губерний и вновь упомянуть о «дорогих надеждах, которые должны крепить и объединять наши стремления». «Благодарность» и «преданность» не помешали участникам заседаний выступить против большинства предложенных правительством и одобренных царем законопроектов. 117 голосами против 3 был отвергнут проект устава, определявшего процедуру уголовного судопроизводства, так как в нем отсутствовали гарантии гласности при допросе свидетелей, а главное, не предусматривалось использование суда присяжных, введения которого требовали еще участники сейма 1818 г.; между тем Административный совет разрабатывал Уголовный кодекс согласно непосредственным указаниям Александра I, рекомендовавшего ориентироваться на австрийский образец. Объясняя отсутствие проекта закона о суде присяжных, Правительственная комиссия юстиции указывала, что Государственный совет «счел нужным воздержаться от разработки проекта этого института не без важных причин», хотя при обсуждении этого вопроса он учитывал «важность этого института, приверженность к нему народа, в лоне которого он был создан и получил развитие, почти всеобщее требование его введения в Европе». Поскольку в отчете правительства подчеркивалось, что царю этот вопрос разъяснен, участники дискуссии решили обратиться с просьбой о введении суда присяжных непосредственно к нему. Они не приняли поправки к Органическому статуту Сената, имевшие целью отнять у членов сейма право призывать к ответу чиновников. Не прошел и проект Органического статута Посольской палаты. Правда, оппозиции также не удалось провести свои предложения, была отклонена и значительная часть из 90 петиций³².

Под конец работы сейма С. Замойский предложил обеим палатам совместно обратиться к царю с выражением «бесконечной признательности», «безграничного доверия», «непоколебимой привязанности» и «нерушимой верности». Такое обращение было оглашено, причем, благодаря императора за уже сделанные им дары, парламентарии вновь намекали на «богатое надеждами будущее», явно имея в виду обещанное расширение Королевства Польского за счет западных губерний России. Но в ответ царь упрекнул их: «Спросите свою совесть, и она скажет вам, послужили ли вы Польше во время дебатов так, как ожидали от вашей мудрости, или, поддавшись столь обычным в наше время соблазнам и пожертвовав надеждой, которую осуществило бы предусмотрительное доверие, не задержали ли вы продвижение дела восстановления вашей родины. Эта тяжелая ответственность ляжет на вас, она является необходимым следствием свободы ваших голосований. Они свободны, но их всегда должны определять чистые замыслы. Мои вам известны. Взамен зла вы получили добро, и Польша вновь поднята в ранг государства. В отношении ее я буду постоянен в своих намерениях, каково бы ни было мнение, которое может сложиться на основании способа использования вами своих полномочий». Александр I выражал надежду, что, возможно, «с течением времени неприятные впечатления могут ослабнуть, и члены этого собрания, воодушевленные искренней любовью к добру, завершат свою почетную миссию и понесут к

своим очагам слова мира и согласия, распространяя там дух спокойствия и безопасности, без которого самые благотворные законы всегда останутся бесплодными». А пока царь выносил на суд польского народа факт отказа его представителей от принятия законов в сейме³³.

В словах Александра I звучало не только раздражение, но и разочарование. Кто-то из его польского окружения конфиденциально писал наместнику Зайончеку, что «Его Величество очень надеялся» на сейм: «В этой надежде он уже предпринял много подготовительных шагов и обдумывал новые, более решительные, не позволяя многочисленным препятствиям отвлечь себя, когда с грустью, которую нетрудно себе представить, заметил, до какой степени ряд инцидентов, имевших место в нашей стране накануне и во время последнего сейма, далеко отбрасывает нас от цели, к которой Его Величество постепенно нас вел». Разочарование и возмущение царя нашло отражение в его планах если не отменить конституцию, то по крайней мере ограничить ее. По мнению И. Соболевского, император имел на это полное право: «Император, — писал он, — не связан Конституцией, так как она дана в качестве милости и в каждый момент может быть отозвана». Одним из предложений, чтобы ослабить ряд положений конституции Королевства, стало требование «более точного» перевода их на польский язык, для чего в 1821 г. Александр I повелел создать специальную комиссию. Это начинание осталось несущественным, но возник другой, более серьезный предлог: в связи с дефицитом казны Королевства император поручил Административному совету решить, «должна или нет Польша иметь свой политический быт. Может ли Королевство Польское в своем нынешнем статусе содержать себя на собственные средства или должно получить иную форму, более отвечающую его силам». Ответом на этот грозный вопрос стали усилия министра финансов Королевства К. Друцкого-Любецкого обеспечить рост поступлений в казну³⁴.

Были сделаны очередные шаги, направленные против оппозиции и, в частности, против оппозиционной прессы. Во время работы сейма «Ожел бялый» еще выходил, но уже было объявлено о прекращении издания с 30 сентября 1820 г. В последнем номере Б. Кициньский, Т. Моравский и Ю. Брыкчиньский сообщили читателям, что «обстоятельства не позволяют» им далее издавать газету, и напомнили о «трудностях», встречавшихся на пути издания. «Мы делали всё, что позволяли нам возможности, — заявляла редакция газеты, — и хотя кончаем свою профессиональную деятельность, но сохраняем один и тот же образ мыслей». Последнее вскоре было подтверждено Кициньским, который взялся за издание новой газеты «Курьер Варшавский».

Активные деятели оппозиции привлекали особое внимание императора. Осенью 1820 г. он указал на них министру внутренних дел и полиции, а наместнику поручил неофициально сообщить о своем недовольстве председателям воеводских рад (советов). В ответ с мест хлынула волна верноподданнических адресов, и, видимо, потому летом 1821 г. Александр I, обращаясь к полякам через министра – государственного секретаря И. Соболевского, немного смягчил тон: он считал, что поляки вели себя плохо из-за недомыслия, тщеславия, дурного влияния Запада и по другим подоб-

ным причинам, но они любят свою страну и не допустят потери того, что он дал им для счастья. В противном случае царь видел лишь один путь: «Усмирение самыми действенными средствами всякого предприятия, нацеленного на нарушение спокойствия или могущего дать повод для возмущения». А такие поводы постоянно возникали. В частности, не везде властям удавалось проводить в местные советы лояльных депутатов, поэтому в ряде случаев результаты выборов в воеводские рады были аннулированы по формальным причинам. Особое отношение испытала на себе Калишская рада — «гнездо» оппозиционеров Немоёвских: после того как оба брата вошли в ее состав, выборы аннулировали, а деятельность рады была приостановлена в 1823 г. на неопределенный срок. Таким образом, после первых лет конституционного быта и первых опытов парламентской практики в польском обществе стало все более широко распространяться мнение, что Александр I изменил политический курс. Если о таком мнении А. Чарторьский писал царю перед началом работы сейма, то наблюдения Ю. У. Немцевича относились уже к концу 1820 — началу 1821 г. Он отмечал, что революционный процесс, развивавшийся в Европе, произвел на Александра I сильное впечатление, которое усугубилось после съезда держав в Опаве, где Меттерниху удалось еще больше напугать царя. Немцевич подчеркивал, что после Опавского конгресса император «стал неузнаваем»: «Как раньше он был уверен в конституции, которую дал полякам, так теперь усматривает в ней источник опасности». По утверждению Немцевича, царь дал указание не только изменить конституцию, но и организовать интервенцию в случае «смены правительства путем мятежа». О перемене позиции Александра I очень резко отозвался В. Лукасиньский: по его мнению, на первом сейме «казалось, что народ начал ощущать себя собственником данной ему конституции, но на втором сейме императору уже наскучило играть роль либерального и конституционного монарха, и он рассудил, что удобнее быть самовластным». Царь не хотел столкнуться с оппозицией на следующем сейме, а поскольку гарантии того, что на местах выберут «правильных» депутатов, не было, он отложил срок созыва третьего сейма, хотя по конституции его надлежало созывать каждые два года³⁵.

Александр I принял решение по совету консервативного окружения, активно настроенного против либеральной оппозиции. В этом кругу большим влиянием пользовался давний друг и советчик царя сенатор Н. Н. Новосильцев. Он являлся царским комиссаром и советником наместника Королевства, играл первую скрипку в Административном совете, уделяя первостепенное внимание вопросам финансов и просвещения. Новосильцев неоднократно обращался к царю с предложением ликвидировать либо урезать Конституцию Королевства Польского. Он предостерегал, что конституционность, «принципы демократии и республиканизма» привьют «гангрену» всему народу, и он захочет сменить монархическую власть, даже отечески заботливую, на «тираническую и своевольную», но опирающуюся на верховенство народа, то есть на республиканское правление. Так, утверждал он, можно связать себе руки, когда потребуются перемены; поэтому очень важна соответствующая редакция статей конституции, не позволяющая толковать их расширительно. В конце 1821 г. Новосильцев

представил Административному совету свои соображения о недостатках существующего в Королевстве законодательства, оставляющего, по его мнению, безнаказанным государственные преступления. В рапорте царю в январе 1822 г. он доказывал, что при желании ничто не мешает установить в крае «правильный порядок»: согласно конституции, король имеет право развивать ее содержание и не обязан представлять проекты законов на утверждение обеих палат сейма³⁶.

Новосильцева боялись и ненавидели, его считали причастным к воровству и взяткам. Неприязнь вызывал и брат императора великий князь Константин Павлович. Он был главнокомандующим армией Королевства Польского и возглавлял Литовский корпус, сформированный преимущественно из поляков, но активно вмешивался в гражданские дела, в управление Королевством, а с 1822 г. осуществлял гражданскую власть в Литве и Белоруссии. Великий князь отличался грубостью и жестокостью, «дикими капризами». Об этой «врожденной дикости», «дикой вспыльчивости» еще в 1815 г. писал Немцевич, правда, отмечая наличие у великого князя «человеческого сердца». Тогда же и Чарторыйский пытался убедить императора в том, что деятельность Константина Павловича наносит вред делу восстановления Польши: «Все, что исходит от Вашего Величества, дышит благостью, величием души и свободой взглядов; слова и поступки Его Императорского Высочества совсем обратного свойства [...]. Постоянное присутствие и определенное положение Его Высочества в Польше составляет одно из крупных препятствий для того, чтобы дело Вашего Величества могло там процветать и приносить желанные плоды». «Ни усердием, ни послушанием, — жаловался А. Чарторыйский, — не удастся его завоевать. Армия, народ, частные лица — никого он не щадит. Особенно конституция дает ему повод для беспрестанных брюзгливых замечаний. Все правила, формы, законы становятся поводом для издевок, и, увы, вслед за словами пошли уже и дела. Великий князь не соблюдает даже армейские законы, которые сам же утвердил. Он непременно хочет ввести телесные наказания и вчера приказал их применить вопреки единодушным возражениям. Словом, это выглядит так, как если бы был составлен план противодействия намерениям В[ашего] И[мператорского] К[оролевского] В[еличества], чтобы сделать Ваши благодеяния мнимыми, чтобы в самом начале уничтожить успех всего дела». По свидетельству Лукасиньского, великому князю нравилось мучить людей, издеваться над заключенными; в наказание он заставлял выполнять тяжелые работы с грузом гирь на плечах, мог назначить и 100, и 1000 палок солдату или офицеру, что порой кончалось смертью жертвы. Последствием палочной дисциплины, установленной им с целью «как можно скорее уничтожить дух свободы и неповиновения по французскому образцу», стали дезертирство солдат, отставки и самоубийства офицеров. Многих выгоняли из армии без суда и следствия по доносу шпионов, да и сам великий князь не стеснялся читать дневники военнослужащих. Чарторыйский называл порядок, установленный великим князем в армии, системой «страха и повиновения»: «не строгости там слишком много, но произвола и оскорблений». Однако его грубость распространялась и на штатских: так, например, он ударил сена-

тора графа Ходкевича, а некоему мещанину приказал дать 500 палок, предварительно обрив ему голову и брови. По поводу «зверств» Константина Павловича Чарторьский писал Александру I в 1816 г., что они «разрушают общественную безопасность»: «Непосредственное, постоянное, имеющее все влияние, которым он пользовался до сих пор и которое он и впредь будет еще больше оказывать на судьбы страны, внушает мне страх, что бедствия, преследовавшие в течение многих веков мое злополучное отечество, еще не исчерпаны». Чарторьский просил отозвать великого князя из Королевства Польского: это «заставит край возродиться, вновь водворит там порядок и восстановит возможные права; это разрушит центральный пункт критики и оппозиции». Последнее замечание было связано с тем, что политика Константина Павловича провоцировала конфликты и противостояние, в том числе и межнациональное. Как отмечал Лукасиньский, великому князю доставляло удовольствие компрометировать своих подчиненных, особенно военных, натравливать друг на друга русских и поляков: так, в частности, бить поляков палками было приказано именно русским солдатам. В результате «всюду было недоверие», а «старая неприязнь двух народов, живущих теперь вместе и ежедневно общающихся между собой, — писал Лукасиньский, — не только не уменьшилась, но превратилась в ненависть»³⁷.

Правда, будучи женат на польской аристократке, великий князь защищал перед царем поляков как таковых, возлагая всю вину на оппозиционеров. Позицию русских чиновников разделяли и консервативно настроенные польские чиновники во главе с заместителем Ю. Зайончеком, который целиком находился под влиянием Константина Павловича. Это отмечал А. Чарторьский в письмах царю, подчеркивая, что заместитель ничего не смыслит в делах, а во всем обвиняет «партии». После 1820 г. консервативное направление в польском правительстве усилилось, когда в ряде правительственных комиссий произошла смена руководства. Так, вместо известного просветителя и писателя С. К. Потоцкого министром вероисповеданий и общественного просвещения стал консерватор С. Грабовский, сделавший своим советником и главой Дирекции общественного воспитания Ю. К. Шанявского, бывшего якобинца, который, как всякий ренегат, особенно рьяно служил реакции на новом посту, выступая одновременно в качестве главного цензора. Наряду с цензурой, охранительные функции в Королевстве Польском выполняла система сыска. В Варшаве насчитывалось 14 родов полиции, явной и тайной. Под эгидой великого князя Константина действовала тайная полиция, Новосильцев же руководил Тайной канцелярией. На ее содержание он получал из казны 64 тыс. злотых в год, а еще 180 тыс. злотых шло на тайную полицию. Ее организаторами были Г. ван дер Ноот и Е. Кемпен, а генерал Д. Д. Курута являлся ее опорой. Г. Макротт руководил сетью шпионов (среди них особо выделялся М. Шлей), которой было опутано все Королевство, и прежде всего Варшава. Буквально за каждым более или менее значимым представителем аристократии, чиновничества, интеллигенции, буржуазии, духовенства следил агент, который подробно описывал в донесениях времяпрепровождение, контакты, высказывания объекта наблюдения³⁸.

2. РАЗВИТИЕ КОНФРОНТАЦИИ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И КОНСПИРАЦИЯ

Выступления оппозиции на сейме 1820 г. убедили власти, что в первую очередь контроля требовала внепарламентская деятельность оппозиционеров — их контакты в обществе, сношения с границей. Под сугубым наблюдением оказалась калишская депутатская группа и ее лидеры братья Немоёвские. Сообщалось об их оскорбительных высказываниях в адрес всех монархов, о том, что они проникнуты «революционным духом». В рапортах царю Новосильцев писал о вызывающем, дерзком, неприличном поведении В. Немоёвского, видя в этом проявление «неугомонного характера», стремление к «потрясению правительства и установленного порядка». Речь шла об инциденте 1821 г., когда через Калиш жандармы везли майора О. Радоньского, арестованного по приказу великого князя за участие в революции в Неаполе. Майор обратился за помощью к Немоёвскому как к представителю в сейме. Последний, провозгласивший своим девизом «Честь и благо отчизны», вступился за Радоньского, заявив о незаконности ареста. Это вызвало ярость Константина Павловича, он заставил Немоёвского подписать обязательство никогда не появляться там, где будет император. Об этом инциденте наместник писал С. Замойскому, а великий князь и Новосильцев сообщали царю. Новосильцев, указывая, что Немоёвский ссылается на конституцию и присваивает себе предоставленные ею прерогативы, считал необходимым доказать, что его поведение противоречит конституции и Уголовному кодексу, так же как и самому здравому смыслу. Подчеркивалось, что «калишане» являются «мотором» созданного в Королевстве Польском и связанного с прусской частью Польши тайного общества, при этом особое внимание обращалось на факт связи Немоёвского с редакцией нелегального издания «Декада польская», а главное, на его поездки в Познань, где он якобы лично правил устав тайного общества польских студентов³⁹.

Последнее особенно волновало власти, так как молодежная среда была наиболее взрывоопасна. Поэтому с первых лет существования Королевства Польского студенты Варшавского университета и лицеев находились под неусыпной слежкой. Агенты вербовались и в студенческих рядах. Время от времени коллеги изобличали их и изгоняли из своего общества. Полиции приходилось давать указания шпионам, как, например, Макротту, временно затаиться, чтобы восстановить доверие окружающих⁴⁰. «Беспокойство» по поводу «морального состояния» молодежи высказывалось уже на первом сейме в 1818 г.: указывали на необходимость контроля, чтобы обеспечить «устранение всяких злоупотреблений и поддержание добрых обычаев». Настроения молодежи тревожили и участников следующего сейма: обсуждалось, «каким бы способом подчинить должному порядку школьный надзор и дисциплину». После окончания работы сейма в 1821 г. к решению этой проблемы подключился и сам император: Новосильцев получил от него повеление «относительно крайних мер, которые надлежит принять, чтобы придавить беспокойный дух, обнаружившийся у некоторых учащихся Королевства, и воспрепятствовать его распространению и возрождению». На совещании наместника с Новосильцевым и министром Грабовским было

решено, что нужно применять к учащейся молодежи не только академические меры воздействия, но распространить на нее, как и на все население страны, запреты и наказания за участие в тайных обществах. Чтобы дать «полную гарантию против возрождения и пропаганды демагогического духа и заблуждений молодежи», предлагались дополнительные меры: всех, кто учится в заграничных университетах, вернуть на родину, и впредь не позволять выезжать на учебу без разрешения правительства. Тогда же был создан комитет реформы образования, возглавленный Новосильцевым. Результатом его усилий на протяжении последующих лет стало ограничение деятельности Варшавского университета, установление полицейского надзора в школах всех ступеней. Усилилась слежка за студентами и преподавателями, ужесточились репрессии против молодежи: в университете даже специально устроили арестантское помещение. Для осуществления такой политики в 1823 г. был образован неконституционный орган — генеральная куратория, признанная ненужной и «вредной» большей частью польской общественности. Чтобы пресечь критику в адрес куратории и Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, власти строили планы удалить университет из Варшавы, разбросав его факультеты по провинции в виде школ. Но главной целью было рассредоточить молодежь, громко заявлявшую о себе в общественной жизни⁴¹.

Беспокойство властей вызывало поведение молодых людей в общественных местах — в театре, кафе, на прогулках. К неудовольствию начальства они ввели моду на чамарки, белые шапки, большие воротники и огромные палки. Студенты организовали лотерею, чтобы на выигрыш молодой человек мог заказать себе такой наряд. Они заявляли о своем праве носить старопольское платье (по описанию шпика, это были красная шапка, синий полужупанок, короткие сапоги) и даже собирались обратиться за разрешением к самому царю. Администрация пыталась наложить запрет на подобные «вольности», а кроме того надеялась высмеять молодежную «моду», помещая карикатуры в печати⁴².

Во время театральных представлений студенты вели себя шумно, ярко проявляя национально-патриотические чувства. Они приветствовали постановки на тему польской истории. Так, в первый день 1820 г. в Национальном театре (Teatr Narodowy) состоялась премьера оперы «Ягелло в Тенчинском замке» (стихотворный текст А. Ходкевича, музыка Ю. Эльснера), а уже в следующем месяце была исполнена новая опера Эльснера «Локетек». Исторический сюжет присутствовал в спектакле, посвященном жизни польских святых Барбары и Людгарды, в трагедии, воспевавшей подвиги гетмана С. Жулкевского, которую написал студент И. Гумницкий. Зрители аплодировали патриотическим стихам, а в тех случаях, «когда речь шла о свободе», кричали: «Польша!», «Костюшко!» Студенты требовали играть польские танцы — полонез, краковяк. В то же время они свистели, топали ногами, стучали палками во время представления пьесы А. Ф. Коцебу «Всезнайка», содержавшей критику в отношении студентов, а также выражали недовольство репликами Фридриха Великого из посвященной ему пьесы, где король настаивал на «хорошем поведении» молодежи и ее обязанности подчиняться⁴³.

Патриотический настрой молодых людей находил выражение в культе героев польской истории. Создание и поддержание такого культа являлось одним из основных принципов патриотической программы либералов. «Ожел бялый» писал в 1820 г. о целях художественного творчества: «Нам нужно такое произведение, которое бы предохраняло от равнодушия, какое можно заметить в общественных делах». Газета сообщала о подготовке такого произведения: художник В. Словицкий намеревался сделать литографии 40 поляков, прославившихся в эпоху короля Станислава Августа Понятовского. Предполагалось, что о тех из них, кого в это время уже не было в живых, соберет сведения и подготовит материал для печати граф А. Ходкевич; что касается остальных, то в книге будут помещены лишь их портреты, так как оценить их вклад предстояло потомкам. На издание «Портретов знаменитых поляков» была объявлена подписка. Шел также сбор средств на установку в Варшаве памятника Ю. Понятовскому, останки которого в 1817 г. были привезены в Краков. Идею создания памятника одобрил и Александр I, но вскоре разнесся слух, будто царь изменил позицию, что заставило А. Чарторыского обратиться к нему с просьбой поддержать проект. В результате осенью 1820 г. в Варшаву приехал знаменитый скульптор Б. Торвальдсен, чтобы приступить к работе над памятником. В университете ему организовали торжественный прием, а незадолго до этого, в марте 1820 г., варшавские студенты в складчину устроили церковную службу в костёле пиаров в память Ю. Понятовского. Коллектив Музыкального общества под руководством Эльснера исполнил «Реквием» Моцарта, присутствовало много значительных лиц и большое число студентов, освобожденных от занятий по этому случаю. За проявленный патриотизм студентов благодарил ветеран из армии Т. Костюшко, на его послание, зачитанное публично, решено было послать ответ и оба письма напечатать в газете «Ожел бялый». Многолюдной была и заказанная на собранные студентами деньги панихида по Тадеушу Костюшко, о котором «Ожел бялый» писал, что сравнить с ним можно лишь Джорджа Вашингтона и Вильгельма Телля. В ноябре 1820 г. о панихиде оповещали объявления, расклеенные по всему городу. Мессу служили студенты-теологи под музыкальное сопровождение, осуществлявшееся Эльснером. Присутствовавшие в костёле ректор Варшавского университета, известные актеры и литераторы хвалили молодежь за патриотические чувства. Студенты выступили с инициативой установки памятника Костюшко и с разрешения ректора собирали средства на эту цель: плата поступала, в частности, от музыкальных концертов, проходивших в квартире Ф. К. Годаевского. Этот студент опубликовал в журнале «Ванда» статью по поводу памятника, где предлагал поддержать скульптора, лепившего бюст Костюшко. «Надо помочь этому человеку, — говорил он, — и он сделает нам бюсты всех, кого мы ему предложим». Годаевский хотел также отметить заслуги Эльснера, организовав складчину на банкет в его честь; студенты намеревались преподнести музыканту золотой жбан с надписью: «Благодарная польская молодежь творцу национальной музыки»⁴⁴.

Студенты отмечали даты важных событий польской истории. Так, молодежь планировала 19 апреля 1820 г. отслужить мессу по погибшим на поле

Рашинской битвы, но, предвидя трудности, отказалась от этого намерения. Зато вскоре торжественно отпраздновали очередную годовщину Конституции 3 мая. Вначале была коллективная прогулка студентов на Белянах, удовольствие от которой им испортило присутствие жандармов и шпииков. Там же состоялся молебен, а затем на собранные деньги был устроен обед, во время которого звучали тосты в честь Конституции 3 мая. Чтобы избавиться от шпионов, молодежь углубилась в лес. Во время прогулок студенты пели «Gaudeamus igitur», а также патриотические песни и арии. Иногда они нарочно их исполняли, дразня полицейских: в частности, такой «красной тряпкой» была «мазурка Домбровского» «Jeszcze Polska nie zginęła»⁴⁵.

Свои патриотические симпатии студенты выражали и в сейме. Они ходили на заседания Посольской палаты большими компаниями и нередко там шумели, а порой подбадривали ораторов: например, выступавшего с речью бывшего каштеляна Ходкевича называли «наш Ходкевич»⁴⁶. Их интересовали политические события, происходившие в Королевстве Польском и за границей. В кафе, где они регулярно собирались, хранились периодические издания, которые читала молодежь. Там же происходили дискуссии на политические, литературные, экономические темы. В частности, студенты высказывались против монополии на соль и табак, так как, по их мнению, она обогащала евреев, «вредных для других жителей», и разоряла рабочий люд. Молодежь следила за борьбой, происходившей в сейме и в Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения по вопросу реформы образования, которая усиливала в этой сфере позиции церкви. Реакция на факт поражения в этой борьбе просветителей и победы клерикально-консервативного лагеря нашла отражение в сатирическом стихотворении «Реформа»:

«В угол, Потоцкий, и Урсын туда же! *
 Как муху прихлопнем Сташица даже!
 Сам наместник трусит, боится,
 Он ведь знает, что в крае творится.
 Кто ненавидит свет и свободу,
 Уж ополчились на них походом,
 Шпики, фарисеи вмиг сговорились,
 В тесном союзе они сплотились,
 И мысль либеральная пострадала —
 Две главные битвы она проиграла.
 Так с просвещеньем судьба поступает,
 Так сорняками поля зарастают...»⁴⁷

Тема реакционной реформы связывалась в стихотворении с более общими вопросами, касающимися положения в России и на Западе. Говорилось о революционных событиях в Европе и повсеместном наступлении реакции под лозунгом борьбы с «якобинством». Этому лозунгу молодежь противопоставляла свои призывы: «Да погибнут тираны!», «Долой шпио-

* Имеются в виду Станислав Костка Потоцкий и Юлиан Урсын Немцевич.

нов!». Пили за здоровье «свободомыслящих поляков» (например, за здоровье студента М. Хоментовского). Вдохновлялись примером немецких студентов, собравшихся в Швейцарии в доме Вильгельма Телля на «праздник свободы», о чем сообщала газета «Ожел бялый»⁴⁸.

Распространение патриотических и либеральных тенденций, склонность молодежи к «бурливым поступкам» власти относили за счет ее воспитания. Учителей и профессоров винили в том, что они «под предлогом усердия к отечеству внушают ученикам некоторое патриотическое своеобразие». В качестве примера приводились (в очень корявом полицейском переводе с польского) темы сочинений в школах пиаров: «Какие очереди переходила Польша, то есть каким духом была наполнена?»; «Какой ее был дух в испорченных временах?»; «Какой ее оживотворил при возобновлении науки?»; «Какой теперь заворот духа ее объемлет и как бы оный следовало исправить?»; «Периодические сочинения, вышедшие и ныне выходящие в нашем крае, какие имеют достохвальности, которые бы были самополезнейшими для народа, и проект составления нового плана на такие сочинения, кои бы большую пользу могли принести для Польши в теперешнем ее положении». Полиция ссылалась также на «кармелитское письмо» М. Мохнацкого, который был арестован как член тайного Союза вольных братьев-поляков и по требованию следствия составил документ под названием «Об источниках, откуда столько зла происходит». Среди источников упоминались свобода печати, общественное образование, способствующее развитию в умах молодежи либеральных идей, а также либеральные речи оппозиционеров в сейме. Мохнацкий объяснял «заблуждения» польской молодежи и тем, что не только литература, но и преподаватели представляли историю «в самых раздражительных выражениях», оправдывали революционные выступления во Франции, Испании, Неаполе, Пьемонте. В результате такого анализа некоторые профессора, как, например, Ф. Бентковский, преподававший историю в Варшавском университете, оказались скомпрометированными в глазах начальства⁴⁹.

Вредным фактором, воздействовавшим на молодых поляков, признавался также пример немецких студентов, в частности, создание ими буршеншафтов. Молодежь из трех частей бывшей Речи Посполитой общалась через границы, что способствовало обмену опытом. В мае 1820 г. агент отмечал, что варшавские студенты стремятся к академической свободе без границ, какой пользуются их зарубежные коллеги, и если они ее добьются, «это будет во много раз опаснее для общественного спокойствия». Он напоминал, что Варшавский университет существует всего два года, и «небольшие студенческие беспорядки, происходящие в настоящее время, это лишь фундамент для больших, которым они предадутся, если не постараться раньше это предотвратить»⁵⁰.

Стремление варшавской молодежи к «свободе без границ» выражалось не только в ношении особой одежды, устройстве патриотических мероприятий, шумном поведении и высказывании вольных мыслей. Студенты буянили в стенах университета, критиковали его начальство, срывали лекции, грубили профессорам, не подчинялись распоряжениям ректора, на вывешенные приказы плевали, мазали их калом и т. п. Они издевались над

коллегами, подозреваемыми в шпионстве, задирали полицейских агентов, оскорбляли их, грозили избить и даже убить: недаром свои большие палки они называли «антижандармувками». В этой связи агент писал 12 января 1821 г.: «Никто больше не может иметь уверенности, что не будет подвергнут насилию или даже убит этими испорченными молодыми людьми»⁵¹.

Но особенно власти боялись организации молодежи. В университете запрещалось создавать кружки и общества, и потому сведения о собраниях студентов, составлении ими устава и именных списков, избрании руководства и т. п. интересовали не только академическое начальство, но и администрацию Королевства Польского. По указанию Государственного совета ректор учинил студентам допрос, пытаясь выяснить, кто из них состоит в тайном университетском обществе. Активных лидеров исключили из университета, выслали из Варшавы, некоторых арестовали. Полицейский комиссар опечатал помещение, где собирались члены общества, и весь его архив. В ответ студенты подали жалобу в суд. Большую реакцию вызвал также арест четырех студентов из Кракова, обвинявшихся в нападении на дом директора краковской полиции. Ректор и министр вероисповеданий и общественного просвещения С. К. Потоцкий пытались увещевать молодежь, объясняя им, что на фоне происходящего в зарубежных университетах создание обществ не может быть невинным. Был оглашен приказ о запрете обществ, возбранялось без разрешения собираться в общественных местах и частных помещениях, устраивать праздники, гулянья, собирать денежные средства. Пригрозив наказанием непослушным, Потоцкий призвал студентов не следовать заграничным моделям, быть примером добродетели и преданности монарху как основы существования и благополучия края. Но, по мнению шпиика, красноречие министра и ректора не имело успеха. Молодежь роптала против запрета гулять большими компаниями, заявив, что поляки не привыкли находиться в одиночестве. Самыми беспокойными были студенты факультетов юриспруденции и администрации, они отказались подчиниться приказу, пока не будет доказана их виновность. Ректор также был недоволен указом и собирался добиваться его отмены. Полицейские агенты отмечали, что он слишком мягок со студентами, пытается заслужить их доверие. Впрочем, у них были и другие высокопоставленные защитники. Так, когда в театре полицейский комиссар арестовал студента, отказавшегося снять белую шапку — знак либерального мышления, вице-президент Варшавы М. Любовидзкий отпустил его по просьбе Ходкевича и Косажейского⁵².

Указ Государственного совета о запрете обществ не положил конец существованию организаций молодежи: за период с 1815 по 1830 г. в городах Королевства Польского, имевших высшие и средние учебные заведения (в Варшаве, Люблине, Калише, Кельце, Плоцке), их насчитывалось 27. Но запрет внес изменение в тактику студентов: они проводили собрания на частных квартирах под видом игры в карты, музицирования. Книга с белым орлом на обложке, содержащая списки членов общества Варшавского университета, была сожжена. Молодежь стала более осторожной, постоянно опасаясь шпионов⁵³. Но все же властям удавалось следить за тайными организациями, в том числе студенческими. В полицейских донесениях от-

мечалось существование в 1817–1821 гг. ряда тайных обществ в Варшаве. Тайное Моральное общество выступало под лозунгами «Свобода — равенство — независимость», а также «Конституция» и «Республика». Вступавшие в Союз вольных лехитов (впоследствии Союз вольных братьев-поляков) делали заявление об отказе «от всякого различия состояний», которое царские следователи называли «совершенно демагогическим». Такими же они считали идеи тайного общества под руководством Людвика Пёнткевича, который говорил, что новому поколению «предназначено унять все нынешние правительства, присвоившие себе над народами много власти и тиранства». По мнению следствия, Пёнткевич основывался «на превратной теории о *souveraineté du peuple*» и ненавидел все монархическое, стремился к «искоренению деспотизма», а «исполинские» цели организации определял как поддержку принципа либерализма и распространение, наряду с «ненавистью к тирании и фанатизму», идей «просвещения и равенства между людьми». В 1821 г. Людвик Пёнткевич и Виктор Гельтман были арестованы за публикацию 1000 экземпляров Конституции 3 мая, которые собирались раздать в народе. Власти усмотрели в этом неуважение к действующей Конституции Королевства Польского и были недалеки от истины: публикаторы хотели «возобновить в народной памяти» конституцию разделенной Польши, так как их организация ставила цель «объединения разорванных польских провинций». «Посредством издания Конституции 3 мая, — свидетельствовал Гельтман, — желали мы напомнить полякам, что они в 18-м столетии имели конституцию с такими основаниями, о каких в 19-м настаивают народы». Разъяснять полякам «политические понятия и преисполнить их духом любви к отечеству и свободе» должно было периодическое издание тайного общества «Декада польская». Призывая к «утверждению свободы, упрочению святой конституции», провозглашая лозунг «любви к отечеству и свободе», газета подчеркивала связь этих понятий: «Без свободы нет отчизны!» Руководители Общества имели в виду перспективу «объединенной и полностью независимой Польши», а путь к этому видели в «каком-либо объединении с заграничными обществами», с которыми пытались установить контакты, чтобы выяснить шансы сотрудничества в случае вооруженной борьбы за свободу и переустройство Польши. Общество Пёнткевича предусматривало также создание под своим негласным руководством различных союзов: в калишской гимназии был организован Союз кавалеров Нарцисса, в келецкой Горной школе возникло Братство польских буршей. Под влиянием Союза вольных братьев-поляков находился и Союз постоянства, назвавший своей целью «любовь к человечеству и свободе» и провозгласивший применение смертной казни к предателям. Странники радикальных мер были в главном кружке — Верховной капитуле из 8 членов. Так, Юзеф Козловский, в сердце которого жил «лишь один закон — Польская республика», высоко оценил поступок Карла Занда, устроив торжество в его честь. Он призывал овладеть приемами конспирации, а после раскрытия организации сумел уничтожить многие документы⁵⁴.

Козловский пришел в организацию Пёнткевича из тайного общества под руководством Адама Замойского. Оно состояло всего из 7 членов, но его первым лозунгом стала борьба за равенство всех народов. Затем це-

лью было объявлено объединение всех польских земель в возрожденном независимом государстве. Позже члены организации решили, что «независимость Польши должна остаться лишь в сердце, а не станет предметом их действий». На заседаниях Общества говорилось «о либерализме, о тирании, о правах человека». Боясь предательства, Замоийский объявил о роспуске организации. Сам он получил приказ выехать из столицы. Пёнткевича как австрийского подданного выслали из Королевства за публикацию Конституции 3 мая, Гельтмана направили рядовым в Литовский корпус. Были арестованы и давали показания следствию М. Мохнацкий, К. Брониковский и другие участники тайных обществ, которые по малочисленности следовало бы называть кружками⁵⁵.

Несколько более членов (19) насчитывала Панта-Коина (Союз друзей), возникшая в 1817 г. В отличие от других организаций, куда входили как студенты, так и представители иных общественных слоев, в Союзе друзей главную роль играли чиновники. Пятеро из них были арестованы за «недобросовестные» действия относительно правительства и «неприязненные чувства по отношению к установленному порядку, которые они питают в своих сердцах». Следственная комиссия, желавшая выяснить «истинный дух» организации, ее состав и связи внутри и вне страны, проследить ее происхождение и влиявшие на нее факторы, пришла к следующему выводу: «Это общество воодушевлено весьма революционными принципами и наладило связи с обществами, сформированными среди студентов; все эти союзы имеют более или менее одинаковую цель — потрясти нынешнее правительство». В рапорте царю отмечалось, что все тайные общества одной природы и их должно воспринимать как поросли из одного корня, поэтому, «чтобы достичь какой-то степени ясности, абсолютно необходимо рассматривать их в совокупности»⁵⁶.

Такой подход был необходим, так как между тайными обществами существовали непосредственные связи. Нередко члены одного союза создавали его по образу и подобию организаций, находившихся в других местах Королевства Польского и за его пределами. Устав Братства польских буршей предусматривал возможность направлять эмиссаров для создания студенческих кружков в университетах на всех польских землях. В марте 1821 г. краковский студент К. Лисикевич писал другу, как он завидует «свободному дыханию» варшавских коллег, и в том же году молодежь в Кракове и Кельце подписала устав варшавского общества буршей. Делегаты краковских студентов собирались в Варшаву на общее собрание Братства, но были арестованы австрийской полицией вместе с варшавскими посланцами⁵⁷.

В деле раскрытия тайных организаций власти Королевства Польского поддерживали контакт с австрийскими властями, сообщая им, например, о существовании в Кракове общества, объявившего «смерть тиранам»⁵⁸. За территорией Российской империи следила местная администрация и полиция. Так, в 1823 г. виленский полицмейстер произвел многочисленные обыски и допросы по делу о тайных обществах в Литве и Белоруссии, существовавших в 1819 г. В то время Гельтман основал в Свислочи Моральное общество, подобное варшавскому. Там на собраниях говорили речи, «писанные в духе вольнодумства, свойственном прочим тайным

обществам». Действовало также Общество «променистых» (лучистых), возглавленное Т. Заном. Под следствие в 1823 г. попали преподаватели свислочской гимназии и ее бывшие ученики, ставшие адвокатами, чиновниками и пр. Точно так же объектом наблюдения в Калишском воеводстве стали не только студенты, но и связанные с ними представители интеллигенции, помещики, чиновники. В доносе Ю. Олтажевского в 1827 г. говорилось о действовавшем в Калише в 1821–1822 гг. карбонарском обществе: оно преследовало цель «истребления монархов и свержения тронов» и представляло собой «гнездо тех безумцев, которые используют самые мерзкие способы, чтобы распалить себя и других». Олтажевский называл фамилии членов Общества, описывал его структуру и устав — деление на округа с войтом (старостой) во главе, уплата членских взносов, самообеспечение конями и оружием, обязанность вербовки новых членов, принятие клятвы на верность, сохранение тайны и слепое повиновение под угрозой смерти. Устав Общества особо предусматривал подготовку молодежи, и, возможно, не случайно в калишском лицее были беспорядки, на что власти ответили строгими мерами, в частности, против одного из преподавателей — Ясиньского, «замеченного в дурных принципах и подозреваемого в том, что благоприятствовал нарушениям со стороны молодежи». В 1822 г. в рапорте царю калишские деятели удостоились специального упоминания: предполагалось рассеять большое скопление «неблагонадежных» чиновников Калиша, «разбросав» их по другим губерниям⁵⁹.

Калишское тайное общество государственных служащих было названо в рапорте «Полонией». Так же именовалось сообщество польских студентов в прусских университетах. Еще в 1821 г. Новосильцев писал царю о «ненависти к законности, стремлении к свержению существующего порядка» как об общих чертах вроцлавской «Полонии» и немецких буршеншафтов «Боруссии» и «Аримании». Все они, по мнению Новосильцева, «генерально и универсально» используя идею суверенитета народа, преследовали внутренние национальные цели: в частности, члены «Полонии» во Вроцлаве хотели объединить всю территорию бывшей Речи Посполитой. Патриотический характер организации подтверждался и исследованием деятельности берлинской «Полонии»: она «занималась политическими предметами», ставила задачу «распространить национальный дух и поддерживать честь поляков за границей». От лозунга «сохранения национального чувства» организация переходила к более радикальным целям: «разорвать путы рабства и восстановить независимое отечество», «спешить отчизне на помощь». Члены «Полонии» узнавали друг друга по перстням с буквами «W» и «O» (означавшими лозунг «Вольность и Отчизна»), а затем патриотическим паролем стали имена Игнация Потоцкого, Гуго Коллонтая и Тадеуша Костюшко⁶⁰.

Поскольку постоянные связи с Королевством Польским имели молодые поляки, обучавшиеся как в австрийских, так и в прусских университетах, царская администрация считала необходимым сотрудничество в области политического сыска не только с Австрией, но и с Пруссией. В 1822 г. в Берлин были посланы документы, касавшиеся «происков» студентов прусских университетов, в которых могли быть замешаны и студенты

из Королевства. Российская сторона обменивалась с прусской материалами об опасных тенденциях деятельности тайных обществ, о подозрительном характере ритуала, принятого их членами, и т. п. В том же 1822 г. королевский прокурор в Берлине получил мнение Варшавы об обществе, обозначенном литерами «П» и «К». Указывалось, что хотя нет прямых доказательств его политических намерений, но оно могло являться ветвью всемирного сообщества, имеющего целью свергнуть все существующие правительства. Отмечалось сходство устава «П» и «К» с уставом немецкого общества Minewallen, что могло дать след для выяснения, утвердилось ли «П» и «К» в Берлине или его отдельные члены связаны с кем-то, кто дает организации руководящие указания⁶¹.

Правительства держав, разделивших Польшу, прежде всего ощущали опасность патриотических тенденций тайных обществ. Их члены давали клятву «всецело посвятить себя родине», пели патриотические песни, отмечали памятные события национальной истории, читали литературу, отвечающую задаче «укрепления духа». «Воззвание польских буршей» апеллировало к высоким целям и гражданским чувствам во имя счастья человечества и отчизны. Польские бурши отвергали обвинения в политическом фанатизме как клевету деспотизма, который пользуется невежеством и боится просвещения. Подчеркивалось, что его усилия тщетны перед лицом «духа времени», и пример тому — Испания, ценой жертв ставшая свободной⁶².

В 1821 г. польские бурши пытались протестовать против арестов варшавских и краковских студентов. Это стало солидарной акцией польских буршеншафтов, объединенных в Лигу, избравших общего маршалка, а также представителей для связи и принятия совместных решений. В активности молодежи Новосильцев увидел угрозу. Он отметил, что буршеншафты, или этерии, переродились в стремящиеся к изменению государственного строя тайные политические общества, чей катехизис становится обязательным для всех студентов, делает их фанатичными борцами за торжество своей партии; если не поставит преграду, подчеркивал Новосильцев, стихия захлестнет молодое поколение, распространится в массах и поглотит идеи, на которых зиждется современный порядок, вооружив тех, кто провозгласил борьбу против деспотизма и тирании⁶³.

Такой характер буршеншафтов вызывал у российских властей тревогу. Были проведены аресты, Новосильцев требовал суда над студентами, предлагая царю распространить на них действие закона о государственных преступлениях, а для этого самовластно внести соответствующие изменения в Конституцию Королевства Польского. Он считал «абсолютно необходимым» увеличить численность полиции в Варшаве и принять строгие меры⁶⁴. Основания для тревоги давали не столько открытые выступления молодежи, сколько обнаруженные при обысках и арестах документы — уставы организаций, воззвания, письма, стихи и песни. Членам обществ по уставу запрещалось держать у себя списки стихов и песен, исполнять их в присутствии непосвященных, но при организациях существовали песенники, составлявшиеся по инициативе рядовых членов и утвержденные руководителями, которые решали, когда и что петь. Характерным был найденный полицией у студента И. Хшановского песенник «Полонии», датированный 1820 годом. Он откры-

вался цитатой из сочинения Ж.-Ж. Руссо «О польском правительстве»: «Поляки! Если уж не сумели вы помешать тому, что сожрали вас соседи, старайтесь по крайней мере, чтобы не смогли вас переварить»⁶⁵.

В соответствии с этим содержание песенника, включавшего 21 песню, было насквозь проникнуто духом патриотизма:

«Народ мой зовется Полония,
Горжусь своею страной,
Ношу одеяние польское
И меч окровавленный свой».

В песнях говорилось о «святой любви к дорогой отчизне», ради которой «не жаль жить в нужде, не жаль умереть», лишь бы помочь и поддержать ее.

«Когда вздохнет человек измученный?
Когда ты вернешься, святая свобода?
Когда тираны исчезнут гнусные
И сбросят рабские пути народы?»

— на эти вопросы в песне давался ответ: поскольку сила тиранов мешает человечеству пользоваться свободой, данной ему Богом, нагло попирает его права, нужно «очнуться», «встать на их защиту», всецело посвятить себя этому делу и «сбросить тиранов в пучины ада». Тогда

«Снова ясное солнце засветит,
Что преступленье монархов затмило,
Люди увидят: свободны их дети,
А их права обрели вновь силу.
Землю жестокие войны оставят —
Этот алчущий крови дракон,
Племя людское счастливым станет,
Счастлив, кто вольностью напоён».

Свобода являлась лейтмотивом песен, так же как напоминание о несчастьях родины, о ее былой славе:

«Среди отчизны, но без нее,
Дом Храбрых в руинах видит наш взор,
Когда захватнических оков
Поляка в Польше гнетет позор.
Мы славим стократно тех, кто готовы
Жизнь отдать, чтоб разбить оковы».

Авторы песен утверждали: «За отчизну и за братьев тот охотно все отдаст, кто однажды дал им руку»; «Нам братская любовь все воскресит, что уничтожила империя чужая». Провозглашая стократное «Ура!» тем, «кто готов умереть за свободу», они писали:

«Людам всем дана земля,
 Им чуждо терпеть над собою господ,
 Крикнем стократное „Ура!“
 Тем, кто ярма ненавидит гнет,
 Те же, кто рабски шею гнет,
 Кто на защиту тиранов встает,
 Рыцаря честное имя пятнает,
 Пусть с позором навек погибает! [...]
 Тот, кто утратил честность духа,
 Чужие приказы чье ловит ухо,
 Кто пресмыкаться пред сильным готов,
 Пусть погибает во веки веков!»

Так в песнях перекликались здравицы патриотам и проклятия предателям национального дела:

«Пусть никогда не умрут свобода, радость и искренняя дружба,
 А тирания, печаль, измена пусть исчезнут навсегда!»

В песнях поляки обращались к судьбе:

«Раз так, судьба, тебе хочется,
 За братьев и родину дай умереть!»

Но главной надеждой была помощь Бога. Все песенники включали молитву:

«Боже, Ты Польшу на много веков
 Мощью и славою наделил
 И вдруг возвысил ее рабов,
 Ее же защиты своей лишил [...]
 Недавно забрал Ты у Польши свободу,
 А крови и слез потекли у нас реки,
 Как же ужасна судьба народов,
 Которых свободы лишишь Ты навеки!»

Молитва завершалась страстной просьбой вернуть полякам свободное отечество:

«Боже, единого слова прощенья,
 Чтоб воскресить нас из праха, довольню,
 Если же вновь совершим прегрешенье,
 Сделай нас прахом, но прахом вольным!»

Среди риторических обращений в поэтическом тексте часто повторялись призывы к Польше и полякам:

«Отчизна Пястов! Сбрось ярмо!
 Прерви свой тяжкий сон!
 Страдания кончатся, только вынь
 Свой ржавый меч из ножен!
 Твой долгий сон тиранам позволил
 Рабами сделать детей твоих,
 Вернись на землю грусти и боли,
 Мечом оброни от смерти их! [...]»
 Время пришло дать отпор нападенью —
 Встань же из гроба, мать!
 Род твой сам в роковом ослепленье
 Готов подневольным стать [...]»
 Встань из могилы! Увидев тебя,
 Кровь на груди твоей,
 Блудные дети придут в себя,
 Ты только встань скорей!»

Молодежь просила Родину-мать зажечь в сердцах поляков «жажду мести». При этом вставал вопрос, кто именно из «тиранов», какое «завистливое племя», какая «чужая империя» является объектом мести. Ответ был недвусмысленным:

«Мать, встань из гроба! На раны твои
 Пусть упадет наш взор,
 Усталый Ляха костью покажи
 Нам сибирский простор!»⁶⁶

Неудивительно, что власти считали песенник «тяжелой уликой», наиболее важным вещественным доказательством, так как в песнях проявлялся «дух неприязни к существующему порядку». Характеризуя найденный у Хшановского песенник, следственные органы отмечали, что несколько песен пропитаны именно таким духом, «способным возбудить неприязнь к существующему политическому порядку». Особое внимание они обратили также на две песни из другого сборника — «К свободе» и «К братьям-буршам». Новосильцев же в письме царю утверждал, что песенник должен стать «принципиальным объектом» на суде над студентами, так как «большинство песен не только направлены на возбуждение бунта, но даже (страшно подумать) вооружают руку убийцы против законной власти». Он называл песенник «поджигателем», «материальным доказательством самых преступных намерений», и эти намерения не тайные, а приняли характер действий; враждебность намерений в отношении существующего порядка дополняется попытками пропагандировать ненависть против правительства, что является первой ступенью к исполнению их замыслов. Властям хотелось найти авторов песен, написанных в «беспокойном духе» и способных «развращать и озлоблять души молодежи». Это относилось и к ряду статей устава буршей, так как они «были озаглавлены духом излишней вольности в политических суждениях или желанием подстре-

кательства против начальства края» и, «казалось, наводили на мысль о какой-то скрытой в них политической цели»⁶⁷.

Не менее «крамольными» были и тексты изъятых стихов. Там также звучал призыв к полякам, не желающим влачить оковы:

«Те, кто хотят стать Отчизны сынами,
Знают, каким быть для этого надо:
Подлыми не заниматься делами
И ей служить, не желая награды».

Нужно поддерживать родину, находящуюся в угнетении, и противостоять тиранам, желающим превратить ее в руины, утверждал автор стихотворения. Он заверял, что того, «кто проливает кровь за свободу, поддержит братская рука». «Пусть Родина найдет в нас верных стражей», — писал он, перечисляя всех ее защитников: как родившихся «на берегах Вислы», так и ведущих свой род из Познани или из Литвы с Русью (то есть из западных губерний России). Обращаясь к залитой кровью предков Отчизне, поэт подчеркивал: «она на то нас родила, чтоб мы, став вольными людьми, восстановили справедливость, свободу Родине вернуть».

«Защита Отчизны рукою смелой
Да будет нашим почетным делом!»

— таков был лозунг буршей. Они вспоминали о подаренных матерью-Родиной героях прошлого — Костюшко и Понятовском, показавших молодежи пример защиты отечества:

«Мы кровь отдадим за Отчизны целость,
А Родина даст нам стойкость и смелость [...]
За справедливость и вольность мы бьемся
И в верности вечной Отчизне клянемся!»

Бурши предвидели, что в будущем, даже расставшись, они будут жить в одной стране, что их борьба приведет к победе:

«В согласии с Господа истинной мудростью,
Врага уничтожим силой и мужеством»⁶⁸.

Все эти мысли находили выражение и в частной переписке членов тайных союзов. Дзиковский в письме из Глатца от 24 мая 1821 г. подчеркивал, что «время начатого дела на исходе; [...] близится момент, когда мы увидимся и, подтвердив нашу братскую дружбу, свяжемся неразрывно, так что связующий нас узел можно будет не развязать, а разве что разрубить»⁶⁹. Особый интерес должна была вызвать у полиции переписка двух активных деятелей Панта-Коины — Людвига Мауерсбергера и Людвига Кёллера. Мауерсбергер писал о главных врагах свободы общества — правительстве и церкви, являющейся его опорой; священники и их мораль препятствуют

человеку развивать собственные силы, призывая его к смирению, отнимают даже мечту о свободе, приучают к ярму зависимости, предрассудкам, гражданскому рабству: «на слабости, бессилии и вульгарных предрассудках основаны законы, которые сковывают силу и могущество людей». Апеллируя к принципу единого Бога как господина, создавшего человека, империи и церковь объявляют последнего объектом Божьей воли, лишая собственной воли и человеческих прав; в результате вместо того, чтобы объединиться с товарищами по рабству и вместе освободиться от тирании, люди подчиняются и тем самым своими руками укрепляют деспотизм. Ссылаясь на историю европейских стран, Мауерсбергер указывал, что века религиозных споров, фанатизма, влияния церкви на политику всегда были временем жестокости, подлости, насилия, унижительного рабства для человечества. Для Польши он делал исключение, считая, что там удалось ограничить жестокость религиозного фанатизма. Но польских священников он обвинял в том, что они превосходят других в искусстве уничтожать в человеке даже следы человеческих качеств, а между тем принизить и разрушить человечность значит разрушить саму нацию. Мауерсбергер напоминал о «двойном ярме» польских крестьян: «подданные господина, они в то же время были рабами церкви». По его мнению, положение изменилось, когда народы начали борьбу, «расшатывая троны и алтари»: французские просветители разъяснили человеку его предназначение, французская революция разбудила его от летаргии, были разбиты оковы рабства, навсегда ниспровергнуты деспотизм и неразлучное с ним могущество интриганского духовенства. Мауерсбергер излагал также свой взгляд на социальные проблемы, утверждая, что «различия между людьми не существует, они рождаются свободными, с равными правами; каждый человек, который ест хлеб, должен сам его заработать». Он не считал факт высокого происхождения основанием для господства кичливых бездельников над достойными работающими людьми, труд которых используется для удовлетворения жадности и стремления к роскоши. «Каждый, кто не зарабатывает свой хлеб, а ест, — писал он, — тот разбойник и вор [...]. Каждый, кто не занят обеспечением своих собственных потребностей, а между тем живет и кормится, тот паразит [...]. Есть должен только тот, кто зарабатывает себе на пропитание»⁷⁰.

Несомненно, эти социальные максимы не могли не заинтересовать следствие. Но не меньшее внимание оно уделяло политическим акцентам, содержавшимся в письме Кёллера. Там говорилось, что цель тайного общества — подготовить законы и планы тех перемен, продиктованных духом времени, которые помогут осуществить идею возрождения народов; осуществить ее смогут лишь благородные души, достойные этой цели, а потому нужно самосовершенствоваться, чтобы стать «хорошими гражданами и достойными сынами Отечества». «Цель нашего союза, — писал Кёллер, — помочь нашей Родине сбросить железа, в которые она закована, укрепить наш дух и, воздействуя на других, возбудить или, более того, разбудить в них этот дух любви к Отчизне, которую нельзя никогда задушить в польском сердце». Однако, по мнению автора, эта цель должна быть скрыта до определенного момента. Он отмечал, что люди стали лучше ощущать свое достоинство, народы поднялись и последовали к еди-

ной цели, как бы опережая поляков в осуществлении их намерений, но их выступление было неудачным. Кёллер предлагал усвоить этот урок, показывающий, «что осторожность и глубочайшие размышления должны сопровождать каждый наш шаг». Он писал о страданиях Польши и политике их угнетателей: «Уже давно польский гений находится под рабским ярмом, к которому его голова не привыкла и которое не становится менее жестким и более сносным для последних поколений [...]. У нас все отняли; презренные запретили даже наше имя». Кёллер считал, что захватчиками движет зависть к славному прошлому Польши и жадность к ее богатствам: «Они разорвали эту землю, из которой не переставали извлекать гнусную выгоду [...] и которая возбуждает их алчность, потому что они хотят всего целиком; для них нет ничего святого, они используют все средства, заставляя собственных детей Польши служить ее гибели». Кёллер признавал, что падению Польши предшествовали печальные обстоятельства: пришли в небрежение науки, были забыты времена, когда Польша «подавала пример другим народам, равно блистая как в военных делах, так и в просвещении и, являясь очагом гуманитарных знаний, несла свет в Европу». Автор осуждал преступное равнодушие, приведшее страну к падению. Рисуя печальное состояние некогда цветущей родины, он сравнивал поляков с растениями-паразитами, которые тянут соки из других растений и умирают вместе с ними. Кёллер подчеркивал, что настало время пробудиться от сна и сбросить оковы: «У нас отняли нашу любимую Родину, но не отняли наши сердца, там мы сохраняем этот священный росток любви к Отчизне, и мы посадим его на нашей освобожденной земле»⁷¹.

Анализируя подобные документы, власти Королевства Польского приходили к выводу о наличии опасных политических тенденций в среде молодежи. Царю было доложено, что республиканизм находит у нее поддержку. Из Пруссии также сообщали о распространении антимонархических идей, подчеркивая, что это более опасно, чем открытое сопротивление, так как «монархические государства могут сохраниться только благодаря монархическим принципам», а «тактика врагов монархии состоит в нечувствительном разрушении монархических элементов и замене их республиканскими или конституционными». Новосильцев писал царю в марте 1822 г.: «Не надо думать, что мы здесь защищены от попыток европейских революционеров во всех странах подстрекать к беспорядкам и мятежам». Сенатор не утверждал, что опасность полностью созрела, но имел доказательства, что в Королевстве идет обработка умов среди всех классов общества. Об этом, по его мнению, свидетельствовала связь польских тайных союзов с идеологией карбонариев. Так, в программе «Полонии» он видел «чистой воды карбонаризм»⁷².

Варшавская молодежь действительно имела связи с карбонарским движением. В 1820 г. следствие выяснило, что Г. А. Вежбовский находился в переписке с итальянцами, и один из них приезжал в Варшаву под чужим именем, При обыске была обнаружена черная лента с буквой «Н», что означало «Ното». Из этого делалось заключение, что у карбонариев так обозначалась степень «человека совершенного». Молодые поляки осуждали события, происходившие в Неаполе и других городах Италии,

пример борьбы итальянских революционеров находил отражение в документах членов тайных обществ. Большой резонанс имело также греческое восстание 1821 г.: молодежь пыталась пробраться в ряды повстанцев, чтобы сражаться за свободу. Найденное в бумагах студента Домициана Мошиньского стихотворение, подписанное его инициалами, выдавало его симпатии к карбонаризму, к тем, кто боролся против тирании:

«Выпьем, когда нам выдастся время,
За карбонариев вольное племя!
Виват тому, кто свободный сам,
Хочет добиться свободы рабам!
Угольщик честный — словно брат милый,
Ваша борьба тиранов сломила,
Верим, что с ними справиться сможет
Всюду и в корне их всех уничтожит!»

К стихам была сделана также стихотворная приписка, говорившая о том, что храбрые поляки вооружатся и помогут итальянцам, французам, англичанам и немцам сокрушить оковы:

«Уж человечество долго страдало,
Время пришло, чтоб свобода настала,
Призыв карбонарский к народам и странам:
„Конец тирании, смерть тиранам!“»⁷³

По предположению следствия, Мошиньский принадлежал к обществу «Полония», а там студенты пели «Песню карбонариев» и давали клятву на черепе, подписываясь кровью. Вопрос о «Полонии» обсуждала комиссия, включавшая министров и других влиятельных чиновников; некоторые из них видели в уставе Общества простое подражание немецким буршеншафтам и не замечали отличия от студенческих обществ, существовавших в Королевстве Польском в предыдущие годы. Но те общества не были тайными и утверждались начальством, так как не имели политических целей, не искали связей с другими университетами и не стремились заложить там подобные организации. Следственные органы заботило именно это новое качество студенческих обществ — тенденция к свободе без границ, то есть к объединению со всеми университетами на землях бывшей Речи Посполитой, «имеющему цель сформировать силу, способную противостоять агентам правительства, уполномоченным поддерживать порядок, и рассчитанную на подготовку умов для совершения всеобщего потрясения в государстве». Отмечалось, что Лига студенческих союзов ставит именно такую цель — «свергнуть власть монархии и заменить ее верховной властью народа в лице его представителей», «объединить все части разделенной Польши и создать единое независимое государство», а для этого употребить все возможные средства, не останавливаясь ни перед каким кризисным потрясением, «даже таким, одна мысль о котором бросает в дрожь». На подобные мысли наводили власть и показания Л. Драминьско-

го: там сообщалось о варшавском студенте Ковальском, который будто бы считал всех генералов Королевства Польского заслуживающими расстрела; говорилось также о намерении поляков вместе с немцами осуществить свои революционные планы в течение 1822 г., при этом Ковальский ссылался на известного Карла Занда, «нашего товарища»⁷⁴.

О наличии у молодых членов тайных союзов «мятежного духа», «противного в корне подданству и любви к государю и отечеству», свидетельствовало и признание на допросе одного из польских буршей Ю. Крачковского. Он сообщил, что собравшиеся в 1823 г. в день Святого Михаила патриоты стали вспоминать русскую историю: говорили о том, что в ней было «рабским и недостойным либерального человека», в том числе об убитом Петре III, о продолжающемся рабстве крестьян, о резне, устроенной после взятия варшавского предместья Праги войсками Суворова во время разделов Польши. Воспоминания о разделах и жестокости русской армии, заявил Крачковский, «моментально вдохнуло в нас ненависть против [русского. — С. Ф.] народа и той, кто тогда царствовал в России, [...] ныне же царствующий монарх из той самой линии». Поэтому участники празднования дня Святого Михаила, написав на бумаге букву «А», стали сочинять стихи: «Дали бы боги, чтобы за обиды, причиненные польскому народу твоими предками, мы могли когда-нибудь отомстить». Бумажку порвали и сожгли, но ненависть и желание мести продолжали жить⁷⁵.

Подобные настроения молодежи не могли не тревожить власть, тем не менее, в буршеншафтах она видела не самую главную опасность: эти студенческие союзы тяготели к карбонариям по революционным методам, но ставили ограниченные, сугубо национальные задачи, правда, при этом понятию «национальности» придавали широкое значение и толковали его различно. Новосильцев подозревал, что за Лигой стоят иные, невидимые руководители, которые имеют более далеко идущие планы. В этом его убеждал факт раскрытия тайного общества, названного им Обществом государственных служащих и определенного как находящееся под влиянием иллюминизма. По мнению Новосильцева, иллюминаты тяготели к европейской демагогии, стремились создать во всех частях мира и среди людей всех состояний единый дух, единые политические принципы, единые идеи о социальном порядке, который принесет человечеству наибольшее благополучие; путь к этому — почти синхронное проведение всеобщих революций, которые смогут моделировать себя по образу и подобию друг друга, «пока не дойдет до зрелости то дело, которое они проводят с такой страстью и столь систематически». Чтобы приблизить этот момент, считал Новосильцев, иллюминаты используют все средства, и главное средство — занять как можно больше важных позиций в разных отраслях администрации Королевства Польского. Если тактика буршеншафтов — добиться силой всего сразу, то иллюминаты действуют медленно, исподтишка, и, как отмечал Новосильцев, члены раскрытого Общества государственных служащих, возможно, даже не знают, что являются частью иллюминатской сети, что «имеют общее дело с демагогами всех стран, поддерживают связь и действуют в согласии с ними». Он подчеркивал, что тактика иллюминатов в Королевстве дала плоды: «в их руках вся судебная система за малым исклю-

чением»; большинство в Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, не говоря уже о профессорах университетов и лицеев, — иллюминаты; от них не свободна ни одна сфера государственного аппарата, не исключая «духовную власть». «Если в эпоху зарождения иллюминизма он был признан опасным, насколько же увеличилась опасность теперь, когда внушаемый ими дух проник во все ветви управления и еще сильнее заразил сферу общественного просвещения?» — такой, отнюдь не риторический, вопрос занимал Новосильцева и иже с ним⁷⁶.

Результаты влияния иллюминизма на учащуюся молодежь их особенно волновали, однако не меньшее беспокойство вызывал судебный аппарат. Когда в 1821 г. велось следствие по делу тайных обществ, отмечалось, что теми, кто предстал перед судом, управляли невидимые руководители, стремившиеся свергнуть существующий порядок; но из таких же «вольтеров» сформировано большинство судов, их дух и настроения не дают гарантии осуждения арестованных, результатом чего может быть лишь компрометация правительства; поэтому лучше будет, если царь отменит приговор либо создаст смешанную судебную коллегия из судей Империи и Королевства. Летом 1821 г. царю сообщали, что существующая среди чиновников судебного ведомства партия еще усилилась за счет видного члена той части масонского братства, которая формирует оппозицию в масонской ложе; влияние этой партии в судах так велико, что «находящиеся в оппозиции масоны и их друзья постоянно проводят свои проекты»⁷⁷.

Вопрос о масонах вставал потому, что иллюминатов считали специфической модификацией франкмасонов, «которые превращают дела братства в серьезное занятие и которые умело им пользуются таким образом, что их братство становится политическим инструментом». Еще в 1819 г. правительство было сильно озабочено переменами, происходившими в Объединении польских масонских лож: с 1810 г. стал разрабатываться проект нового устава вместо того, который был принят польским масонством еще под эгидой Екатерины II, Станислава Августа Понятовского и русского посла в Речи Посполитой О. М. Штакельберга. Старый устав определял моральные и благотворительные цели организации, новый же основывался на системе И. А. Фесслера, соратника революционера И. Мартиновича. Власти видели в этом влияние прусских интриг, стремление к ассимиляции польского масонства берлинским, к превращению его в политически вредную организацию. Они рассчитывали на сторонников старого устава во главе с генералом Рожнецким, но очень опасались активности реформаторов Плятера, Эльснера, Осиньского, Домбровского, Дембека, Глушиньского, Вилькошевского, Курчиньского и др.

Особенное раздражение вызывали Ю. Эльснер и П. Глушиньский; последний являлся членом Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, которая не могла быть занесена в список «неблагонадежных» организаций, тем не менее подчеркивалась необходимость строгого полицейского надзора за ее сотрудниками. Старались оттянуть проведение заседания масонов с обсуждением проекта нового устава. Делались попытки добиться согласия в их среде и выработать принципы усовершенствования устава, но в числе этих принципов оказалась «кра-

мольная» «доктрина суверенитета народа и даже более того — суверенитета представителей народа над всеми властями и над самим народом»⁷⁸.

Летом 1821 г. проект нового устава и объяснения к нему обнаружили у одного из варшавских типографов, напечатать и распространить их помог П. Глушинский. Часть масонов выступила против нового устава, что было отражено в протоколе. Как отмечалось в рапорте царю, из протокола явствовало, что масонские ложи «выродились в настоящий политический клуб, подобный тем, какие во Франции подготовили революцию, а когда она вспыхнула, руководили ею. Это подлинная пропаганда, при которой способом вроде взаимообучения стараются распространить в стране, сделать всеобщими идеи суверенитета народа, разделения властей, права представительства etc.». Новосильцев убеждал императора, что «нет ничего более опасного, чем подобные общества, для коих масонство лишь служит маской». По согласованию с ним наместник Зайончек издал приказ о временной приостановке деятельности масонских лож в Королевстве, а позже это подтвердил императорский указ. Правда, полной уверенности в том, что запрет будет эффективным, не было, так как оставалась вероятность тайных действий масонов, но Новосильцев указывал на трудность проведения таких действий под наблюдением полиции, а с другой стороны, на опасность быстрого распространения революционных идей при отсутствии всяких препон для работы лож, особенно учитывая большое число их членов: «Предположим, что правительство ничего не сделало бы для упразднения нового устава и сопроводительного протокола, тогда 4400 человек сразу получают урок на тему, что такое деспотизм, как должна быть разделена власть, что народ является ее сувереном и законодателем, что он осуществляет суверенитет через своих представителей и т. д.». Обо всем этом, подчеркивал Новосильцев, такая масса людей могла бы узнать лишь при помощи масонских лож, если бы их не закрыли. Он видел подтверждение своей правоты, в частности, в циркуляре, который разослали на места видные масоны из руководства, поддерживавшие правительство, — Ф. К. Коссецкий, К. Гоффман, С. Грабовский и другие. Часть масонов не только одобряла действия администрации, но и «помогала» ей посредством доносов. Были произведены обыски, опечатаны денежные фонды и архивы лож, создана комиссия для их исследования: нужно было убедиться, что «под предлогом франкмасонства в ложах не скрываются тайные объединения, ставящие революционные цели». «Я так настаивал на запрете в крае масонства, переродившегося в иллюминизм, — писал царю Новосильцев в 1822 г., — [...] и теперь я работаю над тем, чтобы стереть все его следы [...] и я использую всё [...], чтобы раскрыть все существующие в стране под каким бы то ни было видом тайные общества»⁷⁹.

В конце 1821 г. были запрещены все тайные общества или объединения политического характера. Циркуляр Военной комиссии Королевства Польского требовал от всех служащих военного ведомства письменного заявления о неучастии в таких организациях как в настоящем, так и в будущем. Но Новосильцев сомневался в эффективности такого приказа, могущего к тому же вызвать недовольство, и предлагал заменить его текстом присяги — обязательством сообщать о причастности своей или

других лиц к тайным обществам, если только это не масонское общество, известное ранее, считая с 26 июня 1815 г., то есть с даты создания Королевства Польского. Он считал, что о членах тайных обществ можно узнать из масонских документов, и требовал, чтобы все средства и архивы лож были отобраны, иначе нельзя будет считать масонство в Польше уничтоженным, так как поверенные лож, уполномоченные в качестве держателей имущества, «остаются еще по сему предмету в сношении с бывшими их членами и могут даже находить в сем обстоятельстве способ поддерживать и еще распространять тайную масонскую связь, которую правительство хотело совершенно уничтожить»⁸⁰.

Власти искали связи масонов, как зарубежные (например, с Францией), так и внутренние, и видели такую опосредованную связь с тайным обществом Пёнткевича. Члены организации Замоийского также заявляли, будто считали ее целью подготовку к масонству. Да и в самой канцелярии Новосильцева сложилось убеждение, что и «Полония», и Панта-Коина являются «подготовительной ступенью к великим рапсодиям» масонской доктрины «о суверенитете народа, осуществляемом его представителями насколько возможно генерально и универсально». Доносчики сообщали о связи студентов – членов тайных обществ с деятелями масонства в Варшаве, провинции и за пределами Королевства Польского. Так, речь шла о временном поверенном в Познани Яне Мейере, имевшем высокую степень в масонском Обществе розенкранцев, которое выступало под лозунгами «Долой алтари!», «Долой священнослужителей!», «Долой земных царей!». Поэтому в полицейских донесениях он фигурировал как человек, «опасный для жизни монархов». Особое внимание полиция уделяла П. Глушиньскому, которого именовали «ревностным распространителем масонства во вредном одного устройстве», так как он использовал свою должность генерального секретаря Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, чтобы «пропагандировать в Королевстве Польском под маской франкмасонства систему демагогии». За это он был уволен и послан по делам Правительственной комиссии финансов в Петербург. В 1823 г. из канцелярии Новосильцева писали графу Милорадовичу, что «по справедливому подозрению правительства общество масонское в Королевстве Польском было уничтожено», но что Глушиньский, «вероятно, остается в контакте со скрытыми масонами, ибо и само нынешнее его назначение кажется быть последствием масонских происков», а возможно, он имеет вредные сношения также с бывшими членами масонских лож Петербурга⁸¹.

Репрессиям подверглась группа чиновников в Калише и, в первую очередь, чиновник финансового ведомства М. Добжицкий. Власти считали Калиш резиденцией Национального масонства — тайного общества, распространившегося среди всех классов Королевства Польского, чьей целью было «объединить собственными силами в одно политическое тело все разбросанные части старой Польши и подчинить ее режиму, подобному режиму испанской конституции». Впрочем, национально-патриотический характер у польского масонства был всегда, о чем свидетельствовали символы и сами названия многих лож — «Казимеж Великий», «Ложа трех гетманов», «Соединенные братья-поляки», «Возвращенный белый орел»,

«Отвоёванная свобода», «Восходящее солнце», «Счастлирое освобождение» и др. Однако польский патриотизм масонов не возбуждал у правительства серьезных опасений, пока не получил политической интерпретации и пока не стала столь распространенной деятельность тайных организаций. Характерно, что именно в эти годы в поле зрения полиции попало Патриотическое общество, которое в рапорте царю определялось как «тайное общество нового вида». Сообщалось, что оно «целиком тяготеет к карбонаризму» и его цель — «разрушить действующий в Королевстве порядок». О существовании Патриотического общества донес его член — отставной офицер Ю. Нагурский, специально приехавший из Калиша в Варшаву; по распоряжению великого князя Константина его допрашивала созданная Новосильцевым комиссия — генералы Кривцов, Гауке, Раутенштраух и генеральный прокурор Подоский, а протокол допроса был отправлен императору. Новосильцев подчеркивал серьезный характер содержащихся в доносе фактов: тайное общество делилось на десятки, поэтому «было ясно, что обычным путем можно раскрыть лишь членов данной секции и после этого потерять нить». Чтобы узнать «невидимых руководителей» организации, предполагалось «использовать некоторые окольные пути». В Варшаву вызвали главу Калишского воеводства для консультации и согласования действий по выявлению «первоисточника, давшего начало тайному обществу»⁸².

В свете постоянных подозрений властей в отношении «калишского гнезда» оппозиции обращает на себя внимание тот факт, что донос пришел из Калиша; другой важный момент — что доносчиком был офицер. Значительно позже, в июне 1826 г., давал показания Кароль Гоффман, заявивший, что, будучи членом масонской ложи, он не слышал ни о каких тайных обществах, но в 1819 или 1820 г. «некая особа, уже известная правительственной власти», сообщила ему, как бы советуясь, «будто существует второе франкмасонство, называющееся Патриотическим, что оно состоит почти из одних военных, которые желали бы и нас видеть в своем обществе». Однако, утверждал Гоффман, согласие не было достигнуто, так как закон масонского братства запрещал его членам вступать в другие тайные организации⁸³.

Речь шла, действительно, о другом, патриотическом, франкмасонстве. Его создателем был Валериан Лукасиньский. Он стал масоном, еще будучи офицером на службе Наполеону, после 1814 г. вступил в армию Королевства Польского и установил контакт с видными варшавскими масонами из ложи «Великий Восток». В этой среде возникло убеждение, что масонство «для поляков не так интересно, как могло бы быть, если бы в нем было что-то национальное», и Лукасиньский вместе с группой других патриотов в 1819 г. составил план создания Национального масонства, цель которого первоначально формулировалась следующим образом: «стараться о сохранении национальности и славы поляков, живущих или умерших, которые своими делами или пером внесли вклад в прославление своей родины». Такое напутствие давали вступающим в ложу Национального масонства, «освященную огнем любви к отечеству и гражданских добродетелей». При приеме им задавали вопрос: «Видишь грустное состояние

родины и необходимость жертв? Какие жертвы ты принес? Теперь видишь, что был равнодушен, но есть еще время». Присяга требовала от члена Национального масонства «безграничного послушания», сохранения тайны. Обязанностью «учеников» — членов первой (низшей) ступени было проявлять «стойкость», поддерживать товарищей и «распространять славу нации и заслуженных в народе лиц», популяризируя их произведения. Масоны, посвященные в более высокие степени, должны были подавать пример молодежи, в их цели входило «вести родину к былому величию». Руководители Национального масонства старались создать ложи во всех воеводских городах Королевства Польского, а также в Познани, Кракове и в целом на всей территории бывшей Речи Посполитой. Многие из этих филиалов оставались действующими и после того, как в 1820 г. Лукасиньский официально распустил Национальное масонство в соответствии с указом правительства Королевства. Познанская ложа была преобразована в Общество косинёров, позже переведенное в Королевство Польское. Его руководители Я. Н. Уминьский и Ю. Моравский переделали устав, освободив его от масонских форм, ликвидировав деление на степени. Весной 1821 г. Лукасиньский, Т. Моравский, Уминьский, Козаковский, Шрёдер, Циховский, Прондзиньский, Александер Оборский, Кициньский, Йордан, Собаньский и другие встретились, чтобы договориться об условиях и целях нового объединения. Они принесли присягу, избрали Временный центральный комитет для выработки устава и проведения выборов. Председателем комитета стал К. Вежболович, а его членами — Лукасиньский, Козаковский, Прондзиньский, Шрёдер, Кициньский, Моравский, Собаньский. Так Национальное масонство возродилось в 1821 г. под именем Патриотического общества, в котором не только были отброшены масонские ритуалы, но поменялся сам характер организации — она стала политической⁸⁴.

Позже на следствии Лукасиньский отрицал этот факт, но в действительности члены Патриотического общества ставили политические цели, хотя каждый понимал их по-своему: например, К. Масловский хотел всего лишь ревизии старого масонства, Т. Скробецкий мечтал о возрождении польской армии, какой она была в годы Княжества Варшавского, А. Шнайдер стремился к установлению республики в Польше, Я. Шрёдер — к объединению ее ненасильственным, «моральным» путем. Последнее было предметом живого обсуждения: главным считали «сохранение польской нации», то есть «чтобы поляки не переставали быть поляками, под каким бы скипетром они ни оказались». «Поскольку другие народы стараются получить подходящую им конституцию, а мы не хотим плестись в хвосте, наша цель — освобождение от ярма нынешнего правительства и создание правительства Польской республики, а при этом сохранение национальности и спасение несчастных офицеров», — заявлял Лукасиньский, весьма критично относившийся к палочной системе, установленной великим князем в армии Королевства Польского. Что же касается конституции Королевства, то он оценивал ее гораздо выше, чем «старую мебель» — Конституцию 3 мая 1791 г., которую поминали члены Общества. Иное дело, что Лукасиньский видел постоянное нарушение конституции; впоследствии он писал, что она «была спрятана и заперта в архивах, так как являлась

либеральной, тирания же в особе великого князя Константина была ходячей и действующей». Поэтому, считал он, задачей было воскресить родину, присоединив к Королевству остальные польские земли и дав ей подлинно конституционное национальное правительство. Позже, в воспоминаниях, он разъяснял свой план «при помощи Общества произвести изменения в правительстве и успокоить всю страну»: из Сената и Посольской избы выбрать троих, кто мог бы представить императору положение в Королевстве Польском и просить сменить систему управления и персонал⁸⁵.

Лукасинский был реалистом и не выдвигал определенных сроков осуществления этой задачи, но ее формулировка не вызывала сомнений: если когда-нибудь в какой-то части Польши возникнет вопрос «Под каким правительством и законом хотите быть?» — нужно ответить: «Под национальным правительством, нераздельным и законным». «Воскрешение отчизны и ее независимость» объявлялись целью Общества в тексте присяги, которую приносили его члены. Они обещали хранить тайну и послушание, не щадить жизни для дела Польши; изменникам и всем противникам национального дела грозили смерть и позор в глазах потомства. Чтобы поддержать в членах Общества стойкость и высокий полет мысли, обращались к теням великих поляков — Жулкевского, Чарнецкого, Понятовского, Костюшко. И не случайно бюст Костюшко пришел на смену бюсту Александра I, установленному в масонские времена в ложе первой ступени⁸⁶.

В соответствии с целью объединения всех польских земель руководство Патриотического общества разработало его структуру. Отделения Общества должны были действовать в пяти провинциях с центрами в Варшаве, Вильно, Познани, Кракове, Львове; шестой провинцией являлась Волынь. Провинции делились на округа, а те, в свою очередь, на гмины, каждая из которых объединяла не более 10 человек. Отдельную, седьмую, структурную часть Общества составляла армия, а ее руководителем был Лукасинский. Оставалось решить, каким путем может произойти объединение Польши. В этом вопросе было немало скептиков. Так, генерал А. Косинский, одобрявший благородные цели Общества, считал, однако, учитывая прежний опыт, что «все это кончится ничем». «Объединение нашими собственными силами без помощи одной из трех держав [разделивших Польшу. — С. Ф.], — рассуждал он, — невозможно, но какая из них может быть нам полезной? Австрия и Пруссия — враги польского имени, Россия уже что-то для нас сделала, так ее и нужно держаться». «Мы должны забыть нанесенные нам обиды, — считал Косинский. — Не следует даже обращать внимания на то, что творится в Королевстве сегодня и является причиной нареканий. Время все это сгладит, а выгоды для всех нас, какие принесло присоединение Польши, сумеют вознаградить эти временные страдания». В этой связи некоторые предлагали «обеспечить независимость», провозгласив королем великого князя Константина, «которого считали за поляка из-за его женитьбы, длительного пребывания среди нас и командования армией» Королевства. Однако В. Лукасинский и К. Махницкий видели и другие варианты: соглашаясь, что объединение Польши возможно лишь с помощью одной из трех разделивших ее держав, они брали в расчет Россию, но считали, что если бы она увязла в «неудачной

войне», поляки могли бы взяться за оружие при поддержке другой державы. В беседах членов Общества обсуждалось и такое фантастическое предложение: обратиться с петициями к монархам на польских землях, прося их согласия на объединение Польши, «чтобы они ему не препятствовали, а даже благоволили бы это осуществить». Называлось и прямо противоположное «крайнее» средство — «манифест всего народа, его восстание, когда представится случай», но при этом отмечалось, что помещики бедны, а народ «в массе мало способен на восстание», поэтому единственной надеждой оставалась армия, и отсюда вытекала задача «прививать военным национальный дух, распространять его и поддерживать». Отсюда исходило и стремление Лукасиньского поставить во главе Общества не председателя Комитета, а Начальника — военного высокого ранга, который должен был стать и Начальником революции⁸⁷.

Имя известного генерала помогло бы привлечь в Общество (насчитывавшее, по разным данным, от 128 до 239 человек) новых членов, стало бы важным элементом имиджа, создаваемого организацией. Так, Нагурский, давая позднее показания следствию, рассказывал, что ему говорили о «наилучшем» состоянии дел в Обществе, о его многочисленных сторонниках в Варшаве, особенно среди военных, о принадлежности к организации «первейших и знатнейших особ», а также о том, что «в Литве в находящемся там войске царит такой же дух, как и здесь». Утверждали даже, что императорская гвардия, расквартированная в Литве, якобы «была уже готова поднять знамя бунта», но препятствием этому стало пребывание там императора. Сообщалось также, что стоящий в Калише 1-й полк конных стрелков, офицеры которого принадлежали к Обществу, «готов к восстанию» и его возглавит генерал Уминьский. Рассказывали о многих помещиках, «готовых ради одного с нами дела пожертвовать своим имуществом и в случае необходимости даже сами его уничтожат». На вопрос Нагурского о способах и средствах, которыми Общество предполагает достичь цели, ему ответили, что «средства защиты отечества [...] заключаются в восстании народных масс и армии, как польской, так и русской, в которой уже единый дух царит, и даже за границей народы также тоскуют о свободе», а следовательно, «общее восстание уже близко», и «в момент восстания все поднимутся по призыву союза». Такого же мнения придерживался А. Плихта, говоривший К. Огиньскому о грядущей всеобщей революции. По его словам, проблема оружия и необходимых для борьбы денежных средств разрешалась просто: расчет был на польскую армию Королевства, в каждом полку которой служили офицеры — члены Патриотического общества, и на польскую милицию в Княжестве Познанском. Правда, следовало учитывать, что познанский ландвер, состоявший из поляков — военных и помещиков, «наверняка соединился бы с польской армией», но лишь в том случае, если бы возникла война с Пруссией. Что касается денежных средств, то их источником предполагалось сделать патриотическую подать, наложенную на жителей Польши, причем «каждый непослушный» приказу об ее уплате был бы расстрелян⁸⁸.

Важным фактором, влиявшим на планы Патриотического общества, был революционный подъем в Европе. На собраниях его членов прояв-

лялось «возбуждение умов, распаленных событиями, происшедшими в Испании и Италии». С Италией пытались установить контакт, выслав в Неаполь представителя познанского отделения Общества. Из Познани выезжали также во Францию и Германию, надеясь договориться с тамошними организациями. Особенно рассчитывали на Францию: один из активных деятелей Общества Я. Карский собирался в 1821 г. посетить Париж, а возможно, и Грецию. Карский оказался предателем: в Париже он сообщил сведения о Патриотическом обществе российскому послу Поццо ди Борго, который немедленно передал их Новосильцеву. Но поручение Общества Карский выполнил, дав свою оценку ситуации во Франции. «Что касается французов, — писал он в 1822 г., — то они в состоянии высочайшего волнения, число карбонариев безмерно, и сомнительно, чтобы правительство, несмотря на свою бдительность, могло это подавить». По заданию Общества другой его деятель, А. Скужевский, попытался выяснить из либеральных источников, «происходят ли революции, которые теперь охватывают всю Европу, из одного центра, где он находится и имеют ли революции между собой союз и определенное направление». В конце концов наступило разочарование, и эмиссар Патриотического общества заявил, что на французов рассчитывать нельзя, но мысль об опоре на Европу не исчезла. Правда, теперь речь шла не о расчете на революционный союз народов, а о поддержке европейских правительств. Так, старались выйти на контакт с английским послом в Дрездене, чтобы через посредство Англии заключить союз с турками, готовящимися к войне с Россией⁸⁹.

Деятельность и контакты Патриотического общества попали в поле зрения полиции Новосильцева в сентябре 1821 г. Лукасиньский узнал об этом и предупредил членов Общества. На допросах следственного комитета он не говорил об Обществе, а представлял дело так, будто речь шла о Национальном масонстве, и подчеркивал факт его роспуска. Но арест других членов Общества и их показания опровергли эту версию. Правда, следствие не выявило какой-либо реальной подготовки к восстанию, и допрошенные члены Общества усердно твердили, что не намеревались использовать военную силу для достижения цели. Поэтому в 1824 г. Лукасиньский, Доброгойский и Добжицкий были признаны виновными в «отдаленной попытке государственного преступления». Лукасиньский взял всю вину на себя и как главный и единственный организатор тайного общества, имеющего «революционные цели объединения всех частей давней Польши», получил 9 лет заключения. После неудачной попытки организовать в тюрьме бунт, чтобы осуществить побег, Лукасиньского приговорили к расстрелу, но затем заменили расстрел 14 годами лишения свободы. Однако в действительности он до конца жизни находился в заключении, сначала в Польше, а потом в Шлиссельбургской крепости. Там он написал «Воспоминания», где рассказал об обстановке, сложившейся в автономном Королевстве Польском, о произволе полиции, самоуправстве великого князя, лицемерной политике Александра I, а также о возмущении простого народа и низшего духовенства «неуважением русских к католической религии, ее святыням и монастырям», о недовольстве в связи с тяжелым бременем содержания в крае русской армии и прочее. Он дал анализ соци-

альных отношений в Королевстве, подчеркнув, что конституция забыла о крестьянах, «составляющих все население и силу страны». Лукасинский считал необходимой отмену барщины, но указывал, что помещики сдали в архив аграрную реформу и теперь внушают крестьянам, что их свобода кончилась, потому что царь ее не любит, не дал ее никому в России и польским крестьянам о ней думать не позволит. В этом он видел причину ненависти и недоверия между шляхтой и крестьянством, с одной стороны, и «возобновления ненависти против русских», с другой. В результате крестьяне заявляли: «Вот это московский царь, который провозгласил себя польским королем и обещал быть отцом нашим лишь для того только, чтобы отомстить нашим детям и братьям за то, что они, служа Наполеону, сражались с его армией». Лукасинский приводил пословицу, которую они повторяли: «Пока стоит мир, москаль не будет братом поляку»⁹⁰.

Арестовав Лукасинского и других членов Патриотического общества, власти считали, что покончили с тайной организацией. В 1824 г., когда закончился суд над Лукасинским, внимание правительства Королевства Польского, деятельность явной и тайной полиции были направлены на подготовку к предстоявшему в 1825 г. проведению отложенного ранее сейма третьего созыва. Нужно было обеспечить «чистоту» депутатских рядов, изолировать оппозицию. «Главного оппозиционера» В. Немоёвского задержали по дороге в Варшаву, и пока работал сейм, он находился под домашним арестом, его протесты остались безрезультатными, даже в 1826 г. ему не разрешили выехать в Познань. Были также изолированы и другие либералы: Т. Моравского в 1825 г. арестовали за «сговор» с В. Немоёвским, а Б. Немоёвскому пришлось оправдываться перед Сенатом. Накануне открытия сейма к принятому ранее постановлению о запрете публиковать протоколы заседаний с выступлениями депутатов (сообщались лишь «результаты» и цифры голосования) добавили новое ограничение гласности, нарушающее конституцию: в дополнительной статье к ней, представленной императором, предписывалось проводить заседания сейма в закрытом режиме, чтобы устранить «опасность», которую могли вызвать дебаты. «Публичность дискуссии в обеих палатах, — говорилось в обосновании этой меры, — давая ораторам возможность приобрести минутную популярность, вместо постоянного занятия общественным благом, способствовала превращению этих дебатов в бесплодную декламацию, нарушающую столь желанное единство, и изгнала спокойствие и достоинство, которые должны царить при серьезном обсуждении». Кроме того, по распоряжению государственного секретаря после каждого заседания полагалось посылать протоколы царю для просмотра; в связи с этим в зале заседаний присутствовали стенографисты из канцелярии великого князя, то есть осуществлялся явный полицейский надзор⁹¹.

Отчет правительства для представления сейму император поручил подготовить министру внутренних дел и полиции. Наместник хотел, чтобы в отчете были даны только факты деятельности Административного совета без оценки их комиссией Государственного совета, недостатки же и средства их исправления указаны отдельно. С. Сташиц, поддержанный большинством членов Государственного совета, настоял на представлении

полной картины работы правительства, но практически отчет оказался лишенным критических замечаний. Он умалчивал о свирепствовании цензуры и произволе полиции, тем не менее, в нем говорилось об уклонении от воинской службы и дезертирстве из армии, о побегах заключенных и даже «об уничтожении в ряде пунктов страны преступных объединений», которые в общей сложности составляли более 200 человек, осужденных в разное время. Не исключено, что речь шла о «преступниках»-крестьянах, надежды которых на отмену барщины в первые годы существования Королевства Польского не оправдались и которые активно выступали в калишском, згерском, липновском, мариампольском повятах, вызывая волнения сельских общин⁹².

Критика политики правительства Королевства Польского, содержащаяся в «Замечаниях» комиссий сейма (куда входили и члены либеральной оппозиции С. Качковский, В. Зверковский), была, как обычно, закамуфлирована панегириками царю и формально направлена против административной власти. Члены комиссий посетили тюрьмы, цензурные комитеты и на месте убедились в нарушениях конституции. Было отмечено, что в стране растет число заключенных, им не объявляют причину ареста, не разъясняют их права, они содержатся в тяжелых условиях, используются на общественных работах, их бьют и пытаются, причем по большей части решения об арестах, штрафах и телесных наказаниях принимают не суды, а полиция и администрация, и порой последняя даже пересматривает судебные постановления; одновременно свирепствует разлагающая общество тайная полиция с «толпой агентов», их вербовкой занимается, в частности, Бюро контроля прислуги, и в результате слуги устанавливают слежку за своими хозяевами. Парламентарии подчеркивали, что поляки, известные своей «открытостью и искренностью», не нуждаются в тайной слежке, она может привести лишь к деморализации, тем более что агенты нередко дают ложные сведения; чтобы узнать мысли людей, нужна «свобода говорить и писать»: «Там, где допущена свобода, никто их не скрывает»⁹³.

По-прежнему остро стоял вопрос о цензуре. Правда, комиссия Сената высказалась на эту тему сдержанно: признав, что «по политическим причинам» цензура «представляется в настоящее время необходимой», сенаторы лишь напомнили о предписании монарха «осуществлять ее с такой осторожностью и рассудительностью, чтобы из-за нее народное просвещение не откатилось назад и чтобы по ее причине столица Королевства не оказалась вскоре вовсе лишенной книгопродавцев», потому что польских книг осталось из-за цензуры совсем мало. Говорилось о незаконных указах наместника, распространивших цензуру не только на «все политические издания», публикации религиозного характера, литературные и исторические сочинения, но и на книги по медицине и военному делу, на литографии и гравюры, а также на литературу, изданную за границей, которая в результате если и приходила к польскому читателю, то в изуродованном виде, с вырезанными страницами. Особенный удар, по мнению выступавших, цензура наносила по патриотическим чувствам поляков, по их национальной гордости, связанной со славным прошлым: «Труды, содержащие дорогие для народа воспоминания, [...] разрешалось печатать

даже тогда, когда поляки утратили свое политическое существование; ныне, когда они вновь обрели родину, возвращенную твердой десницей Александра, цензура создает препятствия их изданию». Как считали члены Посольской палаты, это имело «самые губительные последствия для народного просвещения», задержало его развитие, поэтому нужно срочно обратиться за помощью к императору, просить его ограничить цензуру в соответствии с законом; монарх должен узнать, что «поляк во всей своей литературе не злоупотребил свободой, которой пользовался, не запятнал себя оскорблением священной особы государя, что поляк, более всего любящий свое отечество, может писать только ей во благо». Комиссия предлагала направить к царю солидную депутацию еще и для того, чтобы представить ему «ужасное состояние», в каком находилось просвещение, и высказать соображения о том, как его исправить. В Королевстве, заявляли критики, стало мало не только книг, но и школ: одни закрылись, так как министр вероисповеданий и общественного просвещения С. Грабовский ввел непосильную для крестьян плату за обучение, другие, как в Калише, втором городе края, были закрыты по политическим причинам. Участники дискуссии говорили о негативном общественном мнении в отношении Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, которая упорно сохраняет латынь в качестве языка преподавания, противится включению в университетскую программу курсов по истории, между тем как история и философия влияют на «высшее религиозное и моральное формирование человека», а знание о прошлом, трактовка истории «становится желательным и необходимым для истинного поляка». В «Замечаниях» комиссии подчеркивалось, что как в университете, так и в школах всех ступеней учащиеся и преподаватели находятся под постоянным контролем, тайным и явным; это вредно влияет на взрослых, но «еще более губительное влияние» оказывает на учащихся, «ибо с молодых лет приучает их к скрытности, тайне, подозрительности, и так гибнет главное украшение поляка — открытость характера и укореняется подлая, пятнающая честного человека манера поведения». В целом, как указывали парламентарии, «не ограниченная законом цензура задержала прогресс образования, обеднила литературу», весь дух и направление деятельности властей в области просвещения исключают высокие цели, полет мысли, обращение к высоким достоинствам предков, а скорее поощряют инстинкты, привычку к пустой обрядности⁹⁴.

Речь шла также о роли теологического факультета университета. Комиссия сейма, одобряя в принципе его создание, выступала против подчинения его церковным властям и требовала провести разграничение: все, что касается обрядности, передать на усмотрение костёла, но обучением, назначением преподавателей должна заниматься Правительственная комиссия вероисповеданий и общественного просвещения. В этом парламентарии видели путь налаживания единства между светским обществом и духовенством, которое, в частности, было недовольно законом о заключении и расторжении браков, оставшимся в наследство от принятого в Княжестве Варшавском Кодекса Наполеона, и еще на предыдущих сеймах пыталось добиться его изменения⁹⁵.

Это постоянное давление костёла испытывал и Александр I, тем более что претензии католической церкви Королевства Польского находили поддержку клерикалов в Петербурге. Да и сам царь поддерживал их проект закона на сейме 1818 г., но тогда попытка ревизии брачного законодательства не удалась, так как депутаты ее отвергли. После этого царь приказал разработать новый проект «таким образом, чтобы он отвечал представлениям века и сближал религиозные и гражданские отношения». События последующих лет, имевшие место в Европе, России и Польше, укрепили императора на консервативных и клерикальных позициях, о чем свидетельствовали указания, данные им относительно подготовки нового проекта закона о браке и разводах. В августе 1821 г. И. Соболевский сообщал наместнику Ю. Зайончеку, что царь узнал о «раздвоении» при обсуждении статей этого закона и предупредил, что утвердит лишь такое решение, которое не будет противоречить интересам главной религии Королевства Польского: «В момент, когда все другие правительства, предупрежденные опытом, разрабатывают способы воскрешения религиозных принципов и возвращения духовной дисциплины, не пристало бы новыми законодательными постановлениями утверждать забвение этих принципов либо отклонение от оных, что имело место в эпоху, которая сама достаточно обозначает различие с тем путем, коего надлежит держаться в нынешних обстоятельствах [...]. Если такие законодательные постановления были введены как часть чужого кодекса, принятие которого было навязано краю, из этого ни в коей мере не следует, что такие постановления обязаны быть сохранены при изменениях, которым этот кодекс должен подвергнуться, чтобы приобрести черты Национального кодекса [...]. Такие изменения легко можно приспособить, никоим образом не нарушая необходимой связи между другими частями действующего в стране гражданского законодательства, затрагивать которые было бы признано ненужным». Изменения, считал Александр I, тем более необходимы, что хотя конституция обеспечивает свободу всем религиям, но католичество, исповедуемое большинством, требует особой опеки правительства, и его обязанность — «следить за тем, чтобы эта религия пользовалась гарантированной ей особой заботой в полном объеме и чтобы ее догматы и устав сохранялись во всей своей чистоте». Император подчеркивал, что в тексте проекта, представленного на обсуждение, «не должно быть ничего, что могло бы оскорбить догматы или устав католической церкви», и лишь такой проект он подпишет⁹⁶.

Проект готовился к 1822 г., к очередному сейму, но так как его созыв был отложен, закон обсуждался уже в 1825 г. На этот раз он был принят сеймом, но парламентарии внесли в него поправки, ограничивавшие влияние духовенства. В то же время в I книге Гражданского кодекса, также принятой на сейме, появилась статья, узаконивавшая объединение церковных метрик с актами гражданского состояния, которые отныне составляли католические священники; это касалось христиан, для других же конфессий сохранялся старый порядок: акты составлялись представителями светской власти — бургомистрами. В целом сейм оказался успешным для клерикалов, хотя упреков в их адрес было высказано немало. Они исходили в основном от либерального крыла сейма, и в этом отношении критика

отчета правительства, представленная членами Посольской палаты, была более острой, чем замечания, сделанные комиссией Сената. В частности, именно Посольская палата поставила под вопрос правильность формирования духовной секции Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, доказывая, что входить в нее должны не только католические священники, но и представители всех других конфессий. Сенатская комиссия высказалась о религиозном равенстве в более общих выражениях: «Край наш [...] призван сохранять тесное согласие с другими конфессиями. Оно способно наиболее действенно и надежно укрепить нравственность и взаимную любовь, спокойствие и кротость»⁹⁷.

С требованием уравнивания в правах всех религий был связан также обсуждавшийся на сейме еврейский вопрос. Он стал объектом внимания общенациональности Королевства Польского уже в первые годы его существования. Тогда разгорелась дискуссия, были опубликованы брошюры К. Шанявского, С. Сташица, С. Качковского, В. Красиньского, Ю. Вышиньского, В. Лукасиньского. Последний критиковал антисемитский настрой, проявившийся в позиции Красиньского и ряда других публицистов, он требовал равных прав для евреев, допущения их в цехи, профессиональные корпорации. Задачу эмансипации евреев Лукасиньский объединял с решением крестьянского вопроса, с отменой барщины. Указывая на нищету еврейского быта, он писал: «Эпоха изменения жизни евреев в лучшую сторону начнется в нашем крае вместе с эпохой просвещения крестьян». Он видел причину равнодушия евреев к проблемам Польши в отношении к ним польского общества и подчеркивал, что у них не будет любви к родине и гражданских чувств, «пока мы не перестанем выказывать евреям презрение». Такие настроения, действительно, проявлялись в польском обществе, что способствовало изоляции евреев, консервации их отдельного быта. Об этом говорилось на сеймах 1818 и 1820 гг., обсуждались пути преодоления замкнутости еврейского социума. В частности, А. Чарторыйский работал над проектом уравнивания в правах и постепенной полной ассимиляции многочисленного еврейского населения, которое, как он считал, стало «наказанием для края», захватив все местечки и «всю индустрию»⁹⁸.

Насколько мнения оппозиции отличались от позиции правительства в еврейском вопросе, было видно, в частности, из трактовки ими конституционных прав евреев. В отчете Государственного совета сейму 1820 г. обращалось внимание на статью конституции, постановляющую, что пользование гражданскими и политическими правами не должно зависеть от разницы христианских исповеданий; из этого делался вывод, что к евреям эта статья не относится, а значит, можно запретить им заниматься шинкарством; в то же время прямо противоположный вывод относился к вопросу о воинской повинности для евреев: оказалось, что нераспространение на них статьи о равенстве гражданских прав не мешает призыву их в армию. Что касается позиции парламентариев, выступавших на сейме 1825 г., то они также считали необходимой службу евреев в армии, указывая, что многие из них сами хотят служить, видя в этом «средство, облегчающее продвижение к цивилизации». Но в «Замечаниях» комиссии сейма подчеркивалось также, что евреи должны служить наравне со всеми, а тот факт, что их несправедливо

лишают возможности зарабатывать на жизнь, заставляют платить за пребывание в Варшаве, — это нарушение «первой гарантии свободы личности располагать собой». На основе признания равенства прав евреев послы и депутаты предлагали по-новому организовать их быт, они приветствовали отказ от системы кагалов, считая, что иная форма организации еврейского населения облегчит сближение его с польским обществом⁹⁹.

На сейме 1825 г., как и на предыдущих сеймах, его участники излагали свою позицию не только в выступлениях с замечаниями, но и в петициях и адресах императору. В них, в частности, содержались жалобы, касавшиеся конкретных нарушений закона, злоупотреблений администрации. Так, специально обращали внимание на паралич всей общественной жизни в Калише в результате роспуска воеводской рады, выступали в защиту прав В. Немоёвского, не допущенного к участию в работе сейма. Все эти моменты, которые могли не понравиться императору, власти старались затушевать и смягчить. С. Замойский, обратившийся как всегда при завершении работы сейма к собравшимся, призвал членов сейма стараться распространять среди жителей Королевства чувство любви к монарху, «чтобы уже с этих пор больше не доходили до нашего слуха горькие упреки по поводу расхождений во мнениях, отсутствия у поляков единства, их своеволия и тому подобного»¹⁰⁰.

По-видимому, «горькие упреки» исходили из уст Александра I, но поскольку на сейме 1825 г. открытого противостояния оппозиции все же не было, царь на этот раз выразил свое удовлетворение и в частных беседах даже возобновил обещания расширить границы Королевства¹⁰¹. Однако на самом деле сейм окончательно развеял надежды на сотрудничество польской общественности с царской администрацией, стала ясна несовместимость конституционности и самодержавия. Ее осознали обе стороны: недаром после закрытия сейма многие парламентарии демонстративно отказались участвовать в складчине на организацию бала в честь короля, а у близких к трону людей осталось тревожное чувство. Так, Николай I впоследствии подчеркнул, что на сейме 1825 г. не было спокойствия и единства. Атмосфера в польском обществе все более накалялась, а вскоре появились и новые признаки конфронтации.

3. НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И СТРУКТУРЫ

После закрытия сейма 1825 г. сохранялась напряженная обстановка, выразительным фоном которой являлось продолжение репрессивной политики царизма. В конце года возникла особая напряженность, вызванная событиями в России — неожиданной смертью Александра I и восстанием декабристов. Правда, об этих событиях в Королевстве Польском официально не сообщалось, более того, до конца 1825 г. была изъята вся информация, запрещалось доставлять в край как иностранную, так и петербургскую прессу. Тем больший простор был для слухов, основанных на просочившихся в Варшаву отрывочных и нередко искаженных сведениях. Говорили

об убийстве царя Александра, о вынужденном отречении от престола Константина Павловича, якобы готового вооруженной рукой добиваться своих прав. Обсуждалась и версия отречения великого князя от российского трона в пользу польского. Все эти вопросы особенно интересовали польское общество, так как сложившаяся обстановка междуцарствия непосредственно затрагивала Королевство Польское: великий князь Константин как законный наследник российского престола мог стать императором России и польским королем, а при ином развитии событий возникала перспектива отделения польского трона от российского и превращения Королевства вместе с западными губерниями России в самостоятельное государство во главе с Константином I. При этом в любом случае польским монархом стал бы человек, давно и тесно связанный с Польшей и по-своему ее любивший, хорошо понимавший характер поляков и их стремления. Показательно, что Константин Павлович признавал разделы Польши преступлением. Он писал брату Николаю в 1827 г.: «Нет ни одного поляка, к какой бы партии он ни принадлежал, который не был бы убежден в той истине, что их страна во время трех разделов была не завоевана, а захвачена Екатериной, совершившей это в период мира и без объявления войны, используя самые позорные методы, отвратительные для каждой честной души. Только Королевство Польское приобретено честным образом, и это приобретение освящено мирными договорами по окончании войны. Это чувствуют все и это признает весь мир: приобретение есть результат победы, захват же является позорным грабежом, рано или поздно ударяющим по грабителю». Великий князь не разделял планов унификации политического строя в Королевстве Польском и России, выступал против включения Королевства в состав России на общих основаниях и за это был нелюбим консервативным окружением императора; в частности, А. Х. Бенкендорф тайно предпринимал попытки возбудить среди поляков ненависть к Константину Павловичу, и это было нетрудно, учитывая грубость и жестокость его поведения. Тем не менее, определенные надежды польского общества с ним связывались, особенно в сложной, неясной обстановке междуцарствия¹⁰².

Значимым для поляков было и известие о «русской революции» — выступлении армии на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., поскольку в Королевстве Польском и западных губерниях России действовали структуры Патриотического общества, непосредственно связанные с декабристами. Власти, считавшие, что судебный приговор Лукасиньскому и его товарищам положил конец существованию Общества, узнали о своей ошибке в результате следствия по делу декабристов. Показания русских революционеров, а затем и арестованных членов Патриотического общества представили историю его развития в 1823–1825 гг. Показания были противоречивы, так как подследственные старались затушевать или вовсе замолчать «крамольные» факты, преуменьшить как их значение, так и свое участие в событиях. Тем не менее, выяснилось, что руководство Обществом, насчитывавшим по данным следствия 128 членов, осуществляли наиболее активные деятели Северын Кшижановский и Антоний Яблоновский; существовал также совет, в который входили С. Солтык (председатель), В. Гжимала, А. Плихта, К. Дембек. Саксонский сад в Варшаве был местом, где они обсуждали теку-

щие дела. Одной из главных забот являлось обеспечение конспирации, ради нее решили не принимать в Общество новых членов, но в действительности новые члены появлялись, правда, вместо присяги, текст которой сожгли после волны арестов, они давали честное слово хранить тайну, помогать товарищам, поддерживать национальный дух. Согласно показаниям, руководство Общества ставило задачу «приготовиться на случай, если бы изменившиеся политические отношения дворов позволили [...] надеяться на присоединение провинций», находившихся «под властью русского царя», а пока целью Общества объявлялось «укрепление национальности». В этой связи рекомендовалось стремиться улучшить положение крестьян, организовать их просвещение путем создания и поддержки начальных школ, которые обеспечили бы пропаганду принципов, способствующих воспитанию патриотизма, уважения к прошлому Польши. К этой работе старались привлечь богатых патриотов, и усилия давали конкретные результаты: так, в местечке Бжезины — имении графини Огиньской (матери члена Общества) — открылась школа взаимного обучения. Средства для деятельности Общества предполагалось получать также от сбора членских взносов, что потребовало заняться упорядочением структуры Общества, организацией его отделений — гмин и округов, налаживанием связей с регионами. Руководители Общества придавали значение активизации работы отделений на местах, в том числе в Литве и на украинских землях¹⁰³.

В начале 1820-х гг. на Украине возникло Общество тамплиеров. Возглавлявшие его Ф. Маевский, П. Лаговский, С. Карвицкий и другие вступили в контакт с варшавским масонством, а потом и с Патриотическим обществом. Присяга тамплиеров содержала обещание «не уйти от боя с тремя врагами», затем целью были названы «поддержание национального духа», помощь каждому народу, стремившемуся добиться свободы. Ряд видных тамплиеров отмечали близость этих принципов к идейным установкам Патриотического общества, провозглашавшего цель поддержания национального духа и старых обычаев, объединения польских земель и независимости Польши. Возникла мысль соединить усилия обоих обществ, но были колебания: деятели Патриотического общества видели различия между своей целью достижения национальной независимости и более общей программой тамплиеров, те же, в свою очередь, были озабочены получением гарантии равных прав в случае объединения. Поскольку Общество тамплиеров считалось «богатым» и имеющим влияние и связи на местах, варшавские деятели рассчитывали на финансовую поддержку с его стороны; тамплиеры же дополнительным аргументом в пользу объединения считали наличие у Патриотического общества связей с иностранными дворами, готовыми помочь полякам. Так, Плихта в 1823 г. говорил о хороших известиях из Англии, с которой были налажены связи; он же сообщал о соглашениях с обществами, действовавшими в Германии и Франции¹⁰⁴.

В ноябре 1825 г. Маевский заявил, что всем политическим союзам нужно объединиться, чтобы путем революции достичь цели — защиты личной свободы и независимости отчизны, а потому Патриотическое общество и Общество тамплиеров должны действовать вместе. Возможно, на окончательное решение об объединении повлияло известие о соглашении

Патриотического общества с русскими революционерами. Не исключено, что и первые контакты представителей польских и русских тайных организаций завязались при посредстве тамплиеров, которые на Украине имели возможность постоянного общения с русскими военными, в том числе с будущими декабристами — членами Южного общества. Именно тамплиеры передавали в Варшаву слухи о недовольстве, зреющем в русской армии и в самой России. «В армии жаловались на бездействие, на суровость своих командиров и несправедливость, граждане же — на отсутствие развитой торговли и тому подобные недостатки», — утверждал Маевский. По его поручению А. Чарковский отправился в Варшаву и там убеждал руководство Патриотического общества в том, что в России готовится восстание против правительства. Он повторял слухи о недовольстве среди военных, которые «желали бы конституции и прав»; армия «томится без войны», и в офицерской среде открыто говорят о «беспорядках и больших опасностях», «болтают разное, совершают из ряда вон выходящие поступки». Чарковский указывал на «отчаянную решимость русских военных, желающих непременно начать революцию»: «Русские заявили, — подчеркнул он, — коль поляки не хотят начать, пусть оставят это нам», «даже если бы в Варшаве ничего не было сделано, они на это согласны, лишь бы им не мешали». О том, кто может помешать, Чарковский сказал вполне ясно: «Русские говорят, что если бы они не боялись поляков, то начинали бы и у себя, и у нас». На это заявление весьма показательной была реакция Солтыка: «Пусть русские делают что хотят, но что касается нас, передайте капитану Маевскому, чтобы перестал думать о таких вещах, поскольку это было бы с нашей стороны величайшим безрассудством». По словам С. Заблоцкого, он «ручался, что спокойствие в нашем крае сохранится, и советовал сохранять его до тех пор, пока в Российском государстве окончательно не наступят известные перемены». Яблоновский на следствии подтвердил, что «таков был принцип Общества: не делать ничего, если только волнения в России не приведут к выводу войска из Польского края»¹⁰⁵.

Такова была исходная позиция Патриотического общества накануне установления контакта с русской конспирацией. По некоторым показаниям, о ее существовании Кшижановский знал уже в 1822 г.: якобы по совету прусского общества (Tugendbund) возникла мысль объединиться с действующим в России «тайным либеральным обществом». Однако, по свидетельству Ю. Гружевского, в 1823 г. он получил задание от Кшижановского разведать, нет ли тайных обществ в России, Курляндии и Жмуди. Эту информацию подтвердили Я. Ходзько и М. Ромер, но сам Кшижановский утверждал, что в 1823 г. Солтык направил его с Яблоновским в Киев с целью разузнать о русских тайных организациях и с ними связаться. Поиски контактов шли и с русской стороны: в том же 1823 г. на совещании Южного общества, где присутствовали Пестель, Волконский, Муравьев, Юшневский, Давыдов, Бестужев, последний предложил использовать идею «Русской правды» о предоставлении независимости Польше (включая и территорию некоторых западных губерний России) для установления связей с польскими тайными обществами, если таковые имеют место. Выяснить это поручили С. И. Муравьеву и М. П. Бестужеву, и они обратились к А. Ходкевичу, по-

дозревая, что он является членом конспиративной организации. Узнав от них о Южном обществе, Ходкевич сообщил им о существовании Патриотического общества и обещал наладить связи. Получив от своей Дирекции разрешение на дальнейшие контакты с поляками, Бестужев и Муравьев вступили в переговоры с Кшижановским. В результате трех встреч с Бестужевым в начале 1824 г. во время «контрактов» — киевской ярмарки — поляки пришли к выводу о желании русских объединить с ними усилия, но стороны не имели полномочий для переговоров и потому условились о продолжении контактов, определили каналы связи. Соглашение должно было стать итогом дальнейших встреч, когда полякам будут ясны цели Южного общества, а русские смогут оценить, каковы силы и влияние союзника. Пока же Кшижановский уклонялся от конкретных ответов на последний вопрос, и это вызвало у русских подозрение. В свою очередь, поляки с недоверием отнеслись к Бестужеву, он казался им легкомысленным, «шальным», «горячей головой», человеком, который «из-за избытка своего жара легко мог бы все подставить под удар». В целом же их впечатления были вполне благоприятными, так как российская конспирация показалась им «весьма разветвленной» и «имеющей большое влияние на армию»: во всех корпусах, кроме Литовского, находились ее сторонники¹⁰⁶.

Во время переговоров русские революционеры заявили, что стремятся к смене правительства, но подчеркнули, что «поляки должны стремиться к своей цели» — присоединить все польские земли, отошедшие России, Австрии и Пруссии. Независимость Польши, заявил Муравьев, является «первым», «главным пунктом» в программе Южного общества; но если в том, что Россия должна уйти из Польши, все сходятся, то существуют разногласия в вопросе о западных губерниях Российской империи: «одни выступают за то, чтобы Россия осталась на том же пространстве, что и сегодня, другие же согласны уступить польские провинции». Бестужев подчеркнул, что люди уже «пришли к той ступени цивилизации, когда не размеры, а институты составляют счастье народов». Он «щедро обещал отдать несколько губерний», выражая уверенность, что «партия, выступающая за нерушимость нынешних границ», скорее всего примкнет к этой позиции. В ответ на признание независимости Польши русские требовали от поляков помощи. Договорились, что каждая из сторон будет действовать отдельно, но поддерживая между собой связь и согласованность. Кшижановский требовал предупредить поляков за две недели до начала революции и военного восстания в России, он подчеркнул, что все условия должны быть оговорены в соглашении, которое пока не подписано. Обе стороны не форсировали подписание, полагая, что выступление начнется не скоро: Бестужев называл даже пятилетний срок. Однако форму конкретной помощи поляков оговорили заранее: было условлено, что если Литовский корпус выступит в поддержку великого князя Константина против русской революции, польские патриоты не допустят, чтобы он ей «нанес вред», и не пропустят в Россию. При этом вставал вопрос о судьбе самого Константина Павловича. Муравьев считал, что великий князь должен разделить участь царской фамилии, которая при установлении демократического правительства в России будет свергнута насильственным путем. Он

напоминал о проявлениях жестокости Константина Павловича на посту командующего Литовским корпусом: «Он дошел до такой степени наглости, что простые солдаты говорили, если бы не боялись [...] поляков, то уж давно бы не дали так с собой обходиться». На это Кшижановский заметил, что речь ни в коем случае не может идти о смерти цесаревича, так как «ни один поляк не обагрил рук королевской кровью», а польское общество «никогда не опозорило себя преступлением против своего монарха или его семьи». Узнав о таком заявлении, Пестель счел, что Патриотическому обществу нельзя полностью доверять; оно может занять предательскую позицию и, когда начнется революция, помогать великому князю вступить на российский трон, чтобы потом в знак благодарности получить из его рук независимую Польшу, либо избрать его польским королем на основе Конституции 3 мая, «к которой поляки очень привязаны»¹⁰⁷.

С самого начала переговоров возник еще один трудный вопрос — о форме правления в будущей Польше. Бестужев отметил, что русские задавали его не из праздного любопытства: «Наше общество, — заявил он на следствии, — хотело знать, каковы в этом плане перспективы поляков [...], поскольку целью нашего Общества было установление республики, а желанием его являлось полное и прочное объединение с их народом, оно с полным основанием считало, что гарантией этого союза прежде всего была бы одинаковая форма правления, что представления, чувства и интересы обоих народов, став таким образом одинаковыми, способствовали бы тому, что народы эти стали бы опорой друг другу, и не оставили бы места для обычных между соседними народами зависти и ревности, каковые непременно возникают при различной форме правления, что, наконец, здравый рассудок и хорошо понятый интерес Польши должен был бы склонить ее к принятию республиканского правительства [...] что если, напротив, поляки приняли бы монархическую форму правления или для этого выбрали иностранного монарха, но это стало бы возвращением на старый путь». Как подчеркивал Бестужев, нет гарантии, что такой правитель продолжил бы дело, начатое поляками, а если бы избрали короля из среды польской аристократии, начались бы раздоры с другими аристократическими фамилиями. «Польша, наконец, уже достаточно претерпела несчастий, исходящих от аристократии, которая сначала раздирала нацию ссорами, а кончила тем, что продала народ, навечно отворотив его от себя», — к такому выводу приходил Бестужев, утверждая, что лучше открыто принять ту форму правления, «которая после этого не доставляла бы никаких опасений». Он и Муравьев настойчиво спрашивали Кшижановского, хотят ли поляки установить королевскую власть, но тот ссылаясь на отсутствие полномочий для ответа на подобные вопросы и предложил прислать в Варшаву «переговорщиков»¹⁰⁸.

От своего руководства Бестужев имел полномочия на заключение соглашения с Патриотическим обществом. В тексте составленного им проекта определялись обязательства обеих сторон. Россия, предпочитая иметь благодарных союзников, а не тайных врагов, после своей «реформы» вернет Польше независимость; будут установлены новые границы, а западные провинции, еще не обрусевшие настолько, чтобы быть искренне привязаны к Российскому государству, будут возвращены Польше, но при этом, кроме

национального фактора, будут еще приниматься в расчет «местные удобства и выгоды», которые «останутся на стороне России, чтобы благодаря этому она могла иметь границу, безопасную в военном отношении». Российская сторона обещала, что после утверждения соглашения Южное общество будет поддерживать в России «справедливые интересы поляков» и использует все средства для уничтожения ненависти между обоими народами, так как в просвещенный век все народы имеют один интерес, а «застарелая ненависть» — это черта варварских времен. Что касается обязанности поляков, то проект соглашения предусматривал, что, получив надежду на возвращение Гродненской и части Виленской, Минской и Волынской губерний, они сделают все, чтобы великий князь не вернулся в Россию, поднимут восстание одновременно с русскими, выступят с оружием против Литовского корпуса, если он будет против русской революции, во всем будут помогать, способствовать установлению контакта русского Общества с европейскими обществами, сразу сообщать союзникам, если узнают что-то важное. Весьма существенной была формулировка, обобщавшая обязательства поляков: «действовать во время революции так, как им предпишет русское Общество, начальствование которого над собой они признают». Указывалось также, что Польша примет республиканскую форму правления¹⁰⁹.

О соглашении Бестужев доложил Дирекции Южного общества подробно и в письменной форме, но сам текст соглашения остался не подписанным, хотя проект был согласован с Кшижановским устно, согласно принципу, принятому обеими сторонами. Кшижановский вернулся в Варшаву, имея на руках лишь текст краткого резюме, также им апробированного. Полный текст соглашения, изложенный Бестужевым на французском языке уже после отъезда Кшижановского, был обсужден в Киеве членами Южного общества и уничтожен. В Варшаве же Кшижановский дал отчет о беседах с русскими и передал их предложение, чтобы на будущий год в Киеве стороны могли сойтись ближе, выставив для переговоров более значительные фигуры. Он совещался насчет дальнейших действий с Яблоновским и Солтыком. Последний доказывал на следствии, что был против всякой революции и советовал до поры соблюдать спокойствие: «Если бы русские перевернули и уничтожили весь социальный порядок своей революцией и перенесли ее в Польшу, тогда и поляки должны были бы о себе подумать». Представляется, что он на самом деле занимал выжидательную позицию и не был энтузиастом соглашения, не хотел его подписания и Кшижановский. Оба они, направляя Яблоновского в Киев для дальнейших переговоров с русскими, ставили задачу главным образом разузнать о действиях Южного общества, но ничего не подписывать. В беседе Кшижановского с Яблоновским были выработаны принципиальные установки относительно сотрудничества с русскими: «единственным нашим намерением будет независимость Польши, лишь тогда мы можем склониться к тесному соглашению с ними, если они в качестве принципа примут независимость всей Польши и не будут вмешиваться в наше правление и если, наконец, откроют нам все свои намерения»¹¹⁰.

В январе 1825 г., когда в Киев прибыли представители Южного общества П. И. Пестель и С. Г. Волконский, они встретились с А. Яблоновским и

А. Гродецким, выполнявшим функции связного. Пестель, главный «переговорщик», сообщил Яблоновскому, что Россия должна сбросить «ярмо деспотизма», и на основе этой «всеобщей жажды» возникло «мощное Общество, руководимое весьма значительными особами», имеющее разветвления в сенате, в провинциях и особенно в разных армейских частях. Так как уже недалеко было время действия, руководство Общества обращало внимание «на разные провинции, которые по воле военной судьбы были присоединены к Империи, но где не живут подлинные русские; хотели узнать их желания и обеспечить себе их сотрудничество». Целью приезда русских, заявил Пестель, явилось желание услышать о стремлениях поляков, о силах, какими они располагают, об институтах, которые планируют создать в Польше, некогда имевшей «весьма блистательное и самостоятельное существование». «Если упустите возможность, которая вам теперь предоставляется, — предупреждал он Яблоновского, — мы, став свободными без содействия с вашей стороны, будем считать вас завоеванной провинцией». Яблоновский отвечал, что жажда независимости объединила их, и они готовы на жертвы. Патриотическое общество рассчитывает на польскую армию, на жителей Варшавы и часть провинциальной шляхты, оно стремится к независимости не только Королевства Польского, но и бывших польских, а ныне русских, провинций. Пестель заверил его, что в этом отношении нет противоречий, и если возникнут сомнения, то жители провинций, отторгнутых от Речи Посполитой по второму разделу, «сами сделают выбор, к какому народу они предпочитают принадлежать». Вновь встал вопрос о будущей форме правления в России и Польше: Пестель настаивал на установлении одинаковых форм власти, но Яблоновский заявил, что у Патриотического общества нет намерений утвердить в Польше республику, потому что это невозможно; однако, подчеркнул он, должно быть создано временное правительство, чтобы затем выявить волю народа. Что касается царской фамилии, то Пестель хотел, чтобы поляки поступили с ней так же, как и русские. По словам Волконского, Яблоновский якобы согласился арестовать ее членов, находящихся в Польше, если будет революция, хотя сам он утверждал на следствии, что речь шла лишь о том, чтобы поляки не дали себя обмануть, не поверили обещаниям великого князя Константина. Видимо, смягчил свою позицию и Пестель: как слышал от Яблоновского Гжимала, хотя русские могут поступить с царской фамилией жестоко, от поляков они того же не требовали. В целом же тон Пестеля, не до конца доверявшего полякам, был более жестким. Он подчеркнул, что поскольку Польше нужна помощь русских, а не наоборот, поляки должны «искренней помощью завоевать право на их поддержку»; однако, пока русские не начнут, Польша должна сохранять спокойствие, о революции в России она будет предупреждена заблаговременно, но произойдет это не раньше, чем года через три, поэтому конкретно договариваться нет смысла. Яблоновский подтвердил, что Патриотическое общество не планирует быстрых действий, так как актуальное положение в Европе не сулит никаких перспектив переговорам. Патриотическое общество хотело лишь сохранить в крае «дух национальности», чтобы при каких-либо переменах в Европе использовать момент

для завоевания независимости, и «никакое другое обстоятельство, — заверил он, — не может быть для нее более благоприятным, чем революция, которая должна вспыхнуть в России, а потому наша заинтересованность является гарантией искренности нашего сотрудничества». В этой связи собеседники обсудили вопрос о значении международного фактора и об организации взаимопомощи в случае внешней войны. Подчеркивая важность информации о событиях в Европе, о европейских тайных организациях, они обещали взаимно ею делиться. Яблоновский сообщил Пестелю о существовании тайных революционных обществ в Германии, Венгрии, Италии, с которыми Патриотическое общество будто бы состоит в союзе. Он говорил также о сношениях Общества с Англией, помогающей полякам деньгами и оружием, и русские революционеры, которым было давно известно о «тесной связи» поляков с Англией и Германией, просили помочь в установлении контакта с этими странами¹¹¹.

Вряд ли перспектива контакта Южного общества с английским правительством была реальной. О том, что Англия дает деньги польским патриотам, подбивает их на восстание против России, еще раньше из разговоров поляков узнал Бестужев. Поддержка антирусской политики Англии была неприемлема для патриотических чувств русских дворянских революционеров. Это определяло разницу в отношении к международному фактору между ними и польскими конспираторами, для которых любой враг России являлся союзником. В том же кругу членов Патриотического общества устанавливались связи со шведской дипломатией, с энтузиазмом воспринимались известия о том, что в Швеции «хорошо относятся к полякам», что она хочет воевать против России и в этой связи ведет переговоры с другим ее противником — Турцией. С последней польские патриоты также установили сношения, их представители выезжали в Стамбул и тогда, когда в Киеве шли русско-польские переговоры. В 1825 г. эти переговоры так и не получили завершения, было решено встретиться вновь во время киевских «контрактов» 1826 г. Предполагалось, что тогда будут представлены сведения о руководящей верхушке обоих обществ, пока же намеревались поддерживать связь через уполномоченных — поляков и русских. И. Швейковскому поручалось передавать в Варшаву полученные от П. Мошиньского сведения о настроениях в Литовском корпусе; М. С. Лунин в Варшаве должен был находиться в постоянном контакте с Яблоновским и Кшижановским; в случае же возникновения важных событий или необходимости срочной встречи руководства обоих обществ решение всех вопросов возлагалось на Волконского¹¹².

Все эти планы не осуществились, но резонанс от переговоров был значительный. О них знали не только все влиятельные члены Патриотического общества, но и более широкий круг: в Киеве «в залах ярмарки много говорилось» о будущем русско-польском соглашении. Маевский, Карвицкий и другие тамплиеры услышали о переговорах еще в 1824 г., а после киевских «контрактов» 1825 г. Маевский сообщил, что русские «поручились, что обязательно добьются конституции, весьма подходящей для обоих народов, что они обещали присоединить к Королевству Польскому губернии, находящиеся под управлением великого князя Константина, и

согласятся на то, чтобы поляки отобрали у Австрии Галицию, лишь бы те всей мощью заслонили Россию от вторжения австрийской армии и вечно были в единении с Россией. Упоминалось и о Киевской губернии, но в этом было отказано». Слухи на тему западных губерний, которая, естественно, наиболее живо интересовала поляков на Украине, активно обсуждались: так, М. Ворцель сначала передавал слух о том, что поляки не получают Волынской, Киевской и Подольской губерний, но затем уверял, что и этот вопрос будет согласован на переговорах. И хотя и в этой среде находились скептики, которые, как, например, Б. Лукашевич, предупреждали, что связываться с русскими опасно, большинство считало договоренность с ними делом решенным и указывало на задачу готовить польские военные силы, которые понадобятся, когда уйдет русская армия¹¹³.

Позиция членов Патриотического общества при переговорах, как и реакция на них в близких к Обществу кругах, создавали впечатление, что поляки, в первую очередь, акцентировали вопрос о «польских» губерниях. Лозунг независимости Польши звучал, но не было призыва к вооруженной борьбе за ее завоевание. Воссоединить бывшие польские территории надеялись при поддержке российского монарха. Радикальные настроения еще не получили преимущества в польском обществе. Значительную его часть устраивал конституционный статус Королевства Польского, и речь шла лишь о его сохранении, о соблюдении конституционных норм. Более того, в определенных кругах господствовал консервативный ультрамонтанский дух: их представители не одобряли конституцию, отвергали республиканские идеи, были приверженцами абсолютной монархии. Лояльность монарху являлась на этом этапе общераспространенной позицией. Когда после долгого молчания власти стали публиковать информацию о восстании декабристов, изображая их преступниками, изменниками своему императору, Ю. У. Немцевич с гордостью писал, что в то время как «москалы [...] бунтуют, мы рядом с ними выходим чистыми от вины». Константин Павлович также заверял Николая I, что в Королевстве Польском «все спокойны, полны недоумения и отвращения по отношению к петербургским ужасам», и на первых порах, пока не было известно о связях декабристов с Патриотическим обществом, гордился тем, что «среди этих мерзких открытий не появилось ни одной фамилии», связанной с Королевством¹¹⁴.

Но на следствии по делу декабристов открывались все новые факты связи их с польской конспирацией, усердно «копал» в этом направлении и Новосильцев, выискивая сведения о причастности поляков к «заговору». В интерпретации властей этим фактам придавался радикальный характер. При таком освещении событий неудивительным был новый шквал репрессий, прокатившийся по Королевству Польскому. Проводились массовые обыски, аресты и высылки, на многих офицеров были заведены дела, ряд чиновников оказались уволенными и попали под строгое наблюдение полиции. Сеть тайной полицейской слежки раскинулась еще шире, охватив все слои польского общества и все его связи. Наблюдение установили за служившим в Польше подполковником Луниным и другими русскими офицерами. Это не было случайностью: многие русские военные, даже если не состояли в конспиративной организации, были настроены либерально и

сочувствовали польским патриотам, как об этом свидетельствовал, например, приведенный в доносе Олтажевского факт встречи одного из таких патриотов с русскими офицерами, «очень хорошо настроенными в отношении так называемых либералов» из польских тайных обществ. В свою очередь, поляки, получив сведения о существовании связанной с русскими «бунтовщиками» патриотической организации, которой приписывались радикальные замыслы борьбы за независимость Польши, не только получали заряд патриотизма и радикализма, но и по-иному начинали смотреть на русских революционеров. В 1827 г. в Варшаве обсуждалась новость об аресте в России 50 заговорщиков, будто бы пытавшихся освободить тех, кто сидел за принадлежность к тайным обществам. Порой о революционных событиях в России и Польше упоминалось в одном контексте. Так, сообщалось, что якобы на колокольнях краковских костёлов хранятся материалы о восстании Костюшко и об «обнаруженных в прошедших годах здешних заговорщиках и о петербургском бунте». А позже, уже в июне 1830 г., когда в Париже торжественно отмечался день рождения Костюшко, в Варшаву пришла весть, что присутствовавшие на торжестве поляки, французы и представители других народов, наряду с тостами во славу Вашингтона, Пишегрю, Наполеона и других, «пили за тех, кои за политические деяния лишены жизни или наказаны, и так каждый пил за соотечественников своих, поляки также за некоторых земляков и напоследок за бывших под судом государственных преступников, не только поляков, но даже и россиян»¹¹⁵.

Клеймо «государственных преступников» объединило декабристов и членов Патриотического общества. Вину последних должен был выяснить не предусмотренный конституцией орган — специально созданный следственный комитет во главе с С. Замойским. В него вошли поляки и русские на паритетных началах. Пока шла работа комитета, жители Королевства следили за печатной информацией, касавшейся следствия по делу декабристов и суда над ними. Результаты расследования подавались властями в тенденциозном освещении, подчеркивались негативные стороны замыслов и деятельности русских и польских революционеров. Даже понимая специфический дух этой информации, читатели тем не менее не могли не возмущаться представленными в ней «адскими намерениями» и «величайшими преступлениями». Так, Ю. У. Немцевич подчеркивал: «Видно желание представить заговорщиков в самом отвратительном свете, и если правда, что их целью было не обеспечение через революцию прав, безопасности и свобод (что можно им легко простить), но истребление царствующей фамилии, тогда все дело безобразно и виновные заслужили самую суровую кару. Зная святой характер польского народа, никогда себя не запятнавшего никаким цареубийством, не могу поверить, чтобы мои земляки могли быть причастны к такому делу». Т. Лубеньский также был «возмущен душой» при одной мысли о том, что в Польше могут быть «люди, способные участвовать в таких делах, какие оказались в России». Он желал, чтобы «невиновность всех, а по крайней мере большей части, доказала монарху, что поляки умеют ценить данные им свободы, что верность монарху всегда являлась их первейшим достоинством». Подобные настроения были связаны с распространявшимися слухами о реакции Николая I на угрозу русско-польского

революционного сотрудничества: царь якобы решил ограничить автономию Королевства Польского, на треть сократить армию, уволить половину чиновников, закрыть Варшавский университет, распустить воеводские комиссии и другие местные органы. И действительно, в 1826 г. маршалек распустил ломжинское политическое собрание, избиравшее депутатов всех уровней, в 1828 г. такая же участь постигла собрание в красновоставском повяте, а некоторые собрания были распущены Сенатом под формальными предлогами. В связи с поступившей из России информацией о наказании русских заговорщиков польское общество тревожилось о судьбе подсудимых, заключенных в кармелитской тюрьме в Варшаве. Не раз возникали слухи о готовящихся казнях, и на площадях собирались толпы, ожидая экзекуции. В такой ситуации поляки предпочитали демонстрировать лояльность имперской власти. К тому же принятое по настоянию великого князя Константина и министра Ф. К. Друцкого-Любецкого постановление Николая I о созыве высшего судебного органа Королевства Польского — Сеймового суда — для решения участи членов Патриотического общества вызвало удовлетворение общественности и родило новые надежды¹¹⁶.

В течение 6 месяцев шла борьба за независимый статус Сеймового суда, его отстаивал Друцкий-Любецкий против Новосильцева. Приступив к делам, суд, возглавленный воеводой П. Белиньским, известным «великой честностью, щепетильностью, твердым, непреклонным характером», создал собственную следственную комиссию. Во время ее работы в 1827–1828 гг. в Королевстве Польском царило напряженное ожидание, польское общество как бы погрузилось в траур, не было шумных развлечений, и даже при встрече нового 1828-го года веселье царило только в русских домах: на бал, устроенный варшавскими властями 31 декабря 1827 г. в здании Купеческой ресурсы, публика не пришла. Настроения варшавян, связанные с ожиданием судебных решений, рисовались в агентурных донесениях в смягченных тонах и сдабривались славословиями верховной власти. Так, шпик М. Шлей заверял великого князя Константина: «Люди высшего и среднего звания, вообще восхищаясь великодушным монаршим определением над виновными, усматривают в том и Вашего императорского высочества снисхождение по обыкновенной милости к польскому народу; а чтобы кто оправдывал предприятия виновных, ни от кого не слышно, коих только малое число, да и то из родственников, их сожалеют. Многие говорят, что ежели бы не читали в газетах опубликованного преступления, то никаким бы сведениям не поверили, что действительно существует столь неблагодарный поступок, предпринятый кем-нибудь из поляков. Низшего звания люди, которые только могут иметь о том понятие, вообще осуждают преступников, говорят, что изменников края должно повешать». На самом деле в обществе надеялись на благоприятный исход процесса, находя «предписания» Сеймового суда «очень выгодными для обвиняемых, которых должны осудить, и предусматривают, что некоторые из их числа будут отпущены на свободу». В декабре 1827 г. тот же Шлей писал: «В городе разошелся слух, что, по учинении комиссией, назначенной из членов сеймового суда, допросов бунтовщиков, оказалось, что преступление их против прежних допросов есть менее и что увеличено оно было единственно

по настаиванию г. сенатора Новосильцева». Шлей вновь подчеркивал, что «люди низкого звания почти о том не знают, а ежели которые и сведущи, но говорят весьма равнодушно. Среднего звания люди оказывают желание бывать в суде для удовлетворения своего любопытства, дабы могли знать о существе преступления, а наипаче слушать оправдания. Однако вообще осуждают предприятие бунтовщиков. В знатных домах, а также между дамами предвидится некое движение, и съезжавшиеся гости, остерегаясь домашних людей, говорят потиху, кто что слышал». Шпион особо выделял жену отставного полковника Стшежевского, весьма встревоженную арестом полковника Кшижановского. Эта дама всех спрашивала, какое наказание может получить Кшижановский, утверждая, что он очень болен и вряд ли доживет до конца процесса. Она немного успокоилась только после газетных публикаций «о допросе и признаниях бунтовщиков». Стшежевская очень хвалила «постоянность и характер» Кшижановского, ее интересовали все «подробности, касающиеся обвинений в бунте». Впрочем, этим интересовалась не одна она и не только те варшавяне, кто хотел бы посещать судебные заседания¹¹⁷.

При открытии процесса архиепископ Я. П. Воронич с амвона варшавского костёла Святого Яна призвал сенаторов – членов Сеймового суда, чтобы «они судили по сути справедливости и сохраняли человечество». Председатель суда П. Белиньский выразил благодарность новому императору за следование закону, за предоставленную возможность рассмотреть дело в суде сейма, подчеркнув, что это тем более обязывает подданных действовать по закону. Сама мысль о том, что поляк может быть обвинен в нарушении верности, желании снова стать орудием «новых беспорядков, анархии, несчастий», казалась ему невозможной; он напомнил, что «польский народ в течение веков отличала неизгладимая черта верности своим королям [...] и послушный Закону, он не уклонялся от надлежащего уважения в отношении действующих в крае властей». Суд рассматривал вину восьми членов Патриотического общества — Кшижановского, Солтыка, Гжималы, Плихты, Дембека, Залуского, Заблоцкого, Маевского. Других обвиняемых, являвшихся подданными России, судил в Петербурге Сенатский суд, офицеры подлежали суду военному. Во время судебного процесса адвокаты обвиняемых доказывали, что национальные чувства и стремления, «национальный способ мышления» не являются государственной изменой. Аргументы защиты опирались на оправдательную концепцию, разработанную А. Чарторыским. Подчеркивалось, что все лозунги Патриотического общества — «сохранение национальности», «свобода», «независимость», «воскрешение отчизны» — уже осуществлены в Королевстве Польском, а потому отсутствует факт призыва к перевороту. Что же касается цели присоединения западных губерний России к Королевству, то Александр I ее одобрил и обещал осуществить. Речи защитников, позиция заседавших в суде 42 сенаторов, шансы подсудимых — все это вызывало большой интерес и обсуждалось в обществе. Публика ходила на судебные заседания, хотя допускали туда с ограничениями; наряду с полицейским контролем и военной охраной была организована регистрация всех посещавших зал суда¹¹⁸.

Решением большинства судей (только двое голосовали против) обвинение в государственном преступлении было снято; Залуского и Солтыка оправдали полностью, остальные были осуждены на три месяца тюрьмы за участие в тайных союзах, а Кшижановский получил еще 3 года лишения свободы за недонесение о намерениях декабристов. Во время голосования судей и вынесения приговоров перед палацем Красиньских, где шли заседания суда, собралась толпа. В агентурном донесении говорилось о «разной» оценке «освобождения преступников» и о всеобщем нетерпеливом ожидании опубликования приговора в газетах. В качестве «ложных сведений» сообщалось о том, что студенты ждали у кармелитского монастыря на Лесной улице, когда выпустят графа Солтыка, шли затем за его каретой и на руках внесли в дом. Однако эти сведения представляются совсем не ложными, если учесть, что Солтык был парализован. К тому же имели место и другие факты восторженного отношения к решению суда не только в столице, но и в провинции, куда молва дошла позже. Так, в марте 1829 г. в Радоме был устроен бал в честь оправдания и освобождения Залуского и других подсудимых. В то же время общественность активно проявляла негодование по отношению к противникам оправдательного приговора, выступавшим за суровые кары. Объектом остракизма стал генерал В. Красиньский, он был вынужден не появляться на людях, на его счет распространялись ядовитые эпиграммы и карикатуры. Напротив, сенаторы, проголосовавшие за оправдание подсудимых, и особенно председатель суда, приобрели большую популярность. Ярким доказательством этого послужила реакция общественности на смерть П. Белиньского, случившуюся в марте 1829 г. По случаю его кончины были написаны и распространялись в университете стихи — обращение «К товарищам». Авторами называли студентов К. Данелевича или К. Гашиньского, известных в среде молодежи в качестве хороших поэтов; подозревали также, что к ним приложил руку Ю. У. Немцевич, который дал в газете объявление о смерти Белиньского, столь «двусмысленное», что агент полиции удивлялся, как его пропустила цензура. А. Чарторьский, выступая на панихиде, подчеркивал преданность Белиньского патриотическим идеалам и примерам из национальной истории, с одной стороны, а с другой — верность конституции и монарху; при этом он не преминул напомнить об обещаниях Александра I. Похороны Белиньского проходили при большом стечении народа; студенты ушли с лекций, договорившись, что если полиция не пустит их в костёл, они войдут насильно. Сыну генерала Красиньского, не пошедшему на похороны, объявили бойкот, он получил также вызов на дуэль. По сообщению агента, вся бахрома с гроба Белиньского была оборвана. Среди тех, кто взял на память бахрому, находились и русские гвардейцы — полковник Н. Н. Пушин и другие офицеры. Бахрому посылали в провинцию родным и друзьям, так, в частности, она оказалась среди патриотических реликвий отставного капитана Войцеховского, управляющего имением Ломны в Сандомирском воеводстве¹¹⁹.

Между тем постановление Сеймового суда не получило официального оглашения. Вопреки закону запрет на публикацию наложил великий князь Константин, взбешенный оправдательным приговором, вынесенным сенаторами. В письме Николаю I он назвал Сенат «нелепым и слабоумным»

и утверждал, что якобы его решение не поддерживает большинство населения Королевства. Царь также был разгневан: по его распоряжению министр – государственный секретарь издал декрет, где выражалось удивление «несоответствием между рапортом следственного комитета и приговором Сеймового суда Королевства». Указывалось, что суд неправильно понял цель своего созыва и характер действий: он занялся «напрасными поисками такого рода доводов, каких почти невозможно получить в делах о политических преступлениях и которые ничего не дают для убеждения судьи по существу», а потому вынесенный приговор оказался не соответствующим достоинству суда. В декрете был сформулирован один из основных принципов, обязательных для польской юстиции: «Каждое, пусть даже отдаленное, намерение отделить Королевство от Российской империи и изменить обозначение конституционного отношения между этими двумя частями государства Его Императорско-Королевского Величества, ежели оно обнаружено у подданных Государя, тем самым нарушает его непреложные права». Подчеркивалось, что всякое действие, противоречащее этому принципу, не может быть терпимо и должно получить соответствующее наказание. Поскольку члены Сеймового суда, составлявшие его большинство, нарушили это правило, царь объявлял им о «справедливом порицании» и роспуске судебной коллегии. Некоторое время после процесса судей задерживали в Варшаве, а нескольких подсудимых тайно вывезли из столицы. Приговор суда опубликовали лишь спустя полгода, после того как А. Чарторыский, используя свои связи с заграницей, инспирировал появление в парижской печати публикаций на эту тему¹²⁰.

Императора раздражало давление со стороны Запада, но еще больше тревожило патриотическое оживление в Королевстве Польском, вызванное итогами судебного процесса. Еще в 1827 г. он писал брату Константину о своей озабоченности все более усиливавшимся «политическим духом» Литовского корпуса, о том, что в Литве, которая всегда будет принадлежать России, необходимо уничтожить все, что составляет польскую специфику, по примеру Австрии и Пруссии, уже «освоивших» свои «польские куски» так, что «куска Польши» там не осталось. Он указывал на опасность поощрения иллюзий литовских поляков, «в глазах которых особые цвета [мундиров. — С. Ф.] приобретают особенное значение, побуждающее их совершенно безосновательно надеяться, что они вернуться в границы Королевства Польского, отделившись от Империи. Поэтому, — подчеркивал он, — обязанность моя как честного человека по мере возможности пригасить эти пустые надежды». Но искоренить эти надежды, заставить поляков забыть свою историю и великих предков было нереальной задачей. Патриотическая традиция в эти годы находила выражение в ношении национальной одежды и пении польских песен, праздновании славных исторических дат, увековечении национальной памяти. Жители Королевства гордились знаменитыми земляками — деятелями науки и культуры. Так, в 1826 г. варшавские студенты участвовали в массовой манифестации, сопровождавшей похороны С. Сташица, а при открытии в Варшаве в 1830 г. памятника М. Копернику молодежь по инициативе студента Венжика рвала на память покрывало, подобно тому как это происходило на

похоронах Белиньского. В Радоме чиновники пили за здоровье «поляков, находившихся за границей, прославившихся польской литературой, наипаче же за здоровье Ходзьки». Большое значение имело собирание и распространение польских книг, стихов, песен, речей, подобно тому как это делал упомянутый выше Войцеховский. Патриотическая литература проникла в Королевство Польское из-за границы, в частности из Парижа, где жил Л. Ходзько. В июне 1830 г. сообщалось, что он вместе с М. Подчишиньским сочиняет «Патриотическую книгу» на французском языке, чтобы затем тайно переправить издание в Королевство. Обычно литература пересылалась с надежными людьми по определенным адресам. Шла она также через Галицию, книжные склады существовали и в прусской части Польши. Запрещенные издания хранились и в самом Королевстве: так, сын смотрителя масонской ложи в Плоцке варшавский студент Вильчиньский давал читать товарищам оставшиеся от отца масонские книги¹²¹.

Таким образом, угроза со стороны масонства не исчезла. По агентурным данным, тайная масонская ложа действовала в Кракове в доме графа Юзефа Водзицкого, а между Королевством Польским и Галицией существовал постоянный контакт. Граф Тарновский сообщал о галицийском якобинском обществе, построенном по принципу десятков, называл имена его активных деятелей в Сондецком и Тарновском округах, которых подозревал в связях с Королевством. Примечательно, что связи, о которых доносила агентура, все равно, шла ли речь о Европе, польских землях или «кресах», были преимущественно связями с бывшими участниками революционных организаций, в том числе принадлежавших «к последнему обнаруженному заговору». При этом вновь звучала тема Калиша как «гнезда» политики и патриотизма, и вместе с тем возникали совершенно фантастические сюжеты: например, в доносе некоего пьяницы в декабре 1827 г. сообщалось о заговоре помещиков Плоцкого воеводства, подговоривших к бунту 60 тыс. человек, включая крестьян; заговор якобы распространялся на Августовское и Калишское воеводства вплоть до Великого княжества Познанского и имел поддержку заграничных деятелей. Зато другие сведения носили вполне правдоподобный характер. Так, сообщалось, что в 1826 г., уже после смерти Александра I, в его портрет стреляли патриоты, собравшиеся в имении В. Липского под Островом. В доносе Олтажевского в 1827 г. говорилось о «заядлом революционере» Абдоне Блешиньском и его брате Эразме, известном «дурным образом мыслей», который, «когда в винной лавке предложили тост за царя Николая I, бросил бокал под ноги, топтал его, говоря: „Если бы провозгласили его убийство, я бы и яду выпил“». Антимонархические настроения, особенно сильные в среде калишской оппозиции, проявились и в армии, найдя, в частности, выражение в распространении оскорбительных для царствующей фамилии изданий: например, стихи в подобном духе были найдены у юнкера Жабы. В помещичьей среде также осуждали русский царизм, возлагая на него вину за «разбойничью политику, разделившую Польшу». Обвинения находили и конкретного адресата: так, распространялись экземпляры тайно напечатанного в Вильно «неблагопристойного описания жизни» Екатерины II¹²².

Получая столь тревожную информацию уже после подавления восстания декабристов и раскрытия тайных обществ в Польше, правительство Королевства Польского понимало, что конспирация не разгромлена до конца и по-прежнему представляет угрозу. Так считал министр С. Грабовский, советовавший в 1827 г. для борьбы с революционным движением в Польше заручиться поддержкой костёла и самого Папы Римского¹²³. Правительство нуждалось в международной поддержке, так как именно международные события были одним из факторов революционизации Польши. Такую связь видел Олтажевский, доносивший в 1827 г. о карбонариях в Калише: «Нынешняя форма португальского правительства — прием и размещение в этой стране испанских и итальянских революционеров, — речь английского министра Каннинга, выступившего за Португалию, сделала этих людей дерзкими и небезопасными». Польские патриоты следили за развитием международной ситуации, надеясь использовать осложнение ее в интересах возрождения родины, и в этом плане рассматривали возможность русско-турецкой войны. Еще в начале 1820-х гг. поляки, находившиеся в Турции в лагере великого визиря, просили Порту в случае войны с Россией помочь восстановить целостное Польское государство, где польский король будет править на основании Конституции 3 мая 1791 г. Они рассчитывали на поддержку турок европейцами, прежде всего англичанами. Следствие по делу Патриотического общества подтвердило сохранение этой линии в международной политике польских патриотов, а агентура сообщала все новые сведения в связи с обострением международной ситуации. Согласно ее данным, в начале 1829 г. в Турции уже формировались легионы из поляков и революционеров других национальностей для участия в войне против России, и на эту цель в Галиции собирали средства, вербовали добровольцев из военных. В ноябре 1829 г. там разнесся слух о поражении России в войне с турками, который дошел и до Королевства Польского. Агент писал, будто «поляки о том весьма сожалеют», но ситуация явно не была такой однозначной. Многое зависело от отношений России с ее партнерами по разделу Польши. Поляки ими очень интересовались и реагировали на все слухи, касавшиеся возможности нового передела польских территорий¹²⁴.

Так, в мае 1830 г. в «лучших домах» Варшавы говорили о перспективе присоединения к Королевству Польскому Великого княжества Познанского «на основании каких-то условий между высочайшими дворами российским и прусским». Еще более заинтересованно обсуждались взаимные отношения и планы России и Австрии. Согласно агентурным донесениям, галицийские поляки видели возможность русско-австрийской войны из-за планов императора Австрийской империи «восстановить Польшу паки особенным государством и утвердить на троне независимого короля», тогда как ранее Габсбурги хотели создать «малое Царство Польское» во главе с «Орленком» — сыном Наполеона герцогом Рейхштадтским. В качестве главы независимой Польши, о создании которой будто бы договорились державы, австрийцы, наряду с «Орленком», предлагали также эрцгерцога Карла, прусский король — своего сына принца Фридриха, а Россия — великого князя Константина. Агент подчеркивал, что такие слухи распро-

страняют австрийские немцы, чтобы «выведывать», что думают поляки. Они якобы заявляли, что будут требовать от России согласия на независимость Польши, к которой они будто бы были готовы присоединить Галицию, либо такого ее раздела, какой существовал до 1805 г. Слухи передавались в Королевство Польское и там обретали новые черты: говорили о намерении австрийского императора объединить Венгерское королевство с Галицией-Лодомерией, о том, будто он писал царю о присоединении к ним Королевства Польского «для образования одного государства»¹²⁵.

Во всех агентурных донесениях конца 1820-х гг. повторялась мысль об ожидании поляками войны между Россией и Австрией. При этом противопоставлялись негативное отношение поляков Королевства Польского, Галиции и Краковской республики к немцам и симпатия их к России. Сообщалось о стремлении галицийских жителей объединиться с Королевством и готовности их участвовать в войне с Австрией. Приводились факты восторженного отношения к царю, тем более что, по слухам, Николай I резко отозвался о политике Вены и будто бы заявил, что «присоединение Галиции будет зависеть от того, чего будут достойны поляки, от отваги, с какой они выкинут австрийцев из этой части давней Польши»¹²⁶. Сложная ситуация, действительно, могла возбудить у поляков определенные надежды на Россию и царизм. Однако далеко не все оказывались охваченными таким настроением: были свидетельства, что часть галицийского общества делала ставку на Габсбургов. Так, в сентябре 1829 г. на балу у графа Альфреда Поттоцкого в Ланьцуте гости провозгласили тост: «Пусть благоденствует Королевство Польское под державой императора австрийского!» Летом 1830 г. один из австрийских патриотов граф Парис приехал из Кракова в Варшаву, и оказалось, что он «в своих разговорах, касающихся здешнего правительства, очень невожатан, все хулит, что только относится к Королевству Польскому и России, а чрезмерно хвалит Австрию». Парис утверждал также, что «австрийские жители гораздо благополучнее противу здешних»¹²⁷.

В целом агентурная информация позволяла представить позицию польского общества как в Королевстве Польском, так и за его пределами, хотя рисовала ее слишком благостно. Это относилось и к освещению важного для Королевства события — коронации Николая I в качестве польского короля. Сроки ее затянулись, и причиной этого называли позицию Австрии, которая будто бы утверждала, что не выполнены постановления Венского конгресса о воссоединении Королевства Польского и литовско-украинских провинций в единое государственное образование; монархом будущей объединенной Польши она хотела видеть герцога Рейхштадтского, а пока готовилась короновать его во Львове в качестве «великого князя Галиции» и даже «короля Польши». Чтобы не дать «Орленку» себя опередить, Николай I якобы был вынужден провести коронацию в Варшаве, хотя многие в окружении царя не одобряли этот шаг. Накануне торжеств император освободил варшавских политзаключенных. Подарком полякам стали пушки и штандарты, захваченные у турок при взятии Варны и призванные напомнить о некогда погибшем там польском короле. Когда весной 1829 г. пришла весть о скором прибытии в Варшаву императорской четы, она распространилась также в Галиции и Кракове, вызвав у поляков «боль-

шую радость». Сообщалось, что многие тамошние жители хотели ехать в Варшаву на торжество и просили на это разрешения царя. В мае 1829 г. император приехал в Варшаву, «чрезвычайно обрадовав», как писал агент, ее жителей: «при стечении многочисленного народа на улицах, как при въезде в город Высочайшей фамилии, так и ввечеру во время иллюминации, при благопристойной веселости существовало непрерывное спокойствие и согласие». Галицийские же поляки, получившие разрешение на участие в коронации, узнали о приезде царя «в вожделенном здравии [...] будучи все вообще чрезвычайно сим обрадованы с усугублением своей благодарности монарху, как наискорее стали выезжать в Варшаву». Для наблюдения за церемонией коронации были устроены специальные места, и билеты на них частично раздавались бесплатно. Хотя коронация проходила не в кафедральном соборе, а в Варшавском замке, Николай I присягал на коленях и читал молитву. Ходили слухи о его желании, чтобы после коронации был совершен тожественный молебен, однако архиепископ не стал служить, несмотря на то, что к нему трижды обращались. Этот неприятный факт в агентурном донесении связывался с нездоровьем царя. Тяжелое впечатление произвело и другое событие: на обращение примаса, после коронации провозгласившего здравицу новому польскому королю и трижды прокричавшему «виват!», не отозвался ни один голос. Тем не менее, царь был любезен с поляками, заявил польским офицерам, что во всех отношениях ими доволен, представил им сына — будущего императора Александра II, заверив, что тот является «хорошим поляком, ибо был так воспитан». Наследник, одетый в мундир польских конных стрелков, говорил по-польски, с симпатией вспоминал о польских королях. Царская семья общалась с народом, гуляя на Уяздовском плацу, а вечером на балу принимала гостей, но веселья заметно не было, и император признался Бенкендорфу, что находится в удрученном состоянии. Удручен был и Бенкендорф, так же как и другие члены царской свиты. Так, А. И. Нейтгард 21 мая (2 июня) 1829 г. писал И. И. Дибичу, что хотя коронация прошла благополучно, тем не менее «всё вообще является чем-то уродливым: черный двуглавый орел — отец белого одноглавого; они различны по природе и останутся таковыми»¹²⁸.

Власти хотели прощупать общественное мнение в связи с коронацией. Агент М. Шлей часто бывал у помещиков, «но нигде ни от кого не слышал ни малейшего роптания в рассуждении восприятия государем императором польской короны, а напротив того при случающихся о том разговорах каждый изъявляет свое удовольствие. Только иногда рассуждали: по какой бы причине без благовременного предварения так скоро последовала коронация?» Столь же лукавое недоумение выражали и по поводу отсутствия послов других государств. «Однако, — подчеркивал Шлей, — и на всё сие отзываются, что как бы то ни было уже имеют коронованного царя, и все вообще, полюбивши его, говорят, что одарен чрезвычайным благоразумием, сопряженным с большой кротостью». Общественность Королевства ждала открытия сейма новым государем, надеясь, что удастся восстановить конституционный порядок его созыва, вернуть гласность его работе. В мае 1830 г. члены палаты депутатов решили через маршалка обратиться к Николаю I с просьбой «о дозволении производить сеймовые собрания публично,

так, как прежде бывало, дабы и не принадлежащие к сейму лица могли при том находиться». Об этом просили поговорить с министром Ф. К. Друцким-Любецким, и тот передал, что царь разрешил подать прошение. О речи императора на состоявшемся вскоре открытии сейма агентурные донесения сообщали в самых радужных тонах: она, как писал агент, «здешней публикой читается с душевным удовольствием», в отличие от речи маршалка Посольской избы Ю. Любовидзкого, который перегрузил выступление «разбирательством политических и административных дел», что общественное мнение якобы сочло «не соответственным обстоятельствам». Возможно, в этой критике речи Любовидзкого слышались отголоски недовольства тем, что вице-президент Государственного банка стал маршалком Посольской палаты. Как писал агент, против Любовидзкого в сейме были «вельможи», «но помещики, происходящие не из графских или княжеских фамилий, а только из древней польской шляхты, также мещане, и можно сказать, что весь народ, сим выбором будучи очень доволен, говорит, что Государь император подданных своих всех вообще одинаково любит, не делая преимущества богатым, а только ищет и избирает таких людей, которые бы были полезны престолу и народному обществу»¹²⁹.

В действительности в конце 20-х гг., и в частности перед открытием работы сейма, обстановка в Королевстве Польском была далеко не безоблачной. Часть общества жила надеждой на обострение международной ситуации, ожидая поражения России в войне с Турцией. Перспектива же австро-русской войны сулила одним присоединение Галиции к Королевству под властью Романовых, другим — создание польского государства во главе с «Орленком». В конце 1828 г. в разгар русско-турецкой войны в армейских кругах Варшавы возникло тайное Общество подхорунжих под руководством Петра Высоцкого. Его программа вооруженной борьбы за независимость, хотя и отнесенная в будущее, отражала стремления радикальной оппозиции, преимущественно молодых людей. Один из представителей молодых радикалов, Смагловский, еще в 1823 г. был обвинен в том, что вместе с другими студентами праздновал годовщину Конституции 3 мая и читал запрещенные произведения Коллонтая, Воронича, Красицкого и Немцевича. Высланный из Королевства, он стал студентом Ягеллонского университета в Кракове и там в 1827 г. организовал заговор, целью которого якобы было покушение на великого князя Константина. Смагловский, Боньковский и другие «заговорщики» были выданы в Королевство Польское и там судимы. По поводу их плана покушения Ю. У. Немцевич писал с возмущением: «Такая преступная глупость нескольких недоумков должна пасть на целый народ? Кто бы, будучи в своем уме, захотел таким покушением поставить на грань это наше утлое существование!» В 1829 г. накануне варшавской коронации Смагловский, Боньковский и ряд студентов вновь организовали заговор, дав клятву посвятить себя родине. Правда, они отрицали, что готовили покушение на царя. Смагловский на следствии утверждал, что речь шла о том, чтобы помешать коронации, которую он считал «противоречащей освященным обычаям и церемониям». Он говорил о несправедливости ареста членов Патриотического общества и суда над ними, так как «все это дело [...] не стоило и понюшки табаку». «Бесчинства» русских военных,

от которых пострадали знакомые Смагловскому поляки, «заставили его задуматься о национальном сопротивлении»: «Как это [...] могут подобные насилия совершаться под авторитетом закона? А мы, словно какие-то рабы, разве мы не в состоянии их не допустить?» Помешать коронации заговорщики хотели «путем ареста всех находившихся в коронационном зале, вплоть до подписания условий, которые им предложат». В целях привлечения в заговор сторонников Смагловский рассказывал об участии в нем известных людей. С. Бажиковский говорил о «тысяче заговорщиков», но конкретно назвал А. Циховского, Ф. Тщиньского, В. Зверковского, П. Высоцкого. Видимо, группа Смагловского была связана с Обществом подхорунжих и контакты с «известными особами» — Р. Солтыком, В. Немоёвским, А. Гуровским и др. — в самом деле могли иметь место. Патриотически настроенные парламентарии — члены Посольской палаты намеревались перед началом коронации представить императору петицию с требованием ввести Органический статут с гарантией сохранения на будущее польской короны, отменить дополнительную статью к конституции о закрытом характере заседаний сейма, запретить предварительную цензуру печати, ликвидировать чрезвычайные следственные комиссии как неконституционные, гарантировать гражданские права. Заставить Николая I подписать эти обязательства особенно стремились «калишане». Зная, что Общество подхорунжих хотело начать восстание в марте 1829 г., Т. Дзялыньский и А. Гуровский предложили Высоцкому отложить выступление, приурочив его к майской церемонии. В. Зверковский, Ф. Тщиньский и Г. Малаховский договорились с ним, что восстание станет ответом на отказ царя подписать условия либо на арест депутатов. Тем самым либеральная оппозиция как бы давала обещание поддержать вооруженную борьбу за независимость, и Общество подхорунжих начало приготовления: предполагалось арестовать, а возможно, и убить Николая I до того, как он станет «польским королем». Однако либеральную часть Посольской избы не поддержали консерваторы, отказавшиеся подписать петицию. Немцевич отговаривал Высоцкого от выступления, указывая, что «сейчас еще не время». Это заставило отменить весь план, более того, заговорщики решили приостановить деятельность Общества до 1830 г. в связи с возникшей надеждой на то, что новое царствование принесет Королевству Польскому перемены к лучшему¹³⁰.

Собравшийся летом 1830 г. сейм был последней попыткой польской общественности договориться с царской администрацией, но его ход стал и последним свидетельством невозможности компромисса. Знаменательно было уже само назначение маршалком сейма Любовидзкого, одного из наиболее рьяных проводников репрессивной политики в Королевстве. Эту роль он исполнял и на сейме, не давая слова представителям оппозиции, прерывая критические выступления. А их на сейме звучало немало, и все они были направлены на разоблачение антиконституционной деятельности министров, которые, в соответствии со сложившейся на предыдущих сеймах традицией, становились непосредственным объектом критики, хотя главной мишенью являлось самодержавие.

Уже на первом заседании депутаты потребовали удаления стенографистов и присутствия арбитров, что соответствовало конституционным нор-

мам; в дальнейшем они настаивали на зачтении протоколов предыдущих заседаний, на полной публикации дебатов в «диариуше». Наряду с борьбой за конституционный порядок работы сейма, они выступали в защиту конституционного судопроизводства, по-прежнему обличая действия полиции и административных судов, заключавших в тюрьмы даже 12-летних детей, указывая на существование незаконных тюрем, на издевательства над узниками. Приводились факты произвола полицейских агентов, в частности, некоего Бернбаума, осужденного на 10 лет за то, что он и другой агент Гурецкий «пытали и допускали оскорбляющую человечность жестокость» в отношении заключенных. Отмечалось также, что свирепствует разлагающая общество тайная полиция с «толпой агентов», их вербовкой занимается, в частности, Бюро контроля прислуги, и в результате слуги устраивают слежку за своими хозяевами. В связи с вопросом о законодательных правах сейма депутаты вновь обратились к правительству с требованием тщательно готовить законопроекты и представлять их заблаговременно для рассмотрения сейму после обсуждения со специалистами, иначе принятые наспех законы придется потом менять. Наряду с упреками в плохой подготовке законопроектов отмечался тот факт, что оставались неразработанными необходимые законодательные документы — Административный, Военный и Финансовый кодексы. Правительственная комиссия юстиции, утверждали парламентарии, не защищает гарантированные конституцией право личной свободы и право частной собственности, поэтому последнюю административная власть распродает по своему усмотрению. Члены комиссий сейма подробно остановились на намерении Административного совета «развить» статьи конституции, чтобы право на личную свободу «не мешало порядку и общественной безопасности», то есть представить «обстоятельства, когда правительство получило бы полномочия временно стеснить личную свободу». Они указывали, что такие обстоятельства, как и форму стеснения личной свободы, может установить только сейм, который в целом имеет эксклюзивное право развивать и изменять статьи конституции, но даже он уполномочен принимать лишь конкретные законы для обеспечения общих конституционных принципов. Следовательно, «ни одна из статей Конституции, касающаяся свободы личности, не может быть отменена никаким постановлением Административного совета», так как это было бы не развитием конституции, а «уничтожением главных гарантий, скрепленных Конституцией». Часть личной свободы, отмечали члены сейма, уже отдана верховной власти, что записано в конституции, являющейся «политическим законом нации»; эти двусторонние взаимные обязательства правительство должно обеспечить, а не нарушать; между тем оно «работает над ущемлением важнейших национальных свобод, над изменением и уничтожением основ Конституции, касающихся свободы», а это противоречит «первоначальным и характерным принципам существования национального общества». Участники заседания требовали также отменить как противоречащую конституции административную судебную власть, которую в Королевстве распространили как на сферу личной свободы, так и на сферу собственности. Указывалось, что это «вызвало беспокойство помещиков, нанесло вред их достоянию», причем Правительственная

комиссия юстиции не защитила неприкосновенность собственности. Отмечая, что эта правительственная структура отдает распоряжения судьям, которые по закону независимы, назначает их и переводит по своему усмотрению, комиссия сейма приходила к выводу, что по сути в стране еще нет конституционного правосудия. Особо отмечались нарушения, связанные с процессом по делу членов Патриотического общества, когда не соблюдался закон о Сеймовом суде, в частности, нарушалась процедура следствия, его сроки, условия содержания обвиняемых, задерживалось оглашение результатов процесса. Парламентарии хотели просить императора ликвидировать Генеральную прокуратуру как ненужную и вредную структуру, которая выдвигает «необоснованные обвинения» против граждан и разоряет их имущество, к тому же на ее содержание уходят большие средства¹³¹.

Резкую критику вызвало то обстоятельство, что правительство в своем отчете умолчало о цензуре, надеясь утаить факты «произвола» в деятельности ведомства Шанявского. «Всякая цензура, — говорилось в «Замечаниях» палат сейма, — является антиконституционной властью и ни в коем случае не может законно существовать», тем не менее, такая самоуправная власть существует, и об этом нужно сообщить монарху. Был отмечен факт «удивительного разветвления» цензуры — наряду с ее основными центрами в Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, существовали структуры, цензурировавшие отдельные сферы — духовную, театральную и даже ту, которая касалась еврейского вопроса; все они сносились между собой, и каждая творила что хотела; к тому же цензурный «дозор» несли и полицейские в воеводствах. Таким образом, подчеркивали парламентарии, меры цензуры носили превентивный характер, тогда как по конституции караться могут лишь нарушения установленных предписаний, а поскольку таких предписаний нет и новый закон о злоупотреблении свободой слова и печати не принят, то, согласно распоряжению императора, должно действовать старое польское законодательство, цензуру не предусматривавшее. Все это, подчеркивалось в «Замечаниях» сеймовой комиссии, «неслыханно тормозит распространение просвещения в народе, искажает представления и мысли произведений, пропущенных через ее [цензуры. — С. Ф.] произвол, отвращает от свободного изъяснения своих убеждений, а через это лишает правительство средств узнать образ мысли значительной и наиболее активной части нации, толкает к скрытности в выражении чувств, вызывает нарекания и сеет недоверие между властью и народом»¹³².

Члены сейма выражали неудовлетворение работой Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, а ряд ее структур считали затратными и приносящими только вред. Всеобщее недовольство вызывало создание генеральной куратории, приведшее к вредному раздвоению власти между ней и академическим руководством. Было отмечено, что автономия университета урезана и он «продолжает оставаться целью покушений, направленных на его унижение»: как и прежде, ему грозит перевод из Варшавы в провинцию, ректор университета выведен из состава комитета по реформе образования, и последний самовольно решает судьбу профессоров. Недовольство также касалось образованной в составе правительственной комиссии духовной секции, которая,

«вместо одинакового с правительством направления, вместо поддержки его намерений», стала оказывать «сильное влияние на выделение католического духовенства и постепенное его удаление из-под общего правительственного контроля». Духовная секция вмешивалась в процесс обучения, ограничивала курсы преподавателей, предъявляла им обвинения. По мнению послов и депутатов, «это стеснение и унижение науки» было связано с перенесением теологического факультета из Варшавского университета в Главную семинарию и фактическим переходом его под руководство архиепископа. Указывалось и на другие факты вмешательства духовенства в светские дела: так, выступление костёла против работы рынков в праздничные дни, отказ хоронить на кладбище тех, кто умер без покаяния, и другие запреты и ограничения вызывали недовольство, вели к конфликтам и спорам между властями. Трудности были и в отношениях католической и православной церковью: несмотря на заключенное ими в 1819 г. соглашение, оставались противоречия в вопросах определения конфессиональной принадлежности детей от смешанных браков. Брачное законодательство в целом по-прежнему было объектом атак католического духовенства. В частности, это касалось процедуры разводов, в связи с чем депутаты отмечали, что хотя при гражданских судах появились «духовные защитники браков», но правительственная комиссия, испытывая «постоянное сопротивление со стороны духовных властей, усугубила неуверенность в общественных отношениях, каковая действительно оказывает влияние, и даже очень вредное, на спокойствие семей и нравы»¹³³.

По мнению парламентариев, ненужные и даже вредные структуры Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, не прописанные в конституции, такие как духовная секция, генеральная куратория, отдел цензуры, нужно было бы сократить, а все освободившиеся средства передать на развитие школ, библиотек, музеев. Катастрофическое сокращение числа школ, прежде всего сельских, особенно беспокоило выступавших: лишение нации, и в первую очередь крестьянства, составлявшего ее большую часть, возможности приобрести необходимые ей грамотность и нравственное воспитание они расценивали как «тяжелую рану, нанесенную целому поколению». В этой связи они вновь затрагивали еврейский вопрос, настаивая на организации школ для еврейского населения, и обращали внимание на роль нового органа — комитета по делам евреев, который по указу императора в 1825 г. был создан внутри Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения вместе с совещательной палатой, включавшей представителей еврейской общины. Парламентарии указали при этом на «противодействие и препятствия», которые комитет встретил со стороны руководства правительственной комиссии. Они обратили также внимание на конфликты между комитетом и совещательной палатой, подчеркнув, что это влияет на отношение евреев к комитету. По мнению комиссии сейма, «применявшийся до этого времени способ насильно заставить евреев избрать иной образ жизни не принес ожидаемого результата, а лишь привел их к нищете». Члены сейма считали необходимым отменить взимаемые с евреев «личные оплаты, которыми их мучили»; подчеркивалось, что заботиться

об этой «увеличивающейся в числе нации» — долг правительства, перед которым ставилась задача «успокоить недовольство, мягким обращением завоевать доверие, избавиться от предубеждения и тем самым сделать их полезными для страны»¹³⁴.

Вопросы конституционных прав — религиозной свободы, свободы личности, свободы мысли, свободы слова и печати — занимали центральное место в «Замечаниях» комиссий сейма. Они были тесно связаны с проблемой гражданских прав на политическую деятельность, на выбор местной власти. Речь шла о «первейшей пружине национального представительства» — политических собраниях на местах, осуществлявших выборы как послов и депутатов сейма, так и членов воеводских рад. Отмечалось, что в обществе «утвердился политический дух на основе подчинения закону», все более ясно видно «умеренное и надлежащее пользование политическими правами», и потому особенно нетерпимы попытки властей оказывать давление на выборный процесс и на деятельность местных органов. Факт роспуска Калишской рады вновь приводился в качестве примера вопиющего нарушения гражданских прав. Фигурировал и другой факт, связанный с первым, — незаконное задержание и недопущение на сейм калишского посла В. Немоёвского¹³⁵.

В сейме 1830 г. рассматривалось также экономическое положение страны, вопросы эмансипации городов, развития сельского хозяйства, промышленности и торговли. При этом поднимались и социальные проблемы. Так, обсуждался вопрос о налоговом бремени, указывалось на тяжелое положение крестьян, на разорение еврейского населения, лишенного заработка и обремененного личными оплатами. Предлагалось отменить эти оплаты, вставал вопрос и о ликвидации барщины, но здесь не было согласия среди самих парламентариев: значительная часть помещиков желала сохранить зависимость крестьян от работы на фольварке. Классовые интересы шляхты и магнатов сказались и при обсуждении законопроекта о сервитутах: помещики стремились либо к полной ликвидации сервитутных прав крестьян на выпасы и лесные угодья, либо к их ограничению. Закон одобрили, хотя раздавались голоса против его принятия. Социальный характер носил и представленный сейму проект закона о бродяжничестве и нищенстве, также тесно связанного с судьбой низших слоев общества. Ряд послов и депутатов выступали против насильственного заточения бедноты в работные дома и тюремные колонии, видя в этом нарушение конституционных гражданских прав; они требовали, чтобы правительство оказало этим людям помощь в трудоустройстве, обучении, предоставило материальную поддержку. Однако большинством голосов закон был принят. Зато оказался отвергнутым законопроект о процедуре разводов, вновь выдвинутый клерикалами с одобрения царя. Духовенство хотело избавиться от тех ограничений, которые оказались внесены в закон на сейме 1825 г., и получить полный контроль в вопросах заключения и расторжения браков. Их претензии поддержал Сенат, одоббивший законопроект, но Польская палата его не пропустила: в многочисленных выступлениях была представлена история взаимоотношений церковной и светской власти в Польше и было доказано, что именно последняя в течение веков являлась

высшей инстанцией в религиозной жизни страны, что она, а не Ватикан, определяла гражданское, в том числе брачное, законодательство¹³⁶.

Отказ одобрить законопроект, поддержанный монархом, чувствительно затрагивал авторитет императора. Члены Посольской палаты искали аргументы, чтобы в адрес царю разъяснить это решение и по возможности сгладить неприятное впечатление. Одновременно в адрес были включены пожелания и просьбы, касавшиеся обсуждавшихся на сейме вопросов. Большинство из них (о своевременном созыве сеймов, об отмене цензуры и ликвидации неконституционных структур, о предоставлении на обсуждение сейма важных фундаментальных законопроектов, о введении конституционного судопроизводства и пресечении полицейского произвола и т. п.) были также включены в многочисленные, большей частью коллективные, петиции. Сенат, также обратившийся к Николаю I, не преминул поздравить его со славными военными победами: «Польская армия, — говорилось в обращении, — сожалеет, что не могла разделить с русскими войсками опасности и славы этих памятных кампаний». Такое заявление, сделанное 26 июня 1830 г., звучало особенно пикантно, если учесть, что пару недель спустя во Франции разразилась революция, и опасность того, что польская армия выступит вместе с русской на ее подавление, стала одним из катализаторов Ноябрьского восстания в Королевстве Польском. Однако пока на сейме важной представлялась задача продемонстрировать преданность поляков российскому императорскому дому. Поэтому в заявлении, также оглашенном сенаторами, прозвучала идея, занявшая центральное место при обсуждении, — об увековечении памяти Александра I. Министр финансов князь Сапега выступил с предложением утвердить бюджет на возведение «памятника национальной благодарности» «воскресителю Польши». Сенат просил Николая I об этом еще в 1826 г., и теперь парламентарии, «совершенно разделяя чувства Сената и его желания», единогласно поддержали эту инициативу под дружные возгласы: «Да здравствует Король и Конституция!» Старый друг Александра I А. Чарторыйский лелеял мысль и о создании символического памятника царю: предполагалось во всех частях Польши собрать деньги на выкуп нескольких сот крестьянских хозяйств, чтобы передать их крестьянам в собственность. Князь выступил на сейме с прочувствованной речью, он напомнил, как в 1815 г. на Венском конгрессе император, пойдя «наперекор мнениям и усилиям всех окружавших его особ и кабинетов», «сам один спас имя и существование Польши». Многочисленные речи членов сейма отражали всеобщую поддержку идеи возведения памятника, но затруднения создавал вопрос о финансировании строительства. Собирались организовать складчину, но сомневались, на сколько времени может затянуться сбор средств; в результате был намечен срок от двух до четырех лет¹³⁷.

Несмотря на столь единодушное изъявление выступавшими чувств любви и благодарности российскому монарху, впечатление от работы сейма было отнюдь не радужное, и недаром он получил название «бурного». Единодушные члены сейма проявилось не только в вопросе о памятнике, но и в общей позиции острой критики царской политики в Королевстве Польском. По свидетельству посла А. Островского, «в этот раз казалось,

что мысль одного была живым образом мыслей всех, такое царило единодушие во мнениях и единообразии в стремлениях»¹³⁸. В целом сейм дал концентрированное свидетельство роста политического сознания польского общества. Такой вывод подтверждали и агентурные донесения этого периода, где проскальзывали моменты, говорившие о том, что многие стороны политической и культурной жизни тревожили общественное мнение. Так, ходили слухи о грядущей ликвидации Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения; идея передать функции комиссии частью университету, а частично архиепископу не могла не волновать общественность, выступавшую в защиту просвещения, против религиозного обскурантизма. Однако общий тон донесений тайных агентов, оценивавших положение в Королевстве Польском конца 1820-х гг., был таков, словно их авторы стремились убедить и самих себя, и, главное, того, кому донесения предназначались, в полном спокойствии общества. Незадолго до открытия сейма, в марте 1830 г., власти получили следующий анализ обстановки: «Из полученных сведений от агентов, находящихся в воеводских и других городах Царства Польского, равно как по непрерывной бюстительности в столице, оказывается: что жители сего Царства менее ныне обращают внимание на политические происшествия и мало о подобных предметах имеют разговоров, а хотя иногда производят таковые, но в оных видна холодность. Полагать можно, что они, пользуясь мирным временем и поданными средствами правительством к поддержанию их состояния, обращают больше внимания на собственные дела, нежели политические происшествия, кои делаются для них уже мало занимательными». В качестве причины этого в донесении указывалось на создание ряда учреждений (кредитного банка, фабрик и т. п.), «побуждающих к улучшению сельского хозяйства», но главное его автор видел в другом: «Непременное [...] Государя императора усилie к усовершенствованию порядка по политическим делам лишает способности беспокойного нрава людям производить дерзкие желания». Одобрение варшавян якобы вызывало и внимание царя к «городским институтам и больницам», посещая которые, он «входил во все подробности» и «даже не возгнушался пробовать кушанье». «По сему случаю, — писал агент уже в июне того же года, — везде говорят с большим восхищением о отеческой попечительности Е[го] И[мператорского] В[еличества] и явно возсылают молитвы Предвечному Творцу о ниспослании долгоденствия и благополучного царствования столь милостивому монарху, пекущемуся о благоденствии подданных своих». В этом донесении были представлены новые подробности состояния польского общества: «Государь император всеми вообще поляками теперь еще гораздо более обожается, и везде в приятельских компаниях говорят, что действия, намерения и обхождения Е.И.В. суть отеческие. Наверно можно сказать, что в народе ежедневно возрастает любовь и приверженность к монарху. А великодушie его распространилось в Царстве Польском так, что уже и крестьяне в случае притеснения их помещиками угрожают подачей жалобы царю. А даже и те лица, кои принадлежали к заговору или, будучи с подобными людьми в дружбе, принимали участие в их предприятиях, так теперь переменили расположение мыслей своих,

что хотят писать похвальные римфотворческие стихи, и некоторые из них уже начали»¹³⁹.

Подобный тон донесений распространялся и на весь круг близких к императору особ. Так, в июне 1830 г. императрица не присутствовала на параде, что было всеми отмечено, «но, — писал агент, — никого не слышно говорящего», что это «произошло по недоброжелательству к народу»; особенно подчеркивалось, что никто из сенаторов «не отзывался с какой-нибудь осудительной речью, что напротив того говорили: „Ее Величество, верно, сожалеет, что не могла скорее прибыть сюда“»; причиной назывались встреча с прусскими родственниками, задержка в дороге или «слабость здоровья». Столь же умиротворяющим было сообщение об аудиенции, данной великим князем Константином членам сейма от Калишского воеводства в июне 1830 г.: якобы пресловутые оппозиционеры «по случаю хорошего принятия их весьма были довольны, а также известившиеся о том прочие послы очень обрадовались, что Его Императорское Высочество (как они говорили) стал много попечителен о польском народе, что в каждом критическом положении не отказывает покровительства». Правда, по слухам, исходившим из дома Друцкого-Любецкого, некоторые говорили, что великий князь через маршалка сам инспирировал просьбу о встрече. Возможно, он хотел заручиться поддержкой, собираясь сделать важный шаг, потому что июльские донесения агента содержали уже новый слух о том, что «цесаревич изволил принять управление здесь по гражданской части, чем жители будучи чрезвычайно обрадованы, говорят, „что теперь-то несправедливые поступки здешних статских чиновников совсем искоренятся и, может быть, по присутственным местам заведется совершенный порядок, какой существует по военной части“»¹⁴⁰.

Каков был армейский порядок, заведенный Константином Павловичем, и как он на самом деле оценивался поляками, шпики знали хорошо, потому что слышали, как в шинке великого князя называли «грубияном». В Королевстве Польском распространялись неблагоприятные сведения о нем, перепечатанные из французских газет. По поводу пасквилей на него Тайная канцелярия неоднократно заводила следственные дела. Очень часто среди радикальной части польского общества возникала идея о покушении на жизнь великого князя. В доносе Олтажевского рассказывалось, как в 1826 г. собравшиеся в калишском имении Непомуцена Немоёвского представители местной шляхты долго ругали и оскорбляли монархов, а затем заявили: «Мы умеем болтать, да не умеем делать! Почему жив Великий князь?» Убить его якобы было поручено одному из присутствовавших, Липскому. А к 1830 г. относилось описанное агентом Цехановским последнее неудавшееся покушение на Константина Павловича: «Один раз ночью приезжал в Бельведер генерал от кавалерии граф Красинский с донесением Его Императорскому Высочеству Цесаревичу, что той же ночи бунтовщики имеют напасть на Бельведер с намерением лишить жизни Его Высочество и всех окружающих его. Почему Его Высочество, испужавшись, изволил, не одевшись, убежать в Лазенки и в тамошних казармах спрятался; вскоре затем приезжали в Бельведер граф Солтык, Осолинский, князь Яблоновский, Гржимала и очень много прочих лиц, но Его Высочества там

не нашли. После того все они были взяты под арест, а подполковником Луниным подговоренный к бунту командуемый им гусарский эскадрон тогда же со всем вооружением выступил, но также был арестован»¹⁴¹.

Не один великий князь являлся столь одиозной фигурой. Огромную ненависть вызывал Новосильцев. Как оказалось на Сеймовом суде, именно он оказывал давление на следствие, и это открытие вызвало «в знатнейших польских домах» «ропот» и проявление «явного неудовольствия» по отношению к нему. По сообщению Шлея в марте 1829 г., существовал замысел «поймать москаля» на финансовых махинациях. Непопулярной личностью был также генерал-майор И. А. Вельяминов: на его счет были написаны сатирические стихи, которые распространялись в Белостоке и стали известны в Варшаве. Язвительные стихи, шарады, всякого рода «пасквили» писали и в адрес польских чиновников, тесно сотрудничавших с имперскими властями, — наместника Зайончека (уже покойного в 1830 г.), генерала Рожнецкого и других. Постоянным оскорблениям в общественных местах подвергались полицейские и шпики, их даже нередко намеревались бить. Шпики были излюбленным объектом публичных насмешек. Так, на представлении в Театре Польском в Варшаве актеры вставили в текст комедии отсебятину: на вопрос «Есть ли на том свете шпионы?» звучал ответ: «Есть, так же как и здесь»¹⁴².

Агентурная сеть в 1830 г. была, действительно, очень широкой, и поляки постоянно об этом помнили. Шпионам приходилось работать в весьма ответственной обстановке, осложнившейся после того, как в июле 1830 г. во Франции вспыхнула революция. Слух об этом быстро достиг Королевства Польского, и о революции уже говорили студенты в кофейнях, вспоминая при этом имя Наполеона. Культ Франции и французского императора в это время уже утвердился в сознании поляков. Для одних, как для Мауерсбергера, Франция была родиной революции — «первого детища свободного духа, нанесшего удар по деспотизму». Для других фигура Наполеона ассоциировалась со свободой Польши, они писали рядом две буквы — «N» (Наполеон) и «W» (Вольность), провозглашали за них тосты, так как еще в 1822–1823 гг. верили, что Наполеон жив, что с острова Святой Елены он послал своего эмиссара Лас Казаса «распространить возмущение против монархов» и вскоре сам вступит в Австрию. Слух о том, что французский император жив и находится в турецкой армии, польские офицеры распространяли даже в 1829 г. Тогда же в Варшаве возникла мода на пуговицы и украшения *à la Napoleon*. Любовь к Бонапарту выливалась в привязанность к «Орленку», его сыну, о чем агентура сообщала в мае 1829 г. В начале 1830 г. калишские либералы даже носили на груди его изображение в мундире генерала турецкой армии. А в мае того же года, в канун французской революции, два студента на Старом Месте в Варшаве стреляли из пистолета под аккомпанемент песни, говорившей о сражениях французов с «москалями». И не случайно, когда вспыхнула Июльская революция, К. Козьян больше всего опасался ее влияния на молодежь: «Этот несчастный романтизм исказил представление о морали, об уважении к закону и ведет к расстройству всего общества»¹⁴³.

В июле 1830 г. в Варшаве распространилось известие о том, что «некоторые полки соединились с беспокойными людьми, почти разрушили весь

дом министра Полиньяка, но неизвестно, убит ли он или спасся бегством, а король, приметя, что уже весь город взбунтовался, тотчас выехал к нидерландской границе». Как писал агент, «все только о том и продолжают разговоры. Однако по сему случаю не примечается как в гражданских, так и военнотружущих лицах никакого впечатления». Приходившие в Варшаву сведения обрастали подробностями — о нескольких тысячах убитых, в том числе нескольких министрах, о том, что якобы «и король уже не в живых». Сведения поступали из иностранных газет, которые провозили тайно. Чтобы закрыть источники информации, царь запретил подданным выезжать за границу и потребовал возвращения тех, кто там находился. Скрыть известие о французской революции постарались и от солдат военного лагеря, о ней знали лишь штабс-офицеры и те обер-офицеры, которых отпускали в город, но, услышав там новость, «они, — как писал агент, — даже со своими товарищами не смеют о сем разговаривать». Он утверждал, что «по сие время здесь неприметно, чтобы кто оказывал свое доброжелательство сей революции, но напротив того об оной говорят без пристрастия, а только обвиняют французского короля, что тако мало знал свой народ». Сообщая слух об отречении Карла X в пользу герцога Ангулемского и совещаниях, проходящих между регентом — принцем Орлеанским и депутатами законодательной палаты, агентурный аналитик приходил к выводу, что «революция уже совсем прекратилась и порядок восстановлен», и, как всегда, добавлял успокоительные фразы насчет реакции поляков: «Между гражданскими лицами уже менее происходит о том разговоров, потому что не было никакого правительственного объявления, и так как уже начали говорить, что революция прекратилась. А вообще таковое известие не учинило здесь ни малейшего впечатления в народе, разве только в одиноких людях, не имеющих теперь никакого занятия». Однако, видимо, в Варшаве таких людей было немало, ибо по случаю коронации принца Орлеанского они в течение трех дней устраивали иллюминацию в окнах своих домов¹⁴⁴.

Вряд ли администрация Королевства Польского не знала о таких фактах, и ее не могли успокоить донесения шпионов. Среди ходивших по Варшаве слухов был и слух, будто великий князь из-за революции во Франции не поехал на воды за границу. Несомненно, это было связано с беспокойством относительно влияния событий во Франции на обстановку в Польше. Правда, Константин Павлович все время уверял Николая I, что в Королевстве царит «полное спокойствие», что поляки докажут свою верность, и хотя среди них есть «неисправимые», но они в меньшинстве. «Я гарантирую, — писал он брату, — что ты можешь рассчитывать на армию и большинство населения [...]. Буржуазия очень приличная и приверженная, мелкая шляхта тоже, а богатую привязывает интерес. Только лишь племя юристов и адвокатов, профессоров и студентов не дает мне покоя». Оценка позиций различных слоев польского общества, данную великим князем, разделяли и другие современники. Так, Л. Дембовский писал летом 1830 г.: «В Люблинском и Сандомирском воеводствах ни помещики, ни народ ничего не знают о революции и о ней не думают. Что же касается Варшавы, не вижу там никаких элементов для подобных действий. Гарнизон в значительной степени состоит из русских», а из польских войсковых частей некоторые «известны своей

приверженностью особе великого князя. Домовладельцы в каждой стране не являются сторонниками беспорядков, а многочисленный класс торговцев, промышленников, ремесленников и евреи, составляющие самую большую массу населения Варшавы, совершенно не заинтересованы поддерживать волнения». К тому же, отмечал он, чрезвычайно улучшилось экономическое положение Королевства Польского¹⁴⁵.

Представленный анализ польского общества не учитывал, однако, национальный аспект, а между тем А. Чарторьский в беседах с Николаем I подчеркивал, что полякам важны сильная легальная власть и конституционные либеральные институты, но еще более важно сохранение национальности и национального достоинства. Об опасности нарушения Конституции Королевства Польского предупреждал брата и великий князь Константин. Он был против планов царя послать польскую армию на подавление революции во Франции и Бельгии. Об этом просил Николая I король Нидерландов, с которыми Бельгия состояла в отношениях, подобных отношениям Королевства Польского и России. Поэтому революционная декларация бельгийцев о независимости, перепечатанная в Королевстве, вызвала там особый энтузиазм. Большое влияние оказывала ситуация общего революционного подъема в странах Европы. В такой обстановке происходило быстрое созревание и тех слоев польского общества, которые считались политически инертными. Показательно, что тот же Л. Дембовский был вынужден признать, что уже в середине ноября 1830 г. «все говорили о неминуемой революции в Варшаве, хотя все ее боялись»¹⁴⁶.

Наращение революционной ситуации и патриотических настроений становилось все более заметным. В кафе и ресторанах публика требовала от музыкантов играть «Мазурку Домбровского» и другие патриотические песни, их дружно пели хором. В театре встречали аплодисментами всякое упоминание о Франции, каждый намек на воинскую доблесть поляков и их готовность к борьбе. На улицах Варшавы, Радома и других городов появлялись плакаты, листовки, надписи на домах, содержавшие патриотические лозунги: «Революция!», «Да здравствует свобода!», «Поляки! Свобода и независимость!», «Смерть угнетателям!». Некоторые лозунги указывали адресное направление борьбы: «Пробудитесь, поляки! Отомстите за насилия варварам и тем, кто связан с ними!». Польские чиновники, проводившие реакционную политику царизма, давно были непопулярны в обществе. Еще в 1826 г. на панихиде по Александру I студенты устроили «непристойную» обструкцию министру Грабовскому — свистели и топали ногами. Осенью 1830 г. в центре Варшавы был избит городской начальник, «президент муниципальной сферы и полиции» К. Войда, являвшийся объектом всеобщей ненависти, при этом голос общественного мнения призывал расправиться также и с министрами Т. Мостовским и Ф. К. Друцким-Любецким. Инцидент случился, когда возбужденная толпа возвращалась с мессы, проходившей в костёле на Праге — варшавском предместье, где за 36 лет до этого солдаты Суворова жестоко подавили восстание Костюшко. Массы варшавян громко молились на кладбище над могилами, размытыми дождями и обнажившими кости жертв. Наэлектризованная атмосфера распространилась и на варшавский гарнизон: в казарме 4-го пехотного

полка появился призыв быть полностью готовыми поддержать восстание, когда оно начнется¹⁴⁷.

Последнее являлось свидетельством деятельности Общества подхорунжих. Его повстанческие порывы проявлялись неоднократно. Ориентируясь на международную обстановку, связанную с русско-турецкой войной, П. Высоцкий и его соратники намечали восстание уже на март 1829 г., спустя пару месяцев после создания Общества; затем срок был отложен до момента коронации Николая I, но в мае 1829 г. вопрос о восстании был снят, так же как и планы убийства царя или захвата его в заложники. В этих колебаниях и переменах определенную роль играло влияние консервативных, лояльных царизму кругов польского общества, с которыми конспираторы поддерживали контакт. Позицию этих кругов ярко отражала, в частности, запись, сделанная Ю. У. Немцевичем в своем дневнике 23 октября 1830 г.: «Ах! Если бы существовало какое-либо подобие возможности получить свободу и независимость, кто же бы не положил на весы жизнь и здоровье; но восстать в нынешних обстоятельствах означало бы потерять навсегда даже и то имя Польши, о котором мы так долго вздыхали». Важно было также, что, кроме плана повстанческих действий, «подхорунжие» не имели разработанной политической программы, не ставили цели создания революционной власти и не готовили ее кадры. На необходимость такой подготовки указывал М. Мохнацкий, вступивший в Общество на рубеже 1828–1829 гг. К тому времени он имел опыт общения с администрацией Королевства Польского, так как после освобождения из тюрьмы в 1824 г. некоторое время работал в цензурном комитете под руководством Ю. К. Шанявского и убедился, что цензура, которую он считал «необходимым злом», перешла все границы и превратилась в орудие злоупотребления исполнительной властью. Полностью переключившись на литературную и публицистическую деятельность, Мохнацкий использовал страницы «Газеты польской» и «Курьера польского» для распространения патриотических идей. В брошюре, написанной от имени гражданина восточных земель бывшей Речи Посполитой, он заявлял, что даже утрата конституции — ничто перед целью восстановления Польши, тем более что конституционная хартия — одно название. О «целостности отчизны» и исторической миссии польского народа говорилось также в брошюре, адресованной Мохнацким Сеймовому суду: Отечество, писал он, — «это великая идея политической независимости и надежда, что когда-нибудь [...] мы соединимся в одно нераздельное целое, станем бастионом Европы, грозой для дурных соседей и избранным народом Славянщины». В 1830 г. Мохнацкий дал определение нации, указав, что это «не просто совокупность людей, которые заселяют какое-либо пространство [...]. Сущность нации — это [...] совокупность всех ее представлений, понятий и чувств, соответствующих религии, политическим учреждениям, законодательству, правам и тесно связанным даже с географическим положением, климатом и другими условиями эмпирического бытия»; при этом, отмечал он, «историческая жизнь всякого народа — [...] не что иное, как непрерывный процесс осознания себя от начала, от колыбели и во все последующие времена». Мохнацкий считал, что польский народ уже продвинулся в этом процессе, и потому в политической борьбе

за независимость должны участвовать все его социальные составляющие. «Польша, — подчеркивал он, — может обрести свою целостность и независимость только посредством социальной революции»: «наша революция должна быть социальной, внутренней, наступательной»¹⁴⁸.

Это заключение соответствовало тем переменам, которые в конце 1820-х гг. совершались в польском обществе, когда интерес к политическим событиям, происходившим в Королевстве Польском и Европе, охватывал все более широкие слои: представители «простого народа» — ремесленники, торговцы, мелкие чиновники — активно участвовали в патриотических манифестациях, не считали нужным ломать шапку перед великим князем, не боялись приветствовать французскую революцию, распевать патриотические песни и провозглашать революционные лозунги. На волне такого подъема к Обществу подхорунжих примкнули ряд тайных студенческих кружков, произошло также объединение с конспиративной организацией Ю. Заливского. В августе 1830 г. Мохнацкий предлагал Высоцкому различные варианты действий: один из них предусматривал захват в заложники Константина Павловича и объявление угрозы убить его, если русская армия двинется на подавление Королевства Польского. Другой вариант также был связан с особой великого князя: провозгласив его в Варшаве императором России и распуслав слух о его намерении отстаивать свои права на российский трон, надеялись вызвать замешательство в Петербурге. В октябре 1830 г. возник план поднять восстание сразу в трех частях Польши, однако конкретные действия намечались прежде всего в пределах Российской империи — захват Варшавы, арест великого князя, разоружение Литовского корпуса (если не удастся влить его в Войско Польское), установление диктатуры, распространение восстания на западные губернии России. Именно такой, ограниченный местными рамками, вариант восстания был принят, но сроки опять несколько раз менялись. К тому же в руководстве Общества не было согласия. Заливский стоял на радикальных позициях, он занялся военной организацией Варшавы и стремился к формированию Верховного комитета, включавшего П. Высоцкого, П. Урбаньского и его самого. Но Заливский, так же как Высоцкий, не соглашался с Мохнацким, который требовал сформулировать программу восстания — цель борьбы за независимость. Отсутствовало также понимание необходимости в назначении революционного правительства, готового взять на себя политическую ответственность, разрабатывать стратегию и тактику борьбы, направлять действия повстанцев¹⁴⁹.

Между тем полиция напала на след организации «подхорунжих», однако великий князь не сразу поверил в существование заговора. Несмотря на сопротивление Константина Павловича, император включил польскую армию в состав войск, которые должны были выступить в Европу на подавление революционного движения, и срок отправления был очень близок, о чем конспираторы узнали 20 ноября. Узнали они и о том, что их организация раскрыта и ее членам грозят аресты. Все эти обстоятельства требовали немедленного решения. 28 ноября 1830 г. Верховный комитет утвердил дату восстания — 29 ноября, был согласован план действий в Варшаве. Однако революционное правительство так и не было сформировано.

ровано, не смогли договориться о кандидатуре на пост верховного вождя восстания. И хотя выступление «подхорунжих» встретило поддержку населения столицы и в ночь на 29 ноября на улицы вышли 30 тыс. человек, тем не менее, будущая судьба восстания, перспективы развития борьбы оставались неясными¹⁵⁰. В дальнейшем власть в восстании оказалась в руках умеренных политиков, не желавших революционной борьбы, стремившихся к компромиссу с российским самодержавием. Их позиция определила ход восстания и в конечном итоге его поражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. *Филатова Н. М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 51.
- 2 *Archiwum Główne Akt Dawnych* (далее AGAD). *Kancelaria senatora Nowosilcewa* (далее KSN). 579. K. 143–155.
- 3 *Skarbek F.* *Pamiętniki*. Poznań, 1878. S. 59–60; *Niemcewicz J. U.* *Pamiętniki czasów moich*. Т. 2. Warszawa, 1957. S. 289; *Idem.* *Pamiętniki*. 1809–1820. Т. II. Poznań, 1871. S. 220, 225–226, 228, 244, 246, 262; Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторижским, опубликованные князем Ладиславом Чарторижским (1801–1823 гг.). М. 1812. С. 277; *Łukasiński W.* *Pamiętnik*. Warszawa, 1960. S. 62–63.
- 4 *Bieliński J.* *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1851)*. Т. II. Warszawa, 1911. S. 770–771; *Dyariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 roku*. Т. I. Warszawa, 1818. S. 3.
- 5 *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym*. Warszawa, 1984. S. 100; *Dyariusz...* Т. I. S. 10–11. См. также: *Филатова Н. М.* Указ. соч. С. 48–49; *Kozłowski W.* *Autonomia Królestwa Polskiego (1815–1831)*. Warszawa, 1907. S. 131–132.
- 6 *Мыцельский М.* Функционирование старопольских парламентских традиций в эпоху Княжества Варшавского и Королевства Польского (1807–1830) // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999. С. 208; *Филатова Н. М.* Указ. соч. С. 49, 50; «Orzeł biały». Т. I. №3. 6.I 1820. S. 51.
- 7 *Dyariusz...* Т. I. S. 9, 152; Т. II. S. 64; Т. III. S. 52; *Sejm Królestwa Polskiego o działalności Rządu i stanie kraju 1816–1830*. Warszawa, 1995. S. 29; *Obraz...* S. 96–97; *Kozłowski W.* *Op. cit.* S. 112.
- 8 *Obraz...* S. 13–14.
- 9 *Sejm...* S. 31–32, 39–42, 49–50, 59.
- 10 *Ibid.* S. 14–15, 35; *Dyariusz...* Т. II. S. 128; Т. III. S. 50–51, 53, 55; *Obraz...* S. 99; *Więckowska H.* *Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym 1815–1830*. Warszawa, 1925. S. 35.
- 11 *Sejm...* S. 46–47, 29–31. См. также: *Kozłowski W.* *Op. cit.* S. 111; *Więckowska H.* *Op. cit.* S. 31–35.
- 12 *Dyariusz...* Т. III. S. 74–75; *Sejm...* S. 15; *Kozłowski W.* *Op. cit.* S. 139; *Bieliński J.* *Żywoć księcia Adama Jerzego Czartoryskiego*. Warszawa; Kraków, 1905. Т. 2. S. 74, 77.

- 13 Sejm... S. 16; AGAD. Protokoły Rady Administracyjnej Królestwa Polskiego. 262. S. 242–244; Dyariusz... T. III. S. 51; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki. 1809–1820. T. II. S. 286, 313; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 111; *Филатова H. M.* Указ. соч. С. 65.
- 14 *Kozłowski W.* Op. cit. S. 116; *Więckowska H.* Op. cit. S. 31.
- 15 [*Kozuchowski A.*] O Sejmie Królestwa Polskiego uwagi przez Kozuchowskiego Aleksandra. Warszawa, 1818. S. 11, 16, 46–47. См. также: Sejm... S. 12; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 113, 115–116; *Филатова H. M.* Указ. соч. С. 56.
- 16 *Kozłowski W.* Op. cit. S. 111, 112; Głosy posła kaliskiego na Sejmie Królestwa Polskiego. Poznań, 1818; «Orzeł biały». T. VII. №3. 4.VII.1820. S. 28.
- 17 Sejm... S. 69.
- 18 «Orzeł biały». T. IV. № 15. 28.IV.1820. S. 235–236; № 10. 21.IV.1820. S. 156, 158–159; T. VI. № 12. 21.VI.1820. S. 177–182.
- 19 «Orzeł biały». T. I. № 3. 6.I.1820. S. 36, 40, 53; № 6. 13.I.1820. S. 107, 123; T. II. № 8. 17.II.1820. S. 152–154, 156, 236.
- 20 «Orzeł biały». T. IV. № 3. 6.IV.1820. S. 36; «Orzeł biały». T. VI. № 4. 7.VI.1820. S. 57, 61–62; T. VIII. № 21. 23.VIII.1820. S. 216–217. См. также: *Więckowska H.* Op. cit. S. 172.
- 21 «Orzeł biały». T. II. № 8. 17.II.1820. S. 146, 148.
- 22 «Orzeł biały». T. I. № 6. 13.I.1820. S. 107; T. II. № 7. 5.II.1820. S. 141; T. VII. № 4. 5.VII.1820. S. 39–40; T. IX. № 25. 30.IX.1820. S. 199.
- 23 «Orzeł biały». T. VIII. № 4. 16.VIII.1820. S. 145–147.
- 24 «Orzeł biały». T. VIII. № 5. 5.VIII.1820. S. 49–56, 59–61.
- 25 Беседы... С. 318, 320, 324, 328, 330. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 156; *Askenazy Sz.* Rosja — Polska. 1815–1830. Lwów, 1907. S. 51.
- 26 AGAD. Archiwum Zamojskich. BOZ 90. Sejmy 1818–1830. Z papierów Hr. St. Ordynata Zamojskiego. K. 188.
- 27 Mowa Najjaśniejszego Cesarza i króla miana przy otwarciu sejmie Królestwa Polskiego dnia 2 (15) września 1820. W Warszawie. [1820]. S. 4–8; «Orzeł biały». T. IX. № 11. 14.IX.1820. S. 83–87. См. также: *Bieliński J.* Żywot... S. 77; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 154.
- 28 Sejm... S. 60–61; «Orzeł biały». T. IX. № 12. 15.IX.1820. S. 93.
- 29 Sejm... S. 69, 71, 156–157.
- 30 Ibid. S. 17–18, 71, 99, 102, 105, 118, 145.
- 31 Ibid. S. 144–145.
- 32 Ibid. S. 145; *Obraz...* S. 17, 49, 117, 182–183. См. также: «Orzeł biały». T. IX. № 24. 29.IX.1820. S. 190–191; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 154–155.
- 33 AGAD. Archiwum Zamojskich. BOZ 90. K. 14, 89; Sejm... S. 180; Discours prononcé par Sa Majesté l'Empereur et Roi à la séance des deux chambres réunies à la cloture de la Diète le 13 Octobre 1820. P. 3–4. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 155.
- 34 *Więckowska H.* Op. cit. S. 177–178; *Łukasiński W.* Op. cit. S. 131; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 156–157.
- 35 «Orzeł biały». T. IX. № 2. 4.IX.1820. S. 9; T. IX. № 25. 30.IX.1820. S. 199; *Więckowska H.* Op. cit. S. 176–183; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich. T. 2. S. 203, 367; *Łukasiński W.* Op. cit. S. 67. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 159–160.
- 36 «Русская старина». СПб., 1905, март. С. 599–605; AGAD. KSN. 564. K. 446.

- 37 Niemcewicz J. U. Pamiętniki. 1809–1820. Т. II. S. 223, 236, 238; Беседы... С. 292, 294–297, 304–307; *Lukasiński W.* Op. cit. S. 66–68, 71, 73–76; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 133–136.
- 38 Беседы... С. 301, 304; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 136. Подробнее см.: *Фалькович С. М.* Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815–1830) // *Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej.* Warszawa, 2005. S. 93–122.
- 39 AGAD. KSN. 564. K. 430–440, 695; 565. K. 56, 84; 532. K. 65; 546. K. 130. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 160; *Więckowska H.* Op. cit. S. 172, 183–186.
- 40 AGAD. Policja tajna Wielkiego księcia Konstantego (далее РТК). 40а. K. 36, 38–39, 42–43, 45–46, 98, 107, 116.
- 41 Sejm... S. 44, 156, 188, 264–265, 269–270; AGAD. KSN. 565. K. 404, 414–416. См. также: *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski... S. 706–707, 848.
- 42 AGAD. РТК. 40а. K. 1, 4, 19, 23, 38, 43–44, 47–48, 50, 52–53, 64.
- 43 Ibid. K. 6–7, 18, 88, 102–103; «Orzeł biały». Т. I. № 2. 4.I.1820. S. 31; Т. II. № 4. 8.II.1820. S. 80; Т. II. № 6. 12.II.1820. S. 106.
- 44 AGAD. РТК. 40а. K. 22, 24, 28, 78, 82–85, 91; «Orzeł biały». Т. I. № 9. 20.I.1820. S. 191–192; Т. III. № 11. 25.III.1820. S. 209–210; Т. IV. № 9. 19.IV.1820. S. 150–154; Т. IX. № 19. 23.IX.1820. S. 152; *Skarbek F.* Op. cit. S. 71; Беседы... С. 312–313.
- 45 AGAD. РТК. 40а. K. 26–27, 34, 36, 38, 42, 96.
- 46 Ibid. K. 72–74.
- 47 Ibid. K. 21, 77, 109; KSN. 579. K. 61–63.
- 48 AGAD. РТК. 40а. K. 6–7, 26–27, 68–69.
- 49 Ibid. 35. K. 100, 102; KSN. 823. K. 468–469. См. также: *Szpotkański S.* Maurycy Mochnacki. Kraków, 1910. S. 7–8.
- 50 AGAD. РТК. 40а. K. 38.
- 51 Ibid. K. 104–108, 43.
- 52 Ibid. K. 45–52, 64.
- 53 Ibid. K. 1, 6, 18, 76, 108–109; *Skowronek J.* Młodzież polska i jej organizacje w ruchu narodowym 1795–1864. Warszawa, 1994. S. 41.
- 54 AGAD. KSN. 546. K. 1–4, 8, 18, 20, 25, 27–33, 45, 70, 75–76, 107, 123–127, 129–131; 823. K. 19–44, 64, 83, 358, 434, 449, 456. См. также: *Skowronek J.* Op. cit. S. 48–51.
- 55 AGAD. KSN. 546. K. 117–123; 823. K. 14–17; *Szpotkański S.* Op. cit. S. 7.
- 56 AGAD. KSN. 583. K. 2–3, 6, 8, 10, 17–18, 27–28.
- 57 Ibid. 564. K. 9, 11, 26–27; 546. K. 111–117; 532. K. 28.
- 58 Ibid. 823. K. 576.
- 59 Ibid. 546. K. 12–13, 23, 25, 27–33, 45, 70, 76; 532. K. 61–64; 583. K. 8, 11, 25; 823. K. 6–9, 17–19, 72–73, 75, 80.
- 60 Ibid. 583. K. 24–25, 202–205; 564. K. 1, 678. См. также: *Skowronek J.* Op. cit. S. 48.
- 61 AGAD. KSN. 564. K. 580, 672, 694.
- 62 Ibid. K. 29, 31, 36, 40–44.
- 63 Ibid. K. 16, 22–24, 29–31, 73–74.
- 64 Ibid. K. 72–74, 398–400, 404–405, 441–446.
- 65 Ibid. K. 165.
- 66 Ibid. K. 166–194.

- 67 Ibid. K. 280, 284–286, 442–444.
- 68 Ibid. K. 52–54.
- 69 Ibid. K. 48.
- 70 Ibid. 583. K. 185–192.
- 71 Ibid. K. 194–200.
- 72 Ibid. 564. K. 1–3, 74, 81–82, 672, 687–688, 760–767.
- 73 Ibid. 532. K. 10–11, 15, 26–27; 583. K. 190; 565. K. 51.
- 74 Ibid. 564. K. 1–3, 15–16; 565. K. 51–56.
- 75 Ibid. 564. K. 701, 746–750, 755–756.
- 76 Ibid. K. 675–678.
- 77 Ibid. K. 22–24; 546. K. 11.
- 78 AGAD. PTK. 40a. K. 111–126; KSN. 564. K. 675–676; 565. K. 154.
- 79 AGAD. KSN. 565. K. 1, 4–15, 26, 34, 105, 107, 125–126, 255; 564. K. 687–688.
- 80 Ibid. 565. K. 23–24, 27–31, 109–110.
- 81 Ibid. 823. K. 456–457; 546. K. 122–123; 565. K. 45–46, 61–63, 88–89, 194, 204, 208–209; 583. K. 25.
- 82 Ibid. 583. K. 25; 565. K. 107–109, 114–116, 165, 169; 564. K. 688–689.
- 83 Ibid. 565. K. 231.
- 84 *Lukasiński W.* Op. cit. S. 7, 9–11, 80–85; Wyjątki z protokołów i piśm własnoręcznych, w których objęte są zeznania pułkownika Krzyżanowskiego, senatora kasztelana Hrabi Sołtyka, urzędnika komissariatu Zabłockiego, byłego referendarza w Radzie Stanu Grzymały, sekretarza utrzymującego protokół w Ogólnym Zgromadzeniu Rady Stanu Plichy i byłego referendarza w Radzie Stanu Hrabi Romana Załuskiego, dekretem królewskim z dnia 7/19 kwietnia 1827 roku pod Sąd Sejmowy oddanych, o zbrodnię stanu oskarżonych, tudzież zeznania innych osób przedmiot sprawy wyjaśniające, które w takim porządku, jak w summariuszu powołanymi zostały, odczytanymi będą na publicznym posłuchaniu Sądu Sejmowego celem udowodnienia czynów i okoliczności w akcie oskarżenia wymienionych. Cz. I. O Wolnomularstwie Narodowym i Towarzystwie Patryotycznym oraz o przestępczości ich celów. S. 1–9, 11–12, 14–16, 18–20. Досье было подготовлено 8 января 1828 г. в Варшаве Антонием Вычеховским, государственным советником, исполняющим обязанности генерального прокурора при Сеймовом суде.
- 85 Wyjątki... Cz. I. S. 11–12, 53; *Lukasiński W.* Op. cit. S. 11, 69, 80–85.
- 86 Wyjątki... Cz. I. S. 10–11, 13, 36–37.
- 87 Ibid. S. 20–23, 29, 31, 53–54. См. также: *Łojek J.* Opinia publiczna a geneza Powstania Listopadowego. Warszawa, 1982. S. 49.
- 88 Wyjątki... Cz. I. S. 58–61; *Łojek J.* Op. cit. S. 47.
- 89 Wyjątki... Cz. I. S. 52, 54–57, 61; *Dyłałowa H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy. 1821–1829. Warszawa, 1970. S. 116–117.
- 90 *Lukasiński W.* Op. cit. S. 70–71, 74–75; Wyjątki... Cz. I. S. 8–9, 50, 61.
- 91 Sejm... S. 18, 20; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 159; *Więckowska H.* Op. cit. S. 13, 186–194.
- 92 Obraz... S. 18–20, 70, 210, 229.
- 93 Sejm... S. 19, 181, 194–196, 216–219.
- 94 Sejm... S. 187–189, 191–193, 252–253.
- 95 Ibid. S. 181–183.
- 96 Obraz... S. 50; AGAD. Archiwum Zamojskich. BOZ 90. K. 206–208.

- 97 *Obraz...* S. 267; *Sejm...* S. 181–182, 250. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 160, 181–182.
- 98 *Lukasiński W.* Op. cit. S. 7–8; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. 1770–1861. Warszawa, 1994. S. 215, 264.
- 99 *Obraz...* S. 124–125; *Sejm...* S. 185, 215–216, 252.
- 100 *Sejm...* S. 200–201; AGAD. Archiwum Zamojskich. BOZ 90. K. 227.
- 101 *Kozłowski W.* Op. cit. S. 160–161.
- 102 *Ibid.* S. 195. См также: *Łojek J.* Op. cit. S. 69–71, 77–78, 141.
- 103 *Wyjątki...* Cz. II. Czynności osób, oddanych pod Sąd Sejmowy. Dział 2: Czynności Senatora Kasztelana Hrabi Sołtyka. S. 1–14; Dział 6: Czynności byłego referendarza Grzymały. S. 5–7; Dział 7: Czynności sekretarza utrzymującego protokół w Ogólnym Zgromadzeniu Rady Stanu Plichty. S. 8, 10; Dział 8: Czynności Romana Hrabi Załuskiego byłego referendarza. S. 1–2, 4.
- 104 *Ibid.*, Dział 1: Czynności Seweryna Krzyżanowskiego Podpułkownika Pułku Strzelców konnych Gwardii Królestwa Polskiego. S. 53–54, 57–63; Dział 2. S. 20–22; Dział 3: Czynności Franciszka Majewskiego kapitana Pułku Ułanów Polskich Jego Królewiczowskiej Mości Księcia Oranij 1. S. 2–4, 6, 11–13, 24, 29; Dział 7. S. 11–12.
- 105 *Ibid.*, Dział 1. S. 64–66; Dział 3. S. 26, 38.
- 106 *Ibid.*, Dział 1. S. 3–16, 37. О сношениях Патриотического общества с декабристами см. также: *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; *Missalowa G.* W sprawie stosunków Towarzystwa Patriotycznego Polskiego z dekabrystami. Łódź, 1958. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne. Seria 1. Zeszyt 11. 1958.
- 107 *Wyjątki...* Cz. II. Dział 1. S. 17–19, 22, 24–27; *Łojek J.* Op. cit. S. 52.
- 108 *Wyjątki...* Cz. II. Dział 1. S. 20–21.
- 109 *Ibid.* S. 29–30.
- 110 *Ibid.* S. 32–33, 35, 37, 41–43, 67, 73.
- 111 *Ibid.* S. 35–37, 43–47, 49, 64–66; Dział 6. S. 10–11. См. также: *Kozłowski W.* Op. cit. S. 161–162.
- 112 *Wyjątki...* Cz. II. Dział 1. S. 49–50, 65, 67–68.
- 113 *Ibid.* S. 58; Dział 3. S. 19–21, 24–25; Dział 7. S. 14.
- 114 Цит. по: *Łojek J.* Op. cit. S. 84–90, 94–101.
- 115 *Ibid.* S. 101; AGAD. PTK. 38. K. 14, 20, 22; 33. K. 36; 36. K. 206; 37. K. 241; KSN. 532. K. 69.
- 116 *Łojek J.* Op. cit. S. 104–107, 114–115; *Obraz...* S. 290. О Сеймовом суде см. также: *Dyłałowa H.* Op. cit.
- 117 *Łojek J.* Op. cit. S. 122; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 164, 168; AGAD. PTK. 33. K. 39, 272, 276, 279; 35. K. 49.
- 118 *Głos Jaśnie Wielmożnego Hrabi Bielińskiego, senatora, wojewody, prezesa Sądu Sejmowego Królestwa Polskiego dnia 10 mca kwietnia 1828 r. miany.* Warszawa, 1828. См. также: *Łojek J.* Op. cit. S. 154–155; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 164–167; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 255–256.
- 119 AGAD. PTK. 33. K. 277; 35. K. 86, 89, 91, 121, 123–124, 127–128; *Łojek J.* Op. cit. S. 159–160; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 164; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 259–260.

- 120 *Łojek J.* Op. cit. S. 160–161, 167–169; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 164–165, 167–168.
- 121 *Łojek J.* Op. cit. S. 131–134; *Skowronek J.* Młodzież... S. 57; AGAD. PTK. 37. K. 146–147, 210–211, 215; 33. K. 10, 137.
- 122 AGAD. PTK. 36. K. 231, 249; 35. K. 30; 37. K. 27, 88; 33. K. 229–230; 38. K. 8, 18, 22, 23; KSN. 532. K. 65–68.
- 123 AGAD. KSN. 565. K. 239.
- 124 Ibid. 564. K. 64, 690; PTK. 35. K. 31; 36. K. 280.
- 125 AGAD. PTK. 37. K. 50, 81, 194; 35. K. 100, 229.
- 126 Ibid. 33. K. 233, 248; 35. K. 79, 84, 217; 36. K. 94, 117–118, 164. См. также: *Łojek J.* Op. cit. S. 140, 143.
- 127 AGAD. PTK. 36. K. 99; 37. K. 212.
- 128 Ibid. 35. K. 167, 169, 178, 184, 194, 197; 36. K. 78; *Łojek J.* Op. cit. S. 144–147; *Kozłowski W.* Op. cit. S. 169, 171–172. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша // «Русская старина». 1900, март. С. 531–536; *Он же.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997. С. 208–210, 412.
- 129 AGAD. PTK. 37. K. 173–176.
- 130 А. Краусхар сомневался, что во всех источниках, где упоминается фамилия «Смагловский», речь идет об одном и том же лице, поскольку, наряду с братьями Богуславом и Винцентьем Смагловскими, существовал также и ксендз Смагловский. Историк предполагал, что сведения 1823 и 1826–1827 гг. относятся к Богуславу, а в деле о покушении на великого князя в 1829 г. замешан Винцентый (*Kraushar A.* Spisek koronacyjny z r. 1829 w świetle prawdy historycznej. Kraków, 1909. S. 5–8, 12–13, 15–16, 19–21, 24–25, 27, 29–35, 39, 58, 62). См. также: *Bieliński J.* Żywot... S. 80; *Łojek J.* Op. cit. S. 178–181.
- 131 AGAD. III 85. Zbiór Branickich z Suchej. 56/72. Protokoły Sejmu 1830 г. (далее Protokoły). S. 887, 891–895, 911–917, 924, 935, 939, 958–963, 965–967, 972–982; Sejm... S. 281–299, 301–302, 399.
- 132 Sejm... S. 270–271.
- 133 Ibid. S. 261–265, 268–270.
- 134 AGAD. Protokoły... S. 850, 853–857, 868–872; Sejm... S. 273–274, 332–333, 403–404.
- 135 AGAD. Protokoły. S. 983–984, 986–987; Obraz... S. 290; Sejm... S. 402.
- 136 AGAD. Protokoły. S. 318–319, 361–363, 394–396, 468, 487, 491, 498, 552–553, 557, 710, 795, 1026–1031. См. также: *Фалькович С. М.* Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Т. 14. Владимир; Москва, 2006. С. 326–336.
- 137 AGAD. Protokoły. S. 22–24, 1275–1282, 1284–1290, 1295–1348, 1351–1353; Dodatki I–IV, VI–XI. S. I–IX, XII–XIX; Archiwum Zamojskich. BOZ 90. K. 290–293. См. также: *Фалькович С. М.* Вопрос об отношениях... С. 335–336; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 252, 267–268.
- 138 Sejm... S. 22; AGAD. Archiwum Ostrowskich z Ujazdu. 144. Pamiętniki Antoniego Ostrowskiego z r. 1830. K. 273–274.
- 139 AGAD. PTK. 37. K. 68–69, 75, 213.
- 140 Ibid. K. 202, 206, 208, 240.
- 141 Ibid. 36. K. 81, 243, 246; 37. K. 74; 38. K. 18, 20; KSN. 532. K. 65–66.

- 142 AGAD. PTK. 33. K. 272; 35. K. 107; 36. K. 18, 23; 40a. K. 94, 106–107.
- 143 Ibid. 35. K. 52, 184; 37. K. 163, 229; KSN. 565. K. 51–58, 61–62; 583. K. 189; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 269,
- 144 AGAD. PTK. 37. K. 265–268; *Łojek J.* Op. cit. S. 291.
- 145 AGAD. PTK. 37. K. 265; *Łojek J.* Op. cit. S. 202–203; *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 270–271.
- 146 *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 261, 271; *Łojek J.* Op. cit. S. 202–203.
- 147 *Łojek J.* Op. cit. S. 205, 220, 222, 232–234.
- 148 *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki z 1830–1831 roku. Kraków, 1909. S. 40; *Mochnicki M.* Pisma krytyczne i polityczne. T. II. Kraków, 1996. S. 11, 14, 17–18, 36; *Szpotkański S.* Op. cit. S. 7, 10–19, 36; Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII — 60-е гг. XIX в. М., 1984. С. 187–188, 195.
- 149 *Szpotkański S.* Op. cit. S. 45–46; *Łojek J.* Op. cit. S. 217–218, 221–222.
- 150 *Łojek J.* Op. cit. S. 218–219, 229–230, 233–234.

ГЛАВА 6.

Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830)

1. ПРОСВЕЩЕНИЕ, НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР (от Речи Посполитой к Королевству Польскому)

В эпоху Просвещения во многих европейских странах сложились предпосылки для проведения преобразований в области организации научной и культурной жизни, возникновения системы образования, отвечавшей требованиям Нового времени, создания профессиональных кадров литераторов, журналистов, художников, музыкантов, наполнения литературы и искусства национальным содержанием. Этот процесс, занявший несколько десятилетий, стал активно развиваться в Польше в период правления последнего польского короля Станислава Августа Понятовского (1764–1795 гг.).

При Станиславе Августе в Речи Посполитой была реформирована система образования. До 1773 г. средние учебные заведения являлись в основном шляхетскими и состояли в ведении монашеских орденов — иезуитов, пиаров и др. Низших, приходских школ, предназначенных для обучения крестьянского и мещанского населения, в стране насчитывалось очень мало. Краковский университет находился в упадке. Шляхта презирала его, считая плебейским учреждением, сами же «плебеи» не могли туда попасть. Хотя произошли некоторые изменения в сфере среднего и высшего образования в результате введения в учебные программы пиарских и иезуитских школ естественных дисциплин и современных европейских языков, а также создания в 1765 г. первого светского учебного заведения для шляхтичей — Кадетского корпуса, этих мер оказалось явно недостаточно. С целью реформирования всей системы просвещения в 1773 г. было создано специальное министерство — Эдукационная комиссия, располагавшая большими денежными фондами, оставшимися после упразднения Ордена иезуитов. К 1783 г. в стране уже существовала централизованная

система образования, подчиненная государству. Она состояла из четырех ступеней, включая школы приходские, средние — повятовые и воеводские, и главные школы, или университеты, в Кракове и Вильно. Университетской реформой руководил выдающийся польский культурный и политический деятель Г. Коллонтай, первый ректор реформированного Краковского университета. Языком преподавания в учебных заведениях вместо латыни отныне стал польский язык. Создание семинарий, готовивших учителей для средних и приходских школ, способствовало тому, что к концу деятельности Эдукационной комиссии большинство преподавателей в учебных заведениях были не духовными, а светскими людьми¹.

Усилия короля и его окружения были направлены на борьбу с идеологией «сарматизма». Эта идеология магнатско-шляхетского общества, сформировавшаяся во второй половине XVII — первой половине XVIII в., предусматривала культ давних политических, военных и культурных обычаев и противопоставляла Польшу другим европейским государствам². В 1765 г. был основан первый общественно-политический журнал «Монитор», выходящий под редакцией талантливейших публицистов станиславовской эпохи — Ф. Богомольца и И. Красицкого. В журнале печатались оригинальные и переводные работы политического, литературного и научного характера. Статьи были направлены как против идей «сарматизма», так и против политически необоснованных и чрезмерных заимствований у Запада.

Для объединения вокруг себя прогрессивных сил Станислав Август организовал в Королевском замке литературно-научные собрания, которые проходили по четвергам. На них приглашались представители аристократии, писатели, ученые. Неофициальным органом этих собраний являлся литературный журнал «Приятные и полезные развлечения» (1770–1777 гг.), первоначально издававшийся известным историком Я. Альбертранди, а затем видным поэтом и историком А. Нарушевичем³.

В эпоху Просвещения в Польше главенствующие позиции в литературе завоевал классицизм, хотя еще оставалось сильным влияние сарматского барокко. Поэт В. Жевуский впервые сформулировал основы классицизма в поэме «О науке стихосложения» (1762 г.), в которой доказывал, что поэты должны подражать античным образцам — Вергилию и Горацию, т. е. соблюдать принцип согласия с природой, гармонией и красотой. Ф. К. Дмоховский, переработав в 1788 г. трактат Н. Буало «Поэтическое искусство», утвердил в польской литературе иерархию классических жанров. К высшим из них относились эпопея, трагедия, ода, к низшим — комедия и сатира. Для поэтов и писателей классического направления было свойственно частое обращение к сатирическому жанру. В одах и баснях нередко высмеивалась отсталость консервативно настроенной шляхты. Это нашло отражение в произведениях А. Нарушевича, Т. К. Венгерского, С. Трембецкого, И. Красицкого. Красицкий — самый знаменитый поэт и писатель польского Просвещения — явился автором первого польского современного романа. В «Приключениях Миколая Досьвядчиньского» (1776 г.) он соединил три вида романа эпохи Просвещения: жанрово-сатирический, приключенческий и социально-утопический. В 1778 г. вышла первая часть нового романа Красицкого «Пан подстолий», герой которого обладал все-

ми добродетелями образцового шляхтича. В романе «История», опубликованном в 1779 г., автор воплотил фантастический замысел путешествия во времени. Для Красицкого и других классиков была также характерна патриотическая тематика: она присутствовала у Ю. Выбицкого («Патриотические письма», 1777–1778 гг.), С. Трембецкого («К моим соотечественникам», 1789 г.), И. Красицкого («Гимн любви к родине», 1774 г.)⁴.

На рубеже 1770-х — 1780-х гг. возникли конкурирующие с классицизмом литературные течения. В польской литературе появился придворный жанр рококо, отличавшийся утонченной изысканностью стиля. Ю. Шимановский в «Письмах о вкусе» (1779 г.) противопоставлял нормам классицизма специфическую теорию о художественном вкусе, обладающем тремя свойствами — «чувствительностью», «тонкостью» и «меткостью». Наряду с рококо как антипод классицизма развивался сентиментализм, берущий свои истоки в философской концепции Ж. Ж. Руссо о необходимости возвращения человека назад к природе. Представителями сентиментализма в Польше были придворные поэты князя А. К. Чарторьского — Ф. Князьнин и Ф. Карпиньский. В своих произведениях они воспевали военные подвиги и обычаи предков. Иногда сентименталисты обращались к польской народной поэзии, чтобы почерпнуть из нее бытовые обычаи и средства языковой стилизации⁵.

Средством воздействия на умы еще более результативным, чем литература, призван был стать театр. В 1765 г. по инициативе короля в Варшаве был основан Национальный театр. В его репертуаре находились как драматические, так и оперные спектакли, но ведущее место заняла комедия нравов. В соответствии с принятыми традициями, на сцене ставились в основном не оригинальные произведения, а переводные версии или переработки пьес известных европейских авторов: Детуша, Мерсье, Реньяра и др. При этом действие переносилось на польскую территорию, а героям давались польские имена.

Наступление на традиционную идеологию открыла пьеса Ф. Богомольца «Замужество по календарю» (1766 г.), в которой старый шляхтич с говорящей фамилией Старушкевич, одетый в старопольский кунтуш, планировал свадьбу своей дочери исходя из календарных примет. Линия высмеивания консерватизма шляхты, ее нежелания идти в ногу со временем была продолжена в других произведениях Богомольца, а также в пьесах Ф. Заблоцкого («Сарматизм» и др.). «Нападение на кунтуш» вызывало сопротивление и отпор определенных кругов польского общества, с чем были вынуждены считаться сторонники реформ. Однако изменение акцента театральных произведений в начале 80-х гг. XVIII в. было связано не только с давлением сарматской реакции, но и с новыми веяниями в обществе.

Теперь сатирическая критика в основном направлялась против чрезмерного увлечения иностранщиной, слепого подражания западной моде («Пристыженный фрачишко» анонимного автора, «Ухаживания щеголя» Заблоцкого). Во время Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. в литературе и на театральной сцене наблюдалось стремление к примирению старых и новых тенденций в польской культуре. Выражением этого явления стала комедия Ю. У. Немцевича «Возвращение посла» (1790 г.). Герой произведения Валерий одет в старопольский кунтуш, однако положительно относится к реформам, проводимым сеймом⁶.

Во второй половине 1770-х — 1780-е гг. развиваются новые жанры — мещанская драма и, в особенности, национальная комическая опера. Становление этого последнего жанра связано с именем талантливого актера и переводчика, «отца» польского Национального театра — В. Богуславского, который возглавлял его в 1799–1814 гг. В 1778 г. на варшавской сцене была поставлена первая польская комическая опера на либретто Ф. Богомольца, переработанное Богуславским, «Осчастливленная нищета». В основе ее лежал классический сюжет эпохи Просвещения о преодолении влюбленными преград на пути к своему счастью. Этот спектакль стал творческим дебютом Богуславского и как актера, а 1 марта 1794 г., в преддверии восстания Т. Костюшко, после поражения которого Речь Посполитая была окончательно разделена и перестала существовать, Национальный театр поставил самую знаменитую комическую оперу на либретто Богуславского — «Мнимое чудо, или краковяне и горцы». В конфликте мирных краковян и коварных карпатских «гуралей» польское общество видело намек на актуальную внешнеполитическую ситуацию — козни соседних держав против Речи Посполитой⁷.

Таким образом, в станиславовский период были заложены предпосылки для плодотворного развития просвещения и культуры, создана система светского образования, возник национальный театр, активно развивалась литература и журналистика. Но разделы Речи Посполитой замедлили процесс формирования польской национальной культуры, вызвали закрытие ряда центров науки, литературы и искусства, способствовали распылению научной и культурной элиты. Тем не менее, уже к началу XIX в. наблюдаются тенденции к консолидации научных и творческих сил Польши. В 1800 г. по инициативе С. Солтыка — участника восстания Т. Костюшко и одного из первых организаторов польских легионов — в Варшаве, оказавшейся в той части польской территории, которая попала под власть Пруссии, было образовано Общество друзей наук, его председателем стал Я. Альбертранди. В деятельности Общества принимали участие на правах его членов ученые, учителя, врачи, представители аристократии и богатой шляхты. Одной из главных целей этой организации были старания о поддержании чистоты польского языка и сохранении его в качестве языка преподавания в польских школах⁸. Общество позаботилось об организации в Варшаве учебного заведения, стоявшего по своему уровню выше обычных средних школ. Попыткой примирить немецкую и польскую учебную систему призван был стать Варшавский лицей, открытый в 1804 г. Наряду с преподаванием древних и современных языков, широко практиковавшимся в немецких гимназиях, большое значение также придавалось обучению точным наукам, в соответствии с давними предписаниями Эдукационной комиссии. Лицей находился под управлением комиссии, назначавшейся из числа членов Общества друзей наук. Его директором стал известный польский филолог С. Б. Линде⁹.

Бóльшие перспективы для развития просвещения и культуры открылись после образования в 1807 г. Княжества Варшавского. Вопросами просвещения стала заниматься Эдукационная палата под председательством С. К. Потоцкого, продолжавшая традиции Эдукационной комиссии Речи Посполитой. Палата заботилась о развитии в стране средних и начальных школ. С присоединением к Княжеству в 1809 г. Краковского воеводства Польша вновь

получила возможность обучать молодежь в Ягеллонском университете. В целях подготовки профессиональных кадров для важнейших отраслей государственной экономики и администрации был открыт ряд высших специальных учебных заведений — Юридическая и Медицинская школы, школа Артиллерии и инженерии¹⁰. Происходило дальнейшее развитие гуманитарной науки: в годы существования Княжества появился ряд фундаментальных обобщающих работ по литературе и языкознанию. В 1807–1815 гг. вышел 6-томный «Словарь польского языка» С. Б. Линде. В 1814 г. увидела свет «История польской литературы» Ф. Бентковского, в которой были собраны библиографические данные о вышедших в Польше литературных произведениях¹¹.

Новый подъем научной и культурной жизни поляков и превращение Варшавы в ее центр были связаны с образованием в 1815 г. автономного Королевства Польского. Одной из пяти комиссий (министерств) в составе польского правительства — Административного совета стала Правительственная комиссия вероисповеданий и общественного просвещения, которую, в соответствии с традицией Княжества Варшавского, возглавил С. К. Потоцкий.

В числе первых проектов, разработанных Правительственной комиссией, находился проект открытия в Варшаве университета (Академии), утвержденный Александром I в ноябре 1816 г. Помимо факультета права и администрации и медицинского факультета, созданных на базе существовавших высших школ, при университете было образовано еще три факультета — теологический, философский и факультет наук и изящных искусств. Преподавание велось на польском языке, за исключением почти всех теологических и филологических дисциплин, отдельных предметов из области медицины и частично римского права. Срок обучения в университете составлял 3 года (на медицинском факультете 4 года, затем он был увеличен до 5 лет)¹².

Создание университета сделало высшее образование доступным для широких слоев польского общества. Для поступления на некоторые факультеты и изучения отдельных дисциплин не требовалось даже свидетельства о получении среднего образования. Так, например, свидетельство об окончании воеводской школы было необязательным для лиц, желавших обучаться фармацевтике и фельдшерскому делу, художественным специальностям и богословию¹³.

В университете преподавало немало известных ученых и писателей. Декан факультета наук и изящных искусств Ф. Бентковский читал лекции по всеобщей истории и теории исторической науки. Он был инициатором организации первого в Польше исторического семинара и сам руководил его заседаниями. В 1820–1821 гг. выдающийся польский историк И. Лелевель читал лекции по истории и библиографии. Курс всеобщей литературы преподавал один из известных варшавских «классиков», директор Национального театра Л. Осиньский, а преподавателем польской литературы являлся знаменитый поэт К. Бродзиньский. В своих лекциях он рассматривал развитие отечественной литературы как проявление жизни и цивилизации народа.

Факультет права и администрации возглавил Я. В. Бандтке, выдающийся юрист, автор многочисленных трудов по юриспруденции. До середины 1818 г. административные науки преподавал Д. Крысиньский, затем на его место пришел талантливый экономист граф Ф. Скарбек. Это был

первый случай занятия профессорской должности титулованной особой. С 1819 г. на факультете права и администрации начал работать В. А. Мацеёвский, ученик Бандтке, впоследствии ставший известным ученым. Историю права читал Р. Губе. В своих лекциях ученый впервые обращался к истории не только римского, но и западноевропейского права в Средние века и Новое время. Во главе медицинского факультета стоял знаменитый ученый Я. Миле, сделавший открытия в области офтальмологии, физиологии, хирургии, гинекологии. На кафедре фармацевтики преподавал Ю. Целинский, лучший варшавский специалист в данной области¹⁴.

В первоначальные планы наместника Королевства Польского Ю. Зайончека входило введение в польских учебных заведениях преподавания русского языка, но они не были в полной мере осуществлены. Созданная в университете специально для знаменитого слависта С. Б. Линде кафедра славянских диалектов так никогда и не была занята. Линде отговаривался нехваткой времени из-за занятий в Варшавском лицее, на самом же деле он был оскорблен тем, что не был избран ректором университета, а назначен всего лишь директором университетской библиотеки. Учителем русского языка и литературы в университете стал преподаватель лицея К. Вербуш, являвшийся также частным учителем Павла Александра, внебрачного сына великого князя Константина — брата царя, главнокомандующего польской армией. Не будучи талантливым педагогом, Вербуш не смог привить своим ученикам интереса к изучению русского языка. В 1825 г. с целью совершенствования знаний для получения места на кафедре славянских диалектов за границу был направлен магистр А. Кухарский. За рубежом и в России он собрал ценные материалы по славистике, завязал знакомство с М. П. Погодиным и П. М. Строевым. Однако Кухарский так и не приступил к преподавательской деятельности из-за организационных проблем, а после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Варшавский университет был закрыт¹⁵.

За все время существования университета наибольшей популярностью пользовался факультет администрации и права, на котором училось более половины студентов. Страна нуждалась в образованных юристах, поэтому для занятия какой-либо государственной должности требовалось свидетельство о получении степени магистра.

Варшавский университет давал молодежи неплохую подготовку: по уровню обучения он превосходил краковский Ягеллонский университет, но уступал университету в Вильно, в котором было сосредоточено много талантливых профессоров. Кроме того, фонды университета и жалованье профессоров в Варшаве были значительно ниже, чем в Вильно, где куратором учебного округа был А. Е. Чарторыский¹⁶.

Наряду с Главной школой, как называли университет, в стране создавались также высшие технические и сельскохозяйственные школы. В 1816 г. в Кельце по инициативе правительства была организована Горная школа с трехлетним курсом обучения. В 1818 г. в Варшаве под патронатом Правительственной комиссии доходов и казны открылось двухгодичное Лесное училище. Спустя два года в столице был основан Агрономический институт¹⁷.

Большую роль в решении культурно-образовательных вопросов в первые годы существования Королевства Польского сыграл министр просве-

щения С. К. Потоцкий. Видный государственный и политический деятель, ученый, писатель, теоретик искусства, Потоцкий был автором многих планов в области образования, в том числе вместе со С. Сташицем разработал план создания Варшавского университета. Осуждая невежество части католического духовенства, его претензии в культурно-образовательной сфере, министр, подражая французским республиканцам, поместил в польской прессе ряд фельетонов, направленных против служителей церкви. Итогом этой полемики стал напечатанный в 1820 г. роман Потоцкого под названием «Путешествие в Темноград». Недовольные критикой польские епископы во главе с Я. П. Вороничем обратились с жалобами к Александру I, что привело к отставке министра.

Коллегой и помощником Потоцкого был член Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, государственный советник С. Сташиц. Придавая большое значение природно-естественным наукам, он был инициатором создания в университете ряда технических кафедр, организатором Горной школы. Сташиц заботился о развитии начальных учебных заведений¹⁸.

В 1815–1830 гг. продолжило свою деятельность Общество друзей наук. В это время его ряды пополнились преподавателями Варшавского университета. На заседаниях отделений точных и гуманитарных наук члены Общества знакомились с достижениями в данных областях науки в стране и за рубежом, а также представляли на суд коллег результаты собственных исследований. Большую роль играли проходившие дважды в год публичные заседания, которые пользовались огромной популярностью в среде университетской молодежи. В 1808–1826 гг. президентом Общества был С. Сташиц, после его смерти — Ю. У. Немцевич. Поскольку организация не располагала большими средствами, основной печатной продукцией, выпускавшейся Обществом, являлись «Ежегодники», сообщавшие о его текущей деятельности. Работы ученых, как правило, выходили в других изданиях. Крупными начинаниями Общества стали издание не вышедшего в свое время 1-го тома семитомной «Истории польского народа» А. Нарушевича, а также публикация текстов старопольского права, осуществленная Я. В. Бандтке¹⁹.

Помимо Общества друзей наук, в Варшаве возникли научные организации, специализировавшиеся в отдельных отраслях знания. В 1820 г. в столице начало работу Медицинское общество. Возобновило свою деятельность и Сельскохозяйственное общество, созданное еще в период Княжества Варшавского. По примеру столицы в других польских городах также стали появляться научные общества. В 1818 г. Общество друзей наук было основано в Люблине. В центре его внимания преимущественно находились вопросы, связанные с просвещением и образованием. В 1820 г. возникло Научное общество в Плоцке. Его участники занимались в основном археологической и исторической проблематикой²⁰.

В 1815–1830 гг. активно развивалась пресса. Благодаря отсутствию предварительной цензуры первые годы существования Королевства ознаменовались появлением новых политико-информационных и культурно-развлекательных периодических изданий. Одной из самых интересных политических газет стала «Газета цодзенна, народова и обца» («Ежеднев-

ная национальная и заграничная газета»), издававшаяся Б. Кицинским и Т. Моравским. Она выходила в Варшаве с 1 октября 1818 г. В газете помещались статьи о политической жизни в стране и за рубежом, перепечатывались заметки из европейских либеральных изданий. Много внимания уделялось вопросу о свободе печати, что было особенно актуально в связи с принятием в 1819 г. во Франции законопроекта о свободе прессы²¹.

1819 г. стал переломным и в истории свободной печати в Королевстве Польском. Вследствие критики «Ежедневной газетой» постановления городских властей, запрещавшего публично выражать эмоции в театре, ее типография была опечатана. На заседании Административного совета Королевства 22 мая 1819 г., вопреки возражениям министра вероисповеданий и общественного просвещения С. К. Потоцкого и министра внутренних дел и полиции Т. Мостовского, наместник Ю. Зайончек настоял на принятии решения о введении предварительной цензуры для всех периодических изданий²². Это решение был вынужден подписать и С. К. Потоцкий.

Чтобы уйти от цензурных преследований, Кицинский и Моравский решили издавать неперIODическое издание под названием «Хроника другой половины 1819 року» («Хроника второй половины 1819 года»). Первый том «Хроники» вышел в июне того же года и сразу привлек к себе внимание властей статьей «Сон Плутарха», где в аллегорической форме говорилось о злоупотреблениях администрации наместника. Следствием этого стал декрет Зайончека от 16 июля, согласно которому предварительной цензуре стали подвергаться не только периодические издания, но и вся печатная продукция, выходившая в Королевстве²³. Впрочем, эти меры считались временными, они не имели законной силы без санкции Александра I и утверждения на сейме проекта закона о свободе слова. Но император одобрил действия наместника. По мысли Александра, в проекте будущего закона должны были быть предусмотрены не только средства для борьбы с злоупотреблениями в печати, но и меры, направленные на предотвращение этих злоупотреблений²⁴.

Очередные ужесточения цензуры вновь были связаны с деятельностью Б. Кицинского и Т. Моравского, которые с сентября 1819 г. стали выпускать газету «Ожел бялый» («Белый орел»). В номерах, вышедших в конце 1819 — начале 1820 г., содержались статьи, направленные против генерала А. Рожнецкого, начальника тайной полиции, близкого к великому князю Константину. Это не могло уйти от внимания властей. Чтобы сделать более действенной работу варшавских цензоров, по предложению наместника Ю. Зайончека и царского комиссара при правительстве Королевства сенатора Н. Н. Новосильцева были разработаны проекты постановлений о разделении цензуры на политическую и неполитическую. Этот принцип также получил одобрение Александра I. По распоряжению Зайончека цензура всей периодики и тех неперIODических изданий, которые были признаны политическими, перешла в ведение генерального директора полиции А. Суминьского. Цензурный комитет во главе с Суминьским, начавший работу 25 апреля 1820 г., являлся для авторов и цензоров судом высшей инстанции. На местах цензурные вопросы решали воеводские комиссии²⁵.

По распоряжению Александра I второй статс-секретарь по иностранным делам И. А. Каподистрия разработал проект временного закона о цен-

зуре для Королевства Польского. Каподистрия предлагал разделить цензуру на предварительную и репрессивную и освободить от предварительной цензуры чисто литературные и научные издания. В соответствии с замечаниями польских министров правительственная делегация должна была выработать проект закона о свободе печати для обсуждения его на сейме в 1820 г.²⁶ Однако на сейме польское правительство отказалось от подобного шага, так как настроение общества, недовольного репрессивными мерами, не оставляло шансов на успех при голосовании законопроекта. Он не был принят и впоследствии. Цензура осуществлялась на основании декретов Зайончека от 22 мая и 16 июля 1819 г.

Обострение политической ситуации в Европе, а также выступление калишской оппозиции на сейме нашло отражение в изменении политического курса императора и в дальнейшем наступлении на свободу слова. Новосильцев не был удовлетворен работой Суминьского в качестве цензора, считал, что тот не проявил необходимого рвения. По предложению Новосильцева в 1822 г. цензура была вновь передана в ведение Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, которую после отставки либерального министра С.К.Потоцкого в 1820 г. возглавил С.Грабовский, отличавшийся консервативными воззрениями. Непосредственно во главе цензурного комитета стал Ю.К.Шанявский, пользовавшийся большим доверием Новосильцева²⁷. Основная деятельность комитета была нацелена на контроль за периодической печатью. Кроме периодических изданий и книг цензура распространилась также на литографическую продукцию, гравюры, картины и т. д.²⁸

В связи с учреждением цензуры политическая периодика значительно утратила остроту и стала пользоваться меньшей популярностью. По цензурным соображениям авторы статей скупно освещали происшествия внутри страны и почти ничего не писали о России. Основное внимание уделялось событиям, происходившим в Западной Европе. О них сообщала и либеральная печать, издававшаяся за границей. Она циркулировала в Королевстве, что вызывало большое недовольство Зайончека, Новосильцева и великого князя Константина Павловича, который, находясь в Варшаве в качестве главнокомандующего польской армией, вмешивался также в дела государственного управления, пользуясь своим высоким положением. 16 августа 1822 г. в Королевстве было запрещено распространение заграничной либеральной периодики. Это касалось французских, немецких и английских изданий, которые не допускались к распространению и в России. Таковыми являлись «Конститусьонель» («Конституционная» [газета]), «Мируар» («Зеркало»), «Фудр» («Молния»), «Курье франсе» («Французский курьер»), «Журналь де спектакль» («Театральная газета»), «Альгемайне цайтунг» («Всеобщая газета»), «Цайтунг фон унд фюр Дойчланд» («Немецкая газета для немцев»), «Неккар Цайтунг» («Неккарская газета»), «Нюрнбергер корреспондент» («Нюрнбергский корреспондент») и «Морнинг кроникл» («Утренняя хроника»)²⁹. Однако сам Константин Павлович, Зайончек и Новосильцев выписывали некоторые иностранные либеральные издания. Так, великий князь и Зайончек получали «Курье франсе», «Конститусьонель», «Журналь де Пари» («Парижскую газету») и «Альге-

майне цайтунг», Новосильцев — «Мируар», а в библиотеку Административного совета поступал «Пари монитёр» («Парижский монитор») ³⁰.

Следя за развитием событий в Европе, великий князь Константин и Новосильцев тщательно заботились о том, чтобы запрещенная зарубежная пресса не была известна в польском обществе. Их опасения были не напрасными. Зачастую либеральные периодические издания в небольших количествах нелегально ввозились через прусскую границу в Калишское воеводство и оттуда распространялись по всему краю. В этой связи позже, уже в 1829 г., большую тревогу Константина Павловича и Новосильцева вызвало разрешение Николая I варшавскому Обществу друзей наук выписывать из-за границы научные газеты. Новосильцев обращал внимание великого князя на то, что в ряде газет очень мало собственно научных статей, но главным образом в них говорится о политике. Кроме того, сенатор был уверен, что, несмотря на запрещение передавать эти газеты, кому-либо кроме членов Общества, они попадут широкому читателю. 2 (14) июля 1829 г. Константин Павлович писал брату, что Новосильцев изъясил из распространения два номера «Ревю британник» («Британского обозрения»), содержавшие «вещи [...] достойные порицания», и просил царя обдумать, «должно ли [...] Общество друзей наук в Варшаве продолжать пользоваться той возможностью, которая ему предоставлена». «К тому же, — писал он, — [...] это общество [...] не имеет, по моему мнению, никакой реальной полезности и, более того, оно составлено большей частью из людей, принципы которых очень далеки от того, чем они должны быть». Представления Новосильцева и великого князя были приняты Николаем I. Общество друзей наук больше не могло выписывать «псевдонаучных» периодических изданий, таких как «Ревю британник» и «Месаже де шамбр» («Парламентский вестник») ³¹.

Что же касается борьбы с польской «крамольной» прессой, то великий князь и Новосильцев в 1822 г. выдвигали различные проекты в соответствии с пожеланиями императора о слаженной работе российской и польской цензуры. Великий князь в письме от 24 ноября (6 декабря) 1822 г. предложил Александру I учредить в России цензуру на том же основании, что и в Польше. Он указывал, что в России цензура не столь строга, и вследствие этого польские газеты могут перепечатывать неподобающие статьи из русских, поскольку те выходят с разрешения цензуры. Цесаревич писал: то, что «в самих С.-Петербургских академических ведомостях помещаются иногда статьи предосудительные, распространяющиеся оттуда в другие российские газеты, заставляет меня предполагать, что надзор за газетами надлежит устроить на общих и постоянных правилах, служащих всем цензурам в неизменное руководство их действия» ³².

Впрочем, проект общего цензурного устава для России и Королевства Польского так и не был выработан. Согласованные действия велись в основном в отношении запрета иностранных либеральных изданий, а также книг, касавшихся истории и современного положения Польши, которые могли способствовать пробуждению патриотических чувств польских граждан, как, например, мемуары польского политического, общественного и культурного деятеля М. К. Огиньского. В 1825 г. министр вероисповеданий и общественного просвещения С. Грабовский выступил перед Александром I с предложением

нием, прямо противоположным предложению Константина Павловича: распространить цензурные правила, действовавшие в России, на Королевство Польское. Проект такого указа было поручено разработать Новосильцеву, однако он был готов уже после смерти Александра I, а Николай I сдержанно отнесся к этой инициативе³³. В связи со следствием по делу Патриотического общества, волновавшим польскую общественность, император не хотел принимать на себя ответственность за новые непопулярные шаги.

Пытаясь контролировать свободу печатного слова в Королевстве, польские власти приняли решение об издании правительственной газеты, которая освещала бы происходящие события с официальной точки зрения. В 1824–1828 гг. таким органом был «Монитор Варшавский». Нехватка финансовых средств из-за плохой раскупаемости газеты и бесплатной раздачи ряда экземпляров правительственным организациям и официальным лицам, а также конфликт между редактором газеты — директором правительственной типографии А. Т. Хлендовским и контролировавшим его Шанявским заставили правительство отказаться от издания «Монитора». Вместо него в 1829–1830 гг. под редакцией Хлендовского стал выходить «Повсехный дзенник краёвый» («Всеобщая национальная газета»). В целях возмещения средств, затрачивавшихся на ее издание, газета распространялась только по подписке. Кроме правительственной информации она содержала также сведения из области политики, торговли, культуры и науки. Однако это не увеличило популярность газеты. Чтобы спасти издание, по договору с правительством в конце июля 1829 г. оно было передано в аренду Хлендовскому сроком на 6 лет³⁴. Будучи талантливым литератором, человеком прогрессивных взглядов, интересовавшимся новыми течениями в литературе, знатоком иностранных языков, Хлендовский завязал отношения с варшавскими литераторами-романтиками. Благодаря ему «Дзенник», вокруг которого сгруппировались Л. Набеляк, Ю. Б. Островский, Е. Морачевский, превратился в печатный орган «бунтующей» молодежи. Правительство спокойно относилось к развернувшейся полемике между классиками и романтиками, не видя опасности в новом течении. Однако по иронии судьбы супруги А. Т. и Ц. Хлендовские, а также Л. Набеляк оказались «неблагонадежными»: они активно участвовали в подготовке Ноябрьского восстания 1830 г.³⁵

Установление цензуры, прежде всего сказавшееся на состоянии периодической печати, изменило ее содержание, однако не могло замедлить роста печатной продукции. Если до введения цензуры в Королевстве выходило 14 периодических изданий, то к моменту Ноябрьского восстания 1830 г. их было около 30³⁶. Наряду с литературными и научными, появились технические журналы, издания, посвященные проблемам организации промышленности и ведения сельского хозяйства, например «Изис Польская» («Польская Изида»), юридические и медицинские журналы, такие как «Паментник лекарский варшавский» («Варшавский врачебный дневник») или «Темис польская» («Польская Фемида»), а также периодические издания, касающиеся вопросов музыкального творчества, — «Тыгодник музичный» («Музыкальный еженедельник») и др.

Одновременно с наступлением на свободу слова шло наступление и в области просвещения. В 1821 г. был создан Комитет по реформе образо-

вания во главе с Новосильцевым. Комитет инициировал в 1823 г. возникновение Генеральной куратории, в обязанности которой входило следить, прежде всего, за обучением студентов в университете и в варшавских школах. В 1824 г. по предложению Шаняевского Правительственная комиссия вероисповеданий и общественного просвещения издала распоряжение, чтобы лекции по философии и естественному праву в университете отныне читались на латыни. По мнению Шаняевского, это уменьшило бы круг слушателей, интересующихся общественной проблематикой, и снизило опасность распространения вредных политических идей³⁷.

Ректор университета В. Швейковский, а также большинство профессоров пытались сопротивляться навязанной им системе тотального надзора. В 1829 г. в записке, адресованной Административному совету, ректор поставил вопрос о ликвидации института Генеральной куратории. Благодаря этому сопротивлению, а также нежеланию многих чиновников идти на поводу у Новосильцева и Шаняевского, крайние меры, исходившие в основном от этого последнего, по большей части не были реализованы. Так, Шаняевский предлагал разделить университет на несколько высших школ и перевести факультет права и администрации в какой-либо провинциальный город. Однако фактически был ликвидирован теологический факультет, так как он перешел под управление Главной духовной семинарии, которой заведовал архиепископ варшавский. Кроме того, по инициативе Шаняевского в 1826 г. был создан Педагогический институт, не подчинявшийся университету. Институт являлся интернатом со строгим внутренним распорядком, в соответствии с которым воспитанники могли читать только определенные книги. Шаняевский разработал также проект создания в качестве противовеса университету независимого Политехнического института, где можно было получить высшее техническое образование. Однако до начала восстания 1830 г. работа по организации такого учебного заведения еще не была завершена³⁸.

Предпринимались репрессивные меры и в области начального образования. При С. К. Потоцком в стране возросло число начальных школ. В 1820 г. в городах существовали 342 школы с 17708 учащимися, в деревнях — 880 школ с 19915 учениками. Помимо обычных начальных школ, в Королевстве Польском были школы немецких поселенцев, в которые иногда ходили дети польских крестьян. С целью вовлечения еврейского населения в систему образования Королевства в 1820 г. были открыты 4 еврейские начальные школы (3 в Варшаве и 1 в Седльце), позднее возникла школа в Любартове. Еврейские дети также посещали и некоторые обычные начальные школы. По примеру Пруссии еще в 1808 г. в польских городах и деревнях были образованы так называемые школьные общества, в которые входили как лица, имеющие детей, так и бездетные. В зависимости от доходов они делились на 4 категории и в складчину вносили сумму, из которой оплачивались содержание школы и жалованье учителя³⁹.

При С. Грабовском число начальных школ в деревнях, особенно в шляхетских владениях, существенно сократилось. Это было связано с противодействием консервативно настроенной шляхты и распоряжениями наместника от 16 июля и 13 августа 1821 г. о запрете использования административного принуждения при сборе денег на содержание началь-

ных учебных заведений. На прежнем уровне осталось только количество начальных школ в городах, в Варшаве и других промышленных центрах численность школ даже возросла. В 1830 г. в Королевстве насчитывалось 412 городских и 329 сельских школ, на которые в общей сложности приходилось 31592 ученика⁴⁰.

Консервативная политика правительства в области просвещения и цензурные ограничения не могли помешать всестороннему развитию польской литературы. В литературе периода автономного Королевства Польского стремление к национальной самобытности получило наиболее полное выражение, продолжив линию, отмеченную еще в конце XVIII — начале XIX в., когда одним из важных аспектов творчества поэтов и писателей стало обращение к образам героического прошлого Речи Посполитой. Епископ и будущий примас Королевства Польского Я. П. Воронич был автором поэм об истории польского народа и патриотическо-религиозных произведений. Идеей о будущем воскрешении Польши проникнуты его «Святыня Сибиллы» (1801 г.) и «Гимн Богу» (1805 г.). Еще в начале XIX в. Я. П. Воронич постулировал перед Обществом друзей наук необходимость создания национальной литературы⁴¹.

Богатым и разнообразным было творческое наследие Ю. У. Немцевича. Особой популярностью пользовались его «Исторические песни», написанные по заказу Общества друзей наук. Проявлением новых тенденций в литературе стал интерес к жанрам думы и баллады, сочетавших в себе элементы реального и фантастического. Баллады Немцевича («Алондзо и Гелена» и др.) способствовали развитию ранней романтической поэзии. Интересную эволюцию пережил Немцевич и как романист. От устоявшихся классических форм автор перешел к новым, нетрадиционным способам построения романа. В романе «Два пана Сецеха», написанном в форме воспоминаний деда и внука, писатель обращал внимание на положительные изменения, произошедшие в жизни общества со времени правления саксонской династии в конце XVII — середине XVIII в. до начала XIX в. Роман Немцевича «Ян из Тенчина» был первым польским романом, написанным в духе творений В. Скотта: исторические и культурные реалии в нем переплетались с изображением вымышленных рыцарских подвигов⁴².

Продолжали развиваться жанры сатирического и приключенческого романа. Оба эти направления знаменитый путешественник и ученый Я. Потоцкий соединил в своей книге «Рукопись, найденная в Сарагосе», написанной на французском языке и частично изданной в Петербурге и Париже в 1805 и 1813–1814 гг. Интересной особенностью романа являлось развитие из основного повествования нескольких отдельных сюжетных линий, по своей конструкции напоминавшее сказки «Тысячи и одной ночи»⁴³.

Как и в предшествующий период, пользовалась популярностью сентиментальная литература. Это направление имело своими образцами прежде всего «Новую Элоизу» Руссо и «Страдания молодого Вертера» Гёте. Романы польских писательниц, сочетавших в своем творчестве сентиментализм с элементами готического романа, носили подражательный характер («Страх в замке» А. Мостовской, 1806 г.; «Эмелина и Арнольф» Л. Рау-тенштраух, 1824 г.). Единственным оригинальным и интересным произ-

ведением была вышедшая в 1816 г. повесть герцогини М. Вюртембергской (сестры А. Е. Чартырыского) «Мальвина, или догадливость сердца»⁴⁴.

В 1820-е гг. в литературе становится популярным жанр исторического романа, написанного в соответствии с принципами, изложенными В. Скоттом. Помимо Немцевича, к этому жанру обратилась К. Таньская («Письма Эльжбеты Жечицкой», 1824 г.; «Дневник Францишки Красиньской», 1825 г.). Также на исторические темы писали А. Брониковский и Ф. Бернатович⁴⁵.

В то же время успешно развивается жанр детской литературы, основоположницей которого в Польше явилась К. Таньская-Гоффман. Она была создательницей первого детского периодического издания «Развлечения для детей», выходившего в 1824–1828 гг. и имевшего патриотическо-воспитательную цель. Большим событием литературной жизни стало появление романа Таньской «Память о доброй матери молодой польки» (1819 г.), по форме скорее напоминавшего моральный трактат, который был посвящен проблемам воспитания подрастающих барышень. Продолжение этого романа, «Амелия-мать», вышедшее в 1822–1824 гг., уже не имело подобного резонанса. Помимо написания оригинальных произведений, Таньская занималась переводами и была первой женщиной в Польше, жившей профессиональным литературным трудом⁴⁶.

Отход от традиционных классических норм и эволюция жанра романа красноречиво свидетельствовали о кризисе классического направления и необходимости поиска новых форм в литературе. На протяжении всего периода существования Королевства Польского писатели, драматурги и журналисты вели споры о том, какой должна быть польская литература. Непримирым врагом зарождавшегося романтического направления был глава варшавской «классической» школы К. Козьмян. Поэт не выступал публично против романтиков, однако не скрывал своего мнения в варшавских салонах. Голоса в защиту классицизма раздавались в печати и накануне Ноябрьского восстания. В 1830 г. лидер калишской оппозиции В. Немоёвский опубликовал работу, посвященную литературным течениям. Немоёвский был сторонником создания национальной литературы, однако считал, что она может развиваться только в духе классицизма; романтизм же, по его мнению, являлся анархическим течением⁴⁷.

В 1815–1830 гг., в отличие от предшествующего периода, в классической драматургии одним из ведущих жанров стала трагедия. Этот жанр развивали А. Фелиньский, Ю. У. Немцевич, Л. Кропиньский, Ф. В. Венжик. Ф. Венжик считал, что драматурги, а особенно создатели трагедий, должны, по примеру античных авторов, обращаться к событиям отдаленного или недавнего прошлого своей страны для воспитания патриотизма. Наиболее известными трагедиями, созданными в этот период, стали трагедии А. Фелиньского «Барбара Радзивилл» и Ю. У. Немцевича «Збигнев», основанные на материале средневековой истории Польши.

Продолжал развиваться и жанр комедии. Л. А. Дмушевский, Ю. У. Немцевич вносили в свое творчество национально-патриотический аспект. Они восхваляли старые времена и обычаи, осуждали чрезмерное увлечение всем иностранным. С 1821 г. в Национальном театре ставились произведения галицийского автора, бывшего наполеоновского офицера — А. Фредро,

крупнейшего мастера комедии, не примыкавшего ни к романтикам, ни к последователям классицизма⁴⁸. В своем творчестве автор отказался от дидактизма комедий эпохи Просвещения, его произведения отличает мягкий юмор. Фредро внес в жанр комедии новое социально-бытовое содержание, приблизил сценический язык к разговорному. Комедии Фредро в основном были посвящены жизни провинциальной шляхты. В первом серьезном произведении автора «Пан Гельдхаб» (написанном в 1818 и поставленном в 1821 г.) высмеивались глупость и тщеславие нувориша и его дочери, которым противопоставлялись благородство и верность данному слову небогатого шляхтича. В комедии «Муж и жена» (1821 г.) показаны нравы светского общества, далекие от строгой морали. В «Девичьей свадьбе, или магнетизме сердца» (1826–1827 гг.) и в других пьесах 1820-х годов («Караул, что творится!», «Новый Дон Кихот», «Первая встреча») Фредро под видом комедии вел полемику с романтической концепцией в литературе, особенно с образами романтической любви и романтического возлюбленного⁴⁹.

В произведениях «классиков» главный акцент делался на патриотические высказывания, но сам исторический сюжет получал недостаточное освещение. Также не считалась обязательной историческая достоверность событий. Этот постулат вызывал к себе критическое отношение в обществе. Известный польский поэт К. Бродзинский в своих публицистических работах указывал на то, что в литературе должны отражаться имевшие место реальные события. В 1818 г. появилась статья Бродзинского «О классицизме и романтизме, а также о духе польской поэзии». По мнению автора, литература является отражением исторического развития народа, а потому должна быть национальной. Чтобы сделать ее таковой, нужно обращаться к народным источникам, фольклору, так как народные песни лежали в основе поэзии. Бродзинский обращал внимание на опасность иностранного влияния, которой подвергалась польская литература, поскольку образцом для подражания у классиков была французская литература, а для романтиков — немецкая. Поэт не был безусловным противником ни классицизма, ни романтизма и допускал возможность развития и того, и другого течения, но в национальном духе⁵⁰.

Были и другие сторонники так называемого среднего пути развития польской литературы: Ю. Ф. Круликовский, Ф. С. Дмоховский, Ю. Коженёвский, К. Л. Ширма, Ф. Венжик, Ф. Моравский. Круликовский пытался соединить каноны классицизма с принципом национальной литературы. Он доказывал, что писатели древности, которые теперь стали образцом для подражания, в свое время были национальными классиками. Дмоховский подчеркивал, что романтизм открывает большие возможности для развития национальной поэзии, в доказательство чего приводил творчество А. Мицкевича⁵¹.

Немаловажное значение для утверждения романтического направления имела статья первого польского этнографа А. Чарноцкого, выступавшего под псевдонимом З. Доленга-Ходаковский, «О славянстве до христианства», увидевшая свет в 1818 г. Ученый полагал, что единственным носителем национального начала является простой народ, который, в отличие от привилегированных слоев, сохранил некую духовную связь с дохристианской эпохой — временем зарождения славянских «наций». «Пора сказать

немного о преданиях славянского народа [...] Из-за недостатка писателей или тогдашних свидетельств они способны открыть нам много вещей [...] Нужно пойти и спуститься в жилище крестьянина в разных отдаленных сторонах, нужно спешить на его пиры, забавы и разные события. Там, в дыму, возносящемся над головами, блуждают еще старые обряды, звучат давние песни и среди непринужденных плясок произносятся имена забытых богов», — писал Ходаковский. Поэтому, утверждал он, только народная культура может считаться национальной⁵².

Развитие романтических тенденций в польской литературе было связано с деятельностью Общества филоматов, организованного студентами Виленского университета, в которое входили Ю. Ежовский, А. Мицкевич, Т. Зан, О. Петрашкевич, Я. Чечот и др. В первое время молодые литераторы, включая Мицкевича, придерживались классических образцов, переводили и комментировали произведения древних авторов. Увлечение фольклором способствовало переходу членов Общества на романтические позиции. Наиболее ранним романтическим опытом Мицкевича стало стихотворение «Всеобщие ямбы» («*Jamby powszechne*»), написанное незадолго до окончания университета. В Ковно, где Мицкевич был два года учителем гимназии, появилась знаменитая «Ода к молодости». 1822–1823 годы явились переломными в истории польского романтизма: тогда был издан двухтомник «Поэзии» Мицкевича, первый том которого составил цикл «Баллад и романсов». Здесь уже обозначился подход поэта к народному фольклору не как к образцу для подражания, а как к источнику творческого вдохновения. Напечатанная во втором томе «Поэзии» поэма «Гражина» открыла историко-патриотическую тематику в его творчестве, нашедшую продолжение в поэме «Конрад Валенрод»; поэма «Дзяды» стала попыткой реформировать польскую драму путем отказа от канонов классицизма и введения элементов оперной поэтики⁵³.

Следствие и суд по делу Общества филоматов в 1823 г. прервали «литовский» период творчества Мицкевича. По решению суда он был выслан в отдаленные от Польши губернии Российской империи. После недолгого пребывания в Петербурге (в конце 1824 г.) поэт находился в Одессе и Крыму (1825 г.), затем жил в Москве (декабрь 1825 — апрель 1828 г.) и Петербурге (апрель 1828 — май 1829 г.). В этих столицах Мицкевич сблизился с выдающимися российскими писателями и поэтами А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. В Москве в 1826 г. появились «Крымские сонеты» Мицкевича (вышедшие под названием «Сонеты»), а в Петербурге была впервые издана в 1828 г. его поэма «Конрад Валленрод». Польский поэт, вращавшийся в кругу российских прогрессивных деятелей культуры, был частым гостем в московском салоне княгини З. А. Волконской, где собирались А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, И. И. Козлов, В. Ф. Одоевский, Д. В. Давыдов, А. И. Тургенев, Д. В. Веневитинов, В. К. Кюхельбекер⁵⁴.

После репрессий в Вильно тамошняя литературная молодежь потянулась в Королевство Польское. Из Вильно в Варшаву приехали А. Э. Одынец и Ю. Словацкий. В столицу Королевства стремились попасть и молодые романтики с Украины: из Умани в Варшаву перебрались М. Грабовский,

Ю. Б. Залеский, С. Гощинский. К «украинской» школе польских поэтов принадлежал и автор первой польской романтической повести в стихах — А. Мальчевский: в основу «Марии», вышедшей в 1825 г., легли реальные события, связанные с убийством в 1771 г. по приказу Ф. С. Потоцкого его невестки — первой жены Щ. Потоцкого Г. Коморовской.

У некоторых романтиков чувствовалось еще сильное влияние сентиментализма. Так, Ю. Б. Залеский идеализировал польско-украинские отношения. Образ казаков, созданный им, не имел ничего общего с исторической действительностью. Другие представители романтической школы не связывали создание национальной литературы с обращением к народным истокам. Сторонником такого течения в романтизме был М. Грабовский. На поэзию гмин автор смотрел не как на источник творческого вдохновения, а как на просветительскую литературу, созданную в назидательных целях⁵⁵. Более близок к Мицкевичу в трактовке национальной литературы был С. Гощинский. В романе «Каневский замок» он правдиво представил гайдамагчину, показал достоверную картину событий, происходивших на Украине. Тема жизни народа являлась в произведении Гощинского не фоном, а основной сюжетной линией⁵⁶.

В 1825 г. варшавские романтики приобрели собственный печатный орган, которым стала газета «Дзенник Варшавский» («Варшавская ежедневная газета»). С этого времени они получили больше возможностей для широкой пропаганды своего мировоззрения. В работе «О духе и источниках поэзии в Польше», напечатанной в том же году, известный журналист и общественный деятель М. Мохнацкий изложил взгляды романтиков на характер и назначение современной литературы. По мнению критика, литература является главным источником познания духовной жизни общества; но этому предназначению отвечает только романтическая литература, созданная современными народами в Средние века и являющаяся национальной для них, классицизм же отражает взгляды древних, языческих народов. Источниками современной поэзии Мохнацкий называл древнеславянский эпос, скандинавские мифы и средневековые традиции. Обращая внимание на вредное влияние французской литературы, критик, как и другие романтики, отмечал в качестве противопоставления положительную роль немецкой поэзии. Эти идеи Мохнацкого стали объектом критики со стороны И. Лелевеля, который справедливо указывал на фантастичность и противоречия в характеристике источников романтической литературы⁵⁷.

К 1827 г. во взглядах романтиков произошли существенные изменения. В своих статьях, вышедших в 1827–1828 гг., Мохнацкий подчеркивал индивидуальный характер каждого народа и выступал против заимствований и подражания как французской, так и немецкой литературе. В работе «О польской литературе в XIX веке», опубликованной в 1830 г., критик доказывал, что создание литературы является главным условием существования народа. «Народ только в литературе имеет свою рефлексию, [...] только в массе своих представлений и мыслей [...] имеет почву под собой и признание самого себя в своем естестве [...]. Следовательно, литература в известном отношении — как совесть народа, из чего вытекает, что народ, не имеющий собственной оригинальной литературы [...] есть только

собранием людей, живущих на пространстве, очерченном определенными границами, которые не составляют еще моральной общности», — писал Мохнацкий⁵⁸. Таким образом, романтическая концепция национальной литературы пережила несколько этапов эволюции и в общих чертах сформировалась к моменту Ноябрьского восстания.

Новые веяния коснулись польского театра. В 1799–1814 гг. его возглавлял В. Богуславский, в 1814–1827 гг. руководство театром перешло к Л. Осиньскому, затем в 1827–1830 гг. — к Л. Осиньскому и Л. Дмушевскому. Осиньский, один из ведущих варшавских «классиков», мечтал ставить на сцене Национального театра в основном трагедии Корнеля, Расина и Вольтера. В этом стремлении его отчасти поддерживали другие классики — К. Козьян, Я. Гарновский, Ю. Липиньский, Т. Мостовский, А. и Т. Матушевичи, М. Вышковский, М. Фредро, Ю. У. Немцевич, А. Е. Чарторынский, Ф. Моравский, Ф. Чацкий, Л. и С. Плятеры, Ю. Коссаковский — члены так называемого Общества иксов, печатавшие в 1815–1819 гг. театральные рецензии в «Газете Варшавской» и в «Газете корреспондента краёвого и заграничного» («Газете местного и иностранного корреспондента»). Правда, в рядах Общества не было единства, и его более либеральные члены в лице Немцевича, Фредро и Моравского иногда высказывали суждения, шедшие вразрез с привычными канонами классицизма. Иксы были зачинателями польской театральной критики. В отличие от польских критиков начала XIX в., рассуждавших в основном о достоинствах самой пьесы, иксы занимались разбором игры актеров и сценического воплощения пьесы⁵⁹. Польский литературовед З. Либера в предисловии к воспоминаниям Ф. С. Дмоховского дал такую оценку Обществу иксов: «Значение их состоит прежде всего в том, что они подняли уровень театральной критики, что они касались многих сторон театра, в том числе актерского искусства, что они, наконец, выражали тенденции и вкусы, господствовавшие в кругах, которые определяли внутреннюю и культурную политику Королевства Польского в 1815–1819 годах. Кроме того, они учили смотреть театральные спектакли и воспитывали зрителя, подготавливая его к спектаклям»⁶⁰.

На сцене театра появлялись и трагедии польских авторов. Реакция на них варшавской молодежи показала, что трагедия, в основу которой положены события польской истории, способна усиливать патриотические чувства поляков и вызывать оппозиционные настроения. В 1820 г. на сцене Национального театра была поставлена трагедия, написанная молодым автором И. Гумницким, «Жулкевский под Цецорой», которая, несмотря на позднейшие купюры и изменение концовки произведения, продолжала пользоваться у публики неизменной популярностью⁶¹.

Французские трагедии не вызывали большого интереса у зрителей, привыкших к комическим операм и мещанским драмам, ставившимся при Богуславском. Поэтому по финансовым соображениям Осиньскому зачастую приходилось отходить от намеченного репертуара. Так, в 1818–1823 гг. в Национальном театре показывали произведения Ф. Шиллера, в 1821–1830 гг. играли «Упыря», написанного при участии Ш. Нодье, а в 1828 г. поставили «Тридцать лет, или жизнь шулера» В. А. Дюканжа. Проникновение романтических тенденций в театральную жизнь, в частности,

выразилось в создании в 1829 г. театра «Розмайтосци», на сцене которого преобладал романтический стиль игры. Мысль об организации в Варшаве частного популярного театра, помимо Национального, прозвучала в печати еще в 1820 г.⁶²

С начала XIX в. и особенно в период существования автономного Королевства Польского произошли существенные изменения в профессиональной подготовке актеров. В 1810 г. при Национальном театре была создана Драматическая школа, где, помимо сценического искусства, преподавались история, иностранные языки, пение, танец. При Осиньском в 1814 г. учебное заведение закрыли, а на его месте возникла новая Балетная школа с аналогичной программой, но более высокими возрастными и образовательными требованиями. Теперь юношей принимали с 18, а не с 16 лет, как было прежде, а девушек — с 15, вместо 14. Также от юношей требовалось свидетельство об окончании по крайней мере четырех классов воеводской школы (а не трех, как раньше). Повышение образовательного и профессионального уровня артистической среды способствовало усилению авторитета актерской профессии. Некоторые актеры сами писали театральные пьесы. Л. Дмушевский и А. Жулковский являлись авторами многочисленных комедий. Дмушевский был создателем польского водевиля. Жулковский издавал в 1820–1821 гг. юмористический журнал «Момус». Эти комедийные актеры, игравшие на польской сцене с конца XVIII в., как правило, выступали в одних и тех же пьесах в роли господина и слуги. До 1827 г. в Национальном театре продолжал играть Богуславский. Известными трагическими актерами были М. Шимановский и Б. Кудлич. Из актрис в роли трагических героинь прославилась Ю. Ледуховская⁶³.

В процессе формирования национальной литературы и театра играли роль и развивавшиеся в 1815–1830 гг. научные и творческие связи польских и русских поэтов, писателей, критиков, деятелей науки и искусства. Польским литературным творчеством интересовались такие российские периодические издания, как «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Сын отечества», «Северный архив», «Северная пчела», «Соревнователь просвещения и благотворения». Их редакторами были люди, познакомившиеся в свое время с поляками и полюбившие польскую культуру, — М. Т. Каченовский, Н. А. Полевой, а также поляк по происхождению Ф. В. Булгарин. В 1830 г. в российской столице выходил журнал «Петербургский еженедельник», основанный группой молодых энергичных поляков во главе с М. Малиновским. В журналах и газетах печатались переводы и оригинальные статьи В. Г. Анастасевича и Ф. В. Булгарина об истории и современном состоянии польской литературы, заметки о развитии науки и просвещения в Королевстве Польском. На русский язык были переведены произведения выдающихся и популярных польских писателей и поэтов — А. Мицкевича, Ю. У. Немцевича, К. Таньской, Л. Кропиньского, А. Юрковского. «Вестник Европы» и «Московский телеграф» обращались к соотечественникам с призывом изучать литературу родственного народа, который раньше русского познакомился с культурой эпохи Просвещения. Высоко оценивали достижения польских писателей митрополит Е. Болховитинов и канцлер, основатель научно-культурного кружка Н. П. Румянцев. Знали польский

язык и изучали польскую литературу будущие декабристы — К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, В. К. Кюхельбекер⁶⁴. Творчеством Мицкевича интересовался А. С. Пушкин, который перевел на русский язык некоторые его баллады («Дозор», «Три Будрыса») и вступление к поэме «Конрад Валленрод». Стихи и поэмы Мицкевича переводили также И. И. Козлов, А. Глебов, Ю. И. Познанский, В. И. Любич-Романович, В. Н. Щастный, М. П. Вронченко⁶⁵.

В польской интеллектуальной среде интерес к русской литературе был не столь высоким. Тем не менее, в газетах «Монитор Варшавский», «Повсехный дзенник краёвый», «Газета Польская», «Курьер Польский», «Дзенник Варшавский» помещались сообщения о появившихся в России издательских новинках, переводы работ, посвященных истории развития русской литературы, а также рецензии и статьи, в основном авторства С. Б. Линде, опиравшегося на работы В. С. Сопикова и Н. И. Греча, которые касались русского литературного творчества и библиографии. Много внимания уделялось деятельности Российской Академии наук, университетов, а также научно-литературных и просветительских обществ. На польский язык были переведены поэмы А. С. Пушкина, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, К. Ф. Рылеева, романсы В. А. Жуковского, исторические повести и романы Ф. В. Булгарина и М. Загоскина, а также «История государства Российского» Н. М. Карамзина⁶⁶. Переводчиками выступали, в частности, С. Мацкевич, А. Прокопович, Б. Реутт.

Видные польские ученые вошли в состав членов Российской Академии наук, а россияне избирались членами варшавского Общества друзей наук. Еще в 1806 г. почетным членом Российской Академии стал Я. Потоцкий, в 1811 г. членом-корреспондентом был избран Я. Снядецкий. В 1802 г. Общество друзей наук приняло в свои ряды Г. Р. Державина. В период Королевства Польского до 1830 г. в Общество вступили Н. П. Румянцев, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, а во время ноябрьского восстания членами Общества были демонстративно избраны К. Калайдович, П. Строев, М. Каченовский, Н. Полевой, митрополит Е. Болховитинов⁶⁷.

Представители польских научных и литературных кругов поддерживали непосредственные контакты со своими российскими коллегами. Консервативные сферы, представленные С. Б. Линде и И. Раковецким, тяготели к кружку адмирала А. С. Шишкова, с 1813 г. являвшегося президентом Российской Академии наук и бывшего в 1824–1828 гг. министром просвещения России. Брак Шишкова с полькой Ю. Лобажевской, урожденной Нарбут, способствовал его благожелательному отношению к полякам и польской культуре. Завсегдатаями салона Шишковых были поляки, имевшие определенное влияние в российских правительственных кругах. Этот салон посетил и Мицкевич перед своим отъездом из России⁶⁸. Он, как и ряд иных представителей романтической школы, завязал отношения с редакцией журнала «Московский телеграф». Помимо Мицкевича с журналом сотрудничали и другие сосланные в Россию филоматы — Ц. Дашкевич и Ф. Малевский. В 1827 г. Мицкевич и Малевский планировали разработать польскую грамматику для россиян, в распоряжении которых в то время находилась лишь изданная в конце XVIII в. «Грамматика польская

для пользы и употребления российского юношества» М. А. Семигиновского. Однако этот проект не был реализован⁶⁹.

Интеллектуальное развитие польского народа, происходившее в тесном общении с представителями русской культуры в первой трети XIX в., ознаменовалось большим успехом. За короткий срок в полтора десятка лет Варшава, доселе не знавшая академических традиций, превратилась в настоящий центр учебной и научной жизни. Желавшие могли получить образование в Варшавском университете и ряде специальных технических школ. Научную работу координировало варшавское Общество друзей наук, игравшее роль своеобразной Академии.

В 1815–1830 гг. Королевство Польское, превысив своей печатной продукцией количество всех газет и журналов, выходявших на польских территориях под властью Австрии и Пруссии, стало безусловным лидером. По числу читателей Польша занимала первое место не только в Восточной, но и в Центральной Европе. Период существования автономии был отмечен рождением как литературной, так и специализированной периодики широкого профиля. Именно тогда возникло известное информационное издание «Курьер Варшавский», которое просуществовало до начала Второй мировой войны. Рост периодической продукции привел к тому, что журналистика, которая прежде рассматривалась лишь как часть литературного ремесла, выделилась в качестве отдельного рода занятий.

Реакционная политика правительства в области образования и культуры не смогла оказать существенного влияния на ее развитие. Число студентов, обучавшихся в университете, неуклонно возрастало. Если в 1818 г. их было 243, то в 1830 г. насчитывалось уже 757. Не увенчалась успехом и борьба консерваторов против идеологии романтизма, которая стала выражением патриотических чувств поляков. Деятельность прессы, вокруг которой группировались молодые романтики («Газета Польская», «Повседневный дзенник краёвый»), также способствовала усилению патриотических настроений и сыграла значительную роль в формировании идейных позиций будущих участников восстания 1830–1831 гг.

В конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. предпринимались усиленные попытки создания национальной литературы. Представители всех направлений сходились в том, что литература должна стать самобытной, однако понимали это по-разному. Приверженцы классицизма и сторонники компромиссного пути литературного развития в основном терпимо относились к романтикам. Последние же признавали единственно возможной лишь романтическую литературу. При этом не все романтики считали источником национальной литературы фольклор: для некоторых из них тема народа являлась лишь фоном произведения. Наиболее последовательно народно-патриотическое содержание отразилось в творчестве А. Мицкевича и С. Гошиньского.

В период существования Королевства Польского укреплялись польско-русские литературные и научные связи. Через периодическую печать польское и российское общество знакомились с достижениями соседей в сфере литературы и науки. Завязались контакты между Академией наук в Петербурге и варшавским Обществом друзей наук. Сотрудничали между собой и представители передовой общественности.

2. МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ЗОДЧЕСТВО.

Традиции и их развитие в Королевстве Польском

Стремление к утверждению национальной самобытности в польской культуре нашло свое отражение и в музыке — в попытках демократизации различных музыкальных жанров, введения в них элементов песенного и танцевального народного творчества.

Со второй половины XVIII в. предпринимались попытки создания национальной оперы. Первым произведением такого жанра стала упомянутая выше комическая опера композитора М. Каминьского на либретто Ф. Богомольца, переработанное В. Богуславским, «Осчастливленная нищета» (1778 г.). Сходными по характеру были оперные произведения капельмейстера королевской оперы итальянца Гаэтано «Солдат-чернокнижник, или Дьявольский пир», «Чертова суматоха, или Двойное превращение». Однако музыке опер не хватало художественной выразительности, композиторам не удавалось в полной мере обобщить в своих произведениях черты народно-музыкального творчества⁷⁰.

Первый успех на пути к этой цели был связан с именем концертмейстера варшавского придворного оркестра уроженца Чехии Я. Стефани. В его комической опере «Мнимое чудо, или Краковяне и горцы» на либретто В. Богуславского, поставленной накануне восстания Т. Костюшко, отразились национально-освободительные стремления польского общества. В музыке Стефани удалось передать своеобразие польской народной песни и танца, а также специфику звучания народных инструментов⁷¹.

Наряду с оперой, польские композиторы старались придать черты национального своеобразия инструментальным произведениям. Попытки в этом направлении предпринимали в своих симфониях А. Мильвид и В. Даньковский⁷². В ткань инструментальной музыки вводились мелодии и ритмы народных песен и танцев. В частности, в 90-е годы XVIII в. начало меняться отношение к полонезу, рассматривавшемуся до того времени как чисто танцевальный жанр, что было связано с творчеством известного политического деятеля и композитора М. К. Огиньского. Он стремился, сохраняя национальный характер полонеза, превратить его из бытового танца в законченное инструментальное произведение. Композитором было создано более 20 произведений подобного жанра, самым известным из которых стал полонез «Прощание с родиной»⁷³.

Плодотворное развитие и совершенствование различных музыкальных жанров, создание произведений с ярко выраженной национальной основой требовало организации в Польше сети профессиональных музыкальных учебных заведений. Эта проблема была решена в период существования автономного Королевства Польского. Программу создания высших и средних музыкальных учебных заведений разработал по поручению правительства Королевства выдающийся польский композитор и дирижер Ю. Эльснер. В 1817 г. им была основана Школа музыки и драматического искусства. Ее ректором в 1818 г. стал сам Эльснер. В том же году по проекту композитора была создана двухгодичная Общественная школа элементарной музыки, игравшая роль подготовительного учебного заведения.

Наконец, в 1821 г. по инициативе Эльснера, неудовлетворенного работой этих школ, возник Институт музыки и декламации. В первом отделении Института преподавали основы вокального искусства; второе отделение носило название Консерватории, и в нем велось обучение сценическому искусству и игре на различных музыкальных инструментах; в третьем отделении, созданном при факультете наук и изящных искусств Варшавского университета под названием Главная школа музыки, изучалась теория и композиция. Эльснер руководил Консерваторией в 1821–1827 гг. (затем его сменил итальянец К. Солива) и был в 1827–1831 гг. ректором Главной школы музыки⁷⁴. Появление в столице высших музыкальных учебных заведений обусловило сосредоточение в Варшаве талантливых педагогов и обеспечило воспитание творцов нового поколения, поднявших польскую музыкальную культуру на мировой уровень.

Создание сети профессиональных музыкальных учебных заведений сопровождалось появлением учебных пособий, посвященных основам игры на различных инструментах. В 1819 г. вышел учебник известного польского композитора и дирижера К. Курпиньского, рассказывавший об основах теории музыки и клавира. Это пособие, выдержавшее несколько переизданий, пользовалось большой популярностью в Польше. В 1821 г. был напечатан еще один учебник Курпиньского, посвященный проблемам гармонии⁷⁵. С именем Курпиньского также связано издание первого в Польше музыкального журнала, который выходил в Варшаве в 1820–1821 гг. под названием «Музыкальный еженедельник» (с 1821 г. — «Музыкальный и драматический еженедельник»). В журнале печатались статьи о музыкальной жизни в Польше и за рубежом, а также работы, посвященные истории и теории музыки.

Образование конституционного Королевства Польского активизировало общественно-музыкальную жизнь поляков. Еще в 1805–1806 гг. в Варшаве проходили симфонические концерты, организованные Музыкальным клубом, который возник по инициативе будущего известного немецкого писателя и композитора Э. Т. Гофмана, находившегося в польской столице в качестве прусского чиновника. Стремясь продолжить в Королевстве традиции концертной деятельности, варшавские музыканты и любители музыки создали в 1815 г. Общество друзей религиозного и национально-музыкального искусства, а затем, в 1817 г., Общество любителей музыки, которое также существовало недолго⁷⁶. Активизации музыкально-концертной жизни в столице способствовало возникновение в 1820 г. Купеческого собрания. Одной из его главных целей была организация музыкальных мероприятий в Варшаве. В распоряжении Купеческого собрания находился унаследованный от Музыкального клуба концертный зал во дворце Мнишек. В этом зале выступали как варшавские, так и приезжие музыканты. Симфонические и камерно-инструментальные концерты давались также в помещении Консерватории. Музыканты же, пользовавшиеся мировой известностью, выступали в здании Национального театра: так, в 1829 г. здесь давал концерты Н. Паганини.

Наряду с Варшавой, музыкальные организации были созданы и в других городах Королевства Польского. В 1816 г. Общество друзей музыки появилось в Люблине, в 1818 г. аналогичная организация возникла в Калише⁷⁷.

В период существования автономного Королевства композиторы все чаще обращались к образам героического прошлого Речи Посполитой. В 1816 г. вышли в свет «Исторические песни» Ю. У. Немцевича, в которых рассказывалось об истории Польши с древнейших времен вплоть до недавних событий. Музыка к этому произведению, состоявшему из 32 песен, написали такие известные польские композиторы, как К. Курпиньский, Ф. Лессель, М. Шимановская. На сцене Национального театра были также поставлены исторические оперы Курпиньского на либретто Немцевича «Ядвига, королева Польши» (1814 г.) и «Ян Кохановский в Черном лесу» (1817 г.), а также произведения Эльснера «Король Локетек» (1818 г.), «Ягелло в Тенчине» (1820 г.) и др. Ставились оперы и на сюжеты из польской народной жизни, примером чего может служить новая постановка в 1816 г. оперы по либретто Богуславского под измененным названием «Суеверие, или Краковяне и горцы», пользовавшаяся большим успехом у публики. Либретто В. Богуславского было переработано Я. Коминьским, написавшим новый текст, а музыку к опере сочинил К. Курпиньский⁷⁸.

В 1815–1830 гг. польские композиторы в своем творчестве продолжали обращаться к жанру польского народного танца — полонезу, краковяку, мазурке. Вслед за Огиньским они стремились отойти от танцевальной основы полонеза и превратить его в лирическую пьесу. Вместе с тем, подобно Огиньскому, Эльснер, Курпиньский, Шимановская и другие пытались сочетать лирическое начало с жанровыми признаками полонеза как танца-шестивия. Связь с народно-танцевальной музыкой прослеживалась и в увертюрах к историческим операм Эльснера, а также в его сонатах. Курпиньский стал вводить в свои оперы балетные номера на основе польских народных танцев, примером чего может служить опера «Цецилия Пясечиньская» (1829 г.)⁷⁹.

В это же время начинает развиваться жанр польской вокальной баллады, что способствовало проникновению в музыку романтических веяний. Ф. Лесселю удалось воплотить их в музыкальной импровизации на тему исторической песни Немцевича «Завиша Черный». Еще более романтическое звучание приобретали баллады Шимановской, что было связано с ее обращением к творчеству А. Мицкевича. В 1828 г. Шимановская переложила на музыку балладу «Свитезянка». Еще ряд произведений подобного характера были написаны ею на основе поэмы «Конрад Валленрод»⁸⁰.

Совершенствовалось польское исполнительское мастерство, прежде всего искусство фортепьянной игры. Выдающиеся польские пианисты Ф. Лессель и М. Шимановская своим творчеством открыли новый этап в развитии польской фортепьянной музыки. Как отмечала тогдашняя музыкальная критика, исполнительское своеобразие Шимановской проявлялось прежде всего в певучей выразительности ее игры, в умении придавать звучанию фортепьянно сходство со звуками скрипки. М. Мохнацкий писал в 1827 г.: «Пленительное подражание пению человека г-жа Шимановская довела [...] до высшей степени совершенства, [...] г-же Шимановской удалось усовершенствовать природу своего инструмента путем приближения к звучанию скрипки»⁸¹.

Новый этап в истории развития польского и европейского музыкального искусства в целом и фортепьянной музыки в особенности связан с именем гениального польского композитора и пианиста Ф. Шопена, выпуск-

ника Главной школы музыки. Хотя в результате Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. композитор был вынужден эмигрировать и провел большую часть жизни на чужбине, уже в ранний период своего творчества он создал произведения, стоявшие неизмеримо выше сочинений его предшественников и старших современников. В произведениях Шопена ощущается глубокая связь с мелодикой и ритмикой польских народных песен и танцев, которые еще юный композитор мог изучать, проводя летнее время у себя на родине, в Желязовой Воле, и в имениях своих друзей и знакомых.

Вслед за своими предшественниками Шопен обращался к жанру национального танца. Он развивал форму полонеза как лирико-драматического произведения, насыщая его разнообразием музыкальных образов. Композитор придал полонезу более развернутую композицию и значительно обогатил средства выразительности в области гармонии и мелодики⁸². Уже ранние мазурки Шопена, относящиеся к 1824 г., сочетали в себе мелодии различных народных танцев — мазурки, куявяка, оберекка. В «Rondo à la mazur» (1826 г.) композитор впервые представил циклическую последовательность польских народных танцев, переходя от оберекка к куявяку и заканчивая мазуркой⁸³.

Шопен развивал жанр камерной и ансамблевой музыки, до тех пор не разрабатывавшийся польскими композиторами. Появление в 1829 г. сольминорного трио для фортепьяно, скрипки и виолончели открыло новый этап в развитии этого жанра. Здесь Шопен впервые использовал прием художественного обобщения образов путем перехода от настроения эмоционального переживания к радостной, оптимистической музыке. Этот прием он затем повторил и в другом выдающемся произведении, созданном в том же году, — 2-м фа-минорном концерте, по праву занявшем место рядом с 5-м концертом Бетховена. Таким образом, в основу музыкального текста этих произведений были положены переживания композитора, который ощущает себя частью народа и именно в единении с ним находит источник своей силы и счастья⁸⁴.

Приемы фортепьянной игры Шопена также отличались своеобразием и представляли собой новый этап в развитии исполнительского искусства. Свободная трактовка форм музыкальных произведений требовала от композитора поиска новых средств выразительности, однако технические приемы в музыке Шопена целиком зависели от замысла того или иного сочинения⁸⁵.

Творческие искания польских композиторов на пути создания музыкальных произведений с ярко выраженной национальной основой явились выражением процессов, характерных для развития музыкальной сферы искусства. Они нашли проявление и в других его областях. Стремлением к утверждению национальной самобытности, разработке новых жанров было отмечено развитие польской живописи и архитектуры конца XVIII — начала XIX в. Современное польское изобразительное искусство начало формироваться в Польше в эпоху короля Станислава Августа. Во второй половине XVIII в. в результате кризиса феодальных отношений художники начинали постепенно освобождаться из-под влияния цехов, одновременно уходило в прошлое и отношение к искусству как к ремеслу. Примером может служить карьера француза по происхождению Ж. П. Нор-

блена, начавшего свою деятельность в качестве художника при дворе князя А. К. Чарторьского, но ставшего со временем независимым мастером. Идеи эпохи Просвещения влияли на содержание изобразительного искусства, способствовали пробуждению национального самосознания и обращению к историко-патриотической тематике. Наряду с этим развивались такие направления, как жанровая живопись и пейзаж⁸⁶.

Важную роль в процессе формирования польской национальной художественной культуры играла организация высших художественных учебных заведений. Попытки Станислава Августа создать в стране Академию изящных искусств не увенчались успехом. В известном смысле ее заменила так называемая Малярня — художественная мастерская, которая возникла в 1767 г. при Королевском замке. Руководил ею главный придворный художник М. Баччарелли, обучавший учеников рисунку и живописи. Класс скульптуры вел А. Лебрен, архитектуры — Д. Фонтана, а затем Д. Мерлини. Баччарелли придавал большое значение совершенствованию мастерства учеников в практической работе с учителями, однако обучение в Малярне не было систематическим, не носило академического характера и не могло дать художникам всего спектра необходимых им знаний⁸⁷.

Разделы Речи Посполитой надолго затормозили процесс создания высших художественных учебных заведений. Эта задача была решена лишь в период существования автономного Королевства Польского. После открытия в 1817 г. Варшавского университета в нем был образован факультет наук и изящных искусств, благодаря чему художники могли получить высшее образование у себя в стране. Обучение студентов велось на высоком профессиональном уровне. В 1820 г. кафедру живописи возглавил А. Бродовский, бывший, по выражению известного польского историка культуры А. Рышкевича, «самым незаурядным представителем варшавской [школы. — О. К.] живописи первой половины XIX столетия». Другим профессором живописи стал А. Бланк, первоначально преподававший рисунок. Кафедрой перспективы руководил З. Фогель, график и живописец, начавший свою деятельность еще при Станиславе Августе⁸⁸.

Помимо университета, живопись и рисунок преподавались и в других учебных заведениях. Например, известный варшавский художник А. Кокуляр вел уроки живописи в Варшавском лицее. В Институте глухонемых рисунок преподавал Ф. Пенчарский, студент Варшавского университета. Художники организовывали также школы-студии в своих мастерских. Такие занятия проводил в своей мастерской А. Кокуляр. В 1824–1833 гг. в Варшаве существовала школа живописи для женщин, которой руководила Г. Байер. Ученицы практиковались в основном в написании натюрмортов и пейзажей⁸⁹.

Новым явлением культурной жизни стало возникновение института публичных выставок, которые начали проводиться в Варшаве с 1819 г. На выставках были в основном представлены живописные полотна, а также гравюры, скульптура и архитектурные проекты. Жюри состояло как из профессиональных художников, так и из высших государственных чиновников, которые зачастую являлись художниками-любителями. С 1823 г. в качестве наград за художественные произведения были учреждены медали. Жюри предлагало правительству покупать экспонаты, получившие высшую оцен-

ку, из них планировалось создать впоследствии галерею национального искусства. Официально эта инициатива была поддержана, однако отсутствие необходимых средств помешало предпринять реальные шаги⁹⁰.

В искусстве, в отличие от литературы, романтическое направление развивалось в основном в период, предшествовавший образованию конституционного Королевства. В 1815–1830 гг. официальным стилем художественного изображения становится классицизм, представленный в произведениях А. Бродовского, А. Бланка, А. Кокуляра, Ф. Лампи-младшего.

В это время одним из ведущих жанров в живописи, как и прежде, оставался жанр портрета, но в конце XVIII — начале XIX в. произошла его эволюция. «Сарматский» портрет, отмеченный документальной точностью в передаче деталей магнатско-шляхетской родовой принадлежности изображаемых лиц, ушел на второй план. На смену ему явился более живой «мещанский» портрет, что напрямую было связано с возрастанием роли среднего класса в политической, общественной и культурной жизни страны.

Наиболее ярким представителем портретного жанра был А. Бродовский (1784–1832). Наряду с немногими изображениями аристократов, основное место в творчестве художника занимали портреты представителей профессиональной интеллигенции и чиновников. К числу работ Бродовского относятся «Автопортрет» и портрет брата художника, а также портреты Л. Осиньского, Ю. У. Немцевича, Ю. Сулковского, архиепископа Щ. Головчица. Учившийся мастерству у знаменитых французских живописцев Ж. Л. Давида и Ф. Жерара, художник соединил в своем творчестве классические принципы подражания античности с тонкостью колорита и живописной фактуры, свойственной французской школе живописи⁹¹.

Наряду с произведениями Бродовского, к этому времени относятся работы популярного варшавского живописца А. Бланка, из которых самой известной является «Автопортрет с семьей» (1825 г.), а также другого портретиста, А. Кокуляра. Автором многочисленных женских портретов, написанных в стиле классицизма, был итальянец по происхождению Ф. Лампи-младший, с 1815 г. живший и творивший в Варшаве⁹². К портретистам меньшего масштаба принадлежал Я. Гладыш, не получивший профессионального художественного образования. Наиболее известная картина художника — портрет актера М. Шимановского в роли Ягелло (ок. 1821 г.). Если раннее творчество Гладыша было отмечено чертами неосарматизма, то в период Королевства Польского он перешел на позиции «мещанского» реализма⁹³.

Эпоха конституционного Королевства стала переходным периодом в развитии жанра портретной миниатюры. С. Маршалкевич (1789–1872), ученик М. Баччарелли и А. Бродовского, в отличие от старых мастеров, работавших для аристократии, начал применять разнообразную технику миниатюры. Примером может служить портрет супругов Тыкель, написанный около 1830 г., в котором, однако, еще ощущается влияние его учителей. Тем не менее С. Маршалкевич совершил творческую эволюцию от классицизма к «мещанскому» реализму⁹⁴. Новой особенностью польской живописи 1815–1830 гг. явилось обращение к теме натюрморта, до тех пор почти не привлекавшей внимания польских художников. В своем творчестве Г. Байер продолжила традиции голландского натюрморта XVII–XVIII вв.⁹⁵

Как и в предшествующий период, в Королевстве Польском продолжали развиваться пейзажный и архитектурно-пейзажный жанры. Популярностью пользовались акварели кабинетного типа З. Фогеля и его последователей Я. Ф. Брудера и Ю. Рихтера, изображавшие пейзажно-архитектурные виды. К городским изображениям обращались в своих произведениях сценографы варшавского Национального театра Л. Куртен и М. Залеский. Архитектурный интерьер был представлен также в картинах В. Каспшицкого (вид зала варшавской выставки изящных искусств, 1828 г.) и Кокуляра (изображение мастерской художника, ок. 1830 г.)⁹⁶.

Романтические тенденции, прослеживавшиеся в развитии пейзажной живописи, нашли выражение в работах Ф. Скарбека, С. Зелиньского, Я. Соколовского, Г. Забелло, в то время как в картинах батально-пейзажного жанра, принадлежавших кисти Ю. Лукашевича, художника при дворе великого князя Константина Павловича, сохранялись некоторые черты сарматского искусства. Романтизм присутствовал и в жанрово-исторической живописи, что отразилось в творчестве Д. Кондратовича и Я. Соколовского⁹⁷.

Проявление в это время романтических тенденций в некоторых жанрах польского изобразительного искусства явилось отголоском романтических веяний в искусстве предшествовавшего периода конца XVIII — начала XIX вв., а также объяснялось влиянием творчества выдающегося польского живописца и графика А. Орловского, жившего в Петербурге. С другой стороны, романтические тенденции шли из Вильно, где историческая и жанровая живопись находилась под сильным влиянием школы Ф. Смуглевича.

Новые течения в изобразительном искусстве проникли и в графику, что нашло отражение в развитии литографии. Техника литографии, изобретенная баварским мастером И. А. Зенефельдером, получила распространение на территории Королевства Польского в конце 10-х — начале 20-х гг. XIX в. С 1818 г. популяризатором этой техники стал Я. Сестшиньский, врач по профессии, работавший в варшавском Институте глухонемых. Он познакомился с навыками литографии в Мюнхене у Ф. Вайсхаупта, ученика Зенефельдера. В свою очередь, учениками Сестшиньского были будущие основатели литографических мастерских в Варшаве — граф А. Ходкевич, француз Л. Летронн, воспитанник Института глухонемых В. Сероциньский и др. В 1830 г. в Варшаве существовало уже 17 таких мастерских, в том числе несколько государственных — мастерские при Генеральном квартирмейстерстве, при Институте глухонемых, при Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения (так называемая Учебная литографическая мастерская), при Польском банке⁹⁸.

Одним из ведущих направлений в литографии была разработка патриотической и историко-культурной проблематики. В 1820–1830 гг. мастерская графа Ходкевича выпустила серию «Портреты знаменитых поляков», представлявшую изображения известных политических, общественных и культурных деятелей конца XVIII — начала XIX в. Аналогичную попытку в подобном направлении предпринял Я. Ф. Пиварский, который планировал представить публике 23 литографированных портрета польских королей кисти М. Баччарелли. Однако до 1830 г. ему удалось литографировать лишь отдельные изображения. Историко-культурная проблематика нашла

отражение и в литографических изданиях Д. Кнусмана: в 1823–1824 гг. вышло в свет «Собрание знаменитейших зданий столичного г. Варшавы». Кнусманом были также изданы серия литографий, посвященная надгробным памятникам в Польше (1822 г.), и «Образцы разной посуды и церковной утвари» (1824 г.)⁹⁹. В 20-е годы XIX в. в литографии получили также распространение жанровая тематика (литографии Л. Летронна и др.) и тема городского пейзажа. В это время были литографированы виды Варшавы и ее окрестностей — Лазенки, Бельведер, Маримонт, Натолин.

С появлением техники литографии возник новый этап в развитии военной и гражданской картографии. В 1820-е годы были литографированы карты как всего Королевства Польского, так и отдельных воеводств. Главным источником для этих изданий служил опубликованный тогда же атлас К. Ю. Кольберга (карты Ю. Славиньского, С. Олещиньского). В 1827 г. В. Рухачем был литографирован план Варшавы. Имела значение деятельность литографического отдела Генерального квартирмейстерства: офицеры, работавшие в этой мастерской, литографировали карту Варшавы и ее окрестностей (1820 г.), почтовую карту Королевства Польского (1824 г.), нивеляционный план г. Варшавы (1829 г.)¹⁰⁰.

Отличительной особенностью польской литографии являлся тот факт, что в ней более, чем в живописи, нашли отражение романтические тенденции. Примером романтического стиля служили иллюстрации В. Сливичко к произведению Л. Кропиньского «Юлия и Адольф» (1824 г.), а также литографии Л. Горварта и Ю. Славиньского к изданиям польских переводов романов В. Скотта¹⁰¹.

По сравнению с условиями развития живописи и графики, для творчества польских скульпторов на переломе XVIII–XIX вв. существовали менее благоприятные предпосылки. После разделов Речи Посполитой практически все известные скульпторы покинули польские земли. В начале XIX в. в Варшаве существовали лишь каменотесные скульптурные мастерские, которыми руководили И. Гаген и Й. Манцель.

После образования Королевства Польского положение дел несколько улучшилось. На факультете наук и изящных искусств Варшавского университета была образована кафедра скульптуры. В 1817 г. ее возглавил П. Малиньский, чех по происхождению, воспитанник дрезденской Академии изящных искусств¹⁰². Учениками Малиньского стали Я. Татаркевич, В. Крюгер, Е. Подбельский, К. Гегель, Ю. Червиньский, Л. Вонсович. Их работы, наряду с произведениями студентов других кафедр, экспонировались на варшавских публичных выставках¹⁰³.

В польской, как и в европейской скульптуре в целом, господствовал классицизм. Основными произведениями Малиньского были многофигурные композиции на мифологические и аллегорические сюжеты. В 1817–1820 гг. он изваял для Варшавского университета скульптурную группу «Искусство и науки», представлявшую Аполлона с музами. Среди других работ Малиньского можно назвать фризы и барельефы для дворца С. Сташица и дворца Мостовских, изображающие науки, изящные искусства, торговлю, сельское хозяйство, строительство, промышленность и т. д., а также фриз в ротонде Польского банка, фриз над входом строившегося с

1825 г. нового здания Национального театра, представляющий возвращение Эдипа с Олимпийских игр, и др. Следуя в целом классическим образцам, Малиньский в ряде случаев выходил за рамки классического стиля. В его барельефах к памятникам, установленным в Варшаве и Тересполе и посвященным окончанию строительства варшавско-брестского шоссе (1825 г.), изображения рабочих — участников этого строительства выполнены в реалистической манере¹⁰⁴.

Другим известным варшавским скульптором был Л. Кауфман, получивший художественное образование в Риме. Он приехал в Варшаву в 1823 г. К числу работ мастера относятся аллегорическая композиция на фризе дворца Л. Паца «Тит Фламиний провозглашает свободу для греческих городов», барельефы гениев на ротонде Польского банка, скульптурные композиции рядом с главным фронтоном Национального театра и несколько фигур для украшения театральных лож, а также бюст короля Яна III, установленный в костёле капуцинов в Варшаве¹⁰⁵. Заслуживают внимания также произведения А. Ж. Норблена-младшего, сына известного живописца. Вместе с Малиньским он выполнял барельефы для дворца Мостовских. Его резцу принадлежат скульптурные украшения (декорация фронтона и фигурные композиции) дворца Потоцких, где располагалась Правительственная комиссия доходов и казны. Памятник князю А. К. Чарторыскому его работы, отлитый в бронзе (1825 г.), был установлен в Пулавах¹⁰⁶.

В период существования конституционного Королевства Польского происходило развитие монументальной скульптуры. Оно было связано с именем датского скульптора Б. Торвальдсена, которому заказали изготовление памятников людям, сыгравшим большую роль в польской истории, — князю Юзефу Понятовскому и Миколаю Копернику. Памятник Понятовскому, главнокомандующему польской армией в период наполеоновских войн, был выполнен Торвальдсеном в строго классическом стиле. Образцом для его изготовления послужила римская конная статуя Марка Аврелия, но он не оправдал ожиданий общественности, желавшей, чтобы в облике князя отразились черты польского национального героя. Еще осенью 1820 г., во время визита Торвальдсена в Варшаву и его встречи с польскими общественными деятелями, были определены принципы, которым должен был следовать скульптор. «Газета Варшавская» писала о проектируемом памятнике Ю. Понятовскому следующее: «одеяние фигуры, ее вид, равно как форма фундамента и прочее», были полностью предоставлены вкусу мастера и его решению в данной мере, одновременно с оговоркой, что скульптура должна быть выполнена в национальном духе»¹⁰⁷. Доставленный в 1829 г. в Варшаву монумент вызвал разочарование молодых романтиков, считавших, что Торвальдсен отступил от намеченного плана. В анонимной статье, помещенной в «Газете Польской», автором которой был, вероятно, М. Мохнацкий, подчеркивалось, что памятник Понятовскому должен быть «памятником духа и обычаев поляков начала XIX в. [...]», лучше было бы отважиться на такого рода неклассичность и остаться верным истории», — заключал автор статьи¹⁰⁸.

В свете подобных настроений польского общества в эти годы в Королевстве широкое распространение получило изготовление гипсовых бюстов

известных общественных, политических и культурных деятелей. Отвечая общественному спросу, это давало в то же время возможность заработать начинающим и малоизвестным скульпторам. Большие перспективы для реализации их творчества открылись только в конце 20-х годов XIX в. при строительстве нового здания Национального театра. Заказы на скульптурные композиции для здания и интерьеров театра получили среди прочих Я. Татаркевич, Л. Вонсович и К. Гегель. Однако в результате Ноябрьского восстания 1830 г. работы по строительству театра были временно приостановлены, а программа его скульптурного оформления значительно сокращена¹⁰⁹.

Для скульптуры, так же как и для живописи, 1815–1830 годы явились временем классицизма, но это был не классический стиль второй половины XVIII в., отличавшийся излишней декоративностью, а строгий классицизм, характеризовавшийся точным подражанием греко-римским канонам. Впрочем, в портретной скульптуре этих лет проявлялись и реалистические тенденции: так, образцом для создания портретов служили посмертные маски.

Образование автономного Королевства открыло широкие возможности для развития архитектуры и урбанистики. В Варшаве осуществлялась перестройка бывших магнатских резиденций для государственных и общественных нужд. В 1818–1819 гг. Х. П. Айгнер перестроил дворец Радзивиллов, превратив его в резиденцию наместника, дворец же Красиньских приспособил для работы Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения. А. Корацци осуществил переделку резиденции Мостовских для размещения Правительственной комиссии внутренних дел и полиции (1823 г.), а дворца Потоцких — для функционирования Правительственной комиссии доходов и казны (1824 г.). По проекту Г. Шпиловского и В. Ричеля был перестроен Казимировский дворец для нужд Варшавского университета. Ф. Лессель переделал дворец Яблоновских в здании варшавской ратуши¹¹⁰.

В годы существования Королевства Польского в Варшаве широко развернулось военное строительство. Это было связано с личностью главнокомандующего польской армией великого князя Константина Павловича, придававшего большое значение делу реорганизации армии и строительству военных объектов. В 1815–1816 гг. была осуществлена перестройка Арсенала по проекту В. Г. Минтера. Он же построил Александровские казармы и казармы конных полков, а также казармы в Сельце. По проекту архитектора в Варшаве были возведены здания нескольких гауптвахт, разработан комплекс сооружений для летнего военного лагеря в Повонзках под Варшавой. В 1819–1823 гг. под руководством Я. Кубицкого происходило строительство манежа для войска¹¹¹.

Рост промышленности Королевства стимулировал строительство торгово-промышленных сооружений. Ведущее место в этом отношении занимала Варшава. В целях упорядочения торговли в 1823 г. перед фасадом костёла доминиканцев Г. Шпиловский возвел здания магазинов. В 1826–1827 гг. рядом с Новоиерусалимской дорогой (Аллеями Иерозалимскими) появилась паровая мельница, построенная по проекту А. Шуха. В 1828 г. под руководством Ю. Лесселя было осуществлено строительство фабрики металлических изделий К. Минтера¹¹².

В это время возрастает роль государства в решении урбанистических задач. В 1817 г. был учрежден Совет строительства, измерений, дорог и речных путей, который занимался унификацией и систематизацией строительных работ. На период до 1830 г. были составлены проекты регулярной застройки для большинства городов, разработаны планы строительства новых районов, общественных сооружений и парков. В Варшаве возник ансамбль Замковой площади, спроектированный Я. Кубицким (1818 г.). А. Корацци явился автором планировки Театральной и Банковской площадей. По его же проекту были возведены здания Польского банка (1825–1828 гг.) и Счетной палаты (1827 г.). В 1825–1833 гг. Корацци осуществлял строительство нового здания Национального театра. В Люблине, Калише, Радоме и других городах также возник ряд публичных, культурных, хозяйственных и административных сооружений. В Лодзи было начато строительство Нового мяста — района, где в 1823 г. появились первые дома и суконные мастерские¹¹³.

В 1815–1830 гг. в архитектуре, как и в других областях художественной жизни, господствовал классицизм. Однако все большее распространение получал неоготический стиль (в частности, магазины перед фасадом костела доминиканцев), прежде использовавшийся лишь в садово-парковой архитектуре. В то же время возникает новый стиль — неоренессанс, примером его воплощения являлся дворец министра финансов, возведенный по проекту Корацци в 1825 г.

Период существования конституционного Королевства характеризовался укреплением позиций художников и музыкантов в обществе. В начале XIX в. магнатские резиденции постепенно утрачивали свое значение в качестве политических и культурных центров. Ведущую роль в художественной и музыкальной жизни начинали играть города. Демократизация музыкальной и художественной жизни, вовлечение в ее сферу широких кругов мещанства и представителей разорившейся шляхты обусловило рост общественного спроса на произведения искусства. Ориентация на более широкий круг потребителей выражалась, в частности, в распространении жанра портретной миниатюры, изготовлении гипсовых бюстов различных общественных, политических и культурных деятелей.

Активизировалась педагогическая деятельность польских художников и музыкантов. Возникновение различных музыкальных обществ стимулировал интерес общественности к проблемам музыкального творчества. Появился первый в Польше музыкальный журнал. Получила развитие музыкальная и художественная критика (М. Мохнацкий, Д. Кондратович, И. Кохановский).

В художественной и музыкальной жизни страны усилилась роль государства. По инициативе Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения в Королевстве была создана сеть профессиональных музыкальных и художественных учебных заведений. Правительство также способствовало возведению в столице и других польских городах ряда публичных, культовых, хозяйственных и административных сооружений.

Правительственная комиссия вероисповеданий и общественного просвещения инициировала работу по охране и описанию памятников культуры и истории, находящихся на территории Польши. В 1821–1828 гг. по ее заказу был опубликован цикл из 24 гравюр, посвященный наиболее цен-

ным краковским достопримечательностям. Его выполнил Ф. К. Дитрих по рисункам М. Стаховича и Я. Соколовского. В 1822 г. З. Фогелю от имени правительства было поручено сделать зарисовки варшавского кафедрального собора св. Яна перед его реставрацией. В 1821 г. Правительственная комиссия рекомендовала всем епископам и воеводским комиссиям принять меры по охране памятников старины. В 1827 г. была начата первая государственная инвентаризация этих памятников¹¹⁴. Возник первый в Польше музей — музей оружия, располагавшийся в трех отведенных для этого залах варшавского Арсенала. Создавались и частные музейные собрания. Были известны коллекции видных польских художников — Я. Гладыша, А. Кокуляра, Б. Домбровского¹¹⁵. С некоторыми собраниями получила возможность ознакомиться более широкая общественность. Так, в 1814 г. для публики была открыта галерея Оссолинских, а еще раньше, в 1805 г., доступной для посещения стала галерея С. К. Потоцкого в Вилянуве. Хотя изменение либерального курса правительства в гораздо меньшей степени сказалось в области музыки и изобразительного искусства, чем в сфере просвещения, но такие действия власти, как отказ от формирования галереи национального искусства, имели явно негативные последствия. Тем не менее, распоряжение правительства о поступлении в университетскую библиотеку обязательного экземпляра выходящей печатной продукции обеспечило формирование обширной коллекции гравюр.

Таким образом, период существования Королевства характеризовался образованием академических центров музыкальной и художественной жизни, возрастанием интереса общественности к культурным вопросам и усилением роли государства в решении этих проблем.

В первые десятилетия XIX в. происходил процесс полонизации во всех областях научной и культурной жизни. Ученые, писатели, художники, музыканты, творившие в это время, большей частью являлись поляками, либо происходили из полонизированных иностранных семей. Но главное было в том, что они наполнили литературу и искусство национальным содержанием, придали им чисто польский характер.

Эпоха конституционного Королевства являлась в культурном отношении переходным периодом. В литературе все более уверенные позиции занимал романтизм, однако в музыке и изобразительном искусстве, архитектуре, за исключением отдельных областей, доминировал классицизм. Новые веяния шли в Варшаву из Вильно, что было связано с переездом в столицу части сосредоточенной в Вильно передовой научной и культурной элиты после репрессий 1823 г., направленных против Общества филематов.

Укреплялись польско-русские научные и культурные отношения. Правда, музыкально-художественные связи носили скорее спорадический характер. С российской художественной средой контактировали в основном жившие в Петербурге польские художники А. Орловский, Ю. Олешкевич, В. Смоковский, В. Ванькович. Орловский, с 1802 г. находившийся в Петербурге, официально считался придворным художником великого князя Константина Павловича. В действительности, будучи талантливым живописцем и обладая независимым характером, Орловский пользовался большой свободой в своих творческих исканиях. До 1815 г. художник придерживался

романтической манеры письма, затем обратился к критическому реализму. В России он создал немало произведений батального жанра, бытовых зарисовок, написал ряд портретов, где помимо различных автопортретов, были также портреты великого князя Константина и М. И. Кутузова. В той или иной степени художник поддерживал отношения с И. А. Крыловым, Н. М. Карамзиным, О. А. Кипренским, А. Р. Томиловым, позднее — с А. С. Пушкиным и М. И. Глинкой. Орловский был также замечательным коллекционером и обладал значительной коллекцией оружия. С 1810 г. в Петербурге жил виленский живописец Ю. Олешкевич — портретист и автор исторических композиций, перу которого принадлежали портреты императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, М. И. Кутузова и А. Ф. Львова, исполненные в стиле классицизма. В 20-е годы в петербургской Академии художеств обучались и другие виленские художники, выпускники тамошнего университета, — романтики В. Смоковский и В. Ванькович. Находясь в российской столице, Смоковский выполнил литографии к сочинениям Ф. В. Булгарина, изданным в 1827–1828 гг., и поэме Мицкевича «Конрад Валленрод». Ванькович был автором знаменитого портрета Мицкевича, а также рисовал Пушкина, изображение которого не сохранилось¹¹⁶.

В Петербурге проживали и известные польские композиторы. Ю. Козловский, поселившийся там еще при Екатерине II, сочинил полонез «Гром победы раздавайся» на слова Г. Р. Державина, который долгое время служил в качестве неофициального русского национального гимна. Композитором были также написаны циклы танцев и хоров по случаю коронаций Павла I, Александра I и Николая I. В 1803–1819 гг. он состоял в должности «директора музыки» при дворе Александра I. Помимо официальных произведений Козловский написал также музыку к трагедиям В. А. Озерова «Эдип в Афинах» и «Фингал», А. А. Шаховского «Дебора, или торжество веры». Он был автором многочисленных «Российских песен» и способствовал развитию русского бытового романса. В России также пользовались популярностью полонезы ученика Козловского — М. К. Огиньского. В непосредственных отношениях с представителями российской культурной элиты находилась известная пианистка и композитор М. Шимановская, которая провела последние годы (1827–1831) жизни в России. Она была знакома с П. А. Вяземским, А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, М. И. Глинкой, И. А. Крыловым, А. С. Грибоедовым, З. А. Волконской, музыкантами — братьями Вельгорскими и А. Ф. Львовым¹¹⁷.

Российско-польские контакты способствовали лучшему пониманию чужой культуры и большему сближению обоих народов. Интерес россиян к Польше в определенной степени был обусловлен тем, что через нее, находившуюся на пограничье Европы, в Россию шли новые западные обычаи и идеи. Кроме того, внимание к польской культуре было связано с популярными в то время идеями славянского братства. Поляки же преследовали «цивилизаторскую», с их точки зрения цель, стремясь воздействовать духовно на умы россиян и знакомя их с произведениями, созданными народом, который раньше российского познакомился с западноевропейскими культурными ценностями. Разразившееся в 1830–1831 гг. польское восстание вызвало недоверие и взаимное отчуждение между представителями

обоих народов и затормозило процесс творческого взаимообогащения, сведя к минимуму научные и культурные контакты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Pisma i projekty pedagogiczne doby Komisji Edukacji Narodowej. Wrocław, 1973; *Salmanowicz S.* Podstawy prawne funkcjonowania Komisji Edukacji Narodowej // *Rozprawy z dziejów Oświaty*. T. 23. Wrocław, 1980. S. 37–64; *Stępień R.* Współpraca pijarów z Komisją Edukacji Narodowej na terenie Korony. Wrocław, 1994.
- 2 См.: *Mańkowski T.* Genealogia sarmatyzmu. Warszawa, 1946; *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. М., 2002.
- 3 *Łojek J.* Dziennikarze i prasa w Warszawie w XVIII wieku. Warszawa, 1960. S. 84–85; *Kraushar A.* Salony i zebrania literackie warszawskie na schyłku wieku XVIII-go i w ubiegłym stuleciu. Warszawa, 1916. S. 4–6.
- 4 *Historia literatury polskiej w zarysie*. Warszawa, 1978. S. 150–151, 161–174.
- 5 *Ibidem*. S. 162, 174–177.
- 6 *Sofronowa L.* Rola teatru w kształtowaniu kultury narodowej w Polsce i w Rosji w ostatnim trzydziestoleciu XVIII w. // *Kultura polska i jej związki z kulturą Rosji*. Wrocław, 1984. S. 104; *Raszewski Z.* Staroświecczyzna i postęp czasu. O teatrze polskim (1765–1865). Warszawa, 1963. S. 295–309.
- 7 *Raszewski Z.* *Op. cit.* S. 173–205.
- 8 *Michalski J.* Z dziejów Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Warszawa, 1953. S. 24, 25, 44–56.
- 9 *Ibidem*. S. 90–94.
- 10 *Historia nauki polskiej*. T. 3. Wrocław, 1977. S. 18, 20–21. См. также: *Źródła do dziejów wychowania i szkolnictwa w Polsce doby Izby Edukacji Publicznej 1807–1812*. Lublin, 1931.
- 11 См.: *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807–1815. T. 1–6; *Bentkowski F.* *Historia literatury polskiej*. Warszawa; Wilno, 1814. T. 1–2; *Kamionkowa J.* *Życie literackie w Polsce w pierwszej połowie XIX w.* Warszawa, 1970. S. 153.
- 12 *Bieliński J.* *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*. T. 1. Warszawa, 1907. S. 14, 19–24, 36–39; T. 3. Warszawa, 1912. S. 707–709; *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 50–51.
- 13 *Bieliński J.* *Op. cit.* T. 1. S. 49; *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 50–51.
- 14 *Bieliński J.* *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*. T. 2. Warszawa, 1911. S. 48, 248–282, 316, 591, 638–646; T. 3. S. 418, 419, 421–424, 504–530, 542–561; *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 33–37, 39, 41–44, 47, 48.
- 15 *Bieliński J.* *Op. cit.* T. 3. S. 493–503; *Wołoszyński R. W.* *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830*. Warszawa, 1974. S. 94, 203–205.
- 16 *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 50–51.
- 17 *Wójcik A.* *Prawo górnicze Stanisława Staszica. Uregulowania prawne poszukiwań i eksploatacji kopalni w Królestwie Polskim // Wiek Oświecenia*. Warszawa, 2006. T. 22. S. 206; *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 59–60.
- 18 *Libera Z.* *Stanisław Kostka Potocki jako pisarz i krytyk literacki // Rocznik historii sztuki*. Wrocław, 1956. T. 1. S. 433–441; *Kipa E.* *Stanisław Kostka Potocki jako mi-*

- nister wyznań religijnych // *Ibidem*. S. 442–449; *Kowalska A.* Warszawa literacka w okresie przełomu kulturalnego 1815–1822. Warszawa, 1961. S. 298–325.
- 19 *Michalski J.* *Op. cit.* S. 40, 41, 43, 67–69, 101, 105, 106.
- 20 *Ibidem*. S. 12–13; *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 73.
- 21 *Gąsiorowska N.* Ustanowienie cenzury w Królestwie Kongresowym // *Biblioteka Warszawska*. 1912. №3. S. 109–110.
- 22 *Kraushar A.* Senator Nowosilcow i cenzura za Królestwa Kongresowego (1819–1829) (ze źródeł archiwalnych). Kraków, 1911. S. 6–9; *Gąsiorowska N.* *Op. cit.* S. 113–120. О проблеме свободы печати в Королевстве Польском см.: *Филатова Н. М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)*. М., 1995. С. 44–69.
- 23 *Kraushar A.* Senator Nowosilcow... S. 10.
- 24 *Gąsiorowska N.* *Op. cit.* S. 245–246.
- 25 *Kraushar A.* Senator Nowosilcow... S. 13–24; *Gąsiorowska N.* *Op. cit.* S. 247–262.
- 26 *Gąsiorowska N.* *Op. cit.* S. 262–265.
- 27 *Kraushar A.* Senator Nowosilcow... S. 41–44.
- 28 *Ibidem*. О деятельности Шанявского см.: *Manteufflowa M. J. K.* Szaniawski: ideologia i działalność 1815–1830. Warszawa, 1936.
- 29 *Askenazy Sz.* Łukasiński. T. 1. Warszawa; Lwów, 1908. S. 355.
- 30 *Ibidem*.
- 31 *Łojek J.* *Studia nad prasą i opinią publiczną w Królestwie Polskim*. Warszawa, 1966. S. 161; *Российский Государственный архив древних актов*. Ф. 12. Оп. 1. Д. 281. Л. 63–66 об.; *Kraushar A.* Senator Nowosilcow... S. 150–155.
- 32 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9323. Л. 34. Далее Константин Павлович сообщал, что в Королевстве Польском запрещены статьи, «кои, описывая действия гишпанских кортесов, говорят о самодержавии народа, о независимости его представителей, о необходимости, чтобы представительство сие сосредоточивалось в одной палате, о войске, присягающем на конституцию и проч[ее]. Такие статьи, повторяемые, хотя и без всякого одобрительного замечания со стороны редактора газет, служат источником к распространению ложных заключений, выводимых из превратных умствований о мнимом самодержавии народа» (там же. Л. 34 об.–35 об.).
- 33 *Kraushar A.* Senator Nowosilcow... S. 110–118, 144–149.
- 34 *Manteufflowa M.* *Op. cit.* S. 133–137; *Słomkowska A.* *Prasa rządowa Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1838)*. Warszawa, 1969. S. 47–77.
- 35 *Manteufflowa M.* *Op. cit.* S. 37, 137, 138; *Słomkowska A.* *Op. cit.* S. 81–94.
- 36 *Łojek J.* *Studia nad prasą*... S. 132.
- 37 *Historia nauki polskiej*. T. 3. S. 56–58.
- 38 *Ibidem*. S. 56–58, 60–62.
- 39 *Podgórska E.* *Szkolnictwo elementarne Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807–1831*. Warszawa, 1960. S. 17, 18, 62–70, 149.
- 40 *Ibidem*. S. 67–69, 72–79, 81. См. также: *Lipiec J.* *Nauczanie w szkołach elementarnych Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego w latach 1807–1830 (studia nad okręgiem Częstochowskim)*. Częstochowa, 1993.
- 41 *Maślanka J.* *Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne*. Wrocław, 1965. S. 11; *Paprocka W.*

- Kultura i tradycja ludowa w polskiej myśli humanistycznej XIX i XX wieku. Wrocław, 1986. S. 27–28.
- 42 Historia literatury polskiej w zarysie. S. 190–191.
- 43 Оригинал «Рукописи» не сохранился. Ее польский перевод, сделанный в 1847 г. Э.Хоецким, содержит единственный на сегодняшний день полный текст романа. См.: *Ланда С. С.* Ян Потоцкий и его роман «Рукопись, найденная в Сарагосе» // *Потоцкий Я.* Рукопись, найденная в Сарагосе. М., 1989. С. 17–21.
- 44 *Sinko Z.* Powieść angielska osiemnastego wieku a powieść polska lat 1764–1830. Warszawa, 1961. S. 149–160, 164, 173, 177.
- 45 Historia literatury polskiej w zarysie. S. 192–193.
- 46 *Ciechanowska Z.* Hoffmanowa Klementyna // *Polski Słownik Biograficzny* (далее — PSB). Т. IX. Wrocław, 1960–1961. S. 573–576.
- 47 *Koźmian K.* Pamiętniki. Wrocław, 1972. Т. 3. S. 425, 427; Walka romantyków z klasykami. Wrocław, 1963. S. 171–172, 175, 182–183.
- 48 *Raszewski Z.* Krótka historia teatru polskiego. Warszawa, 1977. S. 100–101; *Idem.* Staroświeczyzna i postęp czasu... S. 310–316; Walka romantyków z klasykami. S. 171–172, 175, 182–183.
- 49 См.: *Fredro A.* Pisma wszystkie. Lwów, 1926. Т. 1–3.
- 50 *Brodziński K.* Pisma estetyczno-krytyczne. Wrocław, 1964. Т. 1. S. 4–5, 31.
- 51 *Maślanka J.* Op. cit. S. 101; *Korzeniowski J.* Dzieła. Т. 12. Warszawa, 1873. S. 2, 17; *Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. S. 200, 201, 205, 208, 209, 218, 219. См. также: *Филатова Н. М.* Формирование романтического образа нации в польской литературе первой трети XIX в. // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 123–142.
- 52 *Maślanka J.* Op. cit. S. 25–32. О творчестве Ходаковского см.: *Ровнякова Л. И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963. С. 58–94.
- 53 Historia literatury polskiej w zarysie. S. 203–208; *Стахеев Б. Ф.* Адам Мицкевич // История зарубежной литературы XIX века. М., 1991. С. 307–315.
- 54 Historia literatury polskiej w zarysie. S. 210–213. См. также: Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007.
- 55 *Zieliński A.* Op. cit. S. 210.
- 56 *Suchodolski B.* Seweryn Goszczyński. Życie i dzieła (1801–1830). Warszawa, 1927. S. 134–135.
- 57 *Łucki A.* Ewolucja pojęcia literatury narodowej u Mochnackiego. Lwów, 1931. S. 4–6.
- 58 *Mochnacki M.* O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Kraków, 1923. S. 27, 37.
- 59 *Koźmian K.* Pamiętniki. Kraków, 1865. Т. 3. S. 244, 392–394; *Koźmian A. E.* Wspomnienia. Poznań, 1867. Т. 1. S. 146–151; *Biegeleisen H.* Towarzystwo Iksów. Ustęp z dziejów krytyki w literaturze polskiej // Biblioteka Warszawska. Т. 4. 1885. S. 22–47, 189–212; Recenzje teatralne Towarzystwa Iksów 1815–1819 / oprac. i wstępem opatrzył J. Lipiński. Warszawa; Wrocław, 1956; *Kowalska A.* Op. cit. S. 201; *Брынский Е. С.* Возникновение и начало деятельности «Общества Иксов» // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. С. 293–311.
- 60 *Libera Z.* Wstęp // *Dmochowski F. S.* Wspomnienia od 1806 do 1830 roku. Warszawa, 1959. S. 14–15.

- 61 *Humnicki I.* Pamiętniki // Sfinks. Warszawa, 1913. Z. 1. S. 137, 138; *Kowalska A.* Op. cit. S. 175, 199–217; *Raszewski Z.* Krótka historia teatru polskiego. S. 85, 86, 98–101; *Idem.* Teatr na placu Krasińskich. Warszawa, 1995. S. 91.
- 62 *Raszewski Z.* Krótka historia teatru polskiego. S. 87, 88, 101; *Вежбицкая-Михальская К.* Становление польской актерской школы (1765–1831) // О просвещении и романтизме. Советские и польские исследования. М., 1989. С. 62, 63.
- 63 *Вежбицкая-Михальская К.* Указ. соч. С. 59–61; *Raszewski Z.* Krótka historia teatru polskiego. S. 86, 88, 89.
- 64 *Zgorzelski C.* O stosunkach literatury polskiej i rosyjskiej w latach 1810–1830 // Nauka i sztuka 4. Warszawa etc. (1948). Т. 9. S. 64–79; *Kozłowski T.* Polonica w czasopiśmie rosyjskim „Westnik Jewropy“ w latach 1815–1822 // Prace polonistyczne. Ser. 23. Łódź, 1967. S. 115–132; *Wołoszyński R. W.* Op. cit. S. 81, 96, 101–103, 119–121, 140, 141, 143, 144, 152–154, 160–163, 172.
- 65 *Баскаков В. Н.* Забытый переводчик А. Мицкевича // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 33–46; *Вацуро В. Э.* Первый русский переводчик «Фариса» А. Мицкевича // Там же. С. 47–67.
- 66 *Wołoszyński R. W.* Op. cit. S. 96, 97, 132, 135–137, 139, 144–145.
- 67 *Michalski J.* Op. cit. S. 280, 283; *Кępiński A.* Typologia relacji kulturowych polsko-rosyjskich w pierwszych dziesięcioleciach XIX wieku // Połacy w życiu kulturalnym Rosji. Wrocław, 1986. S. 114.
- 68 Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М.; Л., 1930; *Березина В. Г.* Мицкевич и «Московский телеграф» // Адам Мицкевич в русской печати 1825–1955. Библиографические материалы. М.; Л., 1957. С. 471–479; *Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji 1824–1829. Warszawa, 1949. S. 11–13, 324–325.
- 69 *Szpotański S.* Adam Mickiewicz i jego epoka. Warszawa; Kraków, 1921. Т. 1. S. 153; *Березина В. Г.* Указ. соч. С. 471–479.
- 70 *Poliński A.* Dzieje muzyki polskiej w zarysie. Lwów, 1907. S. 168–170, 174–175.
- 71 *Ibidem.* S. 176–179.
- 72 *Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры. Т. 1. М., 1954. С. 258–259, 261–262.
- 73 Там же. С. 272–273, 279.
- 74 *Wroński W.* Szkolnictwo muzyczne w Polsce w wieku XIX // Muzyka. Warszawa, 1951. №5–6. S. 62–63.
- 75 *Prośniak J.* Karol Kurpiński jako teoretyk // Kwartalnik Muzyczny. №25. 1949. S. 139.
- 76 *Poliński A.* Op. cit. S. 181–185; *Логинава О. К.* Гофман в Польше // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 247–279.
- 77 *Strumillo T.* Szkice z polskiego życia muzycznego XIX w. Kraków, 1954. S. 81.
- 78 *Michałowski K.* Opery polskie. Kraków, 1954. S. 83, 109–110; *Raszewski Z.* Staroświecczyzna i postęp czasu... S. 173–212.
- 79 *Jachimecki Z.* Muzyka polska w rozwoju historycznym. Т. 1. Cz. 2. Kraków, 1951. S. 138; *Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры. Т. 2. М., 1957. С. 28–36, 38–39, 52–53, 70–71, 82–83, 90, 96, 130, 181–185, 187–190, 230.
- 80 *Адам Мицкевич.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 629.
- 81 *Antologia polskiej krytyki muzycznej XIX i XX wieku (do roku 1939).* Kraków, 1955. S. 44.

- 82 *Jachimecki Z.* Frédéric Chopin et son oeuvre. Paris, 1930; *Idem.* Kompozycje Fryderyka Chopina z okresu dzieciństwa i lat chłopięcych (do roku 1825) // Chopin. 1937. №1. S. 38–40.
- 83 *Пасхалов В. В.* Шопен и польская народная музыка. Л.; М., 1949. С. 53–54; *Бэлза И. Ф.* Шопен. М., 1968. С. 25–26.
- 84 *Jachimecki Z.* Chopin. Rys życia i twórczości. Kraków, 1957. S. 277; *Бэлза И. Ф.* Шопен. С. 103, 106, 132, 138.
- 85 *Бэлза И. Ф.* Шопен. С. 51, 54–57, 75–79, 140–141.
- 86 *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie. Oświecenie. Klasycyzm. Romantyzm. Warszawa, 1976. S. 7–9. О развитии польского изобразительного искусства во второй половине XVIII — первой трети XIX в. см.: *Тананаева Л. И.* Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. Живопись. Рисунок. М., 1968; *Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX века. М., 1978.
- 87 *Bartnicka K.* Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX w. (1764–1831). Wrocław, 1971. S. 24.
- 88 *Bieliński J.* Op. cit. T. 1. S. 19–24, 348–351, 596–613; *Kozakiewicz S.* Malarstwo warszawskie na tle przemian gospodarczych, społecznych i politycznych w Królestwie Polskim (1815–1830) // Biuletyn historii sztuki. Warszawa, 1952. №2. S. 33–61; *Ryszkiewicz A.* Polski portret zbiorowy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. S. 133.
- 89 *Dobrowolski T.* Nowoczesne malarstwo polskie. Wrocław, 1957. T. 1. S. 182; *Życie artystyczne w świetle prasy warszawskiej pierwszej połowy XIX wieku / oprac. E. Moszoro.* Wrocław, 1962. S. 75.
- 90 *Warszawskie wystawy sztuk pięknych w latach 1819–1845 / oprac. S. Kozakiewicz.* Wrocław, 1952. S. XXV.
- 91 *Ryszkiewicz A.* Op. cit. S. 133–135. Об истоках и происхождении сарматского портрета см.: *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи Барокко. М., 1979.
- 92 *Ryszkiewicz A.* Op. cit. S. 137–141; *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie... S. 56.
- 93 *Dobrowolski T.* Op. cit. S. 196.
- 94 *Ibidem.* S. 183.
- 95 *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie... S. 57–58.
- 96 *Sroczyńska K.* Zygmunt Vogel — rysownik gabinetowy Stanisława Augusta. Wrocław, 1969. S. 26, 106–114; *Ryszkiewicz A.* Wincenty Kasprzycki, Widok wystawy sztuk pięknych w Warszawie w 1828 r. // Biuletyn historii sztuki. 1952. №3. S. 84–91; *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie... S. 59.
- 97 *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie... S. 58–59.
- 98 *Gazeta Korespondenta Krajowego i Zagranicznego.* Warszawa. 23.XI.1830; *Tessaro-Kosimowa I.* Historia litografii warszawskiej. Warszawa, 1973. S. 18, 20–21, 58–60.
- 99 *Gazeta Literacka.* Warszawa. 27.IV.1822; *Kurier Warszawski.* 4.IX.1824; *Sulerzyska T., Budzińska E.* Jan Feliks Piwarski (1794–1859). Rysunki i grafika. Katalog wystawy. Warszawa, 1961; *Chyczewska A.* Dzieła Bacciarelliego w grafice // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. Z. 8. Wrocław, 1963. S. 345; *Tessaro-Kosimowa I.* Op. cit. S. 105–107, 132–134.
- 100 *Kurier Warszawski.* 27.VI.1821, 6.XII.1821, 10.VII.1822, 4.XII.1822, 2.IX.1824, 20.I.1827; *Olszewicz B.* Polska kartografia wojskowa. Warszawa, 1921; *Giergiele-*

- wicz. Udział oficerów inżynierii w pracach kartograficznych Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego // Saper i inżynier wojskowy. Warszawa, 1924. Z. 6. S. 203–217; *Lewestam L.* Litografie warszawskie 1818–1870 // Grafika. Warszawa, 1931. Z. 3; *Stebnowski J.* Historia druku map w zarysie // Ibidem. 1933. T. 3. Z. 1. S. 17–20.
- 101 *K[ropiński] L.* Julia i Adolf czyli nadzwyczajna miłość dwojga kochanków nad brzegami Dniestru. Warszawa, 1824–1828. T. 1–2; *Tessaro-Kosimowa I.* Op. cit. S. 138–139.
- 102 *Kaczmarzyk D.* Maliński Paweł // PSB. T. XIX. Wrocław, 1974. S. 370–372.
- 103 *Warszawskie wystawy ...* S. 23–25, 48, 50.
- 104 *Kaczmarzyk D.* Op. cit. S. 370–372; Rzeźba polska od XVI do początku XIX w. Warszawa, 1973. S. 105–108.
- 105 *Kaczmarzyk D.* Kaufman Ludwik // PSB. T. XII. Wrocław, 1966–1967. S. 228–230.
- 106 *Kurier Warszawski.* 17.V.1824, 8.III.1825, 4.VI.1825; *Kwiatkowska M. I.* Malarstwo i rzeźba w latach 1765–1830 // Sztuka Warszawy. Warszawa, 1986. S. 288.
- 107 *Życie artystyczne...* S. 81–82.
- 108 *Kotkowska-Bareja H.* Pomnik Poniatowskiego. Warszawa, 1971. S. 43–47.
- 109 *Biegański P.* Teatr Wielki. Warszawa, 1974. S. 59–60; *Kwiatkowska M. I.* Op. cit. S. 287–289.
- 110 *Bieliński J.* Op. cit. T. III. S. 569; *Łoza S.* Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa, 1954. S. 9–10, 51–52, 173; *Jaroszewski T. S., Rottermund A.* Jakub Hempel, Fryderyk Albert Lessel, Henryk Ittar, Wilhelm Henryk Minter architekci polskiego klasycyzmu. Warszawa, 1974. S. 114–116; *Kwiatkowski M.* Architektura w latach 1765–1830 // Sztuka Warszawy. S. 219–222.
- 111 *Wejnert A.* Starożytności Warszawy. T. V. Warszawa, 1857. S. 137–140; *Łoza S.* Op. cit. S. 163, 206; *Szwankowski E.* Budownictwo wojskowe w czasach Królestwa Kongresowego 1815–1830 // Z bohaterskiej przeszłości Warszawy. Warszawa, 1961. S. 113–131; *Jaroszewski T. S., Rottermund A.* Op. cit. S. 184; *Kwiatkowski M.* Op. cit. S. 216–218.
- 112 *Łoza S.* Op. cit. S. 173, 174, 275, 301.
- 113 Ibidem. S. 51, 163; *Biegański P.* Op. cit. S. 44; *Szram A.* Uwagi o architekturze kapitalistycznej Łodzi // Sztuka XIX wieku w Polsce. Naród — miasto. Materiały sesji Stowarzyszenia historyków sztuki. Poznań, grudzień 1977. Warszawa, 1979. S. 251.
- 114 *Walicki M.* Sprawa inwentaryzacji w dobie Królestwa Polskiego. Warszawa, 1931. S. 33.
- 115 *Kwiatkowska M. I.* Op. cit. S. 279.
- 116 *Mucha B.* Rola Polaków w rozwoju XIX-wiecznego malarstwa rosyjskiego // Polacy w życiu kulturalnym Rosji. S. 78–84; *Свирида И. И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве. XVIII — середина XIX в. М., 1999. С. 83, 139–142, 150–186, 215, 223.
- 117 *Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры. Т. 1. С. 265–269; *Он же.* Мария Шимановская. М., 1956. С. 93–129.

ГЛАВА 7.

Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.

1. КОНСТИТУЦИОННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Уникальный опыт кратковременного существования польского конституционного парламентского государства в составе самодержавной Российской империи не мог не повлиять на русское общество. Это влияние было в большой степени обусловлено особой польской политикой самодержавия в период существования Королевства Польского, и оно не было одномерным. Исследование откликов русского общества на образование Королевства заставляет обратиться к вопросу его информированности о развитии там конституционных институтов, к анализу уровня национального и политического сознания в России, а также к проблемам межнациональных отношений и особенностей формирования в XIX в. представлений русских о Польше и поляках.

Создание Королевства Польского и наделение его одной из самых либеральных в Европе конституций было результатом личной политики Александра I, которую он осуществлял, не считаясь с мнениями соотечественников, а порой прямо вопреки им. Воссоздание ликвидированной при участии его бабки польской государственности, привилегии и монаршие милости, данные вчерашнему неприятелю, воевавшему на стороне Наполеона, дарование полякам невиданных россиянами гражданских и политических свобод и, наконец, декларации о будущем возврате Польше земель, ранее отторгнутых в пользу России, — все это по понятным причинам не встречало одобрения в русском обществе. Тем не менее Александр I сохранял в отношении Польши индивидуальную последовательную установку, столь отличную от политического курса своих предшественников и преемников.

1815–1825 гг. можно считать временем, когда польская политика самодержавия стала средоточием разногласий между властью и об-

ществом. В эти годы в польском вопросе «наглядно проявилось расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими самые различные круги»¹.

Разногласия между императором и его окружением по поводу воссоздания польской государственности возникли раньше, еще до 1815 г. * Российские государственные сановники почти единодушно отговаривали Александра I от восстановления Польши. В начале 1813 г. К. В. Нессельроде, фактически исполнявший функции министра иностранных дел, представил императору записку, в которой призывал его в польском вопросе руководствоваться не романтическими иллюзиями, а непосредственными государственными интересами России. Нессельроде уверял Александра I, что «в голову ни одного человека разумного и искренне преданного интересам России не могла прийти мысль посоветовать восстановление Польши только для того, чтобы потворствовать иллюзиям этого легкомысленного и беспокойного народа». Выгоды же России от создания самостоятельного польского государства под русским скипетром, по его словам, были незначительны: ибо «каким образом можно думать, что в сердце поляка может когда-либо запасть желание видеть Польшу под русской властью?». Поляки, полагал Нессельроде, менее всех останутся довольны своими приобретениями. Кроме того, считал он, российским императорам пришлось бы сочетать в одном лице функции конституционного и самодержавного монарха, что неминуемо бы привело к осложнениям: в результате одна политическая система должна была бы поглотить другую. Последним доводом Нессельроде против планов Александра I было «крайнее отвращение русских» к предполагаемой мере². Против восстановления Польши в качестве отдельного государственного образования высказывался и полномочный министр России в Париже К. О. Поццо ди Борго³.

Поборник российско-польского сближения А. Чарторыйский был обеспокоен антипольскими настроениями в России. В марте 1813 г. он советовал императору принять меры, чтобы не допустить антипольских выступлений в российской печати: «Союз, великодушное забвение причиненного зла, благопристойность и славная победа над преходящим чувством ненависти и раздражения, которое должно уступить место правильно понятой политике, стремлению к справедливости и в особенности к единению двух родственных наций, — вот тема, которую [...] подобает развить»⁴. «Оценка чувств, влияющих с обеих сторон на суждение о новых связях между ними [т.е. между русскими и поляками. — *Н. Ф.*], которые установятся после восстановления Польши, разбор господствующих мнений и царящих с той и с другой стороны предубеждений» были предметом внимания и вице-председателя Верховного временного совета по управлению Княжеством Варшавским Н. Н. Новосильцева, также представлявшего Александру I записки⁵.

Председатель Временного верховного совета по управлению Княжеством Варшавским В. С. Ланской также высказывался против планов

* См. также главу 1.

императора. В письме к царю 4 мая 1815 г. он с патриотических позиций предостерегал его перед опасностью, проистекающей из сохраняющейся враждебности поляков к соотечественникам. «Государь, прости русскому, открывающему пред тобою чувства свои и осмеливающемуся еще изъяснить, что благосердие твое и все усилия наши не могут быть сильны сблизить к нам народ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведение и сообразные оному наклонности противны священным нашим правилам; и потому, если я не ошибаюсь, то в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить яд свой на нас»⁶.

Патриотические настроения, возникшие после Отечественной войны 1812 г., приобрели в связи с польской политикой Александра I еще большую значимость. По словам русского историка Н. К. Шильдера, еще до Венского конгресса намерение Александра I восстановить Королевство Польское, ставшее известным в высших петербургских сферах, «вызвало некоторое охлаждение того радостного впечатления, которое возбудило в обществе вступление русских войск в Париж»⁷. Нелегко было изгладить из памяти образ вчерашнего неприятеля, воевавшего под знаменем Наполеона и участвовавшего в походе на Москву. В сознании русских запечатлелись бесчинства поляков в оккупированной Москве⁸, «измена» польского населения Литвы, с радостью встретившего Наполеона и сформировавшего собственный полк для действий против русской армии⁹. Неудивительно, что милости, расточаемые царем полякам, — амнистия участникам военных действий, незамедлительная отправка польских легионов на родину за счет России и содержание всей польской армии вплоть до 1817 г. — вызвали ропот. Александр I отличал бывших наполеоновских генералов, занявших высшие командные посты в Королевстве Польском, — национальная гордость русских военачальников была задета.

Возрождение польской государственности казалось большинству россиян не только не отвечающим стратегическим интересам России, но и незаслуженным благодеянием для бывших врагов, а ныне вероломных и ненадежных подданных. Конституционное устройство Королевства Польского и либеральная политика Александра I в первые годы его существования возбудили в русском обществе зависть и раздражение против поляков. В дарованных полякам свободах русские люди усмотрели унижение тех, кто поляков победил. Явное недовольство вызывало полонофильство Александра I, его сближение с польской аристократией. В разговорах с императором не раз звучали ревнивые замечания по поводу его польской политики. «Государь! Зачем Вы ездите к полякам? Зачем пишете такие благодарственные манифесты?» — спрашивал его А. Ф. Орлов, добавляя: «Кто может любить Вас так, как русские?»¹⁰ Генерал-адъютант императора, впоследствии историк, А. И. Михайловский-Данилевский свидетельствовал: «Государь с поляками обращался ласковее, нежели с русскими, что происходит не от душевного к ним расположения, а от политических видов, ибо он желает искоренить вековую вражду, существующую между двумя народами, соединенными, наконец, его победами под одну державу»¹¹. Однако мало кто понимал цели польской политики царя. Автор известных воспоминаний о русской общественной жизни

того времени Ф. Ф. Вигель писал о своем одобрении польской политики Александра I в 1815–1816 гг. как об исключительном явлении. «Как назвать восстановление свободной Польши самодержцем Всероссийским? Никогда еще столь великодушного ослепления не было видано. [...] Никто в Петербурге, ни даже настоящие или мнимые друзья свободы, никто не скрывал неодобрения и прискорбия при виде сих новых опасностей, которые добровольно создавал он для России. [...] Отнюдь не будучи свободомыслящим, я, быть может, один в восприятии титула царя Польского видел событие, счастливое для России, и основание нового для нее величия в будущем. Мне казалось, что Польша к России должна быть в том же отношении, как при Наполеоне Италия была к Франции [...]. Или, думал я, Польша будет главным звеном той цепи, которая потянется от нее направо и налево и составлена будет из единокровных ей и нам славянских государств. Опираясь на Россию, как на огромную скалу, они сами, как ряд твердынь, будут защищать ее от нападения западных народов»¹². Энтузиазм Ф. Вигеля разделяли, как правило, лишь люди, кровно связанные или близко знакомые с польской культурой.

Единственной в России частной инициативой, приветствовавшей создание Королевства Польского, стало издание Ф. Ф. Орля-Ошменьцем, писателем и педагогом, преподавателем орловской, а затем могилевской гимназии, журналов «Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или орловский российский журнал на 1816 год» (выходил в 1816–1817 гг.) и «Отечественный памятник, посвященный дружелюбному соединению российских и польских народов» (1817–1818 гг.)¹³. Эти периодические издания не имели ни широкого общественного резонанса, ни скольконибудь серьезного политического или литературного значения. Более того, публикуемые там статьи принадлежали явно перу дилетанта (автором большинства публикаций был сам издатель). Рядом со статьями, посвященными русско-польскому сближению, помещались речи автора о пользе преподававшихся им в гимназии предметов, а новости из Польши перемежались с новостями из Орла. Среди подписчиков преобладали жители города Орла и родственники издателя — поляка по происхождению. Однако ни польское происхождение Орля-Ошменьца, ни узкий круг его читателей не отменяют значения его изданий как части общественного дискурса польской политики Александра I в России. Знаменательна сама по себе самостоятельная попытка пропаганды и поддержки польских начинаний императора.

Цель первого из журналов, названного «Друг россиян», формулировалась следующим образом: «Стараться утвердить в вечном союзе непоколебимого дружества умы и сердца славяно-российских и польских народов чрез посредство их просвещения и добродетели; представить в приятно-сокращенном виде (из разных славнейших авторов, собственных сочинений российских и польских писателей) лучшие места и отборнейшие мысли, относящиеся к дружеству, славе, человеколюбию, любви царя и отечества...»¹⁴.

Под «другом россиян» издатель подразумевал, во-первых, самого Александра I, который «возвеличил Россию и пленил новоприобретен-

ные польские народы величием своего гения, сердца и духа»¹⁵. Ему была посвящена открывавшая первый номер журнала статья «Глас сердца. В честь русскому императору и польскому царю Александру I», в которой говорилось: «Славяно-российское и польское племя, наслаждаясь мирным спокойствием под скипетром обожаемого царями вселенной ласково-повелевающего монарха, вкушает приятные плоды братней любви и дружелюбного соединения». Автор прославлял Александра I, «великого наследника Петра, Екатерины, Собеских, Болеславов, Сигизмундов, Ягеллонов», и совершенно в духе его тогдашней политики писал об общих добродетелях «сих двух великих народов»: «склонности к великодушию, геройству и преданию вечному забвению прежних недовольствий». Он выражал надежду, что «прекрасный пол скромных россиянок и нежных полек, вступая в сладкий союз священного супружества с своими единоплеменниками, наподобие римлянок и сабинянок, употребит все силы своих прелестей к ознаменованию законной любви — совершенным примирением двух собратних народов [...] Восхищайтесь, российские и польские народы!»¹⁶

Кроме того, «другом россиян» Ф. Орля-Ошменец — энтузиаст русско-польского культурного сближения — считал объединившегося с ними под одним скипетром поляка. Статья под названием «Счастливая судьба Польши под царствованием Александра I» гласила: «Укоренившиеся враждебные чувства и мнения между собратними единоплеменниками взаимно должны угаснуть при утешительной мысли о будущих выгодах для обоих великих племен славянского народа. Отныне русские и польские народы будут братьями...»¹⁷.

Наряду с патетическими фразами и эмфатическими конструкциями журнал содержал и некоторую информацию о жизни Королевства Польского. В нем регулярно печатались «Польские новости, извлеченные из варшавских ведомостей». Под этой рубрикой помещалась информация о назначении министров Королевства Польского, о том, на какие воеводства оно делится, какие там утверждены ордена и кто стал их кавалерами, публиковались новости придворной жизни и т. п. О конституции 1815 г. было сказано лишь то, что она «приводит в восхищение всю польскую нацию». Кроме этого, автор пытался в меру своих возможностей знакомить читателей с польской историей, литературой и даже с языком. Вот названия некоторых его статей: «Геройская добродетель и храбрость царствовавшей вдревле на польском троне прелестной Ванды, римско-латинским слогом украшенная», «Римско-латинское повествование о царствовании достоправного Леха, отца польских монархов и первого древней Польши основателя», «Краткое замечание о приятном сходстве и некотором различии единоплеменных языков российского и польского», «Достопамятные слова великой Екатерины о россиянах и их единоплеменниках, из разговора ее с польской дамой извлеченные». В журнале помещался также обзор творчества «первоклассных польских писателей» и «польских писателей, известных в учености из разных своих сочинений и переводов».

Так издания Ф. Орля-Ошменца отразили надежды, которые связывали с польской политикой Александра I российские поляки и пропольски

ориентированные представители русского общества. Но они находились в явном меньшинстве.

Большинство же находило все новые доводы против польской политики императора. Нарекания вызывали расходы, связанные с поддержкой Россией вновь созданного государства, которое рассматривалось обществом как побежденное и завоеванное. «Польша являет первый пример, что завоеванная земля не приносит не токмо никакого дохода победителям своим, но даже причиняет им большие убытки. Со времени вступления российских войск в Варшавское герцогство, то есть с начала 1813 года, Россия не получала с оного ни малейшего дохода. Суммы, отпускаемые в Польшу из российского казначейства, служат для оного истинным отягощением, ибо министр финансов недавно доносил императору, что издержки государственные превышают доходы [...]. Образование польской армии предоставлено цесаревичу Константину Павловичу. Российское военное министерство имеет о существовании сих войск сведение потому только, что отпускает оному орудия, снаряды, лошадей и деньги. Сии предметы стоят нашему казначейству в последние шесть месяцев двадцати миллионов рублей. Жалованье производится войскам на том же основании, как и при французах; таким образом, содержание польского капитана более, нежели русского генерала», — писал в 1815 г. А. И. Михайловский-Данилевский¹⁸. На фоне послевоенного разорения Москвы и некоторых российских губерний, ряда неурожайных лет содержание на счет России польской армии в первые годы существования Королевства Польского казалось непозволительной роскошью. И. А. Крылов откликнулся на ситуацию басней «Тучи и море», в которой туча, полная водой, миновав иссушенную пустыню, «большим дождем над морем пролилась». Адресованные императору упреки в непатриотизме соседствовали с упреками в убыточности для России его польской политики.

О зависти, которую в России пробуждала польская политика Александра I, писали и польские мемуаристы. Разногласия императора со своим окружением по поводу условий создания Королевства Польского не были для них секретом. Уверенность поляков в том, что Александр I одинок в своих польских симпатиях, не могла положительно сказываться на русско-польских отношениях. Так, Ю. У. Немцевич был убежден в «зависти и ненависти», с которой «москальи» воспринимают все то, что происходит в Польше. Комментируя поведение Александра I, он порой преувеличивал опасность, исходящую от окружения императора, полагая, что тот в отношении поляков вынужден вести себя так, чтобы «не восстановить против себя москалей»¹⁹. О препятствиях, которые конституционный король Польши испытывал со стороны русского народа, писал К. Козьян. По его мнению, польскому Патриотическому обществу не следовало объединяться с декабристами, «не желавшими существования Польши»²⁰. «Неудовольствие, которое зародилось в России ввиду пристрастия Александра I к полякам», отмечала и А. Потоцкая²¹.

Событием, оказавшимся наиболее важным для русской общественности, стала варшавская речь Александра I в марте 1818 г. при открытии

первого польского сейма*. В ней император связал судьбу России с развитием политической жизни и парламентских институтов в Королевстве Польском. В речи 15 марта 1818 г. было два момента, которые не могли оставить равнодушным русское общество. С одной стороны, Александр I намекал на возможное присоединение к Королевству Польскому западных губерний России, с другой — открыто декларировал намерение ввести в России конституцию, подчеркивая, что от хода польского «эксперимента» зависит будущность всей империи. Поляки, таким образом, по его замыслу, должны были показать пример русским подданным императора. Речь императора при открытии сейма 1818 г. стала одним из кульминационных моментов его царствования: она имела в России огромный резонанс, возбудив надежды на введение конституции²². Однако значение этой речи состояло и в том, что она всерьез привлекла внимание мыслящей части русского общества к польской политике Александра I и особенностям государственного устройства Королевства Польского.

После варшавской речи Александра I патриотические, а подчас прямо националистические настроения еще более усилились. «Варшавская речь больно отозвалась в сердцах русских патриотов. Новое поколение. Патриотическая скорбь, — характеризовал это время Н. К. Шильдер. — Отцы (т. е. вольнодумцы XVIII в.) были русские, которым страстно хотелось стать французами, а сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими»²³.

Конституционное устройство Королевства Польского и либеральные декларации Александра I, обращенные к полякам, возбудили в просвещенном русском обществе зависть и особое раздражение, так как в действиях царя, подразумевавших, что Россия менее, чем Польша, готова к введению конституции, россияне усмотрели ущемление национального достоинства. Генерал А. П. Ермолов писал в апреле 1818 г. А. А. Закревскому: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены»²⁴. Ф. В. РаSTOPчин свидетельствовал: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное им полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят его о конституции»²⁵. Об антипольских настроениях, царивших тогда, вспоминал впоследствии декабрист Н. И. Тургенев. Даже князь П. А. Вяземский, который в 1818 г. только начинал свою службу в Варшаве и еще не успел сблизиться с польским обществом, с досадой писал: «Зачем говорить полякам о русских надеждах? Дети ли мы, с которыми о деле говорить нельзя...»²⁶

Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич вспоминал о пребывании в Польше в 1818 г.: «В Варшаве русских как будто вовсе не было; мы все чересчур стушевывались [...] везде первенствовали поляки: они, будто они одни представляли собою тип всех способностей, у которых русские должны, будто бы, всему учиться. Такое положение не было естественно и не могло долго продолжаться. Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские

* См. также главу 5.

молчаливо, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству»²⁷. Беседуя между собой, русские военачальники М. А. Милорадович и А. И. Остерман предрекали И. Ф. Паскевичу, что ему придется через десять лет брать Варшаву штурмом²⁸ (что в действительности и произошло в 1831 г.). Этот эпизод свидетельствует не только о дальновидности участников Отечественной войны 1812 г., но подтверждает существовавшее расхождение между формальным статусом Королевства Польского и его восприятием русскими как «завоеванного края».

Примечательно, что «патриотическая скорбь» объединяла и сторонников, и противников конституционных преобразований в России. И «либералисты», с энтузиазмом воспринявшие обещание конституции, и консерваторы, противившиеся любым проектам коренных реформ, в первую очередь, отмене крепостного права, были охвачены антипольскими настроениями. Это предвидел российский министр иностранных дел И. А. Каподистрия, читавший в феврале 1818 г. подготовленный Александром I текст речи и возражавший против двух ее пунктов — «сравнения, которое император предположил провести между Польшей и Россией, и обещания присоединить к Царству Польскому губернии, входившие в состав России». Его замечания, однако, не подействовали на императора: Александр I оставил собственный вариант речи, который и произнес перед польским сеймом²⁹.

В это время представления о Польше, свойственные просвещенной части российского общества, диктовались прежде всего отношением к ней как к историческому противнику России. Негативный образ недавнего союзника Наполеона в войне 1812 г., способствовавшей небывалому росту национального самосознания русских, дополнялся реанимированным уже в 1806–1807 гг. образом поляков-интервентов периода Смуты. После Тильзитского мира, воспринятого как национальное унижение, в России стал активно формироваться канон восприятия событий начала XVII в. Освобождение России от поляков в 1612 г. стало в начале XIX в. восприниматься как ключевое событие народной истории³⁰. Все это дополнялось пришедшим с Запада образом Польши как отсталого во всех отношениях государства, где господствует анархия и шляхетская вольница. Еще в 1802 г. в «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин писал: «Польская [республика] была всегда игрищем гордых вельмож, театром их своевольтва и народного унижения. [...] пусть ветер развеивает пепел тех капищ, где тиранство было идолом»³¹. Мысли о несовместимости традиций шляхетского республиканизма с гражданскими свободами высказывались и на Венском конгрессе критиками польской политики Александра I.

Подобным образом и в 1818 г. Н. И. Тургенев, вспоминая о разделах Речи Посполитой, продолжал утверждать, что хотя и «печально для друга человечества видеть уничтожение Польши, но сие уничтожение сблизило тогда Россию с Европой». «Польша в недавнем ее существовании, — писал он в своем дневнике, — была бы всегда стеной, отделяющей нас от Европы с сей стороны, и грязным источником, из которого бы текла в Россию безнравственность и подлость дворянства польского и ненависть

и презрение к конституционным государствам. Народ или публика судят по первым впечатлениям; первые же впечатления, поражающие обыкновенных людей при виде Польши, были бы конституция и беспорядки, своеволие и рабство!»³² Размышляя о польской политике Александра I, Тургенев высказывал опасения, что конституционные свободы могут прийти в Россию через Польшу, как «чистая вода через нечистый водопровод»³³.

Еще более серьезное недовольство вызвали проекты возможного присоединения к Королевству Польскому части западных губерний России, ранее входивших в состав Речи Посполитой. Реакцией на двусмысленные заявления Александра I по этому поводу стало личное послание к нему Карамзина в 1819 г., озаглавленное «Мнение русского гражданина». В нем Карамзин резко выступил против усиления Польши. Создание сильного, независимого польского государства, по мнению историка, полностью одобрявшего разделы Польши, противоречило государственным интересам России. Призывая Александра I отказаться от планов расширения Польши, он писал: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим [...]. Для Вас Польша есть законное российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, и Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое Княжество Рязанское и так далее [...] восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу [...]. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее поляков-россиян». Выступая от имени русского дворянства, Карамзин оспаривал право императора распоряжаться территориями по собственному усмотрению: «Я слышу русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; остыли бы душой к отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола. [...] Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской»³⁴. Записка Карамзина, прочитанная им лично Александру I за чаем в царскосельском кабинете, стала причиной охлаждения императора к своему негласному советнику. «Мы пробыли вместе с глазу на глаз пять часов» и после этого «душою расстались, кажется, навеки», — вспоминал российский историограф.

Фактически «Мнение русского гражданина» адекватно отразило настроение просвещенного российского большинства, начиная от консервативных кругов и кончая членами тайных обществ. Примерно то же самое, вероятно, говорилось и в не сохранившейся записке генерала М. Ф. Орлова, подписанной группой его единомышленников и обращенной к царю. Записка эта (ее составление относят к 1817 г.) так и не была представлена Александру I, но дошедшие до императора слухи о ней стоили принимавшему капитуляцию Парижа Орлову карьеры³⁵. Вот что сообщал о подготовке этого документа декабрист И. Д. Якушкин: «Когда сделалось известным намерение императора Александра образовать отдельный литовский корпус и, одевши его в польский мундир, дать ему литовские знамена, намерение это возмутило многих наших генералов, и они согласились между

собой подать письменное представление императору, в котором излагали весь вред» этого проекта³⁶.

Известно, что борьба с планом включения земель Великого княжества Литовского в состав Королевства Польского натолкнула М. Ф. Орлова и многих других будущих декабристов на мысль о создании обществ, которые могли бы противодействовать аналогичным польским организациям, якобы влияющим на польскую политику Александра I. Польский вопрос стал важным стимулом деятельности первых декабристских организаций — Ордена русских рыцарей, Общества истинных и верных сынов Отечества, переименованного впоследствии в Союз спасения. Целью Ордена русских рыцарей было «противопоставить русское тайное общество предполагаемым польским»³⁷. В планах Ордена, разработанных М. А. Дмитриевым-Мамоновым, было присоединение к России прусской и австрийской частей Польши с полной последующей ликвидацией польской государственности.

Известно также, что письмо князя Трубецкого о якобы готовящемся присоединении Литвы к Польше, полученное в Москве осенью 1817 г., послужило толчком к преобразованию Союза спасения и планам царевбийства. И. Д. Якушкин свидетельствовал: «В 17-м году была напечатана по-французски конституция Польши. В последних пунктах этой конституции было сказано, что никакая земля не могла быть отторгнута от Царства, но что по усмотрению и воле высшей власти могли быть присоединены к Польше земли, отторгнутые от России, из чего следовало заключить, что по воле императора часть России могла сделаться Польшей. Все это посеяло ненависть к императору Александру в людях, готовых жертвовать собою для блага России». Декабрист вспоминал о замысле лишить царя жизни, возникшем у него во время чтения на собрании у А. Н. Муравьева «только что полученного письма от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»³⁸. Таким образом, либеральные цели тайного движения тесным образом переплетались тогда с патриотическими, которые приобрели националистическое звучание³⁹.

Впоследствии, в начале 1820-х гг., в декабристском движении возобладала линия добрососедства и сотрудничества с поляками. Это объяснялось как видимым отказом Александра I от своих обещаний полякам, так и реальными задачами, вставшими перед членами тайных обществ: им необходимы были союзники. Для декабристов чрезвычайно важно было, как развернутся события в Польше в момент революции в России. В 1823–1825 гг. между российскими и польскими революционными организациями завязались контакты. Будущее устройство Польши и ее отношение к России обсуждалось на переговорах между представителями Юж-

ного общества декабристов и польского Патриотического общества в 1824 и 1825 гг. * Польский вопрос нашел отражение и в программах декабристских организаций. В целом весьма националистическая по духу «Русская Правда» П. И. Пестеля, согласно которой все народы России должны были слиться в единый народ, предусматривала для Польши особые права. По Пестелю, Россия должна была гарантировать Королевству Польскому политическую независимость и расширение его территории более чем в два раза. Все это, однако, планировалось осуществить при условии, что Польша восстанет одновременно с декабристами, проведет у себя те же социальные преобразования и вступит в тесный союз с Россией⁴⁰.

Искоренение ненависти между русскими и поляками было одной из основных целей образованного в 1823 г. Общества Соединенных славян. Выдвинувшее идею славянской федерации, это объединение характеризовалось заметным наличием польского элемента в своем составе. В программе Южного общества, как свидетельствовал на следствии М. П. Бестужев-Рюмин, было также записано: «Общество русское всеми мерами будет стараться искоренять ненависть, существующую между обоими народами, представляя, что в просвещенном веке, в котором мы живем, польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть есть принадлежность времен варварства»⁴¹.

Конституционный «эксперимент» Александра I в Королевстве Польском предусматривал, что русское общество отныне сможет пристально наблюдать за «спасительным влиянием» «законносвободных учреждений», как выразился император. Обращаясь к полякам на открытии первого сейма, он заявил: «...вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»⁴². Польская конституционная практика, таким образом, была призвана стать образцом воплощения в жизнь конституционных идей и примером для его русских подданных. Какова же на деле была роль конституционного Королевства Польского в развитии правового сознания в России?

В целом русское общество было плохо информировано о конституционной практике и общественно-политической жизни в Королевстве Польском. Редкие публикации на эту тему в русской прессе не отражали сколько-нибудь полно даже формальную сторону реализации конституции 1815 г. и развития парламентской жизни, не говоря уже о сути политических конфликтов в Королевстве Польском вообще и в сейме в частности. Материалы на эту тему появлялись преимущественно в созданном специально, чтобы знакомить читателя с европейскими новостями, «Вестнике Европы» и «Духе журналов», также содержавшем подборки из иностранной прессы. «Вестник Европы» сочетал изредка публиковавшиеся политические материалы о Королевстве Польском с научными и литературными, открыто или завуалированно заимствованными из польской прессы⁴³.

В начале 1815 г. «Дух журналов» информировал читателей о конституционных намерениях Александра I относительно Королевства Польского.

* См. также главу 5.

Это издание опубликовало текст письма из Вены императора к председателю Сената Княжества Варшавского Т. Островскому, в котором говорилось о принципах создания нового государства⁴⁴. В конце того же года «Вестник Европы» поместил взятую из варшавских газет информацию о провозглашении Королевства Польского и обнародовании основ его конституции. Эта верноподданническая по духу и форме статья была посвящена пребыванию Александра I в Варшаве в ноябре 1815 г. Подробно описывалось, как, где и кем император был встречен, кто из поляков был ему представлен, цитировались официальные приветственные речи, обращенные к «воскресителю имени польского». Однако очевидно, что, как и в других материалах, посвященных Королевству Польскому, события, связанные с передвижением императора и августейшего семейства, были лишь поводом привлечь внимание к ситуации в этом государстве. Александр I предстал в этой статье благодетелем поляков, поляки же — преисполненными благодарности новыми подданными. Отмечалось, что император не принял ключей от Варшавы, сославшись на то, что прибывает туда не как победитель, но как «вселюбезнейший монарх, движимый благостию». С другой стороны, особое внимание обращалось на преданность поляков своему новому королю (польское слово «король» здесь, как и в дальнейшем, переводилось на русский язык словом «царь»): «Невозможно выразить словами всей силы тех чувств, с коими Всемилостивейший Царь наш принят был новыми своими подданными; и ими-то именно оное торжество отличается от всех прочих. Проникнутые любовью к тому, который лишь ступил на польскую землю, в ту ж минуту явился благодетелем ее жителей, мы занимались мыслями и чувствами благодарности...»

Не была забыта и роль Александра I как покровителя польской науки и просвещения. В доказательство приводилась речь С. Сташица на встрече императора с представителями варшавского Общества друзей науки, выдержанная в официальном духе и приветствовавшая политику слияния двух народов: «Даруя нам уставы свойственных нам законов и правительства, соединяя народ польский с российским, отдаляешь, Всемилостивейший государь, всякое взаимное несогласие от сих двух старших братьев великого потомства славянского и оставляешь при них только единодушное рвение совершить великие твои намерения, стремящиеся единственно к устройению счастья бесчисленному поколению славянскому! [...] Взаимное старание об усовершенствовании обоих родственных между собой языков, от одного источника проистекших, взаимное в них водворение наук будут плодами новых отношений и связей между обоими народами, и сии связи Общество наше тщательно хранить будет»⁴⁵.

Отдельным оттиском по-русски была напечатана торжественная речь по случаю обнародования основ польской конституции члена Временного верховного совета по управлению Княжеством Варшавским Т. Вавжецкого⁴⁶. Подобные материалы, как впрочем и те, что публиковались в польской правительственной «Газете Варшавской», носили официальный характер и подчеркивали благодеяния, оказанные монархом народу, который «вел с ним войну, вторглся в его земли и не имеет перед ним еще ни одной заслуги» (слова Т. Вавжецкого). Сходным по содержанию было

также воззвание к полякам наместника Ю. Зайончека, опубликованное в 1816 г. в «Вестнике Европы». Зайончек восхвалял Александра I, который «воссел на престоле Пястов и Ягеллонов, и счастье поляков сделалось потребностью Его сердца». Недавно назначенный наместник Королевства Польского призывал поляков: «Покажите свету, что восстановление ваше полезно для великого семейства народов Европы, окружите преданностью вашу престол Александра, престол Польский. Старинное слово поляков: Царь и отечество везде да предводительствуют вами. Оная верность царям, кою славятся бытописания поляков, да будет драгоценнейшею для вас доблестию». Краткая апелляция Зайончека к «конституционному уставу» не разъясняла русскому читателю его основных положений. Из слов Зайончека можно было понять лишь то, что поляки «не утратили ни одной свободы, дарованной им прежними статутами: к свободам тем приобщены еще другие», а также узнать о превосходстве конституции 1815 г. над конституцией Княжества Варшавского: «Прежний статут Княжества, в духе чуждого племени сочиненный, стремился к тому единственно, чтобы при сотворении нового народа сделать его звеном в системе всемирной монархии. Напротив того, нынешние уставы сохраняют все толико вам драгоценные знамения народных обычаев». Гарантией безопасности Польши, по словам наместника, отныне должен был служить союз с Россией⁴⁷. В том же номере «Вестника Европы», где было опубликовано воззвание Зайончека, помещалась следующая краткая информация: «Новая польская конституция, подписанная в Варшаве 28 ноября во французском оригинале, состоит из 165 статей. Она останется во всемирной истории вечным памятником великодушия Александра»⁴⁸.

В том же 1816 г. «Вестник Европы» в разделе «Современная история и политика» опубликовал статью «О конституции Польского Царства»⁴⁹. В польском контексте эта статья представляла собой правительственный комментарий к основному закону страны. Целью комментария было провозглашение «величия» польской конституции, ее «превосходства перед всеми подобными конституциями» и «нерушимости отношений между монархом и народом». Для русского же читателя это была первая возможность познакомиться с особыми либеральными принципами государственного устройства части Российской империи⁵⁰. (В 1818 г. текст польской конституционной хартии переводился в канцелярии Н. Н. Новосильцева П. А. Вяземским на русский язык, однако этот перевод не был тогда опубликован)⁵¹. Публикация в «Вестнике Европы» предварялась выдержкой из «Северной почты» — издания, которое, по словам авторов публикации, «первое в нашем отечестве в царствование Александра начало сообщать публике известия и суждения о выгодах свободного книгопечатания и благодетельности либеральной конституции». «Не быв уполномочены предложить читателям нашим полную конституцию, обнародованную в № 103 Варшавской газеты, — писали далее издатели „Вестника Европы“, — удовольствуемся извлечением из нее некоторых, впрочем весьма многим известных пунктов».

Статья «О конституции Польского Царства» восхваляла монарха, который, «не помышляя о мести, единственно предался чувству великоду-

шая [...], враждебное войско почел достойным своей доверенности [...], чтобы вознести из праха имя поляка, возложил на себя его корону [...], даровал ему конституцию, возводящую его на высочайшую степень счастья и гражданской образованности: сие, — подчеркивалось в статье, — можно назвать истинно дивным в истории человеческих деяний феноменом»⁵². Положения конституции пересказывались выборочно, порой в достаточно обтекаемых формулировках. Упоминалось равенство всех перед законом, защищающим в том числе от злоупотреблений власти, и равное покровительство всем христианским вероисповеданиям. Говорилось об ответственности министров за соответствие королевских указов конституции и о присяге ей будущих преемников трона. Не разъяснялись подробно механизмы народного представительства, однако подчеркивалось, что в его компетенцию входит суд над министрами и высшими государственными чиновниками. «Чтобы отклонить даже тень какого-либо перевеса в сем святилище законодательства, — восклицал автор статьи, — монарх не дозволяет Государственному Совету, предлагающему проекты законов, подавать голоса касательно их утверждения!» Упоминалось также «избрание чиновников самими жителями», т. е. составление воеводскими советами списков кандидатов на административные должности.

Предметом повышенного внимания издателей (в этом, разумеется, проявилась правительственная политика) было представление речи Александра I при открытии первого сейма Королевства Польского. Она, как и другие речи императора, была выпущена отдельным оттиском, а также воспроизведена в ряде периодических изданий⁵³.

Содержание парламентских дебатов в русской прессе представлено не было. Из материалов сейма, кроме речей Александра I, была опубликована лишь речь министра внутренних дел Т. Мостовского на сейме 1818 г. Представляя собой голос правительства, она в то же время содержала изложение основных положений конституции, «преимущества коей перед статутом конституции Княжества Варшавского равно очевидны — преимущества в рассуждении прав народных, общего обеспечения неприкосновенности личной, свободы совести и мнений, безопасности имущества, особенного покровительства католическому исповеданию без нарушения прав, другим исповеданиям присвоенных, преимущества в рассуждении привилегий народного представительства, принадлежностей сейма и судебной власти, члены коей, одни бессменные, другие от выбора зависящие, в мнениях своих и действиях не подлежат никакому влиянию правительства»⁵⁴.

Источником, из которого узкий круг лиц в России мог черпать информацию о польских делах, были письма из Королевства Польского. Например, члены свиты Александра I, сопровождавшие его во время визитов в Варшаву, сообщали своим друзьям о происходящем. Однако в центре их внимания была не столько польская политическая жизнь, сколько слова императора, касавшиеся судьбы России. Так, генерал-адъютант императора А. С. Меншиков сообщал А. А. Закревскому в апреле 1818 г. о посылке ему заключительной речи Александра I на сейме⁵⁵.

Более информативны были письма П. А. Вяземского своим друзьям декабристского круга — братьям Тургеневым и М. Ф. Орлову. Либерал по

убеждениям, «декабрист без декабря», Вяземский в 1818–1820 гг. находился в Варшаве на службе у императорского комиссара в Королевстве Польском Н. Н. Новосильцева. Работая в его канцелярии, Вяземский не только переводил на русский язык текст польской конституции и речи Александра I, но также принимал участие в разработке Государственной Уставной грамоты — проекта конституции Российской империи. На него была возложена «переливка» текста проекта Уставной грамоты в «русские формы».

В те годы Вяземский был убежденным сторонником конституционных начинаний Александра I. Вначале с некоторым скепсисом отнесшийся к «чудесам Царства Польского», он тем не менее сразу почувствовал там «какие-то вздохи свободы». «Пусть конституция на бумаге родится у нас от конституции на деле», — писал он А. И. Тургеневу, сообщая в апреле 1818 г. о первых опытах польского сейма⁵⁶. Довольно скоро он сблизился с либеральным варшавским обществом и глубоко проникся его интересами. «У меня каждый раз прения французской палаты снова преют за варшавским обедом», — сообщал он петербургским друзьям⁵⁷. Вместе с поляками он радовался успехам либеральной оппозиции, утверждая, что «там, где есть малейшая щель для государственной истины, там она, как ни делай, хлынет рекой и все одолевает, и все с собой уносит»⁵⁸. Вместе с поляками он переживал разлад между конституционными институтами и произволом главнокомандующего польской армией великого князя Константина, возмущался закрытием либеральных газет, сетуя на то, что это «компрометирует правительство». «Конституционные сени в деспотических казармах — уродство в искусстве зодческом, и поляки это очень чувствуют. Нам от их сеней не тепло, но им от наших казарм очень холодно», — с горечью отмечал он, возлагая большие надежды на Уставную грамоту⁵⁹.

Два раза — в 1818 и в 1820 гг. Вяземский выступал с инициативой издания в Варшаве русского журнала, в котором освещалась бы парламентская жизнь Королевства Польского. «Как не навести общего мнения на правильное созерцание государя в Варшаве, посреди представителей народных, беседующего с ними о благах общественных и требующего от них не безмолвного, не рабского повиновения, но советов и послушности обдуманной и собственно их пользою предписанной!» — писал он о своем замысле⁶⁰. По поводу издания журнала Вяземский неоднократно вел переговоры с братьями Тургеневыми и М. Ф. Орловым. Однако осуществить эти планы оказалось невозможным. «Я было намеревался доставлять в Россию вести о свободе, весьма умеренной и обузданной, вести о действиях здешнего сейма, нам не чуждых, ибо как ни говори, а они у нас не только под носом, но часто могут быть и на носу, но, как я писал Орлову, в обширной спальне России никакие будильники не допускаются, и я намерения своего провести не мог», — жаловался он С. И. Тургеневу в 1820 г.⁶¹ Тем не менее, Вяземский, как свидетельствует его обширная переписка, продолжал сообщать своим друзьям все новости из польской политической жизни, а также снабжать их «журналами сейма» и законодательными актами. По просьбе А. И. Тургенева он выслал ему текст хартии 1815 г. с органическими статутами.

По тону писем Вяземского, который сам все более и более проникался интересами варшавского общества, видно, что его корреспонденты не разделяли его симпатий к полякам, но живо интересовались польской конституцией и ее воплощением в жизнь, ходом дебатов в сейме и т. д. Так, тот же М. Ф. Орлов, горячий сторонник конституционного преобразования России, который, по словам Вяземского, «в душе своей праздновал» варшавскую речь Александра I, особенно поддерживал намерение поэта издавать в Варшаве журнал, освещающий деятельность сейма. В марте 1820 г. он писал Вяземскому: «Самое настоящее место для издания журнала — это Варшава. Там отголосок европейского просвещения более отдается. Там хотя не существует еще вольное книгопечатание, но, по крайней мере, оно торжественно обещано. [...] Не стыдно ли, что посюда польская конституция еще не переведена на русский язык? Не стыдно ли, что в России неизвестно, о чем поляки рассуждали на последнем сейме? Не стыдно ли, что непроницаемая завеса неизвестности покрывает от нас все покушения поляков на Россию? Ты определен, кажется, судьбой, чтобы сорвать сию завесу, чтоб показать, с одной стороны, то, что делается для водворения свободного правления в Польше, а с другой — то, что предпринимается для унижения российской славы»⁶². С некоторой ревностью он замечает: «Желал бы я побывать в Варшаве и посмотреть на наших приемышных братьев, как они управляют колесницей представительства. Это дело трудное — ежели запряжена волами, то всё кнут нужен; ежели помчится слишком быстро, то может повалиться и весь народ за собой стащить в пропасть. [...] Я все тот же — изнемогаю от отечественной горячки. Неужели не благословит Бог увидеть когда-нибудь счастья России?»⁶³

Вяземскому не раз приходилось с жаром опровергать «предубеждения» своих корреспондентов — как Орлова, так и братьев Тургеневых — против поляков. Так, М. Ф. Орлову он пишет о «нелепости народных ненавистей», а главное, о том, что не стоит завидовать полякам. «Я смотрю на поляков глазами доброжелательства, а ты — ненависти предрассудительной и, как мне сказывали, зависти весьма неосновательной. Не быть им свободными, пока мы будем в цепях; не царствовать у них законам, пока у нас Божьей милостью будет царствовать самовластие. [...] Стоит только пожить здесь, чтобы увериться в недостатке их средств урваться из-под русских помочей, хотя бы и захотели превратить их в вериги»⁶⁴. Вяземскому приходится разубеждать Орлова в том, что все в Польше идет гладко и что поляки под русским скипетром наслаждаются конституционным устройством, развеивать миф о «блистающей и роскошной Варшаве». Подобное представление о Королевстве Польском как о «счастливой Аркадии», причем созданной благодеяниями русских, было очень характерно для того времени. На упрек своего постоянного корреспондента, видного деятеля александровской эпохи А. И. Тургенева в том, что он с меньшим участием относится к новому несправедливому рекрутскому набору в России, чем к дебатам в польском парламенте, Вяземский отвечал: «Здесь разыгрываются последние надежды наши. Забываю о гниющем древе самодержавия, а жадно, пристально устремляю все внимание

свое на зеленеющий отпрыск свободы, пробивающийся на том древе»⁶⁵. «Польша когда-нибудь России откроется, и Россия упрекнет себя в нелепом предубеждении. Здесь семена будущего нашего преобразования. [...] Вы помните век Екатерины, а своего не знаете. Любите Польшу, желайте полякам успехов на поприще, открытом им рукою, которая держит вас под замком. [...] Здесь сказка сказывается, у нас она сделается», — писал он А. И. Тургеневу в октябре 1820 г., под конец своего пребывания в Варшаве⁶⁶.

Пытаясь оценить влияние конституционного Королевства Польского на русское политическое сознание, следует учитывать более широкий контекст польской политики Александра I, являвшейся частью либеральной стратегии, направленной на Россию. Воздействие польской конституции на русское общество было опосредованным, связанным прежде всего с правительственными инициативами, касающимися непосредственно России: речью императора при открытии польского сейма в марте 1818 г., содержавшей декларацию относительного политического будущего России, и работой над Государственной Уставной грамотой Российской империи в Варшаве в канцелярии Новосильцева в 1818–1820 гг.

Значение варшавской речи Александра I, послужившей стимулом для развития либеральных и конституционных идей в России, историкам общественной мысли хорошо известно. Сам факт выступления императора в парламенте в ипостаси конституционного монарха будоражил умы либерально настроенных русских людей. Декабрист Н. И. Лорер, служивший тогда в Варшаве, так писал о своих впечатлениях: «В 1818 г. уже возведено было Польское королевство, и в Варшаве открыт сейм необычайною речью государя. Я не мог не протесниться в залу, где заседали сенаторы, польские представители и русский генералитет. На особенных креслах восседал дипломатический корпус всех европейских держав: помню Нессельроде, Каподистрия, Алопеуса. Напротив сидели русские сановники — В. С. Ланской, Н. Н. Новосильцев. Галерея кругом тронной залы была занята дамами и представляла подобие прелестного, богатого цветочного венка. Старуха Чарторижская, с своей внучкой, сидела впереди всех. Все ждали торжественной минуты. Но вот, из нарочно проделанных дверей, показался государь, без царской мантии, в польском мундире... Он тихо входит по бархату на ступени трона, кланяется представителям, народу и твердым, хотя еще непривычным голосом говорит: «Representants du Royaume de Pologne!» * У меня захватило дух и слезы навернулись на глазах. Обращение это было, конечно, ново для нас, подданных государя самодержавного, отократа (т. е. автократа. — Н. Ф.)[...]

Ночью открылась палата представителей, и прения продолжались до утра. Многие из моих знакомых и товарищей принимали участие в этих прениях, и я помню в особенности отличавшегося своим красноречием Бонавенту[ру. — Н. Ф.] Немоёвского. Все прения и речи печатались ежедневно; трактиры наполнены были любопытными, мешавшимися с депу-

* Representants du Royaume de Pologne! (фр.) — Представители Королевства Польского!

татами всех уездов, и всякий хотел поместить и свое словцо в пользу сограждан»⁶⁷.

Наличие действующей конституции в Королевстве Польском, прямые обещания Александра I относительно введения конституции в России, слухи о работе над ней в Варшаве не могли не стимулировать общественную мысль. На какое-то время, в 1815–1820 гг., конституционные идеи стали предметом открытого обсуждения в российской печати⁶⁸. Особенно оживилась дискуссия в период 1818–1820 гг., когда пропаганда принципов конституционализма совпадала с официальной правительственной линией.

Среди публикаций на политические темы в российских изданиях «Дух журналов», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Северная почта» обсуждение конституционных преобразований в европейских странах, апология конституционно-монархического образа правления занимали важное место. Первенствовал в этом полуофициальный «Дух журналов», годы издания которого — 1815–1820 — совпали с периодом правительственного либерализма. Едва ли можно говорить о прямых заимствованиях из польской прессы материалов, опубликованных в «Духе журналов», который был задуман как издание, отражающее все, что «есть лучшего и любопытнейшего в других журналах по части истории, политики, законодательства». Однако налицо совпадение тематики, проблем, и даже лексики.

Так, поистине ключевым в польском и русском публицистическом лексиконе становится выражение «дух времени». О нем говорил президент Российской Академии наук, будущий министр просвещения С. С. Уваров в 1818 г. в речи студентам Главного педагогического института, являвшейся прямым откликом на варшавскую речь Александра I. В своем выступлении Уваров подчеркивал единство судеб России и Европы и неотвратимость исторического прогресса: «Дух времени, подобно грозному сфинксу, пожирает не постигающих смысл его прорицаний!» Знаменательно, что на это высказывание Уварова ссылался глава либеральной оппозиции в Королевстве Польском В. Немоёвский, выступая в 1820 г. на заседании сейма и обвиняя министров в непонимании велений времени.

В статье «Как дух времени влияет на законодательство», помещенной в польском «Паментнике Варшавском», рассматривались те основы политического устройства государства, которые должны соответствовать «духу нынешнего времени». На первое место «дух времени» ставил принципы законности и конституционализма. Он требовал закона, гарантирующего свободу, и свободы, основанной на законе и являющейся неотъемлемой собственностью каждого человека. Лучшей, отвечающей «духу времени», формой правления, по мнению автора статьи, была конституционная монархия, построенная на строгом разделении властей — законодательной, исполнительной и судебной, олицетворением которых являются «особа монарха как выразителя воли всего народа — святая и неприкосновенная», его «советники, подчиненные закону и строго ответственные», и «чиновники — простые исполнители закона». Обязательным требованием «духа времени» было равенство гражданских прав для всех, независимо от происхождения⁶⁹.

Апеллируя к «духу времени», польские публицисты чаще всего подразумевали под ним основные достижения начавшегося XIX в. — либеральные принципы, закрепленные конституциями ряда стран Европы. «Газета цодзенна народово и обца», издание польских либералов, могла с гордостью констатировать, что «ныне дух времени основан на добродетелях, сообразных положению, в которое нас ставит конституция»⁷⁰.

Когда словосочетание «дух времени» появлялось на страницах периодической печати конституционного Королевства Польского, оно служило индикатором того, что поляки как никогда остро ощущают себя частью Европы, включенной в ритм ее политической и идейной жизни. Через призму «духа времени» рассматривались в газетах и журналах события международной жизни. Польская периодика внимательно следила за ходом парламентских дебатов во Франции, подробно освещала жизнь конституционных государств — Англии, Нидерландов, а в особенности Бадена, Баварии и Вюртемберга (сообщения из этих немецких государств, так же как и Королевство Польское, недавно получивших конституции, печатались под постоянной рубрикой). Неоднократно в статьях выражалась надежда, что конституционный «дух времени» скоро охватит все германские государства. «Истинную радость доставляет полякам осознание того, что своими свободами они превосходят даже просвещенных немцев», — писал «Ожел бялый»⁷¹. Рассуждая о политических преобразованиях в Европе, обладатели самой либеральной конституции ощущали себя идущими в авангарде европейского прогресса.

В этот период, когда и в просвещенном русском обществе доминировало представление об общности судеб России и Европы, «Дух журналов» также не раз пытался интерпретировать требования «духа нынешнего времени». В статье «Как судить о всеобщих смятениях в Европе» говорилось, что дух настоящего времени — это «дух преобразования», который «затеял [...] суматоху во всей почти Европе». «В Испании либералесы требуют восстановления кортесов, что почти то же значит, как и парламентов, или конституционного правления. Во Франции либеральные требуют того же, ибо, хотя и есть там хартия и конституционное правление, но более на бумаге [...]. В немецких государствах [...] разнородные партии в одном между собою согласны, а именно — в желании конституции для всех областей. [...] Теперь мы знаем, — заключал автор, — в чем состоит дух нашего времени — в потребности законоположительного правления или конституции»⁷².

Другая статья «Духа журналов», озаглавленная «Гений XIX века», также утверждала, что «дух времени господствует один и тот же во всех христианских государствах», и этот дух времени воплощен в требовании «владычества законов — коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, [...] при которых самовластие места иметь не может». Дух времени требует «Государственного Уложения» и его «природных блюстителей», т. е. народных представителей, — определенно заявлял автор этой статьи⁷³. Дух настоящего времени, говорилось в том же журнале, — «не самый злой дух: ибо с ним Великобритания несколько веков процветала, а Северо-Американские Соединенные области сему же духу обязаны своими чудесными успехами»⁷⁴.

Развитию новой политической лексики, потребность в которой диктовалась особыми принципами устройства части Российской империи, способствовали переводы законодательных документов и речей Александра I. П. А. Вяземский, занимавшийся этими переводами, вспоминал, что «многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении»⁷⁵. По поводу перевода ряда французских конституционных терминов Вяземский советовался в письмах с Н. М. Карамзиным⁷⁶. Так, не имели аналогов в русском языке слова *constitution* и *liberal*. На их переводе как «государственное уложение» и «законносвободный» настоял сам Александр I. Выражение «законносвободный», распространившееся после варшавской речи императора, должно было, видимо, отражать основной принцип классического политического либерализма — свободу, ограниченную законом, — и в то же время не допускать ненужных коннотаций, связанных с употреблением французского слова *liberal*, поскольку понятие «либеральность» бытовало в то время в русском обществе как синоним прогрессивных и даже революционных настроений. О том, насколько новая лексика повлияла на политическое мышление передовых кругов русского общества, свидетельствует высказывание Вяземского, утверждавшего, что после речи Александра I всё в России заговорило «языком законносвободным»⁷⁷.

Польская конституция 1815 г. стала материалом для проекта конституционного преобразования всей Российской империи. С опытом польского конституционализма была тесно связана работа над Государственной Уставной грамотой, которая началась в Варшаве в канцелярии Н. Н. Новосильцева (при участии его сотрудников П. И. Пешар-Дешана и П. А. Вяземского) после успешного завершения первого сейма в 1818 г. Этот неосуществленный проект российской конституции, не раз бывший предметом исследования историков русской общественной и государственно-правовой мысли⁷⁸, не только содержал прямые заимствования из польской конституции, представляя собой ее переработку применительно ко всей империи. Он находился в непосредственной зависимости от польской политики Александра I, являлся ее логическим завершением и попыткой реализовать конституционные и парламентские идеи, примирив одновременно интересы русского и польского общества.

История создания Государственной Уставной грамоты известна в основном благодаря сообщениям П. А. Вяземского, занимавшегося переложением на русский язык французского текста, который составлял П. И. Пешар-Дешан. Работа велась в глубокой тайне. Обнародован окончательный текст был во время польского восстания 1830–1831 гг. Тогда он оказался случайно обнаруженным в Варшаве среди бумаг Н. Н. Новосильцева и летом 1831 г. был издан отдельной брошюрой польским революционным правительством.

Историко-юридический анализ Уставной грамоты подтверждает, что основным источником проекта общероссийской конституции являлась польская хартия 1815 г. Очевидно, что авторы Уставной грамоты руководствовались общим политическим заданием — сохранять как можно больше сходства общеимперской конституции с польской. Налицо формальное

соответствие Уставной грамоты польской хартии — повторение ее структуры, копирование ряда разделов. Налицо и следование основным принципам государственного устройства Королевства Польского: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, независимость их друг от друга, равенство всех граждан перед законом, провозглашение основных гражданских свобод — слова, вероисповедания (правда, православная религия признавалась господствующей, а политическое и гражданское равноправие было предусмотрено только для христиан), неприкосновенность личности, свобода печати.

Сохранение принципиального сходства не мешало, однако, Н. Н. Новосильцеву внести в Уставную грамоту существенные изменения. Так, проект российской конституции, в противоположность конституции польской и большинству других конституционных актов начала XIX в., переносил принцип государственного суверенитета с народа на государя. Это должно было обеспечить проникновение царской власти во все сферы государственной жизни. Переработаны были многие отдельные положения — например, касающиеся реализации принципа народного представительства, структуры судебной власти и пр. Так, если согласно польской хартии члены нижней палаты сейма избирались непосредственно народом, то по русскому проекту избранные народом лица становились лишь кандидатами в депутаты нижней палаты общероссийского парламента. Окончательный отбор ее членов оставался за монархом.

Но основным отличием Уставной грамоты от польской конституционной хартии было то, что положения, касающиеся государства унитарного, были переработаны для применения к государству федеративному. Уставная грамота предусматривала деление Российской империи на наместничества с собственными органами народного представительства — наместническими сеймами. Структура власти в наместничестве повторяла в миниатюре общегосударственную систему власти. Таким образом, Российская империя должна была быть преобразована на федералистских основах⁷⁹. Однако федерализм в данном случае призван был служить не разобщению, а дальнейшему сплочению империи. Поскольку по Уставной грамоте все наместнические округа становились подобными уже существовавшим в составе империи конституционным образованиям, то с ее введением должны были отпасть резкие границы между конституционными Королевством Польским и Великим Княжеством Финляндским, с одной стороны, и самодержавной империей, с другой. Эти государства должны были бы войти в состав единой, но федеративной России в качестве наместнических округов. Так Александр I пошел бы навстречу пожеланиям русского общества. Русские, как и поляки, пользовались бы благами конституции, а Королевство Польское потеряло бы свое исключительное положение, превратившись в один из округов Российской империи.

В то же время проект Новосильцева был призван создать видимость выполнения обещаний императора, данных полякам. Его реализация позволяла бы решить вопрос о западных губерниях. Конституция распространилась бы и на поляков в Литве, уравнив их в правах с гражданами Королевства Польского. Западные губернии России получили бы само-

стоятельное бытие, став отдельным наместническим округом: Виленское генерал-губернаторство входило в список из двенадцати округов, на которые должна была делиться Россия. Таким образом, обещания, данные литовским полякам, не были бы нарушены. Но к Польше Литва не была бы присоединена (что успокоило бы российских патриотов), а стала бы таким же наместничеством, как и Польша.

Документальным подтверждением планов Александра I относительно Королевства Польского является проект указа, подготовленный Новосильцевым одновременно с проектом российской конституции. В нем констатировалось единство принципов конституционной хартии Российской империи и конституции, данной Королевству Польскому в 1815 г. На основании того, что «конституционные гарантии и преимущества широко дарованы всем нашим подданным в равной мере; принимая во внимание, что существование двух конституций в одной империи бесполезно и даже вредно для необходимого единства и успешности управления», Королевство Польское должно было быть формально включено в состав Российской империи. Статья 1 этого указа гласила: «Царство Польское, которое отныне будет считаться Наместничеством, присоединенным к Нашей Империи, в смысле внутреннего устройства и управления будет подчиняться постановлениям Конституционной Хартии Нашей империи и тем Статутам и специальным Указам, в коих принципы Хартии будут развиваться»⁸⁰.

Решая таким образом судьбу Королевства Польского, Александр I шел бы навстречу не только представителям либеральных кругов российского общества, мечтавшим о введении в России конституции, — он сглаживал бы недовольство собственной польской политикой. Близкий к движению декабристов С. И. Тургенев, младший брат А. И. и Н. И. Тургеневых, побывав в начале 1820 г. в Варшаве и посетив П. А. Вяземского, познакомился с проектом российской конституции. Предполагаемое решение польского вопроса удовлетворило С. И. Тургенева — горячего сторонника конституционных преобразований в России. «Проект Новосильцева о Польше кажется лучшим, какой возможен в настоящих обстоятельствах. Дело идет об установлении во всех польских провинциях и в собственно России наместничеств и представительного правления, как здесь. В результате Царство Польское станет провинцией, каковой сейчас не является. У нас будет великая империя с провинциальными собраниями представителей», — записал он в свой дневник⁸¹.

Пример С. И. Тургенева, поделившегося услышанным в Варшаве с братьями в Петербурге и М. Ф. Орловым в Киеве, показывает, что слухи о готовящемся проекте российской конституции не могли не доходить до русского общества. В конце 1810-х — начале 1820-х гг. они оказали на его политические планы зримое влияние: стимулировали развитие либеральных идей и провоцировали собственное конституционное творчество членов тайных обществ. В это время в России создается множество тайных частных конституционных проектов. Сравнительно хорошо известны более поздние декабристские конституционные программы — конституция Н. М. Муравьева и «Русская правда» П. И. Пестеля, имевшие много вари-

антов. Но богат политическими исканиями был и конец 1810-х гг. — время, ознаменовавшееся конституционными инициативами самодержавия. Попытки построения планов государственных преобразований членами тайных обществ не случайно совпали с началом «конституционного эксперимента» в Королевстве Польском и подготовкой проекта Н. Н. Новосильцева. По свидетельству П. И. Пестеля, 1817–1819 гг. были временем деятельной работы над конституционными проектами в Союзе спасения и Союзе благоденствия. Именно тогда появились многие проекты конституции, «предлагаемые от разных лиц». Среди этих лиц Пестель называл М. Н. Новикова, С. И. Муравьева-Апостола, Н. М. Муравьева. Эти ранние опыты конституционного творчества не сохранились, однако несомненна их связь с обретением частью Российской империи конституционно-монархического устройства. Г. В. Вернадский, в частности, указывал на развитие идей Уставной грамоты Н. Муравьевым в его конституции⁸².

Правительственный конституционализм и польская конституционная практика оказали влияние на формирование взглядов многих русских общественных деятелей, вошедших в состав тайных обществ декабристской эпохи или близких декабристскому движению. Непосредственное наблюдение за политической жизнью Королевства Польского и участие в работе над Уставной грамотой способствовали складыванию либеральных, конституционно-монархических идеалов П. А. Вяземского. С правительственным либерализмом и польской политикой Александра I была связана идейная эволюция декабристов Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова. Захвачен идеями политического либерализма был С. И. Тургенев. Посетив в Варшаве залы заседаний Сената и Посольской избы, он увидел в польском опыте пример для России: «Зачем бы не начать такими же собраниями в России? Жители всякого наместничества собирались бы особо, хлопотали бы о своих делах и посылали бы в Петербург одного из своих представителей, выбранного купно сенаторами и нижнею камерою. Собрание сих вторичных представителей составило бы настоящий Государственный совет, которому вначале позволено было бы только рассуждать. Не лучшее ли это было бы средство предупредить то раздробление Российской империи, для единства коей многие считают деспотизм необходимым? [...] Русский государь был бы силен в Константинополе, Варшаве, Або, Митаве, как в самой Москве»⁸³.

Итак, возникновение конституционного Королевства Польского воздействовало на русское общество в двух направлениях. Оно явилось стимулом для развития одновременно национально-патриотических и конституционных идей. При этом они порой смешивались — как в идеологии декабризма, — причем польская политика Александра I играла роль катализатора и патриотической, и конституционно-правовой составляющих этой идеологии.

Конституционные замыслы Александра I относительно России не были реализованы. После 1820 г., одновременно с отходом от либерального курса в Королевстве Польском, император отходит и от либеральных внутривластных планов. Не последнюю роль в этой перемене сыграла конституционная практика в Польше. Приближенный к императору в

последние годы И. И. Дибич свидетельствовал, что побудительными причинами для отказа Александра I от проекта введения конституции в России послужили не только внутривластные трудности, но и то, что «в Варшаве представители народные позволили себе слишком много вольности»⁸⁴. Быстрое формирование либеральной оппозиции в Королевстве Польском, ее острый конфликт с правительством по поводу свободы печати, в котором выразилось не только развитие либерального политического сознания и принципов парламентаризма, но и сопротивление польских патриотических кругов русской власти, продемонстрировали всю несовместимость конституционного и самодержавного принципов. Однако мысли о проведении в жизнь российской конституции не покидали Александра I до самой смерти.

Восстание 14 декабря 1825 г. и вступление на престол Николая I резко изменили общественную атмосферу. Казнь декабристов, начало глухой реакции в стране — все это на время отодвинуло на дальний план польские дела. К тому же новый император хотя и сохранил *status quo*, короновавшись в 1829 г. как польский конституционный монарх, лишь вынужденно терпел особое положение Королевства Польского. Николай I четко дал понять, что о надеждах на расширение своей территории полякам придется забыть. Он свернул те начинания Александра I, которые позволяли надеяться на присоединение к Королевству Польскому западных губерний России, в частности, ликвидировал особое положение в структуре российской армии Литовского корпуса, в котором прежде служили лишь уроженцы западных губерний. Курс Николая I в отношении Польши в течение первых пяти лет правления, когда главным событием польской жизни стал процесс по делу Патриотического общества*, уже не мог возбудить зависти у русских подданных. В эти годы, когда после восстания декабристов, по словам А. И. Герцена, «развитие было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни», идеи конституционализма надолго потеряли свою актуальность, а Королевство Польское утратило роль плацдарма для конституционного эксперимента.

В 1826–1830 гг. в российской прессе появляются лишь скудные сообщения из Королевства Польского, связанные, как правило, с императорским официозом. Например, «Вестник Европы» публиковал материалы, отражавшие официальную реакцию поляков на смерть Александра I — их царственного благодетеля⁸⁵.

Однако критическое отношение к политическому устройству Королевства Польского, недовольство его обособленностью от России в русском обществе не исчезли. Критика существующего положения вещей исходила в том числе от бывших либералов, прежде близких декабристским кругам. Так, она нашла выражение в деятельности бывшего члена Союза благоденствия и публициста либерального направления, а с 1826 г. чиновника II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Н. И. Кутузова. В 1826 г. он подготовил и подал императору записку, озаглавленную «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства».

* См. главу 5.

Подробно разбирая деятельность каждого из министерств и их влияние на государственное устройство, Кутузов обращал внимание на ущерб российской экономике, причиненный учреждением таможен на границе империи с Королевством Польским. По его мнению, было «необходимо уничтожить всякое разделение между областями государства» и отодвинуть таможи на границы Королевства Польского с Германией. Рассматривая польское государство как «область» государства российского, Кутузов указывал на «неисцелимый вред, который происходит от различия политических постановлений и преимуществ» Королевства Польского и всей империи. Публицист полагал, что события 14 декабря были следствием посеянных польской политикой Александра I надежд, сочетавшихся с недовольством: «...речь, обнаруживающая великое намерение Александра I дать и России подобные уставы, как электрическою силою потрясла сердца пылких русских: 1818 и 1819 годы были лета волнения умов; везде и все толковали о конституции: одни явно роптали на преимущества, дарованные Польше; другие, как открыло настоящее происшествие, положили в тайне и насилием достигнуть того, чего не могли получить явным старанием». Кутузов считал ошибочным предоставление важных политических привилегий «областям, приобретенным завоеванием»: эти привилегии порождают, по его словам, «зависть и роптание» среди «господствующего народа». «Опыты веков, устройство царств в настоящее время удостоверяют, что необходимо стараться не отделять завоеванные области, но, так сказать, слить понятиями, языком с покорителями. 1812 год доказал, что удаление от сего правила не может быть полезно. Польша подняла знамя независимости на призывный голос Наполеона и вторично, ежели останется в настоящем положении, поднимет его при нападении честолюбивого врага на пределы России. [...] Преимущества, которыми пользуется Царство Польское [...], поселили в душах русских ненависть», — утверждал автор записки.

Кутузов призывал правительство обратиться к опыту Екатерины II, политика которой по отношению к присоединенным польским землям «явно обнаруживает великое намерение свое, дабы грань инородия исчезла, и покоренные области слились с господствующим племенем славян». «Царство Польское, некоторым образом имеющее самобытное существование в гражданском устройстве, — заключал он, — не приносит никакой пользы России, купившей его ценою крови и великих жертв, [оно] есть не что иное, как нарыв на теле империи, который может заразить здоровые части и произвести воспаление в целом составе»⁸⁶. Эти мысли Кутузов развивал и в дальнейшем, обратившись в 1836 г. к Николаю I с запиской «О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных».

Подобные идеи приобрели особую актуальность после восстания 1830–1831 гг., во время которого Польша вновь привлекла к себе внимание русского общества. Тогда былая зависть к полякам и искренние представления о Королевстве Польском как осыпанном царскими милостями оазисе благоденствия опять вышли на первый план. Именно они определили характерную для русского общества 1830–1831 гг. интерпретацию польского

вопроса. Декабрист А. А. Бестужев, упомянутый А. Мицкевичем в поэме «Дзяды» как один из «русских друзей», писал: «Был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене варшавской. [...] поляки никогда не будут искренними друзьями русских. Как ни корми волка [...]. Никакого нет сомнения, что Царство Польское никогда не было так хорошо управляемо, как под русским владычеством, и масса народа выиграла, но дворянство их не забыло еще своевольных своих вольностей и скорее согласится быть несчастным по прихоти, чем счастливым по чужому разуму. Хольте их, они оперятся опять нашими перьями и опять забушуют. [...] Кровь зальет их, но навсегда ли? Дай Бог»⁸⁷.

М. П. Погодин, выступивший в 1831 г. с программной статьей «Историческое размышление об отношении Польши к России», как и большинство его современников, обвинял поляков в неблагодарности, утверждая, что во всей польской истории не было «ни одного восшествия на престол благороднее Александрова». «Неужели за тяжелые страдания России — например, в эпоху католического могущества в Украине, при Василии Дмитриевиче, когда Можайск и Калуга сделались нашей границей, неужели за судорожные мучения России при самозванцах поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством императорам Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливее своих предков, в эпоху их величия и славы, когда мы завели им училища, обучили войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселян?»⁸⁸

Ноябрьское восстание возбудило в России антипольскую волну, ярко проявившуюся в художественной литературе после 1831 г. Отражением общественных настроений стали известные стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», которые пришлись по сердцу многим декабристам, в частности, И. Д. Якушкину, А. А. Бестужеву, вызвали восхищение такого убежденного западника, как П. Я. Чаадаев. В связи с ними он назвал Пушкина подлинно «народным поэтом». Взятие И. Ф. Паскевичем Варшавы большинство восприняло как победу историческую. В глазах общества столкновения России и Польши стали «спором славян между собой», проявлением «давней народной вражды». После восстания оно пришло к убеждению, что этот спор должен быть внутренним делом России.

Что же касается периода конституционного Королевства Польского, то патриотический дискурс 1830-х гг. закрепил в сознании русского общества представление о 1815–1830 годах как счастливой для Польши эпохе процветания под российским скипетром.

2. Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения

Важной составляющей русско-польских отношений в 1815–1830 гг. были непосредственные контакты поляков и русских на территории Королевства Польского. Присутствие там русских было значительным задолго до

официального образования Королевства. Преследуя армию Наполеона, русские войска в январе 1813 г. вступили в Княжество Варшавское и заняли его. Для управления занятой территорией в марте этого же года был создан временный орган власти — Временный верховный совет по управлению Герцогством (Княжеством) Варшавским. В июне 1815 г. он был переименован во Временное правительство Королевства Польского, действовавшее вплоть до вступления в силу новой конституции. Его польские члены работали под началом русских руководителей. На местах, наряду с сохраненной местной властью, были введены должности «окружных» и «областных» начальников. Таким образом, бывший наполеоновский протекторат оказался под русской властью. Тогда, в 1813–1815 гг., на территории будущего Королевства Польского постоянно квартировали русские войска, а кроме того, части русской армии все время двигались через польские земли — сначала, зимой 1813 г., на запад, на Париж, а осенью 1814 г. — обратно на родину.

После создания Королевства Польского в 1815 г. часть русских войск так и осталась в Польше служить под началом великого князя Константина. В 1814 г. цесаревич, назначенный Александром I главнокомандующим Польской армией, вместе с польскими легионами привел в Варшаву русский гвардейский отряд, который впоследствии был оставлен при нем под названием Резервного корпуса. Сам Константин Павлович поселился в Варшаве уже в ноябре 1814 г. и жил там, исключая короткие отъезды, вплоть до восстания 1830 г. Наряду с Польской армией и русским гвардейским отрядом, расквартированным в Варшаве, он возглавлял Литовский корпус, сформированный в 1817 г. и расположенный в западных губерниях Российской империи.

После официального провозглашения конституции Королевства Польского, назначения наместника и формирования польского правительства представители русской власти были из Польши отозваны. С этого времени на территории Королевства остались лишь отряды русской армии, находившиеся под командованием великого князя Константина. Остался в Варшаве и Н. Н. Новосильцев, выполнявший не оговоренные конституцией функции представителя императорской власти. В них входило наблюдение над «конституционным экспериментом» в Королевстве Польском.

В 1815–1830 гг. русская колония во вновь созданном польском государстве не была многочисленной, однако ее наличие было в глазах поляков значимым политическим фактором, явственно свидетельствующим о зависимости Королевства Польского от России. Русское население Варшавы составляли офицеры и солдаты гвардейских полков, некоторые другие прикомандированные к Константину Павловичу лица, штат его двора и чиновники его канцелярий, а также служащие канцелярии Н. Н. Новосильцева. Российский гвардейский отряд, находившийся в Варшаве при цесаревиче, с 1815 г. претерпел структурные изменения и к началу восстания 1830 г. состоял из лейб-гвардии Литовского, Волынского, Уланского Его Высочества Константина Павловича, Подольского кирасирского и Гродненского гусарского полков, а также батарей конной и пешей артиллерии. Правда, многие солдаты и некоторые офицеры российских частей также

происходили из Польши и Литвы. Кроме гвардейских офицеров, в Варшаве в то время находились офицеры, которые служили в управлении казацких войск, охранявших государственную границу.

Всего в 1828 г. в Варшаве квартировало 538 российских офицеров⁸⁹. Общая же численность российских войск, расположенных в Варшаве и ее предместьях, к началу восстания 1830 г. составляла 5400 человек (польских соответственно 8000), при том что общее число жителей столицы в 1815–1830 гг. неуклонно росло и по данным 1828 г. (исключая стоявшие в ней войска) равнялось 136 554⁹⁰. В Варшаву из Российской империи прибывали и гражданские лица, однако среди ее постоянных жителей православных было немного. По данным Правительственной комиссии вероисповеданий и общественного просвещения на 1816 г., во всем Королевстве Польском насчитывалось 747 православных (имелось в виду несомненно гражданское население)⁹¹. К 1832 г. это число возросло до 1002 (из них 258 приходилось на Варшаву)⁹². В столице Королевства Польского находилась небольшая группа русских подрядчиков и купцов (в основном черниговские старообрядцы), в городе им принадлежало около десяти лавок, торговавших русским товаром⁹³.

В годы конституционного Королевства в Варшаве было три православных храма: перестроенная в 1818 г. из католической часовни домовая церковь в Королевском замке, выполнявшая функции придворного храма (здесь в 1820 г. был заключен брак великого князя Константина с И. Грузиньской), греческая церковь Св. Троицы на ул. Подвале, также посещавшаяся русскими, и построенная в 1823 г. для расположенных в Варшаве российских воинских частей походная церковь Св. Спиридона⁹⁴.

Политика России в первые годы после образования Королевства Польского была направлена на сближение двух народов, преодоление враждебности и национальной розни. Это входило в планы Александра I. Желая воссоздать польскую государственность под эгидой России и тем самым навеки объединить Польшу с Российской империей, он задумывал положить конец вражде поляков и русских и объединить их братскими узами. В манифестах императора и официальных речах, произнесенных накануне и сразу после образования Королевства Польского, говорилось о «слиянии братских славянских народов».

Подобные риторические фигуры, которые усвоила и польская сторона, стали в эти годы частью официоза. В польской публицистике появились новые клише — апелляции к «великому русскому народу», адресованные к нему обращения: «братья», «побратимы», «единоплеменники». Комментарии по поводу образования Королевства Польского сопровождались славянофильскими лозунгами. Говорилось о том, что судьбы поляков связаны отныне с «предназначением народа-побратима»⁹⁵, подчеркивалось, что «новым бытием» они обязаны «северной державе»⁹⁶. В «Гимне Богу», написанном по случаю опубликования письма Александра I к Т. Островскому, Польша вверялась опеке россиян: «Пусть бесстрашное племя славяно-побратимов отныне защищает земли несчастной Польши»⁹⁷. Идеи племенного единства и общности исторического предназначения поляков и русских, союз которых сулит счастливую будущность, развивал в речи по

случаю провозглашения Королевства Польского Т. Вавжецкий⁹⁸. Сочиненная А. Фелиньским в 1816 г., к годовщине образования нового польского государства, песня «*Boże, coś Polskę*» («Боже, Ты, который Польшу...»), которая задумывалась как королевский гимн, а впоследствии стала восприниматься как гимн национальный, прославляла Александра I за то, что он «объединил славные битвами друг с другом два братских народа»⁹⁹.

Предпринимались и практические попытки сдружить представителей обоих народов. Так, первое время Александр I возлагал особые надежды на смешанные польско-русские масонские ложи. Ведь недаром «Конституция Джеймса Андерсона» 1723 г., служившая общепринятым уставом масонства, гласила, что никакие национальные или иные личные распри не должны вноситься в дверь ложи, ибо вольные каменщики исповедуют только всеобщую религию и принадлежат ко всяким народам, наречиям или языкам. Дух масонского братства должен был, по мысли императора, способствовать сплочению образованной части польского и русского общества. Русские офицеры, охотно вступавшие в зарубежные ложи во время заграничных походов российской армии, приобщались и к польскому масонству. Поляки же стремились извлечь из присутствия русских в польских масонских ложах определенные политические выгоды. Согласно составленному в канцелярии великого князя Константина 9 августа 1822 г. «Именному списку гг. генералитет[у], штаб и обер-офицерам российских войск и классным Военного ведомства чиновникам, которые объявили себя принадлежащими к масонским ложам с обязательством впредь в них не вступать», в польских ложах состояли 35 российских подданных, служивших в Варшаве, а о своей непричастности к масонским организациям заявили 302 человека¹⁰⁰. Составление списка было связано с запретом в 1822 г. масонских лож и иных тайных организаций в России и Королевстве Польском. Таким образом, поощрительная политика в отношении масонства оказалась кратковременной.

Другим объектом политики сплочения народов была армия. Уже с момента занятия русскими войсками территории Княжества Варшавского российское командование получило установку — препятствовать стычкам солдат с местным населением, пытаться завоевать расположение поляков, видя в них не неприятелей, а возможных будущих подданных императора. Военные должны были обходиться с поляками «как с друзьями и братьями». Польский генерал К. Колачковский вспоминал, что в 1814 г. комендант Познани И. А. Вельяминов строгими приказами предупреждал ссоры и столкновения и даже «сквозь пальцы смотрел на то, что кто-то из русских получал тумака»¹⁰¹. Руководство Временного верховного совета послушно следовало воле императора, желавшего восстановить мир между двумя народами. Политика Ланского из-за этого вызвала даже неудовольствие русских, находившихся в Княжестве Варшавском. Командующий российской Резервной армией Д. И. Лобанов-Ростовский укорял его за «явное и подобоострастное угождение полякам»¹⁰².

По замыслу Александра I и великого князя Константина сама организация армии в Королевстве Польском должна была способствовать объединению русских и поляков: ведь им предстояло сражаться с общими

врагами. Оставляя в Варшаве русский гвардейский отряд, великий князь в 1815 г. приказал прикомандировать к каждому польскому кавалерийскому и пехотному полку по несколько русских офицеров, нижних чинов и рядовых, с тем чтобы они демонстрировали «весь обряд службы, какой заведен в частях российской лейб-гвардии». В другом приказе 1815 г. строжайше предписывалось, чтобы «польское войско и русский гвардейский отряд, оставшийся в Варшаве, оказывали друг другу поддержку и чтобы послушание было взаимным, как между русским и поляком, так и между поляком и русским»¹⁰³. Польскому командному составу предписывалось научиться понимать команды, отдаваемые на русском языке¹⁰⁴, но преобладания этого языка в армии не было. Во время общих учений команды отдавались на русском и польском языках в зависимости от национального состава присутствовавших на учении подразделений. Сам Константин Павлович постепенно овладел польским и стал писать приказы на этом языке.

Неоднократно реорганизуя структуру Польской армии и русского отряда в Варшаве, великий князь, очевидно, не забывал об идее слияния двух народов: русские полки были соединены им с польскими в единые подразделения высшего порядка, причем командовали этими объединенными бригадами и дивизиями и польские, и русские генералы. Так, в 1817–1821 гг. из трех русских гвардейских кавалерийских полков — Уланского Его Высочества, Подольского кирасирского, Гродненского гусарского — и польского Конно-егерского полка была образована варшавская гвардейская кавалерийская дивизия, командовал которой польский генерал З. Курнатовский. В 1821 г. лейб-гвардии Литовский и Волынский полки вошли в состав сводной гвардейской дивизии, причем любимый цесаревичем Литовский полк был соединен в одну бригаду с польским гренадерским полком. Командовал этой бригадой польский генерал Ф. Жимирский, в то время как дивизионным командиром был русский генерал Б. Х. Рихтер. С этого времени и до начала восстания 1830 г. солдаты Литовского полка размещались в казармах на одном дворе с польскими. Высшие военные власти не делали никакого различия между чинами обеих армий. Действовали общие для всех правила субординации: проезжая через польский город, русский офицер обязан был явиться к военному руководству — командиру русского или польского подразделения.

В польских военных училищах, готовивших нижних чинов, русские (находившиеся там, правда, в подавляющем меньшинстве) учились вместе с поляками. Доходило до того, что, как вспоминал учившийся в 1826–1830 гг. в Школе подхорунжих пехоты Н. П. Макаров, до 1827 г. православных юнкеров по праздникам водили в костёл вместе с католиками¹⁰⁵. М. Максимович вспоминал о службе в основанном в 1826 г. сводном учебном батальоне, в котором польские офицеры и унтер-офицеры командовали солдатами из русских полков¹⁰⁶. Подобное смешение, служившее объединительным целям, создало крайне запутанную и драматичную ситуацию при начале Ноябрьского восстания 1830 г., когда польские военные подразделения стали переходить на сторону повстанцев, а русские пытались сплотиться и противодействовать им.

На деле «сдружить» как рядовых, так и офицеров оказалось не так просто. Бывший польский солдат М. Витковский вспоминал, что когда Александр I прибыл в Варшаву, он «повелел объединить поляков с русскими и дал нам обед в Саксонском парке [...]. С одной стороны стола — москаля, а с другой стороны стола — поляки [...]. А когда нашим служакам хмель ударил в голову, они стали не только кричать „виват“, но и в его присутствии выкрикивать: „Póki świat światem, nie będzie Polak Moskalowi bratem“» (Пока существует этот мир, поляк не будет братом москалю!)¹⁰⁷.

Сражаться с общими врагами русским и полякам так и не пришлось. Во время русско-турецкой войны 1828 г. император Николай I выразил пожелание, чтобы части польской армии присоединились к русской и поле битвы объединило их товарищескими узами. Однако великий князь воспротивился и воевать с турками отправились всего несколько офицеров.

Драки и стычки солдат двух национальностей упоминаются в мемуарах довольно часто. Едва ли способствовали сближению и выходки великого князя, за какую-то провинность велевшего русским солдатам палками наказывать польских. «До чего дошло! Свободный человек терпит позорные побои от невольника-варвара», — комментировал этот факт Ю. У. Немцевич¹⁰⁸. Он же вспоминал, как в 1816 г. в связи с самоубийством польского офицера произошло столкновение русских солдат с горожанами. За неуважительное поведение солдат по отношению к покойнику их забросали камнями, причем значимым для толпы явилось то, что дело происходило в пасхальное воскресенье¹⁰⁹. Это напоминало о восстании варшавян против русского гарнизона, имевшем место 17–18 апреля 1794 г. во время страстной недели. О постепенном накале страстей и устойчивой памяти о восстании Костюшко свидетельствовало то, что в 1830 г. на католической страстной неделе нижним чинам русских войск запрещено было принимать участие в почетных караулах у костёлов, а русским офицерам — даже появляться вблизи них. Это было связано с растущим раздражением в Варшаве против русского мундира¹¹⁰.

М. Максимович так характеризовал взаимоотношения польских и русских солдат: «На первых порах нижние чины польские и русские обнаруживали взаимные враждебные чувства, которые нередко доходили до ссор и даже до драк, особенно при соседстве казарм в Варшаве, где чаще всего повторялись эти столкновения. В подобных случаях начальники прибегали к мерам строгости и не допускали послабления, наказания следовали за наказаниями, но вражда не уменьшалась. Наконец, с разрешения Цесаревича были приняты другие меры к возможному сближению русских солдат с польскими, причем, между прочим, старались сблизить их посредством общих обедов, товарищеских собраний и пр. Хотя при этом вражда, по-видимому, уменьшалась, солдаты мирились, но это были лишь наружные отношения; искренней же приязни между ними не существовало»¹¹¹. Н. Серавский, бывший во время восстания офицером польского Конноегерского полка, также считал, что польский солдат «никогда не братался с русскими». О духе, царившем среди польских солдат, по его мнению, свидетельствовало то, что с началом восстания в 1830 г. они без раздумий, уверенно и по первому зову пошли за младшими офицерами¹¹².

Отношения в офицерской среде также были неоднозначны. Конечно, атмосфера 1814–1815 гг., когда объединение с Россией стало единственной политической надеждой поляков, когда представители обеих армий обрели на польских землях отдых после кровопролитных войн, способствовала видимости единения. «Общественное настроение благоприятно и с каждым днем делается все лучше. Русские и польские гвардейцы устраивали взаимные чествования, между ними царит наилучшее согласие. Его высочество весьма любезно способствует этому», — уверял Александра I ратовавший за польско-русское сближение А. Чарторьский¹¹³. О совместных офицерских «роскошных пирах, где испивалось полными чашами вино за дружеское соединение двух славянских племен», о братаниях вспоминал адмирал П. А. Колзаков, находившийся в Польше в свите великого князя Константина с 1814 г. По его словам, тогда «знатнейшие магнаты поспешили открыть свои богатые хоромы для принятия новых гостей — и загрели празднества»¹¹⁴. Не оставались в долгу и русские, устраивая совместные разгульные пирушки. По свидетельствам современников, новый 1815 год встречали в Варшаве очень шумно: застолья сменялись балами.

Однако послевоенная эйфория продолжалась недолго. Последующая жизнь русской колонии в Варшаве не была уже столь праздничной. Свидетельства мемуаристов говорят о том, что отношения русских и польских офицеров в целом определяла сдержанность и отчужденность. Историк Литовского полка А. Н. Маркграфский отмечает, что, встречаясь в ресторанах, пользовавшихся среди военных популярностью, русские и поляки сидели в разных углах, никак не общаясь. Генерал, а в ту пору батальонный адъютант А. А. Одинцов вспоминал, что «жители из поляков не имели большого желания сближаться с русскими офицерами, а они, в свою очередь, не искали этого сближения и потому довольствовались только общественными удовольствиями, театрами, концертами в публичных садах, прогулками и своим обществом»¹¹⁵.

Обстановка особенно накалилась перед восстанием. По воспоминаниям Н. П. Макарова, в 1830 г. стала заметной неприязнь к русским военной и учащейся молодежи, когда «брожение [...] начало проявляться различными и довольно осязательными выходками со стороны учащейся польской молодежи: студенты, лицеисты, гимназисты сделались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и дерзки при встречах и столкновениях с русскими — на улицах они не давали им дороги, умышленно толкали. В кофейнях, у рестораторов, в театрах, на гуляньях, даже на публичных лекциях, везде заводились и повторялись неприятные сцены, истории, оканчивавшиеся иногда вызовом на дуэль»¹¹⁶. Я. Чиньский в романе «Цесаревич Константин и Иоанна Грудзиньская, или Польские якобинцы» (1833) описал подобные стычки польских и русских офицеров, случавшиеся в общественных местах.

По-разному складывались контакты русских с польским высшим обществом. Сам Александр I был, пожалуй, единственным россиянином своего времени, который воспринимался польскими современниками не как «москаль» — носитель национальных черт, представитель русской куль-

туры, но как просвещенный европеец. С его личностью связывались далеко идущие надежды: император умел завоевать симпатии польского общества. Что касается других представителей русской власти, то они также на первых порах стремились расположить к себе польскую аристократию. Председатель Временного правительства В. С. Ланской нередко устраивал парадные приемы. Сам он сумел заслужить в Польше неплохую репутацию. Когда В. С. Ланской, сложив с себя полномочия, покидал Королевство Польское, в его честь был дан роскошный обед, причем польская любезность простерлась настолько, что в салфетку бывшего главы правительства был заложен портрет его единственного сына¹¹⁷. Тогда же в Польше была вычеканена памятная медаль с изображением Ланского.

Даже ставший впоследствии одиозной для польского сознания фигурой Н. Н. Новосильцев, в первое время, «находясь на пике доверия императора и значения среди поляков, охотно окружал себя польскими патриотами, со свойственными ему учтивостью и предупредительностью приглашал на частые и роскошные пиры, где в доверительных беседах демонстрировал явное желание расположить к себе польские умы»¹¹⁸. Как пишет К. Козьмян, до 1820 г. «если кто из русских и относился к нам благожелательно и дружелюбно, то это, без сомнения, Новосильцев»¹¹⁹. А. Потоцкая вспоминала, что в первое время своего пребывания в Варшаве Новосильцев часто бывал у нее, желая, по-видимому, узнать, о чем думало и говорило собиравшееся там общество. Она признавалась, что как и многие, «в продолжение нескольких месяцев находилась под его чарующим влиянием и верила, что он предан нашим интересам»¹²⁰. Лишь впоследствии назрел конфликт Новосильцева с польским обществом, подогревавшийся обоюдно и имевший как политические, так и психологические причины. Как писал К. Козьмян, «он охладел к польским компаниям, стал мало с ними общаться. Вечера проводил у себя в кругу скорее русском, чем польском, утешаясь от нелюбви прекрасного пола с немолодой и некрасивой русской, женой генерала N. N., а часто с какой-нибудь актрисой и почти всегда с выстрелами шампанского или ароматом токайского»¹²¹.

Своеобразным было вживание в польское общество великого князя Константина Павловича. Прекрасно овладев польским языком, женившись в 1820 г. на польке И. Грудзиньской, он, казалось бы, мог стать своим для польского общества. Константин Павлович находился в кругу польского генералитета, адъютантов, принимал у себя родственников и близких жены и даже стремился окружить воспитывавшегося при нем внебрачного сына Павла польскими сверстниками. Однако деспотизм, жестокость по отношению к солдатам и офицерам, необузданный нрав, дикие выходки, а порой и явное нарушение светских приличий, описываемые мемуаристами, не могли не отвратить от него поляков. К тому же он вел достаточно замкнутый образ жизни, посвятив себя всецело организации и обучению армии. Гувернер его сына француз А. Мориолль пишет, что на протяжении четырнадцати лет, которые он провел на службе у великого князя, последний ни разу не устроил бала, вечера или торжественного обеда¹²². Если Константин Павлович и давал званые завтраки или обеды, то в основном для офицеров русской гвардии. В начале 1830 г. он жаловался Ф. П. Опо-

чини́ну: «Меня, старика, с женою вытащили на два бала, и кажется, предстоит еще два. Стараются, чтоб я дал пару, но на это я слишком глуп и неловок»¹²³.

Высшие офицеры, генералы бывали приняты в лучших варшавских салонах и порой завоевывали расположение общества. Например, согласно сообщению К. Колачковского, таким расположением пользовались генералы Г. А. Феньш, П. Н. Дьяков, генерал-майор граф Ф. К. Нессельроде, русские адъютанты великого князя полковник Л. И. Киль, корнет С. Д. Безобразов. Ф. К. Нессельроде, родственника российского министра иностранных дел, и генерала П. Н. Дьякова «считали людьми безупречного характера, хорошо воспитанными, лишенными всякой низости и заслуживающими доверия»¹²⁴. Как вспоминал Колачковский, оба генерала «обладали незаурядными музыкальными способностями. Нессельроде превосходно играл на фортепьяно, Дьяков хорошо пел французские романсы и русские думки». С. Д. Безобразов имел репутацию отличного танцора и пользовался большим успехом у варшавских дам. «Полковник Киль, лифляндец, был веселый, приятный сотоварищ, которого в мужских кружках все любили за его веселый нрав и замечательную способность к карикатурам, в которых он был действительно большой мастер»¹²⁵. В лучших варшавских домах бывал П. О. Моренгейм, секретарь великого князя для поручений по дипломатической части.

Однако из этого нельзя сделать вывод, что представители российского светского общества сделались полностью своими в Варшаве. Конечно, на приемах в некоторых домах встречалось смешанное общество. По долгу службы, например, должен был приглашать русских наместник Ю. Зайончек. Собирались русские и в доме А. Бронца, гофмаршала императорско-королевского двора и отчима И. Грудзиньской. В большинстве же польских салонов, где особенно в последние перед восстанием годы царил дух оппозиции и неприятия проявлений лояльности и сервизма, русские не могли себя чувствовать совсем свободно.

В целом русская колония держалась особняком. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие в польских мемуарах описаний вечеров в русских домах. Так, К. Колачковский, вспоминая, что русские генералы Б. Х. Рихтер, М. И. Левицкий, В. К. Кнорринг принимали у себя, замечал: «не имея обязанности, я никогда у них не был»¹²⁶. Дурной репутацией у поляков пользовался державший блестящий салон генерал А. А. Жандр, ставший впоследствии одной из первых жертв восстания 1830 г.: он был убит в ночь на 30 ноября. Русские генералы проводили много времени в своей среде за игрой в карты, и это дало основание К. Колачковскому заключить, что карточная игра — страсть всех русских¹²⁷.

Отделяли русских от поляков и театральные предпочтения. Не понимая по-польски, представители русской колонии охотно посещали в Варшаве французский театр, поддерживаемый великим князем. Среди любимых русской публикой актрис была Фелис, как-то раз в 1820 г. освищенная поляками. Этот инцидент повлек за собой далеко идущие последствия: запрет правительства на публичные проявления недовольства в театре, возмущенную реакцию на это либеральной прессы и ее закрытие, введение

цензуры на периодические издания и как следствие — конфликт либеральной оппозиции с правительством*. По мнению А. Козьмяна, французская актриса была встречена свистом и шиканьем не просто за то, что вышла на сцену с леденцом во рту: причина заключалась в том, что она «умела нравиться некоторым русским генералам и, поддерживаемая русской публикой, меньше думала о польской»¹²⁸. Филлис была освистана «вопреки недовольству русской публики», и, как писал А. Козьмян, этот знак протеста «русские приняли как личное оскорбление и доказательство неприязни и бунтарства поляков»¹²⁹. Сама интерпретация этого эпизода мемуаристом и тот факт, что конфликт имел серьезные политические последствия, говорили о напряженности отношений русского сообщества с поляками, о предубежденности, имевшей место с обеих сторон.

Интерпретация русскими и польскими мемуаристами как отдельных эпизодов из истории русско-польских взаимоотношений, так и самой перспективы этих взаимоотношений свидетельствует о разной «оптике», зависевшей от угла зрения (побежденный или победитель, автохтон или завоеватель, представитель национального большинства или меньшинства), а также от национальной ментальности. Она определяла различное видение русскими и поляками событий совместной истории. Каждая «оптика» по-своему искажала образ чужого, определяя трактовку его поведения: фокусируясь на одних сторонах действительности, она позволяла не заметить других. Лишь учитывая эти особенности национального восприятия, можно вникнуть в психологию каждой из сторон, сравнить «картины истории», созданные разными типами национального сознания, и избежать односторонней оценки¹³⁰.

Разница в восприятии действительности русскими и поляками давала о себе знать постоянно. Пример тому — свидетельства современников о пребывании на землях Княжества Варшавского русских войск в 1813–1815 гг. Польские источники полны жалоб на тяготы, связанные с присутствием русских властей, — нарушение прав польских граждан, вывоз некоторых из них вглубь России, реквизиции, поборы, произвол чиновников и т. д. Среди этих жалоб не последнюю роль играли претензии не материального, но морального свойства, связанные со взаимоотношениями двух наций. А. Чарторыский, беседуя с царем, жаловался на унижение достоинства, пренебрежение патриотическими чувствами поляков и притеснения, которые терпели польские чиновники от своих русских начальников. Присутствие русских на родной земле в качестве оккупантов воспринималось тем более болезненно, что подчиняться приходилось народу, стоявшему, в польском представлении, ниже по уровню цивилизационного развития.

Ю. У. Немцевич в письме от 3 октября 1815 г. свидетельствовал: «Варшава так заполнена москалями, что император увидит не Варшаву, а малый Петербург»¹³¹. Этот выдающийся польский поэт и общественный деятель в 1815–1816 гг. не мог дождаться, когда «москаля» покинут польскую землю. «Дальнейшему улучшению препятствует присутствие москалей: они — военные и гражданские — еще занимают 500 квартир. Левицкий,

* См. подробнее главу 5.

комендант Варшавы, грубиян из Иркутска, до сих пор занимает весь дворец жены подольского воеводы, Новосильцев — дом Потоцких...» — записывал он в дневнике 1816 г.¹³² «Вся страна, — сообщал А. Чарторыйский императору в конце 1815 г., — нетерпеливо ожидает того дня, когда сообразно с основаниями конституции все без изъятия русские чиновники покинут страну»¹³³.

Если многие русские были уверены, что Польша незаслуженно облагодетельствована, в том числе и материально, то польские патриоты подсчитывали убытки, связанные с содержанием русской армии и чиновников. Так, недовольство Немцевича вызывали высокие жалования В. С. Ланскому, Н. Н. Новосильцеву и штату русских канцелярий, выплачиваемые из польской казны. Русские чиновники, по словам Немцевича, использовали Польшу как источник обогащения: «К нашей стране они относились как к принадлежащему им трофею. [...] Любую данную нам свободу, любое предотвращение воровства русские воспринимают как личную обиду [...], отстранение москалей от надзора, потери доходов от таможи, паспортов, складов и т. д. и т. д. возбуждают злость и гнев». «Дому, где жил Ланской, — писал Ю. У. Немцевич, — нанесен ущерб на 14 000 флоринов, оттуда украдены картины и т. д.». Он отмечал в «Дневнике» не только «недоверие, которое возбуждало новое положение дел под московской опекой», но и «общий дух нерасположения к москалям»¹³⁴.

Однако при чтении воспоминаний русских создается впечатление, что они не замечали этой недружелюбности и видели происходящее в иных красках. Представителям победоносной армии, полным новых впечатлений и эйфории от заграничного похода, порою казалось, что польское население принимает их с распростертыми объятьями. Ф. Н. Глинка, например, считал, что поляки «дивятся русским: народ полюбил нас чрезвычайно. Подумаешь, что все офицеры у нас богачи, напротив, самая большая часть из них очень небогата — но таровата»¹³⁵. П. А. Колзаков отмечал «тогдашнее дружественное настроение большинства поляков к русским», симпатии населения, которые, как казалось, должны были «сделаться залогом продолжительного и безмятежного счастья». Расположение поляков представлялось Колзакову тем более удивительным, что никто из русских офицеров, «расставаясь с Петербургом [...] и отправляясь в страну, столь чуждую нам по вере, языку и обычаям, никак не рассчитывал на столь радушный прием»¹³⁶. Интересно в связи с этим наблюдение Ф. Булгарина, человека двойной культурной идентичности, который в 1828 г. доносил III Отделению: «Нигде русские не живут так весело, так скоро не дружатся и не женятся, как в Польше, а это потому, что ненависть к России существует в одном воображении, есть следствием политических правил, а не сердечных побуждений»¹³⁷.

В воспоминаниях русских военных о службе в Варшаве преобладают радужные краски. Русские офицеры, многие из которых открыли для себя Европу после кампании 1812 г., всячески стремились служить в Королевстве Польском, потому что служба там имела вкус новизны, приближала их к «загранице», к Европе. Несмотря на ограниченность межнациональных контактов, они, согласно воспоминаниям, считали жизнь в Польше

яркой и интересной. Она ассоциировалась с отдыхом от войны, материальной обеспеченностью и всяческими радостями.

«Не запомню эпохи более счастливой в моей жизни, как пребывание мое в Варшаве с 1815 по 1830 годы. Это было какое-то тихое пристанище после продолжительной боевой и бурной жизни», — вспоминал П. А. Колзаков. По его словам, там русские офицеры «благоденствовали и отдыхали». Польша тогда казалась им «какой-то счастливой Аркадией», в которой их встретили «умеренный климат, дешевизна и удобства жизни, веселое общество». Н. П. Макаров, служивший в 1820-е гг. в Литовском полку, с удовольствием вспоминал о высоком жалованье офицеров и дешевизне варшавских обедов, позволявших военным жить на широкую ногу. Ему запомнилось отнюдь не жестокое обращение великого князя Константина с подчиненными (в мемуарах описаны лишь эксцентричные выходы цесаревича), а вольная жизнь офицеров, в которой имели место многочисленные приключения, порой прощались лихие шалости и даже поощрялись дуэли. Варшавский военный лагерь производил на Н. П. Макарова впечатление «прелестных дач с самым здоровым, свежим воздухом». Об изнурительности маневров и смотров мемуарист вспоминает лишь мельком, чтобы похвалиться тем, что, будучи юношей, легко их выдерживал¹³⁸.

Польский взгляд, соприкасаясь с русской военной средой, видел иное: деспотизм главнокомандующего, иные представления офицеров о воинской чести, позволяющие спокойно переносить оскорбления вышестоящего начальства, телесные наказания (запрещенные ранее в польской армии), забитость солдат¹³⁹. Встреча с русской армией в Познани в 1814 г. произвела на К. Колачковского гнетущее впечатление: «Вид наших врагов и победителей и здесь нас болезненно преследовал. [...] гарнизон составляли части войск, одетые в серое, более похожие на животных, нежели на человеческие существа. На площадях муштровали рекрутов, отзвуки палок и розог разносились по городу. Этот вид несколько поубавил нашу радость и заставил задуматься над перспективой будущего объединения с этими людьми под одним скипетром»¹⁴⁰.

В воспоминаниях поляков о временах Константина Павловича запечатлены оскорбления им офицеров и их последующие самоубийства, жестокая муштра солдат, насаждение в армии чуждого патриотическому духу слепого послушания, угодничество и раболепие русских генералов, многочасовые разводы и смотры на Саксонской площади, воспринимавшиеся как внедрение русских порядков, и т. п. Что-то из этого перечня русская «оптика» замечала, а что-то видела по-другому. Так, телесные наказания — главный кошмар России в представлении просвещенного европейца — оставались как бы незамеченными русскими мемуаристами, ибо их привычность не позволяла вывести их на первый план. Напротив, русские военные порой отмечали заботу Константина Павловича об офицерах и солдатах, его внимание ко всем подробностям службы, посещение больных и т. д.¹⁴¹. Это было связано как с верноподданническим дискурсом, так и с отечественной традицией восприятия военачальника как «отца» подчиненных, который прощает, наказывает и входит во все детали их быта.

Столкновение двух начал — русского государственного и польского национального усматривал в повседневной жизни Варшавы глаз западного наблюдателя. Немецкий публицист П. Г. Гарринг, служивший в Уланском Его Высочества полку российской гвардии, хорошо познал военный быт Варшавы изнутри. Он описывает русско-польские отношения в традиции западноевропейских представлений о Восточной Европе, выводя на первый план черты несвободы, тирании, ориентализма и варварства. Конституционное Королевство Польское сливалось в его представлении с деспотической империей. Повсюду он усматривал признаки русского господства — военизированный быт, казармы: «В России все как будто растворяется в одной неизменной и господствующей идее — казарме [...]. В Польше даже университеты имеют казарменный распорядок». Гарринг описывал многочисленные гауптвахты, военные лагеря, мертвую тишину на подступах к резиденции великого князя, вокруг которой даже птицы боятся петь, а лягушки квакать. В поляках он видел поработанных жертв деспотизма, гнета, «подчиняющего себе душу и тело»: «Рабское подчинение нижних чинов и высокомерие русских выскочек, которое в Варшаве доведено до крайнего предела, — писал он, — составляют полное противоречие национальному характеру поляков. Более того, русская табель о рангах оскорбляет гордость польской шляхты, которую лишает достоинства и низводит на унижительный уровень».

Рассматривая русско-польские отношения в терминах господства и подчинения, Гарринг явно преувеличивал масштабы русского присутствия: «Варшава кишит русскими гражданскими чиновниками, большинство которых должны носить форменную одежду. Улицы переполнены русскими экипажами, поскольку русским легко жить в Варшаве на широкую ногу. Здесь они получают жалованье в серебряных рублях, тогда как в России им платили бы в бумажных. Во время послеобеденного гулянья в Варшаве русские экипажи, запряженные четверками лошадей, едут друг за другом с Краковского Предместья к костелу Св. Александра, а на тротуарах преобладают русские мундиры»¹⁴².

Вероятно, возмущение местного населения вызывало разгульное поведение многих офицеров русской гвардии. Как пишет А. Н. Маркграфский, «выпороть на конюшне еврея, пришедшего за получением долга, пронестись в коляске, запряженной лихой четверней, по Краковскому Предместью так, чтобы попадавшие навстречу экипажи разлетались вдребезги; выбросить кого-нибудь из окна второго этажа, затронуть женщину на улице и даже в костёле, застрелить собаку, сыграть мелодию на свистке в партере театра — все это считалось делом обыкновенным»¹⁴³. Нередко компании подгулявших офицеров ходили по улицам, забирая «в плен» хорошеньких женщин. Н. П. Макаров приводил в своих воспоминаниях историю о том, как некий прапорщик похитил воспитанницу театрального училища и, поставив в своей квартире караул, отразил натиск полиции, пришедшей за девушкой¹⁴⁴. Подобный тип поведения был связан не только с грубостью нравов и культивируемой в военной среде удалью и бесшабашностью. Во многом вызывающие поступки офицеров объяснялись их пребыванием на чужой территории, где перестают действовать правила

поведения и запреты, существующие дома. Сказывалась и жизнь в изолированном сообществе.

Поляки интерпретировали поведение «пришельцев» как отсутствие нравственных норм, свидетельство их низкой культуры. Низкий нравственный уровень, неуважение русских к морали должны были в их глазах служить контрастом собственной высоко оцениваемой культуре. Не случайно польские современники акцентировали пьянство и «развратность» Н. Н. Новосильцева. Попраание нравственных устоев теми, кто был поставлен наблюдать за поляками «сверху», вызывало чувство превосходства по отношению к ним. Противопоставляя им образ поляков как просвещенной европейской нации, Я. Чиньский в романе «Цесаревич Константин и Иоанна Грудзинская, или Польские якобинцы» так описывал картины жизни Варшавы: «Когда большинство жителей Варшавы, заснув глубоким сном, забывало о дневных терзаниях, кое-где в гостиных горели огни ламп. Там русские генералы среди распутных женщин и роскоши шумно гуляли с шампанским и картами. [...] А где-то на верхнем этаже в маленькой каморке с одним окошком тлел слабый огонек, там молодой гражданин Польши, студент университета, искал знаний в трудных книгах»¹⁴⁵.

В то время как поляки продолжали видеть в русских завоевателей, представители России в Королевстве Польском отнюдь себя таковыми не чувствовали. Напротив, у русских военачальников А. П. Ермолова и И. Ф. Паскевича, посетивших Варшаву в те годы, вызвало недовольство «приниженное» положение соотечественников. И. Ф. Паскевич считал, что русских в 1818 г. в Варшаве держали «в черном теле»¹⁴⁶.

Видимо, это ощущали и некоторые офицеры, и их вызывающие поступки являлись своеобразной реакцией на то, что к ним в Польше относятся с чувством превосходства. Входя в роль «русских варваров», они вели себя соответственно. Один из младших офицеров мог, например, потехи ради кормить неграмотных солдат в самом дорогом ресторане Варшавы. В другой раз он, придя в роскошный ресторан, робким голосом по-русски просил «щей да каши», а затем приказывал подать шампанского, чтобы вымыть им руки и от имени «русского варвара» угостить посетителей ресторана¹⁴⁷. Известно, что М. С. Лунин гулял по Виляновскому парку с медведем, очевидно используя его как средство национальной самоидентификации. Все это было нарочитой игрой. В те годы сам Александр I, общаясь с иностранцами, шутливо называл себя «северным дикарем».

Самым действенным средством к объединению двух народов были смешанные браки. Великий князь Константин, сам подавший пример такого союза, поощрял браки русских офицеров с польками. Младшие офицеры чаще всего сближались с семьями польских гражданских чиновников (в основном это было полонизированное мещанство французского или немецкого происхождения), женились на их дочерях. П. А. Колзаков вспоминал, что русская молодежь охотно обучилась польскому и заговорила на нем, в угоду польским паннам, «ломаю свой благозвучный язык на их шипящее наречие»¹⁴⁸. Женились на польках также нижние чины и солдаты, нередко переселявшиеся после выхода в отставку в отдаленные уголки Королевства Польского. В то время детей от подобных браков часто крестили

по католическому обряду (закон об обязательном православном крещении детей от смешанных браков был принят в 1836 г.).

В высшем свете широкий резонанс имел брак славящейся красотой и умом Каролины Ходкевич (в юности в нее был влюблен польский поэт А. Мальчевский), которая, разведясь с А. Ходкевичем, вышла замуж за А. С. Голицына, а также брак княгини Т. Радзивилл, вдовы Д. Радзивилла, с А. И. Чернышевым. Характерным было отношение к подобным союзам польского общества — их воспринимали с явным неодобрением. Вот как комментировал это А. Козьмян: «Некоторые наши дамы стали покидать защитников страны ради ее завоевателей. Госпожа Ходкевич все чаще принимала у себя князя Голицына, русского полковника, а жена князя Доминика Радзивилла вскоре отказалась от славного имени Радзивиллов, отдав сердце, а потом и руку генералу Чернышеву, известному своей лживостью и бахвальством»¹⁴⁹. В дамах, сменивших польские фамилии на русские, видели отступниц от национального долга. Во всяком случае, их поведение в глазах общественного мнения не соответствовало образу «хорошей польки». Политические виды приписывались министру внутренних дел Т. Мостовскому, отдавшему дочь Юзефу замуж за П. Моренгейма — любимца великого князя. Впрочем, этот брак в глазах общественного мнения оправдывало то, что «Моренгейма, человека справедливого, просвещенного, предупредительно вежливого, этим союзом заплучили для польского дела, которому он принес весьма ощутимую пользу, считая честью для себя породниться с домами Мостовских и Потоцких»¹⁵⁰. К. Колачковский вспоминал: «Во время варшавской революции 1830 г. я видел господина Моренгейма вместе с женой на улице с белой кокардой на шляпе»¹⁵¹.

Примерно так же порой оценивали смешанные русско-польские браки в самой России¹⁵². Что же касается русских, живших в Королевстве Польском в 1815–1830 гг., то ими браки с поляками рассматривались в духе тогдашней политики России. Да и на ком же еще было жениться русским офицерам, служившим в Королевстве Польском, если не на поляках? Русские мемуаристы описывают легкость и желанность для офицеров заключения подобных союзов в Польше. Очевидно, вдохновляла их и бóльшая, по сравнению с отечеством, свобода нравов, позволявшая легко заводить любовные связи. Впоследствии Н. П. Макаровым, отметившим в воспоминаниях прелесть «кавярок» (официанток в кофейнях), был сочинен романс, в котором воспевались Вислы «изобильные брега, где так скоро вырастают у мужей на лбу рога»¹⁵³.

Польско-русскому сближению в 1815–1830 гг. безусловно мешала взаимная предубежденность. За короткое время, прошедшее после окончания наполеоновских войн, образ врага не мог стереться еще из коллективной памяти. Он был все еще актуален как для польского, так и для русского сознания. Кроме того, в польском сознании жила память о разделах, востании Костюшко, после которых образ России стал прежде всего образом захватчика, притеснителя. Ю. У. Немцевич, вспоминая о том, что «отношение к москалям у жителей Польши недоброжелательное», ссылался при этом на «зависть» и «предвзятое отношение» русских к полякам¹⁵⁴. В дневниках Ю. У. Немцевича за 1815–1820 гг. национальные противоречия

все время подчеркиваются, причем ключевым является слово «ненависть». Характерно, что, замкнувшись на теме польской нации как предмете внимания русских, он постоянно писал о русской «ненависти» к полякам. Пользовавшийся огромным авторитетом среди современников писатель полагал, что планы императора относительно соединения двух народов братскими узами разобьются с польской стороны о «память давних обид», с русской же — о «зависть и ненависть»¹⁵⁵.

Оппозиция «мы/они», «свой/чужой» постоянно присутствовала в сознании как поляков, так и русских, даже когда не приходилось говорить о явной враждебности. Взгляд на представителей этнически иного сообщества как на чужих определял характер взаимоотношений. «Мы (здесь и далее курсив мой. — Н. Ф.) жили среди них с чувством полной своей безопасности, так как ничто с их стороны не представлялось угрожающим. „Они не посмеют“, — говорилось тогда у нас», — вспоминала княгиня Н. И. Голицына, жена А. Ф. Голицына, чиновника из канцелярии великого князя Константина¹⁵⁶.

О достоинствах русских польские мемуаристы часто вспоминали с оговорками, так, будто бы для них обладание положительными качествами — исключение. О Ланском А. Потоцкая писала, что «он обладал приветливым лицом честного человека и принадлежал к *небольшому числу русских, которые по справедливости считались вполне достойными людьми*»¹⁵⁷. Характерным является отзыв Н. Кицкой о полковнике О. Г. Зассе — «честный человек, хотя и москаль»¹⁵⁸. Даже о сверххлябном, по мнению большинства поляков, к русским властям наместнике Ю. Зайончке говорилось, что он «неохотно терпел москалей».

Свидетельства современников — русских и поляков отразили и национальные стереотипы, укорененные в сознании или же складывавшиеся в процессе контактов. Русские, не будучи в состоянии понять польских патриотических и национально-освободительных стремлений, интерпретировали их как «ложный и неуместный патриотизм», «политическое безрассудство». Для поляков же особенно характерны были представления о «московском варварстве», подчеркивание неумения русских вести себя в обществе. Немалую роль в восприятии русских играл также стереотип «рабской души», покорной «дикому деспоту».

Уже тогда распространилось представление о русских как об азиатах, наследниках татаро-монголов. Участник восстания 1830 г. А. Млоцкий, например, считал, что великий князь Константин представлял собой «тип настоящего монгола»¹⁵⁹. А. Потоцкая обращала внимание на «татарский тип» физиономии В. Ланского — «выдающиеся скулы и маленькие китайские глазки»¹⁶⁰.

Годы конституционного Королевства Польского явили и положительные примеры национального сближения. В некоторых случаях живое общение способствовало преодолению стереотипного восприятия, обогащению образа соседа, сглаживанию межнациональных противоречий. Так, глубоко заинтересовался польской культурой и налаживал контакты с польским обществом П. А. Вяземский¹⁶¹. «Живя в Польше, не ржавел я в запоздалых воспоминаниях о поляках в Кремле и русских в Праге, а

был посреди соплеменных современников с умом и душой, открытыми к впечатлениям настоящей эпохи»¹⁶², — писал он о годах, проведенных в Варшаве.

О трогательном прощании с офицерами польского Конно-егерского полка русских военных, покидавших в 1830 г. Королевство Польское вместе с великим князем Константином, вспоминает Н. Серавский: «Когда мы миновали колонны русских войск, генералы, командиры, офицеры, даже солдаты выбегали к нам, хватали за руки, обнимая и прощаясь, как они выражались, „до лучших времен“. Генерал артиллерии Герштенцвейг подошел к полковнику Зелёнке, сердечно пожал ему руку и по-французски произнес слова, которые мне запомнились: „Если дойдет до войны, то никогда мои пушки не станут в вас стрелять! Будьте здоровы! Грустно с вами расставаться!“»¹⁶³.

Безусловно, на фоне трудных взаимоотношений России и Польши в XIX в. годы конституционного Королевства Польского выделяются как один из наиболее политически благоприятных периодов для добрососедского общения двух народов. Однако результатом политики Александра I были лишь единичные примеры сближения поляков и русских. В целом курс императора на объединение двух народов себя не оправдал, положительный опыт сосуществования оказался невостребованным. Не случайно всеобщий энтузиазм в начале восстания 1830 г. вызывали возгласы «Nie ma Moskali!» (Москалей больше нет!). После 1830 г. в исторической памяти возобладало и закрепилось негативное восприятие народами друг друга. Причины этого были обусловлены не только неудачной политикой царской администрации в Королевстве Польском, но и предыдущим историческим опытом взаимоотношения двух народов; они крылись также в сфере разной культурной запрограммированности, зависели от сложных механизмов национальной психологии. Именно в национальной ментальности, в исторически сложившихся национальных предубеждениях и стереотипах крылись ключи взаимонепонимания, мешавшего подлинному сближению поляков и русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Жуковская Т. Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 612. В этой статье автор рассматривает природу общественной оппозиции политике Александра I по польскому вопросу, причиной которой, по ее мнению, стала его самоизоляция в выборе внешнеполитической стратегии.
- 2 См. *Nesselrode Ch. R. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Extraits de ses archives. Publiés et annotés avec une introduction ... par le comte A. de Nesselrode.* Т. 4 (1812). Paris, 1904. P. 313–320. Содержание записки изложено в кн.: *Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. 3 (Трактаты с Ав-

- стрией. 1808–1815). СПб., 1876. С. 214–215; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 7 (Серия 1). М., 1970. С. 11.
- 3 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 8 (Серия 1). М., 1972. С. 118.
- 4 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 7 (Серия 1). М., 1970. С. 103.
- 5 Там же. С. 340.
- 6 Всеподданнейшее письмо В. С. Ланского к Александру I // «Русский архив». Т. 1. М., 1863. С. 839–842. Опубликовано также в кн: *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 551–552.
- 7 *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 254.
- 8 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 29–30, 41, 63, 167–168. См. также: *Артамонов В. А.* Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 222–224.
- 9 О колебаниях уроженки Литвы между приверженностью Александру I и национальными чувствами свидетельствуют воспоминания С. Шуазель-Гуфье, братья которой служили во французской армии. Она вспоминает о встрече в Вильно Наполеона и его войск, среди которых были поляки. Александр I объявил своим литовским подданным, сражавшимся на стороне Наполеона, амнистию и даже заставил французское правительство выплатить им пенсии. См. *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // *Державный сфинкс*. М., 1999. См. также главу 1 данной книги.
- 10 Свидетельство М. Н. Грибовского. Цит. по кн.: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 326.
- 11 *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 59.
- 12 *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 2. М., 2003. С. 786–787.
- 13 Подробнее об этих изданиях и их авторе см.: *Громов В. А.* Русско-польские журналы «Друг россиян» и «Отечественный памятник» (1816–1818) // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 5–32; *Dworski A.* Polonica w rosyjskich wydawnictwach F. Orli-Oszmieńca // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria*. Т. 1. Warszawa, 1974. S. 95–105.
- 14 «Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал на 1816 год». Орел, 1816. № 1. С. 3.
- 15 Там же. С. 6.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 34–35.
- 18 *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 181.
- 19 *Nietcewicz J. U.* Pamiętniki, 1809–1820. Т. 2. Poznań, 1871. S. 261.
- 20 *Koźmian K.* Pamiętniki. Т. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. 49.
- 21 *Потоцкая А.* Мемуары. 1794–1820. М., 2005. С. 245.
- 22 См.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 374–393; *Мироненко С. В.*

- Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 154–162. Российские историки рассматривали варшавскую речь 1818 г., как правило, во внутривнутриполитическом контексте, а отклики на нее — как реакцию общества на реформаторские попытки самодержавия в самой России.
- 23 Цит. по кн.: *Андреева Т. В.* Александр I и русское общество // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 183.
- 24 Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 280.
- 25 Архив князя Воронцова. Т. 8. М., 1876. С. 363.
- 26 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 103.
- 27 *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1888. С. 330.
- 28 См. *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 95.
- 29 См. *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 376.
- 30 *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 161.
- 31 *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 41.
- 32 Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 гг. Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921. С. 44, 397.
- 33 Там же. С. 121.
- 34 *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Т. 1. СПб., 1862. С. 7–8.
- 35 *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие // *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 282–283.
- 36 *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 38.
- 37 *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. Вып. 1. Киев, 1906. С. 25.
- 38 *Якушкин И. Д.* Указ. соч. С. 16.
- 39 См. об этом: *Blackwell W.* Russian Decembrists Views of Poland // *Polish Review*. New York, 4 (1958). P. 31–35.
- 40 Об отношении декабристов к польскому вопросу см. также: *Jablonowski W.* Dekabryści i ich stosunek do Polski // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1909. Т. 9. Z. 2. S. 185–214; Z. 3. S. 298–324; *Беккер И. И.* Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. М., 1948. № 3; *Baumgarten L.* Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952; *Медведская Л. А.* Декабристы и польское Патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. До настоящего времени отечественные исследователи уделяли преимущественное внимание несостоявшемуся революционному союзу декабристов с деятелями польского национально-освободительного движения.
- 41 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М., 1951. С. 247.

- 42 «Московские ведомости». 1818. № 29. С. 576.
- 43 См. *Kozłowski T.* Polonica w czasopiśmie rosyjskim «Wiestnik Jewropy» w latach 1815–1822 // *Prace polonistyczne*. Ser. 23. Łódź, 1967. S. 115–132. Исследуя польские переводные материалы на страницах «Вестника Европы», Т. Козловский, однако, останавливается лишь на художественной литературе и публикациях из области гуманитарных наук. Статьи на политические темы автором даже не упоминаются.
- 44 «Дух журналов». 1815. Т. 4. № 25.
- 45 Статья из Варшавы: [Из Варшавских ведомостей] // «Вестник Европы». М., 1815. Т. 84. № 22. С. 130–141, № 23. С. 217–225.
- 46 Речь, говоренная членом Верховного Совета Герцогства Варшавского тайным советником Вавржецким при совершении торжественного обряда в Варшавской соборной церкви по случаю провозглашения оногo Герцогства Царством Польским, 8/20 июня 1815 г. Варшава, 1815. См. также: «*Gazeta Warszawska*», 24.06.1815. № 50.
- 47 Воззвание к полякам от наместника Польского Царства, воеводы и генерала Зайончка // «Вестник Европы». 1816. Т. 85. № 1. С. 63–67. Польский текст см.: «*Gazeta Warszawska*», 2.01.1816. № 1.
- 48 «Вестник Европы». 1816. Т. 85. № 1. С. 74.
- 49 «Вестник Европы». 1816. Т. 90. № 22. С. 137–145. Это было изложение статьи, озаглавленной «*Uwagi obywatela polskiego nad konstytucją tegoż Królestwa*» // «*Pamiętnik Warszawski*». 1816. Т. 4. S. 206–213.
- 50 В эти годы общественности были доступны польский и французский тексты конституции, опубликованные в Варшаве: *Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego*; *Charte constitutionnelle du Royaume de Pologne* // *Dziennik praw Królestwa Polskiego*. Warszawa, 1816. Т. 1. № 1. Русский перевод текста увидел свет лишь в книге: Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского, 1814–1881. СПб., 1907. См. Приложение к данной книге.
- 51 Об этом П. А. Вяземский пишет в «Моей исповеди»: «На меня был возложен перевод речи, произнесенной государем. [...] Вслед за этим поручен мне был перевод на русский язык польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени поручено было Новосильцову государем императором составить проект конституции для России» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 86).
- 52 «Вестник Европы». 1816. Т. 90. № 22. С. 137.
- 53 Речь, произнесенная при открытии сейма Царства Польского 15 марта 1818 г. // «Дух журналов». 1818. № 14. С. 96–102. Текст речи был опубликован также в «Московских ведомостях» (1818, № 29. С. 575–577), «Северной почте» (1818, № 26), а позднее в «Украинском вестнике». См. также: Речь, произнесенная его императорским величеством при закрытии сейма Царства Польского 15/27 апреля 1818 г. в Варшаве // «Дух журналов». 1818. № 19. С. 103–108; Речь, произнесенная Его Величеством Императором Всероссийским Царем Польским при открытии сейма Царства Польского 1/13 сентября 1820 г. в Варшаве. Б. м., б. г.
- 54 Прежнее состояние Царства Польского. Нынешнее состояние Царства Польского // «Вестник Европы». 1818. Т. 98–99. № 5. С. 210–222.

- 55 Свидетельства генерал-адъютантов Александра I А.С.Меншикова, А.И.Чернышева, А.И.Михайловского-Данилевского см.: *Жуковская Т.Н.* Указ. соч. С. 616–618.
- 56 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 98.
- 57 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 18.
- 58 Там же. С. 69.
- 59 Там же. Т. 1. С. 347.
- 60 Там же. С. 107.
- 61 Цит. по кн: *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 184.
- 62 *Орлов М.Ф.* Указ. соч. С. 219–221.
- 63 Там же. С. 217.
- 64 Переписка А.И.Тургенева с П.А.Вяземским, 1814–1833 // Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 379.
- 65 Цит. в кн.: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. С. 222.
- 66 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 81.
- 67 *Лорер Н.И.* Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 325.
- 68 См.: *Теплова В.А.* Дискуссия о формах правления в русской журналистике 1814–1820 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филол. Вып. 65. Горький, 1964. С. 326–346; *Филатова Н.М.* Понятие «дух времени» в лексиконе польской и русской публицистики начала XIX в. // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 190–201; *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск, 2002.
- 69 «Pamiętnik Warszawski». 1820. Т. 17.
- 70 «Gazeta codzienna narodowa i obca». Warszawa, 1818. № 70.
- 71 «Orzeł biały». Warszawa, 1819. Т. 4. S. 188.
- 72 «Дух журналов». 1819. Т. 36.
- 73 Там же. 1819. Т. 32. № 1.
- 74 Там же. 1819. Т. 36.
- 75 *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. С. XXXV.
- 76 См. там же. С. XXXV–XXXVI; Письма Н.М.Карамзина к кн. П.А.Вяземскому // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 49.
- 77 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 105.
- 78 Анализ этого документа см.: *Вернадский Г.В.* Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк. Прага, 1925; *Парусов А.И.* Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филолог. Вып. 72. Т. 1. Горький, 1964; *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 147–206; *Чернов К.С.* Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007. В последние годы Уставная грамота

и связанные с ней проекты реформирования империи привлекали также внимание зарубежных исследователей. См.: *Доннерт Э.* Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // *Славянские народы: Общность истории и культуры.* М., 2000. С. 186–214; *Le Donne J.* Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826 // *Cahiers du monde russe.* Paris, 2003. Vol. 43. № 4. P. 7–14.

- 79 См. подробно: *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 40–44.
- 80 *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 67–68.
- 81 Цит. по кн.: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 182.
- 82 *Вернадский Г. В.* Скрытый источник конституции Никиты Муравьева // *Известия Таврического Университета.* Симферополь, 1919. № 1.
- 83 Цит. по кн.: *Ланда С. С.* Указ. соч. С. 207.
- 84 Цит. по кн.: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 178.
- 85 *Воронич Я. П.* Речь по случаю печального обряда в память императора Александра I // «Вестник Европы». 1826. Т. 147. № 8. С. 288–305; *Солтык Р.* О памятнике императору Александру I, царю польскому // «Вестник Европы». 1830. Т. 172. № 13.
- 86 *Кутузов Н. И.* О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства / публ. П. В. Ильина // *Николай I: личность и эпоха.* Новые материалы. СПб., 2007. С. 92–93.
- 87 Александр Бестужев на Кавказе (1829–1837), неизданные письма // *Русский вестник.* М., 1870. Т. 80. С. 505.
- 88 *Погодин М. П.* Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний, 1831–1867. М., 1867. С. 5–6.
- 89 *Szczypiorski A.* Świerć wieku Warszawy. 1806–1830. Wrocław, 1964. S. 132.
- 90 *Offmański M.* Królestwo Polskie (1815–1830). Rys historyczny z tablicami statystycznymi. Warszawa, 1907. S. 104.
- 91 *Sakowicz E.* Stan wyznania prawosławnego w Księstwie Warszawskim i Królestwie Kongresowym // *Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce.* 1939. Nr. 12 (20). S. 4.
- 92 *Sakowicz E.* Kościół prawosławny w Królestwie Polskim w okresie powstania listopadowego // *Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce.* 1939. Nr. 30–31 (38–39).
- 93 *Сокол К. Г.* Русская Варшава. М., 2002. С. 9.
- 94 *Paszkiewicz P.* Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915. Warszawa, 1991. S. 42–53.
- 95 «*Gazeta Warszawska*», 24.06.1815. Nr. 50.
- 96 *Molski M.* Święto narodowe z powodu przywrócenia Królestwa Polskiego i ogłoszenia zasad konstytucyjnych dnia 20 (8) czerwca 1815 r. // «*Gazeta Warszawska*», 27.06.1815. Dodatek do nr. 51.
- 97 «*Gazeta Warszawska*», 9.05.1815. Dodatek do nr. 37.
- 98 «*Gazeta Warszawska*», 24.06.1815. Nr. 50.
- 99 «*Gazeta Warszawska*», 20.07.1816. Nr. 58.
- 100 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 91. Об уничтожении в войсках масонских лож и других тайных обществ. Ч. 1. Л. 27–37.

- 101 *Kolaczkowski K.* Wspomnienia. Księga II. Od roku 1813 do 1820. Kraków, 1900. S. 124.
- 102 *Сидоров А. А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Вып. 1. Варшава, 1899. С. 4.
- 103 *Gembarzewski B.* Wojsko polskie, 1815–1830. Warszawa; Kraków. B.r. S. 44.
- 104 В 1815 г. в Варшаве была издана брошюра «Список команд, отдаваемых по-русски и по-польски, согласно приказу Его Императорского Высочества Великого князя Константина Павловича». См.: *Zbiór komendnych wyrazów w języku rosyjskim i polskim stosownie do rozkazu Jego Cesarzewiczowskiej Mości Wielkiego Księcia Konstantego.* Warszawa, 1815.
- 105 *Макаров Н. П.* Мои семидесятилетние воспоминания и с тем моя полная предсмертная исповедь. Ч. 4. СПб., 1882. С. 58.
- 106 *Максимович М.* Воспоминания о польском восстании 1830 г. и о в Бозе почившем великом князе Цесаревиче Константине Павловиче. СПб., 1875. С. 9.
- 107 *Witkowski M.* Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816 // *Pamiętniki z lat 1792–1849.* Wrocław, 1961. S. 77.
- 108 *Niemcewicz J. U.* Op. cit. S. 322.
- 109 *Ibidem.* S. 281.
- 110 См. *Маркграфский А. Н.* История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава, 1887. С. 134.
- 111 *Максимович М.* Указ. соч. С. 7–8.
- 112 *Sierawski N.* Pamiętnik oficera konnego pułku gwardii za czasów W. ks. Konstantego / z przedmową St. Smolki. Lwów, 1907. S. 76.
- 113 Мемуары Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 310.
- 114 *Колзаков К. П.* Воспоминания. 1815–1830 // *Русская старина.* СПб., 1873. Т. 7. № 4. С. 425.
- 115 [*Одинцов А. А.*] Посмертные записки А.А. Одинцова, генерала от инфантерии // *Русская старина.* 1889. Т. 64. № 11. С. 314.
- 116 *Макаров Н. П.* Указ. соч. С. 119.
- 117 *Niemcewicz J. U.* Op. cit. S. 275.
- 118 *Koźmian K.* Op. cit. S. 101.
- 119 *Ibidem.* S. 96.
- 120 *Потоцкая А.* Указ. соч. С. 238.
- 121 *Koźmian K.* Op. cit. S. 102.
- 122 [*Moriolles A.*] Pamiętniki hrabiego de Moriolles. O emigracji, Polsce i dworze wielkiego księcia Konstantego (1789–1833). Warszawa, 1902. S. 158.
- 123 Цит. по кн.: *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб., 1899. С. 130.
- 124 *Kolaczkowski K.* Wspomnienia. Księga III. Od roku 1820 do 1830. Kraków, 1900. S. 56–58.
- 125 *Ibidem.* S. 56–57.
- 126 *Ibidem.* S. 34.
- 127 *Ibidem.* S. 55, 57.
- 128 *Koźmian A. E.* Wspomnienia. Т. 1. Poznań, 1867. S. 184.
- 129 *Ibidem.* S. 185.

- 130 Так, Т. Н. Жуковская проблему русско-польского сближения в 1815–1830 гг. исследует, в основном опираясь на точку зрения русских (*Жуковская Т. Н. Русские и поляки в 1815–1830 гг.: иллюзии национального мира // Культура исторической памяти: не востребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 2003. С. 80–89.*)
- 131 Цит. по кн.: *Czartoryski A. Żywot J. U. Niemcewicza. Berlin; Poznań, 1860. S. 321.*
- 132 *Niemcewicz J. U. Op. cit. S. 275.*
- 133 Цит. по кн.: *Сидоров А. А. Указ. соч. С. 20.*
- 134 *Niemcewicz J. U. Op. cit. S. 221, 223, 270, 277.*
- 135 *Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987. С. 67.*
- 136 *Колзаков К. П. Указ. соч. С. 424–425.*
- 137 Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 338.
- 138 *Макаров Н. П. Указ. соч. С. 6, 16.*
- 139 См.: *Tokarz W. Armia Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917. S. 51–67.*
- 140 *Kolaczkowski K. Op. cit. Księga II. S. 119.*
- 141 См. например: *Максимович М. Указ. соч. С. 34–36.*
- 142 *Harring H. Poland under the domination of Russia (Late cadet in the lancer regiment of the Grand Duke Constantine's imperial Russian body guard). London, 1831. S. 23–24, 143, 159–160.*
- 143 *Маркграфский А. Н. Указ. соч. С. 194.*
- 144 *Макаров Н. П. Указ. соч. С. 20.*
- 145 *Czyński J. Cesarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska, czyli Jakubini polscy. Warszawa, 1956. S. 129.*
- 146 Цит. по кн.: *Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 95. См. также: Сидоров А. А. Указ. соч. С. 38.*
- 147 *Макаров Н. П. Указ. соч. С. 45.*
- 148 *Колзаков К. П. Указ. соч. С. 427.*
- 149 *Koźmian A. E. Op. cit. S. 145. О Каролине Ходкевич см. также: Błędowska H. Pamiętka przeszłości. Wspomnienia z lat 1794–1832. Warszawa, 1960. S. 494.*
- 150 *Koźmian K. Op. cit. S. 210.*
- 151 *Kolaczkowski K. Op. cit. Księga III. S. 57.*
- 152 Е. Е. Левкиевская утверждает, что подобные браки «декларативно порицались русским общественным мнением», ссылаясь на стихотворение А. С. Пушкина «Графу Олизару» (1824), в котором есть строки:

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен.

(*Левкиевская Е. Е. Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв. // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 196.*)

- 153 *Макаров Н. П. Указ. соч. С. 187.*
- 154 *Niemcewicz J. U. Op. cit. S. 221, 227.*
- 155 *Ibidem. S. 346.*

- 156 *Голицына Н. И.* Воспоминания // Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. М., 2005. С. 51.
- 157 *Потоцкая А.* Указ. соч. С. 239.
- 158 *Кицкая Н.* Главы из воспоминаний // Война женскими глазами... С. 173.
- 159 *Młocki A.* Pamiętnik // Zbiór pamiętników do historii powstania polskiego z roku 1830–1831. Lwów, 1882. S. 226.
- 160 *Потоцкая А.* Указ. соч. С. 239.
- 161 См.: *Спасович В. Д.* Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. М., 1890. № 1; *Бэлза С. И.* Польские связи П. А. Вяземского // Польско-русские литературные связи. М., 1979.
- 162 *Вяземский П. А.* Моя исповедь // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 90.
- 163 *Sierawski N.* Op. cit. S. 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вооруженная борьба польского народа, начавшаяся 29 ноября 1830 г. в Варшаве, была подавлена царизмом в 1831 г. Автономное Королевство Польское перестало существовать, его конституция была ликвидирована. Опыт польского конституционализма оказался неудачным, и осмыслить причины этого пытались уже современники событий. Так, граф Ф. Скарбек писал: «Создание Королевства Польского одни считали актом лицемерия, другие доказательством великодушия Александра; оно не было ни тем, ни другим, а просто точным следованием принципам российской политики, имеющей целью включение всей Польши в Империю». Он указывал, что царь «заблуждался, думая снискать себе симпатии поляков только самым предоставлением свобод без гарантии их сохранения; он ошибся, дав слишком много, не учтя, сможет ли выполнить то, что обещал, и к тому же он сразу ввел такой способ правления, который подрывал основы конституции». С другой стороны, Скарбек признавал, что польское общество не было готово жить в новых условиях: конституция, утверждал он, «дала нам больше, чем наш политический организм мог переварить, чтобы мы [...] как дети, пресытились неудобоваримым плодом, который затем у нас отняли, якобы чтобы спасти от отравления». «Конституция, — отмечал он, — явно стремилась соединить польские традиции с новыми формами и принципами правления, намеревалась примирить участие подвладных в политических вопросах с неограниченным единовластием, коллегиальную деятельность административной власти с безусловным подчинением чиновников самоуправным приказам начальства, наконец, оппозицию представителей нации с чувствительностью высшей воли монарха, рожденного приказывать и не имеющего никаких причин принимать во внимание более или менее справедливые требования подданных»¹.

Отмеченные Скарбеком противоречия были заложены в самой конституции: если акт создания Королевства Польского, отвечавшего интересам России, явился результатом компромисса ее с европейскими державами, с одной стороны, и с верхушкой польского общества, с другой, то формы, структуры, функции различных элементов нового государства были определены единоличным решением императора Александра, который правил текст конституции еще на стадии проекта, изъял из нее некоторые важные положения и, наоборот, внес ряд ограничений. Тем не менее, Конституция Королевства Польского оставалась одной из самых либеральных конституционных хартий в Европе. В основе этого факта лежали не только либеральные воззрения молодого монарха, воспитанного республиканцем Ф. Лагарпом и испытавшего влияние польского патриота А. Чарторыского, но и важный психологический момент: как победитель Наполеона Александр I не мог предложить полякам меньше, чем французский император, создавший в 1807 г. Княжество Варшавское — сателлитное государственное образование с гораздо более ограниченной конституцией.

Однако в качестве источника конституционного закона царь смотрел по-хозяйски на провозглашенную в Королевстве Польском конституционную хартию и считал себя вправе изменять ее статьи. Необходимость изменений диктовалась его восприятием и интерпретацией событий, происходивших как в Европе, так и в России и самом Королевстве. Первоначальный общественный подъем, связанный с восстановлением национальной государственности, возвращением самого имени Польши, а также большие надежды на дальнейшие шаги короля Александра по собиранию польских земель под своим скипетром, возникшие под впечатлением от туманных обещаний монарха, — весь этот оптимистический настрой постепенно сменялся разочарованием под влиянием политики, которую с одобрения верховной власти проводила администрация Королевства и которая характеризовалась постоянным нарушением конституционных прав граждан. В манифесте сейма, собравшегося уже во время восстания в конце декабря 1830 г., говорилось об этой эволюции общественного сознания: поляки поняли, что их обманули национальными приманками, прикрывавшими путь к «унижению, рабскому оподлению и всем несчастьям, какие влекут за собой долгое деспотическое правление и утрата человеческого достоинства»².

Тем не менее, как признавали ряд польских историков, пятнадцатилетняя история Королевства была «содержательной, важной и славной». Это «мизерное государство, — писал Ш. Аскенази, — [...] без ущерба для себя выдерживает сравнение с современным ему Западом и имеет право на самое передовое место в центре тогдашней Европы»³. Чувство причастности к Европе, укрепившееся на основе наличия либеральной конституции, давало импульс польской либеральной оппозиции, а ее активизация на фоне развития европейского революционного движения, в свою очередь, вызывала недовольство и разочарование царя, тревожило его и его окружение.

С начала 20-х гг. XIX в., когда возник первый парламентский конфликт оппозиции и власти, появились признаки того, что конституцион-

ный эксперимент, который царь собирался распространить на всю империю, не оправдал себя. Началось откровенное противостояние: запреты, цензура, ужесточение контроля, тотальная слежка, полицейский произвол и репрессии со стороны царской администрации, а со стороны польского общества — открытая демонстрация патриотических чувств, акты неповиновения, создание тайных организаций как с просветительскими, так и с революционными целями. Переломным стал 1825 год, когда за очередным сеймом, подтвердившим невозможность компромисса с царизмом, последовали смерть творца польской конституции Александра I и восстание декабристов, обнаружившее связь тайного Патриотического общества с русскими революционерами. В последующие годы шло активное нарастание революционных настроений в Королевстве Польском, связанное с волновавшими общество ключевыми событиями — судом над членами Патриотического общества, коронацией Николая I в Варшаве, сеймом 1830 г., ставшим ареной ожесточенной борьбы, а также с революционными потрясениями за рубежом — революциями во Франции и Бельгии. Рост революционной активности польских патриотов находил выражение в это время в планах покушения на царя и великого князя Константина, в военной подготовке к вооруженному выступлению. Такое выступление, состоявшееся 29 ноября 1830 г., не было лишь патриотическим порывом, не возникло внезапно и спонтанно, а явилось естественным закономерным итогом все нарастающего сопротивления общества наступлению на его конституционные национальные и гражданские права. Известие о планах царя послать польскую армию на подавление революционной Европы и начатые великим князем аресты лишь ускорили выступление, но не были его причиной. Причина крылась в невозможности сосуществования двух моделей государственного устройства — конституционной и самодержавной. Белый польский орел, который по идее должен был находиться под заботливым крылом российского двуглавого орла, оказался в его крепких когтях. Эти «объятия» давили все сильнее, и восстание стало попыткой из них вырваться, но привело лишь к исчезновению одной из моделей — польской конституционной государственности.

Скарбек, хотя и верно подметивший суть противоречий между конституционализмом и самодержавием, но не одобрявший действий революционеров, писал об «опасной азартной игре, в которой наша нерассудительность привела нас к тому, что на одной ставке мы проиграли все дорогой ценой оплаченные свободы»⁴. Национальный польский менталитет, на который он намекал, несомненно, мог также быть одним из факторов повстанческого взрыва. Не последнюю роль играло то обстоятельство, что именно шляхта, основной политический класс и носитель национального менталитета, являлась движущей силой борьбы против царизма, возглавляла ее все годы существования Королевства Польского.

Государство, созданное на Венском конгрессе державами, ставившими цель реставрации «старого порядка», естественно несло на себе эту печать: его социальная и сословная структура сохранила пережитки

феодалного прошлого. Главным и единственно полноправным субъектом польского общества оставался слой магнатства и шляхты, притом что влияние магнатской верхушки к этому времени снизилось, и в среде магнатства произошла смена политических элит. Крестьянство, составлявшее большинство населения Королевства Польского, хотя и получило личную свободу из рук Наполеона, но не обладало ни земельной собственностью, ни политическими правами и продолжало находиться в зависимости от шляхты и магнатов. Неполноправным было и население городов, которые в этот период бурно развивались. Роль городов и городских жителей возрастала, рождавшийся здесь новый слой — разночинная интеллигенция — вливался в патриотический лагерь, но не имел всей полноты политических прав. Определенные признаки начавшегося процесса разложения сословного строя были в Королевстве Польском налицо, но он шел медленно, чему способствовала политика царизма, направленная на сохранение старых устоев, предопределявшее господство дворянства. Это удовлетворяло класс польских собственников и служило основой первоначального компромисса его с Российской империей. Даже в условиях ужесточения политики царизма часть польских помещиков была готова пожертвовать конституционными правами ради гарантии своих материальных интересов со стороны российской власти.

Материальная заинтересованность польского правящего класса была связана также с наличием обширного российского рынка, предоставлявшего огромные возможности для польских товаропроизводителей. 1815–1830 годы явились временем быстрого хозяйственного подъема Королевства Польского, восстановления его экономики после военных разрушений, развития ряда отраслей промышленности (угле- и соледобычи, металлургии, машиностроения, текстильного производства и др.), создания ее инфраструктуры. Этому способствовала центральная российская власть, проводившая политику протекционизма, противопоставленную принципу фритредерства. В процессе экономического развития России и Королевства обнаруживались противоречивые моменты: выполняя решения Венского конгресса, российское правительство активно поддерживало экономические программы поляков, но они порой не соответствовали задачам и темпам развития экономики Российской империи, и ей приходилось защищать свои торговые интересы. С другой стороны, успехи польского производства и торговли, в частности, такие использовавшиеся поляками методы продвижения товаров, как организация ярмарок, промышленных выставок и пр., служили примером товаропроизводителям в России, прежде всего в соседних с Королевством Польским западных губерниях.

Развитие промышленности Королевства требовало обеспечения ее рабочей силой, что было связано с процессом разорения и обезземеливания крестьян. Он не только имел негативные социальные последствия, но и отражался на развитии сельскохозяйственного производства, которое и так было не слишком успешным. Традиционный характер мелкокрестьянского хозяйства обуславливал преимущественное выращивание

зерновых и картофеля, причем урожайность зерна соответствовала простому воспроизводству. Обнадеживающие тенденции сельскохозяйственного развития были связаны главным образом с крупным помещичьим землевладением и фольварочным хозяйством: там происходило внедрение технических культур — сахарной свеклы и льна, развивались новые направления в животноводстве — овцеводство, нацеленное на производство сырья для растущей текстильной промышленности, и экспортное коневодство.

Таким образом, годы автономии Королевства Польского стали временем, весьма существенным для развития польской экономики. Но если в этой области они явились лишь начальным этапом, давшим сильный импульс для последующего экономического роста, то в плане развития просвещения и культуры значение периода 1815–1830 гг. было не менее важным, так как нашла продолжение линия, наметившаяся на предыдущем историческом отрезке — в годы существования Княжества Варшавского, когда Общество друзей науки и министр С. К. Потоцкий вели широкую просветительскую работу. В Королевстве Польском в обстановке духовного взлета народа, вновь обретшего свою государственность и само польское имя, эта линия получила развитие. При поддержке государства была разработана масштабная просветительская программа, развернута целенаправленная деятельность по формированию системы образования на всех уровнях от начальных школ в селе до университета в Варшаве, осуществлялись популяризация знаний, поддержка научного творчества. Возрос общественный интерес к науке, прежде всего к истории, возникли научные общества, открылись публичные библиотеки, увеличилось число периодических изданий, в том числе специальных. Однако в 20-х гг. XIX в. произошли перемены в составе правительства Королевства Польского, а вслед за этим и смена курса: ужесточение политики привело к закрытию школ, стеснению университетской автономии, установлению контроля за процессом обучения и передаче его под надзор костёла, слежке за студентами и преподавателями. Введение цензуры препятствовало публикации научной и художественной литературы, закрывало доступ к зарубежным изданиям. Такая политика царизма была не случайной, так как именно развитие просвещения являлось фактором рождения либеральной мысли, укрепления национального самосознания, роста патриотических настроений и в конечном счете сыграло большую роль в формировании общественного мнения накануне Ноябрьского восстания 1830 г.

Те же функции выполняла культура, процесс полонизации которой шел с первых лет XIX в. Это касалось не только национального состава творцов культуры — писателей, зодчих, художников и музыкантов, но и самого их творчества: в результате обращения их к национальным истокам стилистические формы сентиментализма и классицизма наполнялись национальным содержанием, приобретали польский характер. Наиболее полное выражение эти черты получили в романтизме. Романтическая литература оказала особенно сильное влияние на национальное самосознание поляков, прежде всего молодых, утвердила в обществе идеи борьбы

за независимость. Перед лицом такого воздействия царская администрация была бессильна, ей не удалось остановить процесс патриотического воспитания, осуществлявшегося средствами культуры. В этом процессе большую роль играли и новые веяния, проявившиеся в изобразительном искусстве: художники обращались к изображению национального быта и родной природы, воплощали в романтических портретах идеал свободной творческой личности, образы романтических героев. Особое значение в деле воспитания патриотизма имела «монументальная пропаганда», осуществлявшаяся Правительственной комиссией вероисповеданий и общественного просвещения в период руководства Потоцкого: была заказана целая серия скульптурных изображений «великих поляков», установка посвященных им памятников находилась в центре эмоционального интереса общественности Королевства. Монументальной скульптуре соответствовала и монументальная архитектура — возведение, прежде всего в Варшаве, масштабных и величественных общественных зданий, создававших, наряду с роскошными дворцами польских магнатов, образ городской застройки. Если в архитектуре творцы тяготели к европейским канонам, то в музыке формировался национальный стиль, делались первые шаги по созданию национальной оперы; национальная самобытность и патриотический порыв нашли вершинное выражение в романтическом творчестве Ф. Шопена. Они встречали активный отклик в обществе: рос интерес к музыкальному творчеству, приобретению музыкальных знаний, стали выходить специальные журналы, появилась профессиональная музыкальная критика.

Национальная самобытность польской культуры не означала ни разрыва с культурой европейской, ни отдаления от русской культуры, с которой многие польские творцы поддерживали постоянную связь. Польско-русское культурное взаимовлияние составляло позитивную сторону взаимоотношений двух народов в 1815–1830 гг. Другая, негативная сторона воплощалась в политике, которую царизм проводил в Королевстве Польском, и эта сторона оказывалась гораздо более ощутимой по последствиям. К тому же опыт соединения двух государственных моделей означал попытку сожительства двух народов, уже обремененных сложившимися к этому времени стереотипными представлениями друг о друге, негативными историческими воспоминаниями. В польском обществе жила память о разделах Речи Посполитой, осуществленных несколько десятилетий назад при участии России, а воспоминания русских были совсем свежими: они касались похода в Россию армии Наполеона, в составе которой воевали поляки, и вызывали ассоциации с событиями двухсотлетней давности, с историей Смутного времени на Руси. Поэтому создание Королевства Польского и наделение его конституционными правами не могло не вызвать реакции общественности в России; она почувствовала себя уязвленной, особенно в свете обещаний Александра I присоединить к Королевству земли Украины, Белоруссии и Литвы. Отрицательное отношение проявляли не только консерваторы, но и либералы. Характерно, что польский вопрос стимулировал создание первых декабристских организаций. Мечтавшие о конституции в России и сами

разрабатывавшие конституционные проекты, либералы знали о намерениях царя в будущем распространить на Россию польский конституционный эксперимент, о том, что по образцу польской конституции готовятся русские проекты. Они опасались, что получают конституционные идеи из «нечистого» источника, так как исходили из исторически сложившегося в России стереотипного образа Польши как отсталого государства, где царит анархия.

Хотя конституционная практика Королевства Польского разочаровала императора, что отразилось и на его планах относительно введения конституционного строя в России, но в целом его польская политика активизировала развитие русского национального самосознания, с одной стороны, и националистических идей, с другой. Наличие подобных настроений в русском обществе являлось серьезным фактором, влиявшим на сосуществование польской и российской государственности. Аскенази, в частности, указывал на его воздействие как на одну из главных причин, помешавших преодолеть противоречие между конституционной системой и самодержавной властью и спровоцировавших «окончательную катастрофу»⁵. Вместе с тем изучение Конституции Королевства Польского и опыта польского парламентаризма сказалось на развитии правового и политического сознания русского общества. Особенное воздействие политическая атмосфера автономной Польши оказала на выработку позиций находившихся там русских либеральных деятелей. В основном же значение контактов русских с поляками и наблюдения их за жизнью Королевства было скорее положительным: у них складывалось представление о Польше как о «загранице», «культурном пограничье с Европой», они завидовали жителям этой «Аркадии счастливой». Знаменательно, что русские не ощущали по большей части враждебности с польской стороны, тогда как поляки смотрели на них далеко не дружелюбно, испытывая чувство превосходства представителей «цивилизации» по отношению к «варварам». Попытки преодоления этих стереотипов, сближения русской и польской культуры, политического сотрудничества двух народов, наконец, союза их на революционной основе предпринимались неоднократно на протяжении всего конституционного периода, но не могли переломить складывавшуюся в Королевстве Польском политическую ситуацию, которая становилась все более напряженной. Восстание 1830–1831 гг., а затем подавление его царскими войсками и последовавшие за этим репрессии наложили новую печать вражды на отношения русских и поляков. В общей сложности баланс их отношений в 1815–1830 гг. оказался отрицательным, что определило негативную оценку этого этапа в истории России и Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Skarbek F. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. Poznań, 1877. S. 45–46, 55–57.*

² Цит. по: *Kozłowski W.* Autonomia Królestwa Polskiego (1815–1831). Warszawa, 1907. S. 180–181.

³ *Askenazy Sz.* Z działalności ministra Lubieckiego // Dwa stulecia XVIII i XIX. Badania i przyczynki. Warszawa, 1901. S. 363–364.

⁴ *Skarbek F.* Op. cit. S. 55–57.

⁵ *Askenazy Sz.* Op. cit. S. 365.

Приложение

Конституционная Хартия Царства Польского

Титул I

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЦАРСТВА

1. Царство Польское навсегда присоединено к Российской Империи.
2. Гражданские и государственные отношения, в которые Мы его ставим, равно как узы, имеющие укрепить это присоединение, определяются настоящею Нами ему даруемою Хартией.
3. Корона Царства Польского наследственна в лице Нашем и Наших потомков, наследников и преемников в порядке престолонаследия, установленного для Императорского Российского престола.
4. Конституционная Хартия определяет порядок и принципы отправления верховной власти.
5. Царь, в случае своего отсутствия, назначает Наместника, который должен пребывать в Царстве. Наместник по желанию может быть отозван.
6. Если Царь не назначит своим Наместником Великого Князя Российской Империи, выбор может пасть только на местного уроженца или на лицо, которому Царь предоставит права гражданства, согласно порядку, установленному в ст. 33.
7. Назначение Наместника совершается посредством акта, подлежащего опубликованию. Означенный акт точно определяет существо и пределы власти, предоставленной Наместнику.
8. Внешние политические отношения Империи Нашей распространяются на Царство Польское.
9. Государю одному принадлежит право определять участие Царства Польского в войнах, каковыя будет вести Россия, а равно в мирных или торговых трактатах, каковыя могла бы заключить сия держава.
10. Во всех случаях введения Российских войск в Польшу или Польских войск в Россию или в случаях прохода означенных войск через какую-нибудь область означенных двух государств, их содержание и расходы по их передвижению относятся в полном размере на счет того края, которому они принадлежат. Польская армия не будет никогда употребляться вне Европы.

Титул II
ОБЩИЕ ГАРАНТИИ

11. Римско-католическая религия, исповедуемая большею частью жителей Царства Польского, будет предметом особенного попечения правительства, без какого-либо нарушения свободы других вероисповеданий, каковые все без изъятия могут быть отправляемы в полной мере и публично и будут пользоваться защитою правительства. Различие христианских вероисповеданий не устанавливает никакого различия в пользовании гражданскими и политическими правами.

12. Духовенство всех вероисповеданий находится под покровительством и надзором законов и правительства.

13. Имущества, коими ныне владеет духовенство римско-католическое и духовенство греко-униатское, а равно те, каковые Мы предоставим им особым распоряжением, будут объявлены неотчуждаемою и общею собственностью всей церковной иерархии, когда правительство укажет и наделит вышеозначенные духовенства государственными землями, каковые составят их обеспечение.

14. В Сенате Царства Польского будет заседать столько епископов римско-католического вероисповедания, сколько закон установит воеводств. Кроме того будет заседать один епископ греко-униатский.

15. Духовенство евангелическо-аугсбургского и евангелическо-реформатского вероисповедания будет пользоваться ежегодною субсидиею, каковую Мы ему предоставим.

16. Свобода печати гарантируется. Меры к ограничению злоупотреблений ею будут определены законом.

17. Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания.

18. Древний основной закон *neminem captivari permittemus nisi jure victum* будет применяться к жителям всех сословий на нижеследующих основаниях.

19. Никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом.

20. Причины задержания должны быть объявлены взятому под стражу немедленно письменно.

21. Всякое взятое под стражу лицо должно быть доставлено не позднее трех суток в надлежащее судебное место для допроса или разбора дела в установленном порядке. Лицо, признанное невиновным после первого дознания, немедленно отпускается на свободу.

22. В случаях, предусмотренных законом, лицо, представившее поручительство, временно отпускается на свободу.

23. Никто не может подлежать наказанию иначе, как на основании действующих законов и решения соответствующего установления.

24. Каждый поляк имеет свободу передвижения и перемещения своего имущества, с соблюдением порядка, определенного законом.

25. Каждый осужденный отбывает свое наказание в пределах Царства; никто не может быть выслан из края за исключением случаев изгнания, предусмотренных законом.

26. Всякая собственность без различия наименования и рода, находится ли она на поверхности земли, или в ее недрах и кому бы она ни принадлежала, объявляется священной и неприкосновенной. Никакая власть не может посягнуть на нее под каким бы то ни было предлогом. Всякий, посягающий на чужую собственность, почитается нарушителем общественной безопасности и, как таковой, наказывается.

27. Правительство, тем не менее, имеет право требовать от частного лица уступки его собственности в видах общественной пользы за справедливое и предварительное вознаграждение. Закон определит порядок и случаи, в которых может применяться вышеизложенное правило.

28. Все государственные дела по администрации, судебной и военной части без всяких изъятий производятся на польском языке.

29. Государственные должности гражданские и военные могут замещаться исключительно поляками. Должности председателей судов первой инстанции, воеводских комиссий и апелляционных палат, членов воеводских советов, звание послов и депутатов сейма, а равно должности сенаторов могут быть предоставлены исключительно землевладельцам.

30. Все государственные чиновники по ведомству администрации могут быть смещаемы по усмотрению власти, назначившей их. Все они без исключения ответственны за свою служебную деятельность.

31. Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из Царя и из двух палат. Первая образуется из Сената, вторая из послов и депутатов от гмин.

32. Каждый иностранец, по установлении своей личности, будет пользоваться наравне с другими жителями защитой закона и преимуществами, гарантированными им. Наравне с местными жителями, он может оставаться в крае, оставить его, соблюдая правила, которые будут установлены, возвратиться, приобретать земельную собственность и заявить о желании принять местное гражданство.

33. Каждый иностранец, сделавшийся собственником, получивший право гражданства и изучивший польский язык, может быть допущен к отправлению государственных должностей после пятилетнего пребывания в крае при беспорочном поведении.

34. Тем не менее Царь может, по непосредственному усмотрению или по представлению Государственного совета, допускать иностранцев, отличенных своими талантами, на государственные должности, кроме означенных в ст. 90.

Титул III О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Глава I. *О Царе*

35. Правительство зиждется в Особе Царя. Он отправляет во всей полноте функции исполнительной власти. Всякая исполнительная и административная власть исходит токмо от Него.

36. Особа Царя священна и неприкосновенна.

37. Все государственные акты судов, палат и каких бы то ни было присутственных мест издаются от имени Царя. Монеты и гербовые знаки носят изображение, им определенное.

38. Заведование военной силой как в мирное, так и в военное время, а равно назначение командующих и офицеров принадлежат исключительно Царю.

39. Царь распоряжается доходами Государства согласно составленному бюджету, одобренному Им.

40. Право объявления войны и заключения договоров и трактатов всякого рода принадлежит Царю.

41. Царь назначает сенаторов, министров, членов Государственного совета, референдариев, председателей воеводских комиссий, председателей и судей различных судебных установлений, назначение коих принадлежит Ему, дипломатических и торговых агентов, а равно всех остальных должностных лиц по администрации или непосредственно своею властью, или при посредстве властей, Им на то уполномоченных.

42. Царь назначает архиепископов и епископов разных вероисповеданий, суфраганов, прелатов и каноников.

43. Право помилования принадлежит исключительно Царю. Он может отменить или смягчить наказание.

44. Учреждение, статуты и пожалование гражданских и военных орденов принадлежит Государю.

45. Все Наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет Нами установлен, и приносить следующую клятву: «Обещаюсь и клянусь пред Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всюю Моею властью».

46. Царю принадлежит право возведения в дворянское достоинство, предоставление прав гражданства и почетных званий.

47. Все повеления и указы Царя контрассигнуются министром – начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного Конституции и законам.

Глава II. *О регентстве*

48. Случаи регентства, которые установлены или будут установлены в России, равно как власть и полномочия регента, будут общи Царству Польскому и определяются теми же правилами.

49. В случае регентства, министр статс-секретарь обязан под личною своею ответственностью донести Наместнику об учреждении в России регентства.

50. Наместник по получении сообщения о регентстве в России и донесения министра статс-секретаря созывает Сенат для избрания членов регентства Царства.

51. Регентство Царства образуется из регента России, четырех членов, избранных Сенатом, и министра статс-секретаря. Оно заседает в столице Российской Империи. Регент председательствует.

52. Власть регентства Царства равна власти Царя, с теми изъятиями, что оно не может назначать сенаторов, что все его назначения должны быть представле-

ны на одобрение Царя, который, приняв бразды правления, может их отменить, и что указы регентства издаются от имени Царя.

53. Во время управления регентства назначение и отозвание Наместника зависит от него.

54. Царь, приняв бразды правления, повелевает регентству представить отчет о его действиях.

55. Члены регентства Царства ответственны лично и имущественно за все, совершенное вопреки Конституции и законам.

56. В случае смерти одного из членов регентства Сенат, созванный Наместником, принимает меры для его замещения. Регентство назначает министра статс-секретаря.

57. Члены регентства раньше отправления в столицу Российской империи приносят присягу в присутствии Сената и обещают соблюдать верность Конституции и законам.

58. Регент России приносит такую же присягу в присутствии членов регентства Царства.

59. Министр статс-секретарь обязан принести такую же присягу.

60. Акт принесения присяги регентом препровождается в польский Сенат.

61. Акт принесения присяги министром статс-секретарем препровождается равным образом в польский Сенат.

62. Акт принесения присяги членами регентства препровождается польским Сенатом регенту России.

Глава III. О Наместнике и государственном совете

63. Государственный совет под председательством Царя или Его Наместника состоит из министров, членов Государственного совета, референдариев, а равно из лиц, которых Царю угодно будет призвать туда особо.

64. В отсутствие Царя, Наместник и Государственный совет управляют от Его имени государственными делами Царства.

65. Государственный совет разделяется на Совет управления и Общее собрание.

66. Совет управления составляется из Наместника, министров – начальников пяти департаментов управления и других лиц, особо призванных Царем.

67. Члены Совета управления имеют совещательный голос. Решает единственно мнение Наместника. Он принимает свои решения в совете, согласно Конституционной Хартии, законам и полномочиям, предоставленным ему Царем.

68. Всякий указ Наместника, для получения обязательной силы, должен быть объявлен в Совете управления и контрассигнован министром – начальником департамента.

69. Наместник представляет, для назначения Царем согласно положениям особого регламента, двух кандидатов на каждое вакантное место архиепископа, епископа, сенатора, министра, высшего судьи, члена Государственного совета и референдария.

70. Наместник приносит пред лицом Царя, в присутствии Сената следующую присягу: «Клянусь всемогущим Богом управлять делами Польши

именем Царя, согласно Конституционному акту, законам и полномочию Царя, и возратить Царю власть, вверенную Им мне, как только это будет угодно Его Величеству». В случае отсутствия Царя в Царстве акт принесения Наместником присяги пред лицом Царя доставляется Сенату министром статс-секретарем.

71. В присутствии Царя власть Наместника приостанавливается. В таком случае от усмотрения Царя зависит заниматься с отдельными министрами или созывать Совет управления.

72. В случае смерти Наместника или если Царь не признает нужным назначить такого, Царь заменяет его *ad interim* назначением Президента.

73. Общее собрание Государственного совета составляется из всех членов, указанных в ст. 63. В Общем собрании председательствует Царь или Наместник, а в случае их отсутствия, первый из членов совета в порядке, указанном в ст. 63 и 66. Предметы ведения собрания суть:

- 1) Обсуждение и составление проектов законов и учреждений, касающихся общего управления краем.
- 2) Постановления о предании суду всех правительственных чиновников, назначенных Царем, по обвинению в преступлениях по должности, за исключением подлежащих Верховному Государственному Суду.
- 3) Разрешение пререканий о пределах ведомства и власти.
- 4) Рассмотрение ежегодно отчетов, представляемых каждою из главных частей управления.
- 5) Замечания относительно злоупотреблений и всего, что могло бы нарушить Конституционную Хартию, и составление на этом основании общего отчета, представляемого Государю, который определяет предметы, по их существу подлежащие направлению, по Его повелениям, в Сенат или в сейм.

74. Общее собрание Государственного совета заседает по повелению Царя, Наместника или по предложению начальника департамента согласно органическим законам.

75. Постановления Общего собрания Государственного совета представляются на утверждение Царя или Наместника. Постановления же, касающиеся предания суду должностных лиц и пререканий о подсудности, немедленно приводятся в исполнение.

Глава IV. Об отдельных частях управления

76. Исполнение законов вверяется нижеследующим отдельным частям государственного управления, каковы суть:

1. Комиссия вероисповедания и народного просвещения.
2. Комиссия юстиции, избранная из членов Высшего Суда.
3. Комиссия внутренних дел и полиции.
4. Комиссия военная.
5. Комиссия финансов и казначейства.

Эти различные комиссии состоят под председательством и управлением назначенного на тот предмет министра.

77. Учреждается должность министра статс-секретаря, который находится постоянно при особе Царя.

78. Учреждается Контрольная палата для окончательной проверки счетов и расчетов с представляющими отчеты. Палата будет зависеть от одного только Царя.

79. Органический статут определит состав и компетенцию комиссии народного просвещения, а равно и судебного порядка.

80. Комиссии внутренних дел, военная и финансов состоят из министра и государственных советников главных директоров, согласно определению органических статутов.

81. Министр статс-секретарь представляет Царю дела, которые будут ему доставлены Наместником, и отправляет Наместнику указы Царя. Внешние сношения, поскольку они касаются Царства Польского, вверяются ему.

82. Министры – начальники департаментов и члены Правительственных комиссий ответственны и подлежат Верховному суду за всякое нарушение Конституционного акта, законов и указов Царя, в коем они окажутся виновными.

Глава V. *О воеводских управлениях*

83. В каждом воеводстве учреждается воеводская комиссия, состоящая из президента и комиссаров для исполнения распоряжений Правительственных комиссий согласно особому регламенту.

84. В городах учреждаются должности городского управления. В каждой гмине исполнение распоряжений правительства возлагается на войта, представляющего собою последнее звено административной службы.

Титул IV

О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

85. Народное представительство образуется в порядке, изъясненном в ст. 31.

86. Законодательная власть пребывает в Особе Царя и в двух палатах сейма согласно указаниям той же ст. 31.

Глава I. *О сейме*

87. Очередной сейм собирается каждые два года в Варшаве в срок, указанный в акте созыва, исходящем от Царя. Сессия продолжается тридцать дней. Один Царь может продолжить, отсрочить и распустить его.

88. Царь созывает чрезвычайный сейм, когда Он признает это нужным.

89. Член сейма не может быть взят под стражу, пока сейм продолжается, ни судим уголовным судом, иначе как с согласия палаты, членом которой он состоит.

90. Сейм обсуждает все проекты законов гражданских, уголовных и административных, которые будут ему переданы от имени Царя Государственным советом. Он обсуждает все, переданные ему от Царя проекты из-

менения или замены предметов ведения конституционных установлений и властей, как-то: сейма, Государственного совета, суда и Правительственных комиссий.

91. Сейм обсуждает, по предложению Государя, вопросы об увеличении или уменьшении податей, налогов, пошлин и государственных повинностей, а равно о желательных изменениях таковых, о лучшем и наиболее справедливом их распределении, о составлении бюджета доходов и расходов, урегулировании монетной системы, наборе новобранцев, а равно другие предметы, которые будут ему переданы Государем.

92. Сейм обсуждает также сообщения, которые будут ему сделаны со стороны Царя вследствие общего отчета, составление которого возложено на Общее собрание Государственного совета по ст. 73. Наконец сейм, по разрешении всех сих предметов, принимает сообщения, заявления, представления и запросы послов и депутатов о благе и пользах их доверителей. Он препровождает их Государственному совету, который подносит их Государю. В случае, когда таковые будут переданы Царем сейму чрез посредство Государственного совета, сейм обсуждает проекты законов, составленные вследствие таковых заявлений.

93. В случае непринятия сеймом нового бюджета, прежний сохраняет силу закона до ближайшей сессии. Тем не менее бюджет теряет силу по прошествии четырех лет, если в течение этого промежутка времени сейм не будет созван.

94. Сейм не может заниматься ничем другим, кроме предметов, входящих в круг его ведения, или указанных в акте его созыва.

95. Обе палаты совещаются публично. Они могут однако собираться в закрытые заседания по заявлению одной десятой части присутствующих членов.

96. Проекты законов, составленные Государственным советом, вносятся в сейм, по повелению Царя, членами названного совета.

97. По усмотрению Царя проекты вносятся или в Палату сенаторов, или в Палату послов. Из сего исключаются проекты финансовых законов, которые предварительно должны быть вносимы в Палату послов.

98. Для обсуждения проектов каждая палата избирает закрытую баллотировкою три комиссии. Они состояются в Палате сенаторов из трех, в Палате послов из пяти членов, а именно:

финансовая комиссия,

комиссия законодательства гражданского и уголовного,

комиссия законодательства органического и административного.

Каждая палата извещает Государственный совет об избрании означенных комиссий. Комиссии сносятся с Государственным советом.

99. Проекты, вносимые по повелению Царя, не могут изменяться иначе, как Государственным советом вследствие замечаний, представленных соответствующими комиссиями сейма.

100. Члены Государственного совета в обеих палатах и члены комиссий в соответствующих палатах одни только имеют право произносить написанные речи. Другие члены могут говорить не иначе, как по памяти.

101. Члены Государственного совета имеют право заседать и участвовать в прениях в обеих палатах при обсуждении правительственных проектов. Они

не участвуют в подаче голосов, если не состоят сенаторами, послами или депутатами.

102. Проекты решаются большинством голосов. Голоса подаются вслух. Проект закона, таким образом принятый большинством голосов одной палатой, передается в другую, которая обсуждает его и постановляет тем же способом. При равенстве голосов проект считается принятым.

103. Проект, принятый одною палатою, не может быть изменен другой; он должен быть или принят, или отвергнут.

104. Проект, принятый обеими палатами, подносится на утверждение Царя.

105. Если Царь утверждает, проект становится законом. Царь повелевает обнародовать его в установленной форме. Если Царь откажет в утверждении, проект падает.

106. Общий отчет о положении края, составленный Государственным советом и отправленный в Сенат, прочитывается в соединенном заседании обеих палат.

107. Каждая палата поручает рассмотреть означенный отчет соответствующим комиссиям и представляет о нем свое заключение Царю. Означенный отчет может быть напечатан.

Глава II. *О Сенате*

108. Сенат состоит:

- из принцев Императорской и Царской крови,
- из епископов,
- из воевод,
- из кастеллянов.

109. Число сенаторов не может превышать половины числа послов и депутатов.

110. Царь назначает сенаторов. Их должности пожизненны. Сенат представляет Царю, при посредстве Наместника, двух кандидатов на каждую открывшуюся должность: сенатора, воеводу или кастелляна.

111. Чтобы иметь право быть избранным в кандидаты в сенаторы, воеводы или кастелляны, необходимо иметь возраст не менее полных 35 лет, уплачивать 2000 флоринов польских годового налога и удовлетворять условиям, требуемым органическими законами.

112. Принцы крови имеют право заседать и подавать голос в Сенате по достижении восемнадцати лет.

113. В Сенате председательствует первый из его членов в порядке, который будет определен особым указом.

114. Кроме законодательных, Сенат отправляет и другие функции, особо указанные.

115. Для отправления законодательных функций Сенат собирается не иначе, как по созыву Царя, во время сейма. Для исполнения прочих своих обязанностей Сенат созывается председателем.

116. Сенат постановляет относительно предания суду: сенаторов, министров – начальников департаментов, государственных советников и референдариев за преступления по службе, по предложению Царя или Наместника и по обвинению их Палатою послов.

117. Сенат решает окончательно вопросы относительно действительности сеймиков, гминных собраний, выборов, а равно составления списков избирателей как на сеймики, так и на гминные собрания.

Глава III. О Палате послов

118. Палата послов состоит:

1. Из семидесяти семи послов, избранных сеймиками, то есть собраниями дворянства, считая по одному на повет.
2. Из пятидесяти одного депутата, избираемых гминами.

В Палате председательствует маршал, назначаемый Царем из числа его членов.

119. Вся территория Царства Польского для народного представительства и выборов разделяется на семьдесят семь поветов и пятьдесят один гминный округ, из коих восемь полагается для города Варшавы и сорок три для остального края.

120. Члены Палаты послов исполняют свои функции в течение шести лет. Каждые два года выбывает третья часть членов. Вследствие сего и на первый только раз одна треть членов палаты послов будет исполнять свои функции только в течение двух лет, а другая треть в течение четырех лет. Список членов, выбывающих по истечении указанных выше сроков, определяется жребием. Выбывающие члены могут быть избираемы вновь без ограничения.

121. Чтобы иметь право быть избранным в члены палаты послов необходимо иметь возраст не менее тридцати лет, пользоваться своими гражданскими правами и уплачивать налог сто флоринов польских.

122. В члены палаты послов не может быть избран чиновник, состоящий на государственной службе как гражданской, так и военной, без предварительного согласия начальства, от коего он зависит.

123. Если посол или депутат, не занимавший до своего избрания никакой должности, соединенной с получением жалования из государственного казначейства, примет таковую должность после своего избрания, то созывается новый сеймик или гминное собрание для нового выбора посла или депутата.

124. Царь имеет право распустить Палату послов. Если он воспользуется этим правом, Палата расходится и Царь повелевает произвести новые выборы послов и депутатов в течение двух месяцев.

Глава IV. О сеймиках

125. Дворяне собственники каждого повета, собравшись на сеймики, избирают одного посла, двух членов совета воеводства и составляют список кандидатов на административные должности.

126. Сеймики не могут собираться иначе, как по созыву Царя, который назначает день, продолжительность и предметы занятий собрания.

127. Ни один дворянин не может быть допущен к голосованию на сеймиках, если он не внесен в дворянскую книгу повета, если он не пользуется своими гражданскими правами, если он не имеет полных двадцати одного года и если он не владеет недвижимою собственностью.

128. Дворянская книга повета составляется воеводским советом и утверждается Сенатом.

129. На сеймиках председательствует маршал, назначаемый Царем.

Глава V. *О гминных собраниях*

130. В каждом гминном округе созывается гминное собрание; оно избирает одного депутата на сейм, одного члена совета воеводства и составляет список кандидатов на административные должности.

131. В гминных собраниях участвуют:

1. Каждый гражданин собственник не дворянин, уплачивающий по своему недвижимому имуществу какой бы то ни было налог.
2. Каждый фабрикант и хозяин мастерской, каждый торговец, владеющий лавкою или магазином стоимостью на сумму не менее десяти тысяч флоринов польских.
3. Все настоятели и викарии.
4. Профессора, учителя и лица, на которых возложено народное просвещение.
5. Всякий художник, отличенный своими талантами, знаниями или заслугами по торговле или искусствам.

132. Никто не может подавать голоса на гминном собрании, если он не внесен в книгу граждан гмины, если не пользуется своими гражданскими правами и если не достиг полных двадцати одного года.

133. Список собственников, имеющих право подавать голос, составляется советом воеводства. Список фабрикантов, купцов и граждан, отличенных своими талантами и заслугами, составляется Комиссией внутренних дел. Список настоятелей и викариев, а равно чинов народного просвещения составляется Комиссией вероисповеданий и народного просвещения.

134. На гминных собраниях председательствует маршал, назначаемый Царем.

Глава VI. *О совете воеводства*

135. В каждом воеводстве учреждается совет воеводства, состоящий из советников, избираемых сеймиками и гминными собраниями.

136. В совете воеводства председательствует советник старший по возрасту.

137. Главные предметы ведомства совета воеводства суть:

1. Избрание судей двух первых инстанций.
2. Содействие в составлении и исправлении списка кандидатов на административные должности.
3. Заботы об интересах воеводства.

Все производится на основании особого регламента.

Титул V

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

138. Судебная власть конституционно независима.

139. Под независимостью судьи понимается присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям. Всякое другое определение или толкование независимости судьи почитается противным закону.

140. Судьи состояются из судей, назначаемых Царем, и судей, избираемых на основании органического статута.

141. Судьи, назначаемые Царем, несменяемы пожизненно. Судьи выборные точно также несменяемы на время срока их службы.

142. Ни один судья не может быть устранен от должности иначе, как на основании постановления подлежащего судебного места, вследствие дознанного преступления по должности или другого доказанного преступления.

143. Дисциплинарный надзор над судебными чинами как по назначению, так и по выборам, равно как взыскания за уклонение от точного исполнения служебных обязанностей, которые они могли бы совершить, принадлежат ведению высшего суда.

144. *Мировые судьи.*

Учреждаются мировые судьи для всех классов населения. Их обязанности примирительные.

145. Ни одно дело не может поступить в гражданский суд первой инстанции, не будучи предварительно обращено к соответственному мировому судье, за исключением дел, не оканчивающихся по закону примирением.

146. *Суды первой инстанции.*

Для дел на сумму не свыше пятисот флоринов польских учреждаются в каждой гмине и в каждом городе суды гражданские и полицейские.

147. Для рассмотрения дел на сумму свыше пятисот флоринов учреждаются в каждом воеводстве несколько судов первой инстанции (*sądy ziemskie*) и суды съездовые (*sądy zjazdowe*).

148. Будут учреждены также коммерческие суды.

149. Для дел уголовных и полиции исправительной учреждаются в каждом воеводстве несколько уголовных судов (*sądy grodzkie*).

150. *Апелляционные палаты.*

В Царстве будут учреждены не менее двух апелляционных палат. Они будут разрешать во второй инстанции дела, разрешенные судами первой инстанции гражданскими, уголовными и коммерческими.

151. *Высший суд.*

В Варшаве учреждается высший суд для всего Царства, который будет рассматривать в последней инстанции все гражданские и уголовные дела, за исключением дел о государственных преступлениях. Он составляется частью из сенаторов, поочередно заседающих в нем, частью из судей, назначаемых Царем пожизненно.

152. *Верховный Государственный суд.*

Верховный Государственный суд рассматривает дела о государственных преступлениях и о преступных деяниях, совершенных высшими чинами Царства, которые будут преданы суду Сенатом, согласно ст. 116. Верховный суд составляется из всех членов Сената.

Титул VI
О ВООРУЖЕННОЙ СИЛЕ

153. Вооруженная сила состоит из действительной армии, пользующейся постоянным содержанием, и милиций, готовых в случае надобности подкрепить ее.

154. Размер армии, содержимой на средства края, определяется Государем, сообразно потребности в соответствии с доходами, внесенными в бюджет.

155. Размещение войск должно быть сообразовано с общими удобствами жителей, военной системы и администрации.

156. Армия сохраняет цвета своего обмундирования, свои особые костюмы и все, что касается ее национальности.

Титул VII
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

157. Имущества и доходы царской короны состоят:

1. Из имуществ короны, которые будут иметь отдельное управление за счет Царя при посредстве палаты или чиновников, лично Им избираемых.

2. Из Царского дворца в Варшаве и Саксонского дворца.

158. Государственный долг гарантируется.

159. Наказание конфискацией имущества отменяется и ни в каком случае не может быть восстановлено.

160. Польские гражданские и военные ордена, а именно: Белого Орла, Св. Станислава и Военного Креста сохраняются.

161. Настоящая Конституционная Хартия будет развита органическими статутами. Те из них, которые не будут установлены непосредственно по опубликовании Конституционной Хартии, должны обсуждаться предварительно в Государственном совете.

162. Первый бюджет доходов и расходов будет определен Царем по выслушании мнения Государственного совета. Этот бюджет будет действовать, пока не будет видоизменен или заменен Государем и двумя палатами.

163. Все, что не является предметом органического статута или уложения, и все, что не должно быть передано в сейм, согласно его функциям, должно быть определяемо указами Царя или распоряжениями правительства. Органические статуты и уложения не могут быть изменяемы или заменяемы иначе как Царем и двумя палатами сейма.

164. Законы, указы и повеления Царя печатаются в Дневнике Законов. Порядок опубликования определяется указом Царя.

165. Все прежние законы и учреждения, противоречащие настоящей Хартии, отменяются.

Признав в Нашей совести, что настоящая Конституционная Хартия отвечает Нашим отеческим видам, направленным к сохранению во всех классах Наших поданных Царства Польского мира, согласия и единения, столь необходимого для их благосостояния, и к укреплению счастья, которое Мы желаем им предо-

ставить: Мы даровали и даруем им настоящую Конституционную Хартию, которую Мы признаем за Себя и за наших наследников. Повелеваем всем Государственным властям содействовать ее исполнению.

Дана в Нашем Царском замке в Варшаве 15 (27) ноября 1815 года.

Александр

Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907. С. 41–63*.

* Публикатор и автор предисловия к изданию заслуженный профессор Петербургского университета Н. Д. Сергеевский писал о судьбе текста Конституционной Хартии Царства Польского: «Русского современного текста этого исторического акта или не существовало вовсе, или, по крайней мере, он не дошел до нас, если и был составлен». Резолюцию об утверждении Конституционной хартии Александр I сделал на французском тексте. Конституция была опубликована в Варшаве в «Дзеннике законов» (№1) на двух языках — французском и польском. Польский текст представлял собой официальный перевод, правильность которого подтверждалась подписями высших правительственных чиновников Королевства Польского.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / под ред. В. А. Хорева. М., 2007.

Адарюков В. Я. Очерк по истории литографии в России. СПб., 1912.

Акульшин П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.

Александр Бестужев на Кавказе (1829–1837). Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. М., 1870. №6–7.

Андреева Т. В. Александр I и русское общество // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999.

Артамонов В. А. Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003.

Архив Государственного совета. СПб., 1869–1888. Т. 1–4.

Архив Правительствующего сената / сост. П. И. Баранов. СПб., 1872–1878. Т. 1–3.

Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 / с предисловием А. А. Кизеветтера. М., 1915.

Беккер И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. №3.

Березина В. Г. Мицкевич и «Московский телеграф» // Адам Мицкевич в русской печати 1825–1955. — Библиографические материалы. М.; Л., 1957.

Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторижским, опубликованные князем Ладиславом Чарторижским (1801–1823 гг.) М., 1912.

Богданович М. И. История царствования Александра I и Россия в его время. СПб., 1869–1871. Т. 1–6.

Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.

Брянцев П. Д. Состояние Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г. (Оттиск из Виленского календаря). Вильно, 1895.

Бумаги А. И. Чернышова за царствование императора Александра I 1809–1825 гг. // Сборник русского исторического общества. СПб., 1906. Т. 121.

Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. Т. 1–2 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1890–1892. Т. 73, 78.

Бурдукова И. И. Становление и развитие конституционных идей в России. СПб., 1999.

Бэлза И. Ф. Из истории русско-польских музыкальных связей. М., 1955.

Бэлза И. Ф. Исторические судьбы романтизма и музыки. М., 1985.

Бэлза И. Ф. История польской музыкальной культуры. М., 1954–1957. Т. 1–2.

Бэлза И. Ф. Мария Шимановская. М., 1956.

Бэлза И. Ф. Михал Клеофас Огиньский. М., 1974.

Бэлза И. Ф. Шопен. М., 1968.

Бэлза С. И. Польские связи П. А. Вяземского // Польско-русские литературные связи. М., 1979.

[*Веригин Н. В.*] Записки Н. В. Веригина // Русская старина. СПб., 1892. №10–11, 1893. №2–4.

Вернадский Г. В. Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк. Прага, 1925.

Вернадский Г. В. Скрытый источник конституции Никиты Муравьева // Известия Таврического университета. 1919. №1.

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Т. 1–2.

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / сост. А. И. Рейтблат. М., 1998.

Виноградова Л. Н. Фольклорная демонология в культуре польского романтизма (Русалка в народных поверьях и художественном творчестве) // О просвещении и романтизме. Советские и польские исследования / под ред. И. И. Свириды, Л. А. Софроновой и др. М., 1989.

Виттыг В. М. Каталог с ценами монетам, чеканенным для Царства Польского за период 1815–1864 гг. Варшава, 1895.

Внешняя политика России в XIX — начале XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1972. Серия 1. Т. 1–8.; М., 1974–2005. Серия 2. Т. 1(9)–9(17).

Воблый К. Г. Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1. (1764–1830).

Военский К. А. Акты, документы и материалы для истории 1812 г. М., 1912.

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. / Составление и вступительная статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М., 2005.

Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1926–2001. Т. 1–19.

Всепоподаннейшее письмо В. С. Ланского к Александру I // Русский архив. М., 1863. Т. 1.

Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

Вяземский П. А. Моя исповедь // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863.

Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987.

Голлербах Э. История гравюры и литографии в России. М.; Пг., 1924.

Горемыкин И. Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869.

[Горчаков А. М.] Князь А. М. Горчаков в его рассказах о прошлом / записал и сообщил М. И. Семевский // Русская старина. СПб., 1883. Т. 40. №10.

Государственные деятели России XIX — начала XX вв. Биографический справочник. М., 1995.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1891.

Громов В. А. Русско-польские журналы «Друг россиян» и «Отечественный памятник» (1816–1818) // Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Ростов-на-Дону, 1995. Т. I.

Державный сфинкс. Сборник воспоминаний о времени царствования императора Александра I / сост. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. М., 1999.

Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 гг. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921.

Добровольский Т. История польской живописи. Вроцлав, 1975.

Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. Вып. 1.

Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 году до конгресса в Вероне в 1822 году. СПб., 1823–1825. Т. 1–2.

Донесения полковника А. И. Чернышова императору Александру Павловичу; Донесения полковника А. И. Чернышова канцлеру графу Н. И. Румянцеву; Письма А. И. Чернышова к канцлеру графу Н. И. Румянцеву в 1809 году // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 21.

Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе 1814–1816 гг. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1901. Т. 112.

Доннерт Э. Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: Общность истории и культуры. К 70-летию чл.-корр. Российской академии наук В. К. Волкова / под ред. Б. В. Носова. М., 2000.

Друнин В. П. Польша, Россия и СССР: исторические очерки. М., 1928.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.

Европейский романтизм. М., 1973.

Едлицкий Е. Государственная промышленность в Царстве Польском в XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963.

Едлицкий Е. Столица и провинция в сознании народа, лишенного государственности // Столица и провинция в истории России и Польши / под ред. Н. А. Макарова, Л. П. Марней, Б. В. Носова. М., 2008.

Жизнеописание, всеподданнейшие доклады и переписка князя Александра Ивановича Чернышова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1905. Т. 122.

Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск, 2002.

Жуковская Т. Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

Жуковская Т. Н. Русские и поляки в 1815–1830 гг.: иллюзии национального мира // Культура исторической памяти: невостребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 2003.

Жуковский В. В. Князь Ксаверий Любецкий. Пг., 1916.

Завадский В. Валериан Лукасинский и его записки // Новая Польша. 2007. №2.

Завелейский М. Д. Статистика Царства Польского, по высочайшему повелению составленная. СПб., 1842.

Зак Л. А. Монархи против народов. М., 1966.

Захаров В. Ю. Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 2002.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. К 125-летию восстания декабристов. 1825–1950 / общ. ред. и вступит. статья И. Я. Щипанова; подготовка текста и примеч. С. Я. Штрайха. М., 1951. Т. 1–3.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001–2003. Т. 1–2.

Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора статс-секретаря Милютинина. СПб., 1863–1864. Т. 1–6.

Историческая записка об устройстве и управлении городов в губерниях Царства Польского. Б. м. Б. г.

История польской литературы / под ред. В. В. Витт, И. С. Миллера, Б. Ф. Стахеева, В. А. Хорева. М., 1968–1969. Т. 1–2.

История Польши (в трех томах) Т. 1. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1956.

Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802.

[*Карамзин Н. М.*] Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Т. 1.

Кареев Н. И. Исторический очерк польского сейма. М., 1888.

Кареев Н. И. Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.

Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб., 1899.

Капитанова О. С. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 гг. (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши / под ред. Н. А. Макарова, Л. П. Марней, Б. В. Носова. М., 2008.

Коваленко А. Ю. Становление государственной системы в России в I четверти XIX в. // Актуальные вопросы исторической науки. Комсомольск-на-Амуре, 1996.

Козлова Н. Ю. Буржуазные учения о федерализме XVII–XIX вв. М., 1988.

[*Колзаков К. П.*] Воспоминания К. П. Колзакова о пребывании русских в Польше и о революции в Варшаве. 1815–1830 // Русская старина. СПб., 1873. №4–5.

Кондаков С. Н. Императорская Санкт-Петербургская Академия художеств. 1764–1914. Юбилейный справочник. СПб., 1914. Т. 2.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского, 1814–1881. СПб., 1907.

Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000.

Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1892. Т. 2.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Пг., 1915.

Корнилов И. П. Князь Адам Чарторыйский. М., 1896.

Кориунова Н. В. «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002.

Крисань М. А. Адам Ежи Чарторыйский // Вопросы истории. 2001. №2.

Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907.

Кулжинский И. Последнее пятидесятилетие Польши с 1764 по 1814 год. Киев, 1863.

Кульман Н. К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 13. Кн. 1.

Куля В. Формирование капитализма в Польше. М., 1959.

М. И. Кутузов. Документы / под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1956. Т. 4–5.

Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX ст.). СПб., 1887.

Ледодаев В. Ю. Князь П. А. Вяземский и император Александр I в Варшаве (1818–1820) // Историко-археологические изыскания. Самара, 1996. Вып. 1.

Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. М., 2002.

Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М.; Л., 1930.

Логинова О. К. Гофман в Польше // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / под ред. В. Д. Королюка, Г. Г. Литаврина, Е. П. Наумова, А. И. Рогова. М., 1973.

Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994.

Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987.

Любавский М. К. Царство Польское и его конституция // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. 3.

Люксембург Р. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899.

Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем моя полная предсмертная исповедь. СПб., 1882. Ч. 4.

Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 г. и о в Бозе почившем великом князе цесаревиче Константине Павловиче. СПб., 1875.

Манько А. В. Блюстители верховной власти. Институт губернаторства в России. Исторический очерк. М., 2004.

Маркграфский А. Н. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава, 1887.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874–1906. Т. 1–15.

Мартынович В. Ю. Диалог России и Пруссии по польскому вопросу на Венском конгрессе 1814–1815 гг. // Германия и Россия: События, образы, люди. Воронеж, 1998.

Материалы по делам Царства Польского. Б. м., 1864. Т. 1–4.

Медведская Л. А. Декабристы и польское Патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Медушевский А. Н. Реформы и контрреформы в истории XVIII–XIX в. // Вестник высшей школы. М., 1990. №4.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / Ред. и вступ. статья А. А. Кизеветтера. М., 1912–1913. Т. 1–2.

Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1–2.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001.

Михайловский-Данилевский А. И. Окончание турецкой войны в царствование императора Александра I с 1806 до 1812 года. СПб., 1843.

Молева Н. М., Белютин Э. М. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963.

Мотин С. В., Филиппов О. А. Возникновение и становление конституционализма в Российской империи. Уфа, 2003.

Мыцельский М. Функционирование старопольских парламентских традиций в эпоху Княжества Варшавского и Королевства Польского (1807–1830) // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / Под ред. Г. В. Макаровой, Б. В. Носова, С. М. Фалькович. М., 1999.

Нарочницкий А. Л. Международная организация европейских государств с 1794 до 1830. М., 1946.

Нарочницкий А. Л. Русские документальные публикации по вопросам внешней политики России и международных отношений нового времени, изданные до 1917 года // Исторический журнал. М., 1945. №1–2.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / под ред. С. Г. Агаджанова, В. В. Трепавлова. М., 1997.

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007.

Новак А. Ян Потоцкий, Тадеуш Чацкий, Н. М. Карамзин и другие: размышления о политическом и идейном контексте польско-русского научного сотрудничества в первой четверти XIX в. // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / под ред. В. К. Волкова, Л. П. Марней, Б. В. Носова. М., 2003.

Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

Общественные движения в России в первую половину XIX века / сост. В. И. Семевский. СПб., 1905. Т. 1.

- [Одинцов А. А.] Посмертные записки Алексея Алексеевича Одинцова, генерала от инфантерии // Русская старина. СПб., 1889. №11, 1890. №1.
- Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
- Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
- Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения / изд. подготовили С. Я. Боровой и М. И. Гиллельсон, вступ. статья. С. Я. Борового. М., 1963.
- Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1–2. СПб., 1899.
- Отечественная война 1812 года. СПб., 1900–1914. Отделение 1. Т. 1–21.
- Отечественная война и русское общество, 1812–1912. М., 1912. Т. 1–7.
- Парусов А. И. Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 72. Т. 1.
- Пасхалов В. В. Шопен и польская народная музыка. Л.; М., 1949.
- Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, 1814–1833 // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6.
- Пильц Э. И. Русская политика в Польше. Варшава, 1909.
- Писаревский Г. Г. Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. Смоленск, 1926.
- Письма князя А. А. Чарторижского к Н. Н. Новосильцеву (Из семейного архива гр. В. Н. Панина) // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 9.
- Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1.
- Письма Н. М. Карамзина // Российский Архив. История отечества в свидетельствах и документах, XVIII–XX вв. М., 1999. Т. 9.
- Погодин А. Л. История государственного и общественного строя Польши. М., 2002.
- Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915.
- Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний (1831–1867). М., 1867.
- Подвысоцкий А. О. Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. М., 1874. №3.
- Подвинский Ю. Конституция Царства Польского и ее судьба. М., 1906.
- Познанский И. С. Исторический очерк экономического положения Польши. СПб., 1875.
- Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII — 60-е гг. XIX в. / под ред. С. М. Фалькович. М., 1984.
- Попов А. Н. Вопрос польский. 1806–1809 гг. // Русская старина. СПб., 1893. №3, 5.
- Попов А. Н. Сношения России с европейскими державами пред Отечественной войною 1812 года // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Ч. 177. №2; Ч. 178. №4.
- Потоцкая А. Мемуары (1794–1820). М., 2005.
- Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.

Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924.

Пресняков А. Е. Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века // Борьба классов. Л., 1924. №1–2.

Пржеславский О. А. Калейдоскоп воспоминаний. Н. Н. Новосильцев // Русский архив. М., 1872. №9.

Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975.

Прокофьева Д. С. Мотив свободы в русской и польской романтической поэзии // О просвещении и романтизме. Советские и польские исследования / под ред. И. И. Свириды, Л. А. Софроновой и др. М., 1989.

Пугачев В. В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. // 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962.

Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001.

Рейнке Н. М. Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881). СПб., 1902.

[*Романов*] *Великий князь Николай Михайлович.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. СПб., 1905. Т. 1.

[*Романов*] *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1–2.

Российские консерваторы. М., 1997.

Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993.

Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / под ред. В. А. Хорева. М., 2002.

Рябинин И. С. Великое Герцогство Варшавское // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1.

Рябинин И. С. Польское восстание 1830 г. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. 4. Ч. 2.

Савельев П. И. Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX вв.). М., 1997.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I отделения собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1.

Свирида И. И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве. XVIII — середина XIX вв. Очерки. М., 1999.

Свирида И. И. Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX века. М., 1978.

Свирида И. И. Художник в Польше в период формирования нации // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО / ред. Д. Ф. Марков, В. И. Злыднев, Ю. И. Ритчик и др. М., 1978.

Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Семевский М. И. Общественное образование в Царстве Польском. 1815–1864. СПб., 1864.

Сидоров А. А. Русские государи в Варшаве. Варшава, 1897.

- Сидоров А. А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Варшава, 1899. Вып. 1.
- Симбирцев И.* Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. М., 2006.
- Симоненко Г. Ф.* Сравнительная статистика Царства Польского. Варшава, 1879.
- Сироткин В. Г.* Великобритания. Франция, США в международных отношениях Нового и Новейшего времени. М., 1985.
- Скрипилев Е. А.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (Из истории правительственного «конституционализма») // Советское государство и право. М., 1980. №7.
- Славяне в начале XIX в. и в царствование императора Николая I. М., 1914.
- Смит Ф. И.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. СПб., 1863. Т. 1.
- Сокол К. Г.* Русская Варшава. М., 2002.
- Соколовская Т. О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907.
- Соловьев С. М.* Император Александр I: политика и дипломатия. СПб., 1877.
- Соловьев С. М.* История падения Польши. СПб., 1863.
- Софронова Л. А.* Польская культура первой половины XIX века // Становление национальной классики: Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20–70-х гг. XIX века / под ред. Л. А. Софроновой. М., 1991.
- Софронова Л. А.* Романтизм и общественная ситуация в Польше // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв.: Типология и взаимодействия / под ред. И. И. Свириды. М., 1990.
- Спасович В. Д.* Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. М., 1890. Кн. 1.
- Сперанский М. М.* Проекты и записки. М., 1961.
- Стахеев Б. Ф.* Адам Мицкевич // История зарубежной литературы XIX века / под ред. А. П. Соловьевой. М., 1991.
- Стахеев Б. Ф.* Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955. Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902.
- Студницкий В.* Польша в политическом отношении от разделов до наших дней. СПб., 1907.
- Тананаева Л. И.* Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. Живопись. Рисунок. М., 1968.
- Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
- Теплова В. А.* Дискуссия о формах правления в русской журналистике 1814–1820 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 65.
- Тимирязев Ф. И.* Страницы прошлого // Русский архив. М., 1884. №1–2.
- Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.
- Тымковский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004.
- Уманец Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше // Исторический вестник. СПб., 1883. №10.
- Учреждение Верховного временного совета в бывшем Герцогстве Варшавском (из архива Н. Н. Новосильцева) // Русский архив. М., 1908. №1.

Фалькович С. М. Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Владимир; М., 2006. Т. 14.

Фалькович С. М. Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сына (1815–1830) // *Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej*. Warszawa, 2005.

Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. №1.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.

Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980.

Филатова Н. М. Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. // Русская культура в польском сознании / под ред. Н. М. Филатовой и В. А. Хорева. М., 2009.

Филатова Н. М. «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда / под ред. Л. А. Софроновой и А. В. Семеновы. М., 2009.

Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.) / под ред. С. М. Фалькович. М., 1995.

Филатова Н. М. Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / под ред. В. А. Хорева. М., 2002.

Филатова Н. М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy a Rosjanie*. Поляки и русские / pod red. T. Epstein. Warszawa, 2000.

Филатова Н. М. Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма // Польская культура в зеркале веков / под ред. И. Е. Светлова. М., 2007.

Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / под ред. В. И. Фрейдзона. М., 1981.

Цветаев Д. В. Новосильцев о конституции Царства Польского. Б. м., б. г.

Цветков С. Э. Александр I. М., 1999.

Чарторижский А. Мемуары. М., 1998.

Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913.

Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007.

Чиркова Е. А. Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // Археографический ежегодник за 1985. М., 1986.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Главы высших и центральных учреждений. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002.

Шилов Д. Н. Члены Государственного Совета Российской империи, 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 3–4.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1–2.

Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша в 1825–1831 гг. // Русская старина. СПб., 1900. №2–8.

[*Шуазель-Гуфье С.*] Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе М., 1912.

Щеглов В. Г. Государственный Совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. Ярославль, 1892–1895. Т. 1–2.

Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. М., 1975.

[*Якушкин И. Д.*] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

Янжул И. И. Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. М., 1887.

Abramowicz A. Wiek archeologii. Problemy polskiej archeologii dziewiętnastowiecznej. Warszawa, 1967.

Ajnenkiel A. Konstytucje Polski w rozwoju dziejowym 1791–1997. Warszawa, 2001.

Ajzen M. Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821–1830). Warszawa, 1932.

Akten des Wiener Congresses / Hsg. von Johann L. Klüber. Erlangen, 1816–1835. Bd. 1–9.

Aktywność gospodarcza ziemiaństwa w Polsce w XVIII i XIX wieku / pod red. W. Cabana i M. B. Markowskiego. Kielce, 1993.

Aktywność społeczno-kulturalna kościołów i grup wyznaniowych w Polsce XIX i XX wieku / pod red. M. Meduckiej i R. Renza. Kielce, 1995.

Album biograficzne zasłużonych Polaków i Polek wieku XIX. Warszawa, 1903.

Aneks bibliofilski do dziejów cenzorskich listów gończych za dziełami Adama Mickiewicza i innych autorów na Kielecczyźnie w pierwszej połowie XIX wieku. Kielce, 1994.

Askenazy Sz. Łukasiński. Warszawa, 1908. Т. 1–2.

Askenazy Sz. Ministerium Wielhorskiego. 1815–1816. Warszawa, 1898.

Askenazy Sz. Na rozdrożu. 1812–1813 // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1911. Т. 1–2.

Askenazy Sz. Napoleon a Polska. Warszawa; Kraków, 1918–1919. Т. 1–3.

Askenazy Sz. Rosja — Polska 1815–1830. Lwów, 1907.

Askenazy Sz. Sto lat zarządu w Królestwie Polskim. 1800–1900. Lwów, 1901.

Bajer K. Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Łódź, 1958.

Banach A. Polska książka ilustrowana 1800–1900. Kraków, 1959.

Bank Polski 1828–1885: dla upamiętnienia 160 rocznicy otwarcia Banku Polskiego. Warszawa, 1988.

Bank Polski 1828–1928: dla upamiętnienia stuletniego jubileuszu otwarcia. Warszawa, 1928.

[*Baranowski I.*] Dzienniki Ignacego Baranowskiego pisane w Lublinie przez rok 1815 i 1816. Lublin, 1995.

- Barszczewska-Krupa A.* Generacja powstańcza 1830–1831: o przemianach w świadomości Polaków XIX wieku. Łódź, 1985.
- Bartnicka K.* Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX w. (1764–1831). Wrocław, 1971.
- Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa Kongresowego. Kraków, 1916.
- Bartyś J.* Początki mechanizacji rolnictwa polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.
- Baumgarten L.* Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.
- Bazyłow L.* Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław, 1973.
- Beauvois D.* Histoire de la Pologne. Paris, 1995.
- Beauvois D.* La Constitution Polonaise du 3 mai 1791 et les idées françaises. Lille, 1991.
- Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. Rzym; Lublin, 1991. T. 1–2. T. 1. Uniwersytet Wileński; T. 2. Szkoły podstawowe i średnie.
- Benyskiewicz J.* Naród bez państwa: o czynnikach integracji i dezintegracji narodu polskiego pod zaborami. Zielona Góra, 1987.
- Bibliografia historii Polski XIX wieku. T. 1. 1815–1831 / red. S. Płocki, oprac. H. Bachulska. Wrocław, 1958.
- Biegański P.* Teatr Wielki. Warszawa, 1974.
- Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa, 1907–1912. T. 1–3.
- Bieliński J.* Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. Warszawa; Kraków, 1905. T. 2.
- [*Bieliński P.*] Głos Jaśnie Wielmożnego Hrabi Bielińskiego, senatora, wojewody, prezesa Sądu Sejmowego Królestwa Polskiego dnia 10 mca kwietnia 1828 r. miany. Warszawa, 1828.
- Blackwell W.* Russian Decembrists' views of Poland // Polish Review. 4. New York, 1958.
- Bloch J.* Finanse Królestwa Polskiego od 1815–1866. Warszawa, 1880.
- Błachowska K.* Narodziny imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001.
- Bobkowska W.* Pruska polityka kulturalna na ziemiach polskich w latach 1793–1806. Warszawa, 1948.
- Bociarski D.* Rys statystyczny przemysłu Królestwa Polskiego // Biblioteka Warszawska. 1873. T. 2.
- Bogucka M.* Dzieje kultury polskiej: do 1918 r. Wrocław, 1987.
- Bojasiński J.* Rządy tymczasowe w Królestwie Polskim. Maj–grudzień 1815. Warszawa, 1902.
- Borejsza J. W.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 1990.
- Borkowski J. S. (hr. Dunin).* Genealogie żyjących utytułowanych rodów polskich. Lwów, 1895.
- Borowski S.* Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych 1807–1860. Poznań, 1963.
- Borowski W.* Kredyt rolniczy w Polsce. Warszawa, 1927.
- Bortkiewicz F.* Nadziały i powinności chłopów pańszczyźnianych w dobrach prywatnych Królestwa Polskiego. Warszawa, 1958.

- Bortnowski W.* Kaliszanie: kartki z dziejów Królestwa Polskiego. Warszawa, 1976.
- Bortnowski W.* Powstanie Listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa, 1964.
- Bortnowski W.* Wielki Książę Konstanty i Joanna Grudzińska. Łódź, 1981.
- Braunsteinówna H.* Charakterystyka braci Niemojowskich (w dobie Królestwa Kongresowego) // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1922. T. 23. Zesz. 1.
- Brodziński K.* Pisma estetyczno-krytyczne. Wrocław, 1964. T. 1.
- [*Bronikowski A.*] Mowa posła powiatu Konińskiego miana na posiedzeniu Sejmu walnego dnia 12 października 1820 r. Warszawa, 1820.
- Burdecki F.* Technika i przemysł w dawnej Polsce. Lwów, 1938.
- Burowiecka H.* Księstwo Warszawskie. Warszawa, 1906.
- Buszek K.* Targi i miasta na prawie polskim. Wrocław, 1964.
- Bystroń J. S.* Literaci i grafomani z czasów Królestwa Kongresowego. Lwów; Warszawa, 1938.
- Bystrzycki L.* Duchowieństwo polskie Kościoła rzymskokatolickiego w Wielkopolsce w latach 1815–1818. Koszalin, 1986.
- Caban W.* Szkolnictwo elementarne na ziemi kielecko-radomskiej (1809–1862). Kielce, 1983.
- Chalasiński J.* Czasopisma naukowe warszawskie w latach Królestwa Kongresowego (1815–1830) // *Przegląd nauk historycznych i społecznych*. Warszawa, 1954. T. 4.
- Charte constitutionnelle du Rouyame de Pologne. St. Pétersbourg, 1816.
- Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim: szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.
- Chwalba A.* Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2005.
- Chwalba A.* Historia powszechna: wiek XIX. Warszawa, 2008.
- Chyczewska A.* Marceli Bacciarelli. Życie — twórczość — dzieła. Katalog wystawy. Poznań, 1968. T. 1.
- Chyra-Rolicz Z.* Stanisław Staszic. Warszawa, 1980.
- Cieński M.* Pejzaże oświeconych. Sposoby przedstawienia krajobrazu w literaturze polskiej w latach 1770–1830. Wrocław, 2000.
- Cieszkowski S. D.* Aleksander I a konstytucja. Warszawa, 1909.
- Cieszkowski S. D.* Senatorowie Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807–1831. Warszawa, 1891.
- Le Congrès de Vienne et les traités 1815 / avec une introduction historique par M. Copefigue / ed. Comte d'Angeberg (Leonard Chodźko). Paris, 1864. Vol. 1–4.*
- Czarnocka K.* Półtora wieku grafiki polskiej. Warszawa, 1962.
- Czartoryski A. J.* «Polityką kieruje nie tylko interes, ale i moralność»: wybór myśli politycznych i społecznych / oprac. i wstęp J. Skowronka. Warszawa, 1992.
- Czartoryski A.* Żywot J. U. Niemcewicza. Berlin; Poznań, 1860.
- Czepulis-Rastenis R.* «Klasa umysłowa». Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862. Warszawa, 1973.
- Czepulis-Rastenis R.* Ludzie nauki i talentu: studia o świadomości społecznej inteligencji polskiej w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1981.
- Czerwiński F.* O Towarzystwie Kredytowym Ziemskim w Królestwie Polskim. Warszawa, 1866.
- Czyński J.* Cesarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska, czyli Jakubini polscy. Warszawa, 1956.
- Dębicki J.* Przemysł cynkowy. Warszawa, 1927.

Dębicki L. Puławy (1762–1830). Monografia z życia towarzyskiego i literackiego na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie. Lwów, 1887. T. 1–5.

Discours prononcé par sa Majesté l'Empereur et Roi à l'ouverture de la Diète du Royaume de Pologne à Varsovie le 15/27 mars 1818. Varsovie, 1818.

Discours prononcé par sa Majesté l'Empereur et Roi à l'ouverture de la Diète du Royaume de Pologne à Varsovie le 1/13 septembre 1820. Varsovie, 1820.

Dobra ostrowieckie w latach 1809–1836: wybór dokumentów / przygot. do druku J. Moniewski. Radom, 1995.

Le Donne J. Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826 // *Cahiers du monde russe.* Paris, 2003. Vol. 43. №4.

Dmochowski F. S. Wspomnienia od 1806 do 1830 roku. Warszawa, 1958.

Dobrowolski T. Malarstwo polskie 1764–1964. Wrocław, 1968.

Dobrowolski T. Nowoczesne malarstwo polskie. Wrocław, 1957. T. 1.

Drobnomieszczaństwo w XIX i XX wieku / pod red. S. Kowalskiej-Glikman. Warszawa, 1984. T. 1–2.

Dutkova R. Komisja Edukacji Narodowej. Zarys działalności. Wybór materiałów źródłowych. Wrocław, 1973.

Dworski A. Polonica w rosyjskich wydawnictwach F. Orli-Oszmieńca // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria / pod red. B. Białokozowicza.* Warszawa, 1974. T. 1.

Dworski A. Puszkina w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983.

Dwór polski w XIX wieku: zjawisko historyczne i kulturowe : materiały III seminarium, zorganizowanego przez Oddział Kielecki Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Kielce, 20–22 maja 1993. Warszawa, 1995.

Dyariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818. Warszawa, 1818. T. 1–3.

Dylągowa H. Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy. 1821–1829. Warszawa, 1970.

Dziedzicki A. Stosunek prawno-państwowy Królestwa Kongresowego do Rosji. Warszawa, 1917.

Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Warszawa, 1815–1870. Vol. 1–49.

Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1808–1812. Vol. 1–4.

Dziewanowski M. K. Aleksander I car Rosji, król Polski. Wrocław, 2000.

Dziewanowski M. K. Alexander I — Russia's Mysterious Tsar. New York, 1990.

Dziewanowski M. K. Książę wielkich nadziei: biografia księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. Wrocław, 1998.

Dzwonkowski W. Rosja a Polska. Warszawa, 1991.

Eile H. Prasa warszawska przed stu lat i współczesna jej ocena. Warszawa, 1929.

Eile H. Teatr warszawski w dobie powstań. Warszawa, 1937.

Eisenbach A. Z dziejów ludności żydowskiej w Polsce w XVIII i XIX wieku. Studia i szkice. Warszawa, 1983.

Feldman W. Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym. T. 1 (do 1863 roku). Warszawa, 1988.

Fiszman S. Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800–1830 // *Z polskich studiów slawistycznych. Prace historyczno-literackie na IV Międzynarodowy kongres slawistów w Moskwie 1958.* Warszawa, 1958.

Flatt J. B. Opis Księstwa Warszawskiego. Poznań, 1809.

Flatt J. B. Rozprawy rolnicze. Warszawa, 1825.

- Flatt O.* Opis miasta Łodzi. Warszawa, 1853.
- Fras Z., Karst K.* Pod berłem trzech cesarzy. [Wrocław], 1997.
- Frycz J.* Restauracja i konserwacja zabytków architektury w Polsce w latach 1795–1918. Warszawa, 1975.
- Gąsiorowska N.* Górnictwo i hutnictwo w Królestwie Polskim 1815–1830. Warszawa, 1922.
- Gąsiorowska N.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1960.
- Gąsiorowska N.* Materiały do historii miast, przemysłu i klasy robotniczej w okręgu Łódzkim. Warszawa, 1957. T. 1–4.
- Gąsiorowska N.* Polska na przełomie życia gospodarczego (1764–1830). Warszawa, 1922.
- Gąsiorowska N.* Ustanowienie cenzury w Królestwie Kongresowym // Biblioteka Warszawska. 1912. №3.
- Gąsiorowska N.* Wolność druku w Królestwie Kongresowym 1815–1830. Warszawa, 1916.
- Gąsiorowska N.* Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim, 1815–1918. Warszawa, 1965.
- Gembarzewski B.* Wojsko Polskie. Królestwo Polskie 1815–1830. Warszawa, 1903.
- Gerber R.* Studenci Uniwersytetu Warszawskiego 1808–1831. Słownik biograficzny. Wrocław, 1977.
- Giełżyński W.* Prasa warszawska 1661–1914. Warszawa, 1962.
- Gieysztorowa I., Zahorski A., Łukaszewicz J.* Cztery wieki Mazowsza. Szkice z dziejów 1526–1914. Warszawa, 1968.
- Giza A.* Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993.
- Gorski S.* Niemcy w Królestwie Polskim. Warszawa, 1908.
- Górski J.* Polska myśl ekonomiczna a rozwój gospodarczy 1807–1830. Warszawa, 1963.
- Grabowski T.* Ludwik Osiński i ówczesna krytyka literacka. Kraków, 1901.
- Grabski S.* Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do r. 1831. Kraków, 1903–1904. T. 1–2.
- Grabski W.* Społeczne gospodarstwo agrarne w Polsce. Warszawa, 1923.
- Grochulska B.* Handel zagraniczny Księstwa Warszawskiego: z badań nad strukturą gospodarczą. Warszawa, 1967.
- Grochulska B.* Księstwo Warszawskie. Warszawa, 1966.
- Grochulska B.* Małe państwo wielkich nadziei. Warszawa, 1987.
- Grodek A.* Idea Banku Narodowego (Geneza Banku Polskiego 1763–1828) // Bank Polski 1828–1885. Warszawa, 1988.
- Grodek A.* O rozwoju kapitalizmu w rolnictwie Królestwa Polskiego: Uwagi krytyczne // Studia nad rozwojem kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1963. T. 2.
- Groniowski Krz.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza–realizacja–skutki. Warszawa, 1976.
- Grossman H.* Struktura społeczna i gospodarcza Księstwa Warszawskiego na podstawie spisów ludności 1808–1810. Warszawa, 1925.
- Grynwasser H.* Demokracja szlachecka. Warszawa, 1948.
- Grynwasser H.* Kodeks Napoleona w Polsce — Demokracja szlachecka. Wrocław, 1961.

Grynwasser H. Kwestja agrarna i ruch włościan w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku. Studium archiwalne. Warszawa, 1935.

Grynwasser H. Niedoszły polski kodeks postępowania cywilnego (1820). Warszawa, 1918.

Grynwasser H. Opór sądów w roku 1813 // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1916. T. 19. Zesz. 2.

Grynwasser H. Pisma. Wrocław, 1951. T. 1–3.

Grynwasser H. Przywódcy i «burzycieli» włościan. Szkice z dziejów włościan skarbowych w Królestwie Polskim (1815–1830). Warszawa, 1937.

Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja maszyn i narzędzi rolniczych w Polsce w latach 1805–1918. Materiały do dziejów techniki budowy maszyn. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970.

Grzywicka J. Ekonomiczne poglądy Stanisława Staszica. Warszawa, 1957.

Handelsman M. Adam Czartoryski. Warszawa, 1948–1949. T. 1–2.

Handelsman M. Kryzys roku 1821 w Królestwie Polskim. Lwów, 1939.

Handelsman M. Projekt zmiany konstytucji 1812 // Pod znakiem Napoleona. Studia Historyczne, seria 2. Warszawa, 1913.

Handelsman M. Trzy konstytucje (1791–1807–1815). Warszawa, 1915.

Harring H. Poland under the domination of Russia. (Late cadet in the lancer regiment of the Grand Duke Constantine's imperial Russian body guard). London, 1831.

Hass L. Sekta farmazonii warszawskiej. Warszawa, 1980.

Hass L. Wolnomularstwo w Europie środkowo-wschodniej w XVIII i XIX wieku. Warszawa, 1982.

Haussherr H. Russland und Europa in der Epoche des Wiener Kongresses // Jahrbücher für die Verfassung der modernen Staaten. Hamburg, 1947.

Helfferrich K. Geld und Banken. Leipzig, 1903. Teil 1–2.

Heylman A. O sądownictwie w Królestwie Polskim. Warszawa, 1834.

Historia dyplomacji polskiej. T. 3. 1795–1918 / pod red. L. Bazyłowa. Warszawa, 1982.

Historia Kościoła w Polsce. T. 2. 1764–1945. Cz. 1. 1764–1918 / pod red. B. Kumora i Zd. Obertyńskiego. Poznań; Warszawa, 1979.

Historia literatury polskiej w zarysie / pod red. M. Stępnia i A. Wilkonia. Wyd. 6. Warszawa, 1989.

Historia nauki polskiej. Wrocław etc., 1970–1977. T. 2–3.

Historia państwa i prawa Polski / pod red. J. Bardacha. Warszawa, 1981–1982. T. 3–4.

Historia Polski. T. 2. 1764–1864. Cz. 2. 1814–1864 / pod red. S. Kieniewicza i W. Kuli. Warszawa, 1956.

Historia Polski w liczbach. T. 1. Państwo, Społeczeństwo. Warszawa, 2003.

Historia Sejmu Polskiego. T. 2. Cz. 1. W dobie rozbiorów / napisał A. Ajnenkel. Warszawa, 1989.

Historia sztuki polskiej. T. 3. Kraków, 1965.

Humnicki I. Pamiętniki // Sfinks. Warszawa, 1913. Zesz. 1.

Ihnatowicz I. Burżuazja warszawska. Warszawa, 1972.

Ihnatowicz I. Historia kancelarii przemysłowej w okręgu Łódzkim. Wrocław, 1967.

Ihnatowicz I. Obyczaj wielkiej burżuazji warszawskiej w XIX wieku. Warszawa, 1971.

- Inteligencja polska XIX i XX wieku / pod red. R. Czepulis-Rastenis. Warszawa, 1981–1985. T. 1–4.
- Iwazskiewicz J.* Chopin. Kraków, 1955.
- Izdebski H.* Litewskie projekty konstytucyjne z lat 1811 i 1812 i ich wpływ na Konstytucję Królestwa Polskiego // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. Poznań, 1972. T. 24. Zesz. 1.
- Jabłonowski H.* Die preussische Polenpolitik von 1815 bis 1914. Würzburg, 1965.
- Jabłonowski W.* Dekabryści i ich stosunek do Polski // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1909. T. 9. Zesz. 2–3.
- Jachimecki Z.* Frédéric Chopin et son oeuvre. Paris, 1930.
- Jachimecki Z.* Muzyka polska w rozwoju historycznym. Kraków, 1951. T. 1. Cz. 2.
- Jan Feliks Piwarski (1794–1859). Rysunki i grafika. Katalog wystawy. Warszawa, 1961.
- Janowicz L.* Statystyka Królestwa Polskiego // *Ekonomista*. 1905. №5. T. 2.
- Janowicz L.* Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1907.
- Janowski M.* Narodziny inteligencji 1750–1831 // *Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918* / pod red. J. Jedlickiego. Warszawa, 2008. T. 1.
- Janowski M.* Polska myśl liberalna do 1918 roku. Kraków; Warszawa, 1998.
- Jarozewski T. S., Rottermund A.* Jakub Hempel, Fryderyk Albert Lessel, Henryk Ittar, Wilhelm Henryk Minter architekci polskiego klasycyzmu. Warszawa, 1974.
- Jarozewski T. S.* Architektura doby Oświecenia w Polsce. Nurt i odmiany. Wrocław, 1971.
- Jasiukowicz S.* Der landschaftliche Kreditverein in Königreich Polen 1825–1910. München, 1911.
- Jasiukowicz S.* Zarys dziejów powstania Towarzystwa Kredytowego Ziemskiego. Warszawa, 1911.
- Jedlicki J.* Ekonomia górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1831–1864. Warszawa, 1958.
- Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w szybkim okresie feudalizmu. Warszawa, 1968.
- Jedlicki J.* Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX wieku. Warszawa, 1964.
- Jeziński A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego 1815–1914. Warszawa, 1967.
- Jeziński A.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1998.
- Jeziński A.* Problemy rozwoju gospodarczego ziem polskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 1984.
- Jeziński A., Ciepielewski J.* Zarys historii społeczno-gospodarczej Polski. Warszawa, 1961.
- Jeziński A., Zawadzki S. M.* Cenniejsze od złota. Z dziejów polskiego hutnictwa żelaza. Warszawa, 1961.
- Jeziński A., Zawadzki S. M.* Dwa wieki przemysłu w Polsce. Zarys dziejów. Warszawa, 1966.
- Kaczyńska E.* Człowiek przed sądem. Społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim 1815–1914. Warszawa, 1982.
- Kaczyńska E.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce pod zaborami. Warszawa, 1970.
- Kaczyńska E.* Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu. Warszawa, 1974.

Kallas M. Konstytucja Księstwa Warszawskiego. Jej powstanie, systematyka i główne instytucje w związku z normami szczegółowymi i praktyką. Toruń, 1970.

Kallas M. Nieznany projekt Konstytucji dla Wielkiego Księstwa Poznańskiego z 1815 roku // Bydgoskie towarzystwo naukowe. Prace Wydziału Nauk Humanistycznych. Seria C. №13. S. I. S. a.

Kallas M. Organy administracji terytorialnej w Księstwie Warszawskim. Toruń, 1975.

Kallas M. Projekty konstytucji dla Królestwa Polskiego z 1814 r. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika (Toruń). Prawo. Toruń, 1972. №11.

Kallas M. Zapomniany projekt konstytucji polskiej z 1814 r. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika (Toruń). Prawo. Toruń, 1969–1970. №9.

Kamionka-Straszakowa J. Nasz naród jak ława. Studia z literatury i obyczaju doby romantyzmu. Warszawa, 1974.

Kamionkowa J. Życie literackie w Polsce w pierwszej połowie XIX w. Warszawa, 1970.

Kandel D. Żydzi w Królestwie Polskim po 1831 r. // Biblioteka Warszawska 1910. T. 3. Zesz. 3.

Karpińska M., Byczek Z. Ilustrowane dzieje parlamentaryzmu polskiego: nigdy więcej Romanowów! Warszawa, 1996.

Karpiński W. Polska a Rosja: z dziejów słowiańskiego sporu. Lublin, 1999.

Karpowicz M. Sztuka oświeconego sarmatyzmu. Warszawa, 1970.

Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / pod. red. A. de Lazari. Warszawa, 2006.

Katalog zabytków budownictwa przemysłowego w Polsce / pod red. J. Pazdura. Wrocław; Warszawa, 1958–1961. T. 1–3.

Kempner St. A. Dzieje gospodarcze Polski porozbiorowej. Warszawa, 1921–1922. T. 1–2.

Kempner St. A. Rozwój gospodarczy Polski od rozbiorów do niepodległości. Warszawa, 1924.

Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990.

Kępiński A. Typologia relacji kulturowych polsko-rosyjskich w pierwszych dziesięcioleciach XIX wieku // Polacy w życiu kulturalnym Rosji. Wrocław, 1986.

Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1998.

Kieniewicz S. Przemiany społeczno-gospodarcze w Królestwie Polskim. 1815–1830. Wybór tekstów. Warszawa, 1951.

Kieniewicz S. Rodowód inteligencji polskiej // Tygodnik Powszechny. Kraków, 1946. №15.

Kieszkowski J. Artyści obcy w służbie polskiej. Lwów, 1922.

Kipa E. Stanisław Kostka Potocki jako minister wyznań religijnych // Rocznik historii sztuki. Wrocław, 1956. T. 1.

Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912.

Kirsztrot-Prawncki J. Towarzystwo Kredytowe Ziemskie w Królestwie Polskim i kredyt rolny. Warszawa, 1887.

Kizwalter T. Historia powszechna. Wiek XIX. Warszawa, 2007.

Kizwalter T. Kryzys Oświecenia a początki konserwatyzmu polskiego. Warszawa, 1987.

- Kizwalter T.* O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warszawa, 1999.
- Klasycyzm. Studia nad sztuką polską XVIII i XIX wieku. Wrocław, 1968.
- Kołaczkowski J.* Wiadomość o dawnych fabrykach w Polsce. Lwów, 1880.
- Kołaczkowski K.* Wspomnienia. Kraków, 1900. Ks. 2–3.
- Kołątaj i wiek Oświecenia. Materiały sesji naukowej polskiego Oświecenia. Warszawa, 1951.
- Kołodziejczyk R.* Bohaterowie nieromantyczni: O pionierach kapitalizmu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1961.
- Kołodziejczyk R.* Burżuazja polska w XIX i XX wieku: Szkice historyczne. Warszawa, 1979.
- Kołodziejczyk R.* Dzieje burżuazji w Polsce. Wrocław, 1974.
- Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815–1850). Warszawa, 1957.
- Kołodziejczyk R.* Miasta, mieszczaństwo, burżuazja w Polsce w XIX w. Warszawa, 1979.
- Kołodziejczyk R., Grabowski R.* Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974.
- Konic H.* Rolnictwo i handel za czasów Księstwa Warszawskiego (1807–1815). Warszawa, 1881.
- Konstytucje polskie 1791–1921 / wyd. M. Handelsman. Warszawa, 1926.
- Konstytucje Polskie. Studia monograficzne z dziejów polskiego konstytucjonalizmu / pod red. M. Kallasa. Warszawa, 1990. T. 1–2.
- Korespondencja Lubeckiego z Ministrami Sekretarzami Stanu Ignacym Sobolewskim i Stefanem Grabowskim / wydał, materiałami archiwalnymi dotyczącymi się tych samych spraw dopełnił i objaśnieniem opatrzył S. Smolka. Kraków, 1909. T. 1–4.
- Kortkowska-Bareja H.* Pomnik Poniatowskiego. Warszawa, 1971.
- Korzeniewski B.* «Drama» w warszawskim Teatrze Narodowym podczas dyrekcji L. Osiańskiego (1814–1831). Warszawa, 1934.
- Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków; Warszawa, 1897. T. 1–4.
- Kosim A., Stolarski R. E.* Car, honor i ojczyzna: spory wokół postaci gen. dyw. Franciszka Żymirskiego 1779–1831. Warszawa, 1991.
- Kosim J.* Losy pewnej fortuny: Z dziejów burżuazji warszawskiej w latach 1807–1830. Wrocław etc., 1972.
- Kostrowicka I., Landau Zb., Tomaszewski J.* Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1978.
- Kozłowski S.* Rozwój przemysłu wielkiego w Królestwie Polskim. Warszawa, 1901.
- Kowalczykowa A.* Czym był romantyzm? Warszawa, 1990.
- Kowalczykowa A.* Pejzaż romantyczny. Kraków, 1982.
- Kowalczykowa A.* Warszawa romantyczna. Warszawa, 1987.
- Kowska A.* Warszawa literacka w okresie przełomu kulturalnego 1815–1822. Warszawa, 1961.
- Kowska-Glikman S.* Drobnomieszczaństwo w dziewiętnastowiecznej Warszawie. Warszawa, 1987.
- Kowecka E.* Farbiarstwo tekstylne na ziemiach polskich (1750–1870). Wrocław, 1963.

Kozakiewicz S. Malarstwo polskie. Oświecenie. Klasycyzm. Romantyzm. Warszawa, 1976.

Kozakiewicz S. Malarstwo warszawskie na tle przemian gospodarczych, społecznych i politycznych w Królestwie Polskim (1815–1830) // Biuletyn historii sztuki. Warszawa, 1952. №2.

Kozłowski T. Polonica w czasopiśmie rosyjskim «Więstnik Jewropy» w latach 1815–1822 // Prace polonistyczne. Ser. 23. Łódź, 1967.

Kozłowski W. Autonomia Królestwa Polskiego 1815–1830. Warszawa, 1907.

Koźmian A. E. Wspomnienia. Poznań, 1867. T. 1.

Koźmian K. Pamiętniki. Wrocław etc., 1972. T. 1–3.

[*Koźuchowski A.*] O Sejmie Królestwa Polskiego uwagi przez Koźuchowskiego Aleksandra. Warszawa, 1818.

Kraushar A. Kupiectwo warszawskie. Warszawa, 1929.

Kraushar A. Salony i zebrania literackie warszawskie na schyłku wieku XVIII-go i w ubiegłym stuleciu. Warszawa, 1916.

Kraushar A. Senator Nowosilcow i cenzura za Królestwa Kongresowego 1819–1829 (ze źródeł archiwalnych). Kraków, 1911.

Kraushar A. Spisek koronacyjny z r. 1829 w świetle prawdy historycznej. Kraków, 1909.

Królewski Uniwersytet Warszawski 1816–1831: katalog wystawy, Pałac Kazimierzowski, 15–24 listopada 1984 / oprac. J. Halbersztadt, J. Koleczyńska. Warszawa, 1985.

Krzywicki W. Dzieje polityki celnej. Zarys historyczny ustawodawstwa celnego ze specjalnym uwzględnieniem ceł zbożowych. Warszawa, 1925.

Krzyżtopór A. O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań, 1859.

Księga pamiątkowa 200-lecia Konstytucji 3 Maja w Limanowej. Limanowa, [1991].

Kukiel M. Książę Adam. Warszawa, 1993.

Kukulski J. Sądy gminne w Królestwie Polskim: studium społeczno-historyczne. Kielce, 1995.

Kula W. Historia gospodarcza Polski (do 1864). Warszawa, 1953.

Kula W. Kształtowanie się kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1955.

Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956. T. 1–2.

Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji: Materiały sympozium. Nieborów, paźdz. 1978 r. Wrocław, 1984.

Kumor B. Historia Kościoła. T. 6. Czasy nowożytne. Kościół w okresie absolutyzmu i oświecenia. Lublin, 2005; T. 7 Czasy najnowsze 1815–1914. Lublin, 2001.

Kurdybacha Ł. Komisja Edukacji Narodowej. Warszawa, 1973.

Kuryło-Omelianuk J. Profesorowie Uniwersytetu Wileńskiego w latach 1803–1832. Białystok, 1993.

Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie. Lwów, 1920. T. 3.

Kutrzeba S. Sprawa polska w Królestwie Polskim 1815–1915. Lwów, 1916.

Kwiatkowska M. I. Malarstwo i rzeźba w latach 1765–1830 // Sztuka Warszawy / pod red. M. Karpowicza. Warszawa, 1986.

Kwiatkowski M. Architektura w latach 1765–1830 // Sztuka Warszawy / pod red. M. Karpowicza. Warszawa, 1986.

Kwiatkowski M. Zapowiedzi romantyzmu w architekturze polskiej drugiej połowy wieku XVIII i wieku XIX. Warszawa, 1967.

- Lednicki W.* Przyjaciele Moskale. Kraków, 1935.
- Lelewel J.* Trzy konstytucje polskie 1791, 1807, 1815. Porównał i różnice ich rozważył Joachim Lelewel w roku 1831 // *Lelewel J.* Dzieła. T. 8. Historia Polski nowożytnej. Warszawa, 1961.
- Lewicki S.* Historia handlu w Polsce. Warszawa, 1920.
- Lewicki S.* Kariera miasta Łodzi. Warszawa, 1971.
- Libera Z.* Problemy polskiego Oświecenia. Wrocław, 1969.
- Libera Z.* Stanisław Kostka Potocki jako pisarz i krytyk literacki // *Rocznik historii sztuki.* Wrocław, 1956. T. 1.
- Libera Z.* Życie literackie w Warszawie w czasach Stanisława Augusta. Warszawa, 1971.
- Lipiec J.* Nauczanie w szkołach elementarnych Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego w latach 1807–1830 (studia nad okręgiem Częstochowskim). Częstochowa, 1993.
- Lipiński L.* Stanowisko cudzoziemców w Polsce przed rozbiorem i po rozbiore. Studium z prawa międzynarodowego prywatnego. Lwów, 1886.
- Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831 / oprac. K. Bartoszewicz. Kraków, 1883.
- Litwin L.* Muncypalne fabryki włókiennicze dawnej Łodzi. Łódź, 1932.
- Lorentz S.* Klasycyzm w Polsce. Warszawa, 1990.
- Ludwikowski R. R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej 1815–1890. Warszawa, 1982.
- Łabęcki H.* Górnictwo w Polsce. Warszawa, 1841.
- Łepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764–1870. Warszawa, 1967.
- Łepkowski T.* Przemysł warszawski u progu epoki kapitalistycznej (1815–1868). Warszawa, 1960.
- Łojek J.* Dziennikarze i prasa w Warszawie w XVIII wieku. [Warszawa], 1960.
- Łojek J.* Opinia publiczna a geneza Powstania Listopadowego. Warszawa, 1982.
- Łojek J.* Studia nad prasą i opinią publiczną w Królestwie Polskim. Warszawa, 1966.
- Łoza S.* Architekci i budowniczy w Polsce. Warszawa, 1954.
- Łubieński R.* Generał Tomasz Pomian hrabia Łubieński. Warszawa, 1899. T. 1–2.
- Łubieński T. W.* Henryk Łubieński i jego bracia. Warszawa, 1886.
- Łucki A.* Ewolucja pojęcia literatury narodowej u Mochnackiego. Lwów, 1931.
- Łukasiewicz J.* Początki cywilizacji przemysłowej na ziemiach polskich. Warszawa, 1988.
- Łukasik R.* Rachunkowość rolna w dawnej Polsce. Warszawa, 1963.
- Łukasziński W.* Pamiętnik. Warszawa, 1960.
- Łuniński E.* O pomniku księcia Józefa i Thorwaldsenie. Warszawa, 1923.
- Łużny R.* Polsko-rosyjskie związki literackie w pierwszych dziesięcioleciach wieku XIX a tradycje Oświecenia // *Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu.* Wrocław etc. 1973.
- Maciejowski W. A.* Historia włościan i stosunków ich politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku. Warszawa, 1874.
- Malarski T.* Armia Królestwa Polskiego 1815–1830. Warszawa, 1996.
- Maleczyński K.* Najstarsze targi w Polsce i ich stosunek do miast. Lwów, 1926.

[*Małachowski J. H.*] Mowy i pisma publiczne Hyacynta Małachowskiego. Wrocław, 1809.

Małachowski-Lempicki S. Wolnomularstwo w Księstwie Warszawskim 1807–1812 // *Wiedza i Życie*. Warszawa, 1929. №5.

Małe miasta: elity / pod red. M. Zemło. Białystok, 2005.

Manteuffel T. Centralne władze oświatowe na terenie byłego Królestwa Kongresowego 1807–1815. Warszawa, 1929.

Manteufflowa M. J. K. Szaniawski: ideologia i działalność 1815–1830. Warszawa, 1936.

Mańkowski T. Genealogia sarmatyzmu. Warszawa, 1946.

Mańkowski T. O poglądach na sztukę w czasach Stanisława Augusta. Lwów, 1929.

Marcinkowski K. Rodziny zaszczycone szlachectwem w Królestwie Polskim 1815–1836. Warszawa, 1907.

Markowski B. Administracja skarbowa w Polsce. Warszawa, 1931.

Markowski B. Finanse miast Królestwa Polskiego. Kielce, 1913.

Martens G. F. von. Einleitung in das positive europäische Völkerrecht auf Verträge und Herkommengegründet. Göttingen, 1876.

Martens G. F. Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix... conclus par les puissances de l'Europe... depuis 1808 jusqu'à présent. Göttingen, 1817–1848. Vol. 1–16.

Martens Frédéric. Recueil des traités et conventions, conclus par la Russie avec les puissances étrangères SPb., 1874–1906. Vol. 1–15.

Maślanka J. Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław, 1965.

Materiały do dziejów uprzemysłowienia Królestwa Polskiego: raporty prezesów komisji województwa Kaliskiego. Łódź, 1998.

Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre 1-er / ed. Wł. Czartoryski. Paris, 1887. Vol. 1–2.

Mencel T. Prawa wyborcze ludności miejskiej w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim // *Naród i państwo: prace ofiarowane Henrykowi Jabłońskiemu*. Warszawa, 1969.

Mencel T. Udział społeczeństwa w życiu politycznym Królestwa Polskiego w latach 1815–1830 (sejmiki i zgromadzenia gminne) // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1968. T. 59. Zesz. 4.

Mencel T. Wieś pańszczyźniana w Królestwie Polskim w połowie XIX wieku. Lublin, 1988.

Miąso J. Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław, 1966.

Michalski J. Z dziejów Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Warszawa, 1953.

Michalski J., Kieniewicz S. Klejnot i bariery społeczne. Na marginesie książki Jerzego Jedlickiego «Klejnot i bariery społeczne». Warszawa, 1968.

Michałowski K. Opery polskie. Kraków, 1954.

Missalowa G. Studia nad powstaniem Łódzkiego okręgu przemysłowego 1815–1870. Łódź, 1964–1975. T. 1–3.

Missalowa G. W sprawie stosunków Towarzystwa Patriotycznego Polskiego z dekabrystami. Łódź, 1958.

Mochnicki M. O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Kraków, 1923.

Mochnicki M. Pisma krytyczne i polityczne. Kraków, 1996. T. 2.

- Moltke H. K.* Darstellung der inneren Verstandnisse und des Gesellschaftlichen Zustandes in Polen. Berlin, 1832.
- [*Moriolles A.*] Pamiętniki hrabiego de Moriolles. O emigracji, Polsce i dworze wielkiego księcia Konstantego (1789–1833). Warszawa, 1902.
- Mościcki H.* Pod berłem carów. Wrocław, 1990.
- Mościcki H.* Projekty połączenia Litwy z Królestwem Polskim w okresie 1813–1830. Warszawa, 1921.
- Mościcki H.* Znaczenie dziejowe Królestwa Polskiego (1815–1830). Warszawa, 1917.
- Mowa Najjaśniejszego Cesarza i Króla miana przy otwarciu Sejmu Królestwa Polskiego dnia 2/15 Września 1820. Warszawa, [1820].
- Mucha B.* Rola Polaków w rozwoju XIX-wiecznego malarstwa rosyjskiego // Polacy w życiu kulturalnym Rosji. Wrocław, 1986.
- Muszkowski J.* Jan Siostrzyński, pierwszy litograf polski. Warszawa, 1949.
- Mycielski J.* Sto lat dziejów malarstwa w Polsce. 1760–1860. Kraków, 1897.
- Mycielski M.* «Miasto ma mieszkańców, wieś obywateli». Kajetana Koźmiana koncepcje wspólnoty politycznej (do 1830 roku). Wrocław, 2004.
- Na przełomie Oświecenia i Romantyzmu. O sytuacji w literaturze polskiej lat 1793–1830 / pod red. P. Żbikowskiego. Rzeszów, 1999.
- Nadzieja J.* Generał Józef Zajączek 1752–1826. Warszawa, 1975.
- [*Nesselrode Ch. R.*] Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Extraits de ses archives. / Publiés et annotés avec une introduction... par le comte A. de Nesselrode. Paris, 1904. T. 4.
- Niemcewicz J. U.* Listy litewskie. Warszawa, 1812.
- Niemcewicz J. U.* Pamiętniki 1809–1820. Poznań, 1871. T. 1–2.
- Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich. Warszawa, 1857. T. 2.
- Niemcewicz J. U.* Pamiętniki z 1830–1831 roku. Kraków, 1909.
- [*Niemojowski W.*] Głosy posła kaliskiego na sejmie Królestwa Polskiego. Poznań, 1818.
- Niewiara A.* Moskwicin–Moskal–Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006.
- Nowak A.* «Oświecony» rosyjski imperializm i Polska (od Piotra I i Katarzyny II do Karamzina i Puszkina) // Polacy a Rosjanie — Поляки и русские. Warszawa, 2000.
- Nowak A.* Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921). Warszawa, 1995.
- Nowak-Romanowicz A.* Józef Elsner. Kraków, 1957.
- Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym. T. 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1826 / oprac. J. Leskiewiczowa, Fr. Ramotowska. Warszawa, 1984.
- Od Oświecenia do Romantyzmu. Prace ofiarowane Piotrowi Żbikowskiemu / pod red. G. Ustasza, St. Eliasza. Rzeszów, 1997.
- Offmański M.* Królestwo Polskie (1815–1830). Rys historyczny z tablicami statystycznymi. Warszawa, 1907.
- Okolski A.* Prawo cywilne w Królestwie Polskim obowiązujące. Warszawa, 1877.
- Okolski A.* Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracji obowiązującego w Królestwie Polskim. Warszawa, 1880–1884. T. 1–3.
- Olszewicz B.* Polska kartografia wojskowa. Warszawa, 1921.
- Olszewski D.* Przemiany społeczno-religijne w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku : analiza środowiska diecezjalnego. Lublin, 1984.

Orłowski M. Żelazny przemysł hutniczy na ziemiach polskich. Warszawa, 1931.

«Orzeł Biały». Warszawa, 1820. T. 1–9.

Paćko T. Mapy ziem polskich przeglądowe i jednoarkuszowe topograficzne wydane w latach 1764–1814 i wybór map z lat 1815–1870 z uwzględnieniem zbiorów Biblioteki Polskiej w Paryżu / oprac. T. Paćko i W. Trzebiński. Warszawa, 2000.

Pamiętniki dekabrystów. T. 3. Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim / wyd. W. Zawadzki. Warszawa, 1960.

Pamiętniki księcia Adama Czartoryskiego i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem I / wyd. Wł. Czartoryski. Kraków, 1904–1905. T. 1–2.

Papierzowa A. Libretta oper polskich z lat 1800–1830. Kraków, 1959.

Paprocka W. Kultura i tradycja ludowa w polskiej myśli humanistycznej XIX i XX wieku. Wrocław, 1986.

Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915. Warszawa, 1991.

[*Patelski J.*] Wspomnienia wojskowe Józefa Patelskiego z lat 1823–1831 / wyd. B. Gembarzewski. Biblioteka pamiętników. №4. Wilno, 1914.

Pawłowski B. Kwestia włościańska w Królestwie Polskim. Lwów, 1909.

Pazdur J. Dzieje Kielc do 1863 roku. Wrocław, 1967.

Pazdur J. Postęp techniczny w Polsce doby Odrodzenia. Warszawa, 1954.

Pazdur J. Zakłady metalowe w Białogoniu 1814–1914. Wrocław, 1957.

Petrozolin-Skowrońska B. Przed tą nocą. Warszawa, 1997.

Piwek J. Gospodarstwo folwarczne w dobrach magnackich między Wisłą a Pilicą w latach 1815–1864. Kielce, 1989.

Poczta Królestwa Polskiego w latach 1815–1851: organizacja i dokumentacja działalności. Wrocław, 1987.

Podgórska E. Kobiety-nauczycielki w szkole elementarnej w XIX i początkach XX w. w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (badania sondażowe) // Kształcenie i doksztalcenie nauczycieli szkół podstawowych (elementarnych) w Polsce w XVIII–XX wieku. Łódź, 1989. Cz. 1.

Podgórska E. Szkolnictwo elementarne Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807–1831. Warszawa, 1960.

Polacy a Rosjanie. Поляки и русские / pod red. T. Epsteina. Warszawa, 2000.

Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków. (Поляки глазами русских — русские глазами поляков). Zbiór studiów / red. R. Bobryk i J. Faryno. Warszawa, 2000.

Poliński A. Dzieje muzyki polskiej w zarysie. Lwów, 1907.

Polska XIX wieku. Państwo, społeczeństwo, kultura / pod red. S. Kieniewicz. Warszawa, 1986.

Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej. T. 3. Od roku 1796–1930 / oprac. A. Brückner. Warszawa, 1932.

Polski Słownik Biograficzny. Warszawa; Kraków, 1935–2008. T. 1–45.

Popławski A. Długoterminowy kredyt ziemski w Prusach i w Królestwie Polskim («Landszafty» i Towarzystwo Kredytowe Ziemskie). Warszawa, 1917.

Poraziński A. Das Salzmonopol in Königreich Polen. Borna; Leipzig, 1913.

Problemy kultury literackiej polskiego Oświecenia: Studia / pod red. T. Kostkiewiczowej. Wrocław, 1978.

Przelaskowski R. Sejm Warszawski roku 1825. Warszawa, 1929.

- Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815–1864 / pod red. W. Kuli i J. Leśkiewiczowej. Wrocław, 1979.
- Przygodzki J.* Rada Najwyższa Tymczasowa Księstwa Warszawskiego. 1813–1815. Organizacja i działalność. Warszawa, 2002.
- Przyrembel Z.* Historia cukrownictwa w Polsce. Warszawa, 1927. T. 1.
- Puzynina G.* W Wilnie i w dworach litewskich: pamiątek z lat 1815–1843. Kraków, 1990.
- Radziszewski H.* Bank Polski. Warszawa, 1910.
- Radziszewski H.* Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskim. Warszawa, 1907–1908. Cz. 1–2.
- Radziszewski H.* Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1900.
- Radziwiłł M., Winiarski B.* Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego. Warszawa etc., 1915.
- Rastawiecki E.* Słownik malarzów polskich tudzież obcych w Polsce osiadłych lub czasowo w niej przebywających. Warszawa, 1850–1857. T. 1–3.
- Raszewski Z.* Staroświeczyzna i postęp czasu. O teatrze polskim (1765–1865). Warszawa, 1963.
- Ratajczakowa D.* Pierwsze trzydziestolecie XIX wieku jako rezultat przemian sztuki w liminalnym obszarze procesu kulturowego. Z doświadczeń i rozmyślań historyka dramatu i teatru // *Wiek Oświecenia*. Warszawa, 2001. T. 17.
- Ratajska K.* Dziedzice filomatyzmu. Wrocław, 1987.
- Rembertowski J. N.* Bank Polski w okresie 50-letnim (1828–1878). Warszawa, 1878.
- Rewski Z.* Zagadnienia sztuki w działalności Hugona Kołłątaja. Wrocław, 1953.
- Rodecki F.* Obraz geograficzno-statystyczny Królestwa Polskiego. Warszawa, 1830.
- Romantyzm: Studia nad sztuką polską drugiej połowy wieku XVIII i wieku XIX. Materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. Warszawa, listopad 1963 / wstęp J. Białostockiego. Warszawa, 1967.
- Rosiński S.* Der Getreidehandel im Königreich Polen und die deutschen Getreidezölle. Posen, 1916.
- Rostworowski E.* Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // *Kwartalnik Historyczny*. Warszawa; Poznań, 1987. T. 94. №3.
- Rostworowski M.* Herzogtum Warschau und Königreich Polen. Wien, 1915.
- Rostworowski M.* Prawna geneza Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego. Kraków, 1946.
- Rostworowski M.* Prawno-polityczna strona budżetów Królestwa Kongresowego (1816–1830) // *Czasopismo prawa*. Kraków, 1905. Rocznik 6.
- Rostworowski M.* Rada ministrów i Rada Stanu Księstwa Warszawskiego. Kraków, 1911.
- Rozak S.* Środowisko intelektualne i artystyczne Warszawy w połowie XVIII wieku. Między kulturą sarmatyzmu i Oświecenia. Toruń, 1997.
- Różański A.* Działalność statystyczna w okresie Królestwa Kongresowego // *Przeгляд Statystyczny*. Warszawa, 1939. T. 2. №1.
- Rudkowska M.* Niemcewicz i Rosja // Julian Ursyn Niemcewicz: pisarz, historyk, świadek epoki / pod red. J. Wójcickiego. Warszawa, 2002.

- Rulikowski M.* Teatr warszawski od czasów Osieńskiego. Lwów, 1915.
- Rusiński W.* Rozwój gospodarczy ziem polskich w zarysie. Warszawa, 1963.
- Rutkowski J.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1955. T. 2.
- Rutkowski J.* Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku. Warszawa, 1922.
- Rutowski T.* W sprawie przemysłu krajowego. Kraków, 1883.
- Rychlikowa I.* Ziemiaństwo polskie 1789–1864. Warszawa, 1983.
- Rychliński S.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego w latach 1831–1850 // *Ekonomista*. Warszawa, 1929. T. 2.
- Rynkowska A.* Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821–1831. Łódź, 1951.
- Rynkowska A.* Początki rozwoju kapitalistycznego miasta Łodzi (1820–1864). Warszawa, 1960.
- Ryszkiewicz A.* Początki handlu obrazami w środowisku warszawskim. Wrocław, 1953.
- Ryszkiewicz A.* Polski portret zbiorowy. Wrocław etc., 1961.
- Ryszkiewicz A.* Wincenty Kasprzycki. Widok wystawy sztuk pięknych w Warszawie w 1828 r. // *Biuletyn historii sztuki*. 1952. №3.
- Ryszkiewicz A.* Zbieraczy i obrazy. Warszawa, 1972.
- Rzepniewska D.* Ziemiaństwo w kręgu oddziaływania Warszawy. 1807–1830. Warszawa, 1982.
- Rzeźba polska od XVI do początku XIX w.* Warszawa, 1973.
- Sadzikowski W.* 200 lat gospodarki rynkowej. Warszawa, 1993.
- Sakowicz E.* Stan wyznania prawosławnego w Księstwie Warszawskim i Królestwie Kongresowym // *Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce*. 1939. №12 (20).
- Salmanowicz S.* Podstawy prawne funkcjonowania Komisji Edukacji Narodowej // *Rozprawy z dziejów oświaty*. Wrocław, 1980. T. 23.
- Saryusz-Zaleski W.* Dzieje przemysłu w Galicji, 1804–1929. Kraków, 1930.
- Schmitt H.* Dzieje porozbiorowe Polski 1795–1832. Lwów, 1894.
- Sejm Królestwa Polskiego o działalności Rządu i stanie kraju: 1816–1830 / do druku przygotowały i wstępem opatrzyły J. Leskiewiczowa i Fr. Ramotowska. Warszawa, 1995.
- Senkowska-Gluk M.* Pojęcie elity i jego przydatność dla badań historycznych // *Spółczesność polskie XVIII i XIX wieku. Studia o grupach elitarnych / pod red. J. Leskiewiczowej*. Warszawa, 1982. T. 8.
- Siegel S.* Ceny w Warszawie w latach 1816–1914. Poznań, 1949.
- Sienkiewicz J.* Malarstwo warszawskie pierwszej połowy XIX w. // *Arkady*. Warszawa, 1936. Zesz. 9.
- Sienkiewicz J.* Rysunek polski od Oświecenia do Młodej Polski. Warszawa, 1970.
- [*Sierawski N.*] Pamiętnik oficera konnego pułku gwardii za czasów W.ks. Konstantego / z przedmową St. Smolki. Lwów, 1907.
- Sikorska-Kulesza J.* Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku. Pruszków, 1995.
- Simon L.* Teatr francuski w Warszawie za czasów Królestwa Kongresowego (1815–1830). Lwów, 1932.
- Sinko Z.* Powieść angielska osiemnastego wieku a powieść polska lat 1764–1830. Warszawa, 1961.

- Skarbek F.* Dzieje Polski. Poznań, 1876–1877. Cz. 1–3.
- Skarbek F.* Gospodarstwo narodowe zastosowane czyli nauka administracji. Warszawa, 1821. T. 1–2.
- Skarbek F.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. Poznań, 1877.
- Skarbek F.* Pamiętniki. Poznań, 1878.
- Skarbek F.* Pisma pomniejsze. Warszawa, 1936–1937.
- Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski 1770–1861. Warszawa, 1994.
- Skowronek J.* Aleksander Sapieha: z magnackiego gniazda do napoleońskiego wywiadu. Warszawa, 1992.
- Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1979.
- Skowronek J.* Elity społeczno-polityczne i kulturalne u schyłku Oświecenia na przykładzie grupy puławskiej w latach 1795–1830 // Przegląd Humanistyczny. Warszawa, 1984. №5–6.
- Skowronek J.* Młodzież polska i jej organizacje w ruchu narodowym 1795–1864. Warszawa, 1994.
- Skowronek J.* Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa, 1987.
- Skowronek J.* Skład społeczny i polityczny Sejmów Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1961. T. 52. Zesz. 3.
- Skowronek J.* Sprawa polska // Europa i świat w epoce napoleońskiej. Warszawa, 1977.
- Słodkowska E.* Biblioteki w Królestwie Polskim 1815–1830. Warszawa, 1996.
- Słomkowska A.* Prasa rządowa Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1838). Warszawa, 1969.
- Słowaczyński A.* Statistique du Royaume de Pologne. Paris, 1837.
- Słowaczyński J.* La statistique de la Pologne. Paris, 1839. Vol. 1–5.
- Słownik artystów polskich oraz w Polsce działających. Wrocław, 1971–1975. T. 1–2.
- Smitt H.* Dzieje porozbiorowe Polski 1795–1832. Lwów, 1894.
- Smolka S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym / wstęp R. Kołodziejczyka. Warszawa, 1984. T. 1–2.
- Sobociński Wł.* Historia ustroju i prawa Księstwa Warszawskiego. Toruń, 1964.
- Sobociński Wł.* Rozwój ustawodawstwa cywilnego w Królestwie Polskim do rosyjskiej reformy sądowej (Zarys historyczno-porównawczy) // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio G. Lublin, 1965. Vol. 12. №4.
- Sobociński Wł.* Sąd i prawo w Polsce pod zaborami. // Państwo i Prawo. 1967. №2.
- Sobociński Wł.* Z zagadnień myśli polityczno-prawnej polskiego Oświecenia. // Wiek XVIII. Polska i świat, księga poświęcona B. Leśnodorskiemu / pod red. A. Zachorskiego. Warszawa, 1974.
- Spis szlachty Królestwa Polskiego. Warszawa, 1991.
- Społeczeństwo Królestwa Polskiego: studia o uwarstwieniu i ruchliwości społecznej / pod red. W. Kuli. Warszawa, 1965–1991. T. 1–9.
- Sroczyńska K.* Zygmunt Vogiel — rysownik gabinetowy Stanisława Augusta. Wrocław, 1969.
- Stankiewicz Z.* Reformy czynszowe dóbr skarbowych w Królestwie Polskim. Łódź, 1968.

- Stankiewicz Z.* Sejm Królestwa Polskiego 1815–1831. Uwagi o roli ustrojowej i politycznej // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. Poznań, 1984. T. 36. Zesz. 1.
- Starzyński J.* O romantycznej syntezie sztuk. Delacroix, Chopin, Baudelaire. Warszawa, 1965.
- Starzyński J.* Polska droga do samodzielności w sztuce. Warszawa, 1973.
- Starzyński J.* Romantyzm i narodziny nowoczesności. Warszawa, 1972.
- Staszic S. Geologia–górnictwo–hutnictwo. Warszawa, 1979.
- Staszic S. O nauce, jej znaczeniu i organizacji. Wybór pism / oprac. B. Suchodolski. Kraków, 1952.
- Staszic S.* O statystyce Polski. Warszawa, 1807.
- Stawiski E.* Poszukiwania do historii rolnictwa krajowego. Warszawa, 1857.
- Strasburger E.* Stan rolnictwa polskiego w dobie powojennej a program ekonomiczny Lubeckiego. Warszawa, 1915.
- Struktury, ruchy, ideologie XVIII–XX wieku. Warszawa; Kraków, 1986.
- Strumillo T.* Sentymentalizm jako wstępna faza romantyzmu w muzyce polskiej. Warszawa, 1955.
- Strumillo T.* Szkice z polskiego życia muzycznego XIX w. Warszawa, 1954.
- Strumillo T.* «Śpiewy historyczne» do słów J. U. Niemcewicza, ich historia i problematyka // *Studia muzykologiczne*. Warszawa, 1955. T. 4.
- Strzelecki R.* Aktor i wiedza o człowieku. Teoretyczne wypowiedzi o sztuce aktorskiej w Polsce od Oświecenia do końca wieku XIX i ich antropologiczne podłoże. Rzeszów, 2001.
- Strzelecki W.* Chałupnictwo tkackie w Królestwie Polskim w latach 1816–1850. Warszawa, 1931.
- Strzeszewski Cz.* Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815–1830). Lublin, 1937.
- Strzeszewski Cz.* Korporacyjna budowa oszczędności, kredytu i pieniądza. Lublin, 1939.
- Strzeszewski Cz.* Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807–1830. Lublin, 1934.
- Studia z dziejów polskiej myśli politycznej. T. 1. Ideologowie epoki Romantyzmu wobec współczesnych problemów Polski i Europy / pod red. S. Kalemki. Toruń, 1989.
- Studia z dziejów polskiej myśli politycznej. T. 3. Uwarunkowania, możliwości i sposoby działań niepodległościowych w piśmiennictwie czasów romantyzmu / pod red. S. Kalemki. Toruń, 1990.
- Studia z dziejów polskiej myśli politycznej. T. 5. Dążenia do niepodległości Polski a ocena rządów zaborczych w XIX wieku / pod red. S. Kalemki. Toruń, 1992.
- Stulecie Giełdy Warszawskiej (1817–1917). Warszawa, 1917.
- Suchodolski B.* Komisja Edukacji Narodowej na tle roli oświaty w dziejowym rozwoju Polski. Warszawa, 1972.
- Suchodolski B.* Nauka polska w okresie Oświecenia. Warszawa, 1953.
- Suchodolski B.* Rola Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciół Nauk w rozwoju kultury umysłowej. Warszawa, 1951.
- Suchodolski B.* Seweryn Goszczyński. Życie i dzieła (1801–1830). Warszawa, 1927.
- Surowiecki W.* O bractwach i cechach rzemieślniczych w Polsce // *Tygodnik Literacki*. Poznań, 1843. T. 6.

Surowiecki W. O upadku przemysłu i miast w Polsce. Warszawa, 1810.

Szawłowski R. Najwyższe państwowe organy kontroli w Polsce w XIX wieku: Główna Izba Obrachunkowa Księstwa Warszawskiego oraz Izba Obrachunkowa i Najwyższa Izba Obrachunkowa Królestwa Polskiego, lata 1808–1866. Warszawa, 1999.

Szczepański J. Modernizacja górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim w I połowie XIX w.: rola specjalistów niemieckich i brytyjskich. Kielce, 1997.

Szeląg Z. Romantyzm i polityka : materiały i szkice. Grójec, 1996.

Szkice o kulturze muzycznej XIX wieku. *Studia i materiały.* Warszawa, 1973. T. 1.

Szlachta wylegitymowana w Królestwie Polskim w latach 1836–1861. Warszawa, 2000.

Szlachta B. Ład, Kościół, Naród. Seria: Biblioteka Myśli Politycznej. Kraków, 1996.

Szpotkański S. Adam Mickiewicz i jego epoka. Warszawa; Kraków, 1921. T. 1.

Szpotkański S. Maurycy Mochnacki. Kraków, 1910.

Szwankowski E. Budownictwo wojskowe w czasach Królestwa Kongresowego 1815–1830 // Z bohaterskiej przeszłości Warszawy. Warszawa, 1961.

Szwankowski E. Teatr Wojciecha Bogusławskiego w latach 1799–1814. Wrocław, 1951.

Szwankowski E. Warszawa. Rozwój urbanistyczny i architektoniczny. Warszawa, 1952.

Szymanowski W. Królestwo Polskie czyli najdokładniejszy obraz tego kraju pod względem statystycznym, geograficznym i historycznych wspomnień. Warszawa, 1859.

Szyndler B. Mikołaj Nowosilcow (1762–1838). Portret carskiego inkwizytora. Warszawa, 2004.

Śladkowski W. Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815–1915. Lublin, 1969.

Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław, 1957.

Śledziński S. 150 lat Państwowej Wyższej szkoły muzycznej w Warszawie. Warszawa, 1960.

Śmiałowski J. Od narodzin do rozkwitu Łodzi przemysłowej 1820–1870. Łódź, 1973.

Tabela miast, wsi, osad Królestwa Polskiego, z wyrażeniem ich położenia i ludności, alfabetycznie ułożona w Biurze Komisji Rządowej Spraw Wewnętrznych i Policji. Warszawa, 1827. T. 1–2.

Taryfa celna Królestwa Polskiego, uzupełniona zmianami i objaśnieniami, zaszły od pierwszego jej ogłoszenia w roku 1823 po dzień 19/31 Lipca 1841 r. Warszawa, 1841.

Tatarkiewicz W. Dwa klasycyzmy, wileński i warszawski. Warszawa, 1921.

Tazbir J. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit, upadek, relikty. Warszawa, 1983.

Teatr jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu / wstęp i opracowanie I. Kadulskiej. Gdańsk, 1997.

Tessaro-Kosimowa I. Historia litografii warszawskiej. Warszawa, 1973.

Tokarz W. Armia Królestwa Polskiego (1815–1830). Kraków, 1998.

Tokarz W. Ostatnie lata Hugona Kollątaja. Kraków, 1905.

Tokarz W. Sprzysiężenie Wysockiego i Noc Listopadowa. Kraków, 1925.

- Trembecki I.* Rzemiosło i cechy w dawnej i współczesnej Polsce. Kraków, 1948.
- Trzebiński W.* Działalność urbanistyczna magnatów i szlachty w Polsce XVIII w. Wrocław, 1962.
- Trzebiński W.* Podziały administracyjne Królestwa Polskiego w okresie 1815–1819 // Dokumentacja geograficzna. Warszawa, 1954. Zesz. 4.
- Turnau I.* Zmiany w polskiej produkcji włókienniczej XVIII wieku. Wrocław, 1962.
- Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego. SPb., 1816.
- Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego; Charte constitutionelle du Royaume de Pologne // Dziennik praw Królestwa Polskiego. Warszawa, 1816. T. 1. №1.
- Ustawodawstwo Księstwa Warszawskiego. Akty Normatywne Władzy Najwyższej / wyd. W. M. Bartel, J. K. Rostocki. Warszawa, 1964–1969. T. 1–14.
- Walicki M.* Sprawa inwentaryzacji w dobie Królestwa Polskiego. Warszawa, 1931.
- Walka romantyków z klasykami / oprac. S. Kawyn. Wrocław, 1963.
- Warszawskie wystawy sztuk pięknych w latach 1819–1845 / oprac. i przedmowa S. Kozakiewicza. Wrocław, 1952.
- Wasiutyński B.* Ludność żydowska w Polsce XIX i XX wieku. Studium statystyczne. Warszawa, 1930.
- Wawrzkowicz E. E.* Anglia a sprawa polska. 1813–1815. Kraków; Warszawa, 1919.
- Wejnert A.* O starostwach w Polsce do końca XVIII wieku z dołączeniem wykazu ich miejscowości. Warszawa, 1877.
- [*Wiaziemski P. A.*] Z notatników i listów księcia Piotra Wiaziemskiego / wstęp R. Łużnego. Kraków, 1985.
- Więckowska H.* Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym. Warszawa, 1925.
- Wiślicki J. M.* Opis Królestwa Polskiego. Warszawa, 1850. T. 1–2.
- Witkowska A.* Rówieśnicy Mickiewicza. Życiorys jednego pokolenia. Warszawa, 1962.
- Witkowska A.* Słowianie, my lubim sielanki... [Warszawa], 1974.
- Witkowska E.* Tendencje w kształceniu nauczycieli szkół elementarnych w Królestwie Polskim w latach 1815–1830 // Kształcenie i doksztalcanie nauczycieli szkół podstawowych (elementarnych) w Polsce w XVIII–XX wieku. Łódź, 1989. Cz. 1.
- Witkowski M.* Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816 // Pamiętniki z lat 1792–1849 / oprac. R. Grabałowski. Wrocław, 1961.
- Witkowski W.* Komisja Rządowa Sprawiedliwości w Królestwie Polskim. 1815–1876. Lublin, 1986.
- Witkowski W.* Sądownictwo administracyjne w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim 1807–1867. Warszawa; Łódź, 1984.
- Wojczak Z.* Stanisław Staszic. Organizator nauki i gospodarki. Kraków, 1999.
- Wolski L.* Materiały do statystyki Królestwa Polskiego // Biblioteka Warszawska. 1850. T. 2.
- Wołoszyński R. W.* Polacy w Rosji 1801–1830. Warszawa, 1984.
- Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974.
- Wołoszyński R. W.* Zagadnienie polsko-rosyjskiego zbliżenia kulturalnego w latach 1801–1830. Stan badań i postulaty na przyszłość // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4. Historia, Warszawa, 1972.

- Wójcicki K. W.* Warszawa i jej społeczność w początkach naszego stulecia. Warszawa, 1875.
- Wójcicki A.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. Warszawa, 1929.
- Wroński W.* Szkolnictwo muzyczne w Polsce w wieku XIX // *Muzyka*. Warszawa, 1951. №5–6.
- Wrotnowski A.* Przemysł cukrowniczy w Królestwie Polskim. Warszawa, 1880.
- Z dziejów polskiego społeczeństwa i kultury*. Wrocław, 1989.
- Z dziejów rzemiosła warszawskiego*. Warszawa, 1983.
- Zajączek J.* Raport Rady stanu, obejmujący ogólny obraz położenia kraju od r. 1820 do 1823. Warszawa, 1824.
- Zakłady przemysłowe w Polsce XIX i XX wieku. Studia i materiały / pod red. I. Pietrzak-Pawłowskiej*. Wrocław etc., 1967.
- Zaleski W.* Statystyka porównawcza Królestwa Polskiego. Warszawa, 1876.
- Załęski S.* O masonii w Polsce. Od roku 1738 do 1822. Na źródłach wyłącznie masonskich. Kraków, 1889.
- Zawadzka J.* Kronika serc czułych. Stereotypy polskiej powieści sentymentalnej pierwszej połowy XIX wieku. Warszawa, 1997.
- Zbiór komendnych wyrazów w języku rosyjskim i polskim stosownie do rozkazu Jęgo Cesarzewiczowskiej Mości Wielkiego Księcia Konstantego*. Warszawa, 1815.
- Zbiór pamiętników do historii powstania polskiego z roku 1830–1831*. Lwów, 1882.
- Zdrada J.* Historia Polski. 1795–1914. Warszawa, 2005.
- Zdzitowiecki J.* Książę-minister Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki 1778–1846. Warszawa, 1948.
- Zembrzusi S.* Polityka celna Królestwa Kongresowego. Warszawa, 1930.
- Zeudlitz-Neukirch L.* Polen. Ein historisch-geographisch-statistisches Taschenbuch. Berlin, 1831.
- Zgorzelski C.* O stosunkach literatury polskiej i rosyjskiej w latach 1810–1830 // *Nauka i sztuka*. 1948 T. 9. №4.
- Zielińska M.* Mickiewicz i naśladowcy: Studium o zjawisku epigonizmu w systemie literatury romantycznej. Warszawa, 1984.
- Zielińska T.* Poczёт polskich rodów arystokratycznych. Warszawa, 1997.
- Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław, 1969.
- Zieliński A.* Początek wieku. Przemiany kultury narodowej w latach 1807–1831. Łódź, 1973.
- Ziemiaństwo polskie 1795–1945 / pod red. J. Leskiewiczowej*. Warszawa, 1985.
- Zientara B., Mączak A., Ihnatowicz I., Landau Zb.* Dzieje gospodarcze Polski do roku 1939. Warszawa, 1988.
- Zmierzch kultury staropolskiej. Ciągłość i kryzysy (wieki XVIII–XIX) / pod red. U. Augustyniak i A. Karpińskiego*. Warszawa, 1997.
- Zubelewicz F. A.* O papierach publicznych w ogólności ze szczegółowym opisem papierów krajowych, ważniejszych zagranicznych i instytucji, które na ich handel wpływają. Warszawa, 1843.
- Żbikowska-Migoń A.* Książka naukowa w kulturze polskiego Oświecenia. Warszawa, Wrocław, 1977.
- Żbikowski P.* Klasycyzm postaniszławowski: zarys problematyki. Warszawa, 1999.
- Żolek P.* Idea imperium. Warszawa, 1997.

- Żółtowski S.* Die Finanzen des Herzogtums Warschau (1806–1815). Posen, 1890. Bd. 1–2.
- Żych G.* Armia Księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1961.
- Życie artystyczne w świetle prasy warszawskiej pierwszej połowy XIX wieku / oprac. E. Moszoro.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Źródła do historii klasy robotniczej okręgu Łódzkiego / oprac. G. Missalowa.* Warszawa, 1957.
- Źródła statystyczne do historii przemysłu.* Wrocław, 1970.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II 318
Айгнер Христиан Петер 459
Айненкель Анджей 266, 268
Александр I, российский император 7, 12–37, 43, 45, 46, 48–57, 59–81, 83–86, 88–99, 103, 104, 139, 156, 157, 167–169, 171–173, 195, 202, 221, 222, 233, 250–264, 271, 273–275, 277, 279, 280, 282–285, 289, 291, 295, 298–300, 312, 313, 316–320, 331, 332, 334–338, 340, 341, 344–346, 349, 350, 353–355, 357, 360, 381, 383, 386, 387, 389, 390, 401, 402, 404, 414, 419, 433–439, 462, 469–486, 488–497, 499, 500, 503, 504, 507, 509–511, 519–521, 524, 541
Александр II, российский император 407
Александров П. К. 434, 501
Алопеус Д. М. 69, 485
Альбертранди Ян 430, 432
Анастасевич В. Г. 447
Ангулемский герцог Луи Антуан 418
Андерсон Д., масон 497
Анохин В. А. 46
Анштет (Анстет) И. О. 77, 89
Аракчеев А. А. 86, 282
Армфельд Густав 36
Аскенази Шимон 105, 259, 261, 282, 283, 520, 525
Багговут К. Ф. 42, 43
Багратион П. И. 36, 40, 41, 43, 44, 47, 54
Бадени, шляхетский род 313
Бадени Марцин 280, 284
Бажиковский Станислав 409
Байер Генрыка 454, 455
Балашов А. Д. 36, 56
Бандтке Ян Винцентый 433–435
Баратынский Е. А. 444
Барбара, польская святая 359
Барклай де Толли М. Б. 36, 38–47, 50, 52, 102
Баргенов П. А. 103
Бассано см. Маре Гюг Бернар
Баччарелли Марчелло 454–456
Безобразов С. Д. 502
Белиньские, шляхетский род 314
Белиньский Пётр 311, 323, 400–402, 404
Бенкендорф А. Х. 390, 407
Бентковский Феликс 362, 433
Берд Чарльз (Карл Николаевич) 214
Берексон (Бергзон) Леопольд 210
Бернатович Феликс 442
Бернацкий Алоизий 261, 342
Бернацкий Юзеф Габриэль 342
Бернбаум (Бирнбаум) Йосель Мойжеш (Юзеф Матеуш) 410
Бестужев-Марлинский А. А. 448, 494
Бестужев-Рюмин М. П. 392–395, 397, 479
Бетховен Людвиг ван 453
Бжостовский Кароль 213
Биньон Луи Пьер Эдуард 50, 65, 67
Бланк Антоний 454, 455
Блешинский Абдон 404
Блешинский Эразм 404
Богомолец Францишек 430–432, 450
Богуславский Войцех 432, 446, 447, 450, 452
Бойен Герман Леопольд Людвиг 59
Болеславы, польские короли 473
Болховитинов Е. А. 447, 448
Бонапарт см. Наполеон I Бонапарт

- Боньковский Станислав 408
 Браницкая (урожд. Энгельгардт) Александра 313
 Браницкие, магнатский род 314
 Браницкий Александер 313
 Браницкий Ксаверий 313
 Браницкий Францишек Ксаверий 313
 Бродзинский Казимеж 337, 433, 443
 Бродовский Антоний 454, 455
 Бронц Адам 502
 Брониковский Адам Феликс 322
 Брониковский Александер 442
 Брониковский Ксаверий 365
 Брониковский Миколай 346
 Брудер Ян Францишек 456
 Брюль Генрих 173
 Брыкчиньский Юзеф 344, 354
 Буало Никола 430
 Булгарин Ф. В. (Тадеуш) 447, 448, 462, 504
 Бурбоны, династия французских королей 247, 248, 312
 Бутеноп И. Н. 214
 Бутеноп Н. Н. 214
 Бухарский А., почт-директор 46
 Вавжецкий Томаш 35, 51, 66, 70, 95, 96, 169, 259, 280, 316, 332, 480, 497
 Вайсхаупт Франц 456
 Валленрод Конрад 444, 448, 452, 462
 Вандернот см. Ноот ван дер
 Ванькович Валентый 461, 462
 Василий I (Дмитриевич), великий князь московский 494
 Васильев А. И. 198, 230
 Васяньский Эдвард 212
 Вашингтон Джордж 360, 399
 Вежбовский Габриэль Александер 373
 Вежболович Кароль 380
 Веллингтон Артур 78
 Вельгорский (Вельгурский) Матвей Юрьевич 462
 Вельгорский (Вельгурский) Михаил Юрьевич 462
 Вельгорский (Вельгурский) Юзеф 168, 284
 Вельяминов И. А. 417, 497
 Венгерский Томаш Кастан 430
 Венгленьский Францишек 284
 Вендиш Христиан Фридрих 210, 211
 Веновитинов Д. В. 444
 Венжик Францишек 442, 443
 Венжик, варшавский студент 403
 Вербуш Казимеж 434
 Вергилий Марон Публий 430
 Вернадский Г. В. 491
 Веттины, династия саксонских курфюрстов 267
 Вигель Ф. Ф. 472
 Виктор Эммануил, сардинский король 43
 Вилькошевский Валентый 376
 Вильсон Кристофер 214
 Вильчиньский, варшавский студент, сын смотрителя масонской ложи в Плоцке 404
 Винцентый, депутат, выступавший на выборах в Грубешовское гминное собрание 346
 Витгенштейн А. Х. 41, 44, 53
 Витковский Мельхиор 499
 Витт де, И. О. 43
 Вишневский Шимон 342
 Владыслав I Локетек, польский король 359, 452
 Владыслав Ягелло, литовский князь и польский король 335, 359, 452, 455
Воблый К. Г. 235
 Водзицкий Юзеф 404
 Войда Кароль 419
 Войцеховский, отставной капитан, управляющий именем в Сандомирском воеводстве 402, 404
 Войчиньский Станислав 168
 Волконская З. А. 444, 462
 Волконский П. М. 45
 Волконский С. Г. 392, 395–397
 Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари, де 446
 Вольф Юзеф 157
 Вонсович Людвик 457, 459
 Воронич Ян Павел 291, 335, 401, 408, 435, 441
 Воронич, помещик Волынской губернии 37
 Воронцов М. С. 63
 Воронцов С. Р. 63
 Ворцель Миколай 398
 Вронченко М. П. 448
 Врублевский Ян 51
 Выбицкий Пётр 307
 Выбицкий Францишек 307
 Выбицкий Юзеф 307, 308, 338, 431
 Высоцкий Пётр 408, 409, 420, 421
 Вычеховский Антоний 425
 Вышиньский Юзеф 388
 Вышковский Михал 446
 Вюртембергская Мария, герцогиня 442
 Вяземский П. А. 444, 448, 462, 475, 481–484, 488, 490, 491, 509, 511
 Вязмитинов С. К. 37
 Габсбурги, династия австрийских императоров 12, 87, 109, 252, 313, 405, 406

- Гавронский Станислав 342
 Гавронский Францишек Салезий 342
 Гаген Иоганн 457
 Галлер Карл Людвиг фон 247, 248
 Гаманн, владелец суконной мануфактуры 205
 Гарденберг Карл Август 66, 75, 78–80, 83–86, 249, 251
 Гарринг Пауль Гарро 506
 Гауке Маврыций 284, 379
 Гашинский Константы 402
 Гаэтано, капельмейстер варшавской королевской оперы 450
 Гегель Константы 457, 459
 Гедройц Юзеф 168
 Гейзмер Ян 205
 Гельтман Виктор 364, 365
Гембажеский Бронислав 169, 172
 Герцен А. И. 492
 Герштенцвейг Д. А. 510
 Гечевич В. И. 35
 Гёте Иоганн Вольфганг 441
 Гжимала (Гржимала) Войцех 390, 396, 401, 416
 Гжимала Францишек 338, 342, 345, 347
 Гиришман, совладелец фирмы химического производства 211
 Гладыш Ян 455, 461
 Глебов А. Н. 448
 Глинка М. И. 462
 Глинка Ф. Н. 504
 Глуцинский Павел 376–378
 Глюксберг Натан 157
 Гогенцоллерны, династия прусских королей 248, 252, 313
 Гоебский Францишек Ксаверий 360
 Годлевский Михал 261
 Годлевский Феликс 37
 Годлевский Юзеф 342
 Голицын А. С. 508
 Голицын А. Ф. 509
 Голицын С. Ф. 19–21
 Голицына Н. И. 509
 Головиц Стефан (Щепан) 290, 291, 455
 Гораций Квинт Флакк 430
 Горварт Людвик 457
 Городыский Анджей 139
 Гофман Эрнст Теодор Амадей 451
 Гоффман Кароль 377, 379
 Гоциньский Северын 445, 449
 Грабовская (урожд. Оттенхаузен) Дорота 285
 Грабовская (урожд. Шидловская) Изабела 259, 278
 Грабовский Зыгмунт 255
 Грабовский Михал, писатель, публицист и литературный критик 444, 445
 Грабовский Михал, бригадный генерал 278, 279
 Грабовский Станислав 278–280, 340, 357, 358, 377, 386, 405, 419, 437, 438, 440
 Грабовский Стефан 283, 285, 302, 317
 Грабовский Томаш 285
 Грабовский Францишек 255, 262
 Грабовский Ян Ежи 259, 278
 Греч Н. И. 448
 Грече, братья-фабриканты 205
 Грибоедов А. С. 462
 Гродецкий Анастазий 396
 Гружевский Юзеф 392
Грынвасер Гиполит 132, 134, 142
 Губе Ромуальд 434
 Гумбольдт Фридрих Вильгельм 78, 249
 Гумбольдт Александр Фридрих Генрих 242
 Гумницкий Игнаций 359, 446
 Гурецкий Винцентый 410
 Гуровский Адам 409
 Гурьев Д. А. 51, 77, 92, 103
 Давид Жак Луи 455
 Даву Луи Николая 42, 44, 279
 Давыдов В. Л. 392
 Давыдов Д. В. 444
 Дальберг Эмерих Йозеф 78
 Данелевич Константы 402
 Даньковский Войцех 450
 Дашкевич Циприан 448
 Дельвиг А. А. 444
 Дембек Константы 376, 390, 401
 Дембовская Цецилия 278
 Дембовские, шляхетский род 279
 Дембовский Леон 279, 418, 419
 Дениско Иоахим 36, 37
 Державин Г. Р. 448, 462
 Детуш Филипп 431
 Дзиковский, член тайного союза в Глатце 371
 Дзялыньские, шляхетский род 320
 Дзялыньский Титус Адам 409
 Дибич И. И. 407, 492
 Дитрих Фрыдерык Кшиштоф 461
 Дмитриев И. И. 448
 Дмитриев-Мамонов М. А. 478
 Дмоховский Францишек Ксаверий 430
 Дмоховский Францишек Салезий 443, 446
 Дмушевский Людвик Адам 442, 446, 447
 Добжицкий Миколай 378, 383

- Доброгойский Игнаций 383
 Доленга-Ходаковский Зориан 443, 444, 465
 Домбровский Бонавентура 461
 Домбровский Клаус 376
 Домбровский Ян Генрык 36, 43, 167, 168, 319, 361, 419
 Драминьский Лукаш 374
 Друцкий-Любецкий Героним 316
 Друцкий-Любецкий Францишек Ксаверий 31, 35, 51, 52, 66, 95, 150, 169, 195, 196, 199, 201, 203, 221, 222, 224, 226, 259, 280, 284, 285, 298, 316–319, 354, 400, 408, 416, 419
 Дульфус Станислав 283
 Дьяков П.Н. 502
 Джоканж Виктор Анри Жозеф 446
Едицкий Ежи 128, 129, 139, 141, 145, 160
 Ежовский Юзеф 444
 Екатерина II, российская императрица 12, 13, 38, 68, 313, 376, 404, 462, 473, 476, 485, 493
 Екатерина Павловна, великая княгиня 32
 Елизавета Алексеевна, российская императрица 462
 Елизаров Ефим 208
 Ельский Францишек 49, 50
 Ермолов А. П. 475, 507
 Жаба, юнкер 404
 Жандр А. А. 502
 Жевуские, магнатский род 171
 Жевуский Адам 35, 38
 Жевуский Вацлав 430
 Жевуский Северын 322
 Жерар Франсуа 455
 Жимирский Францишек 498
 Жирард Филипп, де 212
Жуковская Т. Н. 517
 Жуковский В. А. 444, 448, 462
 Жулковский Станислав 359, 381, 446
 Жулковский Алоизий 447
 Забелло, шляхетский род 259, 317
 Забелло Генрык 456
 Забелло Юлия 279
 Заблоцкий Станислав 392, 401
 Заблоцкий Францишек 431
 Завадовский П. А. 35
 Завиша Черный, польский рыцарь 452
 Загоскин М. Н. 448
 Зайончек Юзеф 43, 139, 168, 260, 261, 274, 275, 280, 285, 287, 319, 320, 323, 332, 335, 338, 341, 343, 344, 354, 357, 377, 387, 417, 434, 436, 437, 481, 502, 509
Зайончковский Анджей 160
 Закревский А. А. 475, 482
 Залеский Марцин 456
 Залеский Юзеф Богдан 445
 Заливский Юзеф 421
 Залуский Роман 401, 402
 Замойская Зофья 60, 256
 Замойские, магнатский род 171, 256, 261, 320
 Замойский Адам 364, 365, 378
 Замойский Анджей Артур 315
 Замойский Анджей Героним Францишек 308
 Замойский Владыслав 319
 Замойский Станислав 60, 213, 255, 256, 261, 262, 312, 353, 358, 389, 399
 Зан Томаш 366, 444
 Занд Карл 364, 375
 Засс О. Г. 509
 Захерт Вильгельм 205
 Збигнев, польский князь 442
 Зверковский Валентый 385, 409
 Зелёнка Бенедыкт 510
Зелинская Тереса 313
 Зелиньский Сильвестер 456
 Зенефельдер Иоганн Алоиз 456
 Зыгмунт (Сигизмунд) Август, польский король 331
 Зябловский Е. Ф. 207
 Избицкий Игнаций 37
 Ильс (Илис) Томас 214
 Италинский А. Я. 289
 Иосиф II, австрийский император 130
 Йордан Гермонаус 380
 Казас Эммануэль, лас 417
 Казимеж Великий, польский король 378
 Калайдович К. Ф. 448
 Каменецкий Людвик 43
 Каминьский Мацей 450
 Канкрин Е. Ф. 199, 224, 231
 Каннинг Джордж 405
 Каподистрия И. А. 77, 81, 82, 337, 349, 436, 437, 476, 485
 Карамзин Н. М. 341, 448, 462, 476, 477, 488
 Карвицкий Станислав 391, 397
 Карл X, французский король 418
 Карл, эрцгерцог австрийский 405
 Карпиньский Францишек 431
 Карский Ян 383
 Каслри, лорд (Стюарт) Роберт Генри 78–81, 84–86, 88, 89, 250–252
 Каспшицкий Винцентый 456
 Каткарт Уильям 78
 Кауфман Людвик 458
 Каченовский М. Т. 447, 448

- Качиньский Ю., член калишской либеральной оппозиции в сейме 342
 Качковский Станислав 385, 388
 Кван Д. 211
 Кемпен Георг (Ежи) 281, 357
Кеневиц Стефан 201
 Кёллер Людвик 371–373
 Киевский, совладелец фирмы химического производства 211
 Киль Л. И. 502
 Кипренский О. А. 462
Киркор-Кедронёва Зофья 121, 123, 179, 182, 184, 186
 Кициньский Бруно Дионизий 343, 354, 380, 436
 Кицкая Наталия 509
 Кнорринг В. К. 502
 Кнусман Даниэль 457
 Княжевич Кароль Оттон 37, 168
 Князнин Францишек 431
 Ковальский, варшавский студент, член революционного кружка 375
 Коженёвский Юзеф 443
 Кожуховский Александер 342, 345
 Козаковский Францишек Антоний 380
 Козлов И. И. 444, 448
 Козловский П. Б. (?) 35
Козловский Тадеуш 513
 Козловский Юзеф, член Союза постоянства 364
 Козловский Юзеф, композитор 462
 Козодавлев О. П. 196
 Козьмян Анджей Эдвард 503, 508
 Козьмян Каетан 139, 160, 277, 280, 337, 338, 417, 442, 446, 474, 501
 Козьмян Юзеф Щепан 277
 Кокериль Джон 212
 Кокуляр Александер 454–456, 461
 Колачковский Клеменс 177, 497, 502, 505, 508
 Коленкур Арман Огюст Луи 18, 22, 25, 55, 72
 Колзаков П. А. 500, 504, 505, 507
 Коллонтай Гуго 141, 256, 270, 308, 366, 408, 430
Колодзейчик Рышард 201
 Коломб Людвиг Христофор фон 66, 169
 Кольберг Кшиштоф Юлиуш Генрык 457
 Комбурлей М. И. 102
 Коминьский Ян 452
 Коморовская Гертруда 445
 Коморовский Игнаций 176
 Кондратович Даниэль 456, 460
 Консальви Эрколе 289
 Констан Бенжамен 343
 Константин I см. Константин Павлович
 Константин Павлович, великий князь 12, 61, 66, 167–177, 260, 261, 272, 274, 275, 278, 279, 281–283, 285, 291, 296, 311, 312, 317, 319, 322, 343, 356–358, 379, 381, 390, 393, 394, 396–398, 400, 402, 403, 405, 408, 416, 418, 419, 421, 434, 436–438, 456, 459, 461, 462, 464, 521
 Коперник Миколай 403, 458, 474, 483, 495, 497–502, 505–507, 509, 510
 Копиш Титус 208
 Корацци Антонио 459, 460
Корзон Тадеуш 130, 134, 156, 138, 166
 Корнель Пьер 446
 Косажейский, майор 2-го полка польских улан 363
 Косиньский Амилькар 381
 Коссаковский Юзеф 50, 446
 Коссецкий Францишек Ксаверий 377
 Костюшко Тадеуш 1, 36, 38, 74, 75, 92, 97, 108, 167, 256, 259, 260, 268, 280, 282, 285, 307, 322, 359, 360, 366, 371, 381, 399, 419, 432, 450, 499, 508
 Кохановский Игнаций 460
 Кохановский Ян 452
 Коцебу Август Фридрих Фердинанд 359
 Кочубей В. П. 51, 52, 103, 198
 Красиньская Францишка 442
 Красиньские, шляхетский род 320, 402, 459
 Красиньский (Красинский) Винцентый 167, 319, 342, 343, 388, 402, 416
 Красиньский Юзеф 105
 Красицкий Игнаций Блажей Францишек 408, 430, 431
Краусхар Александер 427
 Крачковский Юзеф 375
 Криворотов А. М. 214
 Криворотов Н. М. 214
 Кривцов А. И. 379
 Кропиньский Людвик 442, 447, 457
 Круковецкий Ян 167
 Круликовский Юзеф Францишек 443
 Крушевский Игнаций Марцелий 176
 Крылов И. А. 462, 474
 Крысиньский Доминик 338, 340, 342, 433
 Крысиньский Ксаверий 319
 Крюгер Вилгельм 457
 Кубицкий Якуб 459, 460
 Кудлич Бонавентура 447
 Куницкий Войцех 340

- Куракин Александр Борисович 23–28
 Куракин Алексей Борисович 27
 Курнатовский Зыгмунт 498
 Курпинский Кароль 451, 452
 Куртен Луи 456
 Курута Д. Д. 357
 Курчинский Станислав 376
 Кутузов М. И. 41, 52, 53, 56, 64, 67, 103, 462
 Кутузов Н. И. 492, 493
Кутиеба Станислав 266, 271
 Кухарский Анджей 434
 Кшижановский Северын 390, 392–395, 397, 401, 402
 Кюхельбекер В. К. 444, 448
 Лавинский А. С. 70
 Лагарп Фридрих Цезарь 12, 13, 32, 85, 520
 Лаговский Пётр 391
 Лампи-младший Францишек 455
 Ланг А. Я. 242
 Ланге Войцех 140
 Ланской В. С. 37, 44, 46, 66, 70, 91, 95, 101, 168, 169, 281, 470, 485, 497, 501, 504, 509
 Ланцкоронские, шляхетский род 171
 Лас Казас см. Казас Эммануэль, лас
 Латур Дюпен Фредерик Серафим 78
 Лебрэн Андре 454
 Лебцельтерн Людвиг 71
 Левинский Францишек Ксаверий 322, 323
 Левицкий М. И. 502, 503
Левкиевская Е. Е. 517
 Ледуховская Юзефа 447
 Лелевель Иоахим 253, 433, 445,
Лепковский Тадеуш 160
 Лесевский Кароль 344
 Лессель Францишек 452
 Лессель Фрыдерык Альберт 459
 Лессель Юзеф 459
 Летронн Луи 456, 457
 Лех (Лях), легендарный предок поляков 370
 Лёве Г. А. 157
Либельт Кароль 159
Либерта Здзислав 446
 Ливен Х. А. 68, 71, 81, 86, 87, 91
 Ливерпуль Роберт 81, 85
 Лильпоп Станислав 213
 Линде Самуэль Богумил 340, 432–434, 448
 Линовский Александер 255, 256, 259, 262, 263
 Липиньский Юзеф 446
 Липский Войцех 404, 416
 Лисикевич Кароль 365
 Лобанов-Ростовский Д. И. 497
 Лобажевская (урожд. Нарбут) Юлия 448
 Лович (урожд. Грудзинская) Иоанна, княгиня 496, 500–502, 507
 Локетек см. Владыслав I Локетек
 Лорер Н. И. 485
 Лористон Жак Александр 52
 Лубеньские, шляхетский род 113
 Лубеньский Томаш 399
 Лубеньский Феликс 279
 Лукасинский Валериан 312, 336, 355–357, 379–384
 Лукашевич (Лукасевич) Базылий 398
 Лукашевич Юзефат Игнаций 456
 Лунин М. С. 397, 398, 417, 507
 Львов А. Ф. 462
 Любецкий Ксаверий см. Друцкий-Любецкий Францишек Ксаверий
 Любич-Романович В. И. 448
 Любовидзкий Матеуш 363
 Любовидзкий Юзеф Габриэль 408, 409
 Любомирские, магнатский род 255, 314
 Любомирский Казимеж 35
 Людгарда, польская святая 359
 Людовик XVIII, французский король 75, 86, 247, 249, 254, 264
Люксембург Роза 235
 Маевский Францишек 391, 392, 397, 401
 Май В., владелец шерстяной фабрики 204
 Майер В., механик 213
 Макаров А. С. 100
 Макаров Н. П. 498, 500, 505, 506, 508
 Макротт Генрык 357, 358
 Максимович М., мемуарист 498, 499
 Малаховский Густав 338, 409
 Малаховский Станислав 35
 Малаховский Юзеф 340
 Малевский Францишек 448
 Малиновский Миколай 447
 Малиньский Павел 457, 458
 Мальчевский Антоний 445, 508
 Мальчевский-Скарбек Францишек 289, 290
 Манцель Иосиф 457
 Маньковский, исправник Россиенского уезда 44
 Маре Гюг Бернар, герцог Бассано 50, 71, 103
 Мария-Луиза, французская императрица 26
 Мария Федоровна, российская императрица 462
 Марк Аврелий Антонин, римский император 458
Маркграфский А. Н. 500, 506

- Мартинович Игнац 376
 Маршалкевич Станислав 455
 Масловский Кароль 380
 Массальские, магнатский род 314
 Матушевич Адам 446
 Матушевич Тадеуш Викторын 46, 47, 60, 105, 255, 256, 261, 262, 284, 332, 446
 Мауерсбергер Людвик 371, 372, 417
 Махницкий Казимеж 381
 Мацеёвский Вацлав Александр 434
 Мацкевич Станислав 448
 Мейендорф П. К. 242
 Мейер Ян 378
 Меншиков А. С. 482, 514
 Мерлини Доменико 454
 Мерсье Луи Себастиан 431
 Местр Жозеф Мари, де 36, 43
 Меттерних Клеменс Венцель Лотар фон 67, 71–73, 77–80, 83, 84, 86, 88, 90, 107, 250, 252, 355
 Миле Ян Бернард 434
 Милорадович М. А. 58, 103, 378, 476
 Мильвид Антоний 450
 Минтер Вильгельм Генрык 459
 Минтер Кароль 459
 Михаил Павлович, великий князь 61, 64, 66, 104
Михайловский-Данилевский А. И. 471, 474, 514
Михальский Ежи 160, 301, 308
Мициньская Магдалена 160
 Мицкевич Адам 443–445, 447–449, 452, 462, 494
 Млодзиевский Анджей 290
 Млоцкий Альфред 509
 Мнишеки, шляхетский род 451
 Мольский Марцин 338
 Моравский Теодор 343, 354, 380, 384, 436
 Моравский Францишек 443, 446
 Моравский Юзеф 380
 Морачевский Енджей 439
 Моренгейм Юзефа 508
 Моренгейм П. О. 502
 Мориоль Александр, де 501
 Мостовская Анна 441
 Мостовские, шляхетский род 457–459, 508
 Мостовский Тадеуш Антоний 60–62, 65, 96, 104, 261, 280, 332, 419, 436, 446, 482, 508
 Мохнацкий Маврыций 362, 365, 420, 421, 445, 446, 452, 458, 460
 Моцарт Вольфганг Амадей 360
 Мошиньский Домициан 374
 Мошиньский Пётр 397
 Мошиньский Фрыдерык 122, 123
 Муравьев А. Н. 478
 Муравьев Н. М. 490, 491
 Муравьев-Апостол С. И. 392–394, 491
 Набеляк Людвик 439
 Нагурский Юзеф 379, 382
 Наполеон I Бонапарт, французский император 7, 14–18, 21–23, 25–35, 38, 40, 41, 43–46, 48, 50–52, 54–60, 62–65, 68, 71–75, 90, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 103–105, 122, 132, 167, 168, 171, 175, 177, 247–250, 252, 255, 257, 263, 285, 289, 292, 307, 308, 312, 317, 332, 335, 342, 379, 384, 386, 399, 405, 417, 469, 471, 472, 493, 495, 511, 520, 522, 524
 Нарушевич Адам 430, 435
 Нейвиль, владделец суконной фабрики 205
 Нейтгард А. И. 407
 Немоёвские, шляхетский род 299, 355, 358
 Немоёвский Бонавентура 342, 384, 485
 Немоёвский Винцентый 299, 340, 342, 343, 346, 358, 384, 389, 409, 413, 442, 486
 Немоёвский Непомуцен 416
 Немцевич Юлиан Урсын 144, 162, 335, 337, 342, 355, 356, 361, 398, 399, 402, 408, 409, 420, 431, 435, 441, 442, 446, 447, 452, 455, 474, 499, 503, 504, 508
 Нессельроде К. В. 63, 67, 68, 77–81, 87, 470, 485
 Нессельроде Ф. К. 502
Николай Михайлович, великий князь 18
 Николай Павлович, великий князь см. Николай I
 Николай I, российский император 66, 139, 141, 171, 172, 265, 234, 272, 275, 283, 298, 300, 311, 312, 317, 323, 389, 390, 398–400, 402, 404, 406, 407, 409, 414, 418–420, 438, 439, 462, 492–494, 499, 521
 Новиков М. Н. 491
 Новосильцев Н. Н. 66, 92, 95, 100, 169, 256, 259–263, 274, 275, 277–279, 281, 282, 285, 291, 311, 317, 341, 349, 355, 357–359, 366, 367, 370, 373, 375–379, 383, 398, 400, 401, 417, 436–440, 470, 481, 483, 485, 488–491, 495, 501, 504, 506
 Нодье Шарль 446
 Ноот Георг (Константый) ван дер 281, 357
 Норблен Жан Пьер 453, 454
 Норблен-младший Александр Жан 458
 Оборский Александр 380
 Обремский, маршалек звенигородского уезда Киевской губ. 38
Обушенкова Л. А. 239

- Обшельвиц Давид 322
 Огиньская Изабела 391
 Огиньский Иренеуш Клеофас 315
 Огиньский (Огинский) Михал Клеофас 31–36, 49, 52–55, 64, 103, 259, 315, 316, 438, 450, 452, 462
 Огиньский Францишек Ксаверий 315, 382
 Одинцов А. А. 500
 Одоевский В. Ф. 444
 Одынец Антоний Эдвард 444
 Ожаровские, шляхетский род 278
 Озеров В. А. 462
 Олеховский В. 213
 Олешкевич Юзеф 461, 462
 Олещиньский Северын 457
 Олизар Густав 517
 Олтажевский Юзеф 366, 399, 404, 405, 416
 Ольденбургский герцог Петер-Фридрих-Людвиг 41
 Опочинин Ф. П. 501
 Опытков, надворный советник 100, 101
 Орлеанский герцог Луи Филипп 418
 «Орлёнок» см. Рейхштадтский герцог
 Орлов А. Ф. 471
 Орлов М. Ф. 477, 478, 482–484, 490, 491
 Орловский Александр 456, 461, 462
 Орля-Ошменец Ф. Ф. 472, 473
 Осиньский Людвик 376, 433, 446, 447, 455
 Оссолинские, шляхетский род 461
 Оссолинский (Осолинский) Юзеф Каетан (?) 416
 Оссолинский (Осолинский), помещик Белостокской области 38
 Остен-Сакен Ф. В. 67
 Остерман-Толстой А. И. 476
 Островские, магнатский род 255
 Островский Антоний Ян 414
 Островский Томаш Адам 47, 51, 255, 256, 258, 262, 263, 480, 496
 Островский Юзефат Болеслав 439
 Павел I, российский император 13, 38, 271, 278, 313, 462
 Павша Игнаций 38
 Павша Михал 38
 Паганини Никколо 451
 Пантелеев Федор 209
 Парис, галицийский помещик, граф 406
 Паскевич И. Ф. 141, 291, 475, 476, 494, 507
 Пасхалис (Якубович), владелец бумаго-прядильни 210
 Пац Людвик 458
 Пацы, магнатский род 321
 Пашковский Францишек Максимилиан 168
 Пельчинский В. С. 211
 Пенчарский Феликс 454
 Пестель П. И. 392, 395–397, 479, 480, 491
 Петр I, российский император 68, 271, 318, 473
 Петр III, российский император 375
 Петрашкевич Онуфрий 444
 Пёткевич Людвик 364, 378
 Пешар-Дешан П. И. 488
 Пиварский Ян Феликс 456
 Пий VI, папа Римский 289
 Пий VII, папа Римский 289
 Пишегрю Шарль 399
 Платов М. И. 51
 Плихта Анджей 382, 390, 391, 401
 Плутарх, древнегреческий философ и историк 436
 Плятер Людвик Август 31, 35, 49, 51, 259, 261–263, 316, 317, 376, 446
 Плятер Станислав 446
 Погодин М. П. 434, 494
 Подбельский Ежи 457
 Подоский (Леон ?), генеральный прокурор 379
 Подчишиньский Михал 404
 Познанский Ю. И. 448
 Полевой Н. А. 447, 448
 Полиньяк Огюст Жюль Арман 418
 Понятовский Михал 290
 Понятовский Юзеф 18, 19, 30, 40, 43, 44, 46, 47, 50, 65, 67, 68, 73, 256, 279, 282, 314, 319, 360, 371, 381, 458
 Попов А. Н. 99
 Потемкин Г. А. 313
 Потоцкая Анна 474, 501, 509
 Потоцкая Зофья 262
 Потоцкая Лаура 278, 279
 Потоцкие, магнатский род 39, 171, 262, 278, 313, 314, 316, 321, 458, 459, 504, 508
 Потоцкий Александр 314
 Потоцкий Александр Станислав 49, 50, 70, 314
 Потоцкий Альфред 406
 Потоцкий Антоний Михал 301
 Потоцкий Винцентый 168
 Потоцкий Владзимеж 24
 Потоцкий Игнаций 36, 278, 314, 366
 Потоцкий Ксаверий 309
 Потоцкий Пётр 38
 Потоцкий Северын 35
 Потоцкий Станислав («Стась») 168, 314
 Потоцкий Станислав Костка 168, 255, 259, 262, 265, 274, 277–280, 282, 291, 299, 314,

- 318, 320, 332, 344, 357, 361, 363, 432, 433, 435–437, 440, 461, 523, 524
 Потоцкий Францишек Салезий 445
 Потоцкий Щенсный 262, 445
 Потоцкий Ян 441, 448
 Поццо-ди-Борго К. О. 80, 383, 470
 Прадт Доминик 46, 47, 65
 Прозор Антоний 37
 Прозор Кароль 49
 Прозоровский А. А. 18
 Прокопович Александр 448
 Прондзиньский Игнаций 380
 Проскура (Каетан?), председатель департамента Главного суда в Киевской губернии 38
 Пушкин А. С. 444, 448, 462, 494, 517
 Пушин Н. Н. 402
 Пшехадзкий В. 204
 Пясты, династия первых польских королей 331, 370, 481
 Радзивилл Антоний Генрык 69, 313
 Радзивилл Барбара 442
 Радзивилл Доминик 24, 37, 41, 256, 508
 Радзивилл Людвик (Антоний?) 70
 Радзивилл Михал Гедеон 319
 Радзивилл Тереса 508
 Радзивиллы, магнатский род 313, 314, 317, 321, 459
 Радожицкий И. Т. 57, 58, 103
 Радоньский Онуфрий 358
 Разумовский А. К. 14, 74, 77, 86, 88, 89
 Раковецкий Игнаций 448
 Расин Жан Батист 446
 Растопчин Ф. В. 475
 Раутенштраух Луция 441
 Раутенштраух Юзеф 379
 Рачиньский Игнаций 289
 Рейнгольд О., неофициальный представитель Пруссии в России 59
 Рейхштадтский герцог Наполеон Жозеф Франсуа Шарль 405, 406, 408, 417
 Рембелиньский Раймунд 206, 210
 Реньяр Жан Франсуа 431
 Репнин Н. В. 12, 278
 Реппан Беньямин 204, 239
 Реутт Богуслав 448
 Рихтер Б. Х. 498, 502
 Рихтер Юзеф 456
 Ричель Вацлав 459
Родецкий Францишек 134, 138
 Рожнецкий Александр 43, 51, 279, 281–283, 287, 319, 376, 417, 436
 Розен А. Ф. 18, 19
 Розенкампф Г. А. 100
 Рокицкий Станислав (?) 51
 Романовы, династия русских царей 331, 408
 Ромер Михал Юзеф 392
 Роникеры, графский род 38
Ростворовский Эммануэль 130, 131, 137
 Румянцев Н. П. 19, 20, 22, 25, 28, 36, 42, 68, 447, 448
 Рундцигер (Рундзихер) Иоганн Христиан Август 208
 Руссо Жан Жак 368, 431, 441
Рутковский Ян 201
 Рухач Вильгельм 457
 Рылеев К. Ф. 448
Рыхликова Ирена 129
Рышкевич Анджей Генрык 454
 Рюриковичи, великокняжеская династия Древней Руси 316
 Санглен Я. И., де 51
 Сапега Александер 24, 49, 50
 Сапега Леон 174, 414
 Сапегы, магнатский род 317
 Свентополк-Мирский, посол сейма от Августовского воеводства 343
 Семашко Шимон 279
 Семигиновский М. А. 449
Сенковская-Глюк Моника 129
 Серавский Наполеон 499, 510
 Сераковский Кароль 168
 Сераковский Юзеф 49, 50, 259
 Сергеевский Н. Д. 541
 Сероциньский Вацлав 456
 Сестшиньский Ян 456
 Сигизмунды, польские короли 473
 Скажевский Войцех 291
 Скарбек Фрыдерык 144, 160, 335, 348, 349, 433, 456, 519–521
Сковронек Ежи 256, 257,
 Скотт Вальтер 441, 442, 457
 Скробецкий Томаш 380
 Скужевский Арнольд 383
 Славиньский Ю. (Юзеф?) 457
 Словицкий Валентый 360, 457
 Словацкий Юлиуш 444
 Слубницкий Августын Юзеф Людвик 340
 Смагловский Богуслав 408, 427
 Смагловский Винцентый 408, 409, 427
 Смагловский, ксёндз 427
 Смоковский Винцентый 461, 462
 Смуглевич Францишек 456
 Снядецкий Ян 49, 50, 448
 Собаньский Людвик 380

- Собеский Ян см. Ян III Собеский
 Соболевские, шляхетский род 259
 Соболевский Валентый 139, 280
 Соболевский Игнаций 60, 259, 260, 262, 263, 280, 284, 285, 341, 349, 354, 387
 Соколовский Якуб 456, 461
 Сокольникович Михал 43, 167
 Солива Карло 451
Соловьев С. М. 104
 Солтан Станислав 49
 Солтык Роман 409, 416
 Солтык Станислав 390, 392, 395, 401, 402, 432
 Сопиков В. С. 448
 Сперанский М. М. 35, 273
 Стадион Иоганн Филипп 71
 Стажинские (Старжинские), белостокские помещики 39
 Станислав Август (Понятовский), польский король 12, 43, 122, 139, 160, 166, 177, 255, 259, 262, 277, 278, 280, 307, 317, 360, 376, 429–431, 453, 454
 Старожилова, графиня 100
 Стахович Михал 461
 Сташиц Станислав 144, 150, 157, 162, 203, 278, 299, 308, 309, 318, 344, 361, 384, 388, 403, 435, 457, 480
 Стефани Ян 450
 Строганов С. Г. 232
 Строев П. М. 434, 448
 Стройновский Героним 308
 Стшежевская, жена полковника Стшежевского 401
 Стшежевский, отставной полковник 401
Стшешевский Чеслав 201
 Суворов А. В. 41, 375, 419
 Сулковский Август 168
 Сулковский Юзеф 455
 Суминский Антоний 436, 437
 Сярчинский Антоний 341
 Талейран Шарль Морис 78, 82, 83, 86, 247, 249–252
 Таньская-Гоффман Клементына 442, 447
 Тарновские, шляхетский род 313
 Тарновский Ян 446
 Тарновский, галицийский (?) граф 404
 Татаркевич Якуб 457, 459
 Татишев С. С. 242
 Телль Вильгельм 360, 362
 Тенчинский Ян 441
 Тизенгауз Игнаций 56, 57
 Тизенгауз София см. Шуазель-Гуфье София
 Тит Квинт Фламиний 458
Токаж Вацлав 169, 171, 172
 Томилов А. Р. 462
 Тоннес, английский предприниматель 211
 Торвальдсен Бертель (Альберт) 360, 458
 Тормасов А. П. 45, 46, 50
 Трембецкий Станислав 430, 431
 Трубецкой С. П. 478
 Тургенев А. И. 444, 482–485, 490
 Тургенев Н. И. 475–477, 482, 483, 490, 491
 Тургенев С. И. 482, 483, 490, 491
 Турно Казимеж 51
 Тщинский Францишек 409
 Тыкели, шляхетская супружеская пара 455
 Тышкевич Людвик 50
 Уваров С. С. 486
 Уминский Ян Непомуцен 380, 382
 Урбанский Пётр 421
 Урсын см. Немцевич Юлиан Урсын
 Фелиньский Алоизий 442, 497
 Феньш (Феньшау) Г. А. 502
 Фердинанд III, великий герцог Вюрцбургский 43
 Фесслер Игнац Аурел 376
 Фидлер Ян 205
 Филис Жаннет (Эвра?) 343, 502, 503
 Фишер Станислав 18, 43
 Флатт Ежи Бениамин 144
 Флеминги, магнатский род 314
 Фогель Зыгмунт 454, 456
 Фонтана Джакомо 454
 Франц I, австрийский император 12, 70, 85, 97, 251
 Фредро Александер 167, 442, 443
 Фредро Максимилиан 446
 Френкель Антоний Самуэль 205
 Фридрих II Великий, прусский король 359
 Фридрих, прусский принц 405
 Фридрих-Август I, саксонский король, герцог варшавский 18, 46, 65, 68, 279, 295
 Фридрих-Вильгельм III, прусский король 69, 78, 85, 222, 251
 Фримон Иоганн Мария 68
 Фуше Жозеф 281
Хамерская Галина 136, 137
Хандельман Марцелий 108, 261, 277
 Ханьков В. В. 42, 68
 Харрер Адольф 205
 Хлендовская Цецилия 439
 Хлендовский Адам Томаш 439
 Хлопицкий Юзеф Гжегож 319
 Ходзько Леонард 404
 Ходзько Ян 392

- Ходкевич Александер 37, 322, 357, 359–361, 363, 392, 393, 456, 508
 Ходкевич Каролина 508, 517
 Ходкевич (урожд. Жевуская) Людвика 322
 Ходкевич Ян 322
 Хоецкий Эдмунд 465
 Хоментовский Миколай 362
 Хороманьский Станислав Генрык 291
 Хшановский Игнаций 367, 370
 Целинский Юзеф 434
 Цехановский, полицейский агент 416
 Циховский (Цихоцкий) Адольф 380, 409
 Чаадаев П. Я. 494
 Чаплиц Е. И. 54, 56, 62
 Чарковский Антоний 392
 Чарнецкий Стефан 381
 Чарноцкий Адам см. Доленга-Ходаковский
 Зориан
 Чарторьская Изабела 485
 Чарторьские, магнатский род 12, 255–257, 261, 262, 278, 321
 Чарторьский Адам Ежи 12–17, 22–25, 28–31, 35, 36, 48, 49, 60–65, 70, 74, 85, 89, 90, 92, 95, 97, 99, 100, 104, 105, 156–158, 250, 253–259, 261–263, 265, 274, 278–280, 282, 283, 313, 319, 336, 341, 349, 355–357, 360, 388, 401–403, 414, 419, 434, 442, 446, 470, 500, 503, 504, 520
 Чарторьский Адам Казимеж 12, 42, 47, 48, 256, 285, 431, 454, 458
 Чарторьский Константый Адам 12, 315
 Чацкий Тадеуш 35, 37
 Чацкий Феликс 446
Чепулис-Растенис Рышарда 159, 162, 165
 Червиньский Юзеф 457
 Чернышев А. И. 21–23, 86, 88, 508, 514
 Четвертыньские, шляхетский род 171
 Чечот Ян 444
 Чиньский Ян 500, 507
 Чичагов П. В. 53–56, 62, 103
 Шадурский, управляющий имением К. Огиньского в Витебской губ. 35
 Шампань Жан Батист 18, 22, 23, 25–27
 Шанецкий Ян Ольрих 126
 Шанявский Ксаверий 388
 Шанявский Юзеф Каласантый 89, 95, 96, 261, 357, 411, 420, 437, 439, 440, 464
 Шаховской А. А. 462
 Шварценберг Карл Филипп 46, 64, 78
 Швейковский Войцех Анзельм 336, 440
 Швейковский-Повало Иван 397
 Шидловская Изабела см. Грабовская Изабела 259, 278
 Шиллер Фридрих 446
Шильдер Н. К. 471, 475
 Шимановская Мария 452, 462
 Шимановский Марцин 447, 455
 Шимановский Юзеф, поэт и литературный критик 431
 Шимановский Юзеф (?), полковник 167
 Ширма Крыстын Лях 443
 Шиц К. П. 38–40, 101
 Шишков А. С. 448
 Шлей Матеуш 357, 400, 401, 407, 417
Шмоллер Густав Фридрих 201
 Шнайдер Августын 380
 Шоловский Богумил 344
 Шопен Фредерик 452, 453, 524
 Шпиловский Гиларий 459
 Шрёдер Якуб 380
 Штакельберг Отто Магнус фон 376
 Штакельберг Г. О. 67, 68, 77
 Штейн Генрих Фридрих Карл 77, 79, 86, 89
 Штейнкеллер Петер 213
 Шуазель-Гуфье (урожд. Тизенгауз) София 46, 49, 50, 55–57, 103, 511
 Шух Адольф 459
 Щастный В. Н. 448
 Эванс Эндрю Бёрч 213
 Эванс Томас Мур 213
 Эльснер Юзеф 359, 360, 376, 450–452
 Энгельгардты, русский дворянский род 313
 Эссен И. Н. 44
 Юрковский А., польский писатель 447
 Юшневский А. П. 392
 Яблоновские, магнатский род 171, 314, 321, 459
 Яблоновский Антоний 390, 392, 395–397, 416
 Яблоновский Антоний Барнаба 314
 Яблоновский Людвик 315
 Яблоновский Максимилиан Пётр 314
 Яблоновский Станислав 37
 Яблоновский Станислав Павел 314
 Ягелло см. Владыслав Ягелло
 Ягеллоны, польская королевская династия 473, 481
 Ядвига, польская королева 335, 452
 Языков Н. М. 444
 Якушкин И. Д. 477, 478, 494
 Ян III Собеский, польский король 458, 473
Янжул И. И. 223, 235
Яновский Мацей 160, 325
 Ясинский, преподаватель лицея в Калише 366

Научное издание

ПОЛЬША И РОССИЯ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Из истории автономного
Королевства Польского
1815–1830

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская, Г. А. Шпэт*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95
3800 5

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
36,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6



КАНИИ

3

6